

Серия
РОЖДЕН ДЛЯ СЛУЖБЫ ЦАРСКОЙ...
ВОЕННЫЕ БИОГРАФИИ

Алексей
Шкваров

Генерал-лейтенант
Маннергейм

*...профессор для
службы
царской*

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЯ
2011

ББК 68.49+(68.51(2))
УДК 355/359
Ш 66

Шкваров А.Г.

Ш 66 Генерал-лейтенант Маннергейм. Рожден для службы царской... Летопись кавалерийских полков из послужного списка барона Маннергейма — СПб. : Алетейя, 2011.— 672 с., ил.

ISBN 978-952-5761-12-2 (RME Group Oy)

ISBN 978-5-91419-511-0

«Я рожден для службы царской...» — эти слова легендарного героя отечественной войны 1812 года Д. Давыдова, по мнению автора книги как нельзя полно характеризуют отношение к воинскому долгу и службе барона Маннергейма — генерал-лейтенанта русской армии, а впоследствии маршала Финляндии. Автор книги — петербургский писатель, полковник запаса Алексей Геннадьевич Шкваров проделал кропотливую работу, собрав наиболее полную информацию обо всех полках из послужного списка русского генерала К. Г. Маннергейма в период с 1887 по 1918 годы. Перед нами размышления русского офицера о воинском долге, становлении полковой семьи, преемственности поколений. Прочитав книгу, мы еще раз убедимся, что русской армии можно нанести отдельное поражение, но победить ее нельзя! Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей России и русской армии.

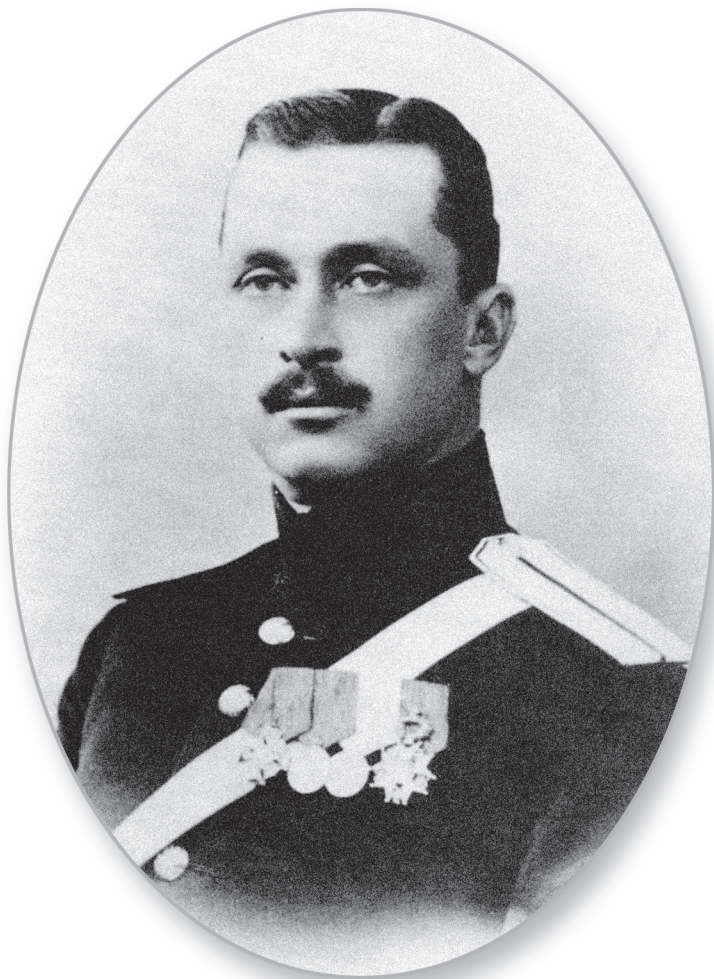
ББК 68.49+(68.51(2))

УДК 355/359

ISBN 978-5-91419-511-0

© А.Г. Шкваров, 2004
© RME Group Oy(СПб), 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

История Русской армии и история Православия неразделимы

Без малого тысячу лет со знамен победоносного Российского Воинства нам сиял Образ Спаса Нерукотворного. Воинства поистине христоролюбивого, ибо только заповедью Христовой — возлюбить своего ближнего — так, чтобы положить за него душу свою, могут быть обоснованы и приятие оружия, и своя, и чужая кровь, и муки ранения, и самая смерть.

От святого благоверного князя Александра Невского до святого праведного Феодора Ушакова берегла и возносила молитвами Православная Русь память своего Воинства. История Русской армии и история Православия неразделимы.

Русская Православная Церковь благодарна Алексею Шкварову, автору книги, за его подвижническую деятельность не только в восстановлении храмов, но и в возрождении духовной христианской нравственности в обществе, пробуждения в нем интереса к славной истории нашей армии. И, как говорил Суворов, чтобы с русской армией всегда был «Бог крепок, Властитель, Начальник мира».

ВЛАДИМИР,
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский

Воскресающая слава русских полков

Первая мысль, возникающая при чтении книги: а что мы знаем о русской Императорской армии? Что мы вообще знаем о русском солдате и офицере, о России... Император Александр III утверждал: «У России есть только два союзника – это ее Армия и ее Флот». Как же это надо понимать?

Для А.Г. Шкварова ответ ясен. Гибель Великой Империи и нации началась с того момента, когда возник разрыв между армией и обществом, скорее между армией и общественным мнением о ней. И не скрывая своих привязанностей, автор, на примере нескольких полков, доказывает, что в этом разрыве виновато общество, сориентированное на антинациональные, антирусские, антигосударственные авторитеты и ценности. Армия по духу оставалась такой же, как при Петре I и А.В. Суворове, более того, она развивалась и совершенствовалась не только в военном деле. Каждый полк представлял собою, кроме военной исправности, целостный высоконравственный духовный организм, плоть от плоти государства и нации. Удивительны в этом смысле найденные и опубликованные уникальные фотографии принятия присяги в Русской армии солдатами разных религиозных конфессий: католиками, мусульманами и евреями. Это ли не доказательство что армия всегда была многонациональна, что не мешало ей быть монолитной.

На уникальном материале истории полков А.Г. Шкваров показывает, что армия была поистине семьей и в духовном, и в экономическом смысле, что русский солдат и офицер были «исправны», то есть готовы материально, физически и нравственно к подвигу защиты Родины.

Эта книга является логическим продолжением предыдущей книги того же автора «Забывтая слава пехотных полков Ораниенбаума». Только если в первой шла речь о двух пехотных полках, то вторая целиком посвящена кавалерии. Обе книги удивительны и по тому материалу, который собрал автор, и по тому патриотическому

накалу с каким написана каждая страница. Здесь в полном объеме присутствует и научная новизна, и фактологическая достоверность, и фундаментальность справочного материала – то есть все то, что сопутствует академическим научным изданиям, но обе его работы представляют не только научный интерес и обращены не только к узко профессиональной ученой аудитории, но к современному российскому обществу, ко всем русским, независимо от национальности и вероисповедания. Об этом следует сказать особо. Это еще одно очень важное достоинство его книг.

Что же произошло? Почему, имея такую армию и таких солдат, Империя рухнула? Ответы в книги есть!

А теперь мы приближаемся к самому главному, что делает обе книги ценнейшим явлением русской культуры нашего времени. Отточенным при чтении сотен исторических военных документов, безупречным русским языком написанные страницы вопиют, потому что все беды, выпавшие на долю нашей Родины, выстраданы оскорбленным сердцем русского офицера.

В недавнем прошлом военный моряк Северного флота, полковник запаса А.Г. Шкваров имеет право и на такую интонацию, и на те горькие слова, что порой ранят читателя, потому что точно попадают в самые больные точки современной жизни нашего Отечества.

Его книги мужественные и честные. В них нет и тени ноющих интонаций. Автор, прекрасно осознающий всю опасность нынешнего положения России, как говорится, «влагающий перста в раны и язвы ее», далек от уныния. Бывали времена и голоднее и подлее...

Как в свое время М.И. Кутузов, автор видит надежду в том, что «армия сохранена». Армия – стеновой хребет державы, все-таки уцелела. А если будет цела Армия, не только в понятии – «современные технически вооруженные силы», а в том единственном, нравственном, в духовном смысле, в каком только и возможна Русская армия, воспрянет и Держава, и Слава ее.

Борис Алмазов

Об авторе

Алексей Шкваров родился в Ленинграде. Закончил Высшее военное инженерное училище, служил на Северном и Балтийском флотах. За безупречную службу имеет многочисленные награды. С 1998 года в запасе. Возглавляет Благотворительный Фонд «Православие», руководит крупной строительной компанией. Член Санкт-Петербургского союза журналистов.

В последние годы Алексей Шкваров становится все более известен как публицист и писатель. Его перу принадлежат многочисленные публикации в газетах и журналах. Их темы – воспитание гражданственности и патриотических традиций Русской армии. Армии, которой можно нанести отдельное поражение, но победить которую невозможно.

Это утверждается и в исторических книгах-исследованиях писателя – «Забывтая слава пехотных полков Ораниенбаума» и в той, которую Вы держите в руках. Она издана в рамках проекта «Русская военная энциклопедия».

Алексей Шкваров – редкий талант, соединивший в себе дар писателя, обременившего себя ответственностью за все происходящее в России.

Слова о необходимости воспитания молодого поколения на традициях Русской армии и Православия Алексей Шкваров подтверждает конкретными делами.

Под его руководством построены и восстановлены часовня Святого Николая Чудотворца, церковь Святого великомученика и целителя Пантелеймона, часовня Святого Андрея Первозванного подворья Свято-Афонского монастыря в Санкт-Петербурге, здание 147-го Самарского пехотного полка, а также проектируются памятник пехотным полкам России «За службу и храбрость в Великой войне 1914–1918 г», часовня Святого праведного Феодора Ушакова в Кронштадте.

Подвижническая деятельность Алексея Шкварова отмечена наградами Русской Православной церкви. Среди этих наград – орден Святого благоверного князя Даниила Московского.

Мы уверены, что в лице А. Шкварова русская литература приобретает самобытного писателя, талант которого в полной мере нам еще предстоит оценить.

А. Николя.

Краткая биография К. Г. Маннергейма

Барон Густав (Густав-Эмилий) Карлович Маннергейм из финляндских дворян лютеранского вероисповедания, родился 4 июня 1867 года; по окончании курса в Гельсингфорском лицее поступил в 1887 году в Школу, откуда из стандарт-юнкеров произведен 10 августа 1889 года корнетом в Александрийский гусарский полк. 1 декабря 1890 года прикомандирован к Кавалергардскому полку и 27 июля переведен; в 1893 году произведен поручиком, с 21 сентября 1895 года по 10 сентября 1897 года командующим полковым обозом, когда командирован для поручений при управлении Придворно-конюшенной частью; в 1899 году штаб-ротмистром, в 1902 году – ротмистром; 31 августа 1903 года зачислен в постоянный штат Офицерской кавалерийской школы; 7 октября 1904 года переведен в Нежинский драгунский полк подполковником; участвовал с полком в Японской войне и в 1905 году произведен в полковники.

Женат на дочери кавалергарда Николая Устиновича Арапова – девице Анастасии Николаевне, у них две дочери: Анастасия и Софья.

Сборник биографий кавалергардов.
4 том. 1826–1908 гг. С. 355. С.-Петербург, 1908 г.

*«Берегите офицера! Ибо от века и донныне
он стоит верно и бесмечно на страже
русской государственности.*

Сменить его может только смерть!»

генерал А.И. Деникин

В последнее время как с нашей, так и с финской стороны, предпринимаются попытки пересмотреть взаимоотношения наших стран за минувшие 50-60 лет, при этом явно стараются поставить в центре происходивших событий маршала Маннергейма. Это вполне объяснимо, ибо не было в истории Финляндии как независимого государства более значимой фигуры. Журналист за журналистом, автор за автором, призывая в свидетели ветеранов последних двух войн, что с одной, что с другой стороны, пытаются найти очередную «клубничку» в кровотокающих событиях тех давних лет.

Такова уж, наверно, суть профессии... Что представляет наибольший интерес? Что можно преподнести поярче?

- А были ли «кукушки»*?
- Каковы реальные потери русских войск?
- Сколько погибло от холода и голода?
- Сколько от бездарности советского командования и комиссарской упрямости лобовых штурмов укрепрайонов?
- Что же это такое – линия Маннергейма? Несгибаемость и непобедимость финского народа? Талант самого маршала? Непреодолимые инженерные и фортификационные сооружения? Или еще что-то?

Видимо суть журналистов, заключается в стремлении откопать некое, как им кажется, жемчужное зерно, даже разрывая при этом неподходящую кучу. Потому что не пришло еще время оценить все произошедшее беспристрастно, слишком много политики здесь присутствует, а политика как раз и есть то самое, неподходящее, из чего образуются упоминаемые в басне кучи. При этом ни финские журналисты, ни их российские коллеги не стараются особо акцентировать внимание на самой личности ген. Маннергейма – человека, отдавшего тридцать лет службе в Русской армии. А тридцать лет, с учетом военного времени – это фактически жизнь. Если такие попытки и делаются, как в финском телевизионном фильме, недавно демонстрировавшимся на телеэкранах Финляндии и России, то с каким-то, я бы сказал, ироничным подтекстом, хотя и довольно тщательно скрываемым. Уж очень комично представлена фигура Маннергейма в историческом мундире кавалергарда, разгуливающего по улицам Санкт-Петербурга в окружении девиц и рекламирующего сотовую связь. Это напомнило мне кинематограф первых лет советской власти, когда русские офицеры-белогвардейцы представлялись зрителю или полными идиотами, или отъявленными негодьями. Однако с семидесятых годов прошлого столетия образ русского офицера получил достойное воплощение на экране: «Дни Турбиных», «Служили два товарища», «Адъютант его превосходительства», «Бег» и другие фильмы. Оставаясь по сюжету врагом, русский офицер, тем не менее, уже четко отличался своими, только

---

* Бытовавшее среди бойцов Красной армии прозвище финских снайперов во время «Зимней войны»

ему присущими, качествами и понятиями – благородством, честью, верностью долгу, и вызывал восхищение. Простим финскому режиссеру насмешку над русским мундиром. Ибо никто не сможет, даже если очень постарается, бросить тень на русских кавалергардов, одним Аустерлицем обессмертивших свое имя и честь полка.

Через сто, а то и более лет, можно будет пытаться оценить две трагичные страницы в истории наших стран, «Зимнюю войну» и войну Великую Отечественную, более объективно и беспристрастно. Ведь говорят же, что о войне можно писать только тогда, когда умер ее последний солдат. А живы еще, и это замечательно, и наши, и финские ветераны. Дай Бог им здоровья и долгих лет жизни. Но живы в их сердцах и воспоминания, когда были они врагами, и их разделяла лишь нейтральная полоса, и смотрели они друг на друга через рамку или окуляр прицела. И гибли их друзья, и они мстили за них. Сходилась финский солдат с русским в жесточайшей рукопашной, и сталь четырехгранного русского штыка и острого, как бритва, пуукко обагрялись одинаково красной кровью. Эти воспоминания будут вечны, пока живы их участники, ибо они выполняли свой долг и присягу, верные своей стране и тем традициям воинского братства, которые есть в любой армии мира. Поэтому образ Маннергейма, союзника Гитлера, в памяти одних, был олицетворением всемирного зла и смертельной опасности для всего человечества, для других, он был символом Родины и ее независимости. И финский плен, который иногда пытаются представить курортом, по сравнению с гитлеровскими концлагерями, все равно оставался пленом, и жестокие законы войны были во все времена. Мы не станем даже пытаться переубедить и тех, и других, ибо нет у нас такого права. Только тот, кто испытал все тяготы войны, может судить о ней. Нам остается лишь слушать, не позволяя себе каких-либо комментариев.

А пока, я хочу уйти в глубь истории, подальше от этих лет, ибо предшествующие годы позволят взглянуть иначе и на сравнительно недавние события. Это будет рассказ о некогда могучей и единой Русской армии, о славной русской кавалерии, о честном русском офицере: очередная попытка пригласить читателя взглянуть на день сегодняшний, или уже вчерашний, сквозь призму истории.

В военной карьере Карла Густава Маннергейма (или Густава Карловича, как его называли в России) причудливо сплелись все как героические, так и романтические сюжеты, связанные со всеми полками славной русской конницы. Кавалергарды, гусары, драгуны, уланы, казаки – «все промелькнули перед нами, все побывали тут». Не хватает, пожалуй, только конногвардейцев и кирасир. Мы оборвем рассказ восемнадцатым годом, когда перестала существовать Русская армия, с ее славными полками и их, не менее славными, историями и традициями. Отречение Императора освободило русское офицерство от присяги, но не могло освободить от любви к Родине, к России. Для кого-то Россия сузилась до собственной усадьбы, у кого-то она олицетворялась с Доном, Кубанью, Сибирью, и мы не вправе обвинить барона Маннергейма, что он не ушел со старым своим знакомым генералом Лавром Георгиевичем Корниловым на Дон, – просто его Доном была Финляндия. И свой долг, долг кадрового русского офицера, он видел в том, чтоб отстоять ее от красной угрозы. Может, этим он и хранил всю жизнь верность присяге последнему Императору Николаю Александровичу, той воинской присяге на верность Государю, которую настоящие солдаты дают только один раз. И лишь естественная смерть Императора позволяет присягать заново его законному наследнику. В понимании основ воинской чести насильственное отречение от престола, равно как и насильственное приведение к новой присяге, к примеру, Временному правительству, уже нарушает святость самой клятвы. Удостоенный чести быть рядом с коронуемым русским царем, Маннергейм, может, больше других ощущал свою причастность к незыблемым основам, на которых и держатся такие понятия, как воинская честь, долг, присяга. Они всегда были одним из краеугольных камней Великой армии, созданной Великим Петром. От принесенной собственной первой присяги Императору Александру III, от воспитания в духе беззаветной преданности славным традициям Русской армии, начиная с Николаевского кавалерийского училища, и дальше, через все годы службы, соприкасаясь с боевым наследием русской кавалерии, ген. Маннергейм не мог не стать частицей плоти России и Русской армии.

Он сохранил Финляндию, как осколок той Великой Империи, солдатом которой был 30 лет. И сохранил не тем, что внес туда русский дух, его никогда особо и не чувствовалось в этой маленькой северной стране, – нет, он сохранил главное – уклад жизни, сумев остановить и переломить большевистские жернова. И честный русский купец, и честный финский фермер, продолжали трудиться в лице Финляндии, но во благо России, ибо в их понятии это было одно целое. Конечно, бывшее Великое Княжество давно уже независимое государство, и никто не посмеет это опровергнуть, и монархия давно уже забыта, и торжествует демократический строй, но пройдите по старым улочкам Хельсинки, и вы почувствуете тот неповторимый дух российской императорской державности, при всем своеобразном финском национальном естестве. И словно сотни лет назад степенно прогуливаются по Эспланаде со строгими финскими барышнями молодые русские мичмана из бригады линейных кораблей, дымящих на рейде за Свеаборгом. И также звучат духовые оркестры, и почтенные финские и русские купцы пьют кофе, читают утренние газеты и обмениваются последними новостями с бирж за столиками кафе «Каппели». Как будто застыло время, и страна все еще одно целое. Это со временем, после Гражданской, «Зимней» и Мировой войн, пролитая кровь изменит полутона и сделает их отчетливо противоположными – бело-голубыми финскими и кроваво-алыми советскими. А не ближе ли был тогда тот, тоже бело-голубой, андреевский флаг? Но главное, что сохранился уклад, тот патриархальный, доставшийся от Царской России, как сохранились цвета андреевского флага.

Мы специально уйдем подальше от тех войн, которые можно было бы назвать «домашним давним спором, уж взвешенным судьбой». Мы попытаемся проследить эти 30 лет службы Маннергейма в Русской армии. Почему он не мог не любить ее? Почему он уходил добровольцем на Японскую войну, почему три года скитался по горам Китая и Тибета, служа интересам русской военной разведки? Некоторые журналисты и этим шагам военной карьеры Маннергейма стараются придать некую двусмысленность – дескать, он запутался в своих отношениях с женщинами: с женой, с много-

численными любовницами, и, просто-напросто, сбежал на фронт, а затем и в экспедицию. Да, в работе разведки с противником используются все человеческие пороки, ибо они облегчают путь к вербовке и принуждению к передаче заинтересованной стороне необходимой информации. Однако это ни в коей мере не касалось непосредственно самих военных агентов разведки, явных – военных и морских атташе при посольствах, или тайных. Здесь критерий был один – высокие моральные качества, преданность и военный профессионализм. Зарождавшаяся русская военная разведка, учитывая все неудачи Русско-Японской войны, для расширения своего кадра* отобрала всего семьдесят шесть офицеров из всей Русской армии, в их числе был и полковник Маннергейм. Почему выбор русской военной разведки пал именно на Маннергейма? Ответ прост – он был русским офицером, который обладал всеми вышеперечисленными качествами. И то, что его имя не вошло в учебники русской истории и не стало в один ряд с Пржевальским, Миклухо-Маклаем или Арсеньевым, виной тому политика, а точнее, политическая пропаганда, подменившая собой историю. Почему он не упоминается среди полководцев, я имею в виду нашу историю, русскую или советскую, ответ тот же – политика. Он не ушел к красным (просто потому, что не мог себе этого даже представить) и не стал Фрунзе, Тухачевским или Буденным, он не ушел к белым, потому не стал Корниловым, Деникиным, Дроздовским или Врангелем. Он ушел на свой Север, в свою Финляндию, и победил в той войне, спасая и свою Родину, и свою Россию. Официальная историческая наука как с советской стороны (что естественно для нее), так и в эмигрантских кругах Белого движения, обиженных на Маннергейма за отказ бросить финские войска на Петроград, что привело бы к новому витку братоубийственной войны, ибо здесь смешались бы еще и национальные интересы, признать реальную заслугу Маннергейма перед Россией не могли. А что касается Великой войны 1914–1918 годов, то мы знаем, как тщательно скрывалась истина, дабы не докопаться было до подлинных причин поражения в войне, из которой Россия должна была выйти победительницей.

---

* Постоянный штатный состав подразделения.

Страшные подробности и самой Великой войны, и Великого предательства только выходят на свет Божий.

Вот и мы двинемся в путь по служебному формуляру русского офицера, генерала Карла Густава Маннергейма, а заодно вспомним обессмертившие себя в истории русские конные полки, а за ними, глядишь, и увидим людей, создавших славу некогда великой России и ее великой армии.

Эта книга не будет еще одним биографическим исследованием жизни самого генерала Маннергейма, скорее ее можно назвать сборником историй полков русской кавалерии, где довелось ему служить, а истории полков всегда служили верным залогом нравственной силы войск.

Наш полк! Заветное, чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Другим оно старо, для нас – все так же ново
И знаменует нам и братство и семью.

О, знамя ветхое, краса полка родного,
Ты бранной славой венчано в бою!
Чье сердце за твои лоскутья не готово
Все блага позабыть и жизнь отдать свою?

Полк учит нас терпеть безропотно лишенья
И жертвовать собой в пылу святого рвенья.

Все благородное: отвага, доблесть, долг,
Лихая удаля, честь, любовь к Отчизне славной,
К великому Царю и Вере Православной
В едином слове том сливаются: наш полк!

К. Р.

Полковые традиции и боевые предания воспитывали самого ген. Маннергейма, прививали ему любовь и уважение к тем частям, где довелось ему служить. Вот и читатель, таким образом, познакомившись со славным русским воинством, и с послужным списком

Маннергейма, как его неразрывной составляющей, сможет сам сделать все нужные выводы, и я думаю, что его представление о ген. Маннергейме станет более полным и достоверным.

Еще и еще раз хочу повторить – главный герой этой книги не генерал Маннергейм, а Русская армия. Мы проследим ее историю, заходя иногда далеко в глубину веков, во времена Киевской и Новгородской Руси, в смутное время XVI века, в петровские и екатерининские времена, чтобы ощутить ту самую связь времен, которая не прерывается и по сей день. И здесь нам поможет биография ген. Маннергейма, она станет связующим звеном нашего рассказа. На примере послужного списка одного офицера мы постараемся поднять весь гигантский пласт нашей истории. Мне могут возразить: а почему, собственно, Маннергейм? Разве не было в нашей истории более достойных личностей, отдавших свою жизнь служению Вере, Царю и Отечеству? Тем более, что Маннергейм был лютеранином, а не православным. Но его вера, и это знаменательно, не мешала ему посвятить лучшие годы жизни служению под русскими полковыми знаменами, со времен князя Владимира несшими на себе образ Спаса Нерукотворного. И он сам немало сделал для Русской Православной Церкви, всегда бывшей рядом со своим христоролюбивым воинством. Он был подданным Российской Империи, он был русским солдатом.

Я вспоминаю эпизоды, о которых рассказывали русские офицеры, воевавшие в туземной, или, как ее называли австрийцы с германцами, – «дикой» дивизии, состоявшей практически из одних мусульман. Для их награждения изготовлялся особый знак Георгиевского креста, где вместо изображения Св. Георгия, выбивался герб России – двуглавый орел. Это делалось в знак уважения религиозных чувств мусульман, дабы не оскорбить их присутствием на награде христианского святого. Однако многие мусульмане-горцы отказывались получать, как они говорили, «птицу» и требовали «джигита на коне». Различия вероисповеданий ни коим образом не сказывались на едином воинском духе Русской армии. При всем преобладании среди офицеров и солдат православной веры, никаких инцидентов на религиозной почве не возникало. И командиры полков, какого

бы вероисповедания они не были, в первую очередь, помогали обустройству полковых православных церквей, ибо Вера была и оставалась одной из главных моральных и нравственных основ Русской армии. «Помните присягу и следуйте ее указаниям, этой великой клятвы вами данной, тогда служба станет для вас легка и не останется без должной награды, ибо за Богом молитва, а за Царем служба, никогда не пропадают!» Так говорил один из командиров простого армейского полка – 147-го Самарского пехотного, полковник Дембовский, поляк по происхождению и католик по вере.

Именно здесь скрываются истоки преемственности патриотизма русского солдата и офицера, какой бы национальности они не были, они позволяли им переносить совместно все тяготы и лишения нелегкой боевой жизни, заставляли подниматься из окопов в штыковую и бросаться на проволочные заграждения, или в конном строю, в единой лаве, в едином порыве, устремляться навстречу кинжальному огню пулеметов. Это позволяло Русской армии всегда изумлять своих противников упорством и стойкостью, способностью быстро опомниться от поражения, воспрянуть духом и совершить невозможное.

Тридцать лет службы в Русской армии – это целая жизнь – сложившееся мировоззрение, устоявшийся характер. Поэтому так и интересна фигура генерала Маннергейма, соединившая в себе лучшие черты трех народов – шведского, финского и русского. Трудно сказать – чего было в нем больше – шведского врожденного благородства, финской невозмутимости и рассудительности, русской непредсказуемости и умения сопереживать близким, но он был и остался таким, каким его сделало время.

Да и наши северные соседи, прочитав эту книгу, задумаются, что их национальный герой был ведь и героем России, и это все неспроста. Что русский, что финский народы, радушные и честные, как добрые соседи. А по жизни идти всегда веселей, когда добрый сосед и добрый попутчик.

НАЧАЛО ПУТИ

*Господа юнкера, собираться пора
Кант малинов и лошади серы.
Господа юнкера, кем вы были вчера?
А сегодня вы все офицеры!
Господа юнкера, кем вы были вчера
Без лихой офицерской осанки?
Можно вспомнить опять,
ах, зачем вспоминать,
Как ходили гулять по Фонтанке...
Б. Окуджава*

«С чего начинается Родина» для будущего русского солдата и офицера? С тех самых рассказов стариков – участников бывших походов и бывших сражений, с Георгиевских крестов, которыми дорожили и гордились они, с преданий старины глубокой, от Киевской Руси идущих, от Куликова поля до Полтавы, Бородина и Шипки. Эти рассказы и предания будоражили душу, наполняли гордостью за своих предков и внушали уверенность в том, что храбрее, отважнее, благороднее и добрее русского солдата нет в мире. Русской армии не страшен никакой неприятель, все ей под силу – и крепости одолеть, и горные вершины перейти, и любую реку переплыть, а надо будет, и

море. И основа всего этого – нерушимое воинское братство русских солдат, вера в своих отцов-командиров, верность присяге, долгу воинскому, Государю Императору и Православной Вере. На триединстве: «За Веру, Царя и Отечество» – основывался патриотизм всей России. Высокочтимые, тщательно сберегаемые и передаваемые из поколения в поколение боевые традиции полков обязывали хранить и преумножать славу своих предшественников. Портреты знаменитых полководцев и героев войн, которые непрерывно вела Россия на всем своем тысячелетнем пути, были представлены повсеместно: от галерей Зимнего дворца и залов полковых офицерских собраний до наклеек в солдатских сундучках, они служили напоминанием и вдохновляли на подвиг во имя своего Отечества, за Веру, за Царя, за русский народ. Звание офицера – этого подлинного профессионала войны, стояло всегда очень высоко в русском обществе. Недаром Петр Великий, основавший регулярную армию, так высоко ценил русского офицера. И, конечно, опорой в создании офицерского корпуса как костяка регулярной армии царю-реформатору служило дворянство. Именно дворянское сословие во все времена было предназначено для несения воинской службы, это было его прерогативой.

Но Петр Великий пошел намного дальше, создав «Табель о рангах», открывший неограниченные возможности роста на государственной службе, прежде всего военной, всем слоям населения. Это дало возможность влить свежую кровь в дворянские ряды и позволило выдвинуться наверх самородкам из простого люда. Присвоение первого офицерского звания в петровские времена гарантировало получение потомственного дворянства. Для России того времени это значило очень много. Позднее, с развитием капитализма, само понятие принадлежности к дворянскому сословию несколько утратило свою значимость. На первый план выдвинулось материальное благосостояние, дворянство к этому времени потеряло экономическую независимость (во второй половине XIX века всего одна треть потомственных дворян были помещиками), большинство из них, занятых в основном на военной или государственной службе, было людьми небогатыми и существовало только за счет жалованья. Посему планка получения потомственного дворянства Манифестом

11 июня 1845 года была поднята до VIII класса, а позднее и до VI класса, то есть до достижения офицером звания полковника, хотя получение личного дворянства осталось по-прежнему вместе с присвоением офицерского чина. Но не только принадлежность к дворянству обеспечивала офицеру престиж в обществе – сама профессия его была традиционно уважаема. Пусть фактически и юридически офицерство не было, как раньше, самой привилегированной группой общества, но традиционно связанные с этой профессией представления о чести, достоинстве и благородстве определяли отношение к людям, носившим военную форму и офицерские погоны. И сохранившиеся до революции обращения к офицерам: «Ваше Высокоблагородие, Ваше Благородие» и так далее – подчеркивали признание обществом их моральных устоев.

Петровский замысел о том, что любой офицер должен начинать службу рядовым в гвардейских полках, Преображенском и Семёновском, был очень важен для воспитания будущего командира. Прослужив некоторое время простым солдатом, он проникался пониманием всей тяжести воинского ремесла, постигнув его с самых азов. К сожалению, позднее петровский наказ был сведен к простой формальности, и дворянские дети еще в младенчестве записывались рядовыми в полки, а по достижении совершеннолетия автоматически получали офицерский чин. И только потом, решив связать свою дальнейшую жизнь с армией, они начинали знакомиться с армейской средой и познавать суть русского солдата, что безусловно требовало определенного времени для возникновения духа взаимопонимания и боевого товарищества.

Да и не у всех это получалось. Созданная в XIX веке система обучения будущих офицеров в военных училищах, конечно, не могла заменить собой службу в качестве нижних чинов, но, тем не менее, давала возможность в определенной степени испытать на себе тяжесть солдатского труда как в полевых условиях, так и в казарменном быту. Но главным было то, что военное училище воспитывало будущих офицеров в духе беззаветной преданности своей Родине, своему Императору, Русской армии и народу. Как же высоко должно было стоять это воспитание для того, кто получал право

переступить через кровь, послать на смерть другого человека и быть готовым в любой момент отдать все – покой, уют, семейное счастье, силы, здоровье и саму жизнь, во имя Родины, во имя ее спасения и блага. Оно формировало самые лучшие человеческие качества, столь необходимые воину – благородство, храбрость, отвагу, честность во всем, верность долгу, присяге, воинскому приказу, все, из чего складывалось понятие офицерской чести. И свою честь офицеры несли очень высоко. Обвинение в бесчестности было серьезнейшим оскорблением, которое смывалось или кровью на дуэли, или требовало немедленной отставки и удаления из полка. Так выковывалась и создавалась каста русских офицеров, всегда готовых умереть как за Отечество, так и за свою честь. Популярность в обществе русского офицера была чрезвычайно высока. Основы патриотизма, приобретенные юнкером за годы обучения, позволяли ему без особых проблем, став обер-офицером, легко вливаться в армейскую полковую среду, где его ждала семья единомышленников, объединенных общими традициями Русской армии и своими собственными полковыми традициями. Здесь молодого подпоручика или корнета ждало офицерское собрание. Входя в него, он входил в новую семью. Воспитание защитника Отечества продолжалось, и то, что еще не привилось в училище, молодой офицер впитывал в себя в полку, в его офицерском собрании. Полк становился всем: отходили на задний план и родственники, и бывшие друзья, полк олицетворял все самое прекрасное на свете. Принадлежность к полку, с его славными, старыми боевыми традициями, становилась смыслом жизни. Полк был не столько тактической единицей армии, сколько духовной. Через свои полки армия была, есть и будет лицом государства. По виду ее офицеров и солдат, по их поступкам, по их разговорам судят о духовной силе страны, учатся уважать и любить свое Отечество. Русская армия должна быть армией христианской, христолюбивым воинством, ибо только заповедью Христовой – «положить душу свою за други своя», могут быть оправданы и применение оружия, своя и чужая кровь, и сама смерть.

«В век золотой Екатерины», отмеченный блистательными победами Румянцева и Суворова, и, конечно, в войну Двенадцатого

года, когда, казалось, вся Россия надела мундиры, почетнее звания офицера не было.

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.
И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след, –
Очаровательные франты
Минувших лет!

М. Цветаева

Но за белой полосой всегда приходит черная, и победоносная Русская армия, вернувшаяся из заграничных походов, одержавшая блистательные победы над Наполеоном и его маршалами, на долгие годы была загнана на плац или в военные поселения. От пыли, поднимаемой на бесконечных строевых занятиях и парадах, стал быстро меркнуть блеск офицерских эполет, а загнанные на поселения офицеры были фактически превращены в крепостных, намертво привязаны к деревням и деревенскому быту, где размещались их роты и батальоны.

Строевая бесконечная муштра и жесточайшая палочная дисциплина вызвали резкое падение престижа звания офицера в обществе, деградацию самого офицерства, оказавшегося в заложниках. Следствием этого стал массовый уход в отставку под любым предлогом, а апофеозом недовольства – бунт на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, поводом для которого послужила таинственная смерть или исчезновение (необъяснимые до сих пор) Императора Александра I и приведение к присяге новому Императору Николаю Павловичу. Бунт, потрясший Россию до основания, дал первую трещину в том великом здании Русской армии, которое было заложено еще Петром Великим. Не вдаваясь в подробности правомочности передачи прав наследования престола вместо одного брата умершего царя – другому, часть русского офицерства выступила против

самых основ государства, внеся раскол в русское общество. Жестокость, с которой восстание декабристов было подавлено, сыграла только на руку тому же обществу, сделав из отказавшихся присягать новому Императору – мучеников, а из остальной армии, их не подержавшей, – палачей. И это клеймо до самого конца существования Русской армии с завидным постоянством вспоминалось при каждом удобном случае, когда общество было недовольно теми или иными действиями войск. При этом забывалось, что воинская присяга обязывала и офицера, и солдата бороться как с врагами внешними, так и с врагами внутренними. А врагом внутренним являлся во все времена тот, кто пытался разрушить основы государственности страны, ее целостность. Не исполнять присягу – это нарушение воинского долга, это бесчестие и для офицера, и для солдата. Но об этом общество не задумывалось. И хотя подавление польского мятежа 1830 – 1831 годов не вызвало в то время особого неприятия, ибо сам А.С. Пушкин, которого трудно обвинить в любви к царствующему Императору, отреагировал немедленно на возмущенные вопли негодующей «демократической» Европы.

Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России.
Что взяли вы?.. Еще ли росс
Больной, расслабленный колосс?
Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?

Тем не менее уже через 30 лет, при подавлении очередного польского мятежа, русское общество всю принялось оскорблять свою собственную армию. Отдельные «демократы», к несчастью, «разбуженные декабристами», отсиживаясь на Западе и издавая антироссийские журналы, вроде герценовского «Колокола», воз-

опили, что «Россия охвачена сифилисом патриотизма». И вновь вспоминаются стихи А.С. Пушкина, полные горечи и обиды на недостойных сынов России:

Ты просвещением свой разум осветил
И правды чистый лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

Когда безмолвная Варшава поднялась
И ярым бунтом опьянела,
И смертная борьба меж нами началась
При крике: «Польшка не згинела!» –

Ты руки потирал от наших неудач,
С лукавым смехом слушал вести,
Когда разбитые полки бежали вскачь
И гibly знамя нашей чести.

Когда ж Варшавы бунт раздавленный лежал
Во прахе, пламени и дыме, –
Поникнул ты главой и горько возрыдал,
Как жид о Иерусалиме.

Еще один шаг к расколу общества был сделан.

Смерть Императора Николая I и горечь поражения в Крымской войне подвели некую черту под окончанием нерадостной для Русской армии эпохи. Реформы царствования Александра II, при всей их половинчатости, дали совершенно новый виток развития как обществу, так и армии. Герои Севастополя, отступившие, но непобежденные, снова подняли дух армии и веру в ее непобедимость. «Севастопольские рассказы» молодого артиллерийского поручика Льва Николаевича Толстого всколыхнули страну. На небосводе русской воинской славы заблестели новые звезды имен героев Севастополя – русских офицеров и адмиралов: Тотлебена, Нахимова, Корнилова, Лазарева. Опыт, извлеченный из поражения в Крымской войне, был

использован как для перевооружения армии, так и для пересмотра всей системы комплектования вооруженных сил. Наконец-то ушел в небытие николаевский солдат, служивший 25 лет. Армия перешла к всеобщей воинской повинности, отказавшись от практически пожизненно набранных рекрутов. Соответственно значительно были сокращены сроки службы, сначала до 15-и лет в 1856 году, до 10-и лет в 1864, а с окончательным введением 1 января 1874 года всеобщей повинности, – до 6-и лет в строю и 9-и в запасе.

Одновременно реформированию подверглись и все военно-учебные заведения. В 1863 году специальные классы кадетских корпусов, кроме Пажеского, Финляндского, Оренбургского и Сибирского, были сведены в три военных училища – Павловское, Константиновское и Александровское – на 300 юнкеров каждое. В 1865 году на базе Николаевского училища гвардейских юнкеров было образовано Николаевское кавалерийское училище на 200 юнкеров. В связи с этим выпуск в кавалерию из других училищ был прекращен. Кроме того, было образовано при штабах округов еще 16 юнкерских училищ с годичным курсом обучения, выпускавшим в армию прапорщиков, тогда как военные училища с двухлетним сроком обучения выпускали подпоручиков в пехоту или корнетов в кавалерию. Помимо этого, существовали и специальные военные училища – Михайловское артиллерийское, Николаевское инженерное – с трехлетним сроком обучения, а также Военно-топографическое училище с двухлетним сроком обучения и Военно-юридическое училище, преобразованное позднее в академию. Большая часть юнкерских училищ к началу века была преобразована в военные училища. Они сравнились по срокам обучения и стали выпускать в армию с присвоением первого офицерского звания – подпоручик или корнет.

Тем не менее реформы не коснулись самого главного – вопросов изменения тактики и организации боевых действий в современных условиях. Начавшаяся Русско-Турецкая война показала это чрезвычайно наглядно. Переучиваться офицерам и генералам пришлось непосредственно в боевых порядках и под огнем противника, что вызвало неоправданно огромные потери. Чего стоили только три

кровавых штурма Плевны! Вместе с тем, Русская армия еще раз доказала всему миру свою несокрушимость, доблесть и героизм. Имена генералов Скобелева, Радецкого и Гурко вошли в пантеон нашей военной славы, а подвиги русских солдат, перешедших непроходимые зимой Балканы и, впервые со времен князя Олега, приблизившихся к Стамбулу-Константинополю на расстояние практически однодневного перехода, были сродни героизму суворовских чудо-богатырей. Опять, как никогда, высоко поднялся авторитет армии, армии-освободительницы, принесшей долгожданную свободу и независимость братьям-славянам на Балканах. Окончилось многолетнее кровавое турецкое иго для болгар и сербов. Так запечатлел Александр Блок в поэме «Возмездие» возвращение победоносных русских войск:

Перед Московскою заставой
Стена народу, тьма карет.
Пролетки, дрожки и коляски,
Султаны, кивера и каски,
Царица, двор и высший свет!
И пред растроганной царицей,
В осенней солнечной пыли,
Войска проходят вереницей,
От рубежей чужой земли...
Идут, как будто бы с парада.
Иль не оставили следа
Недавний лагерь у Царьграда,
Чужой язык и города?
За ними – снежные Балканы,
Три Плевны, Шипка и Дубняк,
Незаживающие раны
И хитрый и неслабый враг...
Разрежены их батальоны,
Но уцелевшие в бою
Теперь под рваные знамена
Склонили голову свою.

Туркестанские походы генерала Скобелева добавили еще несколько славных страниц к нашей военной истории, но загадочная смерть «Белого генерала», которому прочили самую высшую ступень военной карьеры, не позволила обобщить, развить в тактическом отношении новые элементы в боевой работе войск, примененные выдающимся полководцем и, главное, его опыт не был использован и внедрен в войсках.

Это самым тяжелым для армии образом сказалось позднее и в Русско-Японскую, и в Великую войну. Генералы, гордившиеся «сидением» на Шипке и бесполезными, упрямыми и кровавыми атаками Плевны, также действовали и в этих войнах, пока время не выдвинуло на их место других военачальников, мысливших свободно, не закостенело, по-суворовски, по-скобелевски. К сожалению, за их бездарность уже было заплачено слишком высокой ценой – сотнями тысяч погибших русских солдат и офицеров. ЭВ этом отношении военные училища были более прогрессивными в вопросах тактического обучения будущих офицеров. Часть офицеров-воспитателей имела собственный боевой опыт и свои суждения по изменению подхода к организации боевой работы и тактики, хотя бы на уровне роты, сотни, батальона или эскадрона.

После Пажеского корпуса, который являлся наиболее привилегированным военно-учебным заведением для отпрысков самых титулованных родов России, следующим по престижности считалось Николаевское кавалерийское училище, размещавшееся в столице на Лермонтовском проспекте (ныне дом № 54). Вообще сама служба в кавалерии была всегда окутана неким ореолом героического романтизма. Это впечатление создавалось из действительно беспримерных подвигов русских конных полков – кавалергардского, конногвардейского, гусарских, уланских, драгунских и казачьих, совершенных ими при Кунерсдорфе, Аустерлице, Бородино и других славных дел кавалеристов. Лихие атаки и отчаянные сабельные рубки, красота и щеголеватость формы, наконец, стихи, песни и романсы, воспевающие бесстрашного всадника, мчащегося на лихом

коне, готового, не раздумывая, сложить голову за царя-батюшку, за Россию, «за други своя»:

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарский,
Я рожден для службы царской.

Д. Давыдов

Так, самим народом (в первую очередь, конечно, женской его половиной) создавался романтический и поэтический образ кавалериста, а такие героические личности, как Кульнев, Давыдов и многие другие, только утверждали реальность этого образа.

Сколько стихов, песен, романсов было посвящено лучшими дарованиями России славным подвигам и благородству поступков русских кавалеристов! Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Толстой и, конечно, Денис Давыдов, на века воплотили поистине всенародную любовь к кавалеристам в своих строках.

На затылке кивера,
Доломаны до колена,
Сабли, ташки у бедра,
И диваном – кипа сена.
Трубки черные в зубах;
Все безмолвны, дым гуляет
На закрученных висках
И усы перебегают.
Ни полслова... Дым столбом...
Ни полслова... Все мертвецки
Пьют и, преклонясь челом,
Засыпают молодецки.
Но едва проглянет день,
Каждый по полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.

Да и все истории конных полков изобилуют многочисленными фактами отваги и мужества офицеров и солдат, занесенные в полковые летописи и особым образом отмеченные. Вот почему служба в кавалерии была так заманчива, и так велико было желание многих юношей учиться именно в Николаевском кавалерийском училище. Однако, как уже говорилось, русское офицерство в своей массе было все-таки небогатым, а поступление в кавалерийское училище и последующая служба в конных полках требовали определенных и довольно больших материальных затрат. Прежде всего, это было связано с необходимостью приобретения хорошей породистой лошади, что безусловно являлось предметом личной гордости офицера и поддерживало его престиж. В гвардейских полках офицер обязан был иметь двух собственных лошадей, при этом каждый полк имел свою собственную масть. В Кавалергардском, л-гв. Кирасирском Его Величества, л-гв. Казачьем, л-гв. Драгунском, л-гв. Уланском Его Величества полках кони были гнедые. В л-гв. Конном, л-гв. Конногренадерском – вороные, в л-гв. Атаманском, л-гв. Уланском Ея Величества и л-гв. Кирасирском Ея Величества – рыжие, в л-гв. Гродненском гусарском – караковые, а в л-гв. Гусарском – серые и так далее. Столь строгий и категоричный отбор конского состава создавал определенные сложности, обычные конные заводы не всегда могли удовлетворить подобные потребности, поэтому приходилось обращаться на небольшие частные конные заводы, что безусловно сказывалось на цене приобретаемого коня.

В армейской кавалерии офицер имел одну собственную лошадь, а одну казенную. От коня, что ни говори, в определенной степени зависело даже продвижение по службе. Великолепно державшийся в седле офицер, легко берущий барьеры и побеждающий в скачках, да еще на красавце коне, производил впечатление не только на дам, но и на самое высокое начальство, которое могло заметить, запомнить и, при случае, продвинуть его по служебной лестнице. Да и на войне от качеств лошади, от степени ее подготовки могла зависеть сама жизнь. А чем породистее животное, тем оно более поддается выучке. К тому же, красиво украшенный мундир также был недешев. А его наличие, понятно, было обязательным. Форма мирного времени,

в соответствии с «Правилами о форме одежды генералов, штаб и обер-офицеров, состоящих на действительной военной службе, в запасе и отставке», подразделялась на парадную, обыкновенную, служебную и повседневную. В свою очередь, каждая из них, кроме повседневной, имела свои особенности для ношения в строю и вне строя, а также в зимний или летний периоды. Форма одежды кавалерийского офицера имела еще огромное количество особенностей, связанных с историческими традициями каждого полка в отдельности. А в гвардейских полках, помимо перечисленных ранее мундиров, была обязательна еще бальная форма (парадная и повседневная). Кроме того, негласные полковые традиции зачастую тоже требовали значительных трат: пирушки, парадные полковые обеды, подарки дамам и вообще поддержание репутации «настоящего» гусара, улана, драгуна и так далее. Поэтому многим путь в кавалеристы был заказан, и их уделом оставались пехотные училища.

Барон Карл Густав Эмиль Маннергейм, родившийся 4 июня 1867 года в Великом княжестве Финляндском, которое с 1809 года входило в состав Российской Империи, не был исключением из числа молодых людей того времени. И как подданный России, был горд за свою державу и горел желанием послужить ей в рядах доблестной Русской армии. В 15 лет он поступил в Финляндский кадетский корпус, учебное заведение, пользовавшееся прекрасной репутацией и давшее как Финляндии, так и России немало выдающихся военных и государственных служащих. Несмотря на досадное исключение из Финляндского кадетского корпуса, вызванное дисциплинарным проступком, целью барона Маннергейма осталась военная служба.

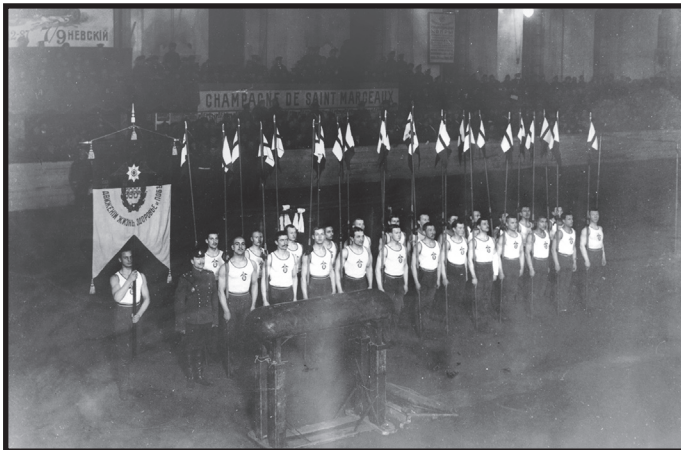
Столь серьезное наказание повлияло на мировоззрение будущего военачальника самым благоприятным образом, резко изменив его отношение к воинской дисциплине как основе основ службы в армии. Его привлекала не просто служба в одном из пехотных полков, выбор барона Маннергейма пал на кавалерию, на лучший и считавшийся первым в Русской армии, кавалергардский полк. Его упорству в достижении цели можно только позавидовать. Сдав необходимый для поступления в Николаевское кавалерийское училище университетский экзамен (обязательное условие для тех,

*Красное Село. Император Николай II обходит строй юнкеров
Николаевского кавалерийского училища. 1904 г.*

*С.-Петербург. Группа юнкеров училища в спортивных
костюмах перед показательными выступлениями в
Михайловском манеже. 1914 г.*

*С.-Петербург.
Здание б. Николаевского кавалерийского училища
(Лермонтовский пр., 54)*

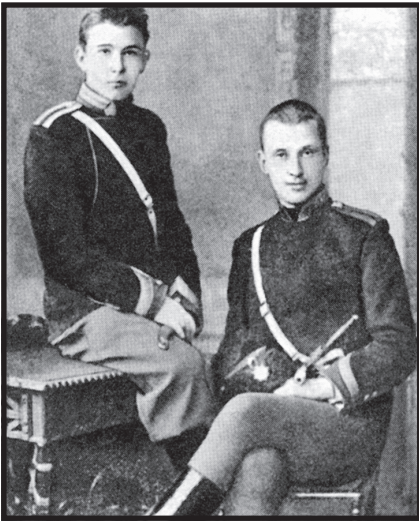
Памятник М.Ю. Лермонтову перед фасадом Николаевского училища. Открыт в день 100-летия со дня рождения поэта 9 мая 1914 г.

*К.Г.Маннергейм - юнкер.
1887-1889*

*Юнкер К.Г.Маннергейм
(справа) с товарищем
по Николаевскому кавалерийскому
училищу.
1887-1889*

*Присяга католиков.
Фото конца XIX в.*

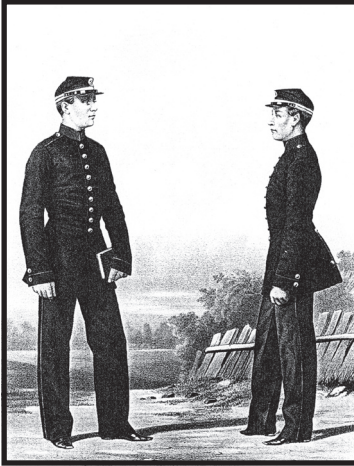

*Присяга иудеев.
Фото конца
XIX в.*

*Присяга магометан.
Фото конца XIX в.*

Камер-паж Пажеского Е.И.В. корпуса и юнкер Николаевского училища гвардейских юнкеров. Домашняя форма. 1866 г.

Камер-паж и юнкер эскадрона Николаевского училища гвардейских юнкеров. Парадная форма. 1862 г.

Николаевское кавалерийское училище. Парадная форма. 1872 - 1873 г.г.

Лагерь Николаевского кавалерийского училища в Красном Селе. 80-90 г.г. XIX в.

Нагрудный знак Николаевского кавалерийского училища

Юнкера Николаевского училища на стрельбах в Красном Селе. 1888 г.

кто не являлся выпускником кадетских корпусов и по итоговому баллу подлежал зачислению в военные училища) и основательно выучив русский язык, 14 сентября 1887 года барон Маннергейм был зачислен юнкером.

В училище барон Маннергейм в полной мере ощутил всю строгость настоящей воинской дисциплины. Она подкреплялась еще так называемым «цуканьем», состоявшим из довольно грубого, порой деспотичного, отношения юнкеров второго курса к юнкерам-первогодкам. (От немецкого *Zuck* – понукание к движению. То, что сейчас называют «дедовщиной» в армии или «годковщиной» на флоте, хотя, конечно, не в таких уродливых и бесчеловечных проявлениях). При этом, вспоминает Маннергейм в своих мемуарах, младших наименовали «зверями», в то время как последние обязаны были обращаться к юнкерам второго курса – «господин корнет». Юнкерам младшего курса запрещалось ходить по тем же лестницам, что и второкурсникам, им полагалось беспрекословно и во всем подчиняться «господам корнетам», выполняя любое, подчас самое бестолковое, приказание. Отвечать на любой вопрос старшего «зверь» должен был громко, внятно, бодро и при этом всегда правду. В училище действовал неписанный, но строго хранимый всеми юнкерами негласный кодекс. По нему любому из юнкеров запрещалось жаловаться, докладывать по команде о какой-либо несправедливости, допущенной по отношению к нему или другому юнкеру, за исключением случаев, угрожавших чести училища. Это считалось недопустимым для юнкера славного Николаевского училища. Начальство безусловно знало о существующем положении дел, но смотрело на все это сквозь пальцы, полагая «цук» одним из элементов воспитания офицера. Тем более, что все они в свое время прошли через это. Они рассуждали так: «Не нами заведено, не нам и отменять. Еще со времен самого Лермонтова в нашей Николаевской школе кавалерийских юнкеров был пресловутый «цук». Самими юнкерами это рассматривалось как особая форма товарищеской помощи в освоении неформальных корпоративных военных традиций и формировании привычки моментального исполнения без излишних рассуждений приказа-

ний старшего начальника. Подобное, в той или иной форме, было практически во всех военных училищах. При этом следует сказать, что когда молодой человек попадал в Николаевское кавалерийское училище, его первым делом спрашивали, как он желает жить – «по славной училищной традиции или по законному уставу?» Если он выбирал устав, то его «цук» миновал, но в таком случае он считался как бы отверженным, и с ним поддерживали только официальные служебные отношения, но никак не товарищеские. При этом, конечно, спуска ни в чем не было. Любая оплошность тут же наказывалась лишением увольнения, нарядами и прочим, ибо, согласно уставу, все были равны. Я думаю, что барону Маннергейму пришлось совсем не сладко первое время, так как помимо того, что он автоматически становился «зверем»-первокурсником, положение осложнялось еще и отсутствием за его плечами завершения в кадетском корпусе. Он считался поступившим в училище со стороны, по сравнению с перешедшими сюда выпускниками кадетских корпусов. Такие, как Маннергейм, по училищной традиции считались окончательно принятыми в семью юнкеров только после первых стрельб. Но, как мы увидим в дальнейшем, все у него сложилось благополучно, и присвоение звания портупей-юнкера 1 июля 1888 года, что соответствовало званию вахмистра в кавалерии, подтверждает это. Юнкера, носившие такие погоны, пользовались особым почетом среди сверстников, не говоря уже о молодых, для которых они становились «земными богами».

Дисциплина в училище поддерживалась еще и тем, что с первой минуты пребывания в корпусе юнкерам постоянно напоминали о том, что они уже не дети и что каждого из них в случае войны могут тут же направить в действующую армию и бросить прямо в бой.

Юнкеров гоняли до седьмого пота, подготавливая к присяге. Учили шаг строевому, с винтовкой, в сапогах, учили легкой прогулочной походке, учили держать высоко голову, не выставляя вперед подбородок, учили особо отданию чести: кому и как отдавать, как обер-офицерам, как штаб-офицерам, как своим, как чужим, как генералам. И так целый месяц. Пока, наконец, не наступал долгожданный день присяги.

Юнкера младшего курса впервые надевают парадную форму, и все эскадроны училища выстраиваются на плацу. Перед строем священники: православный в обычной черной рясе, лютеранский в черном сюртуке с белоснежным галстуком и мулла в чалме, с Кораном в руках. Присутствие священнослужителей трех конфессий на присяге было обязательным, поскольку национальный вопрос в Русской армии рассматривался только с точки зрения исповедуемой религии. Так, русские (украинцы, белорусы) и грузины исповедовали православие, немцы и жители Прибалтийского региона, куда относилось и Великое княжество Финляндское, в основном, являлись протестантами, большинство поляков были католиками и так далее. Торжественная клятва, данная своему священнику, становилась еще более проникновенной и строгой, ибо совершалась не только во имя Государя, но и подкреплялась обетом Богу. К слову сказать, ограничения по вероисповеданию (национальности) для офицеров, военных чиновников, врачей и вольноопределяющихся негласно регламентировались секретной инструкцией от 1888 года. Основные ограничения касались, в первую очередь, евреев (лиц иудейского вероисповедания). Иудеи не допускались во флот, гвардию, команды интендантского ведомства, крепостную артиллерию, пограничную стражу и конвойные команды. Кроме того, евреи не допускались для сдачи экзаменов на первый офицерский чин и не принимались в военные училища. Что касается евреев-врачей, то они не назначались в части, где по штатному расписанию полагался только один врач. Некоторые ограничения в получении офицерского звания и прохождении службы касались поляков (иногда и офицеров, женатых на полячках). Их не направляли на службу в Варшавский военный округ, в крепости на западных рубежах России и на Кавказ, а общее число их в каждой части не должно было превышать 20% (все сказанное относилось и к нижним чинам). Кроме того, в военные училища поляки принимались не более одного человека на курс, а в Академию Генерального штаба и Военно-юридическую они вообще не допускались. Некоторого пояснения требует вопрос о присутствии в Русской армии значительного количества офицеров и генералов, носящих так называемые «немецкие» фамилии. Объясняется это тем, что потомки

немцев, шведов, финнов, датчан, шотландцев и прочих иностранцев, поступившие на русскую службу в XVIII–XIX веках, почти полностью ассимилировались, приняли православие и считали Россию своей Родиной. Поэтому офицеров, носящих «немецкую» фамилию, к ним, кстати, можно отнести и Маннергейма, и исповедующих лютеранство, было всего около 2,6%, общее количество «немцев» достигало до 30% в гвардии, в армии они командовали 10 корпусами, 13 пехотными и 6 кавалерийскими дивизиями, 39 пехотными и 12 кавалерийскими полками, 59 артиллерийскими батареями.

Наконец на плацу появляется начальник училища генерал Бильдерлинг и, после приветствия: «Здравия желаем, Ваше Превосходительство!», подает знак начинать. Слышится команда: «Под знамя! (пауза) Слушааай (пауза)... На крааа (пауза)... ул!» Раз! Два! Три! Штыки и офицерские шашки взметнулись в небо, сверкнув лезвиями, и грянул училищный оркестр. Знамя показалось и поплыло над частоколом штыков. Наконец оно остановилось и раздалась следующая команда: «На молитву! Шапки долой!» Началась присяга...

«Обещаю и клянусь Всемогущим Богом, перед святым Его Евангелием, в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, Самодержцу Всероссийскому и Его Императорского Величества Всероссийского престола Наследнику верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к высокому Его Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, законные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности, исполнять.»

Его Императорского Величества государства и земель, телом и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление и во всем стараться споспешествовать, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. Об ущербе же Его Императорского Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведая, не токмо

благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать потищя и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предпоставленным над мною начальникам во всем, что к пользе и службе государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание и все по совести своей исправлять и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды против службы и присяги не поступать; от команды и знамени, где принадлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, следовать буду и во всем так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному офицеру (солдату) надлежит. В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий. В заключении сей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь.»

Текст присяги, составленной еще при Петре Великом был строг и точен. От некоторых слов становилось юнкерам не по себе. Еще страшнее прозвучали зачитанные вслед за присягой выдержки из регламента, где перечислялись всевозможные проступки и воинские преступления против дисциплины, знамени, присяги. За каждым из них стояли ужасные слова: «Смертная казнь...смертная казнь!»

Затем зачитывался статут ордена Георгия Победоносца – высшей военной награды Русской армии, от чего на душе юнкеров просветлело и отошло в сторону торжественно-страшное состояние, вызванное предыдущим чтением.

Потом каждый подходил к своему священнику, целовал поочередно Крест и Евангелие и возвращался в строй на свое место.

Каждый понимал – отныне и навсегда он русский солдат, готовый отдать всё – силы, здоровье и самую жизнь во имя Императора и Родины, во имя их спасения и блага.

А далее пошла учеба, которая проходила на удивление легко и непринужденно. Это объяснялось тем, что в училище было очень много прекрасных педагогов. Искусство строевой службы и верховой езды было доведено до совершенства. Оно не только не утомляло, а походило скорее на спортивное состязание. Будущим офицерам давалась и серьезная тактическая подготовка. Ее пре-

подавал талантливый и одаренный офицер, в то время полковник, М.В. Алексеев. В годы Великой войны, причем в самый тяжелый ее период, он заслуженно возглавит штаб Ставки Верховного Главнокомандующего, а позднее будет непосредственно Верховным Главнокомандующим. О нем с особой благодарностью вспоминает маршал Маннергейм в своих мемуарах. Хорошая тактическая подготовка офицеров-кавалеристов позволяла направлять их в годы Первой Мировой войны в пехотные части, где особенно был велик урон среди офицерского состава, так как пехота несла основные потери в боях; при этом можно справедливо отметить их успешное и умелое командование. Но и оставаясь в кавалерийских частях, им часто приходилось спешиваться и принимать участие в боях в пешем строю, особенно начиная с пятнадцатого года, когда война приняла затяжной позиционный характер. История Великой войны знает немало примеров яростных штыковых атак, в которых участвовали спешенные гусарские и драгунские полки.

Помимо теоретической подготовки, каждое лето училище в полном составе принимало участие в летних сборах, проводившихся в Красном Селе. Это позволяло практически участвовать в военных учениях, в которых был занят весь цвет императорской армии – ее гвардия и, в первую очередь, конные полки. Значение этих учений было весьма велико. Вот мнение генерала А.М. Зайончковского, выпускника Академии Генерального штаба и командира 37-й пехотной дивизии Петербургского военного округа, а затем 18-го армейского корпуса : «Тон всего обучения русской армии давал, как ни странно, Петербургский военный округ и, в частности, Красносельский лагерный сбор <...> Влияние его на обучение русской армии бесспорно». Тем более, что на сборах и учениях юнкера оттачивали искусство верховой езды на природе, в поле.

Если занятия в училищном манеже в основном сводились к манежной езде, как одному из видов кавалерийской подготовки, то в поле юнкера готовились к скачкам, преодолению препятствий, а также к действиям в составе эскадрона, полка, бригады и дивизии, то есть изучали и осваивали построения в различные боевые порядки и способы атаки противника в конном строю. Участие в скачках,

которые ежегодно проводились в Красном Селе, считалось делом обязательным для кавалерийского офицера и требовало мастерства и отваги. Поэтому юнкера-кавалеристы с огромным интересом наблюдали за происходящим, прекрасно понимая, что год-два спустя, им также будет необходимо принимать участие в этих состязаниях. Скачки по сложности разделялись на три приза. Самой сложной была скачка на императорский приз. Она представляла собой дистанцию в четыре версты с десятью препятствиями: река Дудергофка, дощатый забор, водяной ров, бруствер со рвом, вал, живую изгородь, вал с живой изгородью и водяным рвом, барьер из соломы, сухой ров и соломенный двойной барьер. Второй приз включал высшую манежную езду и трехверстную скачку с препятствиями. И третий приз – двухверстная скачка без препятствий. Понятно, что юнкера-кавалеристы должны были освоить все эти очень сложные приемы верховой езды, ибо участие в такого рода скачках ожидало их впереди.

За время пребывания в Красном Селе юнкера обучались также топографии, съемке местности и вычерчиванию карт. По этому предмету Маннергейм заработал высший балл. Полученные в училище знания геодезии пригодились ему много лет спустя, во время двухлетнего путешествия по Азии. Кроме работы с картами, юнкера, за период лагерного сбора, знакомились с практической стороной возведения полевых фортификационных сооружений и, конечно, упражнялись в стрельбе.

Кроме того, нахождение училища в Петербурге, а также участие в общearмейском сборе, позволяло юнкерам Николаевского кавалерийского училища чаще видеть Государя Императора Александра III и Наследника престола, что для каждого русского солдата и офицера всегда было незабываемым событием. Будучи богатырского телосложения, Император, казалось, до такой степени был наполнен нечеловеческой мощью, что глядя на него, каждый представлял себя песчинкой в общей многомиллионной массе русского народа, вся жизнь и устремления которого, воплотились в этом человеке. Одним своим видом Государь вселял в людей непоколебимое спокойствие и уверенность в своих силах и готовность отдать жизнь во имя и на благо Царя и Отечества.

И когда в октябре 1888 года случилось крушение царского поезда около станции Борки, какой неправдоподобной казалась мысль, что Государю, который является вершиной, сосредоточением этой могучей силы под названием Россия, может угрожать смерть от какой-то случайности в виде разошедшегося рельса на железной дороге. Как будто судьба всей страны могла зависеть от нелепой случайности. И одновременно с какой радостью было встречено известие о том, что никто не пострадал, мало того, сам Государь не растерялся и, как былинный богатырь, держал на своих плечах крышу рухнувшего вагона до тех пор, пока вся Царская Семья и свита не покинули его. Вот она подлинная мощь Императора! Разве можно усомниться в могуществе своей страны, своей армии, имея такого царя?

Училище с каждым днем становилось все ближе и ближе. Юнкера втягивались в повседневную жизнь, с ее размеренным укладом, с внутренними традициями, обычаями, даже привыкали к «цуканю». Училище становилось своим домом, имеющим неповторимые прелести и развлечения, шутки, песни и многое другое, ставшее со временем привычным. Вот шуточная юнкерская молитва, написанная в 1833 году знаменитым воспитанником Школы (так называли Николаевское училище в те годы, неофициально продолжали называть и после) М.Ю. Лермонтовым, которому стоит и ныне памятник перед главным фасадом здания, расположенного на проспекте, носящем его имя.

Царь небесный!
 Спаси меня
 От куртки тесной,
 Как от огня.
 От маршировки
 Меня избавь,
 В парадировки
 Меня не ставь
 Пускай в манеже
 Алехин глас
 Как можно реже

Тревожит нас.
 Еще моленье
 Прошу принять –
 В то воскресенье
 Дай разрешение
 Мне опоздать.
 Я, Царь Всевышний,
 Хорош уж тем,
 Что просьбой
 лишней
 Не надоем

Кстати, николаевские юнкера никогда не говорили «поэт Лермонтов». Принято было называть Лермонтова «корнетом», что звучало, как им казалось, более значительно.

Начиная с 1882 года, Русская армия получила новую форму. Старые изящные мундиры не шли к массивной фигуре Государя, который требовал национального покроя формы и ее практичности. Вместе с тем, вся кавалерия Русской армии подверглась так называемой драгунской реформе, и все славные наименования полков были изменены, и полки переименованы из гусарских и уланских в драгунские. Кроме того, были отобраны и их мундиры, которыми они так гордились. Многие офицеры покинули ряды своих полков, когда полки переделали и двинули на захолустные стоянки близ западной границы, откуда постоянно чувствовалась угроза. Отказ от формы и старых названий переживался офицерами как посягательство на традиции славных полков, с которыми теперь можно было познакомиться лишь в архивах. В дальнейшем, многие исследователи квалифицировали эти нововведения как крупную ошибку, в результате которой значительно упал престиж профессии офицера, а армия потеряла хорошо подготовленные кадры, что не могло не сказаться на ее боевых качествах.

Юнкера Николаевского училища также носили непопулярную тогда форму драгунских полков, получившую почти официальное название «мундир а-ля Russe». Она представляла собой, по воспоминаниям Маннергейма, следующее: «Высокие сапоги, синие штаны с красными лампасами, черная с золотым воротником куртка и головной убор с меховой опушкой и жестким красным верхом». Форма, как уже говорилось, не нравилась многим, в том числе и юнкерам. Маннергейм не был исключением, при выходе в город он старался надевать другую одежду.

В то же время офицеры пытались переделывать ее, каждый на свой лад. Кто укорачивал куртки, кто, наоборот, удлинял, другие увеличивали напуск штанов на сапоги, в результате иностранные наблюдатели, состоявшие при Русской армии во время Японской войны, отмечали это разнообразие офицерской формы.

Учеба в столичном престижном военном заведении подразуме-

вала еще и знакомство с высшим светом общества. Юнкера почти в обязательном порядке посещали балы, где заводили нужные знакомства, в первую очередь, с барышнями из благородных семейств, которые позднее зачастую заканчивались браками, что также было немаловажно для будущей офицерской карьеры. (Офицеру, а тем более юнкеру, запрещалось жениться ранее 23 лет, да и то с одобрения полкового офицерского собрания.) Не на одном ли из таких балов Маннергейм познакомился со своей будущей супругой Анастасией Араповой, дочерью кавалергарда?

Между тем учеба продолжалась, и мы можем познакомиться с программой преподавания в военных училищах по количеству учебных часов, отведенных на предметы в неделю:

Закон Божий	1
Русский язык и литература	4
Французский язык	2
Немецкий язык	2
Математика	3
Естественные науки	2
История	2
Тактика	10
Артиллерия	5
Фортификация	5
Военная администрация	2
Военное законодательство	2
Военная гигиена	1
Всего ...	47 часов

Огромное внимание, почти по четыре часа ежедневно, уделялось обучению верховой езде, физической подготовке – гимнастике и, конечно, фехтованию. Какой будущий гусар, улан или драгун не мечтал о виртуозном владении саблей или пашкой, он часами отрабатывал в фехтовальном зале удары и уколы, доводя их до совершенства. Тем более, что в училище, наряду с обычными юнкерами, было и отделение для будущих казачьих офицеров. А казаки

с самого малого возраста учились владеть шашкой, как истинные профессионалы этого дела. Отрабатывая рубящие удары на лозе, на глиняных манекенах или просто рассекая струю воды так, что ни одной капли не было видно после взмаха клинка, они задавали тон и всем остальным юнкерам, порождая здоровый дух состязания.

Но все-таки из всех дисциплин на первом месте была верховая езда – главная наука для кавалериста. Для отличной езды необходим талант, как в любом искусстве, а кроме того, необходимы природные физические качества человека и постоянные тренировки, чтоб он стал красивым, ловким и искусным наездником. Всеми этими качествами Маннергейм обладал в полной мере. Обучение езде начиналось с выработки и усвоения всадником красивой и твердой посадки, которая достигалась максимально возможным соприкосновением тела наездника с лошадью, оттягивая ноги вниз и повернув носки к лошади. Без отличной гимнастической подготовки здесь было не обойтись. Затем отрабатывалось положение корпуса и рук. Положение корпуса должно быть абсолютно прямым, при этом руки от плеч до локтя отвесны, а от локтя до кистей – под прямым углом. Одновременно требовалось, чтобы локти были «пришиты» к телу и не болтались во время езды. От локтя до кисти рука должна быть каменной, сама же кисть мягкой и поворотливой, чтобы управление лошадью совершалось только кистью и абсолютно незаметно для постороннего взгляда. Только соблюдая эти правила при всех аллюрах и поворотах, всадник должен иметь неизменное и прочное положение тела, как каменная статуя, составляя с лошадью одно целое. В таком случае говорят: «Сидит в седле, как влитой!»

Кавалерийская седловка и посадка на коне, принятая в русской регулярной коннице, соответствовала общеевропейским правилам верховой езды, с седлом английского образца и на мундштуках. Мундштук – металлический прибор, вкладываемый в рот лошади и пристегиваемый к ее оголовью. Всадник получает возможность с наименьшим усилием, а главное, одной рукой управлять лошадью, оставляя вторую руку свободной для шашки или пики. Но если мундштук сильно потянуть или дернуть, то он причиняет лошади

сильную боль, которая отзывается в спине и ногах, и лошадь можно просто испортить. Насколько ювелирными должны быть движения кисти, управляющей поводьями!

Казачья седловка и посадка отличались от принятых в регулярных полках: не использовался мундштук, что намного усложняло управление лошадью, но не мешало казакам быть лихими наездниками и продемонстрировать лихую джигитовку.

Добившись выдающихся результатов в умении обращаться с конем на любых аллюрах, Маннергейм со временем стал настоящим профессионалом-наездником. В будущем ему это очень пригодилось, когда пришлось обучать солдат-новобранцев в Александрийском гусарском и Кавалергардском полках и даже офицеров-кавалеристов в Высшей офицерской школе.

Система оценок в учебе была двенадцатибалльной, от среднего балла по всем предметам зависело по какому разряду будет выпускаться будущий корнет. Первый разряд означал наличие среднего балла не ниже девяти. По первому разряду выпускники Николаевского кавалерийского училища направлялись в гвардию без старшинства или в армейский кавалерийский полк с одним годом старшинства. Юнкера, закончившие училище по второму разряду, выпускались корнетами в армейские полки без старшинства.

Учеба давалась Маннергейму легко. Поэтому два года пребывания в училище пролетели незаметно. Особенно полюбил он верховую езду и пронес эту любовь, как и любовь к лошадям, через всю свою жизнь.

Наконец наступает день 10 августа 1889 года. Ритуал производства в офицеры происходит по окончании лагерного сбора. Юнкера выпускных курсов выстраиваются по ранжиру училищ. Первыми, на правом фланге, стоят пажы, затем юнкера Павловского пехотного училища, за ними Михайловского артиллерийского. Следующими выстраиваются юнкера Николаевского кавалерийского. Они по-прежнему в своей драгунской форме, но у каждого в кармане лежит заветная пара новеньких блестящих офицерских погон со звездочками. К юнкерам с речью обращается сам Император. Он говорит о русском солдате, о высокой чести этого звания, о любви

к Отечеству. Его заключительные слова: «Поздравляю вас с производством <...> до свиданья, господа офицеры!» – звучат особенно торжественно. Все глотки юнкеров и пажей надрываются в общем неудержимом «ура!» Строй юнкеров рассыпается, все обнимаются, целуются, срывают друг с друга старые погоны и начинают прицеплять офицерские. Так завершились два года учебы Маннергейма.

Несмотря на отличные показатели в учебе, его постигает разочарование. Мы помним о стремлении Маннергейма стать кавалергардом. И хотя офицерское собрание Кавалергардского полка одобрило его кандидатуру, тем не менее, свободных вакансий в полку не оказалось, и Маннергейму пришлось выбирать для службы другой полк. Так его выбор пал на 15-й Александрийский драгунский (бывший гусарский) полк. Именно с этого прославленного полка, в сентябре 1889 года, началась его служба в первом офицерском чине корнета Русской армии.

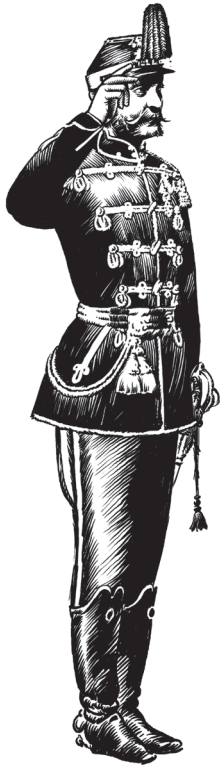

«БЕССМЕРТНЫЕ» ГУСАРЫ

*Кто не знал, не видал
подвигов заветных?
Кто не знал, не слышал
про гусар «бессмертных»?
Марш вперед, труба зовет,
«черные гусары»!
Марш вперед, смерть нас ждет,
наливайте чару!*

*Песня 5-го Александрийского
гусарского полка*

Наверное, начать службу в таком славном полку, как Александрийский, было отнюдь не плохо для молодого корнета Маннергейма. «Черные» или «бессмертные» гусары, как называли их в войсках, с гордостью носили это наименование. Какова же история этого полка, откуда эти гордые, внушающие страх врагам прозвища?

Впервые упоминание о гусарах встречается в 1458 году в Венгрии. Самим словом «гусар» (в переводе с венгерского «husz» – двадцать и «ag» – подать) назывался дворянин-ополченец, призванный на службу с двадцати дворов. За основу обмундирования первых гусарских полков в Европе был взят красивый национальный венгерский костюм. Но «красота» была, в первую очередь, целесообразна.

Накинутый на левое плечо, расшитый металлическими шнурами и отороченный мехом ментик смягчал сабельный удар и служил одновременно зимней верхней одеждой, такую же функцию выполнял доломан – куртка, носившаяся в рукава и расшитая металлизированными серебряными или золотыми шнурами. Металла было в них достаточно много. Так, в 1868 году офицеры Лубенского гусарского полка собрали серебро из своих упраздненных «ментий» и отлили из него полковой кубок, вмещавший «бутылку и стакан шампанского» и ставший полковой чашей для торжественных случаев.

Первое упоминание о гусарах в России относится к царствованию Петра Великого, когда шло формирование регулярной русской армии. Основу кавалерии при Петре составляли драгунские полки, совмещавшие в себе качества и пехоты, и кавалерии, действующие одинаково хорошо как в конном, так и в пешем строю. В качестве легкой кавалерии использовались казачьи полки, которые, однако, считались иррегулярной конницей, издавна располагавшейся на окраинах России и предназначавшейся для охраны рубежей.

Первые упоминания о казаках как об определенной группе населения и роде войск относятся к концу XVI века. Речь идет о Донском, Гребенском и Яицком казачьих войсках, которые еще в 1571 году присягнули на верность русскому царю и с тех пор несли свою ратную службу, поставляя необходимое количество полков в случае войны. Однако, учитывая свобододолюбивый характер казачества, выборность атаманов по решению казацкого круга и постоянное стремление лишь номинально подчиняться Москве, не допуская прямого подчинения, казаки считались войском иррегулярным. Свежи еще были в памяти походы Стеньки Разина в царствование Алексея Михайловича, да и во времена Петра Великого казаки отметились восстанием под руководством Кондрата Булавина. Поэтому, понимая необходимость наличия регулярной легкой кавалерии, Петр I сделал попытку в 1707 году создать первое подразделение регулярной легкой гусарской конницы. Формирование отряда в 300 человек, состоявшего из венгров, молдаван, валахов и сербов, было поручено выходцу из Сербии на русской службе – Апостолу Кичичу (Кизечу – по некоторым данным). В качестве образца были взяты венгерские

гусарские полки австрийской армии. Но во время Прутского похода (1711) они ничем не отличились, пьянствовали и буянили, поэтому после окончания боевых действий их распустили.

Помимо известных уже Донского и Яицкого казачьих войск, существовали казачьи поселения на Украине, подвергавшейся постоянным набегам крымских татар. Эти поселения получили названия слободских казачьих полков. Именно они впоследствии стали первыми русскими гусарскими полками. Почему именно русскими? Да по той причине, что возрождение гусарских полков как рода кавалерии относится к периоду Русско-Турецкой войны 1735–1739 годов и для их комплектования по-прежнему привлекались иностранцы. В истории упоминается «гусарский корпус» числом в 500 человек, удачно участвовавший в осаде Очакова в составе Днепровской армии Миниха. С 1741 года по царскому указу гусарские полки прочно вошли в состав Русской армии. Однако, как и при Петре, формировались они выходцами из европейских государств, в основном, из южных славян. Отсюда и их названия – Сербский, Молдаванский, Венгерский, а также Грузинский, укомплектованный жителями Кавказа. В дальнейшем полки подвергались различным реформированиям, сливались один с другим, расформировывались и возникали заново. Так, в 1759 году возникают Македонский и Болгарский, соединившиеся в 1761 году, Воложский с 1760 года, поселенные полки Хорвата – с 1751 года, Новосербский – с 1752 года, Прерадовича и Шевича – с 1754 года. В 1765 году появляются, переименованные из казачьих, первые русские гусарские полки – Сумской, Ахтырский, Харьковский, Изюмский, Острогжский. Русские гусарские полки с 1783 года получают наименование – Украинская конница, гусарские полки, набранные из южных славян, – с 1776 года Екатеринославская конница. В состав последней, на этот момент входили: Славянский, Иллирический, Сербский, Далматский, Воложский, Молдаванский, Македонский и Венгерский полки.

В 1784 году южнославянские гусарские полки соединяются и переименовываются. Появляются новые славные имена полков, сохранившие свои названия до сего времени, правда, только лишь

для истории. Из Сербского и Болгарского – Херсонский гусарский полк, из Иллирического и Воложского – Константиноградский гусарский полк, из Днепропетровского и Екатеринославского – Павлоградский гусарский полк, из Луганского и Полтавского – Мариупольский гусарский полк, из Елисаветградского и Херсонского пикинерного – Елисаветградский, и, наконец, из Македонского и Далматского – наш Александрийский гусарский полк.

Так начинается история славных «черных» или «бессмертных» гусар-александрійцев, ведущих свое начало от Македонского полка, основанного в 1759 году, и получивших свое нынешнее имя с 1784 года, в «золотой век» Екатерины Великой. Каждый гусарский полк, сохранив исторический «венгерский» костюм – ментик, доломан, чашку и прочие детали, отличался от остальных цветом мундира. Александрийцы носили форму черного цвета с серебряными металлизированными шнурами (отсюда первое прозвище гусар-александрійцев – «черные гусары»), ахтырцы – коричневого и так далее.

Появление наименования «бессмертные гусары» связано с событиями 1813 года, когда Русская армия участвовала в освободительном походе на Париж против Наполеона. Сражение 13–14 августа 1813 года при Кацбахе, бывшее между 11 французским корпусом маршала Макдональда и русско-прускими войсками, которыми командовал генерал Блюхер, по прозвищу «Вперед», навеки будет памятно александрийцам и по пожалованному отличию на кивера, а главное потому, что со времен Кацбаха они имеют честь носить, хоть и неофициально, почетное наименование «бессмертных».

По преданию, произошло это следующим образом: как известно, Кацбахское сражение прошло под проливным дождем, превратившим почву в топкое болото, – грязь была просто непролазная. Генерал Блюхер, объезжая по окончании сражения свои победоносные войска, подъехал к Александрийскому гусарскому полку, который отменно отличился в только что блистательно завершеном деле.

Полк, от конских копыт до верхушек киверов, был залеплен грязью и даже вблизи казался совершенно черным. Нарочно ли, или на самом деле перепутав, Блюхер сделал вид, что принял наших гусар за своих любимцев прусских Tod-Husaren (Tod – по-немецки смерть,

т.е. гусары-смертники) и, поздравляя полк с блестящей победой, обратился к нему, как к своим любимцам. Надо сказать, что в Русской армии уважали этого старого генерала, рубаку-гусара, и дорожили его похвалой. Но название *Tod-Husaren* для русского слуха звучало несколько театралью, поэтому тогдашний командир полка, князь Валериан Мадатов, уроженец Востока, вспомнив о старинном названии отборной гвардии персидских царей, предложил заменить блохеровское наименование славным именем «бессмертных».

За Кацбахское сражение два эскадронных командира были пожалованы орденами Св. Георгия 4-й степени. Полк к концу кампании 1813 года насчитывал в своих рядах 11 Георгиевских кавалеров, а вступая в 1814 году в Париж, александрейцы имели уже 15 кавалеров, то есть половина офицеров полка была украшена белыми крестиками.

Гусар... Какими романтическими грезами был окружен его образ. Лихо закрученные усы, расшитый ментик, чашка, доломан, грозная сабля, шампанское, пунш, отчаянная храбрость, и в то же время – поэт, пылкий любовник, картежник и дуэлянт.

Сраженья страшный час настанет,
В ряды ядро со треском грянет;
А ты, над ухарским седлом,
Рассудка, памяти не тратишь:
Сперва кудрявый ус ухватишь,
А саблю верную потом.

А.С. Пушкин

Истоки воинской славы гусар-александрейцев, увенчанных славным именем «бессмертные», следует искать еще ранее, под стенами Измаила, где полк, в составе войск великого Суворова, участвовал в легендарном штурме.

«Скорее небо упадет на землю, и Дунай потечет вверх, чем падет Измаил!» – хвастливо утверждал комендант самой грозной из турецких крепостей, сераскир Айдос-Мехмет-паша, запертый в ней со своим 35-тысячным гарнизоном. У Суворова было 30 тысяч солдат,

но он был Суворовым: «Сераскиру, старшинам и всему обществу. Я с войсками прибыл сюда. 24 часа на размышление – воля. Первый мой выстрел – уже неволя, штурм – смерть, что и оставляю вам на размышление». 11 декабря 1790 года беспримерным штурмом русские овладели турецкой твердыней. Из гарнизона практически никто не спасся, около 9000 взяты в плен, вместе с 300-и знаменами и 266-ю орудиями, остальные были уничтожены. Потери русских – около 4000 убитыми, около 6000 ранеными. Измаил сделал имя Суворова легендарным. Александрийский полк приобрел своего первого Георгиевского кавалера – секунд-майора Титова, получившего высшую воинскую награду за отчаянную храбрость в жесточайшей сабельной рубке с турками.

Война с Турцией продолжалась, ибо падение Измаила не повлияло желательным образом на Порту. Общее командование русскими войсками было передано от князя Потемкина князю Репнину. Последний решил действовать безотлагательно и уже в апреле выслал отряды Голицына и Кутузова в Добруджу, где они произвели удачный поиск. План русских войск состоял в переправе главных сил через Дунай и демонстрации от Измаила, что и было поручено Кутузову, действовавшему искусно и разбившему у Бадабача 20000 турок. Сам Репнин с главными силами переправился через Дунай и 28 июля 1791 года на рассвете атаковал турок под Мачином. В Мачинском сражении принял участие и Александрийский гусарский полк, которым руководил генерал-майор граф Торماسов, за что и был удостоен высшей военной награды России – ордена Св. Георгия 4-й степени.

Поражение под Мачином побудило Оттоманскую Порту вступить в переговоры. Однако турки всячески их затягивали, надеясь на успехи своего флота. Тогда Императрица Екатерина II приказала выступить из Севастополя всему Черноморскому флоту под командованием непобедимого Федора Федоровича Ушакова. 31 июля, у Калиакрии, Ушаков настиг турецкий флот Капудан-паши и наголову его разбил. Опасаясь за Стамбул, султан приказал ускорить заключение мира, который и был подписан в Яссах 29 декабря 1791 года. Порта подтверждала условия Кучук-Кайнарджийского договора, отказывалась от каких-либо притязаний на Крым и усту-

пала России Кубань и Новороссию с Очаковым. Кроме того, было условлено, что господа Молдавии и Валахии будут назначаться на семь лет и не сменяться без согласия России.

Так александрийцы участвовали во Второй Турецкой войне 1787–1791 годов, где им посчастливилось биться под командованием великого Суворова, и в свою боевую летопись вписать такие славные страницы, как Измаил и Мачин. Четыре года спустя, они вновь увидят Суворова, и, ведомые им, будут громить поляков под Кобылкой и Прагой. 12 октября 1795 года, под Кобылкой, Суворов действовал также решительно, как и под Рымником, принесшим ему графский титул. Здесь русская конница, в том числе и славные александрийцы, атаковала в конном строю полевые укрепления поляков. Штурм Праги, за который Суворов получил свой фельдмаршальский жезл, сам полководец оценивал таким образом: «Сие дело подобно измаильскому». Диспозиция войскам накануне штурма начиналась следующими словами: «Его Сиятельство граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский на завтра повелели взять штурмом прагский ретраншамент». После такого приказа нельзя было не взять крепость. В результате кровопролитного сражения 24 октября Прага была взята. На следующий день капитулировала Варшава и кампания была завершена. Высшей военной наградой отмечены шеф александрийцев генерал-адъютант граф де Ламберт и командир полка полковник Гижицкий.

На этом участие александрийцев в суворовских кампаниях заканчивается. Знаменитые Итальянский и Швейцарский походы великого полководца, ставшие последними и блистательнейшими в его жизни, прошли без них. Но разве мало Измаила и Праги, на века прославившие полк, над которым веял гений величайшего полководца России.

Можно представить в каком напряжении находилась Россия, русский народ и Русская армия с 1805 по 1815 годы. Двадцать пять лет войны за десять календарных лет. Одновременные боевые действия с двумя, а то и тремя противниками. Посудите сами:

- 1805 – война с Францией, война с Персией;
- 1806 – война с Францией, война с Персией, война с Турцией;

- 1807 – война с Францией, война с Персией, война с Турцией;
- 1808 – война со Швецией, война с Персией, война с Турцией;
- 1809 – война со Швецией, война с Персией, война с Турцией;
- 1810 – война с Персией, война с Турцией;
- 1811 – война с Персией, война с Турцией;
- 1812 – война с Францией, война с Персией, война с Турцией;
- 1813 – война с Францией, война с Персией;
- 1814 – война с Францией;
- 1815 – война с Францией.

Потерпев поражение под Аустерлицем, русские армии тем не менее заслужили высочайшую оценку противника. Наполеон, находясь уже на острове св. Елены, вспоминал, что Русская армия 1805 года была лучшей из всех выставленных когда-либо против него. Это высокое качество армии объясняется, помимо природных данных русского офицера и солдата, еще и тем, что та армия была по духу еще суворовской. При сроке службы в 25 лет нет ничего удивительного, что не только старикам, помнившим Рымник и Измаил, штурм пражского ретраншаменты, но и молодым офицерам, и солдатам – недавним героям швейцарского похода – был лично известен Александр Васильевич и его «Наука побеждать».

Отступая перед превосходящими силами французов, русские армии огрызались жестокими арьергардными боями. Весь день 14 декабря 1806 года отряд Остермана в 5000 человек, куда входил и Александрийский полк, удерживал под Чарновым 20000 французов. Здесь шеф полка генерал-адъютант граф де Ламберт был удостоен ордена Св. Георгия 3-й степени.

27 января 1807 года началось генеральное сражение под Прейсиш-Эйлау. Наполеон предполагал двойной стратегический охват нашей армии, отрезая ее от Кенингсберга корпусом Нея, а от границы корпусом Даву. Сам же начал сражение атакой русского левого фланга корпусом Ожро. Однако Ожро сбился с дороги вследствие поднявшейся метели и вместо левого фланга вышел прямо на центр русских, где был встречен в упор картечью и ударом в штыки. Половина французов полегла на месте, остальные обратились в бегство. Чтобы спасти положение, Наполеон бросает в

дело конницу Мюрата, которая была отражена огнем русских каре и изрублена нашей кавалерией. Действия обходящих корпусов Нея и Даву разбились о мужество и героизм русских полков. Упорный бой продолжался до самого вечера и прекратился лишь с наступлением ночи. Русские отступили, но Наполеон не преследовал их. Здесь он впервые испытал разочарование в своих войсках, досыта отведавших русского булата и картечи. Девять дней он не двигался с места, убеждая Европу и самого себя, что французы победили.

2 июня 1807 года Наполеон настигает Русскую армию у Фридланда и после упорнейшего сражения, понеся большие потери, оттесняет ее за Неман. 12 июня подписывается перемирие, а 27-го в Тильзите – мир.

Александрійцы отличились в одном и другом сражениях, о чем свидетельствуют их награды. Командир полка, полковник Русанов, офицеры – подполковники Ефимович и Лукьянович, а также майор Филиппьев стали кавалерами ордена Св. Георгия 4-й степени.

Пятилетнее перемирие с французами позволило России завершить Турецкую войну и подготовиться к новым сражениям с Наполеоном.

Александрійский гусарский полк перебрасывается в Дунайскую армию, где отличается в деле под Чаушкoем в кампанию 1809 года, 1 июня 1810 года при штурме Разграда, 26 августа под Батиным, а затем и под Шумлой. В этих сражениях отличился будущий командир и шеф полка, а пока еще майор, князь Мадатов, тот самый, с чьей легкой руки александрійцы получают наименование «бессмертных» за Кацбах, в 1813 году. Кроме Мадатова, Георгиевскими кавалерами стали ротмистр Марьянович и штаб-ротмистр Бутовский.

Примером отваги Мадатова может служить следующий эпизод, упоминающийся в книге А.И. Михайловского-Данилевского «Военная галерея Зимнего дворца»: «В начале Батинского сражения 26 августа 1810 года офицеры Александрійского гусарского полка собрались вокруг своего шефа Ланского, который позже, 23 февраля 1814 года, пал героем под Каоном (город во Франции), и разговаривали об одном подполковнике, за какое-то дело получившем орден Св. Георгия 3-го класса. Князь Мадатов спросил: «Что бы мне

сделать для получения Георгиевского креста?» Ланской показал ему на густую колонну турецкой конницы, выходявшую в то время из укрепленного лагеря, и, шутя, сказал Мадатову: «Разбей их!»

Не медля ни минуты, испросив разрешения своего шефа, Мадатов понесся с двумя эскадронами гусар, и густая колонна турок обращена была в бегство.

Чин подполковника был наградой подвига Мадатова под Батиным, ибо Георгиевский крест прислан ему на другой день после сего сражения, за взятое им в июне месяце орудие».

Кампанию 1812 года Александрийский полк встретил в армии генерала Торماسова, командовавшего полком еще в деле при Мачине, в далеком 1792 году. Армии Тормасова предстояло сражаться с корпусами Шварценберга и Ренье, не допуская их соединения с главными силами Наполеона. В кампанию 1812 года Александрийский полк выполнял поставленную перед кавалерией армии задачу и отличился в делах под Пружанами и Чаруково. Когда же пришел конец нашествию, полк принял участие в последнем сражении на русской земле, громя на Березине остатки убегающих из России наполеоновских полчищ.

28 декабря 1812 года Русская армия, ведомая Кутузовым, перешла Неман. 1 февраля 1813 года ознаменовалось первой победой Русской армии в заграничном походе. Второй раз в истории, под Калишом, было нанесено поражение очередному врагу. Летучий корпус генерала Винцингероде, куда входили и александрийские гусары, через сто лет после драгун Петра Великого, сокрушивших драбантов Карла XII, разгромил саксонский корпус Ренье. Князь Мадатов, ставший уже полковником и командиром александрийцев, получил орден Св. Георгия 3-й степени. А затем последовал Кацбах, прославивший русскую кавалерию и давший александрийцам славное имя «бессмертных». 14 августа 1813 года во встречном бою, в бурю и ливень, сделавших стрельбу невозможной, русские одним булатом вогнали армию Макдональда во вздувшиеся воды Кацбаха.

За эту славную победу Александрийский гусарский полк, помимо своего нового имени, получил и знаки на шапки.

Затем последовало еще несколько удачных дел при Денневице, при Бриенне и Ла Ротьере. Еще семь офицеров полка, кроме командира, стали Георгиевскими кавалерами за боевые отличия в делах заграничного похода 1813–1814 годов. Особо стоит выделить ла-ротьерский бой, проводившийся по личным указаниям Императора Александра Павловича. Общей наградой полка стали георгиевские серебряные трубы, врученные за 1812–1814 годы. Таким образом полк награждался за доблесть, проявленную им с первого до последнего дня всей кампании.

Война 1828–1829 годов совсем не баловала успехами Русскую армию, хотя все-таки, при крайне неудачном начале, она завершилась победоносно и даже блистательно. Впервые, со времен князя Олега, русские подошли так близко к Царьграду-Стамбулу и продиктовали свои условия поверженному врагу.

Одним из наиболее выдающихся дел этой тяжелой кампании было сражение 31 мая 1829 года под турецкой крепостью Шумла, где принял участие и вновь отличился Александрийский гусарский полк. Разбитые накануне под Кулевчей турки пытались пробраться в Шумлу для соединения с гарнизоном крепости. Для предотвращения этого было направлено несколько колонн русских войск. В ближайшую к крепости колонну была назначена, вместе с бригадой егерей, 3-я гусарская дивизия, которой командовал бывший командир александрийцев генерал князь Мадатов. В состав дивизии входили полки – Ахтырский, Александрийский и полк принца Оранского (Белорусский). Четвертый полк дивизии – Мариупольский – был в особой командировке. При дивизии шло 4 орудия 6-й конно-артиллерийской роты.

Комендант Шумлы, желая дать возможность спасшимся от Кулевченского поражения войскам войти в крепость, 31 мая выслал навстречу беглецам к местечку Эски-Стамбул всю свою кавалерию, в количестве 3000, которая и выстроилась на высотах против правого фланга русских. В тылу турецкой кавалерии было два далеко вынесенных редута, прикрывавших пехотный лагерь. Третья гусарская дивизия, как раз занимавшая правый фланг, должна была первой встретить натиск турецкой конницы.

*Рядовые Ахтырского,
Александрийского
и графа Витгенштейна
гусарских полков. 1826–1828 гг.*

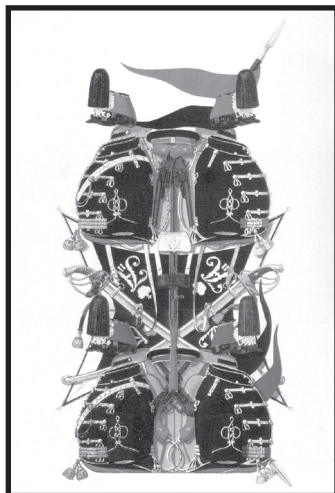

*Офицеры Ахтырского
и Александрийского
гусарских полков.
1820 г.*

Схема униформы
Александрийского
гусарского полка.
1874 г.

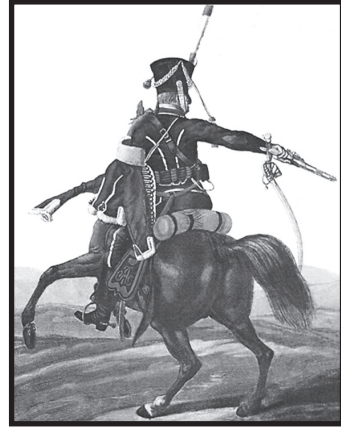
Трубач 5-го
Александрийского
Е.И.В. Вел. Кн.
Николая Николаевича
старшего и обер-офицер
12-го Ахтырского Е.К.В.
принца Фридриха Карла
Прусского полков.
1869 г.
(Парадная и
обыкновенная формы)

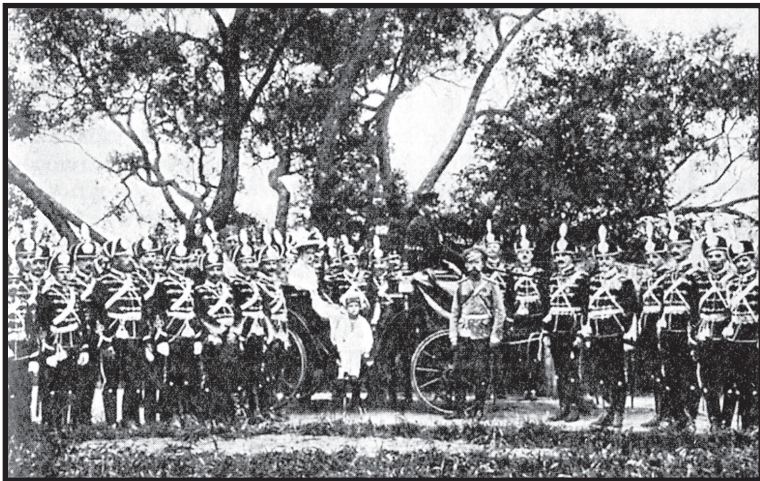

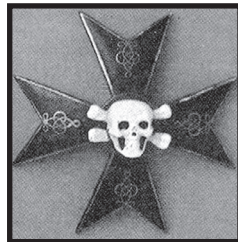
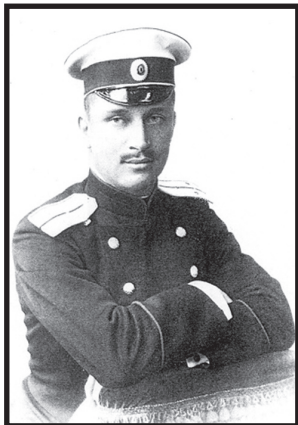
*Рядовой Александрийского
гусарского полка. 1816 г.*

*Унтер-офицер Александрийского
гусарского полка. 1816 г.*

*Офицеры 5-го Александрийского гусарского полка
с Императором Николаем II и его семьей*

*Нагрудный знак 5-го Александрийского
гусарского полка (офицерский)*

*Корнет 15-го Александрийского полка
Маннергейм. 1890 г.*

Корнет Маннергейм с солдатами Александрийского полка

Старинное изречение, что «История кавалерии есть история ее генералов», а также твердо установленная истина, что «Даже лучшая в мире кавалерия лишь только под начальством генерала, способного вести войска к победе, совершит деяния, достойные быть занесенными в скрижали истории», на сей раз блистательно подтвердились. Во главе дивизии стоял знаменитый князь Мадатов, еще в прошлую турецкую кампанию 1806–1812 годов, в штаб-офицерском звании, за доблесть в деле при Чаушкое, получивший Георгиевский крест на шею в рядах того же «бессмертного» Александрийского полка.

Он твердо усвоил суворовское: «Всякие рекогносцировки нужны лишь робким, атакуйте – вот мои рекогносцировки», а также его слова о том, что вся кавалерийская тактика заключается в одном слове – «Вперед!». Построив полки на карьере в две линии, – Александрийский и принца Оранского полки в первой, в интервале между ними и резервом 4 орудия, а в резервной второй линии оставив ахтырцев, князь Мадатов обратился к гусарам: «Вот перед вами случай позабыть все неудачи этой кампании». Встав впереди первой линии, он сам повел полки в атаку. Минута и, – стройные до того, ряды турецкой конницы дрогнули, смешались и повернули вспять. На «хвосте» у них неслись гусары.

Проскочив на бешеном карьере мимо редутов, гусары ворвались в пехотный турецкий лагерь. Столь неожиданное и смелое появление русской кавалерии в самом лагере быстро сделало свое дело – турецкая пехота бросилась в паническое бегство. Навстречу разбегавшимся туркам и наступавшим гусарам выступила свежая турецкая пехотная колонна. На полном ходу изменив фронт атаки, князь Мадатов в мгновение ока смял и эту колонну, тотчас повернувшую обратно. Все пространство вправо от Шумлы было очищено от врага, не разбитыми были лишь гарнизоны двух редутов, оставшихся в тылу гусар. Оба редута представляли собой долговременные укрепления с артиллерией. Внезапно из-за одного редута показался отряд турецкой кавалерии, уцелевший после первого столкновения. По приказу князя Мадатова первый дивизион александрийцев под командой ротмистра Дарагана, командира эскадрона, бросился в атаку и погнал турок.

В пылу погони, среди криков «ура» и воплей ужаса, конского топота и лязга сабель, дивизион подлетел к редуту, где был в упор встречен картечью. Повернуть назад на выдохшихся от долгой скачки конях, под градом огня, сулило большие потери, продолжать атаку мешали высокие и грозные валы редута. Ни на секунду не задумавшись, ротмистр Дараган с карьера спешивает гусар, и, бросив пики, с одними саблями, не обращая внимание на картечь, гусары скатываются в ров, забираются на стену и слетают в мгновение ока во внутренность редута. Начинается остервенелая, кровавая схватка у орудий. Пораженный пулей в сердце и ятаганом в голову погибает ротмистр Дараган, его заменяет поручик Муратов и – тут же гибнет от турецкой пули. Гусары продолжают отчаянно рубиться с турками, которые пощады не просили и защищались изо всех сил. Один за другим гибнут офицеры. У самых жерл орудий зарублены поручик Шемель и братья фон Бригены – штаб-ротмистр и корнет. Лишившись офицеров, гусары было приостановились, но в это время подоспели егеря 22-го полка и своими штыками довершили дело, так славно начатое александрийскими саблями. Второй редут был взят ахтырцами, причем, их потери были сравнительно небольшими, так как этот редут был менее укреплен, да и его защитники, видя печальную участь своих товарищей, дрались уже не так ожесточенно.

Пока шла схватка за редут, остальные 4 александрийских эскадрона, под начальством командира полка Муравьева, уничтожали все, что было в турецком пехотном лагере. В самой гуще сечи унтер-офицер третьего эскадрона Картамышев отбил знамя самого турецкого паши.

Отличились в схватках и гусары полка принца Оранского, под командой полковника Плаутина. Трофеями этого славного дела стали пять пушек, три из которых взяли александрийцы, и 14 знамен.

Турок полегло, не считая взятых в плен, около 600 человек. Но и наши потери были тяжелыми. Кроме убитых на валах редута пятерых офицеров, полк потерял смертельно раненого, последнего, третьего из братьев фон Бригенов. Нижних чинов убито 86 и ранено 139.

И «небывалое бывает» – геройское дело удостоилось и особых наград. Князь Мадатов, по донесению командующего Русской армией Дибича, бывший везде первым и указывавшим путь к победам, «за примерное мужество, храбрость и неустрашимость» (слова рескрипта) был пожалован орденом Александра Невского.

Командир полка, полковник Алексей Захарович Муравьев, старший брат Муравьевых – декабристов, из-за своего родства с ними в 1825 году даже арестованный, получил орден Св. Георгия 3-й степени и был вскоре произведен в генералы. Полк получил георгиевские штандарты, а нижние чины по 5 знаков отличия Военного ордена (Георгиевские кресты) на эскадрон и по 5 рублей на человека. Командиры полков принца Оранского и Ахтырского, полковники Плаутин и Нечволодов – ордена Св. Георгия 4-й степени.

«Я знал, что александрийцы покажут себя героями. Горжусь, друзья, вами; горжусь, что ношу ваш мундир, и радуюсь, что вы порадовали Царя небывалой победой, а туркам показали, что может сделать храбрый русский солдат», – с этими словами обратился к полку по окончании дела доблестный александриец князь Валериан Григорьевич Мадатов.

Весь последующий период своей истории Александрийский полк нес службу мирного времени, меняя стоянки от случая к случаю, отправляя офицеров-добровольцев на театры военных действий, которые вела Россия. Многие выходцы из славного Александрийского полка командовали другими кавалерийскими полками Русской армии и вписали своими подвигами новые яркие страницы военной летописи Отечества.

Выпущенный из Николаевского кавалеристского училища корнетом в Александрийский полк, барон Маннергейм прибыл к месту службы в польский город Калиш, где квартировал в то время полк. Тот самый знаменитый Калиш, где дважды в истории отличилась русская кавалерия.

Молодой корнет, назначенный младшим офицером эскадрона, рьяно принялся за дело, обучая солдат-новобранцев премудростям конной подготовки, уходу за лошадьми и прочим элементам повседневной боевой учебы и жизни полка. Однако, как Маннер-

гейм отмечает в своих мемуарах, его порыв слегка был остановлен командиром эскадрона.

Дело в том, что командир эскадрона был полным хозяином в своем подразделении, то есть он собственными заботами заготавливал фураж для лошадей и продукты для довольствия людей. Получая для этой цели денежные средства, он расходовал их совершенно бесконтрольно, отчитываясь в них, применительно к существующим в тот момент справочным ценам. Удачные покупки шли ему в плюс, составляя вполне легальную статью дохода, что было неплохой прибавкой к невысокому жалованию офицера. В случае неудачной коммерции, ему приходилось возмещать убытки из своего кармана.

Поглощенный хозяйственными заботами, командир эскадрона старался, как можно бережнее расходовать силы лошадей, опасаясь напряженной работой спустить жирок с конских крупов. Начальство тех времен требовало для примерного внешнего вида лошади исключительно «лошадиных тел». Поэтому, по воспоминаниям кавалериста, в конце 80-х годов XIX столетия это сводило к нулю служебный пыл молодых офицеров. Стоило какому-либо ревностному корнету продержать свою смену лишних 2-3 минуты на рыси или галопе, как тут же появлялась опечаленная физиономия вахмистра, одним своим видом заставлявшая переходить на шаг, чтобы избежать в дальнейшем язвительных упреков командира эскадрона: «Замечались, корнет? Вспомнили о любимой женщине? Не рекомендуется, особенно на широких аллюрах!»

Вахмистр являлся ближайшим помощником командира эскадрона во всех хозяйственных делах, потому у редкого из них не было собственного домика и огорода.

С наступлением летнего периода обучения у командира эскадрона начинались трудные денечки. Зимние эскадронные учения, ведущиеся на скромных аллюрах, уступали место полковым, увеличивая нагрузки и губительно сказываясь на внешнем виде лошадей. Нагулявшие за зиму жирок, лошади стремительно худели, наращивая мускульную массу, которой было недостаточно для «образцового» внешнего вида. Младшие офицеры работали на совесть

и приводили из дальних разъездов и больших разведок лошадей в таком состоянии, что командирские и вахмистрские сердца обливались кровью. Кстати, в дальнейшем, уже командуя полками, Маннергейм, вспоминая об этой системе, требовавшей от командиров эскадронов и «лошадиных тел», и «лошадиных мускулов», всегда приветствовал второе, невзирая на повышенный расход фуража и увеличение в связи с этим материальных затрат.

Первая офицерская должность и первый год службы, наверное, являются доминирующими в закладке основ отношения молодого офицера к той профессии защитника Родины, которую он выбрал в качестве жизненного поприща.

Маннергейм отмечает в своих мемуарах, что в Александрийском полку он «научился понимать и уважать русскую военную дисциплину». То, что полк находился в относительном захолустье, вдали от больших городов и что он был простым, хотя и заслуженным, но армейским полком, отличным от сверкающей гвардии, еще больше сплачивало офицерскую среду, жившую одной полковой семьей. В ней в полной мере ощущалась та духовность, воспитанная на старых полковых традициях, которая объединяла всех: и нижних чинов, и офицеров. Именно это обстоятельство помогало как молодому офицеру, так и солдату-новобранцу, одновременно обучаться и привыкать друг к другу. Так начиналось становление Маннергейма как русского офицера, как отца-командира для своих солдат, исходя из заветов Петра Великого. Требовательность, соединенная с заботой о своих солдатах, в свою очередь, порождала ответные чувства, а все это вместе взятое можно назвать одним словом – воинская дисциплина. Основанная именно на таком отношении командира к подчиненному и подчиненного к командиру, она зарождала беззаветную веру друг в друга, общую верность воинскому долгу, присяге и готовность к самопожертвованию за Веру, Царя и Отечество, «за други своя».

Служба была интересна Маннергейму и особо не тяготила его. В Русской армии большую часть работы по воспитанию солдат и поддержанию дисциплины, а также порядка в подразделениях, выполняли унтер-офицеры. Однако условия жизни захолустного гарнизона, располагавшегося в древнем польском Калише, несмо-

тря на его каменные дома, мощные мостовые, прекрасные костелы и древние синагоги, не вызывали у молодого честолюбивого Маннергейма желания называться местным старожилом. Красота соседствовала с неряшливостью и бедностью еврейских лавчонок, живущих перепродажей мелкого контрабандного товара из соседней Германии, с грязными копеечными ресторанами и уличными канавами, переполненными нечистотами. Фабричные кварталы своими трубами и копотью дыма дополняли колорит местного пейзажа. Проживал молодой корнет в дешевой гостинице, поскольку из-за мизерности офицерского жалованья позволить себе что-либо другое он просто не мог, питался в офицерской столовой. Невозмутимая провинциальная тишина Калиша действовала удручающе на Маннергейма, его тоска по Петербургу становилась все более нестерпимой. Да и внутренняя жизнь провинциального гарнизона с одним и тем же кругом общения, с единственным развлечением – пятничным обедом с музыкой, чрезмерным поклонением Бахусу и игрой в карты господ офицеров, иногда позволяла расценить саму службу в этой глуши как своего рода наказание. Первоначальное восхищение общей новизной увиденного, относительно большим количеством новых знакомых, офицеров и солдат, необычностью местных условий, сменилось скукой, которая неизбежно возникает как в далеких путешествиях и морских экспедициях, так и в глухих гарнизонах. Когда все темы для разговоров исчерпаны, а развлечения однообразны, и каждый день похож на другой, а в памяти еще живет блистательный Петербург, тоска становится еще более гнетущей. И даже великолепные живописные ландшафты Польши, поначалу так радовавшие глаз, а Маннергейм пронес через всю свою жизнь любовь к природе, верховым прогулкам и особенно страсть к охоте, начинают вызывать раздражение.

Знаменитый «Поединок» Куприна, вызвавший в обществе взрыв негативных эмоций, появится только в далеком 1905 году, но многое описанное там существовало и в интересующий нас период. Безусловно, эта повесть была чрезмерно наполнена отрицательными картинками жизни захолустного пехотного полка и сплошной безысходностью существования. Ни один из персонажей не был

положительным в полном смысле этого слова. Каждого офицера автор обязательно наделяет какими-либо отрицательными чертами или пороками. Конечно, это объясняется, прежде всего, временем написания книги и той обстановкой, которая царила в обществе: позор поражения в войне с Японией, революция и антиармейские настроения в связи с вынужденным использованием войск для подавления беспорядков. Куприн, начавший службу в армии одновременно с Маннергеймом, поддался общему порыву и со всей силой своего литературного таланта обрушился на то, что казалось ему источником всех бед. Много лет спустя, уже в эмиграции, Куприн напишет своих «Юнкеров», – самую светлую и чистую повесть, посвященную Русской армии, где в напуществе начальника училища молодым офицерам прозвучат слова о том, как уберечься от всеразрушающей скуки гарнизонной жизни и каким надлежит всегда быть офицеру. Может быть, годы собственных страданий, Гражданская и Мировая войны, с их неисчислимыми жертвами, заставили писателя пересмотреть и переоценить написанное ранее, но так или иначе на свет появилась совершенно отличная от «Поединка» повесть как собственное раскаяние и признание ошибок.

Маннергейм всеми силами сопротивляется однообразию жизни. И что бы ни говорили о застоялости жизни в дальних гарнизонах, кавалерийские части отличались от пехотных в лучшую сторону. Большая сплоченность офицерской среды, верность монархическим принципам и полковым традициям всегда отличала кавалерийские части от пехоты. Может быть, этому способствовало сравнительно малое количество кавалерийских полков (отсюда ощущение своей элитарности), может быть, более подвижный образ жизни и постоянные перемещения, а значит и готовность к любым быстрым изменениям, которые, как смена аллюра, возможны в том случае, если полк представляет собой единый живой организм, иначе весь строй собьется и превратится в бесформенную массу. Но следует отметить тот факт, что практически все конные полки царской армии были возрождены в Добровольческой Белой армии: таким образом, офицерский состав русской кавалерии продемонстрировал свою сплоченность, верность традициям и воинскому долгу.

Маннергейм старается больше времени уделять обучению солдат. Участвуя в полковых маневрах, заодно сам обучается телеграфному и взрывному делу. По окончании полковых учений его направляют в качестве офицера для поручений на Волынь, где в августе-сентябре 1890 года проходили крупномасштабные маневры под руководством самого Императора Александра III, что было отличной школой для юного корнета.

Отслужив год среди «бессмертных» гусар, Маннергейм, наконец, получает известие о переводе его в знаменитый Кавалергардский полк. Сбывалась юнкерская мечта попасть в самый привилегированный конный полк Русской армии.

Кто не знал, не видал подвигов заветных?
Кто не знал, не слышал про гусар бессмертных?
Марш вперед, труба зовет, черные гусары!
Марш вперед, смерть нас ждет, наливайте чару!

Начинай, запевай песню полковую,
Наливай, выпивай чару круговую.
Марш вперед, труба зовет, черные гусары!
Марш вперед, смерть нас ждет, наливайте чару!

Ты не плачь, не горюй, моя дорогая!
Коль убьют – позабудь, знать судьба такая!
Марш вперед, труба зовет, черные гусары!
Марш вперед, смерть нас ждет, наливайте чару!

Не стоят, а храпят кони вороные,
Не ржавеют, а горят сабельки кривые.
Марш вперед, труба зовет, черные гусары!
Марш вперед, смерть нас ждет, наливайте чару!

*Песня 5-го Александрийского
гусарского полка*

КАВАЛЕРГАРДЫ

*Кавалергарда век не долог,
И потому так сладок он.
Трубач трубит, откинут полог,
И где-то слышен сабель звон.
Еще рокочет голос трубный,
Но командир уже в седле.
Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле...*

Б. Окуджава

Здесь я позволю себе сделать небольшое отступление. Эта глава посвящается «Первому» в русской кавалерии полку. Первому не по древности его происхождения, а по соответствующему положению в русской коннице. Столь тщательный и подробный рассказ о кавалергардах поможет читателю самостоятельно сделать выводы и дать оценки личности Маннергейма, ибо из тридцати лет его военной службы – треть приходится на этот полк. Мы услышим фамилии и увидим портреты и фотографии людей, служивших в полку до Маннергейма, вместе с ним и после него, и составивших славу России. Постигнув, что представлял собой этот полк, к чему обязывала служба в кавалергардах, и каким образом можно было заслужить право называть себя кавалергар-

дом, мы приблизимся к пониманию личности самого Маннергейма как русского офицера. Что для него значила служба, присяга, верность престолу и честь офицера.

Кавалергарды... В одном этом слове слышится что-то грозное, по-рыцарски благородное и в то же время романтическое. По-французски это звучит: «Chevaliers-de-la-garde», по-английски: «Gentelmen of the Guards». Дословный перевод слова «кавалергарды» означает – достойнейшие, благороднейшие из гвардии. А гвардией, как сказано в Энциклопедическом словаре, называлась отборная, привилегированная часть войска, выполняющая, кроме боевых задач, функцию охраны монарха. Таким образом, говоря по-русски, – это лучшие из лучших, отборные из отборных. Это цвет гвардии. Потому кавалергарды имели честь составлять «Первый полк русской конницы», с тем чтобы своей образцовой службой, своей отвагой и своей преданностью престолу на деле подтверждать слова Императора Александра III: «Уверен, что Первый полк нашей доблестной кавалерии будет всегда и во всем первым!»

В отличие от других воинских частей Русской армии, кавалергарды это не только непосредственно сам полк, еще на заре своего существования сразу обессмертивший свое имя на поле Аустерлица и продолживший славные дела на полях Бородино, Кульма и Фер-Шампенуаза. Кавалергарды – это Ягужинский и Меншиков – «птенцы гнезда Петрова». Это канцлер России М.И. Воронцов, это преобразователь русской артиллерии граф Шувалов. Это – «орлы» Екатерины II: Потемкин-Таврический – основатель Черноморского флота, Орлов-Чесменский – герой Наварина и Чесмы. Это герои войны Двенадцатого года – Уваров, Депрерадович, Репнин, Чернышев, Давыдов. Это строитель первой железной дороги в России – граф Бобринский и создатель русского гимна «Боже Царя храни» – князь Львов. Это организатор крестьянской реформы граф Киселев и Белый генерал Скобелев – герой Туркестана и Балкан. Это самые яркие страницы истории Императорской России.

Первое учреждение кавалергардов 30 марта 1724 года принадлежит лично Петру Великому, тогда они назывались «драбантами», а впоследствии были переименованы в кавалергардов. То есть был

сформирован отряд личных телохранителей Императора, в отличие от остальной Европы, где подобные воинские подразделения формировались из высокооплачиваемых наемников-чужестранцев. К примеру, Швейцария, являясь нейтральной страной, поставляла практически во все страны Европы своих солдат, из которых формировались отряды гвардейцев-телохранителей царствующих особ. В России этот отряд набирается из русских офицеров – дворян, принадлежащих к известным родам. Единственные, кроме дворянства, условия – это внешние данные и преданность престолу. Создание подобного отряда было связано с желанием Императора короновать свою супругу, Императрицу Екатерину, по древнему обычаю в Москве.

Капитаном роты стал сам Петр Великий, капитан-поручиком он назначил ближайшего своего сподвижника генерал-прокурора и генерал-лейтенанта Павла Ивановича Ягужинского. Поручиками стали: зять царя Иоанна Алексеевича – генерал-майор Иван Ильич Дмитриев-Мамонов и племянник царицы Наталии Кирилловны – бригадир Михаил Иванович Леонтьев. Прапорщиком стал полковник князь Семен Федорович Мещерский, будущий генерал-лейтенант и губернатор Архангельска. Эти пять офицеров, а вместе с ними 60 рядовых, 1 литавщик, 2 трубача, а также 1 вахмистр из полковников и 3 капрала из подполковников, составили первый отряд кавалергардов. Всю церемонию коронации и все последующие мероприятия кавалергарды неотступно сопровождали царственную чету. Эта традиция сохранилась вплоть до коронации последнего русского Императора Николая Александровича, в которой принимал непосредственное участие и герой нашей книги, барон Маннергейм.

По окончании торжеств кавалергардия была распущена, с тем чтобы возродиться еще раз в царствование вдовы Петра Великого – Екатерины. В момент смерти Императора Петра два бывших кавалергарда, Ягужинский и Дмитриев-Мамонов, сыграли значительную роль по возведению на престол Екатерины.

Смерть Петра Великого оставила неразрешенным жизненно важный вопрос о престолонаследии. И тогда возникли две кандидатуры на царский престол: внук Петра, царевич Петр – сын казненного царевича Алексея, и вдова Императора – Екатерина.

За спиной царевича стояла вся боярская знать, недовольная реформами покойного Императора и считавшая себя отодвинутой в сторону «птенцами гнезда Петрова». На них бояре смотрели как на выскочек из низов, что, в общем-то, соответствовало действительности. Однако все они были людьми далеко незаурядными, чем и заслужили доверие к себе Петра Великого. Россия опять стала на распутье: либо скатиться в патриархальное болото, из которого ее за волосы и бороды вытянул царь-реформатор, либо продолжить начатые им реформы. Когда, казалось, вопрос о престолонаследии был решен, и кандидатура царевича Петра была утверждена высшими сановниками, в дело вмешался Ягужинский, известивший об этом решении Светлейшего князя Меншикова. Подошедшая по их приказу гвардия, своим появлением внесла коррективы, и Екатерина была объявлена Императрицей.

Третьего декабря 1725 года повелением Императрицы Екатерины вновь производится набор кавалергардов. Капитаном стала сама Императрица, капитан-поручиком Светлейший князь Меншиков, поручиком Дмитриев-Мамонов, корнетом князь Шаховской.

Шестого мая 1727 года Императрица скончалась. Вступивший на престол молодой Император Петр II принял на себя звания полковника Преображенского полка и капитана кавалергардов. Место сосланного Меншикова занял Ягужинский, назначенный еще при Петре Великом капитан-поручиком кавалергардов. Вскоре Император скончался.

Участовавшая в похоронах юного Императора Петра и коронации Императрицы Анны Иоанновны Кавалергардия 7 июля 1731 года была снова распущена. Некоторые офицеры-кавалергарды были переведены во вновь учрежденные Измайловский и Конный драбантский (лейб-гвардии Конный) полки, которые, по мнению царствующей Императрицы, должны были уравновешивать силы между петровскими старыми гвардейскими полками – преображенцами и семеновцами, которым она не особо доверяла, опасаясь переворота, и верными ей измайловцами и конногвардейцами. Как показала история, это не помогло, и недовольные засилием немцев при дворе, новые полки быстро спелись со старыми в противо-

стоянии немецкой или курляндской дворцовой партии. 17 октября 1740 года скончалась Императрица Анна Иоанновна. На престол был возведен младенец, внучатый племянник умершей Императрицы, Иоанн Антонович, при регенте Бироне, особо нелюбимом в войсках. По этому поводу в гвардейских казармах стал раздаваться недовольный ропот, перешедший в возмущенные высказывания. Были произведены аресты особо возмущавшихся гвардейцев. Однако в ночь на 9 ноября, по прошествии трех недель со дня смерти Анны Иоанновны, фельдмаршал Миних арестовывает всесильного фаворита покойной Императрицы Бирона, и к власти приходит партия принцессы Анны Леопольдовны, при своем малолетнем сыне Иоанне VI Антоновиче.

Вообще период царствования Анны Иоанновны ассоциируется с засильем иностранцев, в первую очередь, немцев в России. Действительно, на службу было привлечено много иностранцев, и Государыня выказывала им больше доверия, нежели русским. В различных конфликтах, возникавших между русскими и иностранцами, чаще всего она принимала сторону последних. Однако говорить о том, что иностранцы повсеместно притесняли и расправлялись с русскими патриотами, будет исторически не совсем верно. Когда судили Артемия Петровича Волынского, кабинет-министра и патриота, а также его «конфидентов», комиссию по этому делу возглавлял генерал-прокурор князь Н.Ю. Трубецкой, а непосредственное дознание, допросы и пытки осуществлял начальник Тайной канцелярии А.И. Ушаков. Здесь абсолютно справедливы слова Волынского, сказанные им накануне казни: «Нам, русским, хлеба не надо, мы ведь друг друга едим и тем сыты бываем».

При этом следует отметить и тот факт, что, президентом Военной коллегии, фельдмаршалом графом Минихом, впервые с петровских времен, были снижены оклады офицерам-иностранцам и уравнены с окладами русских.

Но несмотря ни на что, в полках гвардии продолжает нарастать недовольство. Правительство Анны Леопольдовны, стремясь избавиться от присутствия в Петербурге гвардейских частей, постановляет 24 ноября 1741 года: гвардии быть готовой к походу

в Финляндию против шведов. В ночь с 24 на 25 ноября свершается государственный переворот. На штыках гвардии на престол вступает Государыня Елизавета Петровна – «дщерь Петрова». Воцарение дочери Петра не ознаменовалось восстановлением Кавалергардии как личной охраны Императрицы. В качестве вознаграждения за услуги, оказанные при этом событии, гренадерская рота лейб-гвардии Преображенцев была отделена от полка и названа Лейб-Компанией, приняв на себя функции личной охраны Государыни. Учитывая то, что во всех предыдущих коронациях принимали участие кавалергарды, но при этом непосредственно не восстанавливая их, Императрица повелела переодеть 60 гренадеров в форму кавалергардов, и, таким образом, внешне традиция была соблюдена. По окончании торжеств, временно исполнявшие роль кавалергардов, лейб-компанейцы были возвращены к себе. Кстати, гвардию пришлось-таки отправить на войну со шведами, ибо разгоряченные головы, слишком много возмнивших о себе гвардейцев, требовали охлаждения. Так и было сделано. Весной 1742 года гвардия отправлена в поход против шведов, где не без труда удалось взять ее в руки.

Двадцать пятого декабря 1761 года Императрица Елизавета Петровна скончалась. Вступивший на престол Петр III немедленно завершает победоносную войну с Пруссией, распускает Лейб-Компанию, вместо нее предполагает сформировать «Особый detachment» из Голштинских войск, из которого, в свою очередь, должна была вновь возникнуть Кавалергардия. Эти преобразования не могли не вызвать недовольства старых полков гвардии. К тому же были срочно возвращены из ссылки и Бирон, и Миних. Недовольство гвардии планировалось утихомирить отправкой ее в поход против Дании. Подобно тому, как в 1741 году свержение Брауншвейгской династии было ускорено приказом гвардии выступить против Швеции, так и теперь провозглашение императрицей жены Петра III Екатерины было вызвано тем же.

В первые же дни своего царствования Императрица Екатерина II поручает генерал-аншефу графу Гендрикову набрать кавалергардов, преимущественно из распущенной ее покойным мужем

Лейб-Компании. Ему же было повелено стать шефом кавалергардов. Учрежденные вновь в 1762 году, кавалергарды участвовали в коронации Императрицы, затем по возвращении из Москвы в Петербург, несли внутренний караул близ покоев Императрицы, в особой комнате, получившей название кавалергардской. Сейчас в этом помещении находится Александровский зал, перестроенный по проекту архитектора А.П. Брюллова после пожара Зимнего дворца в 1837 году. Через этот зал в апартаменты Императрицы могли проходить только особо приближенные лица. Тогда и появилось выражение «иметь вход за кавалергардами», существовавшее до 1917 года и означавшее особое положение при дворе той или иной персоны. При этом кавалергарды как воинская часть не имели определенного названия и именовались или просто кавалергарды, или Кавалергардский корпус.

Двадцать четвертого марта 1764 года был утвержден проект о Кавалергардском корпусе, который вводил штатное расписание корпуса, и подтверждал, что комплектация его должна производиться за счет дворян, причем, высокого роста, приятной наружности и безупречного поведения. Была введена новая форма, до этого не менявшаяся практически с петровских времен. Новое обмундирование напоминало рыцарское: с серебряными шишаками, украшенными страусиными перьями, с серебряными накладками на рукавах, сапогах и с такими же коваными звездами с двуглавым российским орлом на супервестах.

Шефами кавалергардов являлись последовательно: граф Гендриков, граф Григорий Орлов, брат которого – Алексей Орлов, будущий Чесменский, состоял поручиком кавалергардов. Последнего сменил генерал-аншеф, потом фельдмаршал и князь Таврический, граф Потемкин, который с 1776 года фактически исполнял обязанности шефа кавалергардов до самой своей смерти в 1791 году. По кончине Потемкина до 1793 года шефская вакансия оставалась не заполненной, пока на нее не был назначен граф Платон Зубов, а поручиком был оставлен, служивший при Потемкине, граф Дмитриев-Мамонов.

В этом составе кавалергарды оставались на протяжении всего царствования Императрицы Екатерины II. По ее кончине они участвовали в погребальной процессии, а затем были распущены,

кто в какой род службы пожелал. В то же время Император Павел Петрович повелел графу Мусину-Пушкину набрать новый Кавалергардский эскадрон, все офицеры и половина нижних чинов которого были выбраны из лейб-гвардии Конного полка. Через некоторое время следует указание сформировать еще два новых эскадрона кавалергардов из всех полков гвардии. Кавалергардские эскадроны вместе с Конной гвардией в марте 1797 года участвовали во всех церемониях при коронации, однако к 1 декабря того же года были расформированы по другим полкам. Причина расформирования на этот раз была довольно банальна. Набранные «с бору по сосенке» из разных полков, по извечному русскому принципу: «На тебе, Боже, что мне негоже», новые кавалергарды сильно отличались от «екатерининских орлов», когда в их ряды принимались в основном достойнейшие люди.

Теперь же в полк попало достаточно много распущенной дворянской молодежи. Процветали драки, воровство, распутство. Их непристойное поведение отмечал петербургский генерал-губернатор граф Буксгевден в письме командиру 3-го эскадрона полка полковнику Давыдову: «Предписываю Вам, господин полковник, <...> стараться удерживать от вышеобъявленных (имеется ввиду венерических) дурных болезней и от такого распутства сих молодых людей <...> Ежедневно усматриваю я, что находящиеся под ведомством вашим кавалергарды не только в крайней неопрятности ходят по городу, но и должного почтения не оказывают даже генералитету...»

Одиннадцатого января 1799 года, став Магистром Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, Император Павел Петрович вновь учреждает Кавалергардский корпус, а через год переименовывает его в трехэскадронный Кавалергардский полк на одинаковом положении с войсками гвардии, не оставляя ему прежнего преимущества состоять только лишь из дворян. Всем нижним чинам старого Кавалергардского корпуса предлагалось перейти в офицерском звании в любой армейский полк по их выбору. Все офицеры-кавалергарды пожелали остаться. С этого времени назначение кавалергардов изменилось, и они поступили в общий состав Русской армии, сохранив при этом первое место в ряду кавалерийских полков и, дарованное

им еще Петром Великим, высокое право обеспечивать из числа своих офицеров стражу у трона при священном обряде венчания на царство российских монархов.

Первым шефом и одновременно командиром полка был назначен Федор Петрович Уваров. Император впервые увидел полк в полном составе на смотре 23 апреля 1800 года, происходившем на Царицыном лугу (ныне Марсово поле), и остался им очень доволен

Цареубийство 11 марта 1801 года было последним в цепи дворцовых переворотов, сопровождавших российскую историю весь XVIII век. Какова была роль Императора Александра в этом перевороте судить историкам, но неоспоримо доказано, что ему было известно все о готовящемся заговоре, вплоть до времени его исполнения. Основной фигурой заговора был граф Пален, занимавший с 1801 года должности Санкт-Петербургского генерал-губернатора, инспектора войск Петербургского военного округа и министра иностранных дел. Благодаря доверию со стороны Императора Павла Петровича, Пален начал подготовку к перевороту, прежде всего, с возвращения в Петербург трех братьев Зубовых, которые хорошо были приняты Императором и назначены шефами полков, один из них, Платон Александрович, прежний шеф екатерининских кавалергардов, был назначен директором 1-го кадетского корпуса. При личной аудиенции во дворце Император Павел Петрович сказал ему: «Платон Александрович, забудем все прошлое». Постепенно количество заговорщиков увеличивалось. Окончательная дата переворота была назначена на 11 марта 1801 года. Одной из причин, по которой заговорщики назначили именно этот день, была та, что главный караул в Михайловском замке должен был занять лейб-гвардии Семеновский полк, шефом которого являлся Цесаревич Александр Павлович. Этот факт также свидетельствует не в пользу Цесаревича.

Кто же из кавалергардов принял участие в событиях той роковой ночи?

Шеф и командир полка граф Уваров был в это время дежурным генерал-адъютантом. Его имя несколько раз упоминалось в специальном журнале, где фиксировались все события, происходящие во дворце и касающиеся членов Императорской Фамилии. 12 марта,

в 4 часа 25 минут, он сопровождал нового Императора Александра Павловича, Великого Князя Константина, графа Палена, барона Беннигсена и князя Платона Зубова, когда они вышли к войскам объявить о смерти Павла I.

По совету своего ближайшего окружения Павел I приказал заделать дверь, соединявшую его покои с покоем Императрицы. Поэтому когда она была разбужена шумом, доносящимся из покоев Императора, и хотела пройти к нему, ей пришлось идти через Мраморный зал, где стоял караул из кавалергардов. При нем состоял полковой адъютант корнет Е.С. Горданов. Ему было приказано Зубовым никого не пропускать, «пока не приберем». Он помешал Императрице объявить солдатам о смерти Павла Петровича и, потерявшую сознание от столь страшного известия, отнес в спальню.

В 8 часов утра Кавалергардский полк присягнул новому Императору Александру Павловичу. Всем офицерам полка были пожалованы ладанки нового образца с Андреевской звездой и надписью «За Веру и Верность».

Граф Уваров остается шефом полка, а командиром назначается, переведенный из лейб-гусар, граф П.В. Голенищев-Кутузов. С ним полк выступил в Москву, где принял подобающее участие в торжествах по случаю коронации Императора Александра I.

В 1803 году командиром полка становится генерал-майор Депредадович, в последующем году полк увеличивается до пяти эскадронов и получает еще и запасной полуэскадрон. Целью последнего было, при выступлении основного состава полка в поход, оставаться на постоянных квартирах и заниматься подготовкой рекрутов, присылаемых для пополнения полка. Для обеспечения полка пастбищами в летний период выделяются участки земли в Лисьем Носу и близ Комендантской дачи, у Новой Деревни.

Последующий 1805 год был годом первого участия полка в боевых действиях, принесший ему неувядаемую воинскую славу на века. Солнце Аустерлица взошло не только для французов, своими лучами оно осветило и великую доблесть русских полков, умиравших на ратном поле, но до конца выполнявших свой воин-

ский долг. Гибель двух эскадронов кавалергардов на глазах всей Русской армии, спасавших попавшую в переделку и дрогнувшую гвардейскую пехоту, стала образцом величайшего самопожертвования и первым испытанием полка, из которого он вышел с честью. От Аустерлица до стен Парижа полк прошел все сражения и битвы, заслужив превеликое множество наград.

Сражение под Аустерлицем произошло 20 ноября 1805 года. По настоянию Императора Александра Павловича Русская армия, возглавляемая Кутузовым, была вынуждена сойти с сильных Ольшанских позиций и в течение целых трех дней совершала переход к Аустерлицу. Наполеон, сразу разгадавший намерения русских, имел достаточно времени для подготовки к сражению и, верный своему обычаю сосредоточивать силы на решающем направлении, разместил две трети своей армии «в кулаке» на левом фланге. Начальник штаба Кутузова, Вейротер, разделил силы союзной армии на пять колонн и резерв, которые растянулись еще на марше, и к началу сражения далеко не все войска подошли к полю боя, многие части вступали в бой прямо с ходу. Кутузов хотел выждать время, чтобы собрать на поле предстоящей битвы как можно большее количество войск, однако Император настоял на скорейшем наступлении. «Отчего вы не атакуете? – спросил он Кутузова. – Мы ведь не на Царицыном лугу, где не начинают парад, пока не придут все полки!» Кутузов только и мог ответить: «Государь, я потому не атакую, что мы не на Царицыном лугу!» Волей-неволей Кутузову пришлось спустить войска с Пратценовых высот на равнину. Русская гвардия оказалась на направлении главного удара французов и вынуждена была отступить перед значительно превосходящими силами противника, имея позади себя полузамерзший, с топкими берегами ручей.

Депрерадович с кавалергардами и тремя взводами лейб-казаков был направлен на помощь гвардейской пехоте. Кавалергарды подошли в самый критический момент сражения. Переправившись через ручей по плотине, первый и второй эскадроны бросились на французскую пехоту, прикрывая отход разрозненных групп преображенцев. Третий эскадрон полковника Ушакова прикрыв собой отход гвардейской Конной артиллерии, канониры которой

уже дрались с неприятелем врукопашную у своих орудий. Четвертый и пятый эскадроны пошли на выручку семеновцев, с трудом отбивавшихся от атак французской кавалерии уже около самых полковых знамен. Непосредственно за ними пошел 1-й взвод шефского эскадрона, отвозивший в Аустерлиц полковые штандарты и потому отставший. Командовавший взводом семнадцатилетний корнет Альбрехт, желая скорее принять участие в деле, примкнул к эскадронам князя Репнина и вместе с ними понесся в атаку.

«Мы увидели перед собой, шагах в 400-х от переправы, нашу пехоту – семеновцев, окруженных французской кавалерией, отбивавшей у них знамена. Кругом ни вправо, ни влево не было видно русских частей, видны были лишь кучки бегущих, а общим фоном этой картины служила сплошная стена французской пехоты», – вспоминал впоследствии командир 4-го эскадрона полковник князь Репнин.

Эскадроны Репнина и взвод корнета А.И. Альбрехта ринулись в атаку, смятая французскую кавалерию. Однако в дело вмешались посланные Наполеоном еще три эскадрона французов, которые охватив кавалергардов с обоих флангов, замкнули кольцо окружения. Через некоторое время к ним присоединились еще четыре эскадрона конных гренадер. Громадные всадники обрушились на кавалергардов с криком: «Заставим плакать петербургских дам!»

Храбрые 4-й и 5-й эскадроны, а также взвод Альбрехта, решили умереть, свято исполняя приказ выручить пехоту. Они в прямом смысле кровью заплатили за это. Наибольшие потери понес 4-й эскадрон, в котором уцелело 18 человек нижних чинов. Из взвода корнета Альбрехта не вернулся ни один. Все офицеры 4-го эскадрона, включая командира князя Репнина, изранены были взяты в плен. Корнет Альбрехт и эскадронный вахмистр, оставшись вдвоем из всего взвода, спешенные (под ними были убиты лошади), стали спинами друг к другу и отчаянно отбивались от наседавших конных гренадер. Вскоре тяжело раненый вахмистр упал, а Альбрехт, оставшись один и имея уже несколько ранений, продолжал защищаться. Наконец еще один удар по кисти правой руки перерезал жилы, и он выронил палаш. Обливаясь кровью, Альбрехт замертво упал лицом на раненую руку. Это случайное положение руки, придавленной к

земле, воспрепятствовало сильной кровопотери и спасло ему жизнь. Между тем, в полку его считали погибшим. Через несколько часов он был обнаружен мародерами. Привлеченные богатым офицерским мундиром, они поддели его штыком, переворачивая на спину. Боль от новой раны привела его в сознание, и он был перенесен на неприятельские посты, где ему сделали перевязку.

Атака кавалергардов позволила частям гвардейской пехоты отойти за ручей, а затем вместе с ней отступила и кавалерия.

Пленные кавалергардские офицеры, с трудом державшиеся на ногах: Репнин, Дмитриев, Кропоткин, Каблуков, Сухтелен и Альбрехт, были отправлены во французский лагерь и на пути следования повстречались с Наполеоном, который пожелал побеседовать с князем Репниным.

– Кто вы? – спросил Император.

– Князь Репнин, – последовал ответ.

– Вы командир Русской Императорской гвардии?

– Я полковник эскадрона Кавалергардского полка, – ответил Репнин.

– Ваш полк честно выполнил свой долг!

– Похвала великого полководца есть лучшая награда солдату.

– С удовольствием отдаю ее вам. Кто этот молодой человек рядом с вами?

– Это сын генерала Сухтелена, он служит корнетом в моем эскадроне.

– Он слишком молод, чтобы драться с нами, – заметил Бонапарт.

И юный Сухтелен (ему было 17 лет, как и корнету Альбрехту, он был ранен саблей в голову и контужен ядром в ногу) воскликнул:

– Не нужно быть старым для того, чтобы быть храбрым! – И добавил две строчки из Корнеля: «Я молод, это верно, но доблесть воина не исчисляется его возрастом!»

– Bravo, юноша, блестящий ответ! – Наполеон был восхищен.

Все раненые офицеры были размещены в главной штаб-квартире французской армии и, в соответствии с распоряжениями Наполеона, нашли там самый радушный прием. Скоро все пленные получили разрешение выехать в Вену, а затем и на Родину. Тем

не менее, потери полка были огромны: на поле Аустерлица пали смертью храбрых 13 офицеров и 226 нижних чинов.

Следует отметить, что все офицеры полка, участвовавшие в сражении, были награждены. Шеф полка генерал-лейтенант Ф.П. Уваров и командир полка генерал-майор Н.И. Депрерадович получили ордена Св. Георгия 3-й степени; полковник Н.Г. Репнин – орден Св. Георгия 4-й степени; остальные эскадронные командиры: полковники А.Н. Авдулин, Н.В. Титов, С.И. Ушаков, А.Л. Давыдов и адъютанты Уварова – штаб-ротмистр П.И. Балабин и поручик А.И. Чернышев (будущий председатель Госсовета) – ордена Св. Владимира 4-й степени, все раненые офицеры – золотое оружие (шпаги), все остальные офицеры – Анненские кресты «За храбрость». Юнкера были произведены в офицеры. Сам Наполеон высоко оценил стойкость и мужество русских полков. Его слова о том, что Русская армия образца 1805 года была лучшей из встречавшихся ему до сей поры армий, это подтверждают.

Участие полка в последующих событиях этой кампании не отмечено особыми успехами, и в апреле 1806 года полк вернулся домой. Недолгая мирная жизнь была прервана так называемым Прусским походом 1807 года, однако и эту кампанию кавалергарды провели на вторых ролях, не принимая участия в основных сражениях. Тем не менее, многие из кавалергардских офицеров состояли адъютантами при генералах Русской армии и получили заслуженные награды за непосредственное участие в боевых действиях. 13 февраля 1807 года для награждения нижних чинов за военные подвиги был учрежден серебряный крест на георгиевской ленте, получивший название – «Знак отличия военного ордена». Первыми награжденными стали унтер-офицеры Кавалергардского полка: Митюхин (знак №1), Овчаренко (знак №3), кроме того, унтер-офицер Псковского драгунского полка Михайлов и рядовой Клементьев (знаки №№ 2 и 4), а также рядовые Екатерининского драгунского полка Трехалов и Родионов (знаки №№ 5 и 7), были переведены в кавалергарды.

Чуть позднее, при заключении Тильзитского мира, кавалергардам выпала честь быть единственными свидетелями памятной встречи императоров – Наполеона и Александра I.

Не на одном только военном поприще проявили себя офицеры-кавалергарды в промежуток времени от Тильзитского мира до войны 1812 года. Так, ротмистр, а затем полковник, Чернышев был неоднократно посылаем для личных переговоров с Наполеоном и состоял при французской армии до самого начала ее вторжения в Россию.

Другой кавалергард, полковник Балабин, также ездил в Париж посланником русского Императора. Оба они были пожалованы во флигель-адъютанты.

После 1807 года до самой Отечественной войны Кавалергардский полк не участвовал ни в каких боевых операциях, но многие из его офицеров служили в качестве добровольцев в войсках, действовавших против неприятеля на различных театрах военных действий. Часть из них участвовала в войне со Швецией в 1808–1809 годах: штаб-ротмистры Давыдов и Пален, поручик Сухтелен, корнеты Местр и Обрезков; в войне с турками в 1810 и 1811 годах участвовали – полковник Пален и ротмистр Сухтелен, братья Апраксины, ротмистр и поручик, поручик Голицын, поручик Лобанов-Ростовский, корнеты Смирнов и Обрезков.

Через некоторое время после заключения Тильзитского мира полк вернулся в Петербург. С 1803 года полк размещался в Петербурге в зданиях бывшего Запасного двора дворцового ведомства в Литейной части. Этот участок находится между современными Захарьевской и Шпалерной улицами и ограничен с востока Потемкинской улицей. К моменту передачи участка под строительство кавалергардских казарм здесь находилось несколько каменных домов, построенных в каре в середине квартала, и церковь, освященная во имя святых Захария и Елизаветы, давшая название Захарьевской улице. Вести строительство было поручено архитектору Луиджи Руско по его же проекту, который предусматривал использование существующих зданий и снос сооружений в восточной части участка. По первоначальному проекту казарменный комплекс должен был занимать весь квартал от Таврического дворца до Воскресенского (ныне Чернышевского) проспекта. Однако казне не удалось выкупить некоторую часть этого квартала, находящуюся в частной

собственности, поэтому проект Руско был несколько изменен. Со стороны Воскресенской набережной (Шпалерная ул., д. 41/43) был построен трехэтажный шефский корпус, украшенный восьми-колонным дорическим портиком, поставленным на аркаду первого этажа. По обеим сторонам портика установлены статуи Марса и Беллоны – древнеримских бога и богини войны, подчеркивающие военное назначение здания. К центральному объему примыкают симметричные боковые крылья, характерные для архитектуры классицизма. В корпусе сохранились сводчатые перекрытия и центральная лестница на четырех столбах – элементы, характерные для конструктивных решений конца XVIII начала XIX веков. На первом этаже корпуса находилась канцелярия, на втором – квартира командира полка. В боковых флигелях жили офицеры.

Поскольку противоположная сторона улицы не была застроена, то главный, шефский, корпус выходил лицевым фасадом на Неву. В восточной части участка был выстроен манеж, выходящий фасадом на Потемкинскую улицу, к Таврическому саду, который можно, также как шефский корпус, видеть и сегодня. Шефский корпус связывался с манежем одноэтажными конюшнями. Часть казарменного корпуса располагалась по другой стороне Захарьевской улицы. Там находились три двухэтажных здания: госпиталь, мастерские и склады, соединенные двумя одноэтажными корпусами конюшен. Следует отметить, что строительные работы выполнялись поспешно и очень некачественно: протекали крыши, печи дымили, штукатурка осыпалась, на дворовых территориях и вокруг зданий была непролазная грязь, не хватало стойл для лошадей и так далее. Обращения полка в Комитет строения казарм для лейб-гвардии полков оставались без внимания. Руководивший военным ведомством граф Аракчеев не любил шефа полка Уварова и соответственно всячески тормозил финансирование работ по капитальному ремонту всего комплекса. Таково было состояние полковых казарм в начале XIX века. Отсюда полк и ушел на Отечественную войну 1812 года.

После недолгих сборов 17 марта полк выступил в составе бригады, вместе с лейб-гвардии Конным полком, под командой генерал-майора Шевича, к западной границе, где присоединился к армии Барклая

де Толли. Вместе с армией полк отступал в глубь страны. До самого дня Бородина полк не участвовал в боевых действиях.

Наконец, после двух месяцев отступления, хоть и необходимого, но с трудом воспринимаемого армией, было решено под Бородино дать бой Наполеону. 22 августа обе армии пришли на Бородинское поле. Так, дотеле неизвестному селению суждено было стать светлым именем в русской истории.

Основным укреплением позиции был люнет с восемнадцатью орудиями, получивший впоследствии название – батарея Раевского. Слева от нее расположились полки 1-й русской армии, справа – 2-й. Позади позиции находилась гвардейская пехота, а за ней обе кирасирские дивизии, 1-й командовал генерал-майор Депрерадович, в ее составе находилась бригада из кавалергардов и конногвардейцев. Кавалергардский полк перед сражением насчитывал 30 офицеров, 48 унтер-офицеров, 12 музыкантов и 489 нижних чинов, командовал полком полковник барон Левенвольд.

Полк вступил в сражение во время третьей атаки французов на батарею Раевского, когда, по существу, центр русской позиции был уже прорван, и кавалергарды с конногвардейцами остались единственным препятствием на пути врага. Неприятель вторично овладел люнетом, истребив почти всех защитников. Успешной атаке французов способствовала кавалерия Груши. Атакованные ею пехотные батальоны были отброшены. Увидев перед собой отступающую в беспорядке пехоту, в дело вмешивается 2-й дивизион 2-й Гвардейской Конной батареи, под командованием подпоручика Корфа. Он понесся вперед, выскочил на возвышение, и мгновенно сняв орудия с передков, открыл убийственный для французов огонь картечью в упор. Но головные эскадроны Груши в запале налетели на наши орудия, несмотря на страшные потери от русской картечи. Подпоручик Корф быстро двинулся назад, прямо к кавалергардам, которые еще не были замечены неприятелем. Подскочив к первому взводу полка, которым командовал корнет Башмаков, Корф крикнул: «Башмаков! Выручи орудия!» Взвод кавалергардов мгновенно устремился на рассеявшихся французов и истребил их. Одновременно и весь полк на рысях пошел вперед. Прямо перед

полком строилась французская конница – два полка саксонских кирасир, а за ними польские уланы. Скомандовав полку в галоп, полковник Левенвольд, собираясь отдать команду 4-му эскадрону обойти неприятеля с фланга, успел только крикнуть командовавшему эскадронам ротмистру Давыдову: «Командуйте, Евдоким Васильевич, левое плечо...», как упал с коня, насмерть сраженный картечью. Гибель Левенвольда на виду у всех лишь на мгновение смутила кавалергардов – полк врубился в колонну неприятеля, смятая ее. Польские уланы, стоявшие чуть позади саксонцев, успели развернуться и атаковать фланг кавалергардов. Последние были выручены конногвардейцами, атаковавшими польские полки.

Началась общая схватка, в которой приняли участие и полки корпуса Груши, и подошедшие изюмские гусары, и псковские драгуны. «Рукопашный бой между массами смешавшихся наших и французских латников представлял собою необыкновенное зрелище, в своем роде великолепное и напоминавшее битвы древних рыцарей или римлян, как мы привыкли их себе воображать. Всадники поражали друг друга холодным оружием, среди груды убитых и раненых». Неприятельская конница была разбита и опрокинута. Трубачи протрубили «Апель»*.

За грохотом выстрелов и в пылу боя многие кавалергарды не слышали сигнала и, упоенные победой, на плечах бегущего врага доскакали до Семеновского ручья, где собирались и вновь выстраивались французские кавалеристы. Более сотни кавалергардов разных эскадронов стали собираться к своим офицерам и так же выстраивать фронт. Старшим оказался поручик Шкурин. Оба фронта в нерешительности стояли друг против друга. В таком положении их застал дивизионный адъютант, тоже кавалергард, Бутурлин. «Что мне делать? – спросил его Шкурин. – Если поверну, они сядут мне на плечи. С другой стороны, полковые трубачи подают «Апель». Стоять тоже нельзя – неприятель все время усиливается». Бутурлин подтвердил, что, по его мнению, единственный выход – атака. Кавалергарды рванулись вперед и опрокинули французов в ручей. Позднее отряд присоединился к полку.

* Сигнал трубы, означающий «Сбор после атаки».

Так закончился день Бородина для кавалергардов. Полк потерял убитыми и пропавшими без вести 3-х офицеров и 23 нижних чинов, ранеными и контужеными 11 офицеров и 71 нижний чин, всего 108 человек – почти целый эскадрон. Погиб на глазах полка его командир К.К. Левенвольде. Пропал без вести штаб-ротмистр П.А. Римский-Корсаков. По рассказам французских офицеров, он был занесен конем к неприятелю и, окруженный им, на все требования сдачи отвечал ударами палаша, под которыми легло несколько человек, пока выстрел из карабина не положил его на месте. Погиб состоявший при генерал-лейтенанте А.И. Остермане-Толстом поручик П.П. Валуев.

«Из всех моих сражений, – вспоминал впоследствии Наполеон, – самое ужасное то, что я дал под Москвой. Французы показали себя в нем достойными одержать победу, а русские – называться непобедимыми».

Русская армия лишилась Багратиона, братьев Тучковых, Кутайсова, многих героев-командиров и свыше половины своего состава. Продолжать бой на следующий день было безумием, и Кутузов, конечно, на это не пошел. На памятном совете в Филях он решил оставить французам Москву и спасти тем самым страну и армию. «Он (Наполеон. – А. III.) распухнет в Москве, как губка в воде. Будут они мне жрать конину, как турки в прошлом году!» – заявил Кутузов, вспомнив исход битвы при Рущуке. Вечером армия начала отступление по рязанской дороге. **Москва не была французами взята – Москва была русскими оставлена.**

В то время, как основной полк кавалергардов сражался под Бородино и отступал вместе с армией Барклая де Толли, его второй эскадрон, числившийся запасным, был предназначен для формирования пополнений своего полка. Но опасность продвижения части Великой армии Наполеона непосредственно на Петербург и необходимость срочного прикрытия этого направления побудили срочно сформировать из всех запасных батальонов и эскадронов сводные действующие полки, объединенные в общий отряд под командованием генерала от кавалерии графа Витгенштейна. Так был сформирован Сводно-Кирасирский полк, куда вошли эскадрон кавалергардского полка, два эскадрона лейб-кирасир и один конногвардейцев.

На отряд Витгенштейна возлагались задачи противостоять корпусам Макдональда и Удино, а затем и присоединившегося к ним Сен-Сира. 6 августа эскадрон кавалергардов заметно отличился в боях под Полоцком своей стремительной, всесокрушающей атакой, перешедшей, по словам первого историка полка Висковатого, «за пределы обыкновенной отваги». Началось изгнание Великой армии Наполеона из России, и 7 октября 2-й эскадрон кавалергардов в составе Сводно-Кирасирского полка вновь атакует французов под Полоцком. «Храбрый сей полк и в сии дни поддержал ту славу, которую он приобрел в сражении 6 августа... Неприятель, видя, что несмотря на все его усилия, не может иметь успеха на левом фланге, выслал колонну латников...

Почему и было приказано Сводному Кирасирскому полку атаковать оных, что храбрый полк успешно исполнил, ударив стремительно в правый их фланг под картечными их выстрелами и, опрокинув их, преследовал до самых укреплений... Потом собравшись, опять ударил на показавшуюся другую колонну кавалерии и обратил ее в бегство. Полковой командир и все штаб- и обер-офицеры оказали чудеса храбрости и покрыли себя новой славой», – так описывал действия полка в этот день в рапорте Великому Князю Константину начальник 9-й кавалерийской дивизии князь Репнин.

Последним участием 2-го эскадрона кавалергардов в кампании 1812 года была атака на Березине 16 ноября, где совместно с конногвардейцами, зайдя во фланг колонне неприятельских стрелков, пытавшихся прорвать центр русских войск, они ударили, опрокинули и прогнали французов.

Второго декабря последний солдат Великой армии Наполеона покинул пределы России. Так погибло нашествие. Французский император бросает разгромленную армию на Мюрата и мчится в Париж, чтобы попытаться собрать новую и воспрепятствовать движению русских.

Успехи полка в борьбе с Наполеоном были отмечены пожалованием Георгиевских штандартов с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года». Командир полка Н.Ф. Левашов был награжден орденом Св. Георгия

4-й степени, штаб-ротмистры М.С. Лунин и С.П. Ланской, а также корнет К.В. Левашов, – золотыми шпагами «За храбрость», остальные офицеры полка – следующими по старшинству орденами, а 63 нижних чина получили Знаки отличия военного ордена. Кроме того, всем была вручена, учрежденная в 1812 году, памятная медаль.

Первого января 1813 года кавалергарды перешли государственную границу и двинулись по территории Великого Герцогства Варшавского. Настроение поляков, в особенности мелкой шляхты, было враждебным. Рухнула их надежда на возрождение Великой Польши, которую в них вселил Наполеон, привлекая под свои знамена. Но твердость действий главнокомандующего Русской армией фельдмаршала Кутузова не позволяла выплеснуться наружу антирусским настроениям поляков. В феврале к полку присоединился, воевавший отдельно, 2-й эскадрон, и, в соответствии с проведенной реорганизацией полка, он стал 6-и эскадронного состава, всего 1590 человек.

Шестнадцатого апреля армию постигла невосполнимая утрата – скончался фельдмаршал Кутузов. Кавалергард, князь Сергей Григорьевич Волконский, записал в своих воспоминаниях: «Если бы он был жив, мы не потерпели бы многих неудач встретившихся впоследствии».

Как уже не раз бывало в истории, в тяжелые для России времена число ее союзников стремительно тает, но стоит только России воспрянуть духом и нанести сокрушительный удар посягнувшим на нее полчищам, как происходит прямо противоположное: ряды союзников растут, как грибы после дождя. Однако ни один из них не упустит случая попытаться загрести жар чужими (русскими) руками, оставаясь при этом максимально в стороне, а понадобится, так просто предаст Россию, действуя сообразно моменту, заключив сепаратный мир (как Австрия после Аустерлица), или просто отступив в решающий момент и оставив русских один на один с общим врагом, и тому подобное.

Несмотря ни на что, Русская армия продолжала движение вперед. 17, 18 августа разыгралось Кульмское сражение, где наголову была разбита армия Вандама, а сам французский полководец пленен вместе с четырьмя генералами.

Жуковский восторженно писал об этой победе:

О славный Кульмский бой. О доблесть Славянина.
Вотще на них рвались все рати Исполина,
Вотще за громом гром на строй их налетал.
Все опрокинуто – и Русский устоял.

Кавалергардский полк вновь отличился в этом деле и взял 24 орудия, 2 орла и 3 знамени, а также пленил 3-х офицеров и 317 нижних чинов противника. Кроме русских наград, 35 офицеров и 787 кавалергардов получили от короля Пруссии специальный наградной знак, получивший название «Кульмский крест».

В последующих битвах 1813 года, включая знаменитую «Битву народов» под Лейпцигом, кавалергарды участия не принимали, находясь в резерве. Итог кампании был плачевен для Наполеона. Если в январе он еще повелевал всей Европой, то к концу года у него осталась лишь Франция. Тем не менее, Наполеон был еще силен и нанес несколько чувствительных ударов по союзникам.

Двенадцатого марта 1814 года, на военном совете, Императором Александром Павловичем принимается решение идти на Париж. Буквально на следующий день разыгралось сражение, вписавшее золотыми буквами в историю еще одну победу русского оружия, русской кавалерии и Кавалергардского полка – битва при Фер-Шампенуаз. Император Александр I лично распоряжался ходом битвы. С 9 часов утра до 3-х пополудни продолжалось упорнейшее сражение. Были разгромлены два корпуса французов, Мармона и Мортье, а шедшие им на помощь две дивизии Пакто и Амэ практически изрублены полностью. Императору Александру, восхищенному мужеством отчаянно сопротивлявшихся французов, с трудом удалось вместе со своим конвоем вмешаться в резню и остановить ее.

Наградными полку за этот бой стали, помимо орденов, 15 серебряных Георгиевских труб с надписью: «Кавалергардского полка».

Девятнадцатого марта состоялась долгожданная капитуляция Парижа. В качестве парламентаря от союзного командования в Париж был отправлен флигель-адъютант Императора Александра I кавалергард М. Орлов. Он же принял непосредственное участие в составлении текста капитуляции Парижа.

Гроза Двенадцатого года
Настигла – кто нам тут помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима, иль русский Бог?
Но Бог помог – стал ропот ниже,
И скоро силою вещей
Мы очутились в Париже,
А русский царь – главой царей.

А.С. Пушкин

Ровно в 8 часов утра Государь, в черном кавалергардском виц-мундире при Андреевской ленте, сел на светло-серого коня и повел полки в Париж. Долгожданный день отмщения Москвы наступил. Победа, завершившая Отечественную войну, была достигнута исключительно русским народом и его армией. Только они вынесли на своих плечах, на крови и костях, весь тяжелый путь до Парижа.

Пробыв недолгое время в Париже, кавалергардский полк 21 мая выступил из Франции в Россию. В течение 5-и месяцев, день за днем, верста за верстою, совершали кавалергарды свой обратный путь.

В честь героев войны Двенадцатого года в Санкт-Петербурге была выстроена Триумфальная арка, получившая название Нарвских ворот. Первым ее автором был архитектор Д. Кваренги, возведена она была из дерева и украшена гипсовыми скульптурами. Со временем деревянные конструкции обветшали и пришли в негодность, поэтому вместо них в 1827–1834 годах возвели новые ворота, каменные, по проекту архитектора В. Стасова. Монументальное сооружение было выполнено из кирпича и покрыто лакированной красной медью, взятой из запасов Монетного Двора, предназначавшихся для чеканки монет. Всего на отделку пошло около 9 тонн металла. На фасаде Нарвских ворот были выложены бронзовыми буквами названия полков гвардии, участвовавших в сражениях 1812–1814 годов, а также перечислены все крупнейшие битвы: Бородино, Тарутино, Кульм, Лейпциг, М. Ярославец, Красное, Фер-Шампенуаз, Париж. Венчает ворота бронзовая шестерка

вздыбленных коней, запряженная в колесницу со стоящей в ней богиней Победы, которая держит в руках пальмовую ветвь и лавровый венок. Эта скульптура выполнена тремя русскими скульпторами: кони – П.К. Клодтом, колесница – В.И. Демут-Малиновским, фигура Победы – С.С. Пименовым. По обеим сторонам проезда, в нишах между колоннами, стоят четыре скульптуры воинов в древнерусских доспехах с лавровыми венками в руках. Среди имен гвардейских полков начертано имя Кавалергардского полка.

В Захарьевской церкви Кавалергардского полка, у клиросов, в 1817 году поместили полковые штандарты и сопутствующие полку в походах литавры. В специальных шкафах-витринах хранились мундиры шефов полка, а также около ста Георгиевских крестов и медалей солдат-кавалергардов, переданные в храм после их смерти. Между штандартами на мраморном пьедестале был установлен серебряный обелиск со следующей надписью: «Государь Император, в ознаменование Высочайшего своего благоволения к подвигам и храбрости Кавалергардского полка, явленным при поражении и изгнании французов из пределов России и в делах при Аустерлице, Бородине, Кульме и Фер-Шампенуазе, пожаловать изволил полку своему Георгиевские штандарты; при сем случае, в знак особенного своего внимания к полку сему, повелеть изволил украсить церковь оною прежними штандартами.

Шефом сего полка, во время отличия оною, был генерал-лейтенант Уваров. Полковым командиром генерал-лейтенант Депрерадович.

Генералы, штаб- и обер-офицеры – товарищам, с честью служившим с сими штандартами и положившими живот свой за Веру, Царя и Отечество».

Здесь же были начертаны имена убитых и раненых офицеров полка, указано число погибших нижних чинов.

В память об Отечественной войне 1812 года в Зимнем дворце была создана Военная галерея. Для нее в течение десяти лет приглашенный в Россию английский художник Джордж Доу и его русские помощники – А.В. Поляков и В.А. Голике, написали 332 портрета российских генералов – участников войны 1812 года и Заграничного похода.

Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.

А.С. Пушкин

Среди портретов генералов мы видим и кавалергардов: Уварова, Депрерадовича, Чернышева, Палена, Балабина, Ершова, Каблукова 1-го, Каблукова 2-го, Сухтелена, Альбрехта, Васильчикова, Волконского, Голенищева-Кутузова, Витта, Бороздина, Ушакова, Давыдова, Трубецкого, Репнина, Левашова.

Итак, 18 октября 1814 года полк прошелся церемониальным маршем мимо Триумфальных ворот и отправился в казармы.

Прошло немногим более четырех месяцев со времени прибытия полка в Петербург, как снова пришлось готовиться к походу. 4 марта 1815 года было получено известие о высадке Наполеона на юге Франции. Совсем недавно возвратившийся полк еще толком не успел восполнить все потери, особенно по части конного состава. Около 15% лошадей были признаны негодными к строевой службе, а впереди опять предстоял тысячеверстный марш. С трудом восполнив потери, полк выступил в поход 29 мая и через два месяца находился в предписанном месте. 6 июля армия Наполеона была разгромлена союзными англо-прусскими войсками под командованием Веллингтона и Блюхера. Гвардия получила приказ возвращаться.

В пятую годовщину освобождения Москвы от французов была назначена закладка храма Христа Спасителя на Воробьевых горах Первопрестольной. Гвардию представлял особый Гвардейский отряд, куда входил первый эскадрон кавалергардов. Кроме торжеств посвященных закладке храма, гвардейцы участвовали в открытии памятника Минину и Пожарскому на Красной площади, которое состоялось 20 февраля 1818 года. Спустя год, кавалергарды вернулись в Петербург.

Период истории Русской армии после Отечественной войны и Заграничного похода характеризуется резким усилением строевой муштры и созданием военных поселений. Но если последнее нов-

шествие коснулось в основном армейских частей, то все прелести муштры на плацу гвардия испытала в полной мере. Император, а также Великий Князь Константин, командовавший Варшавской гвардией, считали, что войны развращают армию, она теряет парадный вид, и требовали постоянного внешнего блеска во фрунте, даже в ущерб боевой подготовке войск. Вверх по служебной лестнице стали продвигаться офицеры, имеющие характеристики отличных строевиков, все остальные качества: боевой опыт, личная храбрость и отвага, отодвигались на второй план.

Цесаревич Константин, даже в период боевых действий с французами, требовал от гвардейской кавалерии неукоснительного выполнения всех строевых приемов даже при движении походным порядком, а также четкого выполнения всех строевых артикулов при размещении на стоянках. Стал широко известным в войсках конфликт, произошедший между офицерами-кавалергардами и Великим Князем. Вскоре после Кульмского сражения, когда кавалергарды двигались походным порядком в сторону Франции, полковую колонну нагнал Цесаревич. Увидев, что полковник Каблуков 2-й едет в строю не в каске, как было определено уставом, а в фуражке, подскакал к нему, сорвал фуражку, наговорил много неприятных слов и ускакал.

Каблукову, раненному под Аустерлицем тремя сабельными ударами в голову и двумя штыковыми в бок, было разрешено приказом по полку ехать в походе в строю в фуражке. Оскорбление офицера полка действием было несмыслаемым пятном позора для его личной чести и чести всего полка.

Вечером, когда полк стал на бивуак, Каблуков собрал офицеров и объявил им свое решение подать в отставку. Все офицеры подали такие же рапорты, к ним присоединились командир полка Депрерадович и шеф полка Уваров. Надо отдать должное Цесаревичу: при всей своей горячности и любви к фрунту, он был отходчив. Видимо, ему объяснили суть дела, через несколько дней он приехал в полк и, собрав офицеров, в их присутствии объявил, что считает себя виновным в нанесении незаслуженной обиды «полковнику и доблестному кавалеру Каблукову и сверх доблестному полку». Он просит его извинить и забыть «сей прискорбный случай». «А если, – добавил

Константин Павлович, – кто-нибудь из офицеров остался этим недоволен, то я согласен дать каждому личную сатисфакцию».

От имени полка Каблуков ответил, что кавалергарды вполне удовлетворены словами Цесаревича и, со своей стороны, просят забыть это происшествие. Но тут из задних рядов вышел 19-летний корнет Лунин, и, обращаясь к Великому Князю, сказал: «Честь, предложенная Вашим Высочеством, так велика, что я не в праве от нее отказаться». «Ну, Лунин, ты еще слишком молод, чтобы оспаривать решение старших», – сказал ему с улыбкой Великий Князь. Выходка Лунина, кроме общего смеха, в том числе и Цесаревича, не имела никаких последствий, и с этого дня Константин Павлович запомнил и искренне полюбил Лунина за отличное знание службы, за храбрость, за веселый нрав и злой язык. Впоследствии он сделал его адъютантом и всячески старался выгородить и выручить, когда последний оказался причастен к восстанию декабристов.

По причине усиления строевой муштры и ужесточения телесных наказаний нижних чинов, 16 октября 1820 года в Петербурге случилось происшествие в лейб-гвардии Семеновском полку. Собственно бунта, как такового, не было. Просто, замученные муштрой и шпиц-рутенами при новом командире полка Шварце, солдаты выказали явное неподчинение и нарушение дисциплины. Высочайшим приказом полк был расформирован, и вместо него набран новый. Происшествие в Семеновском полку случилось в отсутствие Императора в Петербурге, и командование Гвардией было не на высоте положения, не сумев загасить возгорание при первых же искрах. Неожиданное и суровое решение, принятое по отношению к одному из старейших и заслуженных полков Русской армии, вызвало много пересудов как в обществе, так и непосредственно в войсках. Это вызвало ответную реакцию Императора, и Гвардия, в том числе Кавалергардский полк, была отправлена на год «проветриваться» в Литву.

Будущее показало, что события в Семеновском полку, «проветривание» Гвардии в Литве и апофеоз всего – 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге, а также 30 декабря – 3 января во 2-й армии на Украине – были звеньями одной цепи.

Пребывание войск за границей, знакомство с иной культурой, ины-

ми видами государственного правления и общественного быта, общее неудовольствие и неудовлетворенность настоящим положением в России, смутное желание и стремление к лучшему будущему, мятежность русской души, загнанной в рамки ожесточенной парадной муштры и в границы военных поселений, были причинами, которые побудили часть русского офицерства принять участие в зарождении различных тайных обществ, имевших целью улучшение народного быта и изменение государственного правления. Причем, эти тайные общества были настолько разнообразны и по направлению, и по целям, которые ставили перед собой, что зачастую дело ограничивалось лишь пустыми разговорами. Как писал А.С. Пушкин:

У них свои бывали сходки;
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки...
Витийством редким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.

Все это были разговоры
Между лафитом и клико,
Куплеты, дружеские споры,
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука –
Все это было только скука,
Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов...

А вот, например, отношение самого Цесаревича Константина Павловича к «болтовне» среди офицеров. В январе 1826 года он пишет по поводу своего адъютанта М.С. Лунина, арестованного по делу 14 декабря: «Статья могло, что он (Лунин. – А. Ш.), находясь в неудовольствии противу правительства, мог что-либо на счет оного говорить, кое случается не с ним одним – даже Его Императорское Величество изволит

припомнить, что мы сами иногда между собой, сгоряча и одушевившись, бывали в подобных случаях не всегда в речах умеренными, но это еще не означает, какого-нибудь вредного намерения».

Так, в 1814 году по инициативе генерал-майор М.Ф. Орлова, того самого, что принял деятельное участие в капитуляции Парижа, возникло общество под названием «Орден Русских рыцарей». Обществом разрабатывались утопические проекты создания союза Греческих государств под протекторатом России, присоединения к России славянских стран, обсуждались вопросы борьбы со взяточничеством и другими нарушениями в различных сферах государственного управления. Никаких политических программ, связанных с изменением государственного строя, даже не выдвигалось. Через два года это общество прекратило свое существование, а вместо него возник «Союз Спасения или общество истинных и верных сынов Отечества», который также не выдвигал никаких требований политического характера.

Только в 1818 году возникает «Союз Благоденствия», имевший два центра: в Петербурге и в штабе 2-й армии на Украине, в его программе намечаются определенные изменения, которые общество хотело бы осуществить в государственном устройстве России. На руку обществу сыграли и некоторые действия со стороны Императора, как бы подтверждавшие правильность их затеи. Тем самым члены общества еще более уверялись в том, что их устремления совпадают с мнением Государя, и деяния их направлены на благо России.

В ноябре 1815 года Император подписывает Конституционную хартию Царства Польского, в 1816 году отменяет крепостное право в Эстонии, в следующем году – в Курляндии. Но больше всего окрылила членов тайных обществ и вселила в них уверенность в собственной правоте речь Императора Александра I на Польском Сейме 15 марта 1818 года, когда он произнес: «...при Божией помощи распространить на все страны, провидению моему вверенные, спасительное влияние конституционных учреждений».

В 1821 году, в связи с «проветриванием» Гвардии, руководители «Союза Благоденствия» поняли, что давно находятся под надзором правительства, и приняли решение о закрытии общества. Однако

почти сразу после закрытия Союза полковник Пестель, бывший кавалергард, к этому времени назначенный командиром Вятского пехотного полка на Украине, и Никита Муравьев в Петербурге открыли два самостоятельных общества: Южное и Северное, и приступили к активным действиям по выработке программ и привлечению новых членов.

В чем-то программы обществ были схожи, в чем-то имелись существенные расхождения.

Северное общество по-прежнему склонялось к монархии, основанной на конституции, составленной по образу и подобию аналогичных документов различных штатов Северной Америки. Южное общество, признавая на первых порах необходимость сохранения монарха, тем не менее, все больше склонялось к республике.

Обдумывая административное устройство России, Пестель предполагал перенос столицы в Нижний Новгород, объясняя это более центральным положением последнего. Признавая равенство всех народов России, Пестель все же делает существенное различие для евреев и подробно объясняет почему. Пестель считает, что ожидая Мессию, евреи полагают себя избранным народом и временными обитателями края, где находятся. «... Никак не хотят заниматься земледелием. Ремесленников отчасти презирают и большей частью одной торговлей занимаются. По причине же большого их числа не может честная торговля доставлять пропитание всем, а потому нет таких обманов и фальшивых действий, коих они себе не позволяют, в чем им рабины еще больше способствуют, говоря, что обмануть христианина не есть преступление, основываясь на своем законе право дать даже фальшивую присягу, если только может быть еврею полезно».

Поэтому Пестель предлагает следующую меру: «Содействовать евреям к учреждению особенного, отдельного государства в какой-либо части Малой Азии... Такому числу людей (более двух миллионов в России и Польше, по подсчетам Пестеля. – А.Ш.), ищущих Отечество, не трудно будет преодолеть все препоны, какие турки могут им противопоставить, пройдя Европейскую Турцию, перейти в Азиатскую, <...> устроить особенное еврейское государство».

И в той, и другой конституциях обсуждался земельный вопрос. Крепостное право везде подлежало немедленной отмене, однако помещичья земля оставалась в собственности владельцев, и если Пестель смутно говорил о возможности выкупа последней, то Муравьев об этом даже не заикался. При этом обе конституции подтверждали передачу крестьянам их домов, огородов, приусадебных участков и скота.

Среди офицеров-кавалергардов, состоявших в тайном обществе, было много очень богатых людей, как сам Муравьев, а также Анненков, Чернышев, Ивашев, Лопухин и Лунин. Никто из них не дал вольной своим крепостным. Уже находясь в сибирской ссылке, Лунин в своем завещании хотя и предоставил вольную крестьянам, но, тем не менее, настаивал, чтобы это было сделано «не касаясь земли, строений, имуществ и прочих угодий, сохраняя в целостности наследственное имение».

Помимо существования двух тайных обществ, серьезно готовившихся к изменению государственного устройства России, но не имевших реальных планов к их воплощению и ждавших удобного случая для всенародного объявления их в расчете на широкую поддержку со стороны, прежде всего, армии, весьма удобным для выступления оказался повод, предоставленный непосредственно самим царствующим Домом Романовых. Неразбериха, случившаяся с престолонаследием, ввиду смерти Императора Александра Павловича, повергла всю страну и армию в растерянность.

Ситуация сложилась непонятная как для самих Великих Князей, Константина и Николая (первый был в полной уверенности, что все давно уже определено, и он не является наследником, второй, напротив, пребывал в неведении о законности своих прав на престол), так и для войск, которые в течение 18 дней были вынуждены дважды давать присягу.

Дело в том, что поскольку Император Александр Павлович не имел детей, то право наследования престола первоначально принадлежало старшему, после него, брату Константину, носившему титул Цесаревича. Цесаревич Константин был женат на принцессе Саксен-Заафельд-Кобургской, нареченной Анной Феодоровной. Их брак был бездетен. В то же время, в 1818 году, у следующего брата

Императора, Николая Павловича, рождается сын, нареченный Александром (будущий Император Александр II). Цесаревич Константин, постоянно проживавший вдали от столицы, в Варшаве, и являвшийся фактическим правителем Польши и командующим польской армией и русским гвардейским отрядом, не испытывает никакого желания к вступлению на престол. Тем более, что его бурно развивающийся роман с польской графиней Иоанной Грудзинской ставит под сомнение прочность семейных уз Цесаревича. Император Александр, извещенный о происходящем в Варшаве, 19 июля 1819 года, после учений в Красном Селе, обедая с братом Николаем Павловичем и его женой Великой Княгиней Александрой Феодоровной, внезапно заявил следующее: «Мой брат Константин, который никогда не заботился о престоле, решил ныне, более чем когда-либо, формально отказаться от него, передав свои права брату своему Николаю и его потомкам. Что касается меня, то я решил отказаться от лежащих на мне обязанностей и удалиться от мира. Европа теперь, более чем когда-либо, нуждается в монархах молодых, вполне обладающих энергией и силой, а я уже не тот, каким был прежде, и считаю долгом удалиться вовремя». Видя, какое ошеломляющее впечатление он произвел своим заявлением, Император постарался успокоить присутствующих, сказав, что это произойдет через несколько лет, просто он заранее хочет поставить в известность о своих планах всех членов семьи.

Двадцатого марта 1820 года Цесаревич Константин расторгает свой брак с Анной Феодоровной и 12 мая того же года сочетается вторым браком с польской графиней Иоанной Грудзинской, получившей титул Светлейшей княгини Лович. По закону 1820 года, дети от брака «с лицом, не имеющим собственного достоинства», лишены были права наследования.

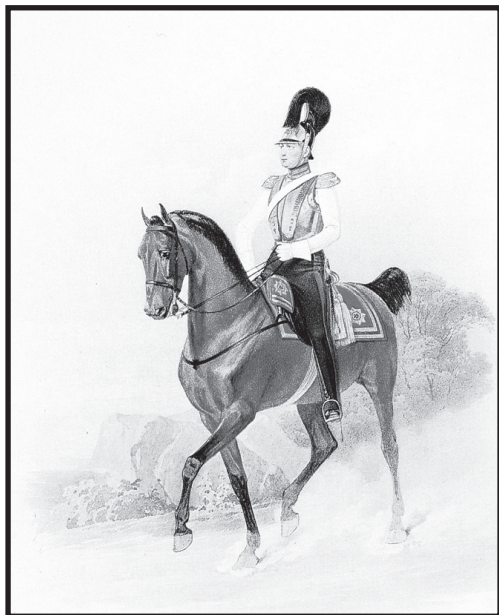
Четырнадцатого января 1822 года Константин Павлович обратился с письмом на имя Государя, в котором категорически отказывался от престолонаследия, «передав сие право тому, кому оно принадлежит после меня, и тем самым утвердить навсегда непоколебимое положение нашего государства».

Император Александр не пожелал разглашать раньше времени отречение от престола Цесаревича Константина, чтобы не давать

*Литавец
и эскадронный писарь
Кавалергардского
полка. 1845–1849 гг.*

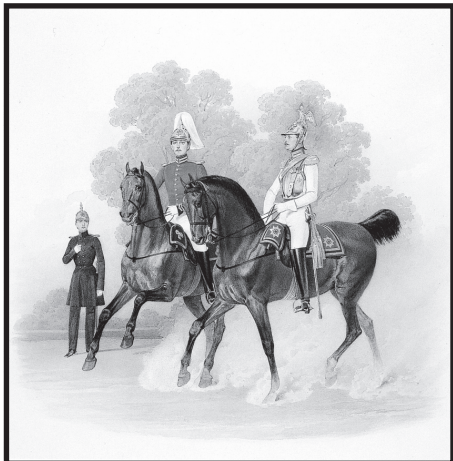
*Штаб-офицер
Кавалергардского
полка. 1828–1829 гг.*

*Офицеры-кавалергарды.
1851 г.*

*Рядовой Кавалергардского
полка в парадной строевой
форме. 1870 г.*

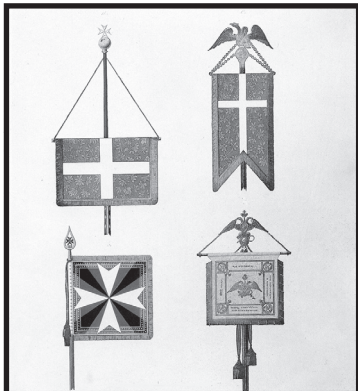

*Поручик
Кавалергардского полка
в придворной форме*

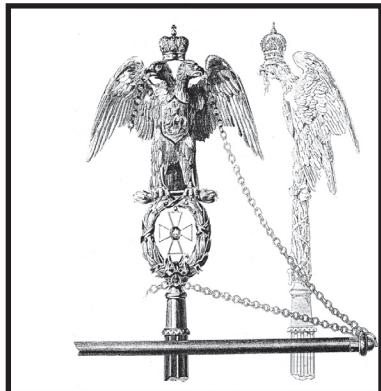

*Полковник
Кавалергардского полка
в парадной форме*

Штандарты Кавалергардского корпуса 1799 г. (слева) и Кавалергардского полка 1800–1813 гг.

Орел на штандарты Кавалергардского, л.-гв. Конного и л.-гв. Кирасирского Его Величества полков, утвержденный 6 апреля 1875 г.

Офицер-кавалергард при Императоре Александре I. 1815–1825 гг.

*Старшие вахмистры
(строевой и не строевой)
Кавалергардского полка.
Повседневная форма. 1873 г.*

*Унтер-офицер Кавалергардского
и обер-офицер л.-гв. Конного
полков. 1874 г.*

Конюшня Кавалергардского полка на Захарьевской ул. на месте полковой церкви свв. Захария и Елизаветы

Шефский корпус Кавалергардского полка на Шпалерной ул. (ныне Военный инженерно-технический университет)

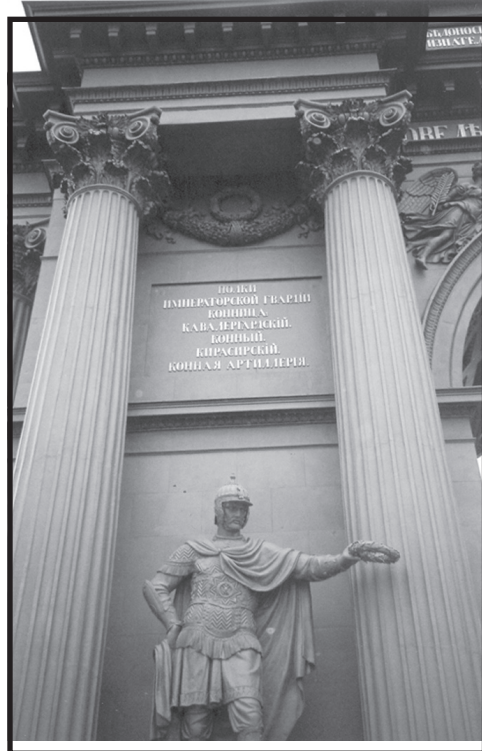

Манеж и конюшни Кавалергардского полка на Потемкинской ул. (ныне Военный инженерно-технический университет)

*Нарвские ворота,
сооруженные в честь
победы в Отечествен-
ной войне 1812 г.
на средства шефа
Кавалергардского полка
генерала Ф. Уварова.
Внизу список полков
(среди них
Кавалергардский),
принимавших участие
в войне 1812 г.*

*Молебствие на Семеновском плацу при выступлении в поход
Кавалергардского полка. 2 июня 1849 г.*

*Чтение кавалергардам рескрипта шефа на
пожалованные литавры первых кавалергардов. 1 мая 1849*

*Приезд Императрицы Александры Феодоровны
в казармы Кавалергардского полка. 7 мая 1849 г.*

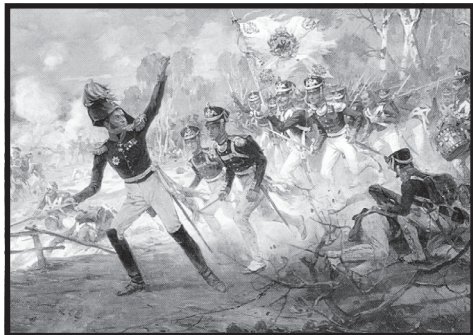
*Приезд Императрицы Александры Феодоровны на
парад на Царицыном лугу в С.-Петербурге. 1831 г.*

*Подвиг генерала
Н.Н. Раевского
под Сантауовкой.
Худ. Самокиш.
1912 г.*

*Военная галерея
Зимнего дворца,
где находится более
300 портретов героев
Отечественной войны
1812 г.*

Показательная атака кавалерии на Царицыном лугу (Марсово поле)

Корнет Маннергейм

Форма Кавалергардского полка

Кавалергард
барон Г. К. Маннергейм

С.-Петербург. Захарьевская улица, дом 31. В квартире на втором этаже у своего сослуживца по полку П.А. Демидова проживал корнет Маннергейм. 1891–1892 гг.

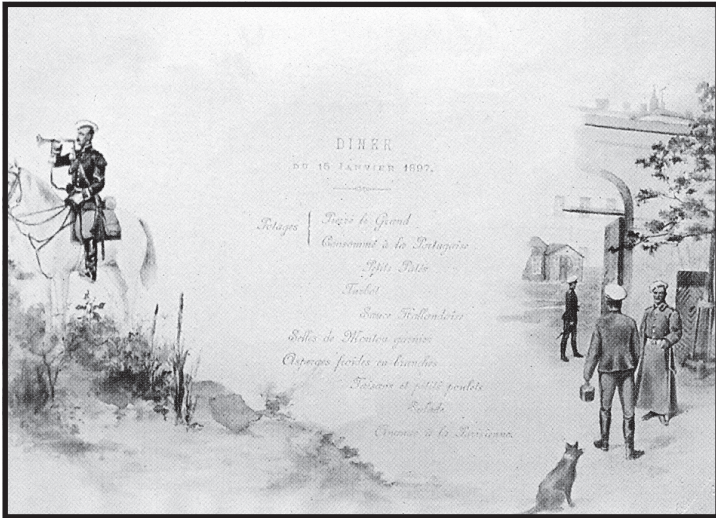
Офицерская форма
кавалергарда

Кавалергард
барон Г. К. Маннергейм

Меню обеда кавалергарда

*Анастасия Николаевна Арапова –
супруга ген. Маннергейма*

*Набережная реки Мойки, 29 –
один из петербургских адресов
Маннергейма*

*Дочери барона Маннергейма –
Анастасия и София*

*Набережная Кутузова
(б. Гагаринская), дом 26 –
один из петербургских адресов
Маннергейма*

*Корнет Кавалергардского
полка граф Д.А. Шереметев*

*Граф
Сумароков-Эльстон*

*Великий Князь
Андрей Владимирович
в форме Кавалергардского полка*

*Императрица Мария Феодоровна –
шеф Кавалергардского полка*

*Коронация
Императора
Николая II*

Коронация Императора Николая II, впереди кавалергарды – барон фон Кнорринг (слева) и барон Маннергейм

повода к появлению массы слухов и сплетен по столь деликатному вопросу. По его просьбе, архиепископ Филарет, будущий митрополит Московский, составил соответствующий манифест, который был утвержден 16 августа 1823 года и передан на хранение в Успенский собор Москвы, с собственноручным указанием Императора: «В случае моей кончины открыть Московскому епархиальному архиерею и Московскому генерал-губернатору». Архиепископ Филарет предложил Императору Александру I сделать три копии манифеста и, во избежание недоразумений, хранить их секретно в трех важнейших учреждениях Петербурга: в Государственном Совете, в Святейшем Синоде и в Сенате, так как восшествие на престол происходит обычно в Петербурге, а оригинал оставить в Москве. Император с этим согласился. Ни московский генерал-губернатор князь Голицын, ни председатель Государственного совета князь Лопухин, ни министр юстиции князь Лобанов-Ростовский, ни Первоприсутствующий Святейшего Синода, ни сам Великий Князь Николай Павлович, объявленный наследником престола, о существовании манифеста ничего не знали.

19 ноября 1825 года считается днем смерти Императора Александра I. Что на самом деле произошло в Таганроге, до сих пор занимает историков: действительная кончина Государя, подтвержденная актом, составленным и подписанным девятью врачами, в том числе хирургом Кавалергардского полка Рейнгольдом и присутствовавшим на вскрытии генерал-адъютантом Чернышевым, или исчезновение и уход Императора в мир, как он сам это планировал в беседах со своими братьями? И как это соотносится с появлением в Сибири загадочной фигуры старца Феодора Кузьмича? Пока еще на эти вопросы нет вразумительных ответов.

Тем не менее, до этого самого дня манифест от 16 августа 1823 года был тайным, и Великий Князь Константин по-прежнему считался наследником престола и носил титул Цесаревича. Исходя из этого, Начальник Главного штаба генерал Дибич отсылает курьеров с известием о кончине Императора и в Варшаву, и в Петербург, не зная, где точно находится Цесаревич. Причем все известия к нему идут уже с титулом – «Императору Константину Павловичу».

Известие о смерти Александра Павловича приходит в Варшаву 25 ноября в 7 часов вечера. На следующий день Константин Павлович объявляет всем приближенным об утрате, постигшей Россию, и подтверждает свой отказ от престола в пользу младшего брата. Не признавая себя Императором, все бумаги, адресованные ему с этим титулом, Константин Павлович переправляет в Петербург. Сам же выехать туда категорически отказывается, несмотря на уговоры матери, Императрицы Марии Феодоровны, и своих братьев, чтобы разрешить создавшееся в России небывалое положение.

Двадцать седьмого ноября известие из Таганрога достигает Петербурга. После отслуженной панихиды по новопреставленному Государю, Великий Князь Николай Павлович тотчас присягает Императору Константину и приказывает привести к присяге все полки и команды на основании закона Императора Павла от 5 апреля 1797 года о порядке престолонаследия. В этот же день присягнули все полки Санкт-Петербургского гарнизона, в том числе и кавалергарды.

Вскрытие пакетов с копиями манифеста об отречении от престола Цесаревича в Сенате и Государственном Совете, а также в Москве, совпало по времени с состоявшейся уже присягой Императору Константину. После долгих прений и сенаторы, и члены Госсовета приняли решение руководствоваться законом Павла I о порядке престолонаследия, во избежании недоразумений и одновременной присяги двум Императорам.

После долгих 18 дней ожидания, наконец, в Петербурге 13 декабря был получен решительный ответ Цесаревича, положивший конец междоусобице. Великий Князь Николай Павлович принял престол вследствие полного и безоговорочного отречения от него Цесаревича Константина. В этот же день Николай I подписывает манифест о своем вступлении на престол, и на утро 14 декабря 1825 года была назначена новая присяга новому Императору.

В Кавалергардский полк манифест Императора Николая и отречение Цесаревича Константина были доставлены в ночь на 14 декабря. Командир полка Апраксин приказал полку немедленно построиться в пешем строю в манеже. После прочтения обоих до-

кументов граф Апраксин дал время офицерам объяснить нижним чинам, почему они, несмотря на недавно принесенную присягу Константину Павловичу, обязаны теперь присягать Николаю Павловичу. Присутствовавший на построении начальник дивизии генерал А.Х. Бенкендорф в резкой форме потребовал от командира полка присягать без рассуждений. В рядах раздался ропот. Апраксин, прекрасно понимая, что излишняя и неуместная резкость выражений может повлечь за собой тяжелые последствия, попросил начальника дивизии покинуть манеж, указав ему, что за порядок в полку отвечает он, его командир.

Бенкендорф уехал, и тогда Апраксин, сняв каску и подняв правую руку вверх, поклялся полку, что отречение Цесаревича является абсолютно добровольным, что престол переходит к Николаю Павловичу по закону и согласно последней воле усопшего Императора Александра. Он заклинал полк именем покойного Императора исполнить его последнюю волю. Дав полку время обсудить все сказанное и успокоиться, Апраксин обратился к полковому священнику с просьбой приступить к присяге. Благодаря выдержке, самообладанию и самостоятельности командира, его точному и правильному пониманию святости присяги, полк спокойно принес клятву верности новому Императору. По завершении церемонии, полк был распущен на обед, а командир отправился в Зимний дворец доложить Императору Николаю о принесении присяги кавалергардами.

Утром 14 декабря часть лейб-гвардии Московского полка, около 700 человек, с распущенными знаменами, под командованием члена тайного общества штабс-капитана М.А. Бестужева, вышла на Сенатскую площадь и выстроилась в каре у памятника Петру I. Московцы отказались присягать Императору Николаю Павловичу и кричали «Ура!» Императору Константину. К Московскому полку присоединилось несколько рот лейб-гвардии Гренадерского полка – 1200 человек, а затем и весь Гвардейский экипаж – 1100 человек, под командованием капитан-лейтенанта Н.А. Бестужева. Силы бунтовщиков составили около 3000 человек, однако ввиду отсутствия какого-либо единого руководства, среди них царила

растерянность. Назначенный руководителем восстания князь С.П. Трубецкой предпочел не принимать участие в бунте. Перейти к каким-либо наступательным действиям никто не решался. Что делать дальше, тоже никто не знал.

Тем временем, к Зимнему дворцу стягивались верные правительству части. Подошли преображенцы; часть из них перекрыла Исаакиевский мост, по которому уже спешил на помощь восставшим батальон Финляндского полка под командованием поручика А.Е. Розена, остальные выстроились спиной к Зимнему дворцу.

К часу дня прибыл Кавалергардский полк и выстроился вдоль южной части Адмиралтейства, неподалеку от преображенцев. Подтянули и установили несколько орудий лейб-гвардии Конной артиллерии. Со стороны Английской набережной подошел лейб-гвардии Конный полк, по Вознесенскому проспекту подходили измайловцы, по Гороховой – семеновцы.

К восставшим подъезжали и пытались поговорить с ними: Великий Князь Михаил Павлович, митрополит Петербургский Серафим и генерал-губернатор, герой войны 1812 года, граф М.А. Милорадович. Видя, какое впечатление на солдат производят уговоры, в особенности обещание Великого Князя Михаила полного прощения, и понимая, что они начинают колебаться, Кюхельбекер попытался застрелить Великого Князя, но ему помешал Бестужев. Однако руку поручика Каховского отвести никто не успел, и его пулей был насмерть сражен генерал-губернатор Милорадович. Уцелевший в 52-х сражениях, любимец самого Суворова принял смерть на Сенатской площади.

Кавалерия попыталась атаковать, но безуспешно. Сильнейший гололед и лишённые шипов подковы коней не способствовали успеху. Тогда в дело вступила артиллерия. Первый холостой выстрел не произвел впечатления на восставших, ответивших криком: «Ура, Императору Константину!» И тогда орудия зарядили картечью. Николай I лично подал команду: «С правого фланга пальба орудиями. Первое орудие...» Младшие начальники повторили команду. Тогда Император подал исполнительную: «Пли!» Фейерверкер медлил и

долго крестился. Тогда поручик Бакунин оттолкнул его и сам произвел выстрел. Картечь с визгом ударила по каре. Все бросились бежать по Галерной улице и вдоль Невы. Орудия были двинуты вперед и дали еще несколько залпов вдогонку, окончательно рассеяв толпу. Мятеж был подавлен.

На 14 декабря в Кавалергардском полку состояло 12 офицеров, членов Северного общества: полковник Кологривов, ротмистр Чернышев, поручики Анненков, Васильчиков, Горожанский, флигель-адъютант Витгенштейн, корнеты Арцыбашев, Вяземский, Депрерадович, А.М. Муравьев, Свинын и Свистунов. К тому времени из бывших офицеров-кавалергардов находились на службе и состояли в тайных обществах: командир бригады 1-й уланской дивизии генерал-майор Лопухин, командир бригады 19-й пехотной дивизии Свиты Его Величества генерал-майор Волконский, командир Вятского пехотного полка полковник Пестель, командир Ахтырского гусарского полка полковник Муравьев, младший офицер Нежинского конно-егерского полка прапорщик Вадковский и подпоручик Полтавского пехотного полка М.П. Бестужев-Рюмин. В адъютантах состояли: у Цесаревича Константина – подполковник Лунин, у главнокомандующего 2-й армией – ротмистр Ивашев и поручик Крюков. Кроме того, в отставке находились генерал-майор Орлов, полковники Поливанов и Бегичев, поручик Шереметев.

Пятеро из действующих офицеров полка – Анненков, Арцыбашев, Вяземский, Депрерадович и Муравьев, принесли присягу Императору Николаю и выехали с полком на Сенатскую площадь. Остальные, кроме Горожанского, отсутствовали в Санкт-Петербурге, находясь в отпуске или в командировке. Горожанский присяги не принес, с полком не выехал, но присоединился к восставшим. Несмотря на такое количество офицеров – членов тайных обществ, Кавалергардский полк остался верен престолу.

Сразу же после разгрома мятежа начались аресты и допросы руководителей. Особая следственная комиссия в течение шести месяцев допрашивала арестованных. Из привлеченных по делу тайных обществ 570-и человек под суд было отдано 121. Пятеро:

Бестужев-Рюмин, Каховский, Муравьев-Апостол, Пестель и Рылеев – были казнены, остальные разжалованы, сосланы в Сибирь и другие места заключения. Нижние чины, прогнанные сквозь строй шпицрутенов, были отправлены на Кавказ.

Никто не ожидал такого исхода. Та жестокость, с которой было подавлено восстание и произведена расправа с его участниками, поразила все русское общество на долгие годы царствования Николая I и далеко вперед. Надо отметить, что во-первых, большинство декабристов принадлежало к известнейшим и старинным дворянским родам России. А во-вторых, само общество, за время царствования Александра I, отвыкло от смертной казни и считало ее почти отмененной. Поэтому, прежде всего, эта жестокость создала декабристам ореол мученичества, чем впоследствии не преминули воспользоваться пришедшие им на смену поколения уже настоящих революционеров. Так, по словам Ленина, началась цепочка: декабристы разбудили Герцена, Герцен – народовольцев и так далее, что в конце концов привело к гибели монархии и России.

Несмотря на то, что Кавалергардский полк участвовал в подавлении мятежа, симпатии к декабристам все равно остались. Как писал в своем стихотворении кавалергард Н.С. Мартынов:

И как нам не почесть участия слезою
Ратующих за чернь вельмож и богачей.
То цвет России был поблекший под грозою
И скошенный с земли руками палачей.

По окончании суда над декабристами, Кавалергардский полк сопровождал Императора в Москву, где состоялись торжества коронации, в которых, по давно устоявшейся традиции, кавалергарды были обязательными участниками.

С 1 июля 1826 года шефом полка стала Императрица Александра Феодоровна и полк теперь назывался Кавалергардским Ея Величества полком. По ее желанию полковым маршем стал марш из оперы французского композитора Ф.А. Буальдьё «Белая дама»:

Chevaliers Gardes, prenes garde
La Dame blanche vous regarde!
Chevaliers Gardes, prenes garde
La Dame blanche vous entende.

Берегитесь, кавалергарды,
Белая дама на вас смотрит.
Берегитесь, кавалергарды,
Белая дама вас слышит.

В Кавалергардском полку существовало предание, что накануне каких-либо трагических событий, в полковом собрании появлялось привидение в образе дамы в белом. Кем она была, никто не знал. Одна из легенд гласила, что это был образ Императрицы Елизаветы Алексеевны, вдовы Императора Александра I, и связывала ее имя с полковым праздником, 5 сентября – днем Святых Захария и Елизаветы. Неизвестно, видел ли кто-нибудь ее на самом деле, но по воспоминаниям самих кавалергардов, она жила в их душах, вдохновляла на подвиги, удерживала от падений и укрепляла в невзгодах. Она была душой полка, его традицией, звавшей к идеалу, жертвенности, скромности, служению Царю и любимой Родине.

С окончания Заграничного похода Русской армии в 1814 году и до Великой войны 1914 года Кавалергардский полк в полном своем составе участия в боевых действиях не принимал. Кратковременные уходы из Санкт-Петербурга в польский поход 1830–1831 годов и венгерский поход 1849 года не были отмечены сколько-нибудь важными делами, в которых бы полк принял участие. В войне 1854–1856 годов, полк нес службу по охране побережья Финского залива от возможных десантов английского флота, затем был переведен ближе к западным границам, в район Брест-Литовска, а оттуда вернулся сначала в Москву, где состоялась коронация нового Императора Александра II, после чего пришел в Петербург. Если полк в полном составе не принимал участия в боевых действиях армии, то этого нельзя сказать о его офицерах. Многие из них числялись добровольцами или командировались в действующую

армию, в армейские или казачьи полки. Многие кавалергарды дрались с горцами на Кавказе, участвовали в Русско-Турецкой войне 1877–1878 годов, и в Русско-Японской 1904–1905 годов.

За долгие годы пребывания Кавалергардского полка в Петербурге, полк стал как бы составной частью столичной жизни. Два полка Русской армии действительно считались первыми во всем: Преображенский в пехоте и Кавалергардский в кавалерии. Попасты в эти полки было чрезвычайно трудно. Вот что по этому поводу писал князь В.С. Трубецкой: «В оба эти полка поступал цвет высшего дворянского общества. Это были действительно аристократические полки, куда принимали офицеров с особенным разбором. Носить громкую старинную дворянскую фамилию и обладать средствами и придворными связями – этого было еще далеко недостаточно, чтобы поступить в один из этих рафинированных полков. Туда мог попасть безупречно воспитанный молодой человек, о репутации и поведении которого полком собирались тщательные справки. А кавалергарды в некоторых случаях еще копались в родословной представлявшегося в полк молодого офицера и проверяли за несколько поколений назад его бабушек и прабабушек: не затесалась ли среди них какая-нибудь мадам, неподходящая по своему происхождению и тем самым портящая родословную. Ведь она могла бы передать по наследству плебейские черты своему потомству. Здесь никакие протекции не помогали. Случаи, когда сыновья министров и высших сановников при представлении в эти полки получали отказ, не были единичными».

Кавалергардский полк был первым полком 1-й Гвардейской кирасирской дивизии. В состав этой дивизии входили, кроме кавалергардов, следующие полки: лейб-гвардии Конный, лейб-гвардии Кирасирский Его Величества (желтые кирасиры), лейб-гвардии Кирасирский Ея Величества (синие кирасиры). Все четыре кирасирских полка надевали в торжественных случаях медные (у офицеров золоченые) кирасы, начищенные до блеска. Кирасы были памятью о тех временах, когда полки относились к тяжелой кавалерии и служили тараном для пробивания строя легкой кавалерии противника.

А в середине вдохновенно,
Стеной недвижимо, нетленно,
Стоит Кавалергардский полк!
Как стройный лес мелькают пики,
Пестреют ярко флюгера;
Все люди, лошади – велики,
Как монумент Царя Петра!..
Стремена, седла, мундштуки,
Пахвы, наперся, чепраки, –
Все пригнано: как раз все в пору,
Нигде ни складки, ни зазору! –
Подряд, – для пользы и красоты,
У всех напудрены усы;
Все лица на один покрой,
И статен тот, как и другой!
Вся амуниция – с иголки,
У лошадей – надменный вид,
И от хвоста до самой челки
Шерсть одинаково блестит!..
Любой солдат – краса природы;
Любая лошадь – тип породы!
Что офицеры? – ряд картин! –
И все как будто бы один!..
В посадках – идеал равенства;
В равненьи – просто совершенство!..

Так писал о родном полке кавалергард Мартынов в 1836 году. Да, тот самый Мартынов, что имел несчастье убить на дуэли другого поэта – М.Ю. Лермонтова. А почти сто лет спустя, уже в эмиграции, другой однополчанин, граф Шереметев, писал следующее:

Ты помнишь ли, в былое время,
Весь в красно-белых флюгерах,
Со звоном палашей о стремя,
И на гнедых своих конях

Ты шел по северной столице
Под топот трепетный подков
И с блеском в солнечной зарнице
Твоих серебряных орлов.
Блестели звезды и кокарды,
Алели пики, как пожар,
Шли над Невой кавалергарды
Под звуки светлые фанфар.
В кирасах солнце отражалось,
И в зыби голубых валов,
Нева тобою любовалась
Из-за гранитных берегов.

1 декабря 1890 года корнет Александрийского полка Маннергейм прикомандировывается к Кавалергардскому полку, а с 27 июля 1891 года считается окончательно переведенным в полк и получает должность младшего офицера первого эскадрона. Сбылась юнкерская мечта о службе в Первом полку русской конницы.

Полк размещался по-прежнему на участке, ограниченном улицами Захарьевской, Потемкинской и Шпалерной. Постепенно устранялись недоделки, допущенные строителями при возведении зданий в начале XIX века, производился ремонт, совершенствовались инженерные сети внутри зданий, появился водопровод, канализация, паровое отопление.

Для семейных нижних чинов был передан дом № 38/40 по Шпалерной улице, офицеры, проживавшие на казенных квартирах, размещались в офицерских флигелях по Захарьевской, примыкавших к полковому храму. Маннергейм поселился в доме, расположенном напротив кавалергардских казарм, по адресу: Захарьевская, 31, у своего сослуживца Павла Александровича Демидова. Сам дом принадлежал протоиерею Казанского собора Г.С. Дебольскому и был капитально отремонтирован на средства А.П. Демидова, поэтому его сыну, корнету Кавалергардского полка, был отведен весь второй этаж, который тот охотно делил со своим другом Маннергеймом. Здесь Маннергейм прожил два года до своей женитьбы.

Служба в Кавалергардском полку разительно отличалась от предыдущей. Размещенный в центре города полк был вынужден весь осенне-зимний период проводить занятия в закрытых помещениях манежа, и только с приходом весны эскадроны полка выходили за город на травы, а также принимали участие в маневрах в Красном Селе в составе всего полка.

Одним из развлечений в зимнее время для офицеров полка были скачки, проводимые в огромном Михайловском манеже. В конце девяностых годов в Петербурге появилось и сразу завоевало популярность в среде офицеров-кавалеристов конное поло, аристократическая игра, завезенная из Англии.

Служба в полку состояла из ежедневных занятий с солдатами и начиналась с пяти-шести часов утра уходом за лошадьми, продолжаясь после перерыва на обед еще часов до четырех-пяти вечера. В обязанности Маннергейма входило обучение новобранцев, которое длилось три месяца, после чего в Михайловском манеже проходил царский смотр молодого пополнения гвардейских полков Санкт-Петербурга. Кавалергардский полк выстраивался в первой линии, Государь здоровался с войсками, обходил строй, рассматривал внешний вид и выправку. Затем, уже в полковом манеже, молодые солдаты принимали присягу. С этого момента они становились полноправными членами полковой семьи, наряду со старыми солдатами. Большое внимание уделялось физической подготовке и, конечно в первую очередь, верховой езде. Наиболее отличившихся солдат, обладавших хорошими физическими данными и достаточным уровнем грамотности, направляли в Учебную команду. Унтер-офицеры полка высоко ценились не только во время военной службы, но и после нее, получая очень выгодные предложения о поступлении на частную службу к офицерам полка.

Помимо службы в полку, кавалергарды в соответствии со своим прямым предназначением несли и придворную службу. Она заключалась в обязательном присутствии кавалергардов на торжественных выходах Императора, на высочайших балах и обедах. Наиболее частыми бывали выходы в церковь. Это случалось каждое воскресенье и по церковным праздникам. Особенно торжественным

всегда было пасхальное богослужение. В этот день все офицеры полка подходили христосоваться с Императором и Великими Князьями, а после к целованию руки Императрицы и Великих Княжон. Заступая в караул в Зимний дворец, а также по всем случаям торжественного построения полка, кавалергарды надевали парадную историческую форму. Маннергейм в своих мемуарах говорит: «В эти минуты мне казалось, что я прикасаюсь к частичке истории России». Белые мундиры, супервесты с Андреевскими звездами, вышитыми спереди и сзади, лосины, высоченные ботфорты и перчатки с крагами. Парадный мундир довершала каска, украшенная императорским двуглавым орлом.

Служба в гвардейском полку была очень дорогим удовольствием. Огромные деньги тратились на подарки, букеты полковым дамам и Императрице, являвшейся шефом полка, на полковые обеды, проходившие с таким шиком, что им могли позавидовать лучшие парижские рестораны. В меню входили такие экзотические блюда, названия которых порою ничего не говорят сегодняшнему обывателю. Сами меню, оформлявшиеся лучшими художниками России, такими как В. Васнецов, А. Бенуа и другие, по сути своей являлись произведением живописного искусства.

За свой счет приобреталось и все обмундирование, которое должно было быть высшего качества, поэтому офицеры заказывали его в определенных престижных магазинах, мастерских и ателье. Кроме того, каждый офицер должен был иметь двух собственных лошадей. Как говорили сами кавалергарды: «Голубая кровь течет не только в наших жилах, но и в жилах наших лошадей». Поэтому вопрос выбора и приобретения лошади подчинялся общему правилу для полка. Ее масть (для кавалергардов была определена гнедая), рост, костяк, должны были соответствовать определенным стандартам. Подобные породистые экземпляры конского состава выращивались на небольших частных конных заводах и стоили больших денег. Кроме лошадей, приобретался и весь конский убор. Все это привело к созданию в 1892 году Гвардейского экономического общества, целью которого было «доставлять своим потребителям необходимые для них предметы потребления, главным образом обмундирование, снаряжение, обувь и

белье вполне хорошего качества по возможно дешевым ценам». Первоначально общество размещалось в здании Офицерского собрания, (Литейный, 20), а затем, в связи с увеличением объемов поставок и товарооборота, в 1908–1913 годах было выстроено отдельное здание (Большая Конюшенная, 21/23), хорошо известное современным жителям города как Дом Ленинградской торговли.

Оставаясь первым полком русской конницы и являясь по сути аристократическим клубом, полк, тем не менее, «славился» и с другой стороны. Высказывание Императора Александра I о том, что войны портят армию, относилось к ее парадной и строевой выучке, что в условиях боевых действий не имело практической пользы, но и мирное время, как бы цинично это ни звучало, тоже действовало на армию несколько разлагающе. Ежедневные занятия, дворцовые караулы и церемонии утомляли своим однообразием, и нагоняемая ими скука требовала выхода, особенно для молодых и богатых людей. Сама служба в кавалерии всегда имела налет лихого романтизма, навеянного и лучшими поэтами, и воспоминаниями стариков: «Эх, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя...» Все это только подстегивало молодежь к поискам приключений, которые часто носили отнюдь не безобидный характер. Горячность души подогревалась пуншем или шампанским и бурно выплескивалась через край. Так, во времена Александра I группа молодых офицеров-кавалергардов, взявшись за руки, выходила на маршрут, по которому любил прогуливаться Император. Здесь всегда было многолюдно, так как многие пытались увидеть Императора и обратить на себя его внимание. Кавалергарды перегораживали дорогу и мешали всем, отпуская при этом различные двусмысленные шутки. Завидя Императора, они вытягивались в струнку и отдавали, как положено, честь. В конце концов, это надоело Александру I, и он сделал выговор шефу полка. Но это, пожалуй, самая безобидная из шуток. Князь С.Г. Волконский вспоминает, что часто, выпив сверх меры, кавалергарды развлекались, выбивая из-под катающихся с ледяных горок санки, обрекая отдыхающих кубарем катиться вниз. Или нанимали похоронный катафалк, загружали его шампанским и катались по городу, распевая заубойные песни и заставляя всех случайных прохожих выпивать с ними.

После заключения Тильзитского мира и нескольких поражений Русской армии кавалергарды могли ночью подъехать к дому французского посланника на Дворцовой набережной, 26, и перебить все стекла.

Вообще, Волконский дает довольно нелестные характеристики своим сослуживцам: «Весьма мало дельной образованности и почти во всех преобладание глупого молодечества <...> Общая склонность к пьянству, разгульной жизни <...> Корпус офицеров делился на два отдела под названием бонтонный (от французского – хороший тон) и мовежанрский (от французского дурной тон) <...> Хотя один из вышеозначенных отделов и назывался бонтонным, но, за малым исключением, наша жизнь была более казарменной, нежели столично-светской <...> Ежедневные манежные учения, частые эскадронные, изредка полковые смотры, вахтпарады, маленький отдых бессемейной жизни, гулянье по набережной или бульвару от 3 до 4 часов, общей ватагой обед в трактире, всегда орошенный через край вином, не выходя, однако же, из приличия, также ватагой или порознь по борделям, опять ватагой в театр <...> Другой отдел – мовежанрский – вполне заслуживал этого названия, тут и картеж, пьянство и беззазорное б... – занятия при досужих от службы минутах. Но и тут в деле общем, полковом, при отстаивании обиженного офицера, при деле, относящемся до чести мундира полка, оба отдела заедино действовали сообща».

В начале 1860-х годов Кавалергардский полк находился не в лучшем состоянии. Командующий в тот момент полком князь Баратинский поставил перед собой задачу – вернуть полку доброе имя. Последней каплей, переполнившей чашу терпения командира, была выходка 3-го эскадрона в ночь на 7 мая 1865 года. В ту ночь, видимо после весьма обильного воздаяния Бахусу, командир 3-го эскадрона поднял своих людей по тревоге и вывел на Царицын луг (Марсово поле). При этом офицеры эскадрона оседлывали мирно пасущихся коров и пытались скакать на них во весь опор.

Надо отдать должное князю Баратинскому. Ему действительно удалось очень многое: утихомирить великовозрастных шалунов,

заставить вспомнить славные полковые традиции и вернуть полку доблесть и признание.

Но и в то время, когда в полк пришел Маннергейм, поклонение Бахусу оставалось традиционным развлечением кавалергардов. Вот что по этому поводу вспоминает его сослуживец, граф А.А. Игнатьев: «Умение выпить десяток стопок шампанского в офицерской артели (так называлось полковое собрание. – А. III.) было обязательно для кавалергарда. Таков был и негласный экзамен для молодых – надо было пить стопки залпом до дна и оставаться в полном порядке...» И это было только началом застолья. Я думаю, что Маннергейм не был исключением и участвовал во всех подобных мероприятиях. К этому Игнатьев добавляет: «Должен оговориться, что наш полк считался среди других полков скромным, а главное – «непьющим», не то что лейб-гусары...»

Особо стоит остановиться на дуэлях с участием кавалергардов. Вообще дуэль, как способ защиты чести и достоинства дворянина, во все времена имела как своих сторонников, так и ярых противников. Несмотря на все запреты и угрозы наказания, вплоть до смертной казни, дуэли все же происходили и имели огромное морально-психологическое значение, будучи неразрывно связаны с понятием Офицерской Чести. Сама возможность поплатиться жизнью за нанесенное офицеру оскорбление играла огромную роль в деле поддержания чувства собственного достоинства и уважения его в других. С понятием Офицерской Чести неразрывно связана и неприкосновенность личности офицера. Ничто, кроме оружия, не могло касаться его. С честью офицерского мундира было связано понятие чести своего полка, ибо уронив собственное достоинство, офицер ронял честь полка.

Безусловно, эти морально-нравственные нормы были подчас жестоки и несправедливы по отношению к конкретным дворянам и офицерам. Бывали случаи, когда офицер был вынужден оставить и полк, и службу, не только не погрешив против чести, но просто не имея возможности избежать ситуации, которая его к этому вынуждала. Даже самые высокие лица, когда речь шла о вопросах чести, не считали для себя возможным отступать от правил. Вспомните эпи-

зод, когда Цесаревич Константин был готов предоставить возможность дуэли с ним любому офицеру Кавалергардского полка за свой бестактный поступок по отношению к офицеру-кавалергарду.

Тем не менее дуэли наносили и ощутимый вред. Часто многие молодые люди, имея вздорный характер, но при этом великолепно владея оружием, становились *bretteurs* (бреттер – задира, скандалист, заядлый дуэлянт). То есть были готовы драться по любому поводу и, зачастую, становились инициаторами кровавых поединков, провоцируя вероятных соперников, в заранее предрешенной схватке. В результате, в мирное время гибли люди. Поэтому, начиная с петровских времен (глава XVIII «Устава воинского», утвержденного Петром Великим 30 марта 1716 года) до 1894 года, дуэли были запрещены, участников, включая и секундантов, судили и наказывали. Но все равно вопросы чести в офицерской среде были настолько значимы, что запретами пренебрегали.

К сожалению, с именем Кавалергардского полка связаны, я бы сказал, самые печально знаменитые дуэли России. Имена их участников – А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.С. Грибоедов – говорят сами за себя.

В царствование Александра I наиболее шумевшей дуэлью с участием кавалергарда была так называемая дуэль четырех, когда из-за балерины Авдотьи Истоминой, в 1817 году, стрелялись штаб-ротмистр Кавалергардского полка граф В.В. Шереметев и чиновник Коллегии иностранных дел граф А.П. Завадовский, а также А.И. Якубович и А.С. Грибоедов. Надо отметить, что в царствование Александра I дуэли не преследовались, если только вызов не был придижкой, в таком случае виновный отсылался на Кавказ. Дуэль считалась «горькой необходимостью». Преследование за дуэль, как за убийство, не признавалось правильным.

Дело в том, что нравы Петербурга начала XIX века были далеки от пуританских. В какой-то степени этому способствовал небывалый расцвет русского театрального искусства, и, в первую очередь, балета. Гвардейские офицеры и «золотая молодежь» Петербурга сходили с ума от молодых актрис и балерин. Да что молодежь, сам генерал-губернатор граф Михаил Андреевич Милорадович,

соратник Суворова и герой всех войн эпохи, покровительствовал балерине Телишевой. Многие молодые актрисы, не имея достаточных средств к существованию, быстро становились любовницами богатых гвардейских офицеров, таким образом, решая вопросы и своей карьеры, и своего материального состояния. Чем выше по положению и чем богаче был ее «покровитель», чем больше она дарила ему «взаимности», тем быстрее она получала главные партии в популярных спектаклях, при том разумеется, что обладала достаточным талантом.

За два года до дуэли состоялся дебют на петербургской сцене «казеннокоштной воспитанницы Императорского театрального училища Авдотьи Истоминой» в роли Галатеи в балете Дидло «Ацис и Галатея», той самой Истоминой, о которой А.С. Пушкин писал:

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина, она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух из уст Эола;
То стан совет, то разовьет,
И быстрой ножкой ножку бьет...

Немудрено, что дебютантка сцены покорила и очаровала многих, в том числе и Шереметева. Вспыхнул бурный роман, закончившийся уже известными нам печальными событиями. Судя по материалам следствия и свидетельствам участников этой истории, суть была в следующем. Истомина показала, что давно намеревалась порвать с Шереметевым из-за его беспокойного характера и жестокого к ней отношения. Однако, по мнению петербургского света, истинная причина желания Истоминой прекратить отношения с Шереметевым заключалась в том, что она помогла ему промотать все состояние и более в нем как в «покровителе» не нуждалась,

подыскивая ему замену. 3 ноября 1817 года Истомина съезжает от Шереметева к своей подруге, балерине Азаровой, что небезосновательно вызвало ревность Шереметева. Какую роль при этом сыграл Грибоедов, будучи другом Шереметева, постоянно сопровождавший их с Истоминой по всем увеселительным заведениям, сказать сейчас очень трудно. Истину писатель унес с собой в могилу, но смерть Шереметева круто повернула его жизнь, и он простился и с Петербургом, и с праздными развлечениями.

Дуэли предшествовали следующие события. Зная о ссоре Шереметева с Истоминой, 5 ноября Грибоедов приглашает актрису к себе на квартиру, с целью убедить их помириться. Но проживал он в квартире Завадовского, своего сослуживца по Коллегии иностранных дел, камер-юнкера, графа и сына фаворита Екатерины Великой. А Завадовский, еще до ссоры Шереметева с Истоминой, предлагал ей оставить Шереметева и приглашал к себе. Поэтому появление Завадовского в момент беседы Грибоедова с Истоминой и само приглашение Грибоедовым балерины на квартиру Завадовского можно истолковать по-разному. Однако Грибоедов отвозит актрису домой. 7 ноября Истомина, встретившись с Шереметевым, соглашается переехать к нему обратно – на ее решение повлияло его обещание застрелиться. Но после этого, терзаемый ревностью, не была ли она с кем-нибудь в эти дни, что они не виделись, Шереметев вынуждает Истомуна рассказать о встрече с Завадовским, состоявшейся не без помощи Грибоедова. Результатом этого разговора был вызов на дуэль.

Девятого ноября, вместе с корнетом лейб-гвардии Уланского полка А.И. Якубовичем, Шереметев прибыл к Завадовскому с вызовом. Вызов был принят 10 ноября, но в этот день дуэль не состоялась – не было выбрано место. 11 ноября была сильная метель, что также помешало поединку, и лишь 12 ноября, на Волковом поле, был установлен барьер в 18 шагов. Примечателен тот факт, что дуэль была двойная, то есть Шереметев должен был стреляться и с Завадовским, и с Грибоедовым, поэтому Якубовичу отводилась роль не только секунданта, но и непосредственного участника дуэли на стороне Шереметева. Завадовского и Грибоедова в качес-

тве секунданта (и только) представлял подпоручик Гвардейской артиллерии барон Строганов.

Первыми должны были стреляться Грибоедов с Шереметевым, но по неизвестным причинам порядок был изменен. Шереметев стрелял первым в Завадовского и оторвал ему пулей воротник, ответным выстрелом Шереметев был смертельно ранен в живот, Якубович отвез его на квартиру, где тот скончался на следующий день. Вследствие этого окончание дуэли было перенесено, и она состоялась 23 октября 1818 года в окрестностях Тифлиса. Якубович ранил Грибоедова в руку. Секундант Якубовича капитан Генерального штаба Николай Николаевич Муравьев, будущий наместник на Кавказе, вспоминал: «...ни одного неприятного слова между Якубовичем и Грибоедовым: напротив того, до самой той минуты, как стать к барьеру, они мирно разговаривали и после того, как их секунданты побежали за доктором, Грибоедов лежал на руках у Якубовича». 11 лет спустя, рана, полученная на дуэли, дала возможность опознать труп Грибоедова среди изрубленных мусульманскими фанатиками тел сотрудников Русского посольства в Тегеране.

Результатом дуэли была ссылка Якубовича в Нижегородский драгунский полк на Кавказ, а Завадовского – за границу. Истоминной по-прежнему рукоплескала петербургская публика, и ее шумная и роскошная жизнь продолжалась. В конце двадцатых годов она покинула сцену и, наконец, вышла замуж за молодого актера Экунина, однако в эпидемию холеры 1831 года скончалась, оставив вдовцу значительное состояние.

Две следующие дуэли давно уже стали настолько известными трагическими событиями для русской литературы, что даже включены в школьные учебники. Тем не менее не остановиться на них мы не имеем права.

Прибывший в Петербург Егор Петрович (Осипович) Дантес, впоследствии барон Геккерен (Жорж Шарль Д'Антес барон де Геккерен), принадлежал к старинному французскому роялистскому роду, обучался в Сен-Сирской военной школе, но был исключен из нее. В Россию он приехал вместе с нидерландским посланником

бароном Геккереном в 1833 году. Отношения между ними были двусмысленными, поэтому для сохранения хотя бы внешних приличий барон Геккерен «усыновил» молодого француза и даже передал ему свой баронский титул. По его же просьбе Император Николай II зачислил Дантеса в следующем году корнетом в Кавалергардский полк. Князь А.В. Трубецкой вспоминал: «Он был очень красив, и постоянный успех в дамском обществе избаловал его: он относился к дамам вообще, как иностранец, смелее, развязнее, чем мы, русские, а как избалованный ими – требовательнее, если хотите, нахальнее, чем даже было принято в нашем обществе». За три года службы Дантес был произведен в поручики, но при этом имел 44 взыскания, являясь одним из самых недисциплинированных офицеров полка. Слухи о его взаимоотношениях с «приемным» отцом и бесчисленных победах над светскими дамами давно будоражили общество. На одном из придворных балов Дантес познакомился с Наталией Николаевной Гончаровой, женой Александра Сергеевича Пушкина. Само по себе, это знакомство уже бросало тень на честь поэта. Как удалось Дантесу уговорить Наталию Гончарову прийти на свидание, установить невозможно, но тем не менее оно состоялось в ноябре 1836 года на квартире приятеля Дантеса по Кавалергардскому полку, полковника А.М. Полетика (1800–1854), в здании офицерского флигеля, примыкавшего к шефскому корпусу полка (Шпалерная ул., 41/43).

Уже на следующий день Пушкин получает анонимное письмо с извещением о состоявшемся свидании своей жены с Дантесом. Взбешенный Пушкин реагирует вызовом на дуэль. Однако скандал удастся потушить, так как Дантес объясняет свою встречу с женой Пушкина единственно желанием просить руки ее сестры Екатерины Николаевны Гончаровой, дабы Наталия Николаевна ему ее сосватала. Пушкин остывает, но в качестве неперемennого условия требует прекратить всякие отношения между Геккеренами и своей семьей. Однако даже состоявшаяся свадьба с сестрой Наталии Николаевны Гончаровой не остановила попыток Дантеса сблизиться с ней, причем на глазах у всего света. В итоге, пригласив в качестве секунданта старинного приятеля инженер-подполковника Данзаса,

Пушкин послал повторный вызов Дантесу. 27 января 1837 года, около 16.30, противники встретились за Комендантской дачей, близ летнего лагеря Кавалергардского полка у Новой Деревни. Дантес выстрелил первым и смертельно ранил Пушкина. У того хватило сил, опираясь левой рукой о землю, уверенно прицелиться. Дантес стоял боком и прикрывал грудь правой рукой. Раздался выстрел, Дантес упал. Пуля пробила ему правую руку ниже локтя, без повреждения костей и больших кровеносных сосудов.

Из офицеров конногвардейцев была создана военно-судебная комиссия, призванная судить военным судом как Геккерена и Пушкина, так и всех причастных к дуэли. Комиссия руководствовалась в своей работе Уставом Петра Великого от 30 марта 1716 года, которым «настрожайше» запрещались все поединки. Вывод комиссии был суров: поручика Геккерена и подполковника Данзаса – повесить. Император Николай распорядился – Дантеса, разжаловав в рядовые, как французского подданного выслать с жандармом на границу, а подполковника Данзаса посадить в тюрьму на два месяца.

И последняя дуэль, на которой мы вынуждены остановиться – это поединок Николая Соломоновича Мартынова и Михаила Юрьевича Лермонтова. Николай Мартынов, был корнетом Кавалергардского полка с 1835 года, в 1837 году командирован на Кавказ, где участвовал в боевых действиях корпуса генерала Вильямина против горцев, затем прибыл обратно в полк. В 1839 году вновь прикомандирован к Гребенскому казачьему полку.

Михаил Юрьевич Лермонтов – корнет лейб-гвардии Гусарского полка с 1834 года, в феврале 1837 года сослан на Кавказ в Нижегородский драгунский полк, через год возвращен сначала в л.-гв. Гродненский гусарский полк, а затем к прежнему месту службы – в л.-гв. Гусарский полк, в Петербург. В 1841 году вновь выслан за участие в дуэли на Кавказ, в Тенгинский пехотный полк, где сражался с горцами.

В результате ссоры в доме генерала Верзилина, где ежедневно собиралась молодежь Пятигорска, последовал вызов Мартынова на дуэль.

По воспоминаниям современников, «как поэт Лермонтов возвышался до гениальности, но как человек он был мелочен и несносен». Его секундант, князь А.И. Васильчиков, писал: «<...> в Лермонтове было два человека: один добродушный для <...> своих друзей и для тех немногих лиц, к которым он имел особое уважение, другой – заносчивый и задорный для все прочих его знакомых <...> Ко второму разряду принадлежал, по его мнению, весь род человеческий. И он считал лучшим своим удовольствием подтрунивать и подшучивать над всякими мелкими и крупными странностями, преследуя их иногда шутливыми, а весьма часто и язвительными насмешками. Это <...> было невыносимо для людей, которых он избрал целью своих придилок и колкостей...» Так погиб еще один великий поэт России, а его соперник, тоже поэт, проведя три месяца в Киевской военной тюрьме, был подвергнут церковному покаянию. В 1846 году Синод постановил: «<...> признать за ним чистосердечное раскаяние в учиненном им преступлении».

На этом мы завершим наш рассказ о трагичных событиях с участием кавалергардов и вернемся к повседневной жизни полка.

В летнее время, как уже говорилось, полк выезжал за город, в район Новой Деревни, Старой Деревни, Коломяг и Каменки, где были прекрасные пастбища. Летняя жизнь благотворно сказывалась и на конях, и на людях. Для солдат даже устраивались купания. Да и господам офицерам приходилось проживать в окрестных дачах и выезжать в Петербург только с личного разрешения командира полка. При этом особое внимание обращалось на обязательное соблюдение формы одежды. «Так как через деревню весьма часто Царская Фамилия и публика проезжают, то и предписывается, чтоб никто из гг. офицеров непристойных одеяний не носил, а нижние чины соблюдали бы должную вежливость, за чем гг. дежурным по полку иметь особенное смотрение», – так гласил изданный по полку приказ.

Неподалеку находился Елагин остров, который с 1840-х годов был модным местом для прогулок высшего света. Рядом располагался и Крестовский остров, где офицеры-кавалергарды, включая

Маннергейма и его сослуживца князя Белосельского-Белозерского, развлекались игрой в конное поло.

Во времена Императора Николая Павловича, любившего проводить время в Петергофе, полк перемещался вслед за Императором, затем принимал участие в Красносельских маневрах, потом следовало возвращение на травы. Император Александр Николаевич был любителем Царского Села, поэтому полк проделывал тот же маршрут, только вместо Петергофа было Царское Село. Следующий Император, Александр Александрович, был гатчинским затворником, что несколько облегчало жизнь полка, ограничивая их выход с трав только на маневры. Красносельские маневры были ежегодными. Солдаты кавалерийских полков размещались в бараках. Посреди барачных стояли коновязи, к которым привязывались лошади, в двух шагах от них, в каморках на двух человек, разделенных рогожкой, расселялись солдаты. Тут же хранилось их имущество – седла, уздечки, мундштуки и винтовки. Офицеры жили в деревянных дачах, по два-три человека.

Каждое утро кавалерийские полки выезжали на обширное красносельское поле, вытопанное тысячами подков одиннадцати гвардейских кавалерийских полков и конных батарей. Дивизионные учения сменялись учениями всей кавалерии.

Ты помнишь ли, в фуражках белых,
В полях у Красного Села
Носился ты в маневрах смелых
Клинками, пиками блестя.
На сторожевках по-над лесом
Сквозь тени вечера и мрак
Стоял уютною завесой
В палатках блестящий бивак.
И проходили эскадроны,
На солнце радостном горя,
Под пик стальные перезвоны
Пред взором благодным Царя.

Кроме маневров, радикально отличавшихся от надоевших за зиму манежных учений, еще одним развлечением, связанным с Красным Селом, были скачки.

Красносельский ипподром располагался между Гореловым и Красным Селом, где сейчас находится железнодорожная станция Скачки. Проект Императорского павильона, галерей для зрителей и самих четырехверстовых беговых дорожек был разработан архитектором Штакеншнейдером. По степени сложности, а соответственно и вознаграждения – приза, скачки подразделялись на несколько видов. Первый приз, вещь стоимостью 500 рублей и 3000 рублей деньгами, выдавался участнику, первым преодолевшему дистанцию в четыре версты с десятью препятствиями. Второй вид состязаний предусматривал демонстрацию высшей манежной езды и трехверстную скачку с препятствиями. Размеры вознаграждения были гораздо скромнее. Третий вид представлял обыкновенную скачку на две версты, а размеры вознаграждения зависели от количества собранных по подписке среди офицеров денег. Если в двух первых видах могли принимать участие только офицеры-кавалеристы или конноартиллеристы на лошадях только российских пород, (первый приз), или любых пород, но не старше восьми лет (второй приз), то участие в скачках на третий приз было без ограничений. Для нижних чинов также устраивались скачки, приз устанавливался офицерами по подписке.

Надо сказать, что скачки как разновидность конного спорта были делом опасным, требующим умения в совершенстве владеть конем, а также отваги и мужества. Офицеров, посвятивших себя службе в кавалерии, всю жизнь преследовали травмы. Вывихи и переломы были делом обыденным. Иногда бывали случаи со смертельным исходом. Поэтому на ипподроме всегда дежурил врач и санитарная повозка. Вспомним «Анну Каренину» Льва Толстого: «Скачки были несчастливими. Из семнадцати человек попадало и разбилось больше половины».

Маннергейм не был исключением, всю жизнь его преследовали травмы связанные с лошадьми, однако это ни в какой мере не сказалось на его любви ни к этим благородным животным, ни к искусству верховой езды.

В 1894 году скончался Император Александр III. Царь-Миротворец, как его называли, ибо в его царствование Россия не участвовала ни в одной войне. Будучи прекрасным дипломатом, он ставил интересы России на первое место. Его дипломатия была, может быть, и прямолинейной, но очень впечатляющей. Осмелившись назвать Александра III прекрасным дипломатом, я, возможно, вызову негодование: дипломатия, дескать, это утонченное искусство переговоров, и медвежья поступь Императора, решавшего все спорные вопросы демонстрацией русской военной мощи, а не казуистикой международных трактатов и договоров, это дурной тон. Но, господа оппоненты, главное в любом деле, в том числе и в дипломатии, это результат. А результат был налицо.

Русский солдат, твердо опирающийся на свой штык, стал гарантом спокойствия в мире. Подкреплением этому служили и прекрасные перспективы России в экономическом отношении: в бурном развитии промышленности, финансов, освоении новых территорий.

В связи с предстоящей коронацией Императора Николая Александровича Кавалергардский полк по традиции переместился на месяц в Москву. Маннергейм, вместе с тремя другими кавалергардами (двое впереди, двое позади), был удостоен чести возглавлять торжественное шествие процессии. На старинной фотографии мы видим, как Император в горностаевой мантии, с короной, под балдахин, который несли генерал-адъютанты, шествует после коронации к царскому дворцу. Впереди процессии идут два кавалергарда с обнаженными палашами: барон фон Кнорринг и барон Маннергейм.

Наверное, такие моменты в жизни по моральному и нравственному воздействию можно сравнить только с присягой. Именно здесь и сейчас, Маннергейм воочию мог видеть, как вступает на царство тот, в ком воплощена вся Россия, тот, кому он клялся служить верно и беззаветно, не падая ни себя самого, ни самой жизни. И души миллионов сограждан сливались в едином порыве. Это торжественное, прекрасное и величественное действо олицетворяло Россию с ее непоколебимыми вековыми устоями, с ее мощью.

К сожалению, по окончании коронации произошла трагедия на Ходынском поле. По слухам погибло около двух тысяч человек. Катастрофа на Ходынке была дурным предзнаменованием начинающегося царствования Николая II. С тяжелыми чувствами полк покинул Москву вслед за Императорской Фамилией.

Состояние казарм полка на Шпалерной и Захарьевской улицах продолжало улучшаться. Расширялся и весь комплекс зданий, относящийся к полку. В 1852 году полку был передан дом № 38/40 по Шпалерной, перестроенный в 1896 году под офицерский корпус. Офицерские флигеля примыкали и к полковому храму на Захарьевской.

До 1892 года, как мы помним, Маннергейм проживал напротив казарм полка, в холостяцкой квартире своего друга и сослуживца Демидова, на Захарьевской, 31. Однако в 1892 году Маннергейм сочетался браком с Анастасией Араповой, дочерью бывшего кавалергарда, генерал-майора Николая Устиновича Арапова, причисленного к свите Его Императорского Величества. Если решение о приеме представляющегося в полк офицера принималось офицерским собранием, то в его же компетенции был и вопрос женитьбы офицера. Офицерские жены составляли как бы часть полка, поэтому в их среду можно было попасть только с одобрения собрания. Выбор невесты обсуждался офицерами полка с точки зрения ее происхождения, «доброй нравственности, благовоспитанности и соответствующему офицерскому званию общественному положению». При этом существовал закон, по которому жениться можно было не ранее 23 лет, при этом иметь подтверждение своей имущественной состоятельности, прослужить в полку не менее двух лет, иметь одобрение офицерского собрания и разрешение командира полка. Анастасия Николаевна Арапова полностью соответствовала всем требованиям, предъявляемым к невесте кавалергарда, к тому же ее отец и брат были кавалергардами. Тем более, удачная женитьба могла повлиять и на дальнейшую карьеру, и на материальное положение Маннергейма. Мы уже говорили о том, что жизнь гвардейского офицера была очень расточительной, и поддерживать свою репутацию на должном уровне при богатых сослуживцах по полку,

было весьма и весьма нелегко. Несмотря на помощь родственников и собственную изворотливость, Маннергейм едва-едва сводил концы с концами. Какое там жалование! Оно улетучивалось тут же. Маннергейм постоянно кредитовался, одалживал деньги, но их всегда не хватало. Поэтому выгодная женитьба была выходом из затруднительного положения, кстати, отнюдь не порицаемым обществом, а наоборот, поощряемым. Как пишет биограф Маннергейма Л.В. Власов: «Арапова имела состояние в 800 тысяч рублей с годовым доходом в 14 тысяч. Кроме того, у нее было два обширных имения и дом в Москве, на Большой Никитской, 75».

Маннергейм переехал на другую квартиру, более соответствовавшую его новому статусу. Его следующими адресами в Петербурге стали: Мойка, дом № 29, Гагаринская (ныне Кутузова) набережная, дом № 26, у сослуживца по полку графа Игнатьева, набережная Обводного канала, дом № 49 и другие.

Надо отметить, что несмотря на рождение двух дочерей, Анастасии и Софии, их брак нельзя было назвать счастливым. Образ жизни молодого красавца гвардейского офицера еще до женитьбы подразумевал наличие любовных связей, в чем Маннергейм, конечно, себе не отказывал. Но и сама женитьба лишь на время остудила пыл кавалергардского корнета. Постоянное отсутствие, связанное как со служебными занятиями, парадными дворцовыми и церковными выходами полка, так и необходимостью участвовать во всех полковых застольях и праздниках, бесконечные отъезды: на маневры, на травы, позднее в заграничные командировки и, безусловно, продолжавшиеся романы, никак не способствовали благополучной семейной жизни. В конце концов, в 1903 году Анастасия Николаевна, забрав детей, уехала в Париж.

Если сравнить статистические данные о семейном положении офицеров Русской армии, то у кавалеристов показатель семейности был всегда ниже, чем в других родах войск. Так, в 60-е годы XIX века он составлял всего 22,38%, а в 1910 году – 40,9%. Я думаю, тут комментарии излишни. Страницы, посвященные дуэлям, прекрасно иллюстрируют нравы столицы, которые во все времена оставались одинаковыми.

Гордостью кавалергардов была полковая церковь. Ее перестраивали дважды: в 1855–1858 годах по проекту архитектора А.И. Штакеншнейдера, а также по случаю столетнего юбилея полка в 1897–1899 годах по проекту архитектора А.Н. Бенуа. Для наблюдения за ходом строительства была создана специальная комиссия, делопроизводителем назначен ктитор храма, сослуживец Маннергейма, поручик В.Н. Воейков, будущий дворцовый комендант. Силуэтом храм напоминал Петропавловский собор. Внутренний объем храма при перестройке увеличился и позволял участвовать в богослужении одновременно 1500 человекам. Внутренняя роспись была выполнена художником М.В. Нестеровым, мраморный престол изготовлен мастерской Бота, а церковная утварь знаменитой фирмой Фаберже.

Одна из богатейших женщин России, княгиня З.Н. Юсупова, чей муж служил в кавалергардах, преподнесла полковой церкви серебряный престол, весом 13 пудов, выполненный также фирмой Фаберже.

К 14 января 1899 года строительство было закончено и состоялось торжественное освящение храма. На нем присутствовали: Император Николай Александрович, шеф полка Императрица Мария Феодоровна, дипломаты, представители гвардии, ветераны полка. Обряд освящения совершил протопресвитер всей армии и флота А.А. Желобовский, сам когда-то служивший священником в полку. Ему помогал протоиерей Иоанн Кронштадтский и полковой священник протоиерей К.И. Добровольский с многочисленным духовенством.

Ежегодно в день полкового праздника, 5 сентября, в храме проходили торжественные богослужения в присутствии Императрицы Марии Феодоровны – шефа полка, и многочисленных гостей.

В Захарьевской церкви хранились реликвии: икона Успения Пресвятой Богородицы древнего письма на белом атласе, Нерукотворный образ Спасителя, подаренный в 1679 году царем Алексеем Михайловичем дьяку Виниусу, Смоленская икона Божией Матери на белом атласе, украшенная драгоценными камнями, плащаница, изготовленная в 1677 году и подаренная полковой церкви членами

Императорской Фамилии; образа XVIII века: Христос Спаситель с частицей Ризы Господней и Владимирская Божия Матерь, а также Евангелие в серебряном окладе, работы Фаберже.

В печально известные времена советского безбожия, решением Президиума Ленсовета, храм был закрыт 1 августа 1935 года. В 1948 году его снесли, а в 1957 году на его месте был выстроен шестиэтажный корпус Военного инженерно-строительного училища.

К столетию Кавалергардского полка был произведен значительный ремонт казарм и шефского корпуса. Особо выделялась отделкой столовая командира полка с росписью по сводам и стенам красного и серебряного цветов, соответствовавших кавалергардскому мундиру, с вкраплением геральдических медальонов. Старинной вязью была сделана надпись: «Кавалергардский Ея Величества государыни Марии Феодоровны полк». По стенам размещены пословицы и поговорки, связанные с застольем.

В 1930-х годах здания полка были переданы Строительному институту, а в 1939 году Высшему военно-морскому инженерно-техническому училищу (ныне Военный инженерно-технический университет, где и учился автор книги в 1977–1982 годах). Параллельно с реконструкцией старых зданий, увеличением их этажности, строительством новых на дворовой территории, производились и реставрационные работы. Так была обнаружена и восстановлена знаменитая роспись в столовой командира полка. К сожалению, ее можно увидеть не каждый день, а только по торжественным случаям – в дни открытых дверей университета, когда обеспечивается свободный допуск посетителей.

Первой Императрицей, ставшей шефом полка, была жена Николая I, Александра Феодоровна. 1 июля 1826 года Высочайшим приказом повелено было считать Ея Императорское Величество, шефом Кавалергардского полка. Императрица настолько полюбила полк и сблизилась с ним, что все происходящее в нем принимала близко к сердцу. Она старалась уделять как можно больше внимания полку, при каждом случае, когда кто-нибудь из офицеров полка умудрялся разгневать Императора, она, как могла, его успокаивала, не останавливаясь перед слезами. По ее настоянию, 21 апреля 1849

года кавалергардам были переданы хранившиеся в Оружейной палате серебряные литавры Петровского Кавалергардского корпуса. В честь своего 25-летнего юбилея как шефа полка она пожертвовала 50000 рублей для учреждения приюта для дочерей-сирот солдат полка.

Николай I, несмотря на то, что Кавалергардский полк в событиях 14 декабря 1825 года выступил на его стороне, никогда не забывал, что многие из офицеров-кавалергардов состояли в тайных обществах. Поэтому его отношение к полку было довольно прохладным. Императрица Александра Феодоровна, прекрасно знавшая об этом, старалась по возможности сгладить эти отношения, и когда к ней, как к шефу полка, прибывал полковой адъютант с ежедневной запиской-докладом, она, услышав шаги своего супруга, старалась выпустить офицера так, чтобы тот не встретился лишний раз с Императором. В 1851 году полковой адъютант Н.А. Болдырев после доклада Императрице, которая в тот момент плохо себя чувствовала, но тем не менее приняла офицера, попался на глаза Николаю I. Приказав Болдыреву ждать внизу, Император через некоторое время спустился к нему и устроил разнос за то, что кавалергарды не жалеют своего шефа. «Я знаю, откуда это: это все прежний еще дух! Я его выбью из вас!» Напротив, кавалергарды искренне любили свою Императрицу, и последние почести своему шефу отдали 5–7 ноября 1860 года, отстояв часовыми у ее гроба.

Следующим шефом полка стал Император Александр II. Сменивший его на троне Император Александр III, в память о своей бабушке Императрице Александре Феодоровне и о том, как кавалергарды ее любили, назначил шефом полка Императрицу Марию Феодоровну, ставшую последним бессменным шефом до окончательного роспуска полка.

Между тем служба Маннергейма в полку продолжалась. В 1893 году он становится поручиком, командиром первого взвода первого эскадрона и продолжает заведовать обучением молодого пополнения. Ему в помощники назначается, только что произведенный в корнеты и переведенный из Пажеского корпуса, граф

А. Игнатьев. В 1895 году, впервые со времен Императора Александра II, в первый же год царствования Императора Николая Александровича проводится майский парад. Открыли парад две казачьи сотни личного конвоя. За конвоем, печатая шаг, шел батальон Павловского пехотного училища, потом сводный батальон других училищ, в первых рядах которого шагала рота Пажеского корпуса.

Затем на поле вышла пехота, возглавляемая оркестром преображенцев. Началось прохождение гвардии, шедшей в ротных, так называемых александровских колоннах, сохранившихся со времен войны 1812 года. Однообразие форм нарушалось лишь оттенками мундиров и особым походом Павловского полка с винтовками наперевес.

Наконец, на краю поля, со стороны Михайловского замка, появилась сверкающая золотом кавалерия. Это подходила спокойным шагом первая кирасирская дивизия. Она шла в строю развернутых эскадронов на эскадронных дистанциях. Перед царской ложей выстроился оркестр кавалергардского полка, играющий полковой марш. В первом эскадроне, во главе первого взвода, проходящего шагом, – барон Маннергейм. После прохождения и ответа Императору, эскадроны перестраиваются во взводные колонны и, заходя правым плечом вперед, освобождают место другим полкам.

Постепенно все кавалерийские полки выстраиваются в колонны во всю длину Марсова поля, на стороне противоположной Летнему саду. Перед конницей выезжает генерал-инспектор всей кавалерии Великий Князь Николай Николаевич. Без команды, по знаку опущенной им шашки, вся пятитысячная конная лава помчалась к Летнему саду. За десять шагов до царской ложи она остановилась, как вкопанная. Это был финал красивейшего спектакля.

С 1895 года Маннергейм заведует полковым обозом. В связи с переходом командира полка генерала фон Грюнвальда на должность Главного конюшенного дворца, Маннергейм был приглашен последним в Управление придворно-конюшенной частью. В его обязанности входил надзор за содержанием конского поголовья дворцовых конюшен, а также выбор и приобретение лошадей на

конных заводах России и за рубежом. А поскольку Маннергейм был ценителем и любителем лошадей, то, безусловно, перед таким соблазном устоять не мог. С 14 сентября 1897 года Маннергейм прикомандировывается для особых поручений в Управление придворно-конюшенной частью. В течение нескольких последующих лет он побывал в Германии, Австро-Венгрии, Бельгии и Англии, где знакомился с условиями содержания лошадей в лучших конюшнях Европы, с методами селекционной работы европейских конных заводов. Кстати, во время посещения императорских конюшен в пригороде Берлина, Потсдаме, Маннергейм получил сильнейший удар копытом, расколовший ему коленную чашечку. Сам он вспоминал: «<...> из тех тринадцати случаев, когда я ломал себе кости, это происшествие было самым ужасным». Двухмесячное лечение дало определенные результаты, но на всю оставшуюся жизнь нога плохо сгибалась. Мы уже говорили о том, насколько была опасна служба кавалерийского офицера как при участии в скачках, так и при простых занятиях с лошадьми. Оставаясь в штате Кавалергардского полка, Маннергейм в 1899 году был произведен в штаб-ротмистры, а в декабре 1902 года – в ротмистры. Служба в полку и при дворцовых конюшнях стала тяготить Маннергейма своей закостенелостью и однообразием, постоянное участие в каких-либо торжествах, дворцовых караулах, молебнах, отсутствие живой полевой работы войск, за исключением Красносельских маневров, сплошные занятия в закрытых манежах, все это отдавало застоєм. Да, карьера складывалась удачно, но хотелось живой работы.

Сразу по присвоении звания ротмистра, Маннергейм подает рапорт – с просьбой перевести его обратно в армейскую кавалерию, где и начиналась его офицерская служба. 31 августа 1903 года его просьбу удовлетворили, но перевели не в полк, а зачислили в постоянный штат Офицерской кавалерийской школы в качестве командира эскадрона.

Так завершилась служба Маннергейма в первом полку русской конницы. Двенадцать лет, проведенных в этом полку, сделали Маннергейма образцовым солдатом, профессиональным во-

енным, истинным русским офицером. Начав службу с лихими гусарами-александрийцами и продолжив ее в «тяжелой» кавалерии, он проникся чувством принадлежности к самой истории России, к тому, на чем она стояла веками. Он стал образцом кавалерийского офицера и командира. Чего ему не хватало, так это боевого опыта. Но приближавшаяся Русско-японская война позволит ему восполнить и этот пробел. А пока впереди у него была знаменитая на всю Россию Офицерская кавалерийская школа, где ему надлежало принять эскадрон и заниматься подготовкой уже не солдат-новобранцев, а офицеров-кавалеристов, прибывающих из армейских полков в школу, где готовили будущих эскадронных командиров.

НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ

С сентября 1903 года ротмистр Маннергейм приступил к исполнению служебных обязанностей по новому месту службы в Высшей кавалерийской школе. Располагалась она неподалеку от комплекса зданий Кавалергардского полка, тоже на Шпалерной, в бывших Аракчеевских казармах. Школа должна была подготавливать офицеров кавалерии для исполнения должностей командира эскадрона (сотни). Срок обучения составлял 2 года (в казачьем отделении – 10 месяцев). Число обучаемых было невелико и предусматривало подготовку 67 офицеров, в том числе 25 казачьих офицеров. Кроме подготовки офицеров, в кавалерийской школе также готовили наездников – унтер-офицеров для выездки лошадей, инструкторов обучения личного состава фехто-

ванию, а также кузнецов. Постоянный состав кавалерийской школы имел права гвардии, то есть она считалась гвардейской воинской частью. Надо отметить, что неудачная реформа кавалерии 1882 года повлекла за собой не только переименование всех армейских гусарских и уланских полков в драгунские (это не коснулось гвардии) с потерей мундиров, которыми исторически гордился каждый полк, – это было полбеда. Основное зло заключалось в том, что на кавалерию стали смотреть как на «ездящую пехоту», восторгаясь североамериканскими драгунами времен гражданской войны и их «блистательными» рейдами по тылам и карательными экспедициями против индейцев. Пытаясь перенять что-либо, мы всегда бросаемся из крайности в крайность. Мы уже знакомы со службой Маннергейма в Александрийском полку, где он столкнулся с проблемами, вытекавшими из пресловутой «драгунской» реформы: «тела» лошадей становились основной заботой эскадронных начальников, а следствием – спокойные аллюры по ровным дорогам. Общий результат – заметное снижение качества русской конницы.

В самом начале царствования Николая II была восстановлена должность генерал-инспектора кавалерии и на нее назначен Великий Князь Николай Николаевич-младший, который будучи кавалеристом от Бога, принялся за воссоздание конницы и возвращение ей былых навыков. Предстояло снова научить ее езде широкими аллюрами и преодолеть страх перед пересеченной местностью. Начинать надо было с командиров, поэтому система кавалерийской подготовки в школе была намного сложнее по сравнению с училищами и с тем, что применялось в войсках. Из новшеств, введенных в школе для повышения уровня подготовки офицеров-кавалеристов, были применены, например, мертвые барьеры, то есть врытые в землю, в отличие от обычных манежных барьеров, представлявших собой легкие конструкции из жердей, вязанок прутьев или соломы. Это приближало манежную подготовку к реальным полевым условиям, но в то же время было чрезвычайно опасным препятствием как для всадника, так и для коня. Кроме того, в программу обучения входили так называемые парфорсные охоты. Смысл парфорсной охоты заключался в умении всадника удерживать лошадь в том направлении,

в котором мчалась стая собак, преследующая зверя. Охотничьи псы в азарте погони не признают никаких препятствий, потому всадникам приходится преодолевать вслед за ними любые ручьи, заросли, ограды, овраги и пашни. И вся проблема заключалась в том, что лошадь не всегда понимала желания всадника и порой просто отказывалась выполнять их. В этом и заключался смысл погони – переломить волю коня и заставить его полностью подчиниться воле человека, при этом еще и остаться целыми и одному, и другому.

Так как подобные охоты в окрестностях Петербурга проводить становилось все сложнее: они вызывали слишком много шума и нареканий со стороны дачников и крестьян из-за порушенных заборов, истоптанного жнивья и распуганной скотины, то со временем эти охоты упростили. Вместо настоящего зверя, егеря стали таскать на длинной веревке куски сырого мяса. Собаки охотно брали след, но егеря-то выбирали для себя путь попроще, намеренно обходя сложные препятствия, что и сделало эту охоту с «выволочкой» более легкой. Кстати, эта охота входила в курс обучения офицеров в школе, но, кроме того, для участия в ней прикомандировывались все кандидаты на получение должности командира кавалерийского полка, а также офицеры последнего курса Академии Генштаба. Поэтому число одновременно обучающихся было около ста человек. Подобные охоты проводились неподалеку от Красного Села и дачной станции Дудергоф. Для проведения настоящей парфорсной охоты Военное министерство арендовало для Высшей кавалерийской школы поместье графа Пржездецкого «Поставы» в Виленской губернии. Вот уж где могли отвести душу самые отчаянные и лихие любители острых ощущений!

В те годы начальником школы был генерал-майор, кавалерист, А.А. Брусилов, будущий автор знаменитого прорыва австро-венгерского фронта 1916 года, вошедшего во всемирную историю военного искусства как Брусиловский прорыв. Задача обучения в школе состояла не только в достижении высшего мастерства владения лошадью, но и в тактической подготовке будущих командиров эскадронов и полков. Заслуга в этом, конечно, принадлежит Брусилову. Как отмечает Маннергейм: «Его военные игры и учения на местности по своим

разработкам и исполнению были образцовыми и донельзя интересными». Командуя так называемым образцовым эскадром, обучая других, Маннергейм и сам постигал все основы тактики и стратегии, что безусловно пригодилось ему и в реальной боевой обстановке Русско-Японской войны, и в те несколько мирных лет, когда он командовал полками и бригадой накануне Великой войны.

Конец XIX и начало XX веков характеризовалось обострением русско-японских отношений. На протяжении многих столетий Россия стремилась на Восток, сначала в Сибирь, а затем и дальше, к Тихому океану. Десятилетие за десятилетием русские продвигались в глубь материка. Организовывались экспедиция за экспедицией. Одни заканчивались неудачей и гибелью участников, другие приносили, вместе с пушным товаром и другими богатствами, карты вновь открытых, доселе неведомых земель, включенных в состав Российской Империи.

Одновременно и Япония, покончив с межфеодалной рознью и централизовавшись, с невиданным упорством стремилась догнать в своем развитии цивилизованные государства Европы и Америки. Ей потребовались новые земли для избытка своего населения, новые рынки для японских товаров. Япония решила выступить на Дальнем Востоке с самой активной ролью и осуществить перенос центра всей своей деятельности на материк, ибо островное существование не могло обеспечить выполнения всех устремлений ее правящих кругов.

Таким материком был, безусловно, Азиатский, поэтому первым объектом для японской экспансии стала Корея, затем Китай, на очереди стояла Россия. Исход Японо-Китайской войны был предрешен с самого начала, ввиду неспособности китайской стороны противостоять хорошо обученной европейскими инструкторами, в первую очередь, прусскими, армии самураев. Таким образом, Китай лишился своего протектората над Кореей, ряда островов, имеющих большое стратегическое значение, полуострова Ляодун, с крепостью Порт-Артур, и должен был выплатить Японии гигантскую контрибуцию. Однако европейским державам не понравилось столь агрессивное поведение Японии, и путем проведения определенных военно-политических демаршей Германия,

Франция и Россия добились уступок от победительницы. При этом Германия и Франция ввели свои эскадры в китайский порт Чифу, а Россия объявила в Приамурье мобилизацию дополнительно 22-х запасных батальонов. Вмешательство иностранных держав в Японо-Китайскую войну пробудило ненависть в сердце каждого японца, особенно к России, на их взгляд – главной виновнице того, что Японию лишили всех побед в войне. Когда же Россия через три года приобрела полуостров Ляодун с крепостью Порт-Артур, уже побывавших в руках японцев, их ненависть переросла в ярость. Вся страна, от императора до простого крестьянина, готовилась к войне. Используя громадные контрибуции полученные от Китая не без помощи тех же европейских держав, включая саму Россию, Япония в кратчайшие сроки создала совершенно новый броненосный флот как залог успешных операций на суше и первоклассную армию, прекрасно вооруженную и обученную, а главное, объединенную одной общей идеей – отмщения России.

Досконально изучив театр предстоящих военных действий в период Китайской войны, а также невысоко оценивая военную подготовку русских, исходя из анализа Восточной войны и Турецкой кампании 1877–1878 годов, японцы еще более укрепились в своей решимости. В то же время русское командование довольно скептически, порой даже насмешливо, относилось к вероятному противнику. Это складывалось из пренебрежительного отношения к «косоглазым япошкам» самого Императора, получившего в свое время удар мечом от японского фанатика-самурая во время своего визита в Японию в качестве Цесаревича, а также из мнения военного министра Куропаткина, который считал японцев несерьезным противником, сравнивая их с бухарскими ордами времен покорения Средней Азии. В частности, он любил вспоминать эпизод 2 мая 1868 года, когда русские при взятии Самарканда, форсировали реку, и им нужно было сходу атаковать противника. Поэтому у них не было времени разуваться и выливать воду из сапог. Тогда одни становились на руки, а другие трясли их за ноги, после этого сразу же бросаясь в штыковую атаку. Бухарцы увидев это, посчитали, что они постигли секрет русской военной хитрости, и, месяц спустя, при очередном сражении, их первые ряды

стали на руки, а вторые добросовестно их трясли, будучи абсолютно уверены в своей победе после совершения такого обряда. Такого невысокого мнения мы были и о вероятном противнике.

Большое внимание уделялось вопросам экономического развития вновь приобретенных земель, причем, в интересах частных концессионеров. Таким образом, в первую очередь развивался порт Дальний, а не крепость Порт-Артур. Хотя надо отдать должное, что за частными интересами компаний стояло правительство России, вводившее постепенно войска на присоединенные территории, стараясь осуществить постепенное вытеснение опасного соседа из сферы интересов России. В 1903 году вводится наместничество, появляется даже термин для обозначения всего края – «Желтороссия». В Порт-Артуре размещается сильный гарнизон, прибывает флот в лице Первой Тихоокеанской эскадры, усиливается гарнизон Владивостока, там же базируется отряд крейсеров. Тем не менее, все эти приготовления недостаточны. Фортификации крепости Порт-Артур были слабо укреплены, ибо рядом шла гигантская стройка коммерческого порта Дальний, естественно, в ущерб строительству укреплений, как не приносящих реально ощутимой прибыли. Также были не подготовлены к обороне Владивосток, Петропавловск и Сахалин.

В то же время Япония прекрасно понимала, что ведение затяжной войны с Россией не приведет ни к чему хорошему. Момент был наиболее удачным: незавершенность строительства крепостей, недостаточная подготовка и, порой, беспечность русского военно-морского флота, малая пропускная способность Сибирской железной дороги, недостаточное количество пехотных частей на предстоящем театре военных действий и их разбросанность, а главное, удаленность на 9-10 тысяч километров от основных сил Русской армии, сосредоточенных в основном на западных границах России.

Японцы, имея широко разветвленную шпионскую сеть как в Приморье, так и в самом центре России, были прекрасно осведомлены о состоянии страны, о ее вооружении, о планируемых действиях, о политической обстановке внутри. Их шпионы проникали во все сферы жизни русского общества, которые мало-мальски имели отношение к оборонным вопросам, не исключая и саму

армию. Вспомните рассказ Куприна «Штабс-капитан Рыбников», где японец действовал в форме русского офицера, безукоризненно владея русским языком и не вызывая никакого подозрения, и лишь проговорившись во сне, выдал себя. И таких были тысячи, наводнивших страну, а в особенности Дальний Восток, действовавших под видом кого угодно, – от офицеров, купцов, промышленников, до парикмахеров, поваров и прислуги.

Зная об обострении революционной ситуации в России, японцы, помимо прямой разведки, сделали очень много для возможного подрыва России изнутри. Здесь речь шла о том, чтобы накалить обстановку в России настолько, чтобы царизм не смог вести войну на два фронта: с врагом внутренним и с врагом внешним. Финансировалась партия социалистов-революционеров в лице Чернова, Азефа, Брешко-Брешковской, большая ставка делалась на разжигание межнациональной розни, поэтому отдельное финансирование шло в Грузию для партии социалистов-федералистов-революционеров во главе с Деканозовым, в Польшу – польской социалистической партии, Пилсудскому, в Финляндию – партии активного сопротивления, возглавляемой Конни Целлиакусом. Помимо финансовой помощи, революционерам оказывалась и конкретная помощь оружием. Была организована доставка морем закупленных партий ружей «Ветерлей» и револьверов «Веблей». Несмотря на все усилия русской жандармерии и пограничников, большая часть оружия доходила до получателей. И позднее, уже в период русской революции, это оружие стреляло как на Пресне, так и в горах Кавказа, участвовало в «эксах».

В годы Первой Мировой войны германский Генеральный штаб пойдет по той же самой, уже проторенной японцами, дорожке. И, как мы знаем, его усилия увенчаются успехом. Помимо разведки и обострения политической ситуации в России, японцы проделали колоссальную работу, чтобы сделать заведомо непопулярной предстоящую войну, чтобы с началом войны, само русское общество восприняло ее отрицательно. Со своей же стороны, японцы настолько умело хранили собственные секреты, что слабой русской разведке практически ничего не удавалось узнать. Отсутствие агентуры, а также специального

восточного отделения в разведотделе Генштаба, мизерное финансирование, постоянно урезавшееся, не позволяли иметь достоверную информацию о состоянии японской армии. К сожалению, разведку пришлось организовывать уже в процессе ведения боевых действий и даже после, изучая горький опыт войны, в чем довелось уже участвовать непосредственно барону Маннергейму в качестве военного разведчика. Да о чем можно было говорить, если военная разведка России только-только зарождалась, официально оформившись как подотдел Генерального штаба в начале 1903 года. Естественно, главное направление ее работы было западное, как вызывавшее особые опасения. Для создания восточного отдела просто не было ни сил, ни средств, ни кадров. Более конкретно на работе русской военной разведки и контрразведки мы остановимся в следующей главе.

Даже среди прогрессивно настроенного русского генералитета, к которому несомненно принадлежал один из будущих выдающихся полководцев Великой войны генерал-майор Брусилов, царило сознание бесполезности и никчемности предстоящей войны. В то же время молодые офицеры, пришедшие на службу в мирный период царствования Александра III и в первое десятилетие правления Николая II, горели желанием участвовать в реальных боевых действиях. Это было естественное для офицера желание проявить себя, отличиться, заслужить орден, соответственно продвинуться по службе, но с другой стороны, это было желание приобрести драгоценный боевой опыт, так необходимый любому военному, чтобы на деле практически проверить все то, чему его учили. Интерес был действительно профессиональный, потому что в армию, в офицерский корпус, шли сознательно, понимая, что это профессия – защищать Родину.

Так поступали их отцы и деды, так поступала и молодежь. В любом уголке планеты, где начинались военные конфликты, можно было встретить русских офицеров-добровольцев, сражавшихся на той стороне, которая вызывала в мировом, или русском обществе, сочувствие и моральную поддержку. Они дрались в рядах греческой и сербской армий против турок, они сражались за северян в Гражданской войне Севера и Юга в США, их можно было встретить среди буров в Южной Африке во время Англо-Бурской войны. А

уж когда воевала Россия, то недостатка в желающих перевестись из частей, не принимавших участие в войне, в действующую армию не было. Поэтому решение Маннергейма записаться добровольцем на фронт было абсолютно естественным. Однако его решение вызвало у начальника Кавалерийской школы Брусилова неодобрение и даже предложение отозвать свой рапорт назад. Учитывая большое количество желающих записаться добровольцами на войну с Японией, было разрешено отправлять не более троих от одного полка. Так, Маннергейм 7 октября 1904 года был переведен в Нежинский драгунский полк, уже находящийся на театре военных действий, с одновременным присвоением звания подполковника.

Мы не будем описывать весь ход Русско-Японской войны, ограничившись описанием основных событий с личным участием нашего героя и в целом русской кавалерии в боевых действиях.

Итак, начавшись неожиданным нападением японцев на порт-артурскую эскадру в ночь с 26 на 27 января, а также героическим боем крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» 27 января в порту Чемульпо, война переместилась на сушу. Высадке японских десантов никто не противодействовал, и война сразу же приобрела какой-то странный характер.

Имея преимущество в живой силе, русские постоянно отступали, подыскивая место для генерального сражения и поджидая подкреплений из России. Мобилизация Киевского и Московского округов была произведена поспешно, в результате в строй попали запасные старших сроков, 39–43 лет, оторванные от своих семей, что не могло не сказаться на их моральном состоянии. С прибытием этих мобилизованных корпусов русская Маньчжурская армия несколько активизировалась. К сожалению, эта активизация выливалась зачастую в бессмысленные рекогносцировки, зря утомлявшие войска. Все приказы главнокомандующего Куропаткина отличались нерешительностью и недосказанностью, и их можно было охарактеризовать несколькими фразами, присутствующими во всех приказах: «В зависимости от успехов <...>, важность сбережения сил для решающего боя <...>, если отступление необходимо, то оно должно быть произведено без боя» и так далее.

Война началась без единого плана боевых действий, так же она и протекала. Такое впечатление, что все строилось по известному русскому принципу – на авось. Все сражения русских войск схожи между собой своей нерешительностью, несогласованностью, отсутствием конкретно поставленных задач и заранее одобренным отступлением. Так было при Вафангоу, так было при Ляояне. Последняя позиция считалась наиболее укрепленной, и на нее рассчитывал Куропаткин как на тот рубеж, где будут остановлены и разгромлены японцы. Отчаянно и удачно оборонявшиеся русские полки, наносившие ощутимые потери противнику, внезапно получали приказ отступить. Такие беспричинные отступления без упорного сопротивления надламывали боевой дух русских войск. Как писал участник ляоянских боев, сослуживец Маннергейма по Кавалергардскому полку и тоже доброволец, А.А. Игнатьев: «Войска, с глухим сознанием какой-то несправедливости, отступали по приказанию начальства даже там, где противник был отбит стройными залпами и могучим штыком...»

С 11 по 14 августа 1904 года японцы были отражены по всему фронту. Можно было принять одно из двух решений: либо оставаться на позициях, либо, введя резервы, перейти в наступление и разгромить врага. Куропаткин принял третье – отступить. Такая же картина сложилась и в последующие дни. В ночь на 21 августа началось отступление русских. Японцы понесли тяжелые потери, столь превышающие потери русских в этих боях, что, по словам английского наблюдателя при армии японского генерала Куроки: «Когда русские отступили, все были от души рады отделаться от них».

Куропаткин отступил по направлению к Мукдену и решил остановить армии на реке Шахе. В 20-х числах августа из Петербурга прибыли 37-я и 22-я пехотные дивизии Петербургского военного округа. К этому времени было закончено строительство участка Сибирской железной дороги вокруг Байкала, снабжение войск в Маньчжурии и приток свежих сил могли теперь осуществляться ускоренным образом. После проигранного Ляоянского сражения обстановка в целом для Русской армии складывалась удачно. Войска были хорошо вооружены, приобрели боевой опыт, из России прибыли отлично

обученные и подготовленные резервы. Вместе с тем, подъехало много офицеров-добровольцев для принятия участия в боевых действиях. 22 сентября началось наступление русских, но, действуя в свете приказов Куропаткина, наступление развивалось вяло, и первоначальная ударная группировка русских стала растягиваться по фронту. Начатые японцами активные действия побуждают Куропаткина легко отдать приказ о переходе к обороне. Особенно кровопролитным оказался бой за Двурогую сопку, которую обороняли всего шесть батальонов Новочеркасского, Царицынского и Самарского полков с 16-ю полевыми орудиями. Здесь японцы предприняли большую ночную атаку силами почти шести полков. Японская пехота попыталась бесшумно подобраться к сопке, но боевое охранение русских вовремя обнаружило подкрадывающегося врага. После жесточайшего штыкового боя, ввиду явного перевеса в живой силе, русские отступили, оставив на поле боя около 1300 убитых японцев. Ночной бой настолько подорвал боевой дух 10-й японской дивизии, что ее срочно пришлось заменить резервными частями. Армейская кавалерия практического участия в сражении не принимала, ограничиваясь отдельными разведывательными действиями или безмолвно наблюдая с флангов за истекающей кровью в ожесточенных штыковых боях пехотой. В то же время часть конных полков, входивших в состав корпусов, дралась в пешем строю наравне с пехотой.

К моменту окончания сражения на Шахе, 52-й Нежинский драгунский (позднее 18-й гусарский) полк уже имел опыт боевых действий против японцев. Это был один из самых молодых регулярных конных полков Русской армии, сформированный 1 ноября 1896 года. Хотя в истории отечественной кавалерии уже несколько раз появлялось имя Нежинского полка, который вел свою родословную от славных времен Петра Великого, при коем был создан в 1709 году драгунский гренадерский полк генерала Роппа, с 1727 года получивший наименование Выборгский драгунский полк, преобразованный в 1731 году в кирасирский графа Миниха полк. Затем последовало переименование его в 3-й кирасирский, а затем появляется Нежинский карабинерный полк, созданный в «потемкинский» период царствования Екатерины Великой, в 1784 году.

Однако обо всем по порядку. Карабинеры – это новый тип тяжелой конницы, которая по мысли своего создателя, выдающегося русского полководца и основоположника русской военной доктрины Румянцева, должна была соединить в себе кирасир и драгун. Используя силу удара первых (тяжелое вооружение, рослые кони) и возможность действовать в пешем строю вторых, с учетом огневого воздействия (карабин), был создан очень эффективный вид кавалерии, особенно в действиях против многочисленной турецкой пехоты и конницы. И в славное царствование Екатерины довольно часто представлялся случай доказать преимущество такого вида конницы. Светлейший князь Потемкин явился продолжателем дела Румянцева, который после Петра был самым видным деятелем в истории военного искусства России. Потемкин дополняет Румянцева. Его мероприятия направлены, прежде всего, к облегчению жизни и службы солдат. Определен срок службы в пехоте – 25 лет, а не «доколе силы и здоровье позволят», в кавалерии – 15 лет. Солдат учат только тому, что может пригодиться в походе и в бою. Отменены парики и косы, волосы приказано стричь, как можно короче, упрощено обмундирование и так далее: всем этим армия была обязана Потемкину.

Однако со вступлением на престол Императора Павла Петровича в армии сразу почувствовалось прусско-немецкое влияние, и в кавалерии были упразднены все полки, созданные Потемкиным – карабинерные, легкоконные и конно-егерские. Появилось увлечение кирасирами – конницей протестантских стран. Так из Нежинского полка возник и просуществовал несколько лет кирасирский полк генерала Гудовича, расформированный в 1800 году и слившийся с Орденским кирасирским, которому в будущем также предстояло еще превратиться в драгунский Военного Ордена полк. А пока из него был выделен и на короткое время сформирован в 1806 году Нежинский драгунский полк. Нежинцы входили в состав 1-го кавалерийского корпуса Западной армии, наряду с легкоконными гвардейскими полками, и, как видно из «Ведомости нижних воинских чинов бывших 1-й и 2-й Западных армий убитыми, ранеными и без вести пропавшими в сражении 26 августа 1812 года при селениях Бородине и Семеновке», принимали активное участие в самом грандиозном сражении кам-

пании 1812 года. Полк был расформирован в начале царствования Николая I и вновь возрожден в 1856 году. А в 1860 году окончательно слился со Стародубовским драгунским полком, приняв его славное имя. Так, до 1896 года исчезло имя Нежинского полка. В то время не дорожили традициями, которые несли в себе названия полков. Про нежинцев можно сказать лишь одно – в кампанию 1787–1791 годов полк входил в 3-ю дивизию Екатеринославской армии Потемкина. А командовал этой дивизией – Суворов. Этим сказано все.

Итак, вновь созданный 52-й Нежинский драгунский полк в составе 17-го армейского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Александра Александровича Бильдерлинга (в юнкерские годы Маннергейма начальника Николаевского кавалерийского училища) в июле 1904 года прибыл в Маньчжурию и вошел в состав конницы Восточного фронта. В этот момент вся Русская армия под командованием Куропаткина готовилась к отражению атаки японцев на ляоянскую позицию. В связи с этим Нежинскому полку ставится ряд конкретных задач: один эскадрон назначается для обеспечения летучей почты между Ляояном и штабом Восточного фронта; другой эскадрон занимается очисткой тыловых районов от действующих там шаек хунхузов – китайских партизан, нанятых японцами; полэскадрона обеспечивало связь с соседними частями, оставшиеся два с половиной должны были вести разведку и рекогносцировку по левому берегу реки Тайцзыхе, прикрывавшую всю ляоянскую позицию. Эти последние, чисто кавалерийские задачи, были поручены офицерским разъездам, причем, каждому указан определенный участок для наблюдения и сбора сведений о противнике.

Надо отметить, как у командования Восточным фронтом, так и у командования всей Маньчжурской армией, на тот момент были самые противоречивые данные, основанные на сведениях получаемых от китайского населения. Опасения командования вызывала возможность обходного маневра японских войск с выходом к Мукдену, то есть в тылы всех русских армий. Первые, полученные от разъездов 52-го Нежинского полка донесения, определили совершенно точно положение линии передового охранения японцев, его силу и характер. Сводки, представлявшиеся в штаб корпуса, отличались спокойстви-

ем, наблюдательностью и, что особенно ценно, они резко разграничивались: виденное разъездом не смешивалось с тем, что удавалось услышать от местных китайцев. Ни одно мало-мальски важное сведение не сообщалось без того, чтобы оно не было перепроверено. Следует отметить, что данные, получаемые полковыми разъездами, добывались не легко. Успех достигался находчивостью, искусством маскировки и скрытностью. Район проведения разведывательных действий представлял собой гористую страну с узкими ущельями, крутыми хребтами и остроконечными сопками. Это местность была непригодна для действий конницы. Сколько нужно было проявить ловкости, отваги и преданности долгу при проведении этих рейдов! При этом надо отметить ответственность, которая ложилась на исполнителей, ибо можно ли легко относиться к тому, что указываешь в донесении, когда сознаешь, что это полностью противоречит всему известному ранее, чему верили и на основании чего принимались меры для противодействия вероятному обходу противника. Последующие бои подтвердили верность сведений, полученных полком.

Однако, как уже говорилось, устоявшие на ляоянских позициях войска были вынуждены отступить по приказу свыше. Очевидец пишет, что «оставляя Ляоянские форты и укрепления, облитые кровью своих и противника, солдаты плакали». Тем не менее, отход совершался организованно под прикрытием арьергардных отрядов и конницы на флангах, полки отвечали яростными штыковыми контратаками при попытках их преследования.

Следующей линией обороны стала река Шахе. 22 сентября 1904 года Маньчжурская армия перешла в наступление с целью «атаковать противника в занимаемом им расположении». Армия разделялась на три группы: Восточный отряд, Западный отряд и Резерв.

52-й Нежинский полк, в числе прочих частей 17-го корпуса, вошел в состав Западного отряда, которому поручалась задача привлечь на себя как можно больше сил противника и удержать их, дабы обеспечить войскам Восточного отряда возможность обхода противника и атаки его во фланг с выходом в тыл. Прикрытие правого фланга 17-го корпуса и всего Западного отряда осуществлял конный отряд генерал-майора Грекова. (Опять сплошные от-

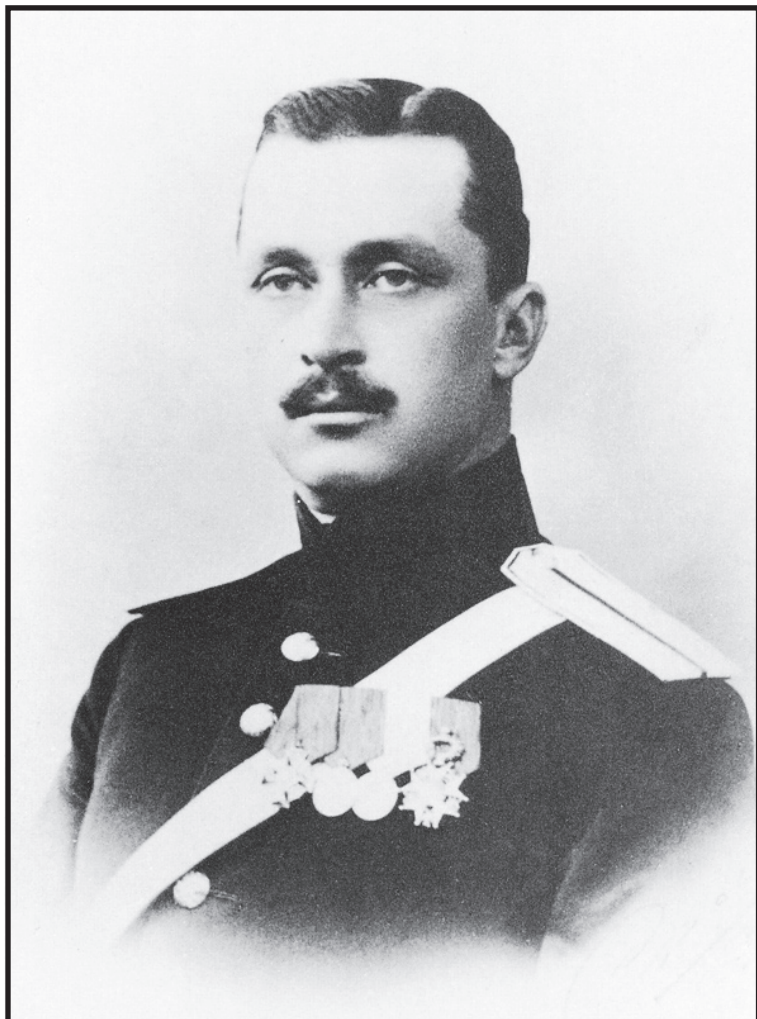

ряды, как будто не существовало других тактических единиц!) 52-й Нежинский полк, усиленный батальоном Псковского пехотного полка и двумя орудиями, прикрывал промежуток между корпусом и отрядом Грекова. Можно на примере одного этого отряда, под началом командира нежинцев полковника Стаховича, проследить все характерные особенности действия русских войск при бездарном руководстве высшего командования.

Действия отряда Стаховича, однако, отличались в хорошую сторону своей продуманностью, умением реально оценивать боевую обстановку и принимать решения сообразуясь с ней. Грамотно проведенная офицерскими разъездами разведка и выдвижение вперед боевого охранения помогали оценить силы противника, а сочетание действий пехоты, своевременно поддержанной артиллерийским огнем прикомандированных к отряду орудий, и постоянно угрожавших противнику с флангов располагавшихся там эскадронов, приводили к успешно проведенным атакам, позволявшим занимать намеченные позиции противника.

Противник или отступал сам, видя очевидность своего вероятного окружения, или выбивался со своих позиций штыками пехоты. При этом потери наступательного боя были минимальными. Однако, не поддержанный соседями, отряд Стаховича каждый раз оказывался в изоляции и, понимая всю стратегическую важность захваченных позиций, тем не менее, получал приказ отойти, чтобы через два дня снова атаковать ту же позицию. На этот раз отряд усиливался еще двумя батальонами пехоты Ингерманландского полка и шестью сотнями казаков 12-го Оренбургского полка. Но буквально на следующий день было получено указание вернуть назад ингерманландцев, а казаков оставить лишь одну сотню. Опять отряд остается в изоляции, но теперь обстановка складывается намного хуже. 27 сентября японцы сами перешли в наступление, и на участок, перешедшего к обороне отряда Стаховича, пришелся удар почти целой дивизии. Отчаянно сопротивляясь, умело перебрасывая два своих орудия, полковник Стахович, тем не менее, был вынужден постепенно отступать под напором превосходящих сил противника. Отступление велось очень организованно, от одной

Штаб-ротмистр Маннергейм

*Нагрудный знак в память
столетнего юбилея
Офицерской
кавалерийской
школы*

*Шталерная ул., дом 49/53 (современный вид).
Здесь в б. Аракчеевских казармах размещалась
Офицерская кавалерийская школа*

*Знак
Офицерской
кавалерийской школы*

*Юбилейный знак
Офицерской
кавалерийской
школы*

Нагрудный знак
разведчика 1-го
разряда в кавалерии

Знаки, носимые на холодном оружии: Императорский приказ за фехтовальный бой, 1-й Императорский приказ за стрельбу из револьвера, 1-й Императорский приказ за стрельбу из винтовки

Русско-японская война. Выгрузка лошадей из вагонов. 1904 г.

Наблюдение за передовыми позициями. 1905 г.

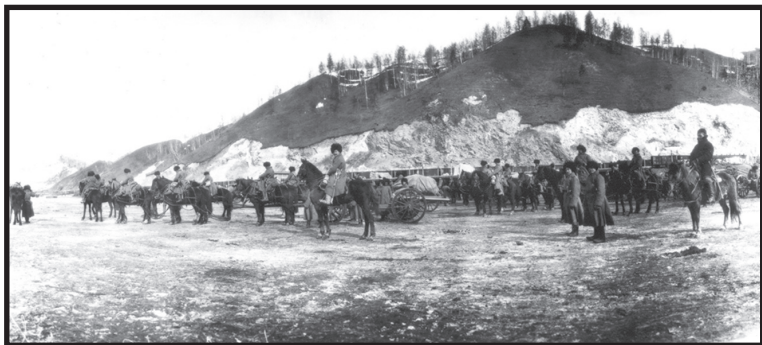

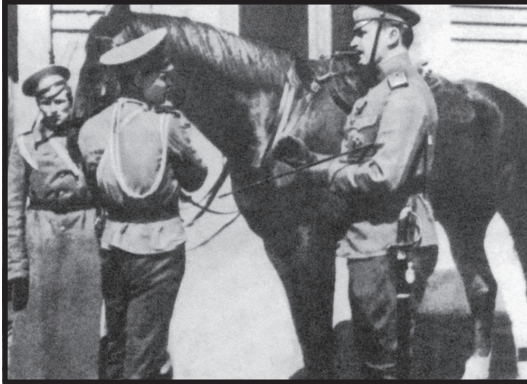

*Кавалерия прикрывает фланги при продвижении русских войск.
Лето 1905 г.*

*Подготовка конного рейда генерала Мищенко.
Январь 1905 г.*

*Подполковник
52-го Нежинского
драгунского полка
Маннергейм на
Русско-Японской
войне*

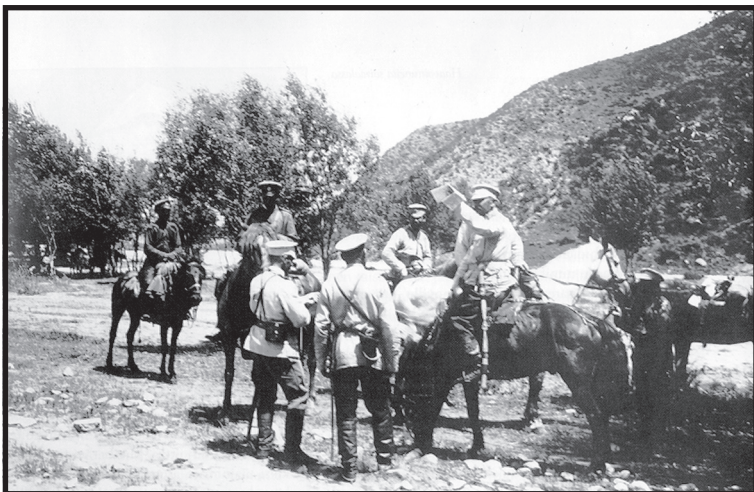
*Полковник Маннергейм, капитан фон Стивен, полковник Мейсснер,
адмирал Грейвс на Русско-Японской войне*

*Русско-Японская война.
Конная разведка. 1904 г.*

*Рекогносцировочный разезд
52-го Нежинского полка*

позиции к другой, где в очередной раз японцев останавливали действия отряда. На все запросы о помощи к генералу Грекову ответов не поступало. Лишь к вечеру из 17-го корпуса подошла команда охотников Ингерманландского пехотного полка. Затем отряд стал получать более ощутимые подкрепления: два батальона 140-го Зарайского пехотного полка, один батальон Болховского полка и 8 орудий 1-й батареи 35-й артиллерийской бригады. Отряд несколько раз переходил в контрнаступление, но продвижение вперед было незначительным ввиду превосходящих сил противника и ощутимого его перевеса в артиллерии. Далее события развивались по привычной схеме. Активные действия японцев побудили штаб Куропаткина отдать приказ отступить и перейти к обороне. В дальнейшем сражение на Шахе проходило с переменным успехом. Японцы атаковали, русские отбивались от них залповым ружейным огнем, огневыми налетами батарей и штыковыми ударами.

На примере действий отряда полковника Стаховича, командира 52-го Нежинского полка, мы видим, как бессмысленно смешивались между собой воинские части. В одно соединение, силою примерно равное полку, вошли батальоны и команды от пяти пехотных полков и двух кавалерийских. Однако ни один из командиров, успешно руководящих боями на том или ином участке фронта, абсолютно не ощущал и не надеялся ни на соседа справа, ни на соседа слева. Инициатива первого погасалась бездействием второго, а успех третьего сводился к нулю отступлением четвертого. Хаос и неразбериха. Новый тип войны – позиционный был совершенно не знаком высшему командованию.

После этого сражения октябрь, ноябрь и декабрь 1904 года прошли в накапливании сил обеих армий, готовящихся к зимней кампании. Время проходило в позиционной войне и разведывательных операциях конных и пеших разведчиков. Продолжает прибывать подкрепление из России. 7 октября 1904 года Маннергейм был переведен в 52-й Нежинский драгунский полк и принял под команду два эскадрона.

В конце 1904 года формируется конный отряд генерала Мищенко, в составе 77 эскадронов, командование двумя эскадронами

нежинских драгун осуществляет барон Маннергейм. Цель конного отряда – совершение рейда по тылам противника, что в сочетании с успешным набегом должно было поднять дух русского войска. Главное направление движения отряда – город-порт Инкоу, где по сведениям лазутчиков было сосредоточено большое количество припасов японских армий; другая задача – разрушение железнодорожных путей и мостов, которое должно было воспрепятствовать переброске японской армии, стоявшей под Порт-Артуром. Мнения историков о самой фигуре генерала Мищенко и его деятельности на Русско-Японской войне диаметрально противоположны. Одни считают его героем и выдающимся кавалерийским начальником, другие говорят о том, что нельзя было артиллерийскому офицеру поручать командование конницей. Но, тем не менее, все сходится в одном – рейд на Инкоу или, как он назван в истории «Набег на Инкоу», был организован и проведен бездарно. Колоссальный обоз, взятый в поход и состоявший из полутора тысяч вьюков на мулах, позволял совершать 25–30-километровый дневной переход. Это для конного отряда! Вспомним Суворова с его Суздальским пехотным полком: его переход в 850 верст в ноябре 1768 года из Новой Ладogi в Польшу занял 30 дней.

Столь медлительное перемещение отряда Мищенко позволило японцам заранее подготовиться к обороне города. Мало того, по воспоминаниям Маннергейма, вместо решительной атаки крупными силами, в бой было брошено всего 15 эскадронов и сотен, то есть одна пятая часть отряда. Остальные остались в резерве. Другой участник похода, полковник князь Вадбольский, вспоминает: «Пришло донесение об отбитой атаке, о больших потерях, об отходе колонны. На помощь были выдвинуты эскадроны Нежинских драгун (Маннергейма. – *А. Ш.*), а потом, при известии о невозможности доставить раненых, – уральцы...

Что-же произошло? Да то, что слабый, сборный отряд конницы, части которого не учились и не практиковались в наступлении спешным боевым порядком, бросился в лоб на укрепившуюся и приготовившуюся к встрече пехоту и был отбит с большим уроном: из строя выбыло около двухсот человек и несомненно смелейших...»

Мищенко хотел было повторить атаку, но, получив донесение о приближении больших сил японцев, предпочел отойти. В завершении рейда планировалось провести операцию по уничтожению важного железнодорожного моста севернее Порт-Артура. Маннергейм просил Мищенко поручить эту задачу его эскадронам, однако вновь был составлен сборный отряд под командованием молодого офицера, и операция не удалась.

В течение всей войны мы сталкиваемся с одним и тем же: постоянная мешанина из подразделений, составление каких-то отрядов из батальонов или эскадронов различных полков, из полков разных дивизий, не привыкших взаимодействовать друг с другом, просто не знакомых между собой. Почему нельзя было использовать одновременно целиком полки и дивизии, отработывавшие все задачи в мирное время на корпусных и дивизионных учениях в своих округах? Почему постоянно создавались огромные резервы, намного превышающие части, непосредственно участвующие в бою? Почему эти резервы вводились в дело опять же по частям и последовательно, рота за ротой, батальон за батальоном, что не имело никакого решающего значения и приводило лишь к бессмысленным жертвам? Почему наступление велось не в рассыпном строю, а густыми цепями или даже колоннами, что при кинжальном огне японских пулеметов позволяло им просто выкашивать русских? И при малейшем давлении противника следовал неминуемый приказ отходить. Все это было следствием забвения уроков, вынесенных из Русско-Турецкой войны 1877–1878 годов, в которой участвовали все военачальники этой кампании. Не было у них Скобелева, не было Гурко. Зато все помнили такую же чехарду с составлением отрядов, с тремя кровавыми Плевнами, с «сидением» на Шипке. О тактике, маневре, выборе направления главного удара и концентрации сил на нем и речи не было. Считалось, что надо создать крепкую позицию и отсидеться на ней, как на Шипке, а противник будет атаковать в лоб, как мы Плевну, забыв о возможности обхода с флангов. Японцы же думали совершенно иначе. И только героизм русских солдат и офицеров, спящих теперь вечным сном на маньчжурских сопках, ломал их планы. Бытовало мнение,

что русский солдат хорош, когда дерется в общем строю, чувствуя плечо товарища, поэтому главной задачей было довести дело до штыковой. И чем плотнее масса наступающих войск, тем сильнее такой удар. Однако не учитывалась скорострельность винтовок и пулеметов противника, которые не позволяли русским кинуться в штыки, отсюда и неоправданно высокие потери.

В начале января 1905 года было решено наступать в направлении Сандепу. К этому времени пал Порт-Артур, и Куропаткин хотел нанести удар японцам до подхода к ним освободившейся осадной армии генерала Ноги. Операцию начинала 2-я армия под командованием соотечественника Маннергейма, генерала Оскара-Фердинанда Казимировича Гриппенберга. Ей предписывалось охватить левый фланг расположения японских войск. По взятии неприятельских укрепленных позиций она должна была действовать «в зависимости от действий противника и успехов 3-й армии». 3-я армия получила приказ наступать «в зависимости от действий противника и успехов 2-й армии». Наконец, все три русских армии «всегда должны считаться с возможностью неприятельских контратак».

Двенадцатого января 2-я армия перешла в наступление, однако генерал Куропаткин запретил генералу Гриппенбергу атаковать всеми силами, а только тремя дивизиями. Успешное начало операции заставило японцев встревожиться и спешно двинуть резервы. Павший духом от этих известий, Куропаткин приказал отступить. Однако командиры корпусов: 1-го Сибирского – Штакельберг и 10-го армейского – Церпицкий, продолжали операцию. Вот как доносили японцы в Токио о том дне русского наступления: «Сражение продолжалось в течение всего дня и ночи, наши были всюду придавлены численностью русских. В этот день наши войска были готовы к тому, что будут уничтожены».

Шестнадцатого января генерал Гриппенберг предполагал нанести последний удар по японской армии Оку, охваченной с флангов корпусами Штакельберга и Церпицкого. Но приказом Куропаткина Штакельберг был отстранен от командования корпусом, корпус Церпицкого отведен, а Гриппенбергу было указано вернуться в исходное

положение. Возмущенный Гриппенберг сложил с себя командование и телеграфом запросил Петербург разрешения приехать для доклада. В личном послании Императору он писал: «Истинная причина, кроме болезни, заставившая меня просить об отчислении меня от командования 2-й Маньчжурской армии, заключается в полном лишении меня представленной мне законом самостоятельности и инициативы и в тяжелом сознании невозможности принести пользу делу, которое находится в безрадостном положении».

Маннергейм участвовал в сражении вместе с Нежинским полком и выполнял задачи по разведке и определению возможностей для нанесения крупного удара по оборонительным позициям японцев. Задача полком была выполнена, что и показал первоначальный успех наступавших русских корпусов. В то же время русская конница вышла в японские тылы и могла способствовать его развитию, но ничего из этого не вышло, из-за упомянутых ранее действий высшего командования, предписавшего начать отступление. Так было загублено сражение при Сандепу.

В составе дивизиона нежинцев, которым командовал Маннергейм, сражался и будущий атаман Всевеликого Войска Донского Петр Краснов, в ту пору военный корреспондент. В очерке, опубликованном в «Русском инвалиде» от 30 января 1905 года, он писал «Шашки к бою! Рысью м-а-а-рш!» – перекрыл грохот боя зычный голос барона Маннергейма <...> Замелькали клинки конной лавы, задрожала земля от дробы копыт. Навстречу шрапнели и пулеметным струям <...> Кони понесли в галоп всех без разбору – казак ты, офицер, граф, военный корреспондент <...> Пули косили так же, не разбирая. На глазах Краснова опрокинулся навзничь с коня юный граф Канкрин – семнадцатилетний мальчик, пошедший на войну добровольцем.

Конные разведчики барона Маннергейма, презрев смерть, потеряв половину людей и лошадей, все же доскакали до японских позиций и заполоскали клинками по головам с узкоглазыми лицами. Сбили и погнали противника, но выиграть всю битву, конечно, не смогли...»

Двенадцатого февраля японские армии атакуют 1-ю армию Линевича. Начинается Мукденское сражение. С 13 по 16 февраля по всему

фронту шел жестокий бой. Однако любое наступательное движение японцев на других участках фронта оценивалось Куропаткинским только как вероятность охвата, и, имея двукратное преимущество в силах, он не думает контратаковать, а начинает опять отступление. Маннергейм со своими двумя эскадронами нежинских драгун был в составе 1-го Сибирского корпуса, которым теперь командовал генерал Гернгросс, выполняя разведывательные операции в западном направлении. Двенадцать дней упорных боев и – лишь 24 февраля японцам удалось прорвать русский фронт на позиции 1-й армии. Нигде русские солдаты не отступали без приказа!

Маннергейм со своими двумя эскадронами прикрывал отступление пехоты, и в тяжелых арьергардных боях его нежинские драгуны понесли ощутимые потери. Из строя вышло свыше четверти личного состава, сам Маннергейм, несмотря на то, что был серьезно болен, и под ним была убита лошадь, вывел остатки эскадронов из-под огня, выполнив до конца поставленную задачу. Сам он вспоминал: «Я был настолько измучен, что, казалось, готов был рухнуть на землю посреди рвущихся снарядов».

Мукденская операция не стала решающим сражением войны. Главнокомандующий японской армией Ивао Ояме, ученик прусского генерала Мольтке, мечтал об успехе равном Седану, где пруссаки окружили и разгромили всю французскую армию. Несмотря на крупный успех японцев, поражение Русской армии не было завершено. Она вышла с большими потерями, но, вскоре пополнившись резервами из России, была снова готова к боям.

Маннергейм, проведя некоторое время в госпитале, принял участие в нескольких разведывательных операциях. Тогда же организовали несколько отрядов из китайских хунхузов, которым было по большому счету все равно, на чьей стороне действовать, лишь бы платили деньги, и русское командование поставило перед этими отрядами задачу: ведение разведки и партизанских действий в тылу врага. Услугами тех же хунхузов постоянно пользовались и японцы. Во главе одного из таких отрядов Маннергейм и совершил рейд по тылам противника. Кроме Маннергейма, в отряд входило семеро русских офицеров-добровольцев, два десятка драгун и три

сотни китайцев, принятых на русскую службу. Получая жалование и оружие с боеприпасами, китайцы должны были сами себя обеспечивать продовольствием и лошадьми. Что они и делали, отбирая все это у местного населения. Через некоторое время после начала рейда половина китайцев просто испарилась, поэтому Маннергейм был вынужден продолжать движение с остатками отряда. Общая протяженность похода составила около 400 километров, отряд дошел до Монголии, произведя необходимые рекогносцировки и нарисовав карты маршрута. Через восемь дней они благополучно вернулись.

В первой половине мая в Маньчжурскую армию прибыло пополнение из 40000 добровольцев, собранных из всех полков русской армии. Против каждой японской дивизии мы имели корпус. Преимущество было просто подавляющим. Моральный дух армий был, как никогда, высок. Вот что писал о времени стояния русской армии, отошедшей после Мукдена на сыпингайские позиции, генерал А.И. Деникин:

«Что касается лично меня, я, принимая во внимание все «за» и «против», не закрывая глаза на наши недочеты, на вопрос: «что ждало бы нас, если бы мы с сыпингайских позиций перешли в наступление?» – отвечал тогда, отвечаю и теперь – Победа!»

России нужна была, как воздух, победа. Победа, которая бы подняла престиж России, открыла бы всему миру глаза на ее мощь, победа, которая помогла бы снять напряжение в обществе и предотвратить смуту 1905 года. Победа, которая бы развеяла гнетущее настроение после падения Порт-Артура и гибели двух русских эскадр при Цусиме, которая дала бы возможность заключить не позорный, а почетный мир в Портсмуте. Потому что если разбираться в том, кто оказался победителем в войне, то вопрос насчет преимуществ Японии – очень спорный вопрос. Россия не была побеждена на полях Маньчжурии. Русская армия могла и, что самое главное, готова была бороться дальше с противником. Но официальный Петербург устал от войны больше, чем собственная армия. К тому же предстояла нешуточная борьба с нарастающим революционным движением в стране.

Поэтому 23 августа на борту президентской яхты «Майфлауэр», в Портсмуте, был подписан мирный договор при посредничестве президента США. Россия передала Японии Порт-Артур и Дальний, южную часть Сахалина, до 50-й параллели, и обязалась выплатить 200 миллионов рублей контрибуции. Японцы настаивали сначала на 3-х миллиардах, потом на 2-х, но, в конце концов, согласились на предложение России, поскольку тоже торопились с заключением мира. Русские войска не были обрадованы объявлением мира, ни музыки, ни криков «Ура!» нигде не было слышно. Все чувствовали себя неудовлетворенными. Всех угнетала мысль о бесплодных потерях, принесших вместо славы, чуть ли не позор.

О Русь! Забудь былую славу –
Орел двуглавый побежден,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.

В. С. Соловьев

В то же время большая часть русского образованного общества относилось к войне совершенно безразлично. В тяжелые дни Ляояна, Шахе и Мукдена театры, рестораны и разные увеселительные заведения были полны, как всегда. Что касается так называемой передовой интеллигенции, то она смотрела на войну, как на время, удобное для достижения своих целей. Так как достигнуть их при победоносной войне гораздо сложнее, то изо всех сил они жаждали поражения и старались его вызвать. С этой целью велась пропагандистская работа среди запасных, в войсках распространялись прокламации, устраивались забастовки на военных заводах и железных дорогах. На пути следования воинских эшелонов организовывались бунты и всевозможные беспорядки. Поражениям открыто радовались. Вот, что писал на страницах «Военного инвалида» боевой офицер: «Шестнадцать месяцев тревог, волнений, страшных лишений, бесконечно ужасных, потрясающих картин войны, способных свести человека с ума, щемящее чувство боли от незаслуженных обид, оскорблений, потоков грязи, вылитых частью прессы на нашу армию, безропотно

погибающую на полях Маньчжурии, оскорбление раненых офицеров на улицах Петербурга толпою. Вы радовались нашим поражениям, рассчитывая, что они вас приведут к освободительным реформам. Вы систематически развращали наших солдат, подрывая в них дисциплину и уважение к офицерам...»

С точки зрения любой здравомыслящей нации, всякий разговор о перемене власти или режима должен смолкать перед лицом общей опасности внешнего врага. Это стоило понять русской интеллигенции. Свобода завоевывается собственными силами, а не при помощи иноземцев.

Не в отношении ли общества к армии кроется и ее отношение к обществу: в 1905–1907 годах армия вынуждена была силой оружия разгонять революционные толпы. Сколько же можно было плевать в лицо своему же солдату и матросу, которые честно проливали свою кровь, которые теряли и хоронили своих товарищей на сопках Маньчжурии, на бастионах Порт-Артура, в Цусимской пучине, верные присяге и долгу.

Много нареканий пришлось выслушать после войны и нашим кавалеристам. Обвиняли конницу в том, что она ничего не делала, что она не была подготовлена к работе в условиях современной войны и современного боя. Доходило до рассуждений о том, что даже при наличии желания и готовности сражаться и жертвовать собой, она все равно ничего не смогла бы сделать. Так, будто бы, оказались несоответственными условия и характер этой войны – характеру и свойствам кавалерии. Наверное, очень обидно было слышать Маннергейму подобные высказывания. Ведь перед самой Японской войной он как раз занимался подготовкой командиров эскадронного звена в тактическом плане, под руководством Брусилова отрабатывая способы максимально полезного использования кавалерии в условиях будущей Мировой войны на Западе, в неизбежности которой никто не сомневался. И приняв личное участие в боевых действиях, на личном опыте он убедился в том, что и в условиях современной позиционной войны хорошо обученная кавалерийская часть, с опытным, искусным и кавалерийским по духу начальником во главе ее, может легко, достойно и успешно

выполнять всевозможные, специальные и совокупные с другими родами вооруженных сил, задачи, возлагаемые на нее, как на театре военных действий, так и непосредственно в бою.

Действия Маннергейма были высоко оценены – об этом свидетельствуют награды, полученные за Русско-Японскую войну: орден Св. Станислава 2-й степени, орден Св. Анны 2-й степени, орден Св. Владимира 4-й степени и медаль за участие в Русско-Японской войне. Кроме того, 11 декабря 1905 года ему присваивается очередное воинское звание – полковник.

Маннергейм считался прикомандированным к Нежинскому полку, по окончании боевых действий потребности в офицерах-добровольцах уже не было, и они получили возможность возвратиться в Россию, которую уже охватывал пожар первой революции.

Вышедший 17 октября 1905 года Царский Манифест, названный манифестом свободы, давал, безусловно, более широкие гражданские права населению России, но предотвратить революционные беспорядки в стране уже не мог. Если учесть еще ту огромную подрывную работу, которая была проведена японцами накануне и во время войны, то можно считать, что завезенное в страну оружие начало стрелять. Оплеванные своим же народом армия и флот были растеряны и унижены, что вызвало брожение и в военной среде. И как итог – восстание на броненосце «Потемкин», севастопольский мятеж под руководством лейтенанта П.П. Шмидта на крейсере «Очаков», восстание части гарнизона крепости Свеаборг под Гельсингфорсом, волнения в Преображенском полку, и другие выступления в воинских частях по всей стране. Но порядок в стране был восстановлен решительными действиями гвардейских частей, кавалерии и кораблей флота, экипажи которых были усилены за счет гардемарин.

Маннергейм был временно назначен на должность помощника военного коменданта города Елец в Орловской губернии, по месту постоянной дислокации Нежинского драгунского полка, и сразу же получил длительный отпуск, чтобы съездить отдохнуть на родину. Финляндия также переживала революционные потрясения.

В Великом Княжестве активизировались эсеры, финские националисты партии активного сопротивления, продолжались попытки нелегального ввоза оружия и даже составлялся план совместного выступления вместе с гарнизоном крепости Свеаборг, где мятеж подготавливался членом РСДРП(б) подпоручиком артиллерии Емельяновым и моряками кораблей Балтийского флота, базировавшихся в Гельсингфорсе. Однако ввиду многих провалов, а также несогласованности действий и партийных противоречий между заговорщиками, единого выступления не получилось.

Несмотря на то, что Финляндской партией активного сопротивления специально для перевозки оружия был закуплен 315-тонный пароход «Джон Графтон», было сделано всего два удачных рейса – выгрузки осуществлены близ финских городов Кеми и Пиетарсаари. Однако в дальнейшем пароходу не повезло: он налетел на камни близ города Якобстада и, после малоуспешных попыток команды выгрузить оружие и боеприпасы на ближайших островах, был взорван. Начальник Финляндского жандармского управления, генерал Фрейберг, доносил командиру Отдельного корпуса жандармов об окончании «разгрузки» полузатопленного судна и тайников на островах и побережье Финляндии. Было найдено в общей сложности 9670 винтовок, 720 револьверов, 400000 патронов к винтовкам и 122000 к револьверам, около трех тонн взрывчатки, детонаторы и бикфордов шнур. Финские революционеры получили всего около трехсот стволов. Можно себе представить, что было бы, если бы весь груз дошел по назначению.

Восставший Свеаборг был расстрелян корабельной артиллерией на глазах у жителей финской столицы. Отдельные выступления финских рабочих отрядов и эсеров, малочисленных и плохо вооруженных, были быстро подавлены жандармерией, казаками и пехотными частями гарнизона Гельсингфорса. Моряки-балтийцы, которые должны были обеспечить переход кораблей на сторону восставших, были заранее арестованы и заменены матросами береговых экипажей первого года службы, которые еще не привыкли рассуждать, а только слепо исполняли приказы, и гардемаринами, срочно переброшенными на корабли из Морского корпуса.

В связи с этими событиями пребывание Маннергейма в Финляндии закончилось довольно быстро, и в начале 1906 года он был вызван в Генеральный штаб, в Петербург. Начинаясь новая страница его жизни.

А Русско-Японская война вошла в историю России и оставила о себе память грустными песнями, такими, как знаменитый вальс «На сопках Маньчжурии», который написал Илья Александрович Шатов – капельмейстер (начальник полкового оркестра) 214-го Мокшанского пехотного полка, геройски дравшегося под Мукденом:

Тихо вокруг, сопки покрыты мглой,
Вот из-за туч блеснула луна,
Могилы хранят покой.

Белеют кресты – это герои спят.
Прошлого тени кружат давно
О жертвах боев твердят.

Тихо вокруг, ветер туман унес,
На сопках Маньчжурии воины спят
И русских не слышат слез.

Плачет, плачет мать родная,
Плачет молодая жена,
Плачут все, как один человек,
Злой рок и судьбу кляня!..

В РУССКОЙ РАЗВЕДКЕ

*«Разведанный противник
наполовину побежден».*

*У. Цзе, китайский мудрец,
IV век до н.э.*

Итак, в начале 1906 года Маннергейма отзывают из отпуска. Ему приказано срочно явиться в Генеральный штаб, где его принял, только что назначенный на должность начальника Генштаба, генерал-лейтенант Федор Федорович Палицын. Хорошо осведомленный о деятельности Маннергейма в период Русско-Японской войны, в частности, о наличии у него боевого опыта в проведении разведывательных операций в качестве командира как регулярного кавалерийского подразделения, так и набранного из китайцев-хунхузов, генерал Палицын сделал новоиспеченному полковнику весьма неожиданное предложение...

В начале XX века военные ведомства ведущих стран мира стали придавать большое значение военной разведке. Резко возросла роль агентурной разведки, увеличилось число объектов ее воздействия и расширились способы ее ведения.

Нельзя сказать, что до этого Россия не занималась военной разведкой. Просто не существовало еди-

ной службы, обобщающей, анализирующей и подготавливающей обработанные разведанные о вероятном или потенциальном противнике для передачи их в Генеральный штаб, военному министру и непосредственно Императору.

Разведка осуществлялась по нескольким направлениям, и в первую очередь, по линии дипломатических представительств России в других государствах. Поэтому в данном случае можно сказать, что центром разведки до этого времени являлось Министерство иностранных дел. Находясь в другом государстве, в постоянном общении с его жителями, они держали руку на пульсе событий, происходивших в этой стране. Но чтобы как можно глубже проникнуть во многие весьма специфические вопросы устройства и организации другого государства, в состав посольств были включены специалисты – военный и военно-морской атташе, торговые агенты, представители Министерства финансов и так далее. Подчиняясь, с одной стороны, Министерству иностранных дел, они работали по указаниям и заданиям своих министерств. Это была легальная сторона их работы.

Второе направление, по которому осуществлялась разведывательная деятельность, было Российское Императорское географическое общество. Русские мореплаватели и путешественники, которым страна и мир обязаны многими открытиями в области географии, в абсолютном своем большинстве были офицерами. Среди мореплавателей широко известны, например, имена: Ф.Ф. Беллинсгаузена, В.И. Беринга, Ф.П. Врангеля, В.М. Головнина, И.Ф. Крузенштерна, М.П. Лазарева, Д.Я. и Х.П. Лаптевых, Ю.Ф. Лисянского, Ф.П. Литке, Г.И. Невельского, П.К. Пахтусова, Г.Я. Седова, С.И. Челюскина, А.И. Чирикова, Е.В. Путятина и многих других. К сведению: из 178 человек, чьи имена остались на карте мира, 130 – офицеры.

Среди путешественников и исследователей суши также в основном встречаем имена русских офицеров: В.К. Арсеньева, А.К. Булатовича, Г.С. Карелина, П.К. Козлова, М.В. Певцова, Н.М. Пржевальского, В.И. Роборовского и других. Такие географические науки, как геодезия, гидрография, метеорология, картография и тому подобные,

развивались в России, главным образом (а некоторые почти исключительно), благодаря офицерам Русской армии и флота.

Вместе с тем, все географические открытия сопровождались, прежде всего, составлением карт местности, что безусловно могло использоваться в военных целях, а также военно-статистическим изучением вновь открываемых или исследуемых земель.

Официальной датой рождения русской военной разведки можно смело считать февраль 1903 года, когда при Генеральном штабе было создано разведывательное отделение («особое делопроизводство») в составе отдела генерал-квартирмейстера. 20 января (2 февраля) на рапорте военного министра России А.Н. Куропаткина об образовании в рамках военного министерства «разведочного отделения» царь сделал надпись: «Согласен».

В составе Главного управления Генерального штаба отдел генерал-квартирмейстера был основным. На него возлагались общие вопросы, связанные с организацией обороны страны, вопросы военной статистики, а также оперативные вопросы как европейского, так и азиатского театра военных действий, подготовка оперативно-стратегических данных и планов развертывания войск, сбор и обработка разведывательной информации. Непосредственно на генерал-квартирмейстера замыкались и военные агенты (или военные атташе).

За год, предшествующий Русско-Японской войне, молодая русская разведка добилась весьма незначительных успехов. Тем не менее, наконец-то появился центр, единая служба, обобщающая, анализирующая и обрабатывающая данные, поступающие из различных источников, появилась организация систематического сбора сведений о вероятном противнике различного характера – политического, военного, морского, экономического, научного и технического.

На работе военной разведки накануне Русско-Японской войны отрицательно сказался и недостаток финансовых ассигнований: с начала 1890-х годов, по инициативе министра финансов Витте, началось резкое сокращение всех военных расходов. Перед войной Главному штабу по смете на «негласные расходы по разведке»

ежегодно начислялась мизерная сумма в размере 56 тысяч рублей, распределяемая между всеми военными округами. В то время как Япония, по данным известного историка А.В. Шишова, затратила только на подготовку агентуры, работавшей против России, около 12 миллионов рублей.

Даже в 1912 году, в преддверии уже неизбежной Мировой войны, по сообщению генерал-майора Николая Степановича Батюшина – человека, стоявшего у истоков зарождения русской разведки и контрразведки и одного из ее корифеев, расходы на эти чрезвычайно важные для обороны страны мероприятия были, конечно, увеличены, но не превышали одного миллиона рублей.

Сама организация службы разведки была в зачаточном состоянии: ею по-прежнему занимались военные атташе, дипломаты и штабы военных округов. При этом существовал определенный сепаратизм – округа зачастую не хотели делиться разведывательной информацией с Генеральным штабом.

Крайне остро стояла проблема кадров. Офицеры, занимавшиеся разведкой, не получали никакой специальной подготовки. Только после завершения Русско-Японской войны в Академии Генштаба был введен курс по военной разведке.

Наиболее сложным в работе разведки было восточное направление, и наши промахи до и во время войны с Японией с очевидностью это доказывают.

Отсутствие специалистов по восточным языкам – китайскому, корейскому, японскому (а это и был как раз театр военных действий!), вынуждало обращаться к помощи переводчиков, предоставляемых местными властями, как правило, они были уже завербованы разведкой противоположной стороны.

В Китае сами чиновники предлагали продать любые секреты, но не хватало денег на их подкуп, а те источники, что были, в свою очередь, по карману разведке, не представляли интереса из-за отсутствия в них сколько-нибудь ценной или достоверной информации по причине крайне низкого культурного уровня развития. В Японии, достигшей вершин в шпионаже и контрразведке, напротив, все, что могло быть доступным иностранцам, тщательно проверялось и взвешивалось,

а чиновники были спаяны железной дисциплиной и преданностью божественному императору – микадо.

Деятельность русского военного агента в Японии, полковника Генерального штаба Б.П. Ванновского, накануне войны тоже оставляла желать лучшего. В Главном штабе стали замечать, что из Японии, с которой Россия находилась уже на грани войны, поступает очень мало разведывательных донесений, притом с информацией, не представляющей стратегического интереса. Только тогда генерал-квартирмейстер Главного штаба принял решение о замене военного агента в Токио.

Назначенный на его место полковник В.К. Самойлов, обладавший незаурядными качествами разведчика, сумел наладить сбор разведывательной информации среди дипломатического корпуса, аккредитованного в Японии, прежде всего, среди иностранных военных атташе. Изложенные в рапортах Самойлова сведения подтвердились дальнейшим ходом военных событий. Однако эта разведывательная информация из Токио командованием русской Маньчжурской армии не была принята к сведению.

Толчком к началу японской разведывательной деятельности против России послужило строительство Великой Транссибирской железнодорожной магистрали. В Токио быстро поняли, что с вводом ее в эксплуатацию, Японию ожидает опасное соседство. Столкновение интересов России и Японии в Китае и Корее стало неизбежным.

Тогда самым серьезным образом страна Восходящего Солнца приступила к сбору разведывательной информации о России. Японское Министерство иностранных дел обратилось к русскому правительству с просьбой об использовании японских рабочих артелей на строительстве магистрали. В Японии открылись специальные школы, где в совершенстве изучался русский язык. Военный агент Японии в Германии, майор Фукушима, верхом на лошади проехал вдоль всей Транссибирской магистрали от Берлина до Владивостока за 304 дня. Северо-Восточный Китай, Маньчжурия, Корея, Монголия и Приморье были наводнены японскими шпионами-резидентами, которые работали под видом мелких торговцев, парикмахеров, фотографов, содержателей публичных

домов, опиумокурилен, а также поваров, кочегаров и официантов на пассажирских пароходах.

С 1902 по 1904 годы пост японского военного атташе в Петербурге занимал полковник Мотодзито Акаси, опытный разведчик. В отчете разведывательного отделения российского Главного штаба отмечалось: «Полковник Акаси работает усердно, собирая сведения по мелочам и ничем не пренебрегая». Успехи японской военной разведки в предвоенные годы объяснялись еще и полной беспечностью властей в отношении сбережения государственной тайны. Чтобы запугать японцев темпами строительства новых броненосцев, таких как «Бородино», руководство Адмиралтейства допускало их на верфи. В результате им была предоставлена вся информация о новом классе кораблей, они воочию убеждались в какой стадии находится строительство и могли точно рассчитать сроки приведения броненосцев в полную боевую готовность.

О подрывной деятельности японской разведки и ее поддержке всех антиправительственных сил внутри России уже рассказывалось в предыдущей главе.

С началом военных действий проявились все недостатки русской и преимущества японской организации разведывательных служб. Русская военная разведка Маньчжурской армии оказалась очень слабой и по своему количественному составу, и по отсутствию специальных разведывательных подразделений. Именно эти функции возлагались на кавалерийские части Русской армии. Офицерские разъезды, например, 52-го Нежинского полка, о котором рассказывалось в предыдущей главе, проявляя личную храбрость, самоотверженность и инициативу, добывали довольно ценные сведения о противнике. Однако это касалось в основном визуального наблюдения. Азов ведения военной разведки они просто не знали.

Самые ценные сведения добывались путем сбора документальных данных. К ним относились допросы пленных, предметы снаряжения и обмундирования с номерами полков, нагрудными знаками, записные книжки, дневники, с кратким изложением действий войсковой части, карты, найденные в полевых сумках убитых японских офицеров, конверты от писем с обозначенными на них

точными адресами военнослужащих. Однако работа с такими документальными источниками затруднялась из-за почти полного отсутствия людей, знавших не разговорный, а письменный японский язык. Надежды на переводчиков-китайцев не оправдались.

Разведывательное отделение штаба Маньчжурской армии, ввиду своей малочисленности, сбивалось с ног в противодействии японской разведке, кроме того, тот поток самой разнообразной информации, поступавшей от разведывательных подразделений армии, надо было обработать в крайне сжатые сроки, отделить зерна от плевел, коих было несоизмеримо больше, и успеть передать для оперативного использования.

Другая и очень серьезная беда, поджидавшая Русскую армию в боевых действиях в Китае – полное отсутствие карт местности. Войска были слепыми в планировании операций. Участник войны, генштабист и сослуживец Маннергейма по Кавалергардскому полку граф Игнатъев, вспоминал: «Плохо обстояло дело с картами. Их не было вовсе <...> не для проверки, а для составления новой карты, разлетелись мы, генштабисты, веером по всем направлениям от Мукдена с приказанием производить маршрутные съемки <...> при сводке маршруты не сходились, и для проверки посылались новые съемщики. В результате вся местность, лежавшая между маршрутами, в особенности в горном, труднодоступном районе, оставалась незаснятой...» Когда после войны потребовались документы для описания Шахэйского сражения, то сам Куропаткин не мог представить ничего, кроме этой злополучной карты с белыми пятнами. На ней он собственноручно написал: «Приложена карта, каковая была и у меня. Более подробных карт не было». Наступать собирались вслепую!

Так обстояло дело с русской военной разведкой на Востоке.

Чувство большого стыда за бездарно проигранную войну с Японией привело к определенным позитивным переменам в Русской армии. В том же 1905 году начались серьезные военные реформы, завершение которых планировалось к 1917 году, но их прервала Первая Мировая война.

Тем не менее, активизировалась и деятельность военной разведки, необходимость которой, наконец, осознали на самом верху.

Разведывательное отделение Генштаба было усилено специально отобранными офицерами, имеющими боевой опыт. И на них возлагались уже конкретные задачи. Часть из них прикреплялась к отделам генерал-квартирмейстеров округов, на других возлагались особые миссии. Преобладающим, безусловно, оставалось западное направление и западные военные округа, но и Востоку теперь уделялось повышенное внимание. Старались учесть все ошибки войны в Маньчжурии.

Особо загадочными и малоизученными оставались районы Китайского Туркестана и Монголии. Выход России к отрогам Памира и Тянь-Шаня, как завершение блестящих туркестанских походов Скобелева, вызвало негодование и угрозы со стороны Великобритании, считавшей себя полновластной хозяйкой в этом регионе. Но времена Горчакова прошли, и Александр III, умевший разговаривать с Европой, резко отверг английские претензии, показав этим, что войны не боится. Лондон немедленно изменил тон, и дело закончилось в пользу русского царя. Русские линейные батальоны держали в постоянном напряжении 200-тысячную англо-индийскую армию. Открытое противостояние Российской и Британской империй продолжалось почти до самой Великой войны 1914–1918 годов и образования Антанты.

Восточнее Афганистана начинались районы подвластные Китаю. Здесь, с учетом поражения России в войне с Японией, которым не преминули воспользоваться европейские державы, а также США и Япония, для увеличения своих сфер влияния, а также принимая во внимание начавшиеся реформы в самой Поднебесной Империи, имеющей гигантскую по протяженности сухопутную границу с Россией, необходимо было иметь полную и достоверную информацию о происходящем.

Дремавший веками Китай, незаметно для себя, был разделен европейскими державами, в первую очередь, посредством получения ими различных концессий. При этом, интересы держав постоянно сталкивались, и на китайской территории шла, по сути, экономическая война, сопровождавшаяся реальными жертвами. Проигрывая в постоянной борьбе между собой на одном участке этого невидимого фронта, протяженностью в весь земной шар, ведущие европейские

державы старались наверстать упущенное в другом. Поражение Китая в войне с Японией, имеющей свои собственные интересы на континенте, было в немалой степени вызвано той поддержкой, которую оказывали Стране Восходящего Солнца Великобритания, Германия и позднее США, преследовавшие свои собственные цели, связанные с противостоянием России. Великобритания мечтала о реванше за свои потери в сферах влияния в Средней Азии, Германия стремилась столкнуть Россию с Великобританией, дабы отвлечь внимание и той, и другой от европейского театра военных действий, а США, опоздавшие к разделу, основным противником в своей экспансии в Китае видели Россию. Бесцеремонность европейцев в погоне за прибылью, абсолютно не обращающих внимание на местное население, как будто его и не существовало, продажность китайских чиновников, одурманивание народа при помощи опиума, который, не без помощи Великобритании и Франции, в результате двух «опиумных» войн просто наводнил Китай, все это вызвало мощное народное восстание в 1900 году.

Инициатором восстания стало тайное религиозное общество «Ицэцюань» («Кулак во имя справедливости и согласия»). От китайского слова «цюань» – кулак, входившего в название, восстание получило известность в Европе, как «боксерское». Губернаторы провинций Китая – мандарины или цзяньцзюни, обладавшие огромной фактической властью в подчиненных им землях, а также имевшие под своим командованием многочисленные войска, по-разному отнеслись к восстанию. Нередко в нападениях на европейцев в Северном Китае и в самом Пекине регулярные китайские войска действовали совместно с «боксерами». В других же провинциях правительственные части жестоко расправлялись с мятежниками. Результатом восстания была вооруженная интервенция европейских государств с участием Японии, которая завершила разгром «боксерского» восстания и позволила союзным войскам захватить Пекин. Однако русские части покинули китайскую столицу сразу после подавления восстания, и русское правительство предложило поступить так же всем остальным участникам интервенции. Тем самым Россия демонстрировала свое добрососедское и уважительное отношение к Китаю.

Помимо экспансии со стороны европейских государств, превращавших Китай в полуколониальное государство, усиливалось напряжение внутри правящих кругов самой страны. В Китае возникло реформаторское движение, объединявшее промышленников и помещиков в борьбе с феодально-монархическим режимом маньчжурской династии Цин, правящей Китаем с 1644 года. К движению присоединился и молодой император Цзай Тянь (Гуансюй), понимавший необходимость перемен в стране. Период попытки проведения умеренных реформ получил название «Сто дней реформ». Вся программа была направлена на капитализацию Китая и включала в себя свыше 60-и указов, которые касались системы образования, строительства железных дорог, заводов и фабрик, модернизации сельского хозяйства, развития внешней и внутренней торговли, реорганизации армии, чистки государственного аппарата и так далее.

Однако фактически власть в стране принадлежала вдовствующей императрице Ехонале (Цыси), которая жестоко расправилась с реформаторами и окончательно отстранила от власти императора Цзай Тяня. «Боксерское» восстание, и последовавшая за ним открытая военная интервенция европейских держав, вынудили правительство императрицы Цыси осознать, что реформы Китая все-таки необходимы. Требовалось укрепить центральную власть, ограничить права губернаторов провинций, срочно реорганизовать армию, а также самым активным образом бороться с проникновением в страну опиума, что стало уже всенародным злом.

Еще один очень важный аспект изучения Китая был связан с религией. Являясь многонациональным государством, Китай был страной, где исповедовалось и множество религий. Если в равнинной части Китая основными были буддизм, даосизм и конфуцианство, то на окраинах Поднебесной Империи, особенно граничащих с Россией, существовали другие религиозные направления. Так, в Китайском Туркестане, где проживали народы тюркской языковой группы, казахи и киргизы, исповедовали ислам суннитского толка, припамирские таджики также были мусульмане, но исмаилиты. Религия монголов – буддизм-ламаизм, с религиозным центром на Тибете.

Еще в 1899 году старший чиновник по особым поручениям при Туркестанском генерал-губернаторе генерале С.М. Духовском, один из лучших знатоков мусульманской Азии, Владимир Петрович Наливкин, подготовил по распоряжению своего начальника записку «О возможных соотношениях между последними событиями в Китае и усилением панисламистского движения». В этом документе он подробно анализирует положение дел в мусульманском мире и отмечает усилившееся панисламистское движение, призванное объединить все ветви ислама, главным образом суннитов и шиитов, в общей священной борьбе с неверными. Самарканд и Бухара, совсем недавно приведенные в подданство России, до этого играли громадную роль в духовной жизни суннитского Востока, являясь «главнейшим центром мусульманской схоластической науки». Россия, отодвинувшая свои государственные границы далеко вглубь Средней и Центральной Азии и Кавказа, невольно способствовала перемещению центра халифата (духовного предводительства над всеми мусульманами) в Турцию. Появление движения панисламистов, объединяющего образованных мусульман разных стран, означало возникновение идеи объединения всех мусульман мира под эгидою халифата, для того чтобы, рано или поздно, взять реванш над ненавистной им европейской цивилизацией. Естественно, с этой целью велась активная подрывная работа как среди мусульман России (центры – Крым и Бухара), так и среди мусульман тех стран, что граничили с ней: Афганистана, Персии (совр. Иран) и Китая.

Восстание «боксеров», имевшее антиевропейские и антирусские цели, показавшее слабость центральной китайской власти и независимость правителей провинций от мнения столицы, помноженное на активность панисламистов в провинциях, где большинство жителей – мусульмане, создавало реальную угрозу России в виде нового газавата – священной войны во имя Бога и по завету «печати пророка». Поэтому, отмечает В.П. Наливкин в своей записке: «... нельзя не признать безусловно желательными скорейшей постройки железной дороги от Оренбурга до Ташкента и постоянного нахождения в Туркестанском крае такого количества войск, которое могло бы быть достаточным на тот случай, если бы одновременно с открытием

военных действий на южной и восточной границах края вспыхнули беспорядки среди местного мусульманского населения».

Районы Центральной Азии, Монголии, Китая, Тибета и Дальнего Востока были предметом изучения, в основном, географических экспедиций России. Гигантский край, населенный многочисленными народами, труднодоступный и малоизученный, был практически недосягаем для дипломатических миссий. Посольства или представительства размещались, в лучшем случае, в столицах китайских провинций и с трудом находили общий язык с местными правителями – мандаринами. Изучение всех остальных земель Поднебесной Империи возлагалось на географические экспедиции.

Основоположником тщательного изучения Монголии, Китая и Тибета, в особенности пустынных и высокогорных районов Тянь-Шаня, по праву считается выдающийся русский ученый Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский (1827–1914), кстати, тоже выпускник Николаевского кавалерийского училища. Он сам совершил в 1856–1857 годах экспедицию на Тянь-Шань, затем организовал туда еще несколько экспедиций. Его последователем был выпускник Академии Генштаба Николай Михайлович Пржевальский (1839–1888), совершивший с помощью Семенова несколько походов в труднодоступные районы Монголии, Тибета, Китая в 1870–1873, 1876–1877, 1879–1880, 1883–1885 годах. В начале новой, пятой по счету, экспедиции на Тибет в 1888 году – Пржевальский скончался. Параллельно с ним работали экспедиции Михаила Васильевича Певцова (1843–1902), тоже русского офицера и выпускника Академии Генштаба. В 1876 году он совершил поход по Джунгарии, результатом которого было появление карты местности в масштабе 40 верст в дюйме (прибл. 1: 1500000). В 1878–1879 годах им совершен переход протяженностью 4000 км через пустыню Гоби в город Калган, составлена подробная маршрутная карта. В 1889–1890 годах, вместе с помощниками и учениками Пржевальского, офицерами – участниками его экспедиций – Петром Кузьмичем Козловым (1863–1935) и Всеволодом Ивановичем Роботовским (1856–1910), он совершает еще одно путешествие по Кашгарии и Куньлуню, протяженностью 10000 км и составляет маршрутную

съемку, а также карту Восточного Туркестана и северной окраины Тибетского нагорья в масштабе 100 верст в дюйме.

В 1893–1895 годах экспедицию на Тянь-Шань и Северный Тибет проводит В.И. Роботовский и наносит на карту еще более обширные области Центральной Азии. В 1899–1901 годах очередную экспедицию возглавил П.К. Козлов и прошел через Монголию на Тибет и в верховья рек Хуанхе, Янцзы и Меконга.

Учитывая опыт Маннергейма, полученный в ходе рекогносцировок и разведок силами конных отрядов, а также его опыт общения с китайцами по мере их использования в разведке, суть предложения начальника Главного управления Генерального штаба новоиспеченному полковнику заключалась в следующем: в составе небольшого конного отряда совершить длительное путешествие от Самарканда до Пекина по труднодоступным и малоизученным районам Центральной Азии, Китая, Монголии и Тибета. Цель – маршрутная съемка, уточнение существующих карт, сбор статистических данных о населении, взаимоотношениях различных народностей и национальностей, населяющих эти районы, численность и состав вооруженных формирований, уровень их подготовки, характеристика их командиров, анализ политической обстановки в регионе и фиксация при помощи фотоаппарата всего, представляющего интерес в военном отношении: горные дороги, перевалы, фортификационные постройки или инженерные сооружения (мосты, источники воды и прочее), а также обучение войск, их тактические приемы, вооружение.

По сути дела, Маннергейму было предложено выполнить миссию тайного агента русской военной разведки. Легенда-прикрытие заключалась в том, что планируемое путешествие совершалось не офицером Русской армии, а частным лицом с финским паспортом. Необходимо заметить, что подобные предложения делались руководством Генштаба на основании тщательного изучения кандидата, начиная от его служебных характеристик, послужного списка, боевых заслуг, личных качеств и отзывов о нем сослуживцев. Он должен был обладать аналитическим умом, позволяющим в мелочах улавливать общую картину, быть хладнокровным и абсолютно честным человеком, так как он являлся бесконтрольным расходвателем

средств, отпускаемых на экспедицию, отличаться исключительной работоспособностью, инициативой, оперативным мышлением и высокой нравственностью, подразумевающей, прежде всего, идейную убежденность в выборе военной профессии, а также быть застрахованным от разного рода увлечений, свойственных возрасту, найдя выход своей энергии в полной отдаче работе. Отсюда следует, что полковник Маннергейм обладал всеми этими качествами.

Маннергейм подает официальный рапорт об увольнении с военной службы по формальным причинам. Это являлось обычной практикой при направлении русского офицера для выполнения специального задания. К подобным рапортам обычно прилагалась секретная докладная записка военного министра Императору, где пояснялось, что офицер на самом деле выполняет конкретное задание и по его завершении подлежит восстановлению в рядах армии. На эту секретную докладную Император ставил соответствующую резолюцию. Допустим, офицер следовал на театр военных действий, в которых Россия не принимала участия, но нуждалась в освещении событий из неофициальных источников, поскольку по официальным каналам информация была недоступна. В таком случае офицер отправлялся не как военнослужащий Русской армии, а добровольцем, представителем Красного Креста, журналистом и так далее, и тому подобное. В случае какого-либо нежелательного поворота событий исключалась возможность дипломатического скандала с невыгодными для России последствиями. Так и Маннергейм отправлялся в экспедицию с финским паспортом, чтобы еще более усыпить бдительность китайских чиновников по отношению к путешественнику с нерусской фамилией.

Примечателен тот факт, что в это время составлялся сборник биографий кавалергардов за все время существования полка, по этому случаю было выпущено обращение ко всем, когда-либо служившим в полку, прислать свои фотографии и различные документы, связанные со службой и семейным положением. К обращению прилагался список офицеров и чиновников полка. Фамилия «Маннергейм» в нем отсутствует, хотя в самом сборнике биографий кавалергардов, выпущенном после возвращения Маннергейма из экспедиции, мы находим страницу, ему посвященную. Текст при-

веден в самом начале книги. Это еще раз подтверждает секретность в отношении планируемого путешествия.

За те несколько месяцев, что были отведены Маннергейму на подготовку к экспедиции, он закончил специальные курсы топографии и фотографии при Академии Генерального штаба. Фотография тогда была модным увлечением, и Маннергейм интересовался ею и до экспедиции. Поэтому все снимки, которые мы имеем возможность видеть, выполнены им самим и с высоким профессиональным качеством. Самим основам фотографии ему не было необходимости обучаться, а вот выбор необходимого ракурса для съемки с точки зрения использования полученной фотографии в качестве разведывательной информации и военно-статистической оценки территорий, объектов, дорог и прочего, – этому следовало научиться.

Шестого июля 1906 года Маннергейм покинул Петербург. Для получения последних указаний, инструкций и подробного рассказа о приграничных районах Китая он прибыл в Ташкент, где располагался штаб Туркестанского военного округа. Там произошла его первая встреча с руководителем русской разведки в этом регионе, полковником Лавром Георгиевичем Корниловым. Как и Маннергейм, после Русско-Японской войны Корнилов был в числе офицеров, отобранных Генеральным штабом для работы в разведке. Но до этого, будучи еще в звании капитана, Корнилов участвовал в рекогносцировке Памира и имел определенный опыт работы в горах и общения с местным населением. Поэтому их встреча была крайне полезна для Маннергейма. Корнилов подробно и обстоятельно рассказал об условиях жизни в приграничных районах Китая, снабдил свежими дорожными картами и поделился своими личными воспоминаниями о рекогносцировочных работах в горах. Следующая их встреча состоится, спустя два года, уже в Пекине, где закончится экспедиция Маннергейма, а Корнилов к этому времени будет там военным атташе русского посольства.

Перебравшись из Ташкента в Ош, Маннергейм завершил подготовку и комплектование своего отряда. В экспедицию вместе с ним уходили два казака 2-го Уральского полка, расквартированного в Самарканде – Шакир Рахимьянов и Игнат Янусов, и два китайца – один в качестве проводника, другой – слуги. Таким образом, весь

отряд состоял из пяти человек при десяти лошадях. Путь лежал в направлении города Кашгар, одного из важных и крупных городов китайской провинции Синьцзян, расположенной за горным хребтом, соединяющим Памир с Тянь-Шанем. 11 августа 1906 года отряд двинулся в путь.

Параллельно с экспедицией Маннергейма планировалась работа еще двух партий. В 1907–1909 годах П.К. Козлов прошел степи Монголии, пустыню Гоби и вышел, как и Маннергейм, в северные районы Китая. Третью экспедицию возглавлял Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930), изучавший отроги Сухоте-Алиня в восточных районах Китая и Приморья. Арсеньев также был офицером, исследователем Дальнего Востока и писателем. Его роман «Дерсу Узала» знаком и по книге, и по замечательной его экранизации японским режиссером Акирой Куросавой.

Дорога Маннергейма лежала через Алтайский хребет, соединяющий Памир с Тянь-Шанем. Вот как он описывает свои первые впечатления: «На второй день мы достигли высшей точки перевала, и перед нами предстала величественная картина. Горные обрывы, которые в вечернем свете казались покрытыми темно-зеленым бархатом, спускались вниз, в глубокую и узкую долину, а на юго-востоке ее охраняли торжественные снежные вершины». Во время короткого отдыха в долине отряду удалось посмотреть, как проходит киргизская свадьба с весьма впечатляющим состязанием всадников – обязательной древней традицией.

Из долины их путь лежал через реку Гульча, где во времена Скобелева произошла битва между русскими и киргизами, и далее еще выше в горы, на высоту 3500 метров. Навстречу экспедиции тянулись многочисленные торговые караваны, насчитывавшие сотни верблюдов, лошадей и ослов, перевозивших шерсть и кожи из Кашгара и Хотана. Здесь располагался последний пограничный пункт Российской Империи – Иркештам. Впереди лежал Китай.

Пограничная крепость Улугчат была первым населенным пунктом на китайской территории. Встреча с комендантом крепости и солдатами прошла вполне дружелюбно, и отряд разместился на ночлег. Как отмечает Маннергейм, все они «производили впечатление жертв опиума».

Генерал Ф. Ф. Палицын

*Разведывательное
отделение штаба
главнокомандующего
Маньчжурской армией
на Русско-Японской
войне*

*Мост через реку Гульча в месте, где произошло сражение русских
войск генерала Скобелева с киргизами. 1906 г.*

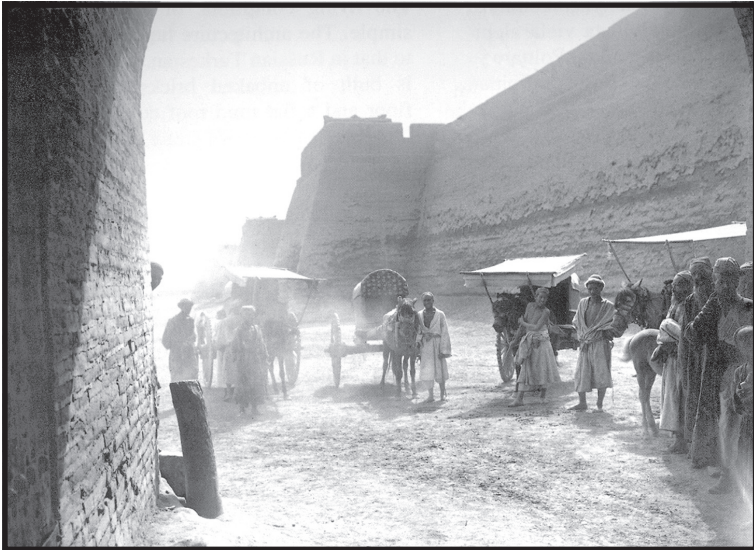

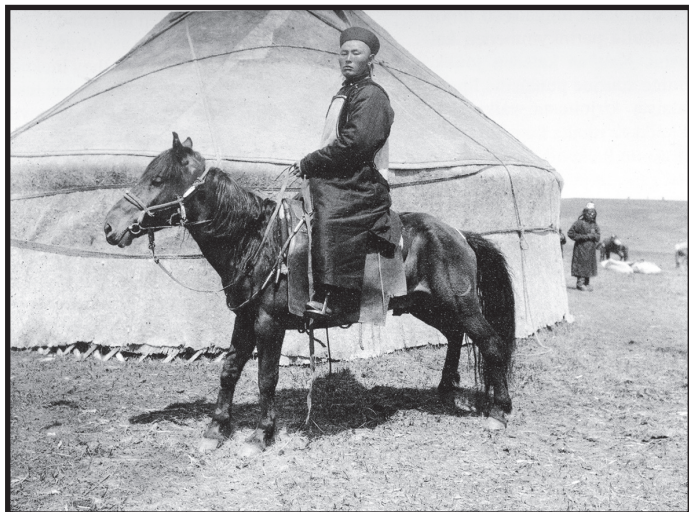

*Город Кашгар.
Офицеры
и солдаты
китайской
армии.
1906 г.*

*Крепостные стены Кашгара высотой более
17-ти футов (5,5 метров). 1906 г.*

Солдаты-калмыки

Тренировки китайских солдат

Маннергейм и казаки пересекают реку Текес. Апрель 1907 г.

Солдаты-калмыки тренируются в стрельбе

Пан Дарен - мандарин (правитель Яркенда)

Больные на улице Яркенда

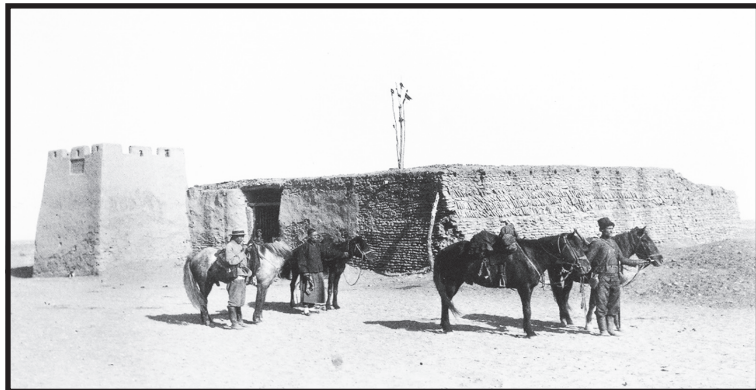

*Правитель Хотана
со своей охраной.
Состав гарнизона –
три офицера
и 104 солдата.
1906 г.*

Руководитель экспедиции Маннергейм с китайскими чиновниками

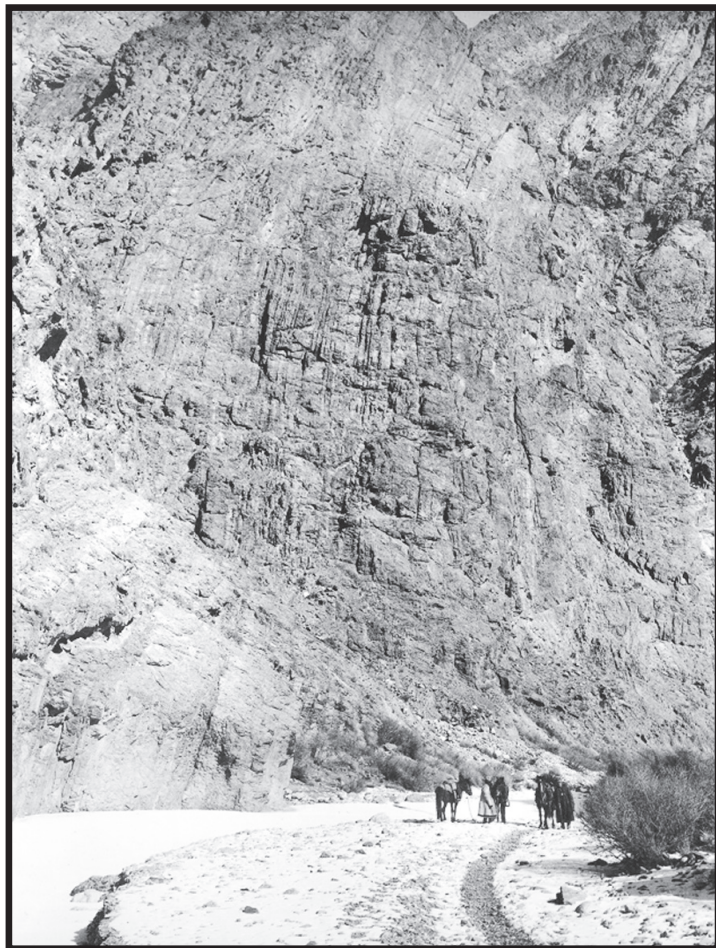

Пустыня Такла-Макан. Сооружения для привала китайских войск.

Пустыня Такла-Макан. Местный охотник с соколом.

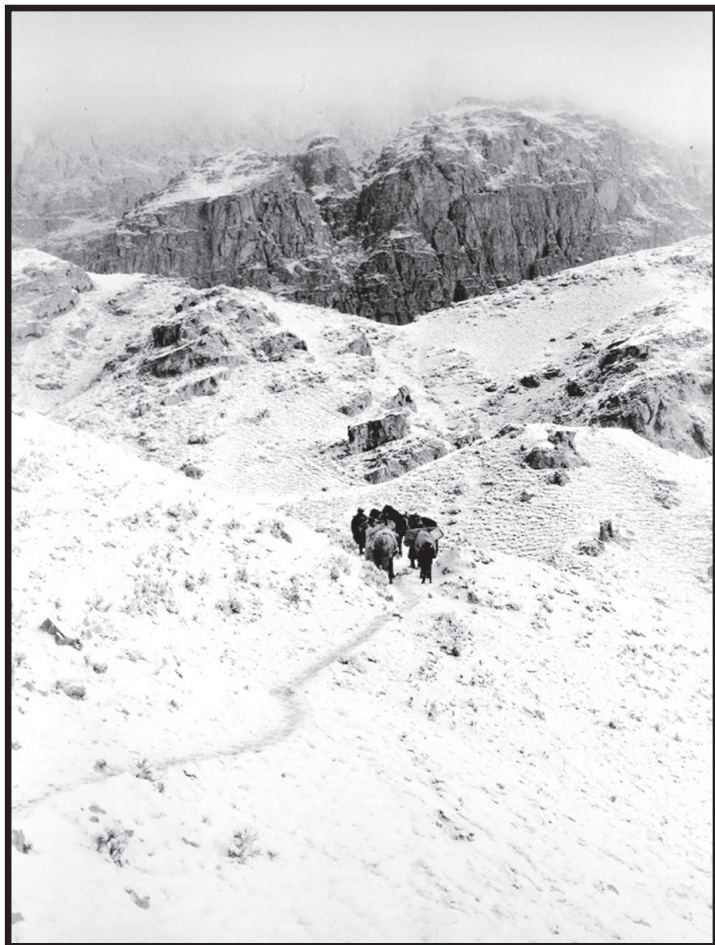

Русло реки Терек-Ават

*Переход через горный хребет Кызыл-Дага
(высота 2859–3000 м). 1907 г.*

Переход через ледник Музарт. 1907 г.

*Северная
сторона
крепости
Лиангхоу*

Строительство моста через Хуанхэ. 1908 г.

Китайская пехота в движении. 1908 г.

Отчет об экспедиции
в Генеральный штаб

Обед в Лиангхоу. 1908 г. Справа – полковник барон Маннергейм

К концу августа экспедиция достигла Кашгара, первого крупного города провинции Синьцзян. Внешне Кашгар напоминал среднеазиатские города Русского Туркестана: такие же крытые базары, такие же палатки на улицах, одноэтажные и грязные дома. Город окружала стена, высотой более 17 футов (свыше 5 метров), к которой примыкали предместья, что придавало ему вид настоящей крепости. Все постройки делались из необоженного глиняного кирпича, крыши из глины с соломой. Только китайские казармы, несколько домов местных чиновников и магазины, да изредка встречающиеся на улицах китайцы напоминали о том, что вы находитесь в Китае, а не в Средней Азии. В этом городе размещалось и русское, и британское консульства, что еще раз подчеркивало противостояние двух держав на Востоке.

Остановившись в русском консульстве, Маннергейм, тем не менее, познакомился и с Генеральным консулом Великобритании Джорджем Маккартни, который был очень любезен и снабдил финского путешественника учебником китайского языка, а также дал необходимые рекомендательные письма, которые весьма пригодились в путешествии. Подобная любезность со стороны британского консула объяснялась тем, что Маннергейм, по легенде, был частным лицом, финном со шведской фамилией (то есть относился к западным цивилизованным нациям, в отличие от русских варваров), интересующимся этнографией и археологией, а не представителем Российского Генерального штаба. В противном случае, думается, отношение генконсула Великобритании было бы иным. Маннергейм настолько тщательно следовал своей «легенде», что даже сопровождавшие его казаки не догадывались о его военном прошлом и звании полковника русской армии. Это, кстати, вызвало некоторые проблемы дисциплинарного характера. В результате Игнат Янусов был отослан, а вместо него из Джаркента Семиреченской области в отряд прибыл казак 2-го Сибирского казачьего полка Луканин.

Пребывание Маннергейма в Кашгаре затянулось на целый месяц по причине того, что официальный Пекин не присылал необходимых документов, разрешающих передвижение по стране. Поэтому Маннергейм проводил время в беседах с русским консулом Сер-

геом Колоколовым, прекрасно знавшим местные обычаи, изучал китайский язык и наблюдал за жизнью Кашгара. Как правило, все высокопоставленные чиновники и офицеры китайского гарнизона были из провинции Хенан. Преобладающее население этого края, как уже говорилось ранее, было мусульманским по вероисповеданию, и в период покорения русскими Бухары здесь вспыхнуло восстание, грозившее перекинуться и на русские территории. Поэтому для его подавления, в 1869 году, была предпринята военная экспедиция генерала Колпаковского в Китайский Туркестан, в 1871 году оккупировавшая Кульджу, город на севере провинции. Когда китайцы управились с восставшими, Россия в 1874 году возвратила захваченные территории. С тех пор в городах, где находились русские дипломатические миссии, негласно располагались и отряды казаков. В 1912 году в Кульдже вновь вспыхнул беспорядки, и туда опять будет направлен из Джаркента русский отряд 1-го Сибирского Ермака Тимофеевича казачьего войска полка, состоящий из двух сотен казаков и пулеметной команды. А возглавлять этот отряд будет старый знакомый Маннергейма по Японской войне, бывший корреспондент «Военного инвалида», а в то время командир этого славного казачьего полка – Петр Николаевич Краснов.

В ожидании разрешения из Пекина Маннергейм, с помощью русского консула Колоколова, оформляет паспорт у представителя центрального китайского правительства в Кашгаре, финансового комиссара – фаньганя, обладавшего значительной властью. В результате он получил паспорт с именем Мата-хан, что в переводе означало «Лошадь, скачущая через облака». Следующим пунктом назначения экспедиции был город Кульджа, расположенный на пути к столице провинции – городу Урумчи. Однако Маннергейм, для лучшего ознакомления с краем, решил посетить города-оазисы к югу от Кашгара. В начале октября он отправляет казака Луканина с большей частью снаряжения в Урумчи, а сам, налегке, начинает движение в южном направлении, через пустыню Такла-Макан. Из Кашгара Маннергейм проехал через городок Кызыл, за которым началась пустыня. Переход по пустыне был очень тяжелым. Палящее солнце, горячий песок, отсутствие какой-либо растительности, и

снова – один песок и камни. С запада тянулась цепь горных вершин Кунь-Луны, в остальном, горизонт был чист и бесконечен. В пустыне отряду встретились сооружения, называвшиеся «паотай», и представлявшие собой широкие глинобитные башни. Они предназначались для отдыха китайских войск в пустыне. Высокие шести, установленные на крышах этих сооружений, должны были служить сигнальными мачтами для оповещения при подходе противника.

Первым оазисом после пустыни был город Яркенд. Здесь Маннергейма больше всего поразили две вещи: азартные игры и массовое заболевание щитовидной железы, которому была подвержена большая часть населения. Он пишет, что «профессиональные игроки есть в любой стране, но здесь это было повсеместно». Играли везде, где только можно: на улицах, в тюрьме и во дворе храма, начиная от чиновников и заканчивая бродягами и заключенными, таскавшими на себе цепи и колодки. Устанавливались специальные столы, застеленные белой скатертью с узкой красной ковровой дорожкой по всей длине, рассаживались игроки и держатель банка, и игра шла по всем правилам. Здесь же неподалеку, прямо на земле, располагались игроки другой категории, менее богатые, если не сказать нищие, – по их виду, но не менее азартные.

Другое впечатляющее зрелище – зобы, самой удивительной и уродливой формы. Здесь это даже не считалось болезнью, а было обычным явлением. Качество местной воды оставляло желать лучшего, что являлось причиной массовых заболеваний щитовидной железы. Маннергейм пишет, что местные жители «даже шутили, что пока у тебя не будет респектабельного зоба, ты не можешь называться настоящим яркендцем».

Следующим городом был Хотан, куда Маннергейм прибыл 29 ноября. Здесь он познакомился с афганскими купцами, для которых британский консул Маккартни дал ему рекомендательные письма, что позволило Маннергейму, как он сам пишет, приобрести интересные его предметы по доступным ценам. Я думаю, в его мемуарах речь идет об обычной торговле, принятой на мусульманском Востоке, где продавец с покупателем торгуются из любви к самому процессу торга, и первоначальная цена во много раз превышает окончательную

сумму, на которой стороны сойдутся, где обман покупателя – дело привычное, и где запросто могут всучить любую фальшивку или подделку. Европейцу, впервые попавшему на восточный базар, все это непонятно и недоступно. Кроме того, Маннергейма интересовали старые рукописи, содержащие деяния мусульманских святых, многие из которых были захоронены в Хотане. И здесь ему опять помогли афганские купцы. По их настоянию местные муллы продали Маннергейму несколько интересующих его манускриптов.

Здесь же, в Хотане, Маннергейм познакомился с военачальником гарнизона, который с радостью согласился позировать перед его фотокамерой, надев по этому случаю парадные одежды и даже проведя показательные учения своего войска, состоявшего из трех офицеров и 104-х солдат.

Вблизи Хотана Маннергейм посетил поселение абдалов. Это удивительное явление в мусульманском мире – каста профессиональных нищих, последователей имама Хуссейна. Покинув свою страну после смерти имама, они расселились маленькими колониями по всему мусульманскому миру и живут только подаванием.

Вернувшись в Кашгар, Маннергейм вычертил карты маршрутной съемки, которые вел все время пути, проявил фотографии и через несколько недель снова отправился в путь. Краткий отдых в Кашгаре был временным возвращением к небольшим, но все же благам цивилизации. За три прошедших месяца, кроме своего казака, Маннергейм не видел ни одного европейца. 27 января 1907 года небольшой отряд вышел в направлении города Аксу, который являлся важным стратегическим пунктом, расположенным на перекрестке дорог. Путь лежал через ущелья и перевалы Кокшалтау, южной части горной системы Тянь-Шаня. По дороге отряд прошел через город Маралбаши, и Маннергейм отметил, что торговля здесь была более оживленной, а сами жители выглядели получше и побогаче, чем в Кашгаре или на юге провинции – видимо сказывалось приближение к Великому Шелковому Пути.

Далее дорога шла вдоль высохшего русла реки Терек-ават, повторяя все изгибы реки и петляя в узком живописном ущелье, где отвесные скалы, казалось, нависали над головой. Извилистость

дороги весьма затрудняла маршрутную съемку, которую постоянно вел Маннергейм. Затем начался сложный подъем на ледник, но отряд благополучно его преодолел и вышел на высоту около 2850–3000 метров над уровнем моря, по показаниям anerоида. Стояла замечательная погода, и одна захватывающая дух картина сменялась другой, не менее поражающей воображение. Спуск оказался намного легче, и у подножия гор путешественникам встретились первые местные жители. Это было киргизское стойбище из семи юрт. Весь переход через горы занял три недели, и 18 февраля отряд прибыл в город Учтурфан, расположенный на бесконечной равнине, тянущейся с северо-востока на юго-запад и огражденной высоченными горными хребтами. Еще через 12 дней они достигли Аксу.

Здесь экспедиция остановилась почти на месяц. Маннергейм очень удачно вошел в контакт с местными властями, которые с китайской вежливостью и поистине восточным гостеприимством его принимали. Гарнизон города был невелик, поскольку подвергся значительному сокращению, связанному с тем, что и сюда, далеко на север Китая, уже проникали реформы армии, проводимые центральным правительством и направленные, прежде всего, на борьбу с курением опиума, широко распространенном и в стране, и в армии, поэтому наиболее подверженные этому недугу солдаты были просто уволены со службы. Отношение к Маннергейму было настолько радушным, что в его честь был устроен праздник, где ему было показано театральное представление в традиционном китайском духе. После этого были устроены стрельбы, в которых приняли участие все желающие, даже женщины – жены китайских офицеров. Стрельба производилась из старинных ружей заряжавшихся с дула, которыми были вооружены солдаты местного гарнизона. Мишень была установлена приблизительно в 180 метрах, но несмотря на всю допотопность оружия, стрелки продемонстрировали прекрасную меткость.

В конце марта отряд двинулся дальше в направлении города Кульджи. Впереди лежал Тянь-Шань. Власти Аксу были настолько благосклонны к Маннергейму, что выделили ему помощников,

которые помогли перенести поклажу через самый трудный участок пути – до ледника Музарт, хребта Халактау. Подъем был действительно очень тяжелый. Тропа извивалась и ступенями поднималась все выше и выше. Иногда лошади уже были не в силах преодолевать очередную ступень подъема, и тогда носильщики, сопровождавшие отряд, снимали с лошадиных спин поклажу и, взгромоздив тюки по 4 пуда весом каждый себе на спину, преодолевали опасное место. Лошади скользили, оступались и падали на колени, а погонщики изо всех сил помогали им подняться и прямо затаскивали наверх, ступень за ступенью.

Преодолев подъем, отряд вышел на ледник Музарт, после чего ему было необходимо пройти еще около двухсот километров по относительно ровной, с точки зрения перепадов высот, но не менее опасной дороге. Дело в том, что ледник представлял собой сплошной ледяной панцирь с глубокими расщелинами, трещинами и каменными грядками. Приходилось двигаться крайне медленно и осторожно, чтобы не упасть самим и не потерять лошадей. Множество лошадиных скелетов, встретившихся по дороге, свидетельствовало о том, сколько здесь погибло бедных животных, поломавших себе ноги на коварном льду. Слева виднелась недоступная горная вершина, выделявшаяся среди прочих своей красотой. Это был знаменитый пик, названный впоследствии пиком Победы – высшая точка Тянь-Шаня – 7439 метров. Наконец Тянь-Шань был преодолен, и начался спуск вниз по лесистым отрогам. На пути в Кульджу отряд посетил городок Калмык-кюри, где находился буддистский монастырь. Здесь Маннергейм встретился с местным настоятелем, который благословил его путешествие от имени Будды. В свою очередь, Маннергейм подарил монаху часы, изумившие того своим тиканьем.

В калмыцких семьях каждый третий сын уходил в монахи, поэтому весь городок был наполнен ребятней в желтых монашеских одеяниях. Мы называем, вслед за Маннергеймом, местных жителей в этом районе Китая калмыками, хотя это верно лишь отчасти. Калмыки – это русское название потомков кочевых племен западных монголов- ойратов, которые в XVII веке мигрировали

из Монголии дальше на запад и юго-запад. Часть из них ушла в Россию и поселилась в степях между дельтой Волги и Дагестаном, и известна нам как калмыцкий народ. Остальные обжились на территории Семиречья, Джунгарии, в долинах рек Или и Текес, образовав Ойратское ханство. Впоследствии государство ойратов было завоевано маньчжурами и присоединено к Китаю.

Родственность местных жителей и калмыков, проживающих на территории России, наглядно подтверждалась и их внешним видом, и схожими национальными одеждами, и общей религией – буддизмом ламаистского толка, при том, что основное население западных провинций Китая исповедовало ислам.

Двенадцатого апреля экспедиция вышла на берег реки Или, которую предстояло форсировать. Переправа осуществлялась с помощью местных «паромов», в виде нескольких лошадей, от 8-и и более, связанных вместе, которыми управляли паромщики, держась за веревки, опоясывающие лошадиные шеи. Так отряд достиг города Кульджи, пожалуй, самой северной точки Китая. Там Маннергейма ожидала почта, в которой было, наконец, выданное китайскими властями официальное разрешение на его передвижение по стране, а также письмо от русского посла в Пекине, приложившего к нему вырезку из пекинской газеты, где сообщалось о том, что о продвижении его экспедиции уже известно в китайской столице, и ее деятельность по составлению карт, измерению высот, фотографированию всех объектов, имеющих военно-стратегическое значение, весьма заинтересовала автора сообщения. Русский посол рекомендовал Маннергейму быть более осмотрительным и осторожным.

Дальнейший путь лежал через степи в направлении города Карашар. В степях военную службу в китайской армии несли калмыки-ойраты. Маннергейм познакомился с командиром сотни Назумбатовым, который показал ему свой отряд. Вооружены калмыки были однозарядными карабинами Маузера. Патроны солдаты носили в патронташах, расположенных на поясах. Сами винтовки содержались в плохом состоянии. Учебных стрельб не проводилось, ввиду экономии патронов, хотя Маннергейм видел, как солдаты тренировались в прицеливании.

Двадцать четвертого июля экспедиция достигла города Урумчи, столицы провинции Синьцзян, где их дожидался, отправленный полгода назад с основной частью снаряжения, казак Луканин. Здесь следует отметить, что казаки, сопровождавшие Маннергейма, зарекомендовали себя великолепно. Правда, Рахимьянов ослабел в походе, и через семь месяцев Маннергейм был вынужден отпустить его. Зато Луканин был молодцом и прошел весь путь экспедиции до Пекина.

В Урумчи Маннергейм также имел встречи с русским консулом Кротовым и китайскими высшими чиновниками этой провинции.

По плану экспедиции Маннергейму предстояло нанести на карту горную тропу, проходящую по хребту Богдо-ула, северного склона Тянь-Шаня до города Турфана, поэтому, отправив основную часть экспедиционного скарба на арбах по нормальной дороге, отряд, взяв только необходимые вещи и погрузив их на осликов, отправился по маршруту. Довольно быстро, через неделю, – путь был не очень тяжелым, отряд прибыл в Турфан, где Маннергейму удалось присутствовать на учении, проводившемся китайскими войсками. Маневры больше напоминали спектакль, нежели демонстрировали военную выучку китайцев. Те же допотопные, заряжающиеся со ствола ружья, сигналы, подающиеся огромными флагами, коих было множество, во всем этом была некая театральность, не имеющая ничего общего с воинским искусством.

Пройдя через города Баркол и Хами, служивший многие сотни лет опорным пунктом против вторгавшихся в край полчищ монголов, экспедиция вышла к пустыне Гоби. Восемь дней длился переход через пустыню, по земле, лишенной какой-либо растительности, да еще при морозе и пронизывающем ветре. Наконец, отряд достиг провинции Ганьсу, что означало прибытие в центральную часть Китая, огражденную от всего мира Великой китайской стеной. Закрывающиеся на ночь ворота продолжали символизировать обособленность Китая от всего остального мира, создавая у жителей иллюзию, что они находятся под защитой этих стен, и как нерушимо стоят стены, так же нерушимы веками сложившиеся традиции, устои и образ жизни всего многонационального китайского общества.

Новый 1908 год экспедиция встретила в городе Сучжоу. Вся остальная часть путешествия проходила уже по центральным районам Китая. Здесь явственно видны были реформы, осуществлявшиеся в Китае. Зоркий глаз Маннергейма выхватывал мельчайшие подробности и детали, касающиеся, прежде всего, военной стороны реформ: строительство нового моста через Хуанхе – Желтую реку, передвижение войск в сторону пограничных районов Китая, откуда только что прибыл отряд Маннергейма, вооружение, амуниция и снаряжение, а также выучка реформируемой китайской армии, состояние их оборонной промышленности – все фиксировалось беспристрастным объективом фотоаппарата, все заносилось в отчет или дневник экспедиции. Переправа через Хуанхе осуществлялась на парамах, заменивших наводной понтонный мост, где в качестве понтонов были использованы старые деревянные лодки. Рядом, на берегу, велось строительство новой переправы. Фотокамера запечатлела сборку металлических конструкций будущего моста и, исходя из их размеров, можно было сделать вывод, что его габариты не позволят использовать мост в качестве железнодорожной переправы.

Маннергейму удалось посетить один из оружейных заводов на западе страны, в городе Кайфенг. Завод располагался в непосредственной близости к железной дороге. Число занятых на производстве людей достигало 110 человек. Работа шла под непосредственным наблюдением европейских инженеров, и большинство рабочих уже имели опыт, приобретенный на аналогичных производствах на юге страны. Продолжительность рабочего дня составляла 18 часов с двумя часовыми перерывами. Зарплата работавших на заводе китайцев была от 20 до 40 центов в день. В год производилось 2 миллиона патронов, 300–350 пятизарядных винтовок Маузера и 10 пушек. Изготовление вооружения, на первый взгляд, было организовано тщательно и аккуратно, но при внимательном осмотре винтовки выглядели кустарно, с плохо обработанными прикладами.

Быстрыми темпами развивалось и начальное школьное образование. Столицы провинций имели около сотни школ, и не менее

сорока насчитывалось в районных центрах. При этом большое внимание уделялось физической подготовке школьников и их обучению строевым приемам.

Армия заметно отличалась от северных пограничных гарнизонов подтянутостью и точностью исполнения строевых приемов с оружием, построений и перестроений в движении.

В стране начали решительно бороться с курением опиума. Создавалась и расширялась сеть лечебниц, основным направлением деятельности которых была попытка избавить людей от наркозависимости. Здесь не последнюю роль играла знаменитая китайская медицина, с ее нетрадиционными для европейцев способами лечения. Армия также избавлялась от курильщиков опиума, чем объяснялась малочисленность гарнизонов, расположенных в Центральной Азии.

Не остался без внимания Маннергейма и вопрос религиозных течений в центральном Китае. Поскольку большая часть населения исповедовала буддизм, то он считал необходимым нанести визит во временную резиденцию далай-ламы. Тем более, что с конца XIX века взаимоотношения Тибета и России интенсивно развивались. Издававшаяся в Шанхае немецкая газета «Дер ост азиатише лloyd» писала: «Со времени утверждения русского владычества в Средней Азии тысячи ламаистских паломников, стекающихся в Лхасу, своими рассказами о могуществе России распространяли обаяние русского имени в Азии и таким образом, невольно или сознательно, способствовали расширению русского влияния». В 1901 году из Лхасы, столицы Тибета и резиденции буддистского первосвященника, прибыла делегация во главе с одним из приближенных далай-ламы. В свою очередь, экспедиции Пржевальского, Козлова и Роботовского тщательно изучали районы Тибета, чтобы четко представлять степень вероятности использования имеющихся путей для переброски английских войск в Синьцзян, к границам Средней Азии. В 1904 году Англия, используя благоприятную обстановку (Русско-Японская война), начала открытую вооруженную интервенцию. Силы тибетцев были неравны, и англичане заняли Лхасу.

Далай-лама бежал из страны в Монголию и обосновался там в одном из крупных буддистских монастырей. Он установил связь с правительством России, одновременно поддерживая контакты с китайскими властями, в формальной зависимости от которых находился Тибет. В свою очередь, Россия делала все возможное, чтобы воспрепятствовать установлению полного контроля Англии над Тибетом. 14 января 1904 года Николай II принял двух донских казаков-калмыков – подъесаула Н.Э. Уланова и ламу Дамбе Ульянова, направленных в командировку на Тибет «для сбора сведений об этой стране». Группа направлялась под видом буддистских монахов, хорошо владела тибетским языком, знала буддистские обычаи и обряды. Однако в пути Уланов умирает, и, оставшись без начальника, дальше караван ведет лама Ульянов, поставив в известность об этом русского консула в Кульдже. В 20-х числах мая 1905 года группа прибыла в Лхасу.

Здесь лама Ульянов провел почти три месяца, неоднократно встречаясь с высокопоставленными чиновниками тибетской администрации, изучая обстановку в самой столице, а также и в других районах страны, беседуя с прибывающими отсюда паломниками и караванщиками. Визит русской группы не вызвал подозрений, поскольку Ульянов умело проявил себя как видный религиозный авторитет, большой знаток учения Будды. К этому времени англичане ушли из Лхасы из-за антианглийских выступлений населения, и правящий Тибетом в отсутствие далай-ламы Голдан Тива-Рамбуче подтвердил, что тибетцы по-прежнему считают далай-ламу своим духовным вождем и ждут его возвращения. В то же время была отмечена активизация Китая по фактическому присоединению Тибета и установки поного контроля над ним со стороны китайской администрации. Заинтересованность Китая здесь очевидна – получить контроль над первосвященником и с его помощью проводить в массы политику светских властей.

Россия соглашалась с китайским вариантом развития событий, так как это отвечало ее интересам. Поэтому по возвращении группы Ульянова в Петербург, в марте 1906 года, было рекомендовано далай-ламе переехать в Тибет, или, по крайней мере, в один из монастырей, расположенных в прилегающих китайских районах.

Далай-лама согласился и даже попросил выделить ему дополнительный конвой из казаков, а также направить на Тибет две научные экспедиции, которые, в случае необходимости, могли помочь ему укрыться и перебраться в безопасное место. Кроме того, он просил разместить на территории Монголии казачье подразделение для связи и оказания необходимой помощи тибетскому духовному лидеру. В связи с этим началась подготовка двух научных экспедиций: одной, под руководством капитана Козлова, другой – ротмистра Козакова.

Однако позднее от этой идеи пришлось отказаться. Приезд русских офицеров и казаков в Лхасу был бы, без сомнения, замечен и послужил к усиленным проискам со стороны других держав, в первую очередь, самого Китая и, конечно, Великобритании. Поэтому от участия каких-либо русских военных в составе свиты далай-ламы было решено отказаться. Под видом буддийского монаха был включен в свиту лишь казачий старшина из бурят Дилыхов. В декабре 1906 года состоялся отъезд далай-ламы в Китай. Первоначально он поселился в монастыре Гумбут, близ Синина, а в дальнейшем переехал в город Утай, где и состоялась его встреча с Маннергеймом. Однако далай-лама фактически находился здесь в положении пленника у китайских властей. Его резиденция охранялась солдатами и была наполнена шпионами и соглядатаями правительства. Естественно было и его желание встретиться с Маннергеймом как представителем той великой державы, на помощь которой так рассчитывал далай-лама.

В беседе Маннергейм подтвердил далай-ламе, что русский народ настроен очень дружелюбно и сочувствует естественному желанию тибетских монахов освободиться как от китайского, так и любого другого влияния. В ответ на преподнесенный в подарок далай-ламе пистолет, как символ того беспокойного времени, в котором всем выпало жить, буддистский первосвященник передал Маннергейму для русского царя благовония и несколько метров тибетского сукна. Кроме того, далай-лама просил Маннергейма погостить еще несколько дней, пока он не напишет письмо русскому царю. Однако время шло, а письма все не было. У Маннергейма создалось впечатление,

что далай-лама искусственно затягивает его пребывание в резиденции, просто из желания, чтобы русский полковник побыл подольше рядом с ним, ощущая, по-видимому, в его присутствии некую гарантию собственной безопасности. Наконец Маннергейма отпустили без всякого письма, а только с вышеперечисленными подарками.

В этом же году далай-лама, признав для вида власть центрального китайского правительства, вернулся на Тибет. Но очень скоро отношения опять обострились, Китай ввел войска в столицу Тибета Лхасу, и далай-лама вынужден был бежать уже в Индию, откуда он вернулся лишь после победы революции в Китае и свержения маньчжурской династии. До сегодняшнего дня взаимоотношения Китая и Тибета являются неразрешенными и находятся постоянно на грани обострения.

Маннергейм посетил также миссию римско-католической церкви и баптистские общины Китая. Несмотря на недавнее восстание «боксеров», направленное и против христиан, в том числе китайских, которые безжалостно истреблялись в ходе мятежа, тем не менее, распространение христианских религий среди местного населения продолжалось.

Ислам, в отличие от западных районов Китая, где начинался маршрут Маннергейма и где эта религия была основной, был распространен, в основном, среди дунканского населения, переехавшего из района Кульджи. Пара мечетей, в весьма обветшалом состоянии, свидетельствовала о присутствии этой религии. Дунканский мятеж был подавлен китайской армией с помощью русских. В качестве напоминания об этом рядом с входом в мечеть красовался деревянный столб, на котором было вырезано иероглифами имя китайского императора.

Иудаизм как религия был распространен очень незначительно, и хотя Маннергейм посетил несколько семей иудейского вероисповедания, но это были обычные китайцы. Просто в их домах, там где обычно размещалась статуэтка Будды, находились религиозные предметы, относящиеся к их вере.

С точки зрения национального состава провинции центрального Китая были весьма однородными, за исключением, пожалуй,

городов Хиан и Лиангхоу, где весьма обособленно, отгороженные от остального города высокой 40-футовой стеной, проживали маньчжуры, и города Иягуан, расположенного на юге пустыни Гоби, где компактно проживали уйгуры.

Двадцатого июля 1908 года конное путешествие Маннергейма завершилось в городе Калган: отсюда уже по железной дороге он добрался до столицы Поднебесной Империи – Пекина. Наконец-то, впервые за два года, можно было разместиться в большом отеле и вкушать все блага цивилизации. Маннергейм садится за составление отчета об экспедиции. Нужно было собрать воедино все данные, проанализировать их, рассмотреть внимательно проявленные и отпечатанные фотографии, документально подтверждавшие все разведанные, уточнить и дополнить маршрутные карты, добавить свежую информацию, полученную от русского военного атташе в Пекине полковника Корнилова и первого советника посольства Арсеньева.

Отчет представлял собой ценный аналитический материал, и на его основании, вкупе с отчетами экспедиций Козлова и Арсеньева, проводившимися практически в одно время с Маннергеймом, можно было сделать военно-стратегический обзор всех территорий Китая, сопредельных с границей Российской Империи. Маннергейм прошел западную горную часть Китая, начинавшуюся от среднеазиатских владений России и границы с Афганистаном, пересек западную часть пустыни Гоби и вышел в центральные районы страны. Козлов прошел монгольские степи, затем пустыню Гоби, где открыл знаменитый мертвый город Хара-Хото, и также вышел к городу Калган. Арсеньев исследовал отроги Сухоте-Алиня на востоке и, таким образом, завершил общий обзор китайской границы.

Весь маршрут Маннергейма был тщательно снят и нанесен на карту, что было весьма непросто, мы помним по каким труднодоступным горным дорогам, перевалам и ледникам проходил его путь. Здесь было сложно просто остаться целым и невредимым, не переломать себе кости, не соскользнуть вместе с лошастью в пропасть или расщелину, не замерзнуть, наконец. И при всем этом нужно было успевать вести топографическую съемку, переносить все на карту, да еще и фотографировать.

Опасности поджидали на каждом шагу – от вероятности подвергнуться нападению (надо учитывать тот факт, что среди мусульманских народов, населяющих долины и отроги Кызыл-Дага и Тянь-Шаня, еще не изгладился из памяти разгром афганских и дунканских племен русскими войсками в царствование Александра III) до абсолютно реальной возможности подцепить какую-либо заразную болезнь, коих здесь было множество. Положительную роль сыграли, конечно, хорошее вооружение отряда, опыт самого Маннергейма, приобретенный на полях Маньчжурии – ни при каких обстоятельствах не пить сырой воды, а только чай, и, безусловно, его прекрасные качества кавалериста, которые позволили ему практически два года не слезать с коня.

Особое внимание следует уделить тем фотографиям, а их было около 1300, что замечательно иллюстрировали отчет экспедиции. С военной точки зрения они были бесценны. Каждый стратегически важный пункт был заснят именно с той точки, которая позволяла его всесторонне оценить и изучить. Если это были дорога, ущелье или перевал, то выхватывались самые примечательные детали, уточнявшие то, что нанесено на карту – крутизна подъема, извилистость, состояние самой дороги или тропы. Если это был мост, то была видна его конструкция и габариты, а значит, нетрудно было определить его пропускную и несущую способность. Фигуры людей и животных рядом с крепостными стенами или другими объектами позволяли пропорционально определить их высоту и ширину как фортификационного сооружения. Снимок также позволял увидеть, из какого материала они были построены, а посему, какой прочностью обладали.

Большое количество снимков было посвящено различным воинским формированиям китайской армии. На снимках четко запечатлелось, каким оружием пользовались солдаты, каковы их навыки, какие тактические приемы они использовали при стрельбе и построении в боевые порядки, какая у них амуниция, обмундирование и даже обувь. На войне мелочей нет, поэтому любая деталь имеет большое значение. Снимок, сделанный на оружейном заводе, демонстрирует на каких станках производились винтовки

и патроны, каковы условия самого производства и многое другое, что дополняло сам текст отчета и подтверждало сделанные в нем выводы. Даже, казалось, обычные бытовые сценки, выхваченные объективом фотоаппарата, имели военно-статистическое значение. Интересны были все национальности, населявшие тот или иной регион, их вероисповедания, их обычаи, уровень жизни, образования, приверженность к наркотикам, заболеваемость среди них, способность приспосабливаться к жаре, холоду, отсутствию воды, растительности и многое-многое другое – все было чрезвычайно важным.

Кто-то из современных журналистов в статье о Маннергейме, посвященной, правда, его взаимоотношениям с одной известной русской и советской балериной, написал, что цель разведывательной миссии его отряда состояла в подготовке русского вторжения в Китай. Я думаю, что ни о каком вторжении или войне в этом регионе и речи не было. Во-первых, по той причине, что все внимание России было сосредоточено на западных рубежах, и военная разведка прекрасно понимала всю серьезность положения в западных округах: неизбежность войны с Германией была очевидна. Во-вторых, нужно было исправлять ошибки, допущенные в Японскую войну, когда Россия была просто не готова к японской экспансии, не имея никаких сведений о нападавшей стороне и не зная театра военных действий. В-третьих, нельзя было забывать об угрозе панисламизма, центром которого становилась Турция, извечный противник России, перекрывающий южные проливы и несущий угрозу, прежде всего, православному христианству. В-четвертых, владение информацией и знание обстановки в высокогорных регионах Центральной Азии, населенных народностями, исповедующими ислам и играющими роль аналогичную роли Балкан в Европе, то есть ключа ко всему, позволяло успешно противостоять Великобритании, компенсируя все неудачи русской политики в европейских спорных вопросах.

Русское присутствие в Центральной Азии служило сдерживающим фактором для британцев, и заставляло их держать в постоянном напряжении свою армию в Индии. Не секрет, что это был самый действенный способ влияния на Лондон, ибо Британская

империя прекрасно понимала, что без своих колоний, в первую очередь Индии, она сама станет глиняным колоссом, который рухнет в одночасье. Понимала это и Россия. Недаром Император Павел Петрович, страшно рассердившись на англичан, захвативших Мальту, двинул в поход через Афганистан в Индию все Всевеликое Войско Донское во главе с атаманом Платовым, ради этого выпущенным из Петропавловской крепости. Тем же маршрутом должна была отправиться по приказу Реввоенсовета и Первая Конная армия во главе с Буденным. Безусловно, и один, и другой походы представляются авантюрами, но доля здравого смысла в них есть, ибо такой путь к Лондону всегда был короче. Тем более, что недовольных правлением Великобритании в Индии было предостаточно: последнее восстание сипаев было подавлено красными мундирами с такой жестокостью, что достаточно было только искры, чтобы жажда мщения выплеснулась через край и утопила всех англичан в крови. О планировании каких-либо наступательных операций в данном регионе, когда на пороге стояла европейская война, нет смысла даже говорить. Но оборонительная концепция обязана была разрабатываться. Вот весьма краткий военно-стратегический смысл всех экспедиций России в этих местах.

Закончив свой отчет, Маннергейм совершил еще краткую поездку в Японию, чтобы посмотреть, как себя чувствует недавний противник. Вернувшись во Владивосток, он отправился в Петербург той же дорогой, которой три года назад возвращался с маньчжурских полей. Сдав отчет об экспедиции в Генеральный штаб, полковник Маннергейм был удостоен аудиенции у самого Императора, где почти в течение полутора часов докладывал результаты своей работы. Наградой за экспедицию стал орден Святого Владимира 3-й степени и назначение в Ново-Минск на должность командира 13-го Владимирского уланского полка. Азию сменила Польша, где начиналась когда-то служба Маннергейма в первом офицерском звании корнета среди славных гусар-александрийцев.

УЛАНЫ- ВЛАДИМИРЦЫ

Итак, 18 октября 1909 года Маннергейм вступает в командование 13-м Уланским Владимирским полком. Поднявшись по ступеням служебной лестницы от младшего офицера эскадрона, Маннергейм достигает, наконец, наиболее значимой в армии должности. Полк – это самое существенное звено во всем сложном организме армии, это основа ее организации. Полк – единица тактическая, выполняющая не просто обособленную боевую задачу, а действующая как своими собственными подразделениями, которые могут принадлежать к разным родам войск, так и в составе дивизии, корпуса, армии, фронта, где правильное взаимодействие кавалерии, пехоты, артиллерии и

даже зарождавшейся авиации, являлось залогом успеха всей операции. Кроме того, полк, и это неоднократно подчеркивалось, был единицей духовной. На полковых традициях учились, они объединяли и вдохновляли прошлыми героическими делами на новые свершения. В условиях боевых действий, когда потери неизбежны, в своих запасных батальонах и эскадронах полк сам готовил солдат из числа только-что призванных новобранцев. И от того насколько сильны традиции полка, настолько быстрее новобранец почувствует силу духа и силу боевого товарищества той среды, куда его забросили судьба и долг перед Отчизной. Он понимает, что находится не просто среди вооруженной толпы людей, что это его боевая семья, где есть отцы-командиры и есть братья по оружию. От этого понимания зависит его становление как настоящего русского солдата. Если полк – носитель духа армии, то дух полка зависит от командира. Вот почему так значимо звание полковника.

Командиры полков в Русской армии негласно делились на три категории, как их описывали сами офицеры. Первая категория командиров – офицеры Генерального штаба. Само собой разумеется, надо было давать им необходимый строевой и боевой опыт, но это надлежало делать до производства в полковники, на уровне эскадронного или батальонного звена, где в полной мере можно было отработать все необходимые тактические навыки. Одни использовали полковую ступень для дальнейшего карьерного роста, другие, понимая собственную неподготовленность, лишь отбывали время, переложив все заботы на старшего штаб-офицера или командиров эскадронов.

Срок пребывания их в полку был недолгим, потому в армейской среде офицеры-генштабисты именовались – «моменты». Командир полка – армеец, напротив, устраивается в полку прочно и надолго, он сживается с полком и всячески соблюдает его интересы. Командиры полка, назначенные из гвардии, как правило, не нарушают общего уклада полковой жизни, при этом стараются сделать для полка все возможное, используя и свой собственный опыт, и, при необходимости, связи в высших кругах.

Как раз к третьей категории и относился герой нашей книги. Когда тебя назначают командиром полка, основанного еще Петром

Великим, то невольно ощущается вся полнота ответственности за врученное тебе воинское формирование. Прадедам владимирцев не раз доводилось слышать голос самого Петра, нестись в атаку на виду у Суворова, участвовать в изгнании двенадцати языков наполеоновских полчищ и освобождать Балканы от османского ига. Одни имена великих полководцев и вошедшие в историю названия населенных пунктов, составляющих военную славу России, говорят о многом. Век XVIII был веком великих побед русского оружия, и отсутствие большого количества коллективных наград у славного полка, говорит лишь о том, что они выдавались очень скупно в том столетии, но это ни в коей мере не умаляет заслуг владимирцев перед Отечеством. Восстановление Императором Николаем Александровичем славных уланских мундиров в 1907 году – это признание былых заслуг полков, укрепление воинского духа удалых русских кавалеристов, их любви к своему мундиру, традициям боевого товарищества, преданности службе, любви к солдату и коню во имя долга перед Государем и Родиной.

Вдалеком 1700 году Петр Великий издал указ, по которому боярину князю Борису Алексеевичу Голицыну повелено было набрать в городах Поволжья – Владимире, Нижнем Новгороде, Казани и прочих, «из недорослей казачьих и стрелецких детей и братьев... лет по 17 и до 30 лет...» 10 полков драгун, по 1000 лошадей каждый, и к весне 1701 года отправить во Псков. После поражения под Нарвой, вызванного как необученностью войск, так и прямым предательством иностранных офицеров-наемников, командирами во вновь образующиеся полки были назначены преимущественно русские офицеры. Первым командиром полка стал московский стольник полковник Михаил Жданов, воевавший еще под Азовом. По его имени назывался и полк – Драгунский Михаила Жданова полк.

Родиной драгун как вида кавалерии можно смело считать Францию. Пальма первенства здесь принадлежит французскому маршалу Де Бриссаку, создавшему в 1594 году этот вид кавалерии. Само слово «драгун», по-французски «dragon», происходит от латинского «draco» – дракон, ящер, мифическое пресмыкающееся, которое могло быстро передвигаться по земле и даже летать. По

мнению русского историка Татищева, это слово имеет греческие корни: именно такое прозвище заслужил от своих врагов Византийский император Константин Палеолог за наносимый им урон и ущерб, за храбрость и дерзость.

До Петра Великого конница призывалась лишь во время войны и являлась иррегулярным войском. В мирное время она распускалась по своим поместьям и вотчинам, лишь изредка собираясь на обучение.

При объявлении войны поместная конница вызывалась по царскому указу, ее проверял воевода, а затем уж «чинил промысел над врагом, как Бог вразумит».

Встречаясь с противником, конница бросалась на врага беспорядочной массой, а при неудаче укрывалась за пехоту. Если же исход дела был благоприятный, то, не заботясь о преследовании войска, предавались разграблению захваченные у противника лагеря и обозы. Лишь отдельные сражения, такие как Ледовое побоище, Куликовская битва, взятие Казани и другие, вошли в хрестоматию военного искусства и отличались воплощенным на деле тактическим замыслом полководца. Только при Петре Великом Русская армия принимает вид организованного войска.

Во вновь образующиеся полки сержанты, капралы и вахмистры назначались из ранее служивших в конном строю. Первоначально были приняты мундиры шведского образца, они состояли из синего кафтана, зеленого верхнего плаща-епанчи и черной треуголки. Вооружение состояло из ружья (фузеи), пистолета и широкого палаша.

21 мая 1701 года полк вошел в состав регулярных русских войск как боевая единица. Посему день празднования Сретения чудотворной иконы Владимирской Божией Матери и считается днем основания полка.

Свое боевое крещение полк получил 29 декабря того же 1701 года в сражении против шведов под предводительством генерала Шлиппенбаха, при деревне Эрестфер. После сражения Петр Великий сказал: «Слава Богу, мы дошли до того, что шведов побеждать можем». Шведов перебито было до 3000, взято в плен до 2000, наш урон составил 1000 человек. В качестве трофеев захвачено 16 знамен и 8 пушек. Командующего сражением графа Шереметева

Государь произвел в фельдмаршалы, всем офицерам были пожалованы золотые медали, а солдатам – по серебряному рублю. Это были первые боевые отличия полка.

В 1702 году по причине смерти первого командира полка, полковника Жданова, на его место был назначен князь Петр Мещерский, последующие 12 лет бессменно командовавший полком. Соответственно и полк стал называться – Драгунский князя Петра Мещерского полк.

Первую половину 1702 года все десять новых драгунских полков простояли под Псковом, где фельдмаршал Шереметев заканчивал формирование армии. Командир полка князь Мещерский деятельно обучал новобранцев, пополнив полк лошадьми и оружием.

С начала июля армия Шереметева направляется в Северную Лифляндию, где происходят первые стычки со шведами. В течение лета и осени 1702 года драгунские полки принимают участие в нескольких сражениях со шведскими отрядами и разбивают их, заняв при этом ряд городов и крепостей. В следующем году полк занимался строительством укреплений Ямбурга, велением царя Петра превращенного в крепость. Полк также участвовал в разведывательных рейдах под Ревель, где сосредоточилась шведская армия, возглавляемая генералом Шлиппенбахом. На зимние квартиры полки ушли, как обычно, в Псков.

Двадцать пятого мая 1704 года армия Шереметева и с ней драгуны князя Мещерского выступили из Пскова для осады города Юрьева (Дерпта, ныне Тарту), куда и прибыли 9 июля. Здесь полк участвовал в осадных работах, копая «шанцы», высылая разьезды в окрестности Дерпта и отражая вылазки шведов из крепости. 2 июля в армию прибывает сам Петр I и, осмотрев осадные работы, приказывает начинать бомбардировку Дерпта.

В ночь с 12 на 13 июля полки штурмуют крепость, которая к утру была взята. Царь лично поблагодарил солдат и офицеров за примерную храбрость и повелел Шереметеву следовать к Нарве, которая, 6 августа, была также взята штурмом. 1704 и 1705 годы проходят в непрерывных походах, то к Полоцку, то к Митаве, где 15 июля 1705 года отряд Шереметева терпит поражение от швед-

ского отряда генерала Левенгаупта, значительно превосходившего силы русских. Полк князя Мещерского потерял много ранеными и убитыми, и после 4-часового боя русские отступили.

В следующем, 1706 году, все 20000 драгун были объединены в один корпус под командованием князя Меншикова и собраны под Киевом. День 18 октября 1706 года ознаменован первой значительной победой русской кавалерии под Калишем, где конница князя Меншикова, в состав которой входил и драгунский полк князя Мещерского, заставила сдаться в плен шведского генерала Мардефельда, вместе с поляками графа Потоцкого. Калишский бой знаменит тем, что в нем не участвовало с русской стороны ни одного пехотинца. Это была чисто кавалерийская победа. В память победы под Калишем Царь Петр учредил золотые медали, розданные офицерам.

Оценив возросшую мощь и боевой опыт Русской армии, в действии вступает король Швеции Карл XII с основными силами. Два последующих года прошли в непрерывных перемещениях армии Петра Великого, избегавшей решительного сражения со шведами, заставляя шведского короля находиться в постоянном движении, перемещаясь по разоренной местности.

В марте 1708 года происходят переименования драгунских полков. Как выяснилось из боевого опыта, названия полков по фамилиям командиров создают большие неудобства и путаницу при исполнении полками распоряжений, так как командиры часто менялись, а с ними менялось и название полка. Поэтому Высочайшим Указом 10 марта 1708 года все полки получили названия по губерниям, где они были набраны. Таким образом, полк князя Мещерского стал именоваться Владимирским драгунским полком.

К этому времени Русская армия сосредоточивается в районе Могилева, наблюдая за приближающимся противником. 3 июля происходит неудачное для русских сражение со шведами, после которого войска отступили к Шклову. Прибывший из Петербурга Царь Петр предал суду командовавшего войсками князя Репнина.

Потери русских были значительны, но и шведам победа досталась так тяжело, что Карл XII не преследовал русских, а заняв Могилев, оставался там, ожидая подхода подкреплений. В это время гетман

Украины Мазепа, изменив Царю Петру, предложил шведскому королю направиться в Малороссию, чтобы, соединившись там с казаками, весной будущего года вместе двинуться на Москву. Заманчивое предложение гетмана и полная истощенность шведских войск склонили короля к решению выступить на юг. Русские своевременно узнали о передвижении Карла XII, и главные силы во главе с Шереметевым последовали за шведами. В это же время Петр I получил сведения о приближении шведского корпуса генерала Левенгаупта с обозами для пополнения истощенной армии Карла XII.

Понимая всю важность положения, Царь принимает решение направить 10 драгунских полков (в том числе и Владимирский) под командой князя Меншикова, а с ними 10 батальонов пехоты Семеновского и Преображенского полков, посаженных на лошадей, чтобы перехватить подходивший корпус генерала Левенгаупта. Первая встреча ограничилась перестрелкой, при этом выяснилась истинная численность шведов – 16000 человек. Тотчас было послано еще за 8-ю драгунскими полками, а шведы, тем временем, отступили к деревне Лесная.

Двадцать восьмого сентября, около полудня, завязался жаркий бой. Царь Петр лично руководил сражением и с обнаженной шпагой был впереди. Семеновский и Преображенский полки вытеснили передовые шведские отряды на поляну перед деревней Лесная, где в боевом порядке стоял весь корпус Левенгаупта. Владимирцы, нижегородцы и прочие драгунские полки были выстроены в боевую линию и, развернув знамена, стремительно атаковали противника, отняли две пушки, 4 знамени и захватили в плен шведского генерала Кноринга. Сражение шло непрерывно до 4-х часов, но шведы держались упорно. Бой стал затихать, когда подошли дополнительные русские драгунские полки.

Вновь закипела резня, и к 7-и вечера все было кончено. Потери шведов составили 17 пушек, 44 знамени, 8000 убитыми, 876 пленными, а также 6000 подвод, которые князь Меншиков с драгунами отнял на следующий день у бежавшего в беспорядке отряда Левенгаупта. Победа под Лесной была, как сказал Царь Петр девять месяцев спустя, «матерью Полтавской баталии».

В память этой победы Петр приказал выбить медаль с надписью: «Достойному достойное», которой владимирцы могут гордиться вместе с немногими старыми полками Русской армии.

Лишь 12 октября Левенгаупт соединился с Карлом XII, который вместо пополнения и продовольствия получил массу раненых и расстроенные поражением войска. Такое положение заставило 30-тысячную армию шведов поспешить к Мазепе и, соединившись с несколькими тысячами казаков, остановиться на зимовку. Тяжелейшая зима с сильными рождественскими морозами, вырвавшими из строя шведов еще несколько сот человек, и постоянно беспокоящие набеги русских драгун ухудшали и без того незавидное положение шведского войска.

Наступившая весна воскресила надежды Карла XII идти на Москву, и первым делом, шведский король решил взять Полтаву, с тем чтобы подчинить себе всю Украину. Полтава оборонялась небольшим гарнизоном под началом полковника Келина, сумевшего личным примером настолько воодушевить свой небольшой гарнизон, что в конце апреля они не только отбили штурм, но и сами произвели вылазку. Позднее, вступив в Полтаву, Петр I в знак уважения снял шляпу перед полковником Келиным, отдавая дань его личному мужеству и умелому руководству обороной города.

Осаждавших Полтаву шведов непрерывно тревожат своими набегами и драгунские полки, стоявшие на другом берегу Ворсклы. Тем не менее шведы продолжают осадные работы под непосредственным руководством своего короля. Во время одной из своих поездок для осмотра русских позиций король был ранен в ногу, что значительно замедлило осадные работы, которыми он руководил лично. Надо отдать должное Карлу XII как настоящему солдату и достойному противнику Петра Великого.

Наконец, 14 июля Петр I принимает решение дать генеральное сражение. С этой целью 40-тысячная Русская армия занимает позицию, где и разыгрался Полтавский бой. Два батальона пехоты занимают выстроенные редуты, а драгунские полки размещаются в промежутках. Остальная артиллерия и пехота располагаются в укрепленном лагере. Наступил рассвет знаменательного дня 27 июня, когда Русская армия услышала приказ Царя Петра:

«Воины! Се пришел час, который всего Отечества судьбу положил на руках ваших, и вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за нашу Православную Веру и Церковь. Не должна вас также смущать слава неприятеля, яко непобедимаго, которую ложно быти и вы сами победами своими над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении перед очами вашими правду и Бога, поборающего за вас, на Того Единого, яко всеильнаго во бранях, уповайте, а о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия, ея благочестие, слава и благосостояние!»

В пятом часу утра шведы подошли к передовым русским редутам и атаковали их, однако встретили сильное сопротивление. Тогда шведы бросают вперед кирасиров, но им противостоят русские драгуны. В облаках порохового дыма завязалась жестокая кавалерийская схватка. Владимирский полк, во главе с князем Мещерским, много раз врзался в шведские ряды. Под многими уже были убиты лошади. Петр I, видя что одним драгунам не сдержат натиск всей шведской армии, приказал отойти на фланги. К 9 утра, пройдя через редуты, главные силы шведов устремились на русский лагерь, навстречу основным силам русских. При этом стройный порядок шведского войска был уже нарушен, часть шведов, во главе с генералом Шлиппенбахом, отрезана и загнана в болота, где, окруженная русскими драгунами, была вынуждена сложить оружие. Но несмотря на это, шведы отчаянно дрались, ободряемые королем Карлом, которого переносили на носилках. Русскими войсками лично руководил Царь Петр, находясь в передовых рядах, осыпая пулями.

Было около 11 утра, когда шведская пехота, усыпав равнину своими трупами, заколебалась. На флангах их конница не устояла под натиском драгун и отступила, оставив без прикрытия пехоту. Шведы дрогнули и побежали.

Более 9000 шведов осталось лежать на полях Полтавской битвы. 137 знамен и штандартов, весь обоз, казна и лагерь достались русским. В плен взято, с фельдмаршалом Рейншильдом, около 3000 человек. Карл XII был ранен и едва спасся.

Потери русских составили 1345 человек убитыми и 3200 ранеными, среди которых немало было и владимирцев.

Петр I приказал поставить походную церковь и отслужить благодарственный молебен, по окончании которого объехал полки и, сняв шляпу, поблагодарил всех русских солдат. В пылу сражения в Царя попали три пули: в шляпу, в седло, а третья ударила в нательный крест и согнула его, но ни одна не ранила. Царь Петр Алексеевич поднял тост за своих храбрецов и, указывая на шляпу и крест, сказал: «Пули сии не были жребием моей смерти. Десница Всевышнего сохранила меня, чтобы спасти Россию и наказать гордость брата моего Карла».

Царь лично руководил погребением павших, преклонил колена и троекратным земным поклоном почтил прах погибших воинов, а затем собственноручно водрузил на огромной могиле крест с надписью: *«Воины благочестивые, за благочестие кровью венчавшиеся. Лета от воплощения Бога Слова 1709 года, Июня 27 дня».*

Владимирцы не принимали участие в праздновании победы, ибо вместе с нижегородцами и еще четырьмя драгунскими и двумя пехотными полками, под общим начальством князя Меншикова, преследовали разбитого врага и настигли его 30 июня в 75-и верстах от Полтавы. Король Карл спасся на рыбацкой лодке, переправившись с 1000 шведов, гетманом Мазепой и верными ему казаками на правый берег Днепра. Генерал Левенгаупт с остатками шведской армии, более 14000 человек, сдался в плен, вместе со 127 знаменами и 28 пушками. Тотчас прибывший сюда Петр Великий повелел владимирцам и еще трем драгунским полкам под командой князя Волконского продолжать преследование Карла XII.

На восьмой день неутомимые драгуны нагнали шведского короля с остатками его армии и, перейдя Буг близ Очакова, окончательно разбили шведов. Карл и Мазепа спаслись, отдавшись под защиту турецкого султана.

В награду за победу под Полтавой были пожалованы офицерам золотые, а солдатам серебряные медали с изображением Петра Великого.

С тех пор сложилась песня о битве под Полтавой:

Дело было под Полтавой,
Дело славное друзья.
Мы дрались тогда со Шведом
Под знаменами Петра.

Эта песня была столь же распространена в войсках, как и поговорка: «Погиб, как швед под Полтавой».

Так закончился период решительного единоборства Швеции с Россией, короля Карла с Петром Великим. Солдаты Петра завершили под Полтавой дело, начатое дружиной князя Александра Невского.

Тем временем Царь Петр, разделавшись с основными силами шведов, решил от Полтавы идти в Прибалтику, чтобы закончить завоевание Балтийского побережья. В 1710 году была окончательно покорена Лифляндия. Пали последние оплоты шведов – Рига, Пернов, Динамюнде. В Финляндии – взятием Выборга на Финском заливе и Кексгольма на Ладожском озере – создано надежное прикрытие Санкт-Петербургу. Кампания 1710 года носила характер крепостной войны, поэтому кавалерия (в том числе и Владимирский драгунский полк), которой в осадных работах делать особо было нечего, собралась под начальством князя Меншикова в Польше, оберегая разъездами русские рубежи от возможных вторжений противника.

Однако дальнейшие успехи русского оружия были приостановлены. Происки шведского короля, вынужденного после Полтавы находиться под покровительством турецкого султана Ахмеда III, увенчались успехом, и в ноябре 1710 года Порта объявляет войну России.

В течение зимы 1710–1711 годов русские войска начинают стягиваться к южным рубежам. Начало 1711 года застаёт Владимирский полк в корпусе генерал-лейтенанта князя Голицына, который принял командование драгунами от Меншикова.

Все силы Русской армии к началу мая сосредоточиваются на берегах Днестра. Молдавский господарь Кантемир считался союзником России и обязался обеспечить достаточные запасы продовольствия для Русской армии. Однако, когда армия перешла Днестр, обнаружилось, что никаких припасов нет. Вдобавок обозы, шедшие в Русскую армию из-под Киева, были перехвачены

татарами. Положение создалось критическое. С одной стороны, надвигающаяся огромная турецкая армия, в тылу татарская конница крымского хана и запорожцы полковника Орлика и, при этом, недостаток припасов, страшная жара и предательство союзников.

Петр I принимает решение срочно направить драгун под командой генерала Ренне взять Браилов, где имелись большие турецкие склады припасов. Основные силы русских должны были двинуться вслед за отрядом Ренне. Но этого не произошло. Турки, соединившись с крымскими татарами, остановили продвижение наших главных сил и окружили тридцатитысячную армию во главе с Петром I.

Положение Русской армии было отчаянным: позиция ее представляла собой четырехугольник, задний фас которого составляла река. Турки, установив артиллерию на господствующих высотах, могли безнаказанно громить русский лагерь. Армия была окружена в пять раз превосходящим противником. Величие Петра проявилось в эту трагическую минуту в полном блеске. Готовясь к последнему сражению, он подписал указ сенату: в случае пленения, его государем не считать и его распоряжений из плена не выполнять.

Между тем, генерал Ренне, подойдя к Браилу, решает атаковать с ходу. Спешившиеся драгуны, с самим Ренне впереди, штурмуют крепость и после отчаянной рукопашной захватывают ее. День 13 июля 1711 года стал памятен владимирцам, как день блестящей победы над турками и взятия Браилова. Как только крепость была взята, Царю Петру послали донесение, однако оно было перехвачено.

Но Бог хранил Россию. О том, что же побудило великого визиря вступить в переговоры с русскими существуют разные мнения. Одни считают, что имел место подкуп, другие объясняют это бунтом янычар, третьи полагают, что виной всему нерешительность командующего турецким войском, подкрепленная опасениями общего восстания христиан, стойкостью русских войск, чувствительными потерями самих турок и падением Браилова. Переговоры были проведены быстро, дабы опередить Карла XII, скакавшего в турецкий лагерь с требованием не уступать русским. Но интересы Швеции и ее беспокойного короля были безразличны великому визирю, решившему заключить мир на выгодных для турецкого

султана условиях. Только подписав 14 июля Прутский договор, Петр I узнал о победе русских под Браиловым.

После тяжелых походов и боев для владимирцев наступает период затишья, и 1712 год они проводят сначала на Украине, к осени переходят к Смоленску, а по весне 1713 года перебираются на Балтийское побережье и в течение двух лет занимаются его охраной.

В 1714 году Карл XII, рассорившись с турецким султаном и внезапно появившись в Европе, объявил войну Пруссии, но совершенно не учел соотношения сил и был разбит.

Петр Великий, убедившись очередной раз в вероломности союзников, предложил шведскому королю союз, по которому Россия должна была получить от Швеции балтийские провинции и южную часть Финляндии, взамен русская армия, вместе со шведской, должна была помочь вернуть королю утраченные владения в Германии и Норвегии. В самый разгар переговоров Карл XII, изъявивший согласие на союз с Россией, был убит в Норвегии при осаде крепости Фредеричия. Существует версия, что пуля, поразившая короля-солдата, была выпущена из шведского лагеря. Слишком многие из шведской знати и даже ближайших родственников Карла XII были недовольны его действиями, в первую очередь, желанием заключить военный союз с Россией и передать ей прибалтийские города и южную Финляндию. Шведская аристократия считала своего короля безумным, за долгие годы военных походов и скитаний по Европе и Турции забывшим об «истинных» интересах Швеции. О подобном отношении к своему королю свидетельствуют мгновенные изменения в политике Швеции сразу после его смерти.

Его сестра и наследница Ульрика Элеонора прервала переговоры. Заключив мир со своими прежними противниками и заручившись поддержкой Англии, она решила продолжить войну с Россией. Но «вторая рука потентанта» довершила дело первой. Не обращая внимания на высланный для выручки Швеции английский флот, Петр I в 1719 и 1720 годах опустошил десантами весь восточный берег Швеции, введя войну в шведские пределы. 27 июня 1720 года, в одиннадцатую годовщину Полтавской виктории, шведский флот был разгромлен у Гренгамна.

*Полковник Маннергейм – командир 13-го
Владимирского уланского полка*

*Нагрудный знак 13-го Владимирского
уланского полка (офицерский)*

*Унтер-офицер Владимирского
драгунского полка. 1811 г.*

Генералы, состоящие по легкой кавалерии и л.-гв. Уланского Е.И.В. полка. Походная форма. 1868 г.

Обер-офицеры Уланских полков: гвардии и армии. Парадная форма. 1868 г.

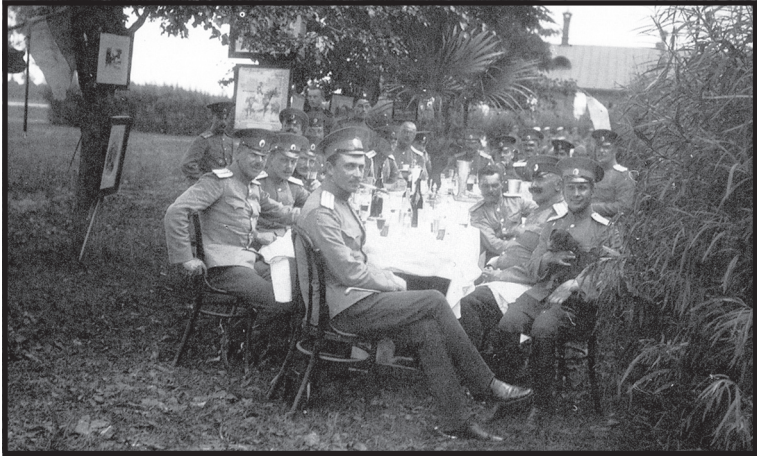

Стрельбы офицеров 13-го Владимирского уланского полка

Полковые учения 13-го Владимирского уланского полка

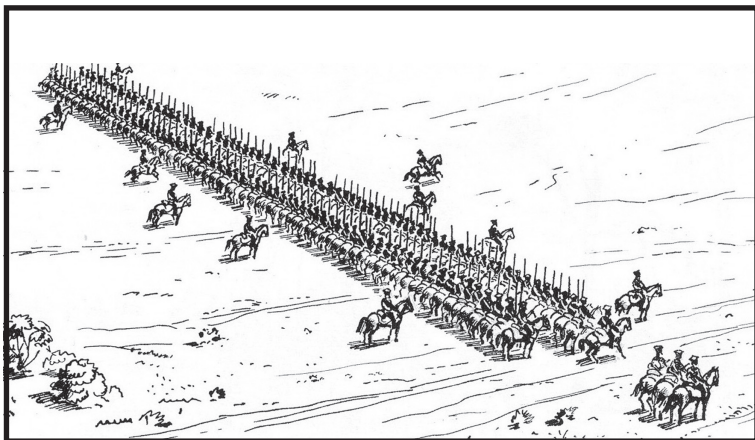

*Обед офицеров 13-го Владимирского уланского полка,
в центре командир полка Маннергейм*

Офицеры 13-го Владимирского уланского полка

Боевое построение Уланского эскадрона

Походный порядок Уланского полка

Это было последнее сражение двадцатилетней войны. Мир был подписан в Ништадте 10 сентября 1721 года. Русский флаг стал развеваться от Риги до Выборга. Балтийское море перестало быть шведским озером.

Гениальность Петра I заключалась и в том, что как тактик он намного опередил свое время. За сто лет до Наполеона и столетия до Фридриха Великого он заводит конную артиллерию. Его пехота владеет лопатой, как ружьем, противопоставляя сомкнутости рядов шведской армии полевою фортификацию. О полтавские редуты и разбились стройные шведские ряды. При Петре I возникает драгунская конница, которая была излюбленным родом войск Царя. Она великолепно обучена как конному, так и пешему строю, и не имеет себе равных в истории других армий. Вспомним Калиш, исключительно драгунскую победу, вспомним Лесную, где наши силы на две трети состояли из драгун, вспомним, наконец, финал Полтавы, где драгунский корпус Меншикова заставил шведов окончательно сложить оружие. И во всех этих славных боях достойно и храбро сражался Владимирский полк. Поэтому дух Петра, вселенный в созданные им полки, всегда незримо присутствовал в них.

Царствование Екатерины I, а затем и Петра II, можно назвать относительно мирным. Владимирский полк находился в Нижегородской губернии, в Алатырской провинции. И даже на короткое время изменил свое название по месту стоянки – Алатырский. Но через несколько месяцев старое доброе имя было возвращено полку. Полк несколько раз посылал свои команды для поимки воров и разбойников в Симбирскую губернию, на южную границу, где было неспокойно, и иногда бунтовали казаки, лишённые многих прежних прав, а также в калмыцкие степи между Волгой и Доном, где также случались беспорядки.

В царствование Анны Иоанновны, в 1736 году, Русская армия возглавляемая фельдмаршалом Минихом, в том числе и владимирцы, двинулась в Крым, к турецкой границе. Поход этот не был удачным. Прорвав перекопские укрепления, взяв Евпаторию и Бахчисарай, столицу ханства, армия была вынуждена отступить назад, на Украину. Причинами отступления были большие лишения от недостатка воды

и повальные болезни. В следующем году армия, а с ней и Владимирский полк, двинулась к Очакову и штурмом взяла его. Но опять недостаток продовольствия и фуража и повальные болезни, тиф и чума, а также массовый падеж скота, вынудили армию отступить.

В 1739 году пятилетняя война была завершена одним единственным генеральным сражением под Ставучанами и взятием Хотина, в которых принимали участие и владимирцы.

В период царствования Елизаветы Петровны полк в боевых делах не участвовал и был переведен на польскую границу.

При Екатерине II полк имел стычки с польскими мятежниками, рассеивал их отряды; 1768 и 1775 годы отмечены наиболее значительными делами.

В 1775 году полк переводится на Царицынскую линию, где он входит в состав Астраханского, а затем Кубанского корпуса, под начальство Суворова. С 1777 года на протяжении тридцати лет владимирцы пребывают сначала на Северном Кавказе, а затем в Закавказье, непрерывно участвуя во всех боях долгой эпохи покорения этого дикого края. Под командой самого Суворова они участвовали в делах 29 сентября 1779 года против кабардинцев на реке Малке, 1 августа 1783 года против ногайцев на реке Большой Ее, 1 октября 1783 года против горцев и ногайцев на реке Лабее. В своих донесениях Суворов отмечает отличившихся владимирцев – полковника Павлова, подполковника князя Кекуатова и капитана Тележникова. В конце 1783 года Суворов приводит ногаев к присяге на верность России. В бытность свою командующим войсками на Кубани Суворов проявил замечательные административные способности. Он просто и радикально решил национальный вопрос и прекратил конфликты мусульман с христианами, отделив их друг от друга. Крым оставлен за татарами, греки расселены в долинах рек Берда и Калмиус, положив начало городам Бердянску и Мариуполю.

Однако в 1787 году на Кубани вспыхивает новый мятеж, поднятый шейхом Мансуром, объявившим себя пророком. Владимирцы участвуют в непрерывных набегах и стычках с горцами. В 1791 году полк в составе корпуса генерала Гудовича двинулся в поход под ту-

рецкую крепость Анапу. В ночь с 21 на 22 июня штурмовые колонны, в составе которых были и спешенные владимирцы, стремительно атаковали стены крепости. К рассвету оставшиеся в резерве владимирцы атакуют неприятеля в конном строю и, возглавляемые командиром полка бригадиром Поливановым, вместе с остальными драгунскими полками наносят решительный удар, после которого турки обращаются в бегство. К 12 часам дня крепость Анапа была окончательно в наших руках, а с ней и трофеи – 95 пушек, 130 знамен. Из пятнадцатитысячного гарнизона взято было в плен 6000 турок вместе с комендантом Мустафой-пашой и самим шейхом Мансуром – главой восстания чеченцев и закубанских горцев.

Бригадир Поливанов, командир владимирцев, за свою лихую атаку как главный виновник победы получил орден Святого Георгия 3-й степени.

До конца года владимирцы участвуют еще в нескольких стычках с горцами, а затем принимают участие в работе по постройке укреплений на границе России с Кавказом, приводят в порядок крепости и занимают отдельными постами верховье рек Кумы и Терека.

В сентябре 1795 года персы нападают на Грузию и захватывают Тифлис. В начале 1796 года граф Валериан Зубов ведет русские войска из Кизляра к границам Персии. В состав этого корпуса включается и Владимирский полк. 10 мая полк участвует во взятии Дербента, а затем победоносно движется вдоль побережья Каспийского моря, но по повелению взошедшего на престол Императора Павла Петровича весь корпус выводится из Грузии обратно на границу.

Все царствование Павла Петровича Владимирский полк находится в приграничных крепостях. За это время полк четыре раза менял командира и, соответственно, четыре раза название, так как опять было введено наименование полков по фамилиям командиров. В это же время происходит и его временное слияние с Белгородским полком, в то время Таганрогским, о котором мы расскажем позднее в главе, посвященной 12-й кавалерийской дивизии. Но тем не менее тот факт, что два полка какое-то время существовали как единое целое под названием – Полк генерала от кавалерии Обрезкова, очень интересен.

В начале царствования Императора Александра Павловича полк возвращает себе старое имя и по-прежнему находится в пограничных крепостях. Вместе с тем, в 1803 году из него выделяется эскадрон для создания Борисоглебского драгунского полка.

Мирная стоянка полка нарушается весной 1804 года. Дело в том, что с присоединением в 1799 году Грузии к России, горные племена Кавказа, жившие до сего времени набегами и разбоем, оказались окруженными русскими владениями. Обстановка требовала строительства постоянной безопасной дороги через главный хребет Кавказа до Тифлиса, впоследствии получившей название Военно-грузинской дороги. Известие об этом взволновало независимых горцев, и они начали всячески этому препятствовать. Поэтому с весны 1804 года владимирцы вместе с нижегородцами, двумя полками пехоты и казаками вступают в пределы Кабарды и почти ежедневно участвуют в перестрелках и стычках с лихими наездниками-горцами. В ожесточенных схватках проходят годы с 1805 по 1811. Лишь в этом году полк переводится в Екатеринославскую губернию. Таким образом, отслужив 33 года в пределах Кавказа, горные потоки и скалы которого не раз обогрелись кровью владимирцев, полк навсегда оставил берега полноводной Кубани, не раз содрогавшиеся от топота грозных эскадронов. Здесь каждая пядь земли, от Каспия до Черного моря, пропитана кровью славных владимирцев. Лишь остатки крепостных валов, построенных их руками, да широкая Кубань остались безмолвными свидетелями этой кровавой эпохи истории полка.

В рядах стояли безмолвной толпой,
Когда хоронили мы друга;
Лишь поп полковой бормотал – и порой
Ревела осенняя вьюга.
Кругом кивера над могилой святой
Недвижны в тумане сверкали,
Уланская шапка да меч боевой
На гробе дощатом лежали...

М.Ю. Лермонтов

Наступал 1812 год. Русская армия готовилась к неминуемой встрече с Наполеоном. Две основные армии, Баркляя де Толли и Багратиона, ожидали врага у западной границы. Третья, резервная армия генерала Торماسова, должна была прикрывать две первые армии от действий австрийского и саксонского корпусов Наполеона, оставленных им в Польше. В состав третьей армии и был включен Владимирский полк под командованием полковника Аргамакова. Практически вся кампания для армии Торماسова заключалась в постоянном маневрировании, дабы на первом этапе прикрывать первые две русские армии, а на втором, когда началось изгнание французов, не допустить соединение упомянутых корпусов с основными силами Наполеона.

Первое сражение, в котором приняли участие владимирцы, произошло 15 июля 1812 года под городом Кобрин, в котором был разбит саксонский корпус. Так грозно обнажили мечи владимирцы после двухлетнего перерыва, после ухода с Кавказа, война с народами которого навеки закалила боевой дух полка, вселенный Петром Великим. Затем последовали бои с неприятелем 27 июля при местечке Картузской Березы, 7 августа под городом Луцк, 1 ноября при селе Горнастовичи, 3 и 4 ноября под Волковыском, 11 ноября на берегах Березины. Начинается преследование бегущих французов.

Высочайшим приказом от 17 декабря 1812 года полк был переименован из драгунского в уланский.

В составе Польской армии Бенигсена полк переходит границу и двигается по Саксонии. 27 и 28 сентября владимирцы участвуют в сражении близ Дрездена, а 6 и 7 октября принимают участие в битве народов при Лейпциге. К концу года полк подходит к Гамбургу, где участвует в пятимесячной осаде города, который защищает корпус французского маршала Даву. Как известно, 19 марта 1814 года был взят союзными войсками Париж. Руководивший осадой Гамбурга генерал Бенигсен послал 1 апреля парламентаря к маршалу Даву с известием об этом и предложением сдаться. Однако Даву не поверил сообщению и продолжал упорно держаться до 19 апреля, пока из Парижа от нового короля Франции Людовика XVIII не прибыл комиссар Фуше для сдачи Гамбурга русским.

Владимирский уланский полк выступил в обратный путь и к февралю 1815 года прибыл в Россию, но уже через три месяца разворачивал коней в сторону Франции, ввиду высадки Наполеона и его знаменитых «100 дней». Некоторое время полк стоит во Франции, в окрестностях города Нанси, где участвует в делах против французских партизан, а затем, после Ватерлоо, вновь отправляется на родину. 2 мая 1819 года в полк были присланы 333 серебряные медали в память войны 1812 года, позднее были получены еще 287 – за участие в походе 1814 года.

До 1826 года полк нес службу мирного времени, постоянно меняя стоянки. С воцарением Императора Николая Павловича полк был приглашен в Москву, где Император приветствовал владимирцев на смотре и назначил шефом полка Великого Князя Михаила Павловича. С этого дня, 26 августа 1826 года, полк получил наименование – Уланский Владимирский Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Павловича полк.

Основным местом расквартирования полка все эти годы был город Торжок. Относительная близость к Санкт-Петербургу позволяла полку принимать участие в знаменитых Красносельских сборах, в которых участвовал весь цвет армии и гвардии и которые служили не только для парадов, но и способствовали боевой выучке войск.

В 1831 году полк направляется в Польшу для подавления мятежа и участвует 5 и 6 июня в боях на Понарских высотах, а затем преследует мятежников в Литве. После этого возвращается в Торжок и уходит оттуда в 1849 году в Венгрию. В боевых действиях полк участия не принимает и возвращается назад. Вот как описывает Валентин Пикуль возвращение в Торжок владимирских улан: «Наконец открылась дивная картина Торжка, где полку предстояло стать на квартиры. Музыканты выехали вперед, уланы подбоченились в седлах, улицы пополнились народом, «кричали женщины «ура» и в воздух чепчики бросали». А какой же улан без песен?

Торжок славился живописной местностью, пожарскими котлетами, обувью из сафьяна и гостеприимством жителей. Вечерами широко открывались двери богатого дома Олениных, людей образо-

ванных, с большими связями в обществе. А среди дочерей хозяина выделялась ангельской красоты Лизанька Оленина, которую учил грамоте дедушка Крылов, ее носил на руках Пушкин, с ней играл Брюллов, – все это было в доме ее деда А.Н. Оленина, славного дружкой с корифеями русского искусства... Уланы, впрочем, всегда уланы! Каждый бравировал безумной храбростью, пил шампанское, сочинял в альбомы девиц мадригалы, чуточку играл под Онегина или Печорина, надевая маску разочарования в жизни, чтоб успешнее привлечь внимание торжковских невест. Если же какой улан и пошатнулся, вставая из-за стола, он оправдывал себя строчками из стихов М.Ю. Лермонтова:

А кто с утра уже не пьян,
Тот, извините, не улан...

Но один улан держался естественно, вина не касался, говорил редко и всегда по делу; возле пояса его красовался кинжал, не положенный улану по форме.

- Кто этот загадочный человек? – спросила Лизанька.
- Джемал-Эддин – сын Шамиля.
- Как? – удивилась девушка. – Того самого?
- Да, старший сын кавказского имама...»

Такова удивительная судьба старшего сына грозного имама Кавказа, по воле которого тридцать лет подряд лилась русская кровь. Раненый при погоне, маленький Джемал-Эддин был взят русскими в плен, доставлен в Петербург и определен Императором Николаем Павловичем сначала в Александровский, затем в Первый кадетский корпус. Прослушав курс в Пажеском корпусе, сын мятежного имама был выпущен в армию и служил поручиком во Владимирском полку. За годы учебы и службы он забыл свои горы, великолепно говорил на нескольких языках и увлекся высшей математикой. Однако случилось так, что его средний брат, Казим-Магома, совершил набег на Цинандали в Кахетии и захватил обоз, в котором ехали в Тифлис две княгини – Орбелиани и Чавчавадзе. В обмен на пленниц Шамиль запросил выдать ему старшего сына. Старейший имам

рассчитывал передать ему священное знамя войны с неверными. Судьба Джемал-Эддина, к сожалению, трагична. Воздух гор не сделал его снова правоверным чеченцем, ненавидящим русских, как полагал его отец, поэтому, подвергаемый насмешкам и поношениям, он погиб от туберкулеза, заточенный в каменной башне.

Началась Восточная война в 1854 году, и полк снова отзывают из уютного хлебосольного Торжка сначала в Польшу, а затем к австрийской границе в местечко Ленчицах.

Практического участия в Восточной войне полк не принимал. Когда шли самые кровопролитные бои за Севастополь, в связи с большими потерями, офицерам кавалерии было предложено перейти в пехотные полки, находящиеся в Крыму. Из владимирцев вызвались и уехали в Севастополь два корнета – Волков и Балабинский.

Так как шеф полка Великий Князь Михаил Павлович скоропостижно скончался 28 августа 1849 года, то 19 сентября полку был назначен новый шеф – Великий Князь Михаил Николаевич, соответственно изменилось и название полка по имени нового шефа.

До похода за Балканы, в котором полк принимал участие в составе отряда Цесаревича Александра Александровича, из наиболее примечательных, заслуживающих внимание фактов полковой истории следует отметить командование полком Его Высочества принца Николая Петровича Ольденбургского в 1868–1870 годах. Прослуживший достаточно в армии, переведенный из Александрийского гусарского полка, новый командир был отважным наездником и глубоким знатоком лошадей, прекрасно знал строй, быт офицеров и солдат. Считая, что главное в кавалерии это дух беззаветной удали, смелость и умение разумно распорядиться силами коня, а развить эти качества можно было только скачками и ежедневной ездой, командир не жалел для этого ни сил, ни средств. Сперва он ввел скачки как приятное времяпрепровождение, затем как служебную обязанность, и, наконец, облек все это в форму спортивных состязаний. Не считаясь с большими расходами на призы для офицеров и нижних чинов за выездку лошади и за скачки, он

разработал замечательные правила для соревнований. Суть их заключалась в следующем:

- офицер в езде испытывается на двух лошадях, одна из которых казенная, вторая собственная, причем обе лично им выезженные;
- в скачке испытание производится на собственной лошади в полном снаряжении, до скачки участники проверяются в манежной езде, затем совершают переход в 45 верст за 4,5 часа и только тогда допускаются к скачке на 1 версту с двумя препятствиями. Призы, первый в 1000 рублей, второй в 200, выдаются только на третий день, когда комитет скачки удостоверится, что лошадь во всех отношениях не загнана, а значит, систематически тренирована.

Даже оставив полк, принц Ольденбургский ежегодно присылал деньги для награждения победителей призами. Любовь принца Ольденбургского к лошадям вселила во владимирцев стремление сделать коня своим спутником и боевым товарищем, ставя первую, наиглавнейшую задачу – следить за конем, как за зеницей ока. Вот почему они всегда щеголяли прекрасным состоянием своих коней. Да и все последующие командиры полка были прекрасными кавалеристами и знатоками лошадей, поддерживавшими на высоком уровне подготовку полка.

В 1875 году командиром полка становится Иван Михайлович Бехтеев, также из 5-го Александрийского гусарского полка. Под его командой владимирцы стяжали победные лавры в предгорьях Балкан, запечатлев своей кровью бранные дни за освобождение Болгарии. В отряде Цесаревича они переправились через Дунай и прикрывали древнюю столицу Болгарии Тырново от турок. Здесь было немало славных дел, где уланы дали достойный отпор башибузукам и черкесам. В январе уланы переходят Балканские хребты и еще год после заключения мира несут службу по очистке района от шаек разбойников, в которые входили остатки турецкой армии.

Двадцать первого июля 1878 года владимирцам были пожалованы знаки на шапки: «За отличие в Турецкую войну 1877–1878 гг.».

Со вступлением на престол Императора Александра Александровича была проведена реформа кавалерии. Все полки были переименованы в драгунские, и, соответственно, изменена форма,

приведенная теперь к единому для всей кавалерии виду. Полк отныне стал называться 38-м Владимирским драгунским Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полком. Эта реформа была крайне непопулярна в армии: многие офицеры, гусары, уланы возмущались и даже покинули ряды полков, считая эти мероприятия отказом от полковых традиций. Другие носили днем новую форму, а приходя домой, переодевались в любимую старую и так коротали вечера. Жизнь полка продолжалась, и возобновились прерванные на время Турецкой войны скачки и состязания на призы принца Ольденбургского. Победы на ипподромах Москвы, Петербурга и Красного Села зачислили многих владимирцев в списки выдающихся спортсменов.

В 1881 году полк переходит к своему последнему месту стоянки в город Ново-Минск, в Польшу. Здесь уже было начато строительство каменных казарм и добротных конюшен. Эту стоянку полк не покидал до начала Великой войны.

До самого 1914 года владимирцы, которым в 1907 году было возвращено наименование – 13-го Уланского полка, в боевых операциях участия не принимали. Русско-Японская война прошла мимо них, поэтому на момент назначения командиром полковника Карла Густава Маннергейма, полк находился в прекрасном состоянии, однако особого внимания на отработку тактических приемов ведения боевых действий, исходя из опыта последней войны, никто из офицеров не обращал. Причинами этого были, в первую очередь, незнание особенностей военных операций Японской войны, ввиду отсутствия боевого опыта, а во вторых, отсутствие у офицеров полка особого желания менять привычный мирный образ жизни на будни боевой подготовки. Но опыт дальневосточной войны и надвигающаяся угроза с Запада настоятельно требовали изменений в тактической подготовке войск. Надо отдать должное тем офицерам, участникам боев в Маньчжурии, таким как Маннергейм, которые сделали все возможное, чтобы подготовка эскадронов, батальонов и батарей была доведена до степени совершенства. Использование в военных действиях дальнобойной артиллерии и пулеметов подразумевало развитие искусства применения войск

к местности, самоокапыванию и стрельбе. Поэтому основу своей работы с полком Маннергейм видел в обучении солдат действиям в спешном виде и упражнениях в стрельбе. Как показал опыт боев в войне 1914–1918 годов именно эти качества кавалерии оказали ей неоценимую услугу на фронтах.

Действия в конном строю, коими прекрасно владели все кавалерийские полки, требовались только при преследовании противника, прямая конная атака в условиях хорошо оборудованной оборонительной позиции была смертельна и безрезультатна. Поэтому так важно было приучить кавалерию приспособляться ко всем условиям современного боя, одинаково хорошо действуя как на конях, так и в пешем строю. Но при этом не превращая конницу в «ездящую пехоту»!

Два года пребывания Маннергейма командиром славного Владимирского полка не прошли даром. Полк был отмечен инспектором кавалерии за выдающиеся результаты в боевой подготовке, а полковнику Маннергейму было предложено место командира лейб-гвардии Уланского Его Императорского Величества полка с производством в чин генерал-майора. Это было значительное повышение, желанное для любого офицера. Так заканчивалась его служба в славном 13-м Владимирском уланском полку, основанном еще Великим Петром. Им предстоит встретиться снова в 1914 году, когда Маннергейм будет командовать гвардейской кавалерийской бригадой, а владимирцев придадут ему в усиление. А пока Маннергейм направлялся в Варшаву для вступления в новую должность.

ВАРШАВСКИЕ ЛЕЙБ-УЛАНЫ

*Недаром кровью и трудами
Мы заслужили у Царя
Штандарты с белыми крестами
И трубы все из серебра.*

*Песня л.-гв. Уланского
Его Величества полка*

«Помните, чье имя носите!»

*Обращение Вел. Кн.
Константина Павловича
к уланам в день Аустерлица*

Итак, Варшава! «О, сколько в этом звуке» было романтического и загадочного. Да, действительно, Варшава занимала особое место среди городов Российской империи. Столица, хоть и существующего лишь номинально Царства Польского, Варшава всегда отличалась неповторимостью и торжественностью, присущей лишь первым городам в любой стране. Три с половиной года, проведенных Маннергеймом в Варшаве, оставили в его сердце самые теплые воспоминания. Тесные и узкие улочки – Рыцарская и Пивная, Иезуитская и Поварская, выводят вас в тишину Старого Города

(Старо Място), с его древней рыночной площадью и готическим собором Св. Яна XIV века. Непосредственно примыкающий к нему Новый Город (Ново Място), – это уже переплетение архитектурных стилей, принесенных сюда итальянскими мастерами – готические костелы и монастыри с парадными интерьерами в стилях барокко и классицизма, уходящие вдоль улицы Краковское предместье. За ней располагается новый городской центр Варшавы с правильными, по-европейски прямыми кварталами, зданиями в стиле неоклассицизма, ансамблями площадей Театральной и Банковской.

Еще дальше по окружности уходят улицы, застроенные в духе начала XX века, эклектике и модного тогда модерна. Варшава была для Маннергейма вторым Петербургом, да простят меня варшавяне. Он снова возвращался в высшем свете. Он снова имел возможность регулярно посещать театр и жить настоящей столичной жизнью. На широких проездах Уездовских аллей шумели цукарни и магазины, а сердце волновала ослепительная красота польских паненок. Можно не спеша прогуливаться по прекрасному и огромному парку Лазенки, с его английскими газонами, дворцами, павильонами и театром, с его прекрасными рощами, спускающимися к Висле.

Можно заглянуть и послушать оперу в знаменитом Большом Варшавском Театре – Вельки, а можно насладиться Шопеном в филармонии. Давно отгремели отзвуки польских мятежей, и лишь громкие названия дворцов древних шляхетских родов – Радзивиллов и Потоцких, Оссолинских и Красиньских, Чарторыжских и Тышкевичей напоминают о былой силе и былом величии Речи Посполитой, о том, что была панская Польша серьезным противником для московских царей. Его Уланский полк размещался совсем рядом, в Мировских казармах, а все разводы и построения производились на Саксонской площади, что между особняком Чарторыжских и зданием университета. Коней водили на водопой на Вислу через те же рощи Лазенки, где в старые времена размещалась деревня Секерки. Все эти названия вы и сегодня можете увидеть на карте современной Варшавы.

Маннергейм был сразу принят во многих аристократических домах Варшавы. Молодой генерал, а Маннергейму было всего сорок три года, сразу стал пользоваться особой популярностью в высшем

обществе. Особенно тесной была его дружба с княжеской четой Любомирских. Поговаривали, что с Марией Любомирской, женой князя, его связывали и более нежные отношения. Вместе с тем, он сделался завсегдатаем варшавского охотничьего клуба, что также было очень почетно. Где-то далеко позади остались годы скитаний по горам Китайского Туркестана и годы службы в захолуственном Ново-Минске. Здесь жизнь бурлила и кипела.

Практически одновременно с назначением на должность командира лейб-гвардии Уланского полка 31 декабря 1910 года (13 января 1911 года), примерно через месяц, Маннергейм, в соответствии с придворным этикетом, отправился в Петербург и представился Императору как вновь вступивший в должность командир гвардейского полка, тем более что шефом полка был сам Император. Здесь же он был произведен в генерал-майоры 13 (26) февраля 1911 года и утвержден в этой должности.

Надо сказать, что Варшава в то время была действительно одним из центров культурной жизни России. Являясь, по тем временам, огромным городом с населением около миллиона человек (*по официальным данным 845 тыс. чел. в 1913 г. – БСЭ, т. 20, 1975 г.*), Варшава славилась университетом, Варшавским научным обществом, национальной библиотекой, несколькими театрами, филармонией, консерваторией, музеями и выставочными залами. Устанавливались памятники Копернику (1828– 1830), Мицкевичу (1898), Шопену (1907). Здесь творили Г. Сенкевич и Б. Прус. Ставились оперы Моношко, и везде, конечно, звучал Шопен.

С 1817 года, то есть с момента создания Царства Польского, из уроженцев польских и литовских губерний была сформирована Варшавская гвардия, в состав которой вошли вновь сформированные лейб-гвардии Волынский и Литовский полки, лейб-гвардии Уланский полк, Подольский кирасирский полк и Гвардейская батарея артиллерийской роты. Позднее к Варшавской гвардии были присоединены: лейб-гвардии Гродненский гусарский полк (в 1824), с 1831 года – Гренадерский Императора Австрийского полк (в 1894 году получивший права гвардии и именованный – лейб-гвардии Кексгольмский Императора Австрии полк) и

Гренадерский Его Величества короля Прусского полк (также в 1894 году получивший права гвардии и именованный – лейб-гвардии Санкт-Петербургский полк). Гвардейские части пехоты, артиллерии и саперов с 1817 года стали носить мундиры с лацканами (лацкан – нашивной, пристегивающийся или сделанный путем отворота бортов тканевый нагрудник). При этом частям варшавской гвардии был присвоен лацкан желтого цвета, (кавалерии – прибор* желтого цвета), а вместо кожаных краг им было повелено иметь суконные, в связи с этим варшавские гвардейцы получили прозвище – «суконная гвардия» или «желтая гвардия». Как мы знаем, все основные гвардейские части, и пехота, и кавалерия, находились в столице, отсюда можно сделать вывод, какой высокий статус в русском обществе и в высших его кругах имела Варшава, коль была обеспечена «собственной» гвардией. И я не думаю, что присутствие именно гвардейских частей, объяснялось ненадежностью положения в Польше и в самой Варшаве после двух мятежей. Если бы обстановка действительно была сложной и требующей постоянной боеготовности – с этим отлично бы справились и простые армейские полки и батареи, в конце концов, можно было просто увеличить их число. Нет, здесь все дело в престижности службы. Раз вся гвардия в столице, значит и Варшава имела почти столичный статус.

Вот так начиналась служба Маннергейма в качестве командира лейб-гвардии Уланского Его Величества полка и уже в генеральском звании. Перед Великой войной лейб-уланы входили в состав Отдельной кавалерийской гвардейской бригады. Вместе с ними были лейб-гвардии Гродненский гусарский полк и 3-я Великого Князя Георгия Михайловича батарея лейб-гвардии Конной артиллерии.

История лейб-гвардии Уланского полка уходит в 1803 год, когда Цесаревич Константин Павлович, увидев на параде в Петербурге красивую форму австрийских улан, испросил разрешение Императора сформировать такой же полк в русской кавалерии. В то время планировалось увеличить количество гусарских полков как легкой

---

* Металлические части мундира (галуны, нашивки, вензеля и т.д.) – золотые или серебряные (желтого или белого металла).

кавалерии, и в Киевской губернии было собрано по два эскадрона гусар от полков: Сумского, Ахтырского, Изюмского и Мариупольского. Новый полк, доведенный за счет рекрутов до 10-эскадронного состава, должен был получить название Одесского гусарского, однако Высочайшим приказом от 11 сентября 1803 года стал именоваться – Уланский Е.И.В. Цесаревича и Вел. Кн. Константина Павловича полк. Для обмундирования полка были приглашены из заграницы портные, и Цесаревич лично следил за пошивом, стараясь превзойти по красоте и щеголеватости мундиров виденных им австрийских улан, невзирая на высокую стоимость снаряжения. Первым командиром полка был назначен генерал-майор барон Меллер-Закомельский. Эскадронных командиров отбирал сам Цесаревич. Первым эскадроном командовал полковник граф Гудович, вторым – полковник Чаликов, третьим – полковник Четвертинский, четвертым – полковник Перич, пятым – ротмистр Де Симон, шестым – ротмистр Ганнеман и так далее. Одетый «с иголочки», полк с весны 1804 года начал непрерывные шестимесячные полевые занятия, с двухмесячным отдыхом на травах. Затем полк представился Цесаревичу, потом последовали зимние занятия в пешем строю и верховой езде в манеже. Весной 1805 года полк сначала вышел на травы, а затем на двухмесячные занятия. Но трубачи сыграли «Поход», и полк выступил на свою первую войну, войну с Наполеоном, горя желанием поддержать славу русского солдата и побыстрее заслужить доброе имя своему молодому полку.

Боевое крещение полка произошло на поле Аустерлица. Мы не будем повторять описание битвы, ибо оно достаточно подробно освещено в главе, посвященной кавалергардам. Скажем лишь, что Уланский полк также спасал русскую гвардейскую пехоту и заплатил за это дорогой ценой: убитыми 195 человек и 350 лошадей, ранеными и выбывшими из строя 411 человек и 300 лошадей, а ранеными и оставшимися в строю – 113. Общие потери полка в день Аустерлица составили – 606 человек. Есть замечательное стихотворение, написанное офицером полка ротмистром Люце и посвященное подвигу улан при Аустерлице. Оно более чем красноречиво описывает ход событий:

Наш полк в колонне хоронили.
Пришел и нам идти черед.
Уж солнце на полдень клонило,
Когда нас двинули вперед.

И рады ж были!... Мы смеялись,
Что, мол, без нас не кончить спор.
Заржали кони... застоялись,
Ну, так и рвутся на простор.

Заколыхались стройно пики,
Летят по ветру флюгера,
А там, – пальба и дым и крики, –
Француз идет уж на «ура».

Вдруг, смотрим, скачет к нам один,
Сам Цесаревич Константин:
«Ребята! Помните, – вскричал он, –
Чье имя носите! Смотри,

Не выдавай!» – и ускакал он,
Перекрестив нас раза три.
Любили же его уланы!
Для нас он был отцом родным,

Мы за него на смерть и раны
Неслись, как звери, в самый дым.
Пехота наша отступала
Когда мы к флангу подошли;

А сколько там ее лежало,
Когда в атаку мы пошли!
Француз уж близко, напирает,
Толпами лезет на окоп.

Запел сигнал – поход играют;
Мы фронт построили в галоп,
Нагнулись пики... и помчались
Французу прямо в самый лоб.

Уж что тут было! С кем встречались,
Кого кололи, кто рубил
И вспомнить трудно, – позабыл.
Так пронеслись мы меж рядами

Французских старых гренадер,
Они встречали нас штыками,
А мы неслись во весь карьер,
Как вихорь! Сквозь ряды пробились

И в батарею прорубились,
А там в резервные полки.
Не мало взяли на штыки!
Погибло много в этом деле.

Ряды совсем уж поредели,
Когда мы бросились назад.
Смешалось все... Полки бежали,
Стреляли и вперед, и взад,

Трубили трубы, кони ржали,
Земля от выстрелов дрожала,
Француз кричал: «виват!»
И мы опять сквозь дым и пули,

Как будто в рубке отдохнули,
Обратно понеслись.
Как мы назад к своим пробились,
Как только мы спаслись. –

Тому и свой, и враг дивились,
Когда мы собрались.
Бой затихал... Замолкли пушки.
Стрельба утихла. У леска

Вразброд сбিরались на опушке
К знаменам русские войска.
К своим штандартам подобрались
Остатки нашего полка.

Кто без лядунки, кто без шапки,
Кто саблю в рубке поломал,
Кто флюгер изорвал на тряпки,
Чей конь, израненный, хромал.

Мантейфель наш стоял уныло
И сбор напрасно подавал, –
Собрались все, – нас триста было.
И граф к себе нас подзывал,

Благодарил и целовал.
И Цесаревич к нам подъехал,
Пересчитать нас приказал,
И сам по всем рядам объехал

И со слезами нам сказал:
«Спасибо вам, друзья Уланы!
Не посрамили вы меня.
Уж не забудут басурманы

Атаку нынешнего дня!»
И поскакали адъютанты,
Отдать приказ по все войскам,
Чтоб заиграли музыканты
И чтобы честь отдали нам.

Сам Цесаревич перед строем
Встал и повел нас вдоль полков;
Нам честь отдали как героям.

Вот полк Уланский был каков!
Вот как рубились в наше время!
Француз нас не любил:
Уж коли вставил ногу в стремя, –
Улан, как черт, рубил.

Это был единственный случай отдания воинской чести всей армией одному полку. Вот каким было боевое крещение Уланского полка. Эпизод, описанный в стихах, действительно имел место. Слова Великого Князя Константина – «Помните, чье имя носите!» – стали девизом полка, его путеводной звездой через все годы войн, сражений и мирного времени. О них вспоминали всегда, когда предстояло трудное, опасное дело, и это было лучшей агитацией и вдохновляло солдат и офицеров на беззаветное служение Отчизне, на готовность к самопожертвованию. Позднее, когда шефами полка становились последовательно все русские императоры, эти слова, как ничто другое, соответствовали действительности.

За Аустерлицкую атаку в 1806 году полку были Высочайше пожалованы 24 серебряные трубы с орлами. Командир полка получил орден Св. Анны 1-го класса, вступивший в командование полком вместо раненого в бою генерал-майора барона Меллер-Закомельского полковник граф Мантейфель – Св. Георгия 4-го класса, еще 10 офицеров были также награждены орденами. Особо отличившийся уланы, 221 человек, были представлены Цесаревичу. Знаков отличия военного ордена в то время еще не имелось. Этот орден был учрежден лишь 13 февраля 1807 года.

По окончании кампании и заключении перемирия с Наполеоном Уланский полк со всей гвардией отправился на зимние квартиры в окрестности Петербурга и разместился в Стрельне, Петергофе, и Ропше. Штаб полка стал непосредственно в имении Великого Князя Константина в Стрельне.

При штабе* была организована военная школа, к которой прикомандировывались офицеры других полков для изучения порядка воинской службы – уставов тогда еще не существовало. Кроме повседневных занятий по езде, фланкировке (владению оружием), занятий пешим строем и выезде лошадей, уланы несли еще караульную службу в Петербурге, еженедельно отправляя туда по два эскадрона.

В начале 1807 года, как раз перед началом очередной кампании против Наполеона, командиром полка был назначен опытный офицер, участвовавший в битве при Аустерлице в качестве командира эскадрона и получивший ранение в том бою, полковник Чаликов. 17 февраля полк уже выступил в поход. Весь путь до границы во главе первого эскадрона шел сам Цесаревич и своим строгим соблюдением формы подавал пример и полку, и всей гвардии.

В первых сражениях той кампании полк находился в резерве, но понес первые потери – шальными пулями был убит один офицер и один улан. Таким образом, даже не участвуя в деле, полк ощутил на себе смертоносное дыхание войны. Зато следующее сражение под Фридландом уже не обошлось без участия уланы.

В первый день сражения уланы Цесаревича и Драгунскому Военного Ордена полку было приказано захватить мост через реку Алле, ведущий напрямиком к Фридланду. Выскочив первыми к мосту, уланы 3-го эскадрона попытались захватить его сходу. Но обнаружили, что настил моста разобран и сам мост находится под залповым огнем противника. Тогда быстро спешивается корнет Старжинский, вызывает добровольцев и, не обращая внимание на свистящие над головами пули, смельчаки начинают стелить доски. 3-й эскадрон прорывается за мост, за ним все остальные. За мостом уланы рассыпаются влево, вправо и колот, и рубят оборонявшихся спешенных французских драгун. Затем врываются в город, несутся по улицам и, вылетев на одну из площадей, встречают на ней несколько эскадронов французских драгун. Останавливаться некогда! И, несмотря на то, что драгуны успевают дать залп в упор, сходу

---

* Мы сейчас можем наблюдать прекрасно отреставрированный к 300-летию Петербурга Константиновский дворец – современную резиденцию президента России В.В. Путина. Здесь как раз и располагался штаб Уланского полка.

берут их в пики. Драгуны поворачивают и уходят из города. Уланы преследуют их, и когда выскакивают за околицу, то видят перед собой целый полк гусар. Успев перестроиться во фронт, уланы с новой силой бросаются в атаку. Гусары не выдерживают и отходят за вторую линию, которую уже выстроили выбитые из Фридланда драгуны. Уланы, не останавливаясь, сметают одну линию за другой. Так окончился первый день битвы.

На следующий день, 2-го июня, на той же равнине за Фридландом снова разыгрался кровопролитный бой. Уланский полк, находясь на правом фланге, участвовал во всех атаках вместе с лейб-гусарами, лейб-казаками и александрийскими гусарами, пока, наконец, перевес сил неприятеля не заставил отступить. Мосты были сожжены и войска переправлялись ночью вплавь, под градом пуль и ядер. Тяжело пришлось всем: и людям, и коням.

В том бою полк потерял 187 человек и около 300 лошадей. За Фридландский бой командир полка и еще 4 офицера получили ордена Св. Георгия, многие офицеры – золотое оружие, а 181 улан – Знаки отличия военного ордена.

Вскоре было заключено перемирие, а затем, 27 июня, Тильзитский мир. Войска разошлись по квартирам, и 9 августа Уланский полк прибыл в Петербург. Отдых после похода был недолгим, и уже 8 мая следующего 1808 года второй батальон Уланского полка выступил в Финляндию, где началась война со шведами. Уланы участвовали во взятии города Куопио, где затем был оставлен в качестве гарнизона 6-й эскадрон ротмистра Кирцелли, а остальные, в составе отряда генерала Барклая-де-Толли, отправились в глубь страны, испытав все «прелести» похода по диким скалам и дремучим лесам, несли сторожевую и разведывательную службу и, наконец, участвовали в деле у озера Куортане. Оставшийся в Куопио 6-й эскадрон дважды участвовал в отражении нападений шведов, а посланный в разведку взвод корнета Лопатинского был окружен и в отчаянной рукопашной схватке, потеряв половину улан и офицера, прорвался к своим.

После заключения мирного договора 2-й батальон вернулся в Петербург. В эту кампанию было потеряно около 50 человек и

160 лошадей. Все эскадронные командиры 2-го батальона получили ордена, а 16 уланов – Знаки отличия военного ордена.

Высочайшим приказом от 12 декабря 1809 года Уланскому Цесаревича полку за заслуги в трех кампаниях даны права Старой гвардии. Вместе с тем, полк был разделен на два – лейб-гвардии Уланский и лейб-гвардии Драгунский, который впоследствии стал лейб-гвардии Конногренадерским. Командиром улан остался генерал-майор Чаликов.

Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала; еще Наполеон
Не испытал великого народа –
Еще грозил и колебался он.
Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались,
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... И племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

А.С. Пушкин

Уланский полк отступал вместе со всей армией. В тяжелых арьергардных боях накапливалась ненависть к захватчикам. Уланы видели сожженные деревни, поруганные православные храмы и рвались в бой. В первой же схватке с французами при селе Довигоне они отличились храбростью и отвагой и были отмечены 17-ю Знаками отличия военного ордена. Кроме больших сражений при Бородино и Красном, полк в 1812 году участвовал более чем в двадцати арьергардных боях.

При Бородино полк состоял в 1-м кавалерийском корпусе генерала Уварова и удачно участвовал в некоторых атаках. Потери полка в Бородинском сражении были минимальны. Запасной эскадрон вместе с остальными запасными других кавалерийских полков на-

ходил в составе корпуса Витгенштейна, прикрывавшего направление на Петербург. В боях под Полоцком эскадрон способствовал взятию 22-х неприятельских знамен.

Зато пять дней непрерывных боев под Красным вписали очередную яркую страницу в боевую летопись полка. Вот как все происходило:

– *3 ноября*: атаками эскадронов полка обращено в бегство две пехотные колонны французов. Нанесен значительный урон и взято в плен 2 штаб-офицера, 8 обер-офицеров, до 500 рядовых. Кроме этого, захвачено орудие и одно знамя.

– *4 ноября*: полк участвовал в общей атаке на корпус французского вице-короля, при которой неприятель потерял всю артиллерию.

– *5 ноября*: полк атаковал пехотную колонну, успевшую выстроиться в каре (боевое построение пехоты четырехугольником для встречи кавалерии), под сильным огнем прорвал фронт и обратил в бегство. При этом взял добычу: 1 штаб-офицера, 3 обер-офицеров, около 100 рядовых, 2 знамени и весь обоз – с жезлом маршала Даву и казной в 31 тысячу рублей. Из отбитого в обозе серебра были сделаны ризы на икону, хранившуюся в эскадроне Его Величества.

– *6 ноября*: четвертый день полк в непрерывных атаках. На этот раз проходила колонна маршала Нея. Ее батареи успели дать только один залп, как были окружены и обращены в бегство. Большая часть пехотинцев была изрублена на месте, остальные сдались в плен. Захвачено 5 орудий. В это время показалась новая колонна французов из двух с половиной пехотных полков. Лейб-уланы оказались рядом с Павловскими гренадерами. К ним подскочил генерал Милорадович и крикнул: «Ребята! Послезавтра я именинник и мне нечего подарить вам, – дарю вам эту колонну!» Не успев отдышаться от первой атаки, уланы снова кинулись на врага. Ожесточенные уланы рубили без пощады. Взято 29 офицеров, 256 нижних чинов и знамя.

– *7 ноября*: сводный отряд из трех эскадронов от Лейб-улан, Лейб-гусар и Лейб-драгун без единого выстрела принудил сдаться целую колонну французов в составе 26 офицеров и 2600 нижних чинов.

Общий итог пяти дней боев улан под Красным, где русская армия гвоздила наполеоновское войско, спасавшееся бегством из России, составил: 43 офицера, 3456 рядовых, 4 неприятельских знамени, 6 орудий, маршальский жезл, казна и большой обоз.

Весьма лестно отзывался о действиях кавалерии корпуса генерал Милорадович в своих рапортах Главнокомандующему: «Три гвардейских полка 1-го кавалерийского корпуса, а преимущественно лейб-гвардии Уланский полк, почти в каждом авангардном сражении ходили в атаку и каждый раз, разрушая колонны неприятельские, из среды оных исторгали пушки и знамена... Блистательная храбрость, усердие к службе и множество трофеев неприятельских, приобретенных мужеством и трудами сих прямо русских солдат, обязывает меня ходатайствовать у Вашей Светлости о доставлении сим кавалерийским полкам Георгиевских штандартов... Сии лестные воинские награды наполняют чувствами живейшей признательности сердца тех, которыми ими удостоены будут и послужат в поощрение прочим, переходя в позднейшие времена».

Высочайшим приказом 13 апреля 1813 года полку были пожалованы Георгиевские штандарты с надписью: «За взятие при Красном неприятельского знамени и за отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года».

Четыре офицера получили ордена Св. Георгия 4-го класса, многие офицеры получили золотое оружие и ордена, а 156 улан – Знаки отличия военного ордена.

После перехода границы полк был доведен до 6 эскадронов при одном запасном и продолжил свой поход дальше, к сердцу Франции – Парижу. На его славном пути еще были Кульм, Сомпюи и Фер-Шампенуаз.

Как и при Аустерлице к полку подъехал Цесаревич Константин и сказал: «Ну, ребята, не выдавай! Я всегда надеялся на вас!» Полк рванулся вперед и рассеял вражескую колонну около 2000 человек. Свыше пятисот французов были взяты полком в плен при Кульме. Наградой стали 38 орденов для офицеров полка, и 20 уланов получили Знаки отличия военного ордена. Кроме того, все получили от короля Пруссии железные кресты.

Одиннадцатого марта, при селе Сомпюи, полк схватился с отступавшим к Парижу корпусом Макдональда: прорвал выстроившееся каре, изрубил прислугу орудий и захватил около 400 пленных и 20 пушек.

Еще через день, 13 марта, совместно с кавалергардами и кирасирами Его Величества, лейб-уланы атаковали по центру позиции французов при Фер-Шампенуазе. Предложения о сдаче были отвергнуты, а посланный на переговоры парламентар – убит. Тогда все с неописуемой яростью налетели на французов и рубили их без всякой пощады. Только вмешательство Императора смогло остановить кровавую бойню.

За бои 11 и 13 марта Уланский полк получил Георгиевские кресты на серебряные трубы, почти все офицеры – боевые награды, в том числе командир – генерал-майор Чаликов – орден Св. Георгия 3-го класса, 5 офицеров – ордена Св. Георгия 4-го класса, а 30 уланов – Знаки отличия военного ордена.

Так закончилась тяжелая, но славная геройскими подвигами Отечественная война. После двух месяцев отдыха в Париже полк потянулся назад в Россию. Лошади были измучены, многие поранены, потому двигались очень медленно, небольшими переходами по 12–15 верст в день. Через два месяца после выступления на родину, в районе города Рудольфштадта, полк достиг Высочайший приказ о разделении. Два эскадрона командировались в Варшаву, в гвардейский отряд Цесаревича. Всего в составе откомандированного дивизиона числилось 16 офицеров и 330 нижних чинов. Вместе с кавалерией, под общим начальством генерал-майора Андреевского, отправлялись по одному батальону от лейб-гвардии Литовского и лейб-гвардии Финляндского пехотных полков и 4 орудия лейб-гвардии Конной артиллерии*.

Семнадцатого сентября 1814 года Сводный гвардейский отряд под командой Цесаревича с музыкой вступил в Варшаву, проходя в образцовом порядке церемониальным маршем перед генерал-фельмаршалом Барклаем-де-Толли. Горько было, конечно,

---

* О пехотных полках более подробно рассказывается в книге «Забывтая слава пехотных полков Ораниенбаума».

*Варшава. Лейб-гвардии Уланский полк.
Смотр полка полковником Маннергеймом*

*Варшава. Лейб-гвардии Уланский полк.
Командир полка Маннергейм*

Барон Маннергейм в своем кабинете в Варшаве

Варшава. Семейный обед

Ген.-майор
Л. Н. ф. Баумгартенъ.

Полковникъ
Н. Н. Бенуа.

Полковникъ
В. В. ф. Ремеръ.

Полковникъ
К. М. ф. Вольфъ.

*Командиры л.-гв. Уланского Его Императорского Величества полка
Генерал-майор Л.Н. фон Баумгартен, полковник В.В. фон Ремер, пол-
ковник К.М. фон Вольф, полковник Н.Н. Бенуа*

*Унтер-офицер и улан
1830–1840-х гг.*

*Обер-офицеры
л.-гв. Уланского
Его Императорского
Величества
и Уланского Принца
Фридриха Виртемберг-
ского полков в обычной
форме. 1868 г.*

*Генерал л.-гв. Уланского
Его Императорского Величества
полка в городской парадной форме.
1863 г.*

*Штандартный унтер-офицер
л.-гв. Уланского
Его Императорского Величества
полка (парадная форма). 1876 г.*

*Трубач л.-гв. Уланского
Его Императорского Величества
и унтер-офицер л.-гв. Уланско-
го полков (парадная и походная
формы). 1871 г.*

*Обер-офицер л.-гв. Уланского
Его Императорского Величества
полка в походной форме. 1869 г.*

*Штаб-офицер л.-гв. Уланского и
обер-офицер л.-гв. Уланского
Его Императорского Величества
полков. Парадная и походная формы.
1871 г.*

Офицер Уланского полка на лошади

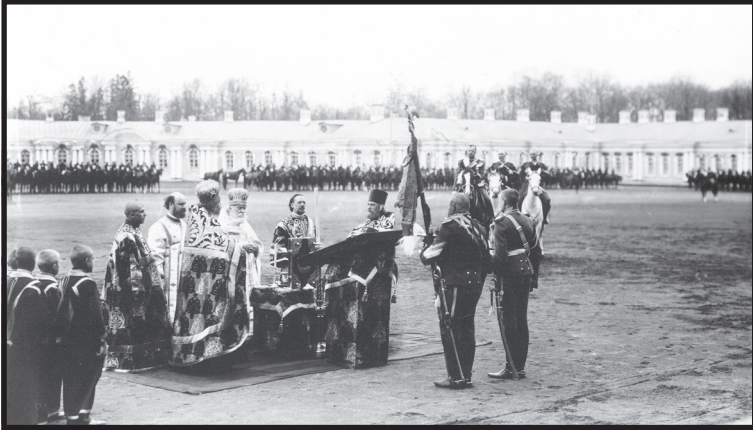
Нагрудный знак полка
(для нижних чинов)

Нагрудный знак
л.-гв. Уланского Его
Величества полка
(офицерский)

Взятие французского «Орла» 6 ноября 1812 г. под г. Красным
корнетами Карачаровым, бароном Большвингом и рядовым Дарченко

Царское Село. Высший полковой офицерский состав во время богослужения. 1909 г.

Красное Село. Молебен перед началом парада. 7 мая 1909 г.

*Построение кавалерии, обходившей рощу
(боевой порядок под Гроховым)*

Атака 2-го дивизиона улан Цесаревича под Гроховым

*Ветераны л.-зв. Уланского Его Императорского Величества полка.
1903 г.*

*Офицеры полка с ветеранами полка службы 1877–1878 гг.
1903 г.*

*Офицеры полка
ждут прибытия
Императора
Николая II в день
250-летия полка.
11 сентября
1903 г.*

*Офицеры полка с Великим Князем Михаилом Александровичем
в день 250-летия полка*

Группа прусских офицеров, приехавших на празднование 250-летия полка у дворца

Офицеры германской кавалерии, прибывшие на празднование 250-летия полка

Группа конных улан в исторических формах

*Вывос полковых штандартов во время парада
в день празднования 250-летия полка*

Император Николай II на богослужении в день празднования 250-летия полка

Молебен по случаю 250-летия полка

*Командир полка
генерал-майор
фон Баумгартен
встречает гостей,
приехавших на
празднование
250-летия полка*

Император Николай II пьет чарку за процветание в день 250-летия полка. Рядом командир полка генерал-майор фон Баумгартен

*Красное Село. Приезд полка из Варшавы в летние лагеря.
Построение полка. Впереди школа солдатских детей. 13 июня 1907 г.*

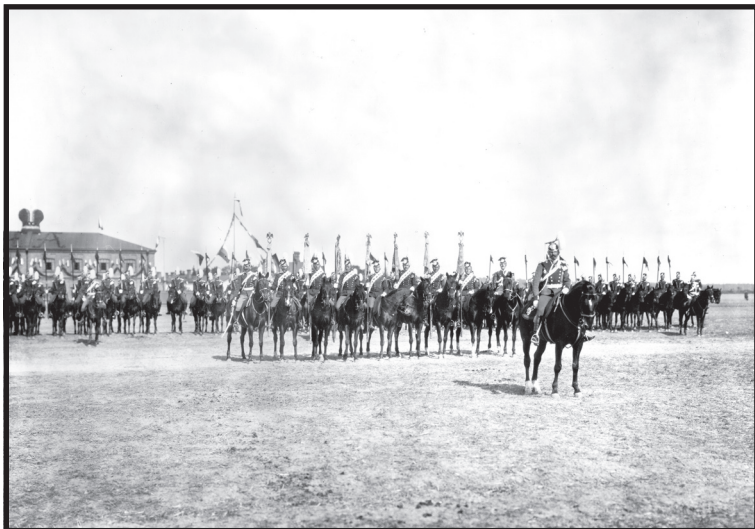
*Торжественное лагерное построение
в день прибытия полка из Варшавы. 1907 г.*

Освящение штандартов. Красное Село 1909 г.

Уланы с полковыми штандартами. Красное Село. 1909 г.

оказаться вместо Родины на чужбине, но зато и честь высока – остаться служить вместе с шефом полка – Цесаревичем Константином.

Уланы заняли Мировские казармы, неподалеку от Саксонской площади, где каждый день проводились разводы. Офицеры, унтер-офицеры и лучшие строевики из улан назначались инструкторами во вновь формируемые польские части, что не особенно нравилось полякам. Кроме того, при Уланском дивизионе была открыта первая школа верховой езды, в которую присылались на обучения офицеры и унтер-офицеры полков легкой кавалерии. О качестве подготовке самих улан можно судить по выдержке из приказа Цесаревича.

ПРИКАЗ ПО ВСЕЙ КАВАЛЕРИИ
Гор. Варшава, Апреля 29-го дня 1815 г.
№ 10

На бывшем сего числа здесь учении эскадронов л.-гв. Уланского полка Я видел сии эскадроны во всех отношениях в совершенстве, не говоря уже о виде их и порядке в содержании лошадей, которое быть не может лучше, но выправка людей, знание своего дела, как гг. офицеров, так и нижних чинов, равенство и быстрое исполнение команды превзошли все, что может быть лучшим в кавалерии и потому, с полною моею признательностью, объявляю Мою совершеннейшую благодарность ... всем гг. офицерам и нижним чинам, что и делаю известным по всей кавалерии.

Генерал-инспектор всей кавалерии
Константин

Формируя польские части, Цесаревич не забывал и о русских полках. Таким образом, все батальоны пехотных полков и дивизион лейб-улан были преобразованы в полки. Высочайшим приказом от 7 декабря 1817 года эскадроны Уланского полка стали именоваться – лейб-гвардии Его Императорского Высочества Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича полк, его шефом остался, ко-

нечно же, сам Цесаревич. В Варшаве расположилось 1079 человек, из них 36 офицеров и один генерал; в Модлине (Ново-Георгиевск) еще 61 человек пешего резерва при трех офицерах. Эскадроны, оставшиеся в Петербурге, были переформированы в лейб-гвардии Уланский полк, сохранивший старую общую форму, кроме шапок, цвет которых стал красным. А в Варшаве экипировкой нового полка занялся опять лично Цесаревич. Вместо золотого прибора дан был серебряный, шапки вместо синих стали желтые, флюгера – желтые с красным и так далее. Вообще основным цветом прибора для войск варшавской гвардии был принят желтый, что и в последующие года всегда отличало именно эти части во всей Русской армии.

Кроме Уланского Цесаревича полка, были сформированы:

- лейб-гвардии Подольский кирасирский полк – из эскадронов кирасирской дивизии,
- лейб-гвардии Гродненский гусарский полк – из эскадронов Гродненского гусарского,
- Польский конно-егерский полк.

Так была образована Варшавская кавалерийская дивизия.

В начале 1818 года в Уланский полк были присланы 22 Георгиевские серебряные трубы и Георгиевские штандарты с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года».

Все время проводились учения, оттачивая до автоматизма все способы маневра в конном строю. Варшавская кавалерия традиционно стала считаться лучшей по выучке в Русской армии. Лишь июнь месяц был самым легким, когда лошадей выводили на травы, а вместе с ними отдыхали и люди. В парке Лазенки, на берегу Вислы, была образована школа плавания, где обычно в июле тренировались целыми эскадронами переправляться через реку со всей амуницией. Рассказывают такой случай: Уланский полк однажды возвращался с учений под командой самого Цесаревича. Подойдя к Висле, Константин Павлович специально не подал команды «Стой». Тогда первый эскадрон, не получая сигнала остановиться, вошел в воду, а вслед за ним и весь полк. Так и переправились на другой берег.

За столь высокие показатели в своей подготовке полк был награжден еще 15-ю серебряными трубами с надписью: «Лейб-гвардии Уланский Его Императорского Высочества полк 1830 г.». Интересна судьба этих наград. В конце 1917 года бывший командир полка полковник Г.Н. Эристов, стремясь сохранить хотя бы часть из них от большевиков, доверил 24 трубы ротмистру полка Тадеушу Фалевичу с просьбой передать их в формировавшийся польский 30-й полк Варшавских улан, входивший в состав 1-го Польского корпуса генерал-лейтенанта Ю.Р. Довбор-Мушницкого. Эти трубы долгое время бережно хранились польскими уланами, стоявшими в Катовицах. После начала Второй Мировой войны дальнейшая судьба их неизвестна.

Несмотря на большую автономию, предоставленную полякам после раздела Польши в результате Венского конгресса, их, безусловно, никогда не оставляла идея восстановления своей независимости. Обстановка в Варшаве все более нагнеталась. Участились случаи оскорбления русских, и увольнения в город были сокращены до минимума. Вместе с тем, создаваемое при помощи русских офицеров новое польское войско, как раз и вселяло в поляков уверенность, что с его помощью им удастся скинуть ненавистных им «москалей». Франция, которая тешила себя надеждой взять реванш за поражение в наполеоновских войнах, тоже не оставалась безучастной наблюдательницей, а наоборот, самым активным образом настраивала поляков против России. Даже Пруссия и Австрия, владевшие частью бывших польских земель, где самим полякам жилось несравненно хуже, чем под русским Царем, также в известной степени подстрекали их к мятежу, надеясь, прежде всего, в случае неудачи русских, быстро прибрать к рукам все, что будет возможно. И конечно, не обошлось здесь без нашей вечной «союзницы» Великобритании.

Смена монарха и последовавшие за этим бунты в Петербурге и на Украине, Варшавы почти не коснулись, хотя многие офицеры варшавского гарнизона сочувствовали декабристам и были осуждены по делу о восстании на Сенатской площади. Мы рассказывали о том, как Великий Князь Константин Павлович отстаивал своего адъютанта, кавалергарда Лунина, привлеченного по делу декабристов.

Зато по мере того, как росло польское войско, росла и ненависть ко всему русскому, доходившая до открытой вражды. Случаи ссор, ругательств и драк на улицах становились все чаще и чаще. Амнистия для польских (но не русских!) офицеров – участников восстания декабристов только укрепила уверенность в слабости царского режима. Общая революционная ситуация в Европе как нельзя лучше была на руку заговорщикам.

Поводом для выступления послужил приказ вступившего на престол Николая Павловича о подготовке польских войск, совместно с русскими, к походу на Бельгию. Вечером 17 ноября 1830 года руководимые польскими офицерами юнкера пехотной школы, располагавшейся в Лазенковском парке, ворвались в Бельведерский дворец – резиденцию Великого Князя – с целью убить его. Однако Константину Павловичу удалось спастись. Вовремя заметивший начало мятежа подпрапорщик лейб-гвардии Волынского полка Аксюк успел предупредить сначала улан, затем кирасир, и, наконец, пробравшись через бурливший город, поднял свои пехотные полки. Тем не менее, не обошлось без жертв. Часовой – улан, видя подходивших к нему польских офицеров, в соответствии с уставом, взял саблю «на караул», и был безжалостно убит. На шум выскочили уланы и дружным натиском отбросили нападавших. В этой короткой, но кровавой схватке, уланы потеряли 18 человек.

Собравшись по тревоге, полк на рысях пошел к Бельведерскому дворцу, где соединился с Подольскими кирасирами, во главе которых был уже Великий Князь и которые уже выбили нападавших из дворца. Ночью оба полка перешли в район Мокотовского поля, где стали биваком. Вместе с кавалерией стояли сохранившие верность Государю некоторые польские части – егеря и гренадеры. Однако, послав в город нескольких адъютантов на переговоры с мятежниками и потеряв двоих из них убитыми, Константин Павлович убедился в ненадежности созданного им польского войска и, опасаясь удара в спину от стоявших рядом польских частей, предпочел их распустить. На следующий день, к вечеру, из города пробилась пехота – волынцы и литовцы, а спустя еще день, подтянулась артиллерия. Выждав пару дней в надежде, что восстание затихнет

само собой, и убедившись в тщетности своих чаяний, Константин Павлович принял решение отступить к Брест-Литовску. Вместе с полками тянулись огромные обозы несчастных русских семейств, в ужасе бежавших из Варшавы. Их нужно было кормить и охранять. Среди восставшего и враждебного населения достать продовольствие для людей и фураж лошадям было очень сложно.

Окруженный поляками гарнизон крепости Модлин (Ново-Георгиевск), состоявший из резервных пеших эскадронов всех трех конных полков, самоотверженно объявил полякам, что взорвет себя вместе с пороховыми погребами. Получив приказ отступить, он был выпущен из крепости с оружием и обозами, настолько поляки были поражены мужеством и готовностью русских к смерти, что дали им возможность выйти из крепости и присоединиться к основному отряду. Собравшись вместе, весь гвардейский варшавский отряд стал на русско-польской границе в ожидании подхода подкреплений из России.

К концу января 1831 года были подтянуты основные силы Русской армии из глубины России и, решив не ждать отставших обозов, главнокомандующий Русской армией фельдмаршал граф Дибич Забалканский моментально перешел в наступление. В первых числах февраля быстро продвигающиеся русские колонны вошли в соприкосновение с противником. Польская армия, удачно обороняясь, отступала к Варшаве. В районе деревни Грохов поляки остановились и заняли укрепленную позицию. Предстояло знаменитое кровопролитное Гроховское сражение. Позади была Варшава, так что отступить противнику было некуда.

Гроховская позиция была очень сильна своими естественными укреплениями и преградами. Многочисленные полузамершие речки, канавы с водой и болота еще более затрудняли атаку русских. Тактическим ключом к позиции служила Ольховая роща, окруженная этими естественными преградами. Вокруг нее и развернулись основные боевые действия.

Утром 13 февраля было приказано во всех русских частях отслужить молебны, так как на следующий день предполагалось дать генеральное сражение.

Однако обстановка внесла свои коррективы. Как только полки выстроились перед аналоями походных церквей и служба началась, раздались дальние пушечные выстрелы, перешедшие в канонаду. Вслед за этим примчался ординарец с приказанием фельдмаршала построиться в боевые порядки и начать наступление. Оказалось, что шедшая на присоединение к правому флангу русских войск колонна генерала князя Шаховского подверглась нападению поляков, и главнокомандующий принял решение атаковать сразу и в лоб всю Гроховскую позицию.

В дело вступила артиллерия, а за ней пехота начала штурм Ольховой рощи. Поляки отчаянно защищались, понимая, что прикрывают все дороги к Варшаве. Пехота ходила в атаку одиннадцать раз, прежде чем роща осталась за ней. Все было завалено телами убитых.

При одной из последних атак пехоты лейб-гвардии Уланский полк был выдвинут вперед вместе с 3-й кирасирской дивизией, чтобы решительной атакой завершить дело.

Под огнем польских батарей саперы наспех соорудили настил через первый ров, которые во множестве пересекали поле правее Ольховой рощи. По нему тесными колоннами перешел сначала Уланский полк, затем зеленые кирасиры принца Альбрехта Прусского (позднее 14-й драгунский Малороссийский полк) и несколько батарей конной артиллерии. Следующие полки стали отставать, вязнуть и проваливаться на поле, которое представляло собой сплошное полузамершее болото.

Сокрушительного удара не получилось. Конные полки стали действовать порознь. Первым ушел в атаку, не дождавшись общего сигнала, Кирасирский полк принца Альбрехта Прусского. Уланам ничего не оставалось как присоединиться к атаке. Сплошные каналы постоянно тормозили движение полка, задние шеренги налетали на передние. Выскочившие на бруствер рва уланы попадали прямо под картечь, остальные проваливались под лед и вязли в болотной жиже. Несмотря на отчаянные лихие выезды конных батарей, осыпавших поляков гранатами, Уланский полк продолжал нести большие потери от ружейного огня собирающегося в каре противника. Ценою огромных потерь все-таки удалось преодолеть это

проклятое поле, смять и рассеять оборонявшихся. Поляки начали отступление к Праге, предместью Варшавы.

Русские прекратили преследование и стали биваком. Израсходованные за день боезапасы и отсутствие обозов не позволили продолжить боевые действия. К тому же потери были весьма ощутимые. Лейб-гвардии уланы лишились 103 человек и 124 лошади. За отличие в день 13 февраля 40 офицеров полка получили боевые ордена и золотые сабли с надписью: «За храбрость», а 20 уланов – Знаки отличия военного ордена. В память боевых подвигов в Гроховском бою полку Высочайше пожаловано чествовать полковой праздник в день 13 февраля.

За подвиг памятное слово
Царь в милости своей изрек:
«Уланы, славный день Грохова
Отныне празднуйте во век!»
Великий день! Его в скрижали
Преданий старины седой
Отцы и деды записали
Своею кровью пролитой.
И свято мы воспоминанье
В душе об этом дне храним,
И за свершенное деяние
Былых улан благодарим.

ротмистр Люце

Штурм Варшавы не состоялся, и русские на время отступили. После были славные дела на Понарских высотах и в районе Калиша, где уланы вместе с Подольскими кирасирами и 3-й батареей добивали остатки мятежников. В это время от поразившей войска холеры скончались Цесаревич Константин Павлович и фельдмаршал граф Дибич. Командование войсками принял на себя граф Паскевич-Эриванский. 26 августа, в день Бородина, Варшава была, наконец, взята, мятеж подавлен.

По случаю кончины Цесаревича Государь, желая утешить полки

варшавской гвардии, прислал своего адъютанта полковника графа Толстого с приказом, в котором изъявил особую признательность полкам: «<...> вы ревностно исполняли все указания начальства, и два полка ваши, лейб-гвардии Уланский Его Высочества Цесаревича и Вольнский, равно и обе батареи, при первой встрече с мятежниками, а также 13 февраля (Гроховский бой. – А. III.) и 7 июня (бои на Понарских высотах. – А. III.), отличною храбростью, мужеством и твердостью стяжали полное одобрение <...> и особенное мое благоволение...»

В память о заслугах улан полк получил нового шефа – родного брата Императора, Великого Князя Михаила Павловича. Однако полку не пришлось надолго возвращаться в Варшаву. Новый шеф полка, в отличие от своего старшего брата Константина, который особо не жаловал Петербург и предпочитал жить подальше от него с очаровательной женой-полькой (см. главу «Кавалергарды»), не хотел удаляться от столицы Империи, тем более, что он имел прекрасный дворец в центре столицы (ныне здание Русского музея на пл. Искусств). Поэтому из лейб-гвардии Уланского Е.И.В. Вел. Кн. Михаила Павловича полка вместе с л.-гв. Конно-егерским (ставшим л.-гв. Драгунским), л.-гв. Гродненским гусарским и Атаманским казачьим полками была сформирована 2-я легкая гвардейская дивизия, которая отправилась в Россию, поближе к Петербургу. Остальные пехотные полки варшавской гвардии также перешли в Петербург (см. книгу «Забывтая слава пехотных полков Ораниенбаума»).

Улане, Улане, малеваны дети!
 Не една девчина за вами полети.
 Гоп, гоп, Улане,
 Гоп жулты чапки,
 Сядем и поедем
 До своей коханки.

Так бывшая гвардейская варшавская кавалерия оказалась в окрестностях Новгорода, и новгородские леса огласились лихими уланскими песнями, принесенными из Польши. Конечно, это была не Польша, и Муравьевские казармы не сравнить с Мировскими

казармами Варшавы. Но традиция быть лучшим, образцовым полком русской кавалерии стала уже привычной. Императорские смотры 1833 и 1835 годов это подтвердили, а еще три года спустя штандарты полка украсились Андреевскими лентами и скобами с надписями всех переименований полка. Годы стоянки под Новгородом были относительно мирными, лишь на Кавказе шла затяжная кровопролитная война с мюридами. Несколько офицеров полка отправились на кавказский фронт добровольцами, и один из них сложил там голову. Это был корнет Воронов, павший при штурме аула Ахульго.

Жизнь, конечно, казалась скучноватой после Варшавы, зато служба стала полегче – меньше караулов, учения в основном домашние. Скуку захолустья старались развеять всеми доступными способами. Устраивали праздники, представления, даже спектакли. В полку, кстати, в это время служили люди, ставшие впоследствии яркими представителями русской национальной культуры. Полковым адъютантом был тогда Николай Алексеевич Титов, известный русский композитор, получивший почетное звание «дедушка русского романса». Среди улан служил также знаменитый русский поэт Фет, позднее (когда шефом полка стал Император Александр Николаевич), посвятивший полку следующие строчки:

Наш шеф – владыка полусвета,
И наша гордость всем ясна;
Блестящей прядью этишкета
Семья улан закреплена...

Поэтому при наличии свободного времени была возможность составить прекрасные оркестры трубачей, хоры церковных певчих и песенников, которые доставляли много радостей в однообразной, захолустной жизни полка.

Каждый год после весенних смотров полк выступал в Красное Село на лагерный сбор, где находился до середины августа, а затем, после Царского смотра, возвращался на зимние квартиры.

В 1849 году вспыхнуло восстание в Венгрии. Полки были двинуты к границе, но лейб-гвардии Уланский полк, хоть и вышел в поход,

в сражениях не участвовал. Венгерские события совпали с кончиной шефа полка – Вел. Кн. Михаила Павловича, и Государь, памятуя о заслугах улан, назначил им нового шефа – Наследника престола, Цесаревича Александра Николаевича. Поэтому возвращавшийся из Венгерского похода полк с радостью увидел встречавшего их под Новгородом будущего Императора Александра II.

Подавление Венгерского мятежа русскими войсками по просьбе австрийского императора, как мы помним, обернулось всеобщей ненавистью к России и прозвищем – «жандарм» Европы. Все это не преминуло вылиться в трехлетнюю Восточную, или Крымскую войну. Безусловно, время царствования Императора Николая I смело можно назвать застойным периодом нашей военной истории. Россия безнадежно отставала от всех европейских армий и по вооружению, и по применяемым тактическим приемам. Новое, более точное и скорострельное оружие требовало изменений боевых уставов, а для Русской армии часы как будто остановились на временах Заграничных походов Императора Александра I. Также технически отставал и флот. Ловкость и мужество матросов парусных линейных кораблей и фрегатов, ведомых адмиралами Нахимовым и Корниловым, конечно, позволяли держать в страхе флота других стран, но что могла сделать одна рука potentанта без другой, безнадежно отставшей. Апогеем Крымской войны, очень тяжелой для России, когда ей пришлось противостоять практически всей Европе и Турции, стала Севастопольская оборона. Но и полки, стоявшие в районе Балтийского побережья, внесли свою лепту в сдерживание неприятеля, не позволяя ему высадить десанты, угрожавшие столице Империи.

Лейб-гвардии Уланский полк нес боевое охранение в районе Ревеля (Таллинна) и не позволил летом 1854 года не только высадить английский десант, но и предотвратил бомбардировку самого города.

Восемнадцатого февраля 1855 года скончался Император Николай Павлович, и вступивший на престол Александр II остался шефом улан и повелел им называться Лейб-гвардии Уланским полком Его Величества. Так, под Новгородом, полк простоял 31 год. В 1862 году опять начались волнения в Польше.

В начале февраля 1863 года двумя эшелонами Уланский полк направился по железной дороге в Варшаву, где и разместился в своих старых Мировских казармах. В подавлении очередного польского мятежа полк участвовал поэскадронно, один за другим, по очереди уходя в рейды по лесам и отлавливая там банды и шайки повстанцев. Мятеж 1863–1864 годов, конечно, не шел ни в какое сравнение с войной 1830–1831 годов. Тогда сражалась целая польская армия, а не отдельные отряды повстанцев против регулярных русских частей. Хотя стоит отметить кровопролитность столкновений и особую жестокость поляков по отношению к случайно попадавшим к ним в плен русским солдатам. Подобное отношение рождало ответную ненависть и желание отомстить за своих замученных товарищей.

Вскоре мятеж был окончательно подавлен, и Уланский полк удостоился дополнительных почестей. Его шефами были последовательно назначены, помимо самого Императора, его наследник Цесаревич Александр Александрович и сын Цесаревича, тоже будущий наследник престола, Николай Александрович. Кроме того, восемь офицеров полка были назначены флигель-адъютантами Государя. Такого не знал еще ни один полк в Русской армии.

С началом Русско-Турецкой войны полк погрузился в эшелоны и двинулся к румынской границе. Первым боевым крещением полка, действовавшего в составе отряда генерала Гурко, стало дело под Горным Дубняком. Но особой славы полк добился взятием города Врацы, совместно с Конно-гренадерским полком. Город взяла одна кавалерия, одним блестящим наскоком. Обоим полкам было пожаловано за это славное дело отличие на шапки: «За взятие Врацы 28 сентября 1877 года». Полтора месяца после взятия города полк стоял в его окрестностях, где выставял аванпосты и ходил в разведки и разезды. Начиналась зима, нужно было перековывать лошадей. В это время в самых дальних разъездах отличились вольноопределяющиеся – граф Ферзен и князь Оболенский, оба получившие Георгиевские кресты.

Затем вместе со всей армией уланы совершили героический переход через неприступные зимой Балканы. Неприступные и непроходимые для всех, но не для русских. Холод, голод, крутые покрытые льдом скаты, темноту и усталость – все перенес русский

солдат. Как вспоминают очевидцы: «Бывало, спросишь его: Ну как, замерз? – ответ один: – Ничего!»

Про это «ничего» рассказывали смешной случай. Взобравшись вместе со всеми на самую верхотуру Балкан, генерал Гурко решил отдохнуть и прилег прямо у костра возле дороги, завернувшись в свою белую бурку. Только лег, как к костру подбегает какой-то замерзший солдатик, огляделся, видит – никого нет, положил свое ружье на ноги генерала, подержал свои полуразвалившиеся сапоги над огнем, потом достал маленькую трубку, набил ее табаком, прикурил от уголька, да возьми и присядь на белую бурку. Сидит, покуривает. Гурко не шевельнулся, только спросил из под бурки: «Из каких будешь?» – «Козловского пехотного», – небрежно ответил солдатик, потягивая трубочку. – «Тяжело?» – прибавил Гурко. – «Ничего», – ответил солдатик, подхватил ружье и побежал дальше, так никогда и не узнав, что отдохнул он на самом Гурко, будущем фельдмаршале.

Уланы благополучно преодолели Балканы, вышли к Софии и захватили ее вместе с гусарами-гродненцами. Затем был Филиппополь и Адрианополь, и выход на Мраморное море. Здесь полк и застала весть о перемирии. До конца лета уланы стояли на берегу моря, пока пароходами «Цесаревич» и «Корнилов» не были доставлены в Одессу. Причем морской переход оказался очень тяжелым – попали в сильнейший шторм, от которого погибли 106 лошадей. Из Одессы, уже по железной дороге, полк вернулся в Варшаву, которую не покидал до самого начала Великой войны.

Варшавским гарнизоном с 1888 по 1896 годы командовал знаменитый генерал-адъютант Гурко, герой Русско-Турецкой войны. Испытанный в боях и любимый солдатами, в любой мороз и стужу, в жару и зной он заставлял людей работать, приучая к выносливости. Так что даже в мирной жизни все были готовы к войне.

Постоянными шефами полка все эти годы были непосредственно императоры. Смерть Александра II 1 марта 1881 года сделала шефом полка Императора Александра III, а вслед за ним и его сына последнего русского царя Николая Александровича. И все эти годы Уланский полк гордо нес свои штандарты и постоянно пользовался вниманием со стороны монархов, называвших его: «Мой полк».

Почетно для Маннергейма было стать его командиром. Этот полк, вписавший в анналы русской военной истории две знаменитые кавалерийские атаки (под Гроховым и Врацем), а в мирное время давший две военные школы: в Стрельне и в Варшаве, по праву стоял всегда во главе кавалерийского дела.

В июне 1907 года в ознаменование 100-летия полка был устроен грандиозный праздник в Красном Селе. Полк в полном составе прибыл из Варшавы в Петербург, откуда проследовал к месту проведения красносельских сборов. Вся гвардия приветствовала улан Его Величества. Состоялся торжественный парад, где уланы красовались в исторических мундирах. Были приглашены ветераны полка – герои Русско-Турецкой войны. Вместе с полком в Петербург прибыли и его воспитанники из школы солдатских детей. Старинные фотографии запечатлели эти исторические для полка дни.

Маннергейму оставалось только поддерживать на должном уровне этот великолепный полк («Помните, чье имя носите!»), с чем он прекрасно справился. Имея личный боевой опыт Русско-Японской войны, он старался, как и в 13-м Владимирском полку, передавать его гвардейским уланам, приучая их к новым современным условиям ведения войны, где коннице становилось действовать все труднее и сложнее. Свои условия начинал диктовать технический прогресс и все возрастающая огневая мощь армий. Наступал век танков, авиации и новых, неведанных до сей поры видов вооружений. Высокая боевая готовность полка и его отличное состояние постоянно отмечались Царствующим шефом, при этом заслуги Маннергейма также не остались без внимания. 5 (18) октября 1912 года состоялось зачисление Маннергейма в Свиту Его Императорского Величества.

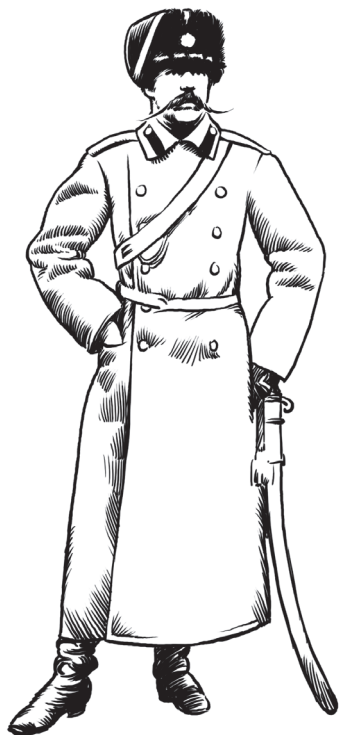

ВАРШАВСКАЯ ГВАРДЕЙСКАЯ КАВАЛЕРИЙСКАЯ БРИГАДА

«...А если кому из вас придется пожертвовать жизнью на войне, то помните, что за тех будет молиться вся Россия, и что имена их останутся незабвенными для полка!»

Из Памятки Гродненского гусара

На Саксонской площади, в центре Варшавы, располагался штаб Варшавского военного округа. Войска, стоявшие непосредственно в городе, были сплошь гвардейскими – 3-я гвардейская пехотная дивизия и Отдельная гвардейская кавалерийская бригада, что еще раз подчеркивает высокий статус самой Варшавы как столичного города. Отличная служба Маннергейма в качестве командира лейб-гвардии Уланского Его Величества полка была отмечена зачислением его в Свиту Императора и сулила дальнейшее продвижение по службе. В 43 года стать командиром одного из лучших гвардейских полков кавалерии – было верхом карьеры. Надо отметить, что средний возраст командиров полков тогда составлял: среди окончивших

Академию – 44,3; а по гвардии – 48 лет, (в армии – 51,5). Молодой перспективный генерал пользовался особой популярностью среди варшавян. Здесь Маннергейм обзавелся собственным домом и охотно участвовал в бурной светской жизни Варшавы. А надо сказать, что варшавская гвардия славилась на всю русскую армию своими дарованиями и талантами.

Прекрасные песенные хоры улан, замечательный симфонический оркестр волынцев, исполняющий даже джаз, который, можно сказать, зародился в России именно в Варшаве. Основоположник русской школы джаза Яков Скоморовский после окончания Петербургской консерватории служил в этом симфоническом оркестре. Поэтому, кроме Шопена, на улицах Варшавы всюду гремели матчиш, кекуок и тустеп.

Кстати, кабинет Маннергейма в его мемориальном музее в Хельсинки очень похож на тот, варшавский. Видимо он был обставлен с такой любовью, что переехав в Финляндию, хозяин практически восстановил обстановку так полюбившегося ему дома в Варшаве. Сравнивая фотографию его варшавского кабинета с мемориальным кабинетом музея, мы видим и здесь, и там многочисленные книги, с которыми генерал никогда не расставался, его охотничьи трофеи и раритеты, привезенные из долгой экспедиции по Китайскому Туркестану. Это лишний раз подчеркивает, как он сроднился с Варшавой.

Даже когда ему поступило лестное предложение перевестись в Петербург и занять должность начальника 2-й гвардейской кирасирской бригады, Маннергейм отказался и предпочел остаться в полюбившейся ему Варшаве. Тем более, что ему уже приходилось с конца 1911 года исполнять обязанности начальника Отдельной гвардейской кавалерийской бригады, стоявшей в Варшаве, куда входили и его лейб-гвардии уланы.

Прекрасные отношения с командующим округом генералом от кавалерии Я.Г. Жилинским и начальником штаба округа генерал-лейтенантом В.А. Орановским также сыграли не последнюю роль. Поэтому через год после зачисления Маннергейма в Свиту Его Императорского Величества последовало назначение его начальником той самой Отдельной Варшавской бригады (Высочайший приказ от 24 декабря 1913 г. / 6 января 1914 г.).

Кроме его славных улан, известных на всю Русскую армию, теперь ему подчинялся еще один, не менее заслуженный, хотя и самый молодой гвардейский кавалерийский полк – лейб-гвардии Гродненский гусарский.

Молодые наследники боевой славы старых гродненских гусар, именуемых Клястицкими, но давших имя новому гвардейскому полку, также свято хранили память и заветы их легендарного командира, храброго генерала Кульнева – героя Русско-Шведской войны 1808–1809 годов и наполеоновских войн, сложившего буйную голову под Клястицами в памятном 1812 году.

Высочайшим приказом 17 февраля 1824 года было повелено: «Гродненскому гусарскому полку впредь именоваться Клястицким гусарским». Почти одновременно, с 19 февраля 1824 года начал формироваться и наш лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. Это происходило в городе Седлец, в Польше, и составлялся он из поляков, служивших в 1, 2 и 3-й гусарских дивизиях и Литовской уланской дивизии. На формирование нового полка из Клястицкого поступило 176 человек, с лошадьми и вооружением, но стоит отметить, что это были только нижние чины с одним старшим и пятью младшими вахмистрами. Офицеры старого армейского гусарского полка в новый гвардейский не переводились.

Чем были вызваны все эти переименования и перемещения, сказать довольно сложно. С одной стороны, повеление Императора Александра Павловича могло быть связано с его желанием увековечить место гибели генерала Кульнева, популярность которого в Отечественную войну достигла своего апогея. А может быть, для того, чтобы отметить первую в 1812 году победу русского оружия над французами, хотя полк имел немало славных дел, превосходящих по своим масштабам Клястицкое сражение. Но несколько странным кажется тот факт, что в новый гвардейский полк не был переведен ни один офицер старого полка, хотя туда ушел практически целый эскадрон, а по штату того времени в нем должно было состоять семь офицеров. Приказ Императора на имя Великого Князя Константина Павловича содержал следующие указания: «Состав полка должен быть во всем уравнен противу уланского

имени Вашего Высочества полка. Выбор командира полка, штаб-и обер-офицеров предоставляется Вашему Императорскому Высочеству сделать из вверенных Вам войск <...>» То есть не упоминалась о возможности перевода офицеров старого гродненского полка во вновь образующийся. Странно! Не кроется ли причина переименования полка в тех служебных неприятностях, которые преследовали его, начиная с 1819 года до событий 1824 года (то есть, до фактического изменения названия).

Первая беда случилась 15 сентября 1819 года на Высочайшем смотре под Динанбургом, где строй полка оказался хуже всех, за это и поплатился командир полка барон Розен, отчисленный по армейской кавалерии. Как известно, Русская армия, вернувшаяся из Заграничных походов, была подвергнута реформам, направленным на повышение строевой подготовки войск. Что касается кавалерии, то здесь на первое место вышла манежная выучка и так называемая берейторская выездка – в пехотных строях мы во всем должны были равняться на Пруссию и Австрию, а в кавалерии на Англию. Ее школа верховой езды признавалась самой совершенной. В то время, как другие полки уже ходили по струнке, старый Гродненский полк лихо скакал, джигитовал и великолепно владел саблей, но при этом его строй был ниже любой критики.

Второй инцидент произошел весной 1821 года, когда полк прибыл в Дорогобуж, где находился штаб 2-й бригады 1-й гусарской дивизии. Командиры обоих полков, входивших в бригаду: Гродненского – князь Гагарин и Лубенского – полковник Граббе, были не в ладах с командовавшим бригадой генерал-майором князем Васильчиковым. В один прекрасный день начальник бригады назначил смотр обоих полков. Полки выстроились, но на смотр не вышел ни один из командиров. Подъехав к офицерам, Васильчиков сказал им, что желает посмотреть их езду. На это был получен ответ, что они уже не юнкера, и смотреть их езду уже поздно. Может показаться странным подобное поведение офицеров, как и просьба начальника бригады, который должен был просто отдать приказ, а не обращаться с просьбой, но таков был дух послевоенного времени, когда в офицерах развилась чрезмерная смелость в разговорах и необдуманность их

последствий. Мало того, после смотра состоялся довольно резкий разговор командиров полков с князем Васильчиковым, который закончился почти ссорой. Слухи о беспорядках, несмотря на усилия командиров дивизии и корпуса замять дело, дошли до командующего армией, который, в свою очередь, поспешил доложить об этом Императору. В результате все были наказаны. Начальник бригады отчислен по кавалерии, полковники Граббе и Гагарин отставлены от службы, а последний арестован и возвращен в полк лишь в декабре 1827 года, чтобы передать его новому командиру.

Третий случай произошел в 1823 году, когда старый Гродненский полк был переведен в Ковенскую область. Но недостаток фуража на новых стоянках вызвал многочисленные жалобы. Для рассмотрения их на месте был командирован генерал барон Толь, которому было одновременно предписано произвести подробный смотр полка. Состояние лошадей было признано неудовлетворительным, но по объективным, не зависящим от полка, причинам. Выездка и езда оценены на «отлично», а вот равнение и церемониальный марш в колоннах – посредственно. Все это было доведено до сведения Императора. Может быть, терпение Императора и лопнуло, потому что буквально вслед за этим последовал приказ о переименовании полка и создании нового, но уже гвардейского, со старым названием.

Интересен и тот факт, что награда – серебряные трубы – бывшему Гродненскому, а ныне Клястицкому полку за мужество и храбрость в войне с французами, пожалованная Императором Александром I, была вручена через 12 лет, то есть 4 июля 1826 года, и главное, уже после его смерти. Словно Александр Павлович передумал награждать полк, а это сделал, якобы от его имени, уже новый Император Николай Павлович.

Тем не менее, родство между двумя гусарскими полками – нынешним гвардейским Гродненским и армейским Клястицким, поддержанное хорошими отношениями офицеров обоих полков, безусловно, сохранилось. «Мы вам дали, – говорил в 1831 году полковник Ильинский командиру лейб-гвардии Гродненского полка генерал-майору Штрандтману, – то, что было для нас драгоценнее всего – доброе имя. Носите его, как мы его носили». Ильинский, командир Клястицкого

полка, имел право так говорить. Он поступил в полк корнетом, прошел все кампании 1807, 1808, 1809, 1812–1814 годов, все чины получил за боевые отличия и был четыре раза ранен. Понятно, как он дорожил старым, прославленным именем своего полка!

Естественно, что и новый гвардейский полк с должным вниманием, уважением и преклонением перед заслугами своих товарищей по оружию, благоговежно принял это имя и поклялся никогда не опозорить его, а стремиться приумножить его славу.

Цесаревич Константин, как и в случае с лейб-гвардии Уланским полком, принял личное участие в формировании полка, в пошиве его мундиров. Основной цвет прибора для лейб-гвардии Гродненских гусар был установлен серебряный. Парадная шапка из коричневого меха с чешуей по прибору. Дно покрыто малиновым треугольным шлыком, спускающимся по правому боку шапки. Фуражка с темно-зеленой тульей, малиновым околышем, все выпушки белые. Доломан темно-зеленый, обшитый белыми шнурами. Спереди на груди двойные шнуры в пять рядов с серебряными застежками. Ментик также темно-зеленый. Погоны у нижних чинов – малиновые. Парадные чакчиры тоже малиновые. Пальто и шинели – темно-зеленые.

Дальнейшая судьба лейб-гвардии Гродненских гусар очень схожа с историей лейб-гвардии улан. По окончании формирования доведенный до 4-х эскадронного состава Гусарский полк перешел в Варшаву, где с остальными полками составил кавалерийскую дивизию.

Для пополнения гвардейских полков рекрутов выбирал сам Цесаревич или назначал лучших по выправке и фрунту из армии. В полки часто переводили и из Петербургской гвардии, преимущественно из уроженцев западных губерний. При этом соблюдалась традиция: в уланы набирали усатых темных шатенов и брюнетов, а в гусары – брюнетов с небольшими бородками.

Молодой гвардейский полк быстро стал вровень с уже заслуженным Уланским полком и другими частями варшавского отряда. Варшавская кавалерия, мы уже говорили об этом, значительно выделялась своей подготовкой среди всей русской конницы. Да и гродненцы, как и уланы, помнили чье, или точнее сказать – какое имя носили. Столь быстрое становление полка, его отличные пока-

затели в боевой и строевой подготовке не остались незамеченными, и в июне 1830 года полку было пожаловано 15 серебряных труб с надписью «Лейб-гвардии Гродненский Гусарский полк 1830 г.».

Из-за скверных отношений с поляками, частых драк, гусаров почти не отпускали из казарм. Частенько они убегали самовольно, ибо почти у каждого была зазноба в Варшаве. Да и прекрасные паненки не могли устоять перед лихими молодцами-гусарами в такой красивой форме, несмотря на все антирусские настроения в Польше. Источником нелюбви к России являлась лишь часть польского дворянства, мечтавшая о старых вольностях шляхетских, о Великой Панской Речи Посполитой. Простой народ, если и поддерживал своих панов, то зачастую по принуждению, так как русского гнета, как такового, он не испытывал. Никто не закрывал католических костелов, никто не запрещал польского языка, а кто на престоле – русский царь или польский король, простолюдина просто не интересовало. Потому так легко и сходились польские красавицы с русскими солдатами.

Мятеж 1830 года застал гусар в Варшаве, и вместе со всеми остальными полками гвардейского отряда Цесаревича они были вынуждены отступить. После кровопролитного Гроховского сражения, в котором гродненским гусарам также довелось участвовать, но они не так отличились, как лейб-гвардии Уланский полк, их отделили от варшавской гвардии, и они продолжали усмирять восставшую Польшу в составе другого отряда.

Наиболее значимое дело для гусар выдалось под местечком Рационж. 11 июля 1831 года лейб-гвардии Гродненский гусарский полк наголову разбил кавалерийскую дивизию противника, состоявшую из пяти полков.

За эту блистательную победу Император Николай Павлович соизволил пожаловать гродненцам права Старой Гвардии. (До сего момента полк относился к Молодой Гвардии, то есть офицеры полка имели преимущество перед армейцами в один чин, а не в два, как Старая Гвардия. Позднее это было вообще отменено, и вся гвардия имела преимущество в один чин.) Кроме того, день 11 июля, в который празднуется память святой благоверной княгини Ольги, стал днем

полкового праздника. Вскоре гродненцы приняли участие в штурме Варшавы. Командир полка за это сражение получил орден Св. Георгия, все офицеры награды, а гусары – 62 Знака отличия военного ордена и 570 особо установленных крестов «За военную доблесть». На этом польский период истории полка временно прервался в связи с переходом гусар, как и всей варшавской гвардии, ближе к Петербургу. Постоянной стоянкой полка стала Новгородская губерния, где на берегу Волхова находились большие каменные казармы, называвшиеся Штабом военных поселений. Вы и сейчас можете наблюдать их развалины, сохранившееся в Кречевицах, под Новгородом. Здесь полк простоял тридцать лет, уходя ежегодно в лагерь под Красное Село, близ Петербурга, где всегда представлялся Императору.

В ноябре 1838 года, благодаря хлопотам своей бабушки Е.А. Арсеньевой, в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк был переведен из Нижегородского драгунского полка, стоявшего на Кавказе, опальный поэт, корнет М.Ю. Лермонтов. В полку он задержался до апреля следующего 1839 года, когда, снова благодаря связям, был возвращен в Петербург, в лейб-гвардии Гусарский полк.

В 1848 году гродненцы выступили вместе с лейб-гвардии уланами в Венгерский поход, но участвовать в кампании им не пришлось. Дойдя до города Слонима Гродненской губернии, полк был развернут назад.

В Восточную войну 1853–1854 годов полк нес службу в Финляндии по боевому охранению побережья и препятствовал высадке английских морских десантов.

В 1861 году был издан знаменитый Манифест Императора Александра II об освобождении крестьян. Либеральные устремления правительства России сказались и в отношении Польши – широкой амнистией всем ссыльным и эмигрантам, участвовавшим в восстании 1830–1831 годов. Однако в очередной раз снисходительность русских властей была расценена как слабость. Вернувшиеся на родину революционеры немедленно принялись за создание конспиративных организаций, готовя кадры будущих повстанцев и создавая всеобщую уверенность в том, что восстание будет немедленно поддержано вооруженным вмешательством Европы.

Усилился террор против русских полков, расквартированных в Польше, против чиновников, но еще больше при этом было случайных жертв. Назначенный наместником в Варшаву Великий Князь Константин Николаевич избегал крутых мер, и положение русских в крае становилось все более тяжелым. Для усиления русского воинского присутствия в Польше и для охраны самого Великого Князя бывшие полки варшавской гвардии возвращались на старые места стоянок.

Начались по очереди дежурства эскадронов на случай тревоги. На ночь отряжались городские разъезды. Берег Вислы охранялся постами. Каждый гусар постоянно имел при себе 4-х дневный запас продовольствия на случай внезапного выступления в поход.

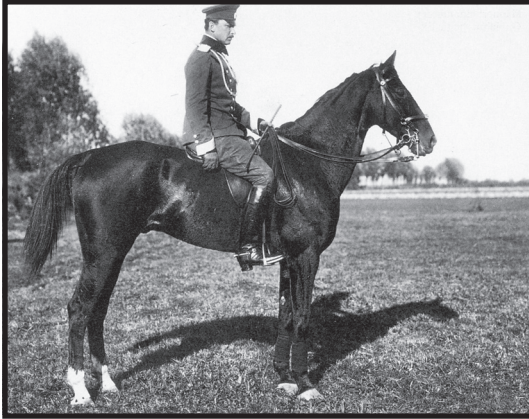
Условия службы в польских городах и изумительную выдержку русских солдат, не позволявших насилия над жителями, прекрасно демонстрирует тот факт, что во время католического праздника Тела Господня вызывались для отдания воинских почестей русские караулы. Фанатики – участники шествий, всячески оскорбляли солдат. И оплеванные русские безмолвно продолжали держать «на караул» своим оскорбителям!

Мятеж в Польше начался повсеместно в январе 1863 года. По своим масштабам он, конечно, уступал «инсургенции» 1795 года, когда Польшу умирал Суворов, не говоря уже о кровопролитной войне 1830–1831 годов. Польской армии не существовало, партизанские отряды состояли из людей, не получивших никакой военной подготовки, вооруженных чем попало, главным образом косами и охотничьими ружьями. Такие банды назывались «косиньерами». Артиллерии у них не было вообще. И при встречах с русскими войсками повстанцы несли урон, как правило, в десять раз сильнейший.

Гродненский полк участвовал во многих делах и стычках с неприятелем. Трое офицеров полка были убиты. Штаб-ротмистр Граббе и корнет Ермолов с сорока казаками в течение целого дня защищались на кладбище около города Лодзи от 1400 мятежников, пока все не были перебиты. Тела их были перевезены в Петербург и с особыми почестями, в присутствии многих членов Императорской Фамилии, захоронены в Александро-Невской лавре. Сорок гусаров

*Генерал-майор
Маннергейм*

Лейб-гвардии Конная артиллерия

*Офицеры
гвардейских
полков.
Царское Село.*

*Красное Село. Группа офицеров, прибывших из Варшавы, на вокзале
с командиром гвардейского корпуса генералом В. Н. Даниловым и офи-
церами штаба гвардейского корпуса. Во втором ряду в центре генерал
А. А. Брусилов, справа от него генерал В. М. Безобразов.
13 июля 1907 г.*

*Поручик л.-гв. Гродненского
гусарского полка с дамой*

*Штаб-ротмистр л.-гв. Гроднен-
ского гусарского полка Я. Орлов
в зимней венгерке*

Оркестр лейб-гвардии Гродненского полка. 1900 г.

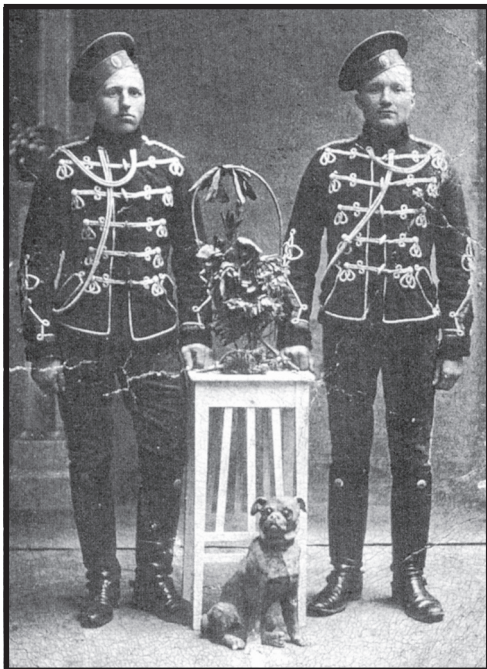

Офицер
л.-гв. Гродненского
гусарского полка
в пальто. 1900 г.

Нагрудный знак
л.-гв Гродненского
гусарского полка
(Офицерский)

Рядовые
л.-гв. Гродненского
гусарского полка.
1900-е гг.

*Генерал л.-гв. Гусарского
Его Величества
и штаб-офицер
л.-гв. Гродненского
гусарского полков.
Обыкновенная
и походная формы.
1870 г.*

*Обер-офицеры
(адъютанты) Гусарского
Его Величества
и Гродненского
гусарского л.-гв. полков.
Обыкновенная
и походная формы.
1874 г.*

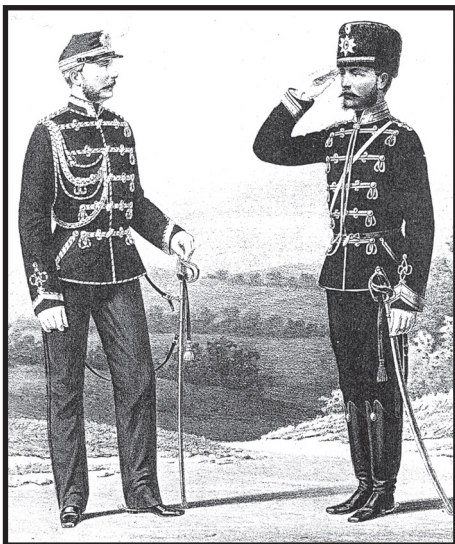

Парадная форма Гусарского
и Гродненского
гусарского л.-гв. полков.
1873 г.

Адъютант Гродненского
гусарского
и унтер-офицер
Гусарского
Его Величества
л.-гв. полков.
Обыкновенная
и походная формы.
1877 г.

*Обер-офицер
л.-гв. Гродненского
гусарского полка.
Походная форма.
1859 г.*

*Унтер-офицер
л.-гв. Гродненского
гусарского полка.
Парадная форма.
1858 г.*

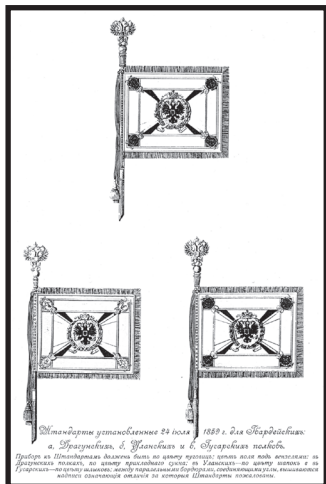

*Генерал Гусарского
Его Величества
и унтер-офицер
Гродненского гусарского
гвардейских полков.
Обыкновенная и походная
формы. 1869 г.*

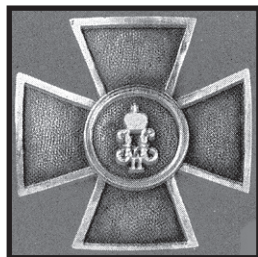
*Трубач л.-гв. Гродненского
гусарского полка.
Городская обыкновенная
форма. 1865 г.*

Штандарты, установленные в июле 1859 г. для гвардейских:

- а) Драгунских, б) Уланских,*
- в) Гусарских полков*

Нагрудный знак л.-гв Конной артиллерии (Офицерский)

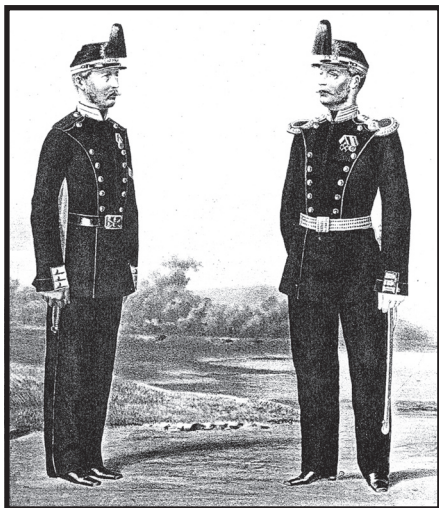

Штаб-офицер Гусарского Его Величества и обер-офицер Гродненского гусарского л.-гв. полков. Городская парадная и походная праздничная формы. 1858 г.

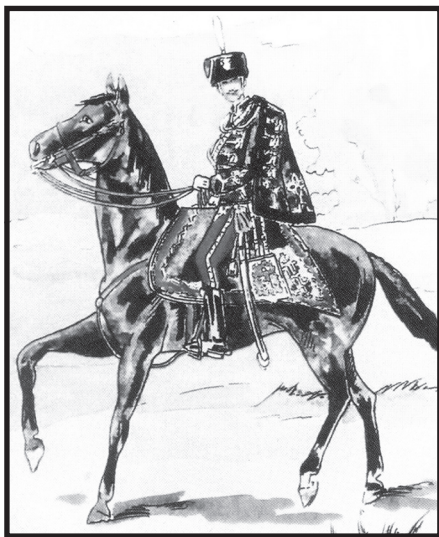

Канонир и обер-офицер
Нарезной 3-й батареи
и 3-й Гвардейской
и Гренадерской
артиллерийской бригады.
Городская парадная форма.
1867 г.

Офицер гв. Гродненского
гусарского полка.
Рисунок.
1850-е гг.

были отмечены Знаками отличия военного ордена за храбрость в делах против неприятеля.

После подавления мятежа лейб-гвардии Гродненский гусарский полк остался в Варшаве вместе с лейб-гвардии уланами. Накануне войны 1877–1878 годов полком командовал Свиты Его Величества генерал-майор граф де Бальмен. Интересен этот командир тем, что службу он начинал в Ахтырском гусарском полку юнкером. Ахтырцы принимали участие в огромных кавалерийских маневрах в 1837 году, где было собрано до 100 тысяч кавалерии. Внимание Государя привлек один из юнкеров Ахтырского полка, который несмотря на свою молодость занял призовое место на скачках. По итогам маневров состоялось награждение победителей призами, в том числе и производство юнкеров в офицеры. Вот как рассказывает об этом случае старый ахтырец подполковник Лев Опацкий в своих «Записках»:

«Николай I, осматривая представлявшихся ему юнкеров, запомнил отличившегося юнкера и спросил его фамилию.

– Де Бальмен! – ответил тот.

– Ты граф? – удивленно спросил Государь.

– Никак нет, Ваше Величество, – ответил юнкер, – документы утеряны!

– Тогда поздравляю тебя графом и производством в корнеты, – сказал Император и пожал ему руку».

Так Александр Петрович де Бальмен дослужился до командира славного Ахтырского гусарского полка в 1865 году, а в 1872 году был переведен в гвардию и возглавил наш лейб-гвардии Гродненский гусарский полк.

Вместе с лейб-гвардии уланами, гродненцы ушли и на Русско-Турецкую войну 1877–1878 годов. Боевой путь гродненских гусар мало чем отличался от пути Уланского полка. Горный Дубняк, Телиш, переход через Балканы, взятие Софии, Филиппополь. Полк отлично воевал, за что и был пожалован Георгиевским штандартом за войну 1877–1878 годов.

Возвратившись в Варшаву, полк стоял там до самого начала войны 1914 года, уходя лишь на большие Императорские маневры в 1886 году – в Беловежскую пушу и в 1890 году – на Волынь.

Кстати, именно на последних маневрах присутствовал и корнет Александрийского гусарского полка Маннергейм, будучи откомандированным от своего полка в качестве офицера для поручений. Маневры были огромные. В них было задействовано до 200000 войск, и молодому офицеру посчастливилось принять участие в столь крупномасштабных учениях, что, безусловно, помогало набирать столь необходимый опыт.

Теперь же Маннергейм, став начальником Отдельной Гвардейской кавалерийской бригады, принял под свою команду и этот полк.

Кроме двух кавалерийских полков, в его распоряжении оказалась и 3-я Его Императорского Высочества князя Георгия Михайловича (с 17 августа 1870) батарея лейб-гвардии Конной артиллерии.

Гвардейская конная артиллерия была образована 25 марта 1805 года под названием лейб-гвардии Конной артиллерии, 17 августа 1870 года переименована в Гвардейскую конно-артиллерийскую бригаду. 17 апреля 1895 года была разделена на 1 и 2-й дивизионы и уже 25 апреля того же года эти дивизионы были учреждены в составе: 1-й дивизион – 1, 4 и 6-й батарей; 2-й дивизион – 2 и 5-й; 3-я батарея считалась в командировке. 6 марта 1913 года бригада была наименована лейб-гвардии Конной артиллерией.

3-я батарея была образована 16 июля 1814 года. Старшинство ей было установлено с 9 ноября 1796 года, праздник – 6 декабря, в день свт. Николая Чудотворца.

История возникновения лейб-гвардии Конной артиллерии связана с началом царствования Императора Павла Петровича. На третий день своего восшествия на престол Император образовал лейб-гвардии Артиллерийский батальон из всех артиллерийских частей, составлявших Гатчинскую артиллерию, и из состоявших при гвардейских полках. Причем из конной роты Гатчинской артиллерии, пополненной из полевых конных рот, была сформирована первая Гвардейская конная рота при батальоне. Эта рота и послужила в дальнейшем основанием для большинства гвардейских конных батарей и, тем самым, гвардейской Конно-артиллерийской бригады.

По окончании Русско-турецкой войны 1877–1878 годов 3-я батарея лейб-гвардии Конной артиллерии находилась в Варшаве и входила в состав Отдельной Гвардейской кавалерийской бригады.

Батарея была заслуженной и имела много коллективных наград за свои боевые отличия в прошлом: Георгиевские серебряные трубы с надписью «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года», пожалованные в 1817 году в знак уважения к вошедшим в батарею подразделениям, уже имевшим подобное отличие; юбилейную Георгиевскую трубу с подобной надписью, с датами «1796–1817–1896» и бантом из Андреевской ленты; знаки отличия на головные уборы с надписью «За Филиппополь 4 января 1878 года», пожалованные 28 марта 1879 года.

С 1905 года генерал-инспектором всей артиллерии Русской армии стал Великий Князь Сергей Михайлович. Чрезвычайно требовательный, но великолепный знаток своего дела, он добился подлинной виртуозности в стрельбе наших батарей. Кровавый опыт Японской войны был использован артиллеристами, которые прекрасно владели тактикой стрельбы с закрытых позиций. На вооружение были приняты орудия образца 1902 года, показавшие поразительные баллистические качества и выносливость стали. Насколько прочны были орудия, доказала Первая Мировая война. Предел выносливости орудий был рассчитан на 4000 выстрелов, после чего считалось, что упругость стали значительно уменьшалась, и можно было опасаться разрыва тела орудия. Но на практике оказалось, что орудие легко может выдержать до 8000 выстрелов, то есть вдвое больше, нежели предполагали – разрыва орудия не было. Только у дула стирались нарезы, и камера носила следы значительного выгорания, от чего точность стрельбы снижалась. В целом, материальная часть выдержала испытание и оказалась на высоте.

Поскольку батарея входила в состав Гвардейской бригады, то в обстановке мирного времени кавалерийские полки обычно тяготились присутствием конных батарей, стеснявших их движение, требовавших укрытия и вызывавших другие тактические заботы. Кавалерия почти не скрывала свои чувства, и артиллеристы отлично это знали. Однако Маннергейм, испытывавший на личном боевом

опыте всю значимость огневой поддержки на войне, требовал от своих кавалерийских полков резко изменить это отношение и чуть ли не ухаживать за приданной бригаде батареей. Практиковалось командировать от каждого кавалерийского полка по одному офицеру и двадцати нижних чинов «для ознакомления с артиллерийским делом». Их знакомили с материальной частью, обучали приемам при орудиях, правилам стрельбы и знакомили с конными учениями. Идея была абсолютно правильная, ставившая цель, чтобы кавалерия имела понятие об артиллерии и, в случае убыли во время войны, пополнение можно было бы брать прямо из кавалерийских полков бригады. Надо сказать, что это было не пустым времяпрепровождением, а действительно серьезным подходом к делу. Учились даже запрягать в орудия лошадей кавалеристов, чтобы в случае потери артиллерийских лошадей, быстро произвести замену. Жизнь, а точнее война, подтвердила правильность всех этих тренировок.

При батарее имелось 1008 орудийных патронов, в том числе 144 гранаты, остальные шрапнель. Орудийные номера и вообще все люди, входившие в боевой расчет, были верхом, материальная часть была достаточно легка, и батарея следовала за своей кавалерией, не отставая от нее и не отременяя.

В то же время батареи конных соединений не имели собственных артиллерийских парков для подвоза боеприпасов. Предполагалось, что они будут их получать от ближайших пехотных частей. В первый период войны, когда кавалерия стояла в пределах России и прикрывала сосредоточение и передвижение армий, снабжение боеприпасами не встречало больших затруднений. Однако с началом боевых действий пополнение снарядами стало случайным и затруднительным, особенно после больших боев, когда армейские корпуса сами чрезвычайно нуждались в пополнении боезапаса.

За год до начала войны бригада, которой командовал Маннергейм была усилена современным вооружением. Так, 8 сентября 1913 года была организована конно-пулеметная команда, являвшаяся общегригадным резервом. Она состояла из двух взводов, по 2 пулемета в каждом. Расчет каждого пулемета состоял из семи человек. Пулеметные команды имели на вооружении пулеметы «Максим» образца 1905 года,

которые возились на особых двуколках, прообразах будущих тачанок, но могли использоваться также во вьючном варианте, на треноге. А уже перед самой войной была сформирована и конно-саперная команда. Кроме того, в каждом полку имелись свои небольшие команды связистов. Комплектование всех вышеперечисленных подразделений осуществлялось прошедшими специальную подготовку нижними чинами в счет установленных штатов (по 4-5 человек от каждого эскадрона). Также в каждом полку имелась нештатная команда разведчиков, укомплектованная лицами, подготовленными для ведения разведки и выполнения поручений, требующих личной отваги и находчивости. Вместе с тем, все офицеры и унтер-офицеры полка должны были пройти курс саперного и подрывного дела.

Для производства разрушений каждый полк имел 19,5 пудов взрывчатых веществ (тол, пироксилин) и инструмент для порчи заграждений противника вручную. Все это перевозилось на двух двуколках и шести вьюках. Хотя, конечно, для разрушения крупных оборонительных сооружений этого было недостаточно.

Обоз в кавалерии был очень ограничен. На полк полагалось всего 5 парных повозок, 2 парные лазаретные линейки, 16 двуколок, 7 походных кухонь, 6 подрывных вьюков и офицерские вьюки по числу офицеров. Бригада как войсковое соединение не имела ни обозов, ни транспортов. С одной стороны, это не связывало и не стесняло движения, но с другой, подвоз всего необходимого не обеспечивался.

Кавалерия, выступая в поход, имела при себе следующие запасы: патронов ружейных по 62, из них 40 на людях, остальные в полковом обозе, продовольствия на 4 дня, из них на 1 день на людях, остальное в обозе, овса на три дня, из них 10 фунтов на лошади (то есть суточная норма). Мелкие продукты: чай, сахар, соль, – были в большом количестве, кроме сухарей, в седельном вьюке имелись консервы. Понятно, что груз, который несла строевая кавалерийская лошадь, был достаточно велик: весь седельный вьюк со всадником при полной походной выкладке доходил до 6,5-7 пудов. Полки по выступлению в поход имели все по положению, но патронов было больше, так как, кроме боевого комплекта, были взяты все боевые патроны, имевшиеся в полках.

Специальных лечебных учреждений ни при бригаде, ни в дивизиях не имелось. Для первоначальной помощи в полках были врачи (2 на полк), фельдшера (по 1 на эскадрон), лекарства и перевязочный материал, а затем для лечения больные и раненые должны были переправляться в госпитали и лазареты пехоты и дальше в тыл. Каждый всадник имел индивидуальный перевязочный пакет, который обычно привязывался к шашке, у каждого фельдшера имелась фельдшерская сумка с необходимыми лекарствами и перевязочным материалом. В каждом полку имелись аптечная и санитарная двуколка с медикаментами, инструментом, носилками и прочим медицинским имуществом и две лазаретные линейки, из которых каждая могла поднять 2-х раненых лежа или 4-х сидя. Медикаментов, инструментов и прочего было достаточно, а вот средств эвакуации раненых не доставало. Для оказания помощи лошадям имелись ветеринарные врачи и фельдшера, но для лечения лошадей нужно было отправлять в тыл. Ветеринарный персонал мог лечить только тех лошадей, которые могли идти, не отставая от части. А те, что двигались с трудом или не могли нести груз и всадника, подлежали отправке в тыловые обозы, где постепенно образовывались своеобразные ветеринарные лазареты.

В отношении кавалерии Русской армии накануне войны, в том числе и конной артиллерии, входящей в состав кавалерийских соединений, можно сказать, что даже в мирное время она содержалась полностью укомплектованной, в довольно высокой степени готовности на случай военных действий.

Осенью 1913 года Маннергейм был откомандирован во Францию, в военное училище Семура, где ознакомился с принципами организации и ведения боевых действий союзников, принял участие в военной игре и учениях.

Накануне войны была введена и походная форма. Она включала фуражку или папаху (зимой), китель (летом) или походный мундир (зимой) – у офицеров и гимнастерку – у нижних чинов; шаровары, заправленные в высокие сапоги со шпорами; погоны, походное снаряжение (офицеры) или пояс (нижние чины); коричневые перчатки (офицеры); шашку на ременной портупее и револьвер системы

Наган с походным шнуром (офицеры) или шашку, стальную пику без флюгера, револьвер солдатский, драгунскую винтовку системы Мосина образца 1891–1910 годов со штыком, который возился при ножнах шашки, и патронную сумку (нижние чины). Цвет формы зеленовато-серый, отличия полков заключались лишь в выпушке погон у нижних чинов: уланы имели желтую, а гродненцы – малиновую. Офицеры-уланы носили пояс коричневой кожи, а гусары – красной.

Перед самым началом войны полками командовали: лейб-гвардии Уланским Его Величества – генерал-майор А.А. Абалешев, лейб-гвардии Гродненским гусарским – Свиты Его Величества генерал-майор князь Н.А. Енгальчев. Вот в таком составе Отдельная Гвардейская кавалерийская бригада под общей командой генерал-майора Свиты Его Величества Маннергейма готовилась вступить в Великую войну.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

*Дралась русская бригада
За галицийские поля,
И достались мне в награду
Два солдатских костыля...*

*Солдатская песня
Первой Мировой войны*

Последние предвоенные годы Европы... Ощущение неминуемо надвигающейся катастрофы висело в воздухе, что подтверждалось беспрестанно вспыхивающими и затухающими конфликтами. Страны континента заканчивали деление на «своих и врагов», образуя союзы и коалиции.

Балканы по-прежнему сохраняли все свои противоречия, служа основным источником угрозы остальному миру. Но к национально-религиозно-территориальной сущности проблем добавилась новая – «жирная и продажная», имя ей – нефть. Вместе с ней вытекало и разливалось по цистернам и бочкам миллионами баррелей и галлонов основное зло на планете.

Большинство трагедий человечества всего последующего периода нашей истории до дня сегодняшнего и, со всей уверенностью можно сказать дня завтрашнего, связано с ней.

Наука и технический прогресс, с одной стороны, несли свет людям, с другой – требовали жертв. Промышленность развивалась невероятными темпами, человек устремлялся в небо и на дно океана. Фантастические романы Жюль Верна и Герберта Уэллса становились явью. И все это требовало одного – топлива. Старая добрая вязанка дров не могла насытить этого Молоха, а уголь лишь поддерживал пламя прогресса, но не придавал ему того бешеного динамического ускорения, которое требовалось для прыжка. И топливо появилось. Заработали дизели и турбины, завращались винты, пропеллеры, колеса: их величества Скорость и Мощность стали повелевать судьбами людей, с помощью своего вечного спутника Золотого Тельца. И, наверно, правы были классики марксизма, говоря о том, что если прибыль перешагивает 100-процентный барьер, то получивший ее начинает сходить с ума, а 300 и более процентов, снимают вообще все ограничения в поступках, и начинается вседозволенность, появляется мания мирового господства.

И теперь о себе начинает заявлять Ближний Восток, с его гигантскими запасами нового топлива – нефти. И две главные оси мировой политики – германская и англо-саксонская, устремляются туда. Точка их соприкосновения, а значит и столкновения – Балканы!

Я вспоминаю где-то увиденную карикатуру: астролог, показывая на расположение светил, объясняет крестоносцу: «Сэр рыцарь, звезды говорят, что через пятьсот лет, ваши потомки наплюют на Гроб Господень и будут драться здесь за какую-то черную жидкость под названием нефть!» А ведь так и произошло. Правда кровь лилась не только в Палестине, но и по всей Европе.

Франко-русский союз уже существовал, однако после поражения России в Японской войне и прокатившейся по всей стране волне революционных выступлений, акцент в отношениях двух держав сменился в пользу Франции. Знаменитые долги России Парижскому клубу, о которых вспоминают до сих пор, золотыми цепями сковали ослабевшую Империю.

В лучшую сторону, по крайней мере внешне, изменились отношения с Великобританией. Гульский инцидент 1904 года, когда 2-я Тихоокеанская эскадра, шедшая к Цусиме, случайно расстреляла мирных рыбаков, приняв их за японские миноносцы, чуть было не поставил окончательную точку в вопросе начала войны между странами. Тем не менее британское правительство вдруг резко поменяло свой курс, и вечные соперники по Средней Азии и Китаю пришли к соглашению о разделе своих сфер влияния в этих регионах.

Объяснение подобному изменению внешней политики «владычицы морей» довольно простое. Великобритания почувствовала реальную угрозу, исходящую от Германии. Главное направление, которое интересовало и ту и другую – Ближний Восток. Оси Берлин-Багдад и Лондон-Багдад пришли в соприкосновение. А Россия, веками сражавшаяся с Турцией, как раз выступала в интересах Лондона. Веским аргументом служило и то обстоятельство, что судостроительные верфи Германии работали полным ходом, с их стапелей уходили новейшие мощные линкоры, быстроходные эсминцы, и сыпались горохом в океанские глубины подводные лодки. Престиж величайшей из морских держав зашатался. Так сложился «entente cordiale» союз России, Франции и Великобритании – Антанта.

В Берлине это было расценено как политика окружения Германии. Единственным выходом из создавшегося положения Германия видела в войне, которую нужно было срочно начинать, пользуясь слабостью России и ненадежностью союзников – Австрии и Турции. Двудеиная империя Габсбургов уже давно дышала на ладан, раздираемая внутренними противоречиями, а султанская Турция, хоть и обладала большой армией, начиненной прусскими инструкторами и оружием Крупна и Маузера, но боеготовность ее оставляла желать лучшего, что подтверждалось последними ста годами непрерывных поражений от русских.

Война, причем победоносная, нужна была всем правительствам центральных держав или Тройственного союза, как они себя называли.

В 1908 году произошла первая вспышка, когда мир в Европе буквально повис на волоске. Австро-Венгрия произвела аннексию Боснии и Герцеговины, затягивая узел балканских противоречий

до предела. Россия была вынуждена смириться с этим, чувствуя свою слабость. Именно тогда премьер-министр Столыпин сказал: «Россия испытала вторую Цусиму!» Однако ответный ход на действия центральных держав был удачен – в 1912 году в Петербурге заключен союз балканских государств: Сербии, Болгарии, Греции и Черногории под общим покровительством России.

Балканы вспыхнули. Сербия в течение двух недель нанесла ряд серьезных поражений Турции, болгарская армия вышла к Адрианополу, угрожая непосредственно столице османов, греки взяли Салоники, черногорцы – Скутари. Турки запросили мира.

Это чрезвычайно встревожило Германию и Австро-Венгрию. Срочно нужно было перессорить бывших союзников, чтобы идея панславизма разрушилась в самом ее начале. Допустить объединение славян, да еще под руководством России, потомки псов-рыцарей никак не могли. Происки увенчались успехом, и София предъявила столь завышенные требования к Сербии и Греции, что ни та, ни другая принять их не смогли. Петербург пытался вмешаться, но Болгария окончательно скатилась в прогерманское болото и дерзко отвергла все попытки к примирению.

Тогда Сербия и Греция объявляют войну Болгарии, и бывшие союзники в мгновение ока становятся злейшими врагами. Вторая Балканская война 1913 года окончательно расставила точки в распределении сил в Европе. Сербия оказалась в полной изоляции, имея в соседях враждебную Австро-Венгрию, только что аннексировавшую Боснию и Герцеговину, где проживало два миллиона сербов, и озлобленную последними событиями Болгарию. Таким образом, Сербия стала единственной естественной преградой для германского натиска на Ближний Восток к его нефтяному центру – Багдаду.

Япония также тяжело переживала выход из кризиса, порожденного войной с Россией, поэтому усилия ее дипломатов были направлены на сохранение мира и на то, чтобы мирным путем добиться аннексии Кореи. В результате заключенного в 1910 году в Петербурге русско-японского соглашения Россия могла быть спокойна за свои дальневосточные рубежи, предоставив Японии право самой разбираться с Кореей.

Соединенные Штаты издалека внимательно наблюдали за всем происходящим в Европе, но не собирались отказываться от участия в дележе добычи, планируя вмешаться в самый выгодный для них момент, когда исход будет ясен, громогласно заявить о себе, как о победителе, а значит и главном претенденте на самые лакомые куски.

Вот в целом вся предвоенная обстановка и расстановка сил на предстоящем европейском театре военных действий.

Балканские войны отрезвляюще подействовали на Россию. Русская армия подверглась серьезной реорганизации, в которой, к сожалению, не все мероприятия были удачны. Хотя, забегая вперед, можно сказать, что общий уровень боеспособности армии и ее готовность к войне были, несомненно, повышены.

К недостаткам нужно отнести, прежде всего, общий упадок духа, овладевший высшим командным составом армии после Японской войны. Страх перед противником в предстоящей войне настолько глубоко проник в сознание военачальников, что по принятому плану войны западные приграничные округа отдавались практически сразу, армия должна была отступить в глубь страны, чтобы уже оттуда начинать действия. Вместе с тем, опять не учитывая опыт боевых действий в Маньчжурии, предстоящая война расценивалась как скоротечная. Поэтому в бой планировалось ввести все силы сразу, не оставляя стратегических резервов. Считалось, что исход войны может решить первый удар, и победа будет достигнута после двух-трех сражений.

Анализ политической обстановки в начале XX века позволил Генеральному штабу сделать вывод, что при особо неблагоприятных условиях развязывания войны в Европе, на Русскую армию может выпасть необходимость одновременной борьбы с вооруженными силами Германии, Австро-Венгрии, Румынии и Швеции. При этом тяжесть положения может усугубиться выступлением против России Турции, Японии и Китая на других театрах военных действий.

Выступление держав Тройственного союза против России и Франции могло идти в двух направлениях: главные силы Германии будут направлены сначала против России; главные силы Германии будут направлены в начале войны против Франции.

Вечная беда России – дороги и расстояния, вследствие чего мобилизация армии и сосредоточение войск у линии фронта производились бы слишком долго, и Россия могла быть готова к решительным действиям значительно позже своих союзников. Знаменитая формула $40 - 17 = 23!$ Именно двадцать три дня определяли разницу в мобилизационной готовности России.

Исходя из этого, в 1910 году был осуществлен отвод ряда войск от западной границы в глубь страны – пять пехотных дивизий и одна кавалерийская (5-я, где начинал службу Маннергейм в Александрийском полку). Это объяснялось необходимостью приблизить войска к районам их комплектации. Но это как раз и замедляло готовность армии: мобилизация ускорялась, но сосредоточение войск чрезвычайно усложнялось. Одно дело перебросить запасных 20 эшелонов, нежели весь корпус – 120 эшелонов.

Решающим аргументом здесь послужили доводы о необходимости усиления войск на случай выступления Турции, а вторым – мнение тогдашнего премьер-министра Столыпина об усилении воинского присутствия в центре страны для противодействия возможному развитию революционной ситуации. Эти действия вызвали страшное возмущение Франции, потребовавшей, обратите внимание на тон, возврата войск. Генштаб Франции был прекрасно осведомлен о планах германского командования, строившихся на основе доктрины Шлиффена-Мольтке, пресловутом «блицкриге», и учитывающем разницу в мобилизационной готовности армий. Удар по Франции – разгром, срочная переброска войск, благодаря прекрасным железным и шоссейным дорогам, на восток, и удар по России, и ее разгром. Германия, как и все остальные страны, не собиралась ввязываться в продолжительную войну, понимая, что ее ресурсы также имеют границы. Все это объясняет давление, оказываемое на Россию со стороны Франции, заинтересованной в более ранних сроках разгрома русских армий и вступления их в войну.

В мае 1912 года Николай II утвердил «Указание командующим войскам на случай войны с державами Тройственного союза» и Мобилизационное расписание № 19, с которым Россия и вступила в Первую Мировую войну.

Нужно отметить, что в сентябре 1913 года были внесены некоторые изменения, касающиеся в основном сокращения времени развертывания войск, передаваемых в общий стратегический резерв Ставки, на 6–13 дней за счет уменьшения общего их числа. Эти изменения получили название «Мобилизационный план № 20», он должен был вступить в силу с осени 1914 года.

По плану стратегического развертывания 1912 года в зависимости от военной обстановки, которая могла определиться в начале войны, предусматривалось два варианта вероятного развития событий и, исходя из этого, предпринимаемых действий:

1. План «А» – сосредоточение основных сил против Австро-Венгрии;
2. План «Г» – то же, но против Германии.

Интересы России диктовали целесообразность нанесения главного удара по Австро-Венгрии с дальнейшим выходом на Балканы. Преимущества этого варианта заключались прежде всего в том, что при поддержке балканских славянских народов Россия укреплялась в этом регионе, а затем, с выходом на равнины Венгрии, могла нанести удар по промышленному центру Германии – Силезии.

В действительности осуществленный план «А» ставил перед собой не одну цель, а две: одновременное поражение германских войск в Восточной Пруссии и австро-венгерских – в Галиции, и это являлось его главной ошибкой. Хотя главный удар наносился по Австро-Венгрии, но силы распределялись между двумя фронтами совершенно неоправданно. В Восточной Пруссии – 33% всех войск, а на направлении главного удара – 52%, поэтому нужного превосходства над противником не было. Кроме того, 15% войск оставлялись для так называемых заслонов: в Петербургском военном округе – 6-я армия, на случай выступления Швеции и для защиты столицы и Балтийского побережья, и 7-я армия в районе Одессы, для противодействия возможным враждебным действиям Румынии. Причем и тот, и другой заслоны стратегически не оправдывались. Швеция была давно вовлечена в сферу британской политики и без ведома Лондона не могла предпринять никаких шагов, а Румыния также активно перетягивалась русской дипломатией на свою сторону.

В любом случае боевые первоочередные дивизии корпусов армий, оставленных в заслонах, могли принять участие в боевых действиях на нужных направлениях с первых дней войны, хотя бы на основном, австро-венгерском, что увеличило бы здесь концентрацию войск до 67%. А заслоны, если они были так необходимы, можно было создать из формирующихся дивизий второй очереди.

Еще одной ошибкой, совершенной перед войной, был пересмотр роли крепостей. Стройная система оборонительных сооружений особенно вдоль западных рубежей сокращалась вдвое. Оставлялись крепости – Свеаборг, Выборг, Кронштадт, Усть-Двинск, Ковно, Осовец, Брест-Литовск, Новогеоргиевск, Очаков и Севастополь. Перевооружение и модернизация самих фортификационных сооружений крепостей в соответствии с требованиями современной войны шли очень медленно. Кроме того, были упразднены крепостные войска, и вместо этого в крепостях стали запирают пехотные дивизии, не понимая того, что позиции лучше защищают те, кто их знает.

Из положительных моментов реформы Русской армии необходимо отметить следующие:

– Было увеличено количество офицеров, что соответственно улучшило качество обучения личного состава. При этом третья часть офицерского корпуса имела непосредственный боевой опыт, и этот опыт был использован и проработан. Поражение в Маньчжурии не только не подавило дух русского офицерства, а, наоборот, стимулировало энергию – и этой самоотверженной работе русского офицера армия была обязана своим перерождением в изумительно короткий срок. К сожалению, работа по воссозданию боевой мощи армии ограничивалась уровнем полка или бригады. Роты, эскадроны и батареи были доведены до такого высокого уровня мастерства, что далеко превосходили таковые же любой европейской армии.

– При каждой дивизии – пехотной или конной – были сформированы пулеметные команды, затем такие же команды были сформированы при каждом пехотном полку, а дивизионные оставлены только в коннице при каждой дивизии или бригаде.

– Устройство кавалерийских полков осталось без изменения, кроме расформированных конных корпусов, которые уже в условиях

войны пришлось формировать заново. Вся кавалерия была сведена в 24 конные дивизии, 8 отдельных конных бригад, 12 отдельных полков, 2 отдельных казачьих дивизиона и 16 сотен. Войсковая конница, то есть конница, входящая в состав пехотных дивизий, отсутствовала. Отсутствие взаимодействия пехоты и кавалерии, оставляло пехоту слепой, что было серьезным промахом. Об этом мы еще вспомним, рассказывая о ходе боев.

– Артиллерийское дело было поднято на нужную высоту. Стрельба батарей с любых позиций достигла виртуозности. Были образованы мортирные дивизионы, получившие на вооружение 48-линейную мортиру, кроме этого, широко стала применяться 3-х дюймовая горная пушка, то есть увеличивалась роль навесного огня. Артиллерия отлично научилась стрелять с закрытых позиций, тем самым уменьшая вероятность собственных потерь. Все артиллерийские подразделения были подчинены начальникам пехотных или конных дивизий. Таким образом, артиллерия приобщилась к общей тактике.

– В военно-инженерном деле важнейшими событиями стало введение искрового телеграфа – прообраза радиосвязи, и создание автомобильных частей. С началом войны, в соответствии с «Положением о военной автомобильной повинности», в действующую армию поступило около 3000 легковых и 430 грузовых автомобилей, около 1800 мотоциклов, которые конечно не могли удовлетворить всей потребности.

– Ускоренными темпами шло развитие авиационных и воздухоплавательных частей. И хотя первое время на авиацию возлагались лишь разведывательные функции, и кроме личного оружия экипажи самолетов не имели другого вооружения, со временем стала формироваться истребительная авиация. В России авиаконструктором И.И. Сикорским был разработан первый в мире бомбардировщик «Илья Муромец», построенный на Русско-Балтийском заводе. Кроме шести пулеметов, он нес на своем борту 15–20 пудовых или 25 фунтовых бомб.

– В обществе стал пробуждаться патриотизм, и появилась тяга молодежи к поступлению в военные училища. Если в 1905 году университеты и гимназии были очагами революции, то в 1917 они стали

очагами контрреволюции. За эти годы они дали армии много тысяч доблестных офицеров, это именно та категория русского офицерства, что имела наибольшее количество убитых в первый год войны.

– Войскам была возвращена красивая парадная форма, кавалерийским полкам вернулись и их старые названия – гусары и уланы. Психологически это имело огромное значение – роль одежды во все времена была значительна у всех народов. Кроме того, специально для ведения боевых действий войска получили походное защитное обмундирование цвета «хаки».

– Большая реформа коснулась и военно-морского флота, совершенно уничтоженного после Русско-Японской войны. Строились новейшие дредноуты, со стапелей заводов сошли превосходные эсминцы типа «Новик» и новые образцы подводных лодок.

В целом программа перевооружения и реорганизации Русской армии и флота должна была быть законченной к 1917 году. Как всегда мы не успели, поэтому накануне Великой войны все наши реформы были в стадии начинания. Развивать их пришлось под навесным огнем вражеской артиллерии в условиях тяжелейших оборонительных боев, где все держалось на мужестве и стойкости русского солдата. Да и завершить реформы не удалось. Когда, казалось, до победы оставалось совсем немного, и наша промышленность наконец стала давать фронту то, что ему требовалось, России был нанесен удар в спину. И миллионы принесенных ею жертв уже никого не интересовали, о них забыли в угоду собственным политическим амбициям.

Несмотря на внешнюю праздную жизнь Варшавы, где стояла Гвардейская бригада Маннергейма, город являлся центром тайной войны, которая давно уже развернулась и шла в полную силу. В том же самом доме, на Саксонской площади, где размещалось все высшее командование округа, находился и центр этой тайной войны, который возглавлял полковник Николай Степанович Батюшин. Руководство разведкой и контрразведкой в самом важном для военной безопасности России Варшавском округе требовало полной самоотдачи.

Батюшин отличался исключительной работоспособностью, инициативой, системностью оперативного мышления, имел богатый кругозор специалиста, что позволяло ему принимать нешаблонные

решения. Большой вклад в успешную работу отделения вносили его талантливые помощники, офицеры штаба округа Муев, Терехов и Лебедев.

Об обстановке в приграничных районах и о реальном вкладе Варшавского округа можно судить по следующим цифрам. С 1900 по 1910 годы в Варшавском округе, буквально опутанном австрийскими и германскими агентами, было выявлено почти полторы сотни шпионов. С 1911 года ситуация решительно стала меняться в лучшую сторону. В июне военный министр утверждает «Положение о контрразведывательных органах», а в апреле 1912 года и Государственная Дума ужесточает законодательство о государственной измене «путем шпионства». Результаты не замедлили сказаться.

Были разоблачены важные агенты противника – начальник гарнизона в маленьком польском городке полковник Иоганн фон Штейн и служащий варшавского телеграфа Петр Антосевич, передававший секретные документы немецкому разведчику Эрнсту Бену, работавшему в Варшаве под видом коммерсанта. Результаты разведывательной деятельности также впечатляли. Агентурная разведка Варшавского округа накануне войны предоставила планы укреплений Восточного фронта Германии – в Кенингсберге, на Мазурских озерах, в Данциге, Кульме, Грауденице, Торне, Познани и Бреслау, а также австро-венгерских крепостей – Кракова и Перемышля, укреплений Ярослава и Львова.

Кроме того, в руки русской разведки попали очень важные статистические материалы, позволившие Главному управлению Генерального штаба выпустить накануне войны капитальный труд «Вооруженные силы Германии». Сюда вошли предоставленные разведкой документы: «Справочная книга германского Генерального штаба», «Мобилизационный план германской армии», «Германские основные принципы высшего командования». Они содержали уникальные по своей важности сведения о мирной и военной организации германской армии и их союзников, подробно освещали вопрос об эксплуатации железных дорог в военное время для действий германских армий по внутренним операционным линиям. Огромное количество справок по артиллерии, с подробными

чертежами и описанием состоявших на вооружении Германии орудий, снарядов, трубок и лафетов. Здесь же были указания по охране границы и железных дорог в районе 20, 17, 2, 5 и 6-го приграничных корпусов германской армии, планы приведения в оборонительное состояние крепостей, отчеты о маневрах, планы перевозок и прочее. По Австро-Венгрии имелись планы перевозок австро-венгерской армии для ее сосредоточения.

Отделение, возглавляемое полковником Батюшиным, разработало и издало первый в России учебник и словарь венгерского языка. А затем был создан отдел приблизительно в сто офицеров-переводчиков, который явился единственным источником, из которого черпали своих переводчиков сначала формировавшиеся в Варшавском округе 4-я и 5-я армии, а потом и остальные армии Юго-Западного фронта, действовавшие против Австро-Венгрии.

Лучшая оценка деятельности – это оценка противника. Вот что писал о русской разведке Варшавского округа, на который приходилось две трети границы с Германией и Австро-Венгрией, генерал-майор Ронге из австрийской разведки: «Дом полковника Батюшина на Саксонской площади в Варшаве, где капитан Терехов и капитан Лебедев выработались в прекрасных помощников, сильно беспокоивших нас во время Мировой войны, давал в своих стенах приют предприятию, работавшему с массой руководителей – начальников групп, вербовщиков агентов, разведывательных инспекторов... Ни себе, ни им он не дает возможности расслабиться ни на один день». Оппоненты и противники знали кипучую деятельность Батюшина, его мертвую хватку, масштабность и последовательность действий.

Вот как выглядела тайная жизнь Варшавы и всего Варшавского округа, незаметная для всех остальных. Война уже шла вовсю, и хоть на ней не гремели орудия, не поливали свинцом пулеметы, не шли в атаку пехотные цепи, и не неслась в лаву кавалерия, но кровь уже лилась.

Между тем напряжение нарастало. Все ждали какого-либо события, которое станет отправной точкой, поводом, чтобы всколыхнуть Европу и окончательно повергнуть ее в хаос войны. И повод представился.

Пятнадцатого (28) июня 1914 года жители Сараево, столицы аннексированной Австро-Венгрией Боснии, ожидали приезд наследника трона Габсбургов эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жены Софии, герцогини Хотек. Около десяти часов утра на проезжавший по улицам Сараево кортеж высокопоставленных гостей было совершено первое покушение: сербский патриот Неделько Габринович бросил бомбу в открытый автомобиль эрцгерцога.

По счастливой случайности Францу-Фердинанду удалось рукой отбить летящий смертоносный снаряд, который упал позади и разорвался, ранив нескольких зрителей и пассажиров, следовавшей за ними машины. Резко изменив маршрут движения, кортеж свернул с набережной на узкую улочку, где их ждал следующий заговорщик – Гаврило Принцип. На этот раз выстрелы из револьвера были точны – Франц-Фердинанд получил ранение в шею, его жена София в живот. Оба покушавшихся были схвачены на месте.

Заговорщики состояли в организации революционного движения южных славян «Молодая Босния», руководимой из Белграда другой тайной террористической организацией «Уеднение или смрт» («Единство или смерть»), неофициальное название которой было «Черная рука». Ее члены были готовы использовать любые средства ради выхода Боснии и Герцеговины из-под власти Австро-Венгрии и объединения с Сербией. Во главе организации стоял начальник разведки сербского Генерального штаба полковник Драгутин Дмитриевич. За свою невероятную физическую силу и упорство в достижении цели он носил прозвище «Апис», так звали священного быка в храме Мемфиса, земное воплощение древнеегипетского бога Птаха.

Отзвуки выстрелов в Сараево заставили замереть Европу. Началась дипломатическая возня по официальному оформлению «casus belli» – повода к войне. Министерства иностранных дел Германии и Австро-Венгрии договаривались о срочном проведении следствия по убийству в Сараево, дабы по его результатам, объявлять мобилизацию. Хотя всем все было ясно, но требовалось сохранить хорошую мину при плохой игре. Одновременно нужно было составить ультиматум Сербии, заранее неприемлемый для любого суверенного государства. Наступал знаменитый июльский кризис.

Через несколько дней после покушения в Сараево, генерал-майор Свиты Его Величества Маннергейм испрашивает двухнедельный отпуск для лечения ревматизма и отправляется из Варшавы в Висбаден. Была ли это действительно поездка на лечение или Маннергейм использовал это как причину для посещения враждебной России Германии для других целей, сказать сложно. Служа в Варшавском округе, он прекрасно был осведомлен о происходящем по другую сторону границы. Может быть, поездка на целебные источники была вызвана необходимостью ознакомиться на месте с фактическими действиями Германии по подготовке к войне?

Вспоминая об этой поездке в своих мемуарах, Маннергейм отмечает, «как в обществе нарастает военный психоз, который находит все более открытое выражение в неприязненном отношении к гостям из России». Возвращаясь в Варшаву, Маннергейм заезжает в Берлин, где по старой памяти службы в Управлении придворно-конюшенной части, он заглянул на один из лучших конных заводов Германии. Здесь он обнаружил, что конюшни пусты – всех лошадей выкупили для германской армии. Владелец завода сообщил Маннергейму, что всегда скупая германская военщина теперь даже не торговалась. Все это подтверждало мысль о неизбежности войны, которая должна была начаться со дня на день.

Двадцать второго июля Маннергейм возвращается в Варшаву и еще через пару дней присоединяется к своей бригаде, находящейся в летних лагерях. Из газет он узнает о том, что 23 июля Австро-Венгрией был, наконец, предъявлен ультиматум Сербии. Два дня готовился ответ, шли непрерывные консультации Сербии с Петербургом, Петербурга с Лондоном, с Парижем, с Веной и Берлином. В результате был подготовлен документ, который до сих пор считается блистательным актом мировой дипломатии. Сербия согласилась на все пункты ультиматума, кроме введения австрийских войск в Белград и проведения австрийских следственных мероприятий по выявлению лиц, причастных к убийству в Сараево, на территории Сербии. Этого оказалось достаточным для разрыва отношений. Император Николай II прокомменти-

ровал действия Австро-Венгрии четко и прямолинейно: «Россия никогда не останется равнодушной к судьбе Сербии».

Первые снаряды Великой войны разорвались на улицах Белграда. В России под ружье становились округа, подлежащие мобилизации для действий против Австро-Венгрии – Киевский, Казанский, Одесский и Московский.

Бригада Маннергейма получает срочный приказ вернуться из лагерей в Варшаву. Сам Маннергейм повредил ногу и возвращается вместе с бригадой на автомобиле.

Германия, с ловкостью карточного шулера, проводит прекрасно задуманную провокацию – со страниц газет объявляет о своей всеобщей мобилизации, постаравшись, чтобы это стало моментально известно в Петербурге. Ответ России – объявление 30 июля всеобщей мобилизации. Германия тут же отрекается от сообщений своих газет, напечатав опровержение, и, обвинив Россию в угрозе войной, уже в ультимативной форме требует от нее отмены и сворачивания всех своих мобилизационных приготовлений, причем отпускает на это сутки. Сама же начинает действительную всеобщую мобилизацию. Император Николай II предпринимает последние усилия сохранить мир и предлагает провести общеевропейскую конференцию. Но решение в Берлине уже было готово – 1 августа, когда германские войска пылили по дорогам нейтральных Бельгии и Люксембурга, посол Германии граф Пурталес вручил министру иностранных дел Сазонову ноту своего правительства. В ней было сказано, что если Россия не прекращает мобилизацию, то Германия объявляет войну. Еще спустя четыре дня, к Германии присоединилась Австро-Венгрия. В этот день последний русский Император записал в своем дневнике: «Теперь положение совершенно определилось». Так начинались Великая война и последний поход Русской армии.

Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца – взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.
В этом поезде тысячей жизнью цвели

Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда...В закатной дали
Были дымные тучи в крови.
И, садясь, запевали Варяга одни,
А другие – не в лад – Ермака,
И кричали «ура», и шутили они,
И тихонько крестилась рука.
Вдруг под ветром взлетел опадающий лист,
Раскачавшись фонарь замигал,
И под черною тучей веселый горнист
Заиграл к отправлению сигнал.
И военною славой заплакал рожок,
Наполняя тревогой сердца.
Громыханье колес и охрипший свисток
Заглушило «ура» без конца.
Уж последние скрылись во мгле буфера,
И сошла тишина до утра,
А с дождливых полей все несло к нам «ура»,
В грозном клике звучало: пора!
Нет, нам не было грустно, нам не было жаль,
Несмотря на дождливую даль.
Это – ясная, твердая, верная сталь,
И нужна ли ей наша печаль?
Эта жалость – ее заглушает пожар,
Гром орудий и топот коней.
Грусть – ее застилает отравленный пар
С галицийских кровавых полей...

А. Блок, сентябрь 1914

Второго августа Николай II подписывает манифест:
«Божиею Милостью, Мы, Николай II, Император Самодержец
Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, и
прочая, и прочая, и прочая, объявляем всем нашим подданным:
следуя историческим заветам, Россия, единая по вере и крови со сла-
вянскими народами, никогда не взидала на их судьбу безучастно.

С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила заведомо неприемлемые для державного государства требования.

Презрев уступчивый и миролюбивый ответ Сербского правительства, отвергнув доброжелательное посредничество России, Австрия поспешно перешла в вооруженное нападение, открыв бомбардировку беззащитного Белграда.

Вынужденные в силу создавшихся условий принять необходимые меры предосторожности, Мы повелели привести армию и флот на военное положение, но дорожа кровью и достоянием наших подданных, прилагали все усилия к мирному исходу начавшихся переговоров.

Среди дружеских сношений союзные Австрия и Германия, вопреки нашим надеждам на вековое доброе соседство и не внемля заверению нашему, что принятые меры отнюдь не имеют враждебных ей целей, стали домогаться немедленной их отмены, и встретив отказ в этом требовании, внезапно объявили России войну.

Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную нам родственную страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди Великих держав.

Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все наши подданные.

В грозный час испытаний да будут забыты все внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом и да отразит Россия, поднявшаяся как один человек, дерзкий натиск врага.

С глубокою верою в правоту нашего дела и смиренным упованием на Всемогущий Промысел, Мы молитвенно призываем на Святую Русь и доблестные войска наши Божие Благословение...»

От себя Государь добавил: «Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей...» После сказанного, царь вступил на балкон, выходивший на Дворцовую площадь, которая была заполнена морем людей – от арки Главного штаба до самого Зимнего дворца. При появлении царя, все, как один человек, сняли шапки, опустили на колени и запели гимн. Потом вся площадь в один голос закричала

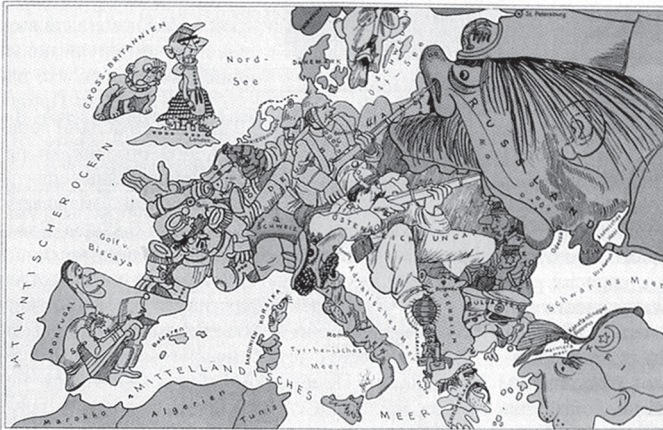

Сараево. Покушение на эрцгерцога Фердинанда. Гаврила Принцип (второй справа) схвачен на месте преступления

Выстрелы в Сараево воспламенили «балканскую пороховую бочку». Огонь вскоре перекинулся на всю Европу, представленную на карикатуре в виде враждебных сражающихся фигур – от «британского бульдога» до русской «ненасытной утробы» (крайняя справа). Из немецкой газеты. 1914 год.

KARTE VON EUROPA IM JAHRE 1914

Gezeichnet von W. Trier

England vertilgt seine Flotte unter der Heinen Deck, die Digger brödeln im Rücken. König Oskar von Schweden sitzt „gegrübelt“ auf Kautschuk. Frankreich zuckt sich müde zurück, während sich Spanien abseits Nickerchen hingibt. Belgien – hat ihm schon! Deutschland und Österreich-Ungarn teilen gute deutsche Herde nach alten Schritten aus. In der Schwedens Bereich liegt „Sibirien“. Italien der Teufel zum Teufel – dem Sieger. Serbien verknöchert Boden, seine sehr ganz wenig. Montenegro – Lauffeinde, Serbien – Schweinefänger! Der König von Dänemark – Altkönig von Völkern. Österreich und die Türkei haben sich zum Feinde gemacht. Feindstand von Bulgarien nichts auch etwas ähnlich. Camille von Rumänien? Österreich will die Gesetz verdrängen, es wird ihm aber nicht gelingen!

PREIS DER DÖPPELKARTE 30 Pf.
10% dieses Preises erhält das
„CENTRAL-COMITÉ VOM ROTEN KREUZ.“

*Император
Николай II
с членами
Генштаба.
Слева генерал
Ю. Н. Данилов,
начальник штаба
Н. Н. Якушкевич*

*С.-Петербург. Манифестанты на площади перед Зимним дворцом
слушают чтение манифеста об объявлении войны. 2 августа 1914 г.*

Первая Мировая война. Командир гвардейской кавалерийской бригады генерал-майор Маннергейм на привале за изучением карты

Первая Мировая война. Командир гвардейской кавалерийской бригады генерал-майор Маннергейм. Доклад разведчиков

Русские окопы под Варшавой перед атакой. 1914–1915 гг.

Генерал А.А. Брусилов

Орудия на основной позиции. 4 июля 1915 г.

Солдаты за получением обеда на фронте. 1914 г.

Первая Мировая война. Командир гвардейской бригады генерал-майор Маннергейм (в центре) осматривает обломки сбитого германского самолета

*Солдаты преклоняют колена перед Императором Николаем II
(в центре верхом на лошади)*

*Манифестация в Петербурге после объявления
Германией блокады Англии. 19 февраля 1915 г.*

«ура!» Подъем духа был необычайный. С одной стороны, это был истинно патриотический порыв, ознаменовавшийся митингами, подобными состоявшемуся на Дворцовой площади и прокатившимися по всей стране, а также торжественными шествиями с хоругвями и плакатами «Живео Србия», организацией военных займов и сбором средств для увечных воинов.

С другой – начался разгул пьяного шовинистического угара, озверелого и бессмысленного, как это может быть только в России. Начались погромы лавок, чьи владельцы имели нерусские фамилии, травля давно уже обрусевших немцев, верой и правдой в течение нескольких поколений служивших России, разгром германского посольства на Исаакиевской площади и, последняя глупость, – переименование столицы в Петроград.

Между тем армия жила своей жизнью. В соответствии с расписанием войск, разворачиваемых на западной границе, Отдельная Гвардейская кавалерийская бригада Маннергейма передавалась в 4-ю армию Юго-Западного фронта. В ночь с 29 на 30 июля Маннергейму было предписано явиться в штаб и вскрыть пакет, хранившийся в сейфе на случай начала войны. В пакете были подробные инструкции по передислокации бригады и срокам ее убытия. В шесть часов утра оба полка бригады вместе с батареей собрались на вокзале. Маннергейм принял последние рапорта командиров полков и, пожелав удачи и счастливого пути, отдал команду на погрузку в эшелоны.

Бригада направлялась в район города Люблин с задачей совместно с 13 и 14-й кавалерийскими дивизиями прикрывать правый фланг 4-й армии с краковского направления.

Тридцатого июля бригада прибыла на железнодорожную станцию Люблин и далее, конным порядком проследовала около 40 км к городу Краснику, расположенному в 30 километрах от австрийской границы, проходившей севернее реки Сан. По данным разведки и самостоятельным рекогносцировкам, проведенным по приказу Маннергейма, было ясно, что между линией государственной границы и рекой Сан австрийцами создан обширный укрепленный плацдарм, угрожающий, в первую очередь, железной дороге Люблин – Варшава. Все знали, что война еще не началась, и проводимая

мобилизация касалась только военных округов Москвы, Казани, Киева и Одессы. Однако на следующий день Россия начала уже всеобщую мобилизацию, а 1 августа Германия объявила войну.

Бригада Маннергейма и 13-я кавалерийская дивизия образовали кавалерийский отряд под общим командованием генерал-лейтенанта Туманова, им поручалась оборона 60-километрового участка правого фланга 4-й армии. 14-я дивизия в одиночестве осталась прикрывать весь левый берег Вислы.

Первые выстрелы раздались в день объявления Германией войны. Германские 5 и 6-й корпуса захватили Калиш и Ченстохов. В последующие дни оба этих корпуса убыли во Францию, передав занятый ими район ландверному корпусу генерала Войерша. Расположенная здесь 14-я кавалерийская дивизия генерала Новикова попыталась произвести налет, но безуспешно.

Вообще всем кавалерийским соединениям Юго-Западного фронта Высочайше было повелено избегать каких-либо действий в отношении австрийцев, до тех пор пока последние не объявят нам войны. Это случилось уже 5 августа – первые выстрелы прогремели и на галицийской границе.

К этому времени окончательно представилось развертывание армий:

Юго-Западный фронт генерала Иванова при начальнике штаба генерале Алексееве.

4-я армия – генерал барон фон Зальц, начальник штаба генерал Гуттор. Пехотные корпуса: XIV – генерала Войшин-Мурдас-Жилинского (18-я пехотная дивизия, 2-я стрелковая бригада), XVI – генерала Гейсмана (41, 45 и 47-я пехотные дивизии), Гренадерский корпус генерала Мрозовского (1 и 2-я гренадерские дивизии). Конница – левый фланг – 5-я кавалерийская дивизия и Уральская казачья, правый фланг – 14-я дивизия генерала Новикова, 13-я – генерала Туманова и Отдельная Гвардейская бригада генерал-майора Маннергейма.

5-я армия – генерал Плеве, начальник штаба генерал Миллер. Корпуса: XXV – генерала Зуева, XIX – генерала Горбатовского, V – генерала Литвинова, XVII – генерала Яковлева. Конница – 7-я кавалерийская, 1, 3, 4 и 5-я Донские дивизии, Сводная кавалерийская дивизия.

3-я армия – генерал Рузский, начальник штаба генерал Драгомиров. Корпуса: XXI – генерала Шкинского, XI – генерала Сахарова, IX – генерала Щербачева, X – генерала Сиверса. Конница – 9, 10, 11-я кавалерийские дивизии, 3-я Кавказская казачья дивизия.

8-я армия – генерал Брусилов, начальник штаба генерал Ломновский. Корпуса: VII – генерала Экка, XII – генерала Леша, VIII – генерала Радко-Дмитриева, XIV – генерала Цурикова. Конница – 12-я кавалерийская, 2-я сводно-казачья. 1, 2-я Кубанские и Терская казачья дивизии.

Юго-Западному фронту предстояло принять участие в первой Галицийской битве (17 августа – 21 сентября 1914), которая продолжалась 35 дней и привела к разгрому австро-венгерских армий. Битва происходила на фронте от 320 до 400 километров, между реками Висла и Днепр, до румынской границы, и состояла из нескольких операций. К первому этапу битвы относятся Люблин-Холмская и Галич-Львовская операции. Первая – это удар австрийцев на севере – на Люблин. Встречное сражение у Красника между 1-й австрийской и 4-й русской армиями и у Томашева – между 4-й австрийской и 5-й русской армиями. Вторая – русский удар на юге – на Львов, силами 3 и 8-й армий.

4-я русская армия наступала в направлении Перемышля, а противодействующая ей 1-я австрийская армия нанесла удар по правому флангу в направлении Красника, прикрываемого XIV корпусом, 13-й кавалерийской дивизией генерала Туманова и Отдельной Гвардейской бригадой Маннергейма.

Действовавшие на левом фланге армии 5-я и Уральская казачьи дивизии имели удачное дело в Таневских лесах южнее Красника. Взятые пленные позволили обнаружить, что развертывание всей 1-й австрийской армии происходило гораздо западнее, чем предполагалось ранее. Угроза правому флангу армии была очевидна. Фланг надо было срочно усиливать, но этого сделано не было.

Семнадцатого августа, на второй день войны, Маннергейм получает приказ Туманова, начальника 13-й кавалерийской дивизии, выдвинуться на южную окраину Красника и во что бы то ни стало, удержать город. Приказ был написан на обратной стороне разведдонесения, где говорилось, что ожидаемые силы противника, на-

ступающего на Красник, составляют одну пехотную дивизию, три батареи и одну кавалерийскую дивизию. Маннергейм приказывает двум своим полкам и конной батарее выдвинуться как можно быстрее в указанный район и принять бой в спешном порядке при первом столкновении с противником.

Фронт бригады растянулся на семь километров. Из-за того, что артиллерийская батарея вступила в бой с неподготовленных позиций, она первая понесла потери – 4 орудия из 6-и были повреждены. Оставшиеся два орудия срочно поменяли позиции, что, безусловно, отрицательно сказалось на артподдержке обороны бригады. Закрепившегося на позициях Маннергейма усилили на правом фланге подошедшие 13-й Владимирский уланский полк, которым он командовал раньше, и две роты солдат-пограничников на левом фланге. Ослабленная потерями артиллерия бригады была усилена конной батареей 12-го конно-артиллерийского дивизиона. Точная стрельба двух батарей оказала существенную поддержку обороняющимся. Почувствовав, что оборона позиций стала прочной, Маннергейм приказал 13-у Владимирскому уланскому полку готовиться к охвату противника с правого фланга.

Подошедший к вечеру полк 14-й пехотной дивизии должен был сменить бригаду Маннергейма на этом участке. Однако австрийцы, заметив такое количество войск, посчитали за лучшее начать отступление. Не воспользоваться этим было нельзя. В результате преследования было взято в плен несколько сотен австрийских солдат. В первом боевом столкновении с противником Маннергейм действовал грамотно и решительно. Укрепив и обезопасив собственные фланги, он создал численный перевес на одном из флангов (на правом) с целью охвата противника и выхода ему в тыл. Позднее, за эту удачно проведенную операцию Маннергейм будет награжден Георгиевским оружием.

Двадцать третьего августа австрийцам удается вынудить XIV корпус русских к отступлению, 24-го разбиты XVI и Гренадерский корпуса, 25-го – 4-я армия стала откатываться к Люблину. В этот же день был смещен командующий армией генерал фон Зальц и вместо него назначен командующий войсками Омского военного

округа генерал Эверт. Всего в сражении под Красником участвовало с нашей стороны – 109000 человек и 352 орудия против 228000 австрийцев с 520 орудиями. Наши потери составили до 20000 человек (в том числе 6000 пленными) и 28 орудий.

Поражение под Красником вынудило Ставку срочно принимать меры, и из резерва в 4-ю армию были направлены XVIII корпус, III Кавказский корпус и второочередные 80, 82 и 83-я пехотные дивизии.

Тем временем 4-я армия продолжает стойко отбиваться. Ее сопротивление поразило австрийцев, увидевших, что русских победить не так легко, как им казалось, даже имея двойное превосходство. 1-я австро-венгерская армия усиливается еще двумя дивизиями из корпуса генерала Куммера, переброшенными с левого берега Вислы. Положение 4-й армии становится еще тяжелее, но у командующего армией генерала Эверта хватило выдержки выждать сосредоточения подходившего XVIII корпуса, не вводя его в бой частями. К 29 августа 4-я армия была охвачена с обоих флангов: справа – на реке Ходель, слева – у Суходола.

Отдельную Гвардейскую кавалерийскую бригаду Маннергейма отводят к реке Ходель – притоку Вислы, с задачей воспрепятствовать попыткам австрийцев форсировать реку и выйти к железной дороге Люблин–Ивангород. В районе села Ополе, Маннергейм сам переправился через Ходель, где попытался охватить с флангов наступавшую австрийскую дивизию. Бригаду усилили знакомым нам 13-м Владимирским уланским полком, а также 13-м Военного Ордена драгунским полком и конной батареей. Однако превосходство противника было подавляющим, и Маннергейм был вынужден отступить назад. При этом австрийцам удалось навести переправы через реку.

Маннергейм получает приказ отбить переправы у противника. В подкрепление ему передается 10-й Донской казачий полк из 1-й Донской дивизии, действовавшей на правом фланге 5-й армии. Маннергейм формирует специальный отряд под командой ротмистра Носовича, которому поручается найти открытый фланг противника, переправиться через реку и зайти австрийцам в тыл. С остальными силами он атакует сам и отбрасывает противника на другой берег.

Тридцатого августа, в дело вступает подошедший авангард XVIII корпуса – 23-я дивизия. 91-й Двинский пехотный полк этой дивизии под командованием полковника Лефстрема, усиливший соединение Маннергейма, получил задачу сдерживать попытки австрийцев форсировать Ходель. Полк отлично выполнил свою задачу, если учесть, что для него это было первое боевое крещение. Маннергейм с кавалерией и конными батареями форсирует реку, выходит в тыл противника и отсекает им путь к отступлению. Между тем шесть австрийских полков атакуют один русский – 91-й Двинский пехотный полк, оставшийся у переправ. Неся огромные потери и приняв на себя главный удар, полк медленно отступал, сковав противника и лишив его возможности наблюдать, что происходит на флангах и в тылу. В этот момент Маннергейм наносит решающий удар. Противник разгромлен и в беспорядке отступает.

На следующий день русским удалось сбить австрийский самолет, где были обнаружены документы, из которых следовало, что против Маннергейма действовали две дивизии австрийцев из корпуса Куммера, усилившие 1-ю австро-венгерскую армию. И они были разгромлены силами 24-х эскадронов и двух конных батарей Маннергейма и 91-го Двинского пехотного полка. В деле захвачены: 1 генерал, 1000 пленных, 3 орудия и 10 пулеметов.

Две отлично проведенные бригадой Маннергейма операции показывают его решительность и мужество, а также осторожность и продуманность в принятии тактических решений. Умело используя свою кавалерию как в спешенном строю при обороне, так и в конном при атаке, он добивается успеха в безусловно организованных, хотя опасных и дерзких операциях.

Мы видим, что к 1 сентября положение 4-й армии значительно окрепло. В дело вступил XVIII корпус, на левом фланге высаживались гвардейская пехота и III Кавказский корпус. В первых числах сентября началось наступление. Доселе не ведавшая крупных неудач австро-венгерская армия Данкля оказывала отчаянное сопротивление. Но чередой мощных штыковых ударов прославленных русских полков, поддержанных сокрушитель-

ным огнем артиллерии, 7–8 сентября порвали в клочья оборону австрийцев. Отличились герои-апшеронцы, которые пошли в бой в исторических красных «кунерсдорфских» сапогах. Отличились гвардейские полки – Московский и Гренадерский. Ценой огромных потерь (свыше 50% личного состава выбыло из строя в этих полках) фронт оказался прорван. Последний прорыв у Тарнавки решил Люблинское сражение, и армия Данкля дрогнула, отошла к юго-западу и, не имея сил зацепиться, покатилась. Наступил момент, чтобы развить успех в победу и вывести из строя Австро-Венгрию.

Как собака на цепи тяжелой
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели словно пчелы,
Собирая ярко красный мед.
И «ура» вдали, как будто пение
Трудный день окончивших жнецов.
Скажешь: это – мирное селенье
В самый благодный из вечеров.
И воистину светло и свято
Дело величавое войны
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.

Н. Гумилев

В начале сентября бригада Маннергейма участвует в общем наступлении русских армий. 12 сентября бригада понесла большие потери в районе города Ярова. Свидетельства очевидца и участника этого боя корнета лейб-гвардии Уланского полка Алексеева, сына генерала Алексеева – начальника штаба Юго-Западного фронта, которые приводятся в примечаниях к книге Вейо Мери «Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии», говорят об ошибках, допущенных Маннергеймом и вызвавших большие потери в бригаде. Но на войне, как на войне. Кто из командиров застрахован от ошибок? Они, к сожалению, случаются, и самое страшное, что

цена этих ошибок исчисляется человеческими жизнями. Возможно, уверовав в беспорядочное отступление противника, Маннергейм расслабился и продолжил преследование без принятия очевидных мер безопасности, не выслав вперед разведку и не организовав надлежащее охранение. Или его так успокоила удачно проведенная операция по захвату города? Но столкновение его бригады с подготовившимся к обороне противником, километрах в 12–15-и южнее Ярова было для него полной неожиданностью. Лобовая атака 4-го эскадрона, на которой настоял Маннергейм, результатов не дала. Погиб командир эскадрона ротмистр Бибиков, и Маннергейму долго еще ставили в укор смерть этого офицера. Но кто может оценить правильность решения командира в бою? Может быть, посылая на верную смерть один эскадрон, Маннергейм давал возможность отойти всем остальным? Тем более, что судя по рассказам очевидцев, Маннергейм очень переживал гибель ротмистра Бибикова, который был любимцем всего полка.

Сплетни о том, что якобы ротмистр Бибиков и Маннергейм были до войны любимцами светского общества Варшавы, и Маннергейму казалось, что Бибиков более популярен нежели он, поэтому послав его эскадрон на верную смерть, он таким образом свел с ним счеты, на мой взгляд, абсурдны. Генерал-майор Свиты Его Величества и ротмистр, командир гвардейской бригады и командир эскадрона – слишком уж неравнозначно было их положение. Если и существовал антагонизм между этими людьми, то поскольку оба были не робкого десятка они могли, в конце концов, выяснить свои отношения на дуэли. Скорей всего, это было нелепое совпадение. Тем более, что Маннергейм поднимал в атаку залегший эскадрон, и Бибиков сначала отказался выполнять приказ, ссылаясь на большие потери. Каким бы ни был, на его взгляд, нелепым этот приказ, но он был офицером и обязан был его выполнить. В противном случае, за неисполнение приказа в бою он мог быть отдан под суд. Маннергейму ничего не оставалось, как спросить ротмистра, а не испытывает ли он страха перед атакой, что было равнозначно обвинению в трусости. Так что было лучше для Бибикова – смерть в бою или военно-полевой суд?

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.
Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.
И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.

Н. Гумилев

Заканчивалась Галицийская битва, продолжавшаяся 35 дней. Урон неприятеля доходил до 336000 человек, из них 120000 пленными. Но высоки были и потери русских. В армиях Юго-Западного фронта недосчитались 233000 человек. Особенно тяжелы были потери в 4-й армии, где дралась бригада Маннергейма, – до 35 % всего состава, хотя, конечно, пехота вынесла на своих плечах всю основную тяжесть боев, и ее урон был гораздо значительней. В некоторых полках он доходил до 75 %.

Обиднее всего, что высшее командование не сумело воспользоваться положением и развить победу, поэтому она и получилась такой «тусклой и вымученной», по сравнению с оглушительным поражением армии Самсонова в Восточной Пруссии, которое германское командование объявило реваншем за древнее поражение рыцарей от славян при Грюнвальде. Гибель армии Самсонова не имела того стратегического значения, которое приписывали этому наши противники.

Да, в Восточной Пруссии мы понесли огромные потери, но и немцы были лишены возможности пожать плоды этой победы. Зато моральные последствия катастрофы в Мазурских лесах в августе четырнадцатого, были неисчислимы: она окрылила германские войска, а на русских полководцев наложила отпечаток подавленности, растерянности и уныния заранее побежденных.

Но политические последствия Галицийской битвы все же были велики. Выяснилось, что сил Тройственного Союза для продолжения наступательных операций катастрофически не хватает. Это заставило дипломатов Германии и Австро-Венгрии срочно втягивать в войну новых союзников. Их усилия направляются прежде всего на Болгарию и Турцию, из которых последняя уже в октябре окончательно склоняется в пользу войны на стороне держав Тройственного союза.

Тем не менее, Гвардейская бригада Маннергейма также понесла тяжелые потери за месяц непрерывных боев на галицийских полях и была отведена на отдых и пополнение. Маннергейм даже получил возможность съездить домой в Финляндию.

Продолжение четырнадцатого года для бригады Маннергейма ознаменовалось участием еще в двух крупных операциях: Варшавско-Ивангородской и Ченстохово-Краковской.

В первой операции Юго-Западный фронт перебрасывает три своих армии с реки Сан на север, к Ивангороду, располагая их на Висле. Эта грандиозная перегруппировка, производившаяся в основном походным порядком в весьма тяжелых условиях бездорожья и осенней распутицы, началась в последних числах сентября и окончилась к середине октября. Таким образом, менялся основной стратегический план русского верховного командования, и главный удар, и основные силы направлялись против Германии.

Варшавско-Ивангородская операция (28 сентября – 8 ноября) характерна проведением в ходе наступления противника перебросок войск в крупном масштабе по грунтовым и железным дорогам к Ивангороду и Варшаве и встречным наступлением четырех русских армий. Но русское командование оказалось неспособным использовать сложившиеся для него благоприятные условия, чтобы окружить и уничтожить 9-ю германскую армию и этим рассчитывать за поражение в Восточной Пруссии. Штаб Юго-Западного фронта практически не использовал всю конницу и не организовал энергичного преследования отступавшего противника. Оно велось настолько вяло, что превратилось в простое следование за врагом. Боевое участие гвардейской бригады Маннергейма в Варшавской

операции было минимально. Так же бездарно использовалась конница и в следующей операции Юго-Западного фронта.

Ченстохово-Краковская операция (11 ноября – 28 ноября 1914) началась в соответствии с директивой Ставки о ликвидации этих важных узлов сопротивления противника. Удар русских армий в направлении Кракова и Ченстохова наткнулся на ожесточенное сопротивление противника, что вынудило даже начать отступление на ченстоховском направлении. На некоторых участках фронта противнику даже удалось прорвать русскую оборону, однако он споткнулся о стойкость наших войск.

Параллельно шли тяжелейшие бои на Лодзинском направлении, которые вели войска Северо-Западного фронта генерала Рузского. Это была наиболее сложная операция на протяжении всей войны – операция глубоких обходов и окружений, которые использовали обе сражающиеся стороны. Обстановка менялась настолько быстро и неожиданно, что командование Северо-Западным фронтом просто терялось.

Ценой огромных потерь русским удалось сорвать план Гинденбурга, повторявший «Танненберг» – разгром армии Самсонова в Восточной Пруссии. Вместе с тем, удачно развивавшаяся операция в направлении Кракова и Ченстохова, когда русским удалось остановить зарвавшегося врага и снова перейти в наступление, выйдя на окраины Кракова, была резко остановлена Ставкой. 28 ноября состоялось совещание, на котором было принято поистине «соломоново» решение: Северо-Западному фронту – отступить, Юго-Западному – наступать. Генерал Рузский, находившийся под впечатлением катастрофы первой операции в Восточной Пруссии и ошалевший от сумятицы Лодзинских боев, где русской кровью и невиданным героизмом пехотных полков гвардии и армии был остановлен противник, как сказал бы Кутузов с «рылом в крови», тем не менее, требовал отхода назад.

В результате затянувшегося совещания наступательный порыв Юго-Западного фронта был утерян, и с 3 декабря им самим пришлось отбиваться от перешедшего в контрнаступление врага и отойти назад на 70 километров. Начиналась первая зимняя кампания. Русские армии стали по линии четырех рек: Бзуры, Равки, Пилицы и Ниде.

Завершая описание кампании 1914 года, можно сказать, что она явилась боевой проверкой сил и возможностей всех участников войны. Германский план молниеносной войны рухнул. Кампания 1914 года в целом была выиграна Антантой. Германские армии потерпели поражение от французов на Марне, австро-венгерские и турецкие – от русских в Галиции и на Кавказе, соответственно. С точки зрения русской стратегии отмечается прежде всего неумелое руководство войсками. На северном и западном направлениях, имея постоянный общий численный перевес над противником, мы должны были, хотя бы позиционно, удержаться на линии государственной границы. В то же время, умелое руководство войсками на южном, галицийском направлении, столкнувшись с превосходящими силами противника, напротив, позволило им добиться значительных успехов в ведении боевых действий. Но это отнюдь не означало победу. Почему, спрашивается, Австро-Венгрия не была поставлена на колени еще в 1914 году? Ответ прост – Русской армии не хватало головы.

Командующие фронтами, получившие совершенно неслыханные права в области ведения войны, привели все к полной анархии и разбою. Ставкой провозглашался лишь один лозунг: «Вперед на Берлин!» и указывалось направление – «наступление в сердце Германии». Доблесть войск дала нам победу в Галицийской битве. Разгромом Австро-Венгрии можно было закончить войну еще в сентябре-октябре 1914 года. Но для этого надо было преследовать разбитые армии, а не задаваться планами осады никому не нужного Перемышля. «Не берут города, не раздлавшись прежде с силами, их защищающими», – так учил Румянцев. Имея прекрасную конницу, никто не додумался затупить их пашки и пики о спины бегущего врага.

Кадровое офицерство и прапорщики первого года войны были превосходны. Таковую же характеристику заслуживает большинство командиров бригад и дивизий. Уроки Японской войны, оздоровившие Русскую армию, от взводных командиров до начальников дивизий, не прошли даром. Наши победы были победами отдельных полков и дивизий, а наши поражения были поражениями главнокомандующих. Честь и слава тем генералам и офицерам, которые, не ожидая ничьей

указки, сами прорабатывали опыт боев, создавая уставы и наставления, нередко написанные кровью. Именно среди этого офицерства первого года войны был наивысший урон. В 1914 году потери кадровых офицеров в пехоте были просто огромны, на полк оставалось 1–2 человека, начавших войну вместе с полком. В кавалерии потери были значительно ниже, поэтому позднее, за счет уменьшения количества эскадронов, создавались стрелковые полки кавалерийских дивизий, куда направлялись командирами офицеры-кавалеристы. Таким же образом, за счет офицерского состава конницы, восполнялись потери командного звена армейской пехоты.

В целом, можно сказать, что конница в начале войны у нас было много, и она была превосходного качества. Но использовали ее, оторвав от остальных войск. Получалась ситуация, когда войска, то есть пехота и артиллерия, дрались сами по себе, а кавалерия действовала самостоятельно. Виной тому было последовавшее переподчинение кавалерии от корпусов – армейским штабам. В случае организованного взаимодействия пехоты и кавалерии с учетом мощной огневой поддержки противник бывал неминуемо разбит. Потому конница стяжала славу и себе, и Русскому оружию, когда ее лавы направлялись сообразно общей обстановке на поле боя, и их возглавляли достойные командиры. И сколько раз наши пехотные дивизии и корпуса выручались беззаветными атаками ничего не боявшихся и все сметавших эскадронов и сотен.

И в час, когда крепко вонзятся клинки,
Горячей обрызганы кровью,
Ты вспомнишь поля и на них васильки –
И вспыхнешь великой любовью.

Общие потери русских войск составили в 1914 году **один миллион человек...**

Фронт застыл на всем протяжении от Балтики до румынской границы. Русские войска, отойдя на заранее подготовленные позиции, остановились, продолжая их укрепление и отражая периодические атаки противника.

На рубеже 1914 и 1915 годов обе враждующие коалиции пришли к убеждению, что расчет на кратковременную войну оказался ошибочным, и что борьба протянется несколько лет и потребует огромных материальных и людских ресурсов.

Правительства Франции и Великобритании быстро оценили создавшееся положение и поняли, что время работает на них, и его нужно использовать максимально для накопления новых средств борьбы. Срочно мобилизовывалась промышленность, привлекались к участию в войне все доминионы и колонии. Вместе с тем, на ближайшую кампанию следовало перенести основную нагрузку с Западного – своего фронта, на русский, Восточный фронт. Это полностью соответствовало планам германского командования. Провал плана Шлиффена-Мольтке, то есть молниеносной войны сначала на одном фронте, затем на другом, обрекал Германию на борьбу одновременно на оба фронта. Поэтому переход к позиционной войне также отвечал ее интересам. Причем предусматривалась позиционная война именно на Западном фронте, чтобы сохранить свободу действий на Восточном, русском направлении. Сменивший Мольтке-младшего на посту начальника Генерального штаба Германии Фалькенгайн не был ярким сторонником нанесения в 1915 году решительного удара на востоке, но, не обладая авторитетом своего предшественника и подчиняясь целому ряду политических причин, а также давлению со стороны командовавших Восточным фронтом Гинденбурга и Людендорфа, доказывавших, что русские войска уже не способны к длительному сопротивлению, окончательно избрал Восточное направление решающим на предстоящую кампанию.

С точки зрения политики аргументы в пользу смещения центра тяжести войны на русский фронт были следующие: Австро-Венгрия, понесшая от русских наибольшие потери в уходящем 1914 году, была на грани развала, и только военный успех в этом направлении мог оттянуть ее крах; к коалиции присоединилась Турция, что вызывало появление у русских нового фронта – Кавказского, а соответственно, оттягивало лишние резервы на это направление; неясно было положение с Италией и Румынией, которые колебались

и размышляли на чьей стороне выступить; требовалось ускорить выступление Болгарии на стороне Германии.

Положение России было очень тяжелым. Несмотря на то, что по числу дивизий мы превосходили противника (103,5 против 83-х), на самом деле, русские армии были весьма ослаблены. Недокомплект пехоты составлял около 500000 человек. Особенно не хватало офицеров и унтер-офицеров, что не замедлило сказаться на уровне подготовки войск и практическом участии в боевой работе. В кавалерии мы сохраняли двойной перевес, но в артиллерии положение дел было катастрофическим. Расстреляв за пять месяцев войны приблизительно 40% всех боеприпасов, армия, казалось, имела еще резервы до момента полного перевода промышленности России на военные рельсы.

Все осложнялось тем, что оставшаяся часть вооружений хранилась на складах-парках в разобранном виде. Хаос в мобилизации этих парков и во всей организации снабжения войск артиллерийскими снарядами привел к тому, что фронты получали гораздо меньше, чем было необходимо. Наступил фактически снарядный голод. Опыт первых месяцев войны показал, что необходимо иметь на каждую пушку до 300 выстрелов в месяц, или около 1500000 снарядов на весь Восточный фронт. Реально доставлялось только около 350000. Получалось, что пушка могла произвести не более 2–3 выстрелов в день!

Не лучше дело обстояло и со стрелковым вооружением. Прибывавшие на фронт пополнения, зачастую оставались при обозах, вследствие невозможности поставить их в строй за отсутствием винтовок. Инженерные части перешли на старые винтовки Бердана, сдав трехлинейки в пехоту. Некоторые части перевооружались трофейным оружием, которого также не доставало, ввиду неразумного отношения к захваченным в первые месяцы войны трофеям, особенно в Галиции, где в начале осени 1914 года жгли огромные костры из австрийских винтовок. В запасных батальонах, где обучались и формировались маршевые роты, числилось две-три винтовки на сто человек. По этой же причине и пополнения приходили совершенно необученные и без оружия.

Верховное командование русских армий практически уклонилось от выработки стратегического плана на 1915 год. При этом, по оценке Зайончковского, Ставка трезво учла силы и средства, которыми она располагала, но передала фактически всю полноту командования фронтам, не найдя в себе ни мужества, ни авторитета отменить планируемые ими наступления в Восточной Пруссии и в Карпатах. В директиве Ставки говорилось: *«К сожалению, мы в настоящее время ни по средствам, ни по состоянию наших армий не можем предпринять решительного общего контрманевра, которым мы могли бы вырвать инициативу из рук противника и нанести ему поражение в одном из наиболее выгодных направлений <...> по выбору главнокомандующих фронтами, остановить попытки противника в развитии им наступательных действий и нанести ему хотя бы частичные поражения»*. Прямого указания о переходе к обороне и отмене каких-либо крупных наступательных действий в директиве не прозвучало. Ставка расписалась в своей несостоятельности и переложила всю ответственность на фронты, которые продолжали готовить наступления в Восточной Пруссии и в Карпатах. При этом Ставка молчаливо соглашалась и с тем, и с другим планом, но не способствовала выработке хоть какой-то взаимосвязи между ними даже в отношении распределения резервов.

Совершенно по иному готовилась наступать германская сторона. В период временного затишья зимой 1914–1915 годов германское командование энергично принялось за создание новых формирований. Они отказались от 4-х полковых дивизий, перейдя к 3-х полковым, используя четвертый полк в качестве кадровой основы для вновь формируемых дивизий. Был сформирован свежий резерв из 4-х корпусов, из которых 3 были новыми, а четвертый переброшен с Западного фронта. Одновременно и австрийский фронт был усилен тремя германскими дивизиями в Карпатах, четырема в Галиции, а также переброшенными из Сербии австрийскими дивизиями. Германские войска как-бы подперли расшатанные австрийские войска и 20 января совместно перешли в наступление в Карпатах. 8-я армия генерала Брусилова отбила удар, но положение оставалось тяжелым,

и Ставка перебросила туда один корпус, сняв его с направления готовящегося удара немцев в Восточной Пруссии.

Второго февраля началось наступление германских армий из Восточной Пруссии, завершая широкий шлиффеновский охват русского фронта от Балтийского моря до Карпат. Предшествующие ему попытки атаковать противника силами 10-й русской армии были безуспешны и вызвали лишь бессмысленные потери. Дивизии уперлись в укрепленные полосы противника и приступили к постепенному овладению ими, неся большие потери. За этим занятием, ослаблявшим и без того обескровленные части, совершенно была упущена из виду подготовка противника к наступлению.

Начавшееся отвлекающей демонстрацией 2 февраля наступление германцев было полной неожиданностью для русского командования. Результатом этого было окружение 10-й русской армии и полное уничтожение одного из ее корпусов – XX. Из 14-и пехотных полков корпуса из окружения пробились лишь два. Остальные в течение восьми дней вели смертный бой и погибли в последней бешеной атаке 21 февраля.

Чуть позже началось наступление германских войск против 1 и 12-й русских армий в районе Прасныша. Но здесь русские устояли, и сами нанесли чувствительные удары по противнику, вынужденному к концу марта перейти к обороне.

Бригаде Маннергейма было предписано, в связи с подготовкой наступления в Карпатах, перейти в состав 8-й армии генерала Брусилова. Поэтому еще в феврале бригада была перебросена в Галицию и стала приблизительно в 60 км от города Самбора. Командующий армией генерал Брусилов и Маннергейм были знакомы еще по Офицерской Кавалерийской школе в Петербурге, где Маннергейм командовал образцовым эскадромом, а Брусилов был начальником школы. Еще тогда, в начале Русско-Японской войны, Брусилов не хотел отпускать Маннергейма, рвавшегося добровольцем на фронт. Но здесь, в Галиции, они встретились, как старые добрые знакомые. Брусилов лично выехал встретить прибывшую бригаду, и Маннергейм провел свои полки торжественным маршем мимо командующего фронтом. Затем состоялась их встреча, где Брусилов

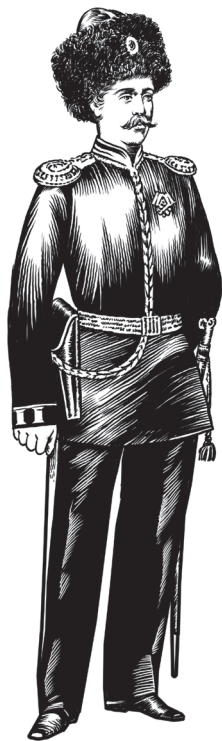
интересовался тем, как действовала бригада в предыдущих боях и каковы планы Маннергейма на будущее. Маннергейм рассказал, что вскоре предстоит преобразование бригады в 3-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию, и что ему хотелось бы ею командовать. На что Брусилов ответил, что вопрос можно считать решенным.

Однако возможность стать командиром дивизии представилась Маннергейму гораздо быстрее, чем он думал. Буквально в этот же вечер от командующего армией Маннергейму поступило предложение срочно принять под командование 12-ю кавалерийскую дивизию, в связи с ранением ее командира, генерала Каледина. Маннергейму не хотелось оставлять свою бригаду, с которой его связывало уже несколько лет совместной службы и полгода войны, тем более, что эти же полки должны были остаться в планируемой к формированию новой гвардейской дивизии, должность командира которой обещал ему Брусилов. И вдруг такой неожиданный поворот событий. Маннергейм выехал к Брусилову, чтобы получить разъяснения. Брусилов сказал ему, что 12-я дивизия одна из самых знаменитых в армии, и от таких предложений не отказываются. Так Маннергейм вступил в командование этим прославленным соединением. Дивизия вела тяжелые бои на линии фронта между Прутом и Днестром, и ее задачей было сдерживать противника до тех пор, пока пехота не возведет достаточно прочные оборонительные позиции по Днестру.

«ОТ ТАКОЙ ДИВИЗИИ НЕ ОТКАЗЫВАЮТСЯ»

Что же это было за соединение Русской армии, о котором так восторженно отзывался один из самых выдающихся полководцев Великой войны Брусилов?

Итак, 12-я кавалерийская дивизия. В нее входили: 12-й Драгунский Стародубовский полк, 12-й Уланский Белгородский полк, 12-й Гусарский Ахтырский генерала Дениса Давыдова полк, 3-й Уфимско-Самарский полк Оренбургского казачьего войска, 2-ой Донской казачий артиллерийский дивизион (4-я и 5-я Донские казачьи батареи).

Полки ведут свои летописи не только от Петра Великого и матушки Екатерины, но еще и с допетровских времен. В этой

главе мы остановимся на их истории, на их подвигах и традициях, которые сделали эти полки знаменитыми на всю Русскую армию. А уже в следующей главе вернемся к событиям последней войны, когда 12-я дивизия вписала своей доблестью и своей кровью последние страницы героической истории старой Русской армии.

Итак, начнем со Стародубовских драгун. Фокшаны, Рымник, Измаил – эти географические названия, составляющие гордость и славу Русского оружия, навсегда связаны в нашей истории с именем великого Суворова. Именно здесь отличились и Стародубовские драгуны, здесь было начало их боевой летописи.

Двадцать восьмого июня 1783 года последовал указ Военной коллегии о формировании из малороссийских казаков Стародубовского конного полка в составе 6-и эскадронов, по 138 человек в каждом. Еще некоторое время спустя последовало Высочайшее указание о наименовании вновь формируемых полков карабинерными. Однако «век золотой Екатерины» славился не только громкими победами Русского оружия, но и крайней беспорядочностью в организации самой армии, с которой боролись и которую искореняли Потемкин, Румянцев и Суворов. Те самые знаменитые вольности дворянские, дарованные Екатериной, очень развращали офицеров, позволяя им рассматривать свои полки, батальоны, эскадроны как источники личного обогащения. Приписывались к полкам несуществующие люди, получалось на них жалованье, провиант, вещевое довольствие, что за год составляло целые склады сукна, холста, кож и так далее, потом все продавалось оптом, деньги шли прямо в карманы командирам. Сами солдаты зачастую сдавались в услужение частным лицам, их заработок также забирался. Да и солдатское жалованье доходило до нижних чинов в половинном размере. Солдат, размещенный на постой в деревенском доме, не получающий все необходимое от казны, забирал это у крестьянина. Потому постой сделались настоящим бичом для деревень, особенно в Малороссии и в Польше. По этим же причинам затягивалось и формирование новых частей. Лишь попадая непосредственно в боевые порядки армий, ведомые прославленными полководцами, полки становились настоящими боевыми единицами. Так было и со Стародубовским полком. Начав

свое формирование в 1783 году, лишь к середине 1785 года он более или менее его завершил. Положительную роль здесь сыграло его включение в действующую Украинскую армию под командованием графа Румянцева. Кучук-Кайнарджикский мир, заключенный с турками в 1774 году, обе стороны считали временным перемирием. Потеря Крыма для турецкого султана была слишком чувствительна. Крым всегда был плацдармом для нападений на южные рубежи России и мусульманской провинцией, лишившись которой, султан как глава всего мусульманского мира одновременно терял и свой авторитет. Подталкиваемая прусским и английским кабинетами, Оттоманская Порта в 1887 году объявляет войну России. Екатерина II, озабоченная сложными отношениями с Пруссией и Швецией, была вынуждена держать часть армии вдали от южных границ, на случай боевых действий с этими странами. Срочно формируются две армии: на юге – Екатеринославская, в 70000 человек под командованием князя Потемкина, и Украинская, в 30000 человек под командованием графа Румянцева. В ожидании сбора армий отряд под командованием Суворова получает приказ оборонять Кинбург и Херсон, чтобы помешать вторжению турецких войск. 7 сентября 1787 года Екатерина II издала манифест о начале войны с Турцией.

Екатеринославская армия прикрывала Крым и побережье Черного моря, Украинская армия располагалась вдоль границы от Киева до Хотина, способствуя и союзным австрийцам, начавшим собирать войска в Южной Венгрии, и Екатеринославской армии. С этой целью был выделен отряд из 7-и пехотных и 4-х конных карабинерных полков, включая Стародубовский полк, под общим командованием генерал-аншефа Каменского, которому была поставлена задача поддерживать связь с Екатеринославской армией.

В 1788 году австрийцы вроде бы начали активные боевые действия против турок. Однако возглавляемые принцем Кобургским войска продвигались нерешительно и с опаской. Украинская армия, верная союзническим обязательствам, двинулась на помощь австрийцам, одновременно прикрывая и вторую русскую армию, Екатеринославскую, приступившую к осаде Очакова. Австрийцы, подошедшие к Хотину, осадили его, но никак не могли решиться на

штурм, несмотря на настойчивые уговоры Румянцева, усилившего их своими войсками. Турки, безусловно, не преминули этим воспользоваться, заняли Яссы и попытались деблокировать крепость силами семитысячного отряда татар Шаган-Гирея. Австрийцы, обеспокоенные активностью противника, не нашли ничего лучшего, как отступить из Молдавии, оставив русских одних. Осада Хотина продолжилась силами русской дивизии графа Салтыкова.

Румянцев приказал 3 и 4-й дивизиям своей армии соединиться и разгромить отряд крымских татар. Что и было сделано 22 июля близ селения Табор. Это и стало первым боевым крещением Стародубовского полка. 25 августа были заняты Яссы, и турки отступили к Рябой Могиле. Кампания завершилась взятием Хотина, после чего дивизия графа Салтыкова присоединилась к основным силам Украинской армии. Екатеринославская армия, как и австрийская, всю кампанию действовала очень вяло, и ограничилась лишь взятием Очакова, после шестимесячной его осады. Затем все войска стали на зимние квартиры.

В кампанию 1789 года обе русские армии были объединены в одну, под командованием князя Потемкина и получили название Южной армии. Румянцев сдал дела князю Репнину. Дивизиям бывшей Украинской армии предписывалось выполнять вспомогательную задачу – прикрытие основных русских войск. Поэтому весну 1789 года Стародубовский полк провел в непрерывных стычках с внезапно появлявшимися из-за Дуная отрядами татар или турок. В конце мая в армию прибыл Потемкин и произвел перераспределение сил. Именно с этого момента Стародубовский полк попадает под непосредственное командование самого Суворова, назначенного начальствовать над 3-й дивизией.

Пользуясь бездействием союзных войск, турки продолжали наращивать свои силы в Молдавии. Пунктом сосредоточения турецких армий было выбрано местечко Фокшаны, откуда они предполагали разбить порознь союзные войска до момента их соединения. Австрийцы, обеспокоенные концентрацией турецких сил, срочно запросили помощи у русских. Суворов, получив приказ выступить навстречу, лаконично известил принца Кобургского письмом с одним словом: «Иду!» и тут же двинулся вперед. В составе его дивизии было 7000 человек – полки Ап-

шеронский и Смоленский, батальоны гренадер и егерей, донские казаки и три карабинерных полка – Стародубовский, Рязанский и Черниговский. Утром 16 июля дивизия Суворова выступила в поход и к вечеру следующего дня соединилась с войсками австрийцев, проделав 70 верст за 36 часов. На следующий день объединенные силы союзников, общим числом около 25000, двинулись двумя колоннами по направлению к Фокшанам. К 21 июля, отражая непрерывные нападения турецкой кавалерии, войска подошли на расстояние 12 верст от Фокшан и перестроились в боевой порядок. Русские составляли левое крыло: пехота выстроилась в шахматном порядке в шесть каре, в первой линии 3 каре гренадерских и егерского батальонов, во второй линии Апшеронский и Смоленский полки, в третьей линии стала кавалерия.

На следующий день в шесть утра колонны двинулись вперед с музыкой и барабанным боем. С началом движения союзники тотчас подверглись нападению турецкой конницы, но ввиду ее малочисленности турки были легко отбиты, и продвижение вперед к Фокшанам продолжилось. Еще через некоторое время они были вновь атакованы более значительными силами турецкой конницы, около 15000 всадников. На этот раз удар пришелся по правому флангу, занимаемому австрийцами. С трудом им удалось выдержать этот удар, а подоспевшая русская артиллерия рассеяла турок. Последние отступили, но собравшись вновь, ударили еще более отчаянно, теперь по левому флангу, занимаемому русскими каре. Батальоны егерей и гренадер хладнокровно подпустили турок поближе и встретили их залповым огнем. Турки сначала отхлынули, затем возобновили атаку. Они крутились около самых каре, насакивали, стреляли из пистолетов, саблями пытались врубиться в середину, некоторым это даже удавалось, но там они находили свою смерть. Ощетинившись штыками, русские батальоны стояли непоколебимо и непрерывным огнем наносили значительный урон противнику. Атака продолжалась более двух часов, пока вконец обессиленные турки не отступили. Впереди на пути лежал густой лес, который союзники и русские обогнули с двух сторон, не теряя равнения в рядах каре, и вновь соединились. Турки продолжали насакивать отдельными отрядами конницы, тогда из третьей линии была вызвана русская кавалерия, которая быстро их

отогнала. Впереди лежал турецкий лагерь, где в окопах засело 6000 янычар, выкатив на передовые позиции пушки. Турецкая кавалерия сконцентрировалась на флангах. Урон от артиллерии противника был существенен, тогда Суворов приказал ускорить движение каре. Пехота удвоила шаг и с криком: «С нами Бог!» ворвалась в турецкие окопы. Одновременно турецкая кавалерия была атакована русской конницей, опрокинута и рассеяна. Побросав орудия, турки бежали и заперлись в расположенном неподалеку монастыре св. Самуила. Еще через час монастырь был взят, и тем самым была поставлена победная точка в фокшанском сражении, которое длилось девять часов.

Потери турок составили около 1600 человек, союзники потеряли не более 350, причем русские войска лишились 100 человек убитыми и ранеными. Составляя донесение о сражении при Фокшанах, Суворов отмечал храбрость и мужество, проявленные Стародубовским полком. Разбитые наголову турки бежали в полном расстройстве, преследуемые казаками, не дававшими им опомниться.

По завершении дела при Фокшанах, союзники снова разошлись по своим стоянкам. Основная русская армия под командованием Потемкина осаждала Бендеры. Неудовлетворенный ходом осады Потемкин стягивал практически все русские войска к себе. В результате от всей бывшей Украинской армии, прикрывавшей Молдавию и предназначенной к взаимодействию с союзниками, осталась лишь одна слабая дивизия. Дивизией этой, однако, командовал Суворов.

Верховный визирь Турции Юсуф решил воспользоваться удаленным друг от друга положением австрийцев и русских и повторить попытку разгромить их поодиночке, чтобы потом двинуться на выручку Бендерам, осажденным Потемкиным. Собрав около 100000 войск, он направился к речке Рымник навстречу принцу Кобургскому. Австрийцы срочно обратились за помощью к Суворову, на что опять получили лаконичное: «Иду!». В ночь на 8 сентября его дивизия двинулась в поход и к 10 сентября вышла на соединение с австрийцами. За два с половиной дня было проделано 85 верст по непролазной грязи.

Войдя в соприкосновение с передовыми отрядами австрийцев, Суворов послал принцу Кобургскому записку следующего содержания: «Я пришел и, чтобы показать это туркам, думаю атаковать

их через несколько часов». Принц поспешил в лагерь к Суворову, изумленный его решением со столь малыми силами (24000 союзников против 100000 турок) начинать сражение. Суворов объяснил, что собирается «внезапностью атаки вознаградить то, чего недостает в числе войск». Принц возразил, что «неравенство слишком велико – почти четверо на одного». «Тем лучше, – ответил Суворов, – чем больше людей, тем больше беспорядка между ними». Принц не соглашался, приводя новые доводы о том, что русские войска утомлены тяжелым переходом, а противник имеет еще и сильно укрепленную позицию. Суворову спор надоел и, чтобы подвести черту, он сказал: «Впрочем, делайте, что хотите, я один с моими русскими войсками намерен атаковать турок, и также один надеюсь разбить их». Ошеломленный принц вернулся в свой лагерь. Решив подчиниться Суворову, принц просит его явиться к австрийцам на совещание, чтобы вместе обсудить диспозицию. Посланному с приглашением было отвечено: в первый раз – «Суворов ужинает», во второй – «Суворов Богу молится», а в третий – «Суворов спит». В это время Суворов производил срочную рекогносцировку противника и, забравшись на высокое дерево, осматривал его позиции.

Вернувшись с рекогносцировки, Суворов быстро составил письменную диспозицию, направил ее принцу Кобургскому и приказал выступать немедленно. Скрытым ночным переходом, форсировав Рымну – приток Рымника, он подвел армию к самому турецкому лагерю. Турки, уверенные в предстоящей победе над австрийцами, о приближении Суворова даже не догадывались и были застигнуты врасплох. План Суворова основывался на факторе внезапности и выявленной им возможности разбить турок по частям. Турецкая армия располагалась в нескольких укрепленных лагерях, отстоящих друг от друга на расстоянии 6–7 верст. Боевой порядок союзных войск представлял собой форму уступа или угла – правую сторону составляли русские, построенные в две линии полковых каре, левую – австрийцы – в батальонных каре.

Сражение началось утром 11 сентября блестящей атакой гренадер, овладевших передовым турецким лагерем. Турки опомнились от внезапного удара и попытались контратаковать. Штыками и картечью русских каре эти попытки были отражены, турки покатались,

и в дело вступила русская конница, как и при Фокшанах находившаяся в третьей линии. Стародубовский и Рязанский карабинерные полки беспощадно рубили отступавших в беспорядке турок.

Овладев первым лагерем, союзники двинулись дальше, но были неоднократно атакованы во фланг крупными конными отрядами турок, доходивших численностью до 15–20 тысяч всадников. Визирь решил задействовать против австрийцев и русских всю кавалерию, до 40000 человек. Задача турок состояла в том, чтобы рассеять союзные войска, не дать им выйти в одну линию, а попытаться ударами с флангов, обойдя с тыла, уничтожить их по одиночке. Все атаки турецкой конницы были отражены огнем каре и стремительными бросками карабинерных полков.

Наконец, к трем часам дня союзные войска вышли к основным укрепленным позициям турок. Их защищало около 40000 янычар. Все каре выстроились в одну линию, кавалерия чуть позади заняла промежутки между каре. Убедившись, что укрепления турок не имеют глубокого профиля и позволяют коннице их легко преодолеть, Суворов принимает быстрое решение атаковать турецкую пехоту всей имеющейся у него кавалерией. Первым пронесся через вражеские укрепления Стародубовский полк во главе со своим командиром полковником Миклашевским. Это была решающая минута сражения. Началась сеча, в которую вмешалась подоспевшая пехота. Турки не выдержали удара и побежали. Победа была предрешена – оставалось преследовать противника и не дать ему закрепиться на Рымнике. Кавалерия союзников гнала турок дальше, до самой реки. Переправы через Рымник были забиты обозами, поэтому отступавшие в беспорядке турки переправлялись на другой берег вплавь, даже не пытаясь оказать сопротивление, воспользовавшись укреплениями, вырытыми вдоль берега. Многие из них утонули, многие были уничтожены огнем подоспевших союзников. Победа была полной. Сражение продолжалось 12 часов, потери турок составили около 15000 человек, союзникам достались в качестве трофеев все турецкие обозы, вся артиллерия – 85 орудий и 100 знамен. Стотысячной турецкой армии более не существовало. В районе Мачина они смогли собрать всего около 15000 человек. Остальные были истреблены

или рассеяны. Потери русских составляли 45 убитых, 133 раненных, австрийцев, соответственно, – 150 и 300.

Рымникская победа была по достоинству оценена Екатериной II. Суворов получил титул графа с прибавлением «Рымникский» и орден Св. Георгия 1-й степени. Все офицеры были награждены следующими чинами и орденами. Кроме того, всем, включая и солдат, были выданы серебряные медали, на которых была надпись «Рымник».

Суворов, представляя Потемкину победную репликацию и списки отличившихся, «рекомендовал особому вниманию» полковника Миклашевского, командира Стародубовского полка, который получил в награду орден Св. Владимира и новое назначение.

Весь 1790 год полк простоял на месте, лишь в декабре, когда Суворов был вызван Потемкиным под Измаил, обеспечивал его осаду, которая была успешно завершена решительным штурмом.

Падение Измаила не оказало желаемого воздействия на Порту, поэтому в новом 1791 году военные действия продолжились. Потемкин выехал в Петербург, оставив армию на Репнина. Последний переправился через Дунай и силами трех корпусов (Голицына, Кутузова и Волконского) нанес жестокое поражение туркам под Мачиным. Войска наши проявили чрезвычайную выносливость и храбрость. Пройдя 30 верст, они вступили в бой, продолжавшийся около шести часов, и одержали блистательную победу. Стародубовский полк сражлся в корпусе Голицына и немало способствовал общему успеху.

Потери турок составили около 4000 человек, 35 орудий и 15 знамен. Против 80000 турок сражалось 30000 русских. Потери армии Репнина составили 141 убитыми и около 300 ранеными. Стародубовский полк потерял всего трех человек.

Поражение под Мачином, наконец, сломило турок, и через два дня они прислали парламентеров для мирных переговоров. 31 июля эскадра Ушакова нанесла сокрушительное поражение турецкому флоту у Калиакрии, и этой победой русского флота была поставлена точка в пятилетней войне. 29 декабря был подписан Ясский договор, по которому Оттоманская Порта подтверждала условия предыдущего Кучук-Кайнарджирского договора: окончательно уступала Крым и Тамань. Отныне границы с Турцией проходили по рекам Кубань и Днестр.

Для Стародубовского полка эта война ознаменовалась блестящими победами: при Фокшанах, при Рымнике, под Измаилом и Мачиным, увековечившими его славное имя. Все офицеры и нижние чины, участвовавшие в войне, получили серебряные медали на Андреевской ленте. На лицевой стороне медали изображен был вензель Екатерины II, на обороте написано: «Победителям при мире декабря 29-го 1791 года».

Заканчивался «золотой век» Екатерины, и наступало время царствования Императора Павла Петровича. Да, век Екатерины II по праву – век торжества Русского оружия. И мы не устанем повторять это, ибо именно в ее царствование Русская армия была воистину непобедимой. Полководческая одаренность Румянцева, величайший гений Суворова, реформы Потемкина – все это относится к временам Екатерины. И гром побед Русского оружия словно затмевал все остальное, негативное, имевшее место в тот период истории России. Мы уже говорили о том как отрицательно сказались и на обществе, и на армии, пресловутые «Вольности дворянские». Безнаказанность и распущенность русского дворянства не могли не вызвать ответной реакции, которая не замедлила последовать в виде пугачевского бунта, «бессмысленного и беспощадного», всколыхнувшего Россию и вызвавшего такой страх самой Императрицы и всего дворянского сословия, что на его подавление и разгром был отозван с войны сам Суворов и брошены регулярные, закаленные в боях полки. «Это Бог наказал Россию через мое окаянство», – сказал Пугачев знаменитому полководцу, сопровождавшему плененного бунтовщика в столицу. Однако эйфория, вызванная удачным завершением пугачевского бунта и казнью его зачинщиков, настолько охватила саму Императрицу и ее окружение, что никто не удосужился сделать мало-мальски трезвые выводы о причинах возникновения крестьянской войны, потрясшей практически всю Империю. Вольности дворянские оставались, и с ними оставалась вседозволенность познавших, якобы самим Богом данную, власть над остальными людьми, которые и за людей-то не считались, а, как скот, определялись по головам или душам.

Вступивший на престол Император Павел Петрович, будучи всю жизнь унижаемым своей царственной матушкой, со всем пылом не-

медленно приступил к искоренению всего, что могло напоминать ему о ее временах. На долгие годы в нашей истории укоренилось мнение о его царствовании, как о сплошном засилье гатчинского прусского духа, бессмысленных экзерцициях, парадах, жесточайшей, до полного абсурда доведенной дисциплине, канцелярщине, так наглядно показанной в повести Тынянова «Подпоручик Кижэ». История несуществующего персонажа, появившегося в результате ошибки писаря, неправильно сделавшего перенос окончания слова в приказе о производстве: «в подпоручики же следующих офицеров...», и породившая мифического Кижэ, в общем, отражала действительную неразбериху, царившую в армии.

Текучесть офицерских кадров была настолько велика, что штабные писари не справлялись с тем потоком фамилий в назначениях, увольнениях и наказаниях, который обрушился на них. Увольнялись все, кто лишь номинально числился в полках, а на самом деле удобно устроился в собственных имениях, при этом получая жалование от казны и охотно делясь им с полковым начальством. Отменялась запись в полки по рождению, с младенчества, а с достижением совершеннолетия – производство в офицеры. Отныне в офицеры выходил лишь проходивший действительную службу. Какое началось движение по Руси! Сотни офицеров метались по стране в поисках «своих» полков. Неуспевавших в срок появиться на службе безжалостно увольняли.

Затягивание гаек и повсеместное требование соблюдения прусского порядка также вызывало беспощадное и немедленное наказание как в виде увольнения, так и тюрьмы для провинившихся. Не вдаваясь в подробности, сообщим лишь, что за время царствования Павла I были уволены со службы 7 фельдмаршалов, 333 генерала и 2261 офицер.

Стародубовский полк не был исключением, и его постигла та же участь, что и всю армию. Военная реформа не ограничилась введением новой формы прусского образца. Все полки были переименованы и названы по именам шефов полков. Так, указом 19 октября 1798 года Стародубовский полк назван полком генерала Нумсена. Так как шефы менялись часто, то соответственно менялись и названия полков. Путаница была ужасная. Шеф полка отвечал за все во вверенном

ему полку. Когда он находился в полку, а он был обязан практически постоянно в нем находиться, то фактически им и командовал. При этом, командир полка вставал во главе 5-го эскадрона. Учреждение шефов полков вызвало многочисленные производства полковников в генералы. Перемещение офицерского состава по должностной лестнице было столь стремительным, что история, рассказанная Тыняновым, абсолютно правдоподобна. Запомнившаяся и понравившаяся Императору фамилия несуществующего офицера Киже, побудила его постоянно передвигать того по службе. Так подпоручик Киже получил со временем звание полковника, и Император уже хотел присвоить ему чин генерала и приказал вызвать к себе для представления. В результате, пришлось сказать, что Киже скоропостижно скончался, что искренне огорчило Императора.

Вместе с прусскими порядками ввели и прусскую форму. Опять пошли косы, букли, треугольные шляпы. Пришлось заводить парикмахеров. В ночь перед смотром никто не ложился спать, ибо два эскадронных парикмахера не успевали завивать снова и снова, если нарушалась прическа.

Забыты и вовсе вычеркнуты были потемкинские наказания об одежде и вооружении войск: «Завивать, пудриться, плести косы – солдатское ли сие дело; у них камердинеров нет. На что же пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрой, салом, мукой, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков: что встал, то готов». Также вычурно содержались и лошади. Им подстригали уши, заплетали в косы гривы и хвосты, полировали мундштуки. Все время солдата уходило на прическу, чистку и беление амуниции. Наказания, столь строгие для офицеров, для солдат были просто бесчеловечными. Их били палками, вырывали усы, запарывали шпигрутенами. Недаром говорили, что солдат должен больше бояться палки капрала, чем неприятельской пули.

Наконец, обострение отношений с Францией вызвало войну, и Стародубовский полк, с облегчением вздохнув, отправился осенью 1798 года в поход. Война считалась за благо, за возможность на время избавиться от строевых смотров и муштры. Полк следовал в Брест-Литовск, где должен был войти в состав корпуса князя

Голицына, а затем присоединиться к армии, командование которой было поручено вернувшемуся из ссылки Суворову. Но полк еще не успел дойти до Брест-Литовска, когда узнали, что князь Голицын уже отстранен от командования корпусом, и на его место назначен шеф Стародубовского полка генерал Нунсен. Так, в царствование Императора Павла каждый день был не похож на вчерашний.

По дороге полк нагнала карета, в которой ехал сам Суворов. Но его экипаж увяз в снегу, и эскадрон стародубовцев бросился вытаскивать любимого фельдмаршала. Суворов узнал старых солдат и пока они трудились, непрерывно кричал: «Ура! Ура! Молодцы, рымникские карабинеры!» Он не забыл, что полк своей отчаянной атакой решил участь сражения при Рымнике – сражения столь выдающегося, что это название прибавилось к его имени.

Весной полк прибыл в Брест-Литовск. К этому времени бывший шеф полка Нунсен уже был отстранен Императором Павлом от командования корпусом, а на его место назначен генерал-лейтенант Римский-Корсаков.

Корпус Римского-Корсакова, оказавшись отделенным от основных русских войск Суворова, громивших французов в Северной Италии, получил приказ действовать самостоятельно и очистить от наполеоновских войск Швейцарию.

Командующий союзной австрийской армией эрцгерцог Карл в начале довольно удачно противостоял в Швейцарии войскам французского генерала Массены. Однако будучи не уверен до конца в собственных силах, желая скорее заполучить русских и предоставить им возможность разбираться с французами, эрцгерцог Карл настаивал на срочном выступлении корпуса Римского-Корсакова на театр военных действий.

При этом эрцгерцог изъявил желание, чтобы Римский-Корсаков шел усиленными переходами с одной пехотой, а конницу и артиллерию оставил позади, на том основании, что оба эти рода войск были бы излишни при боевых действиях в швейцарских Альпах. К сожалению, Римский-Корсаков так и поступил. Массена, извещенный о начале движения Суворова из Северной Италии навстречу Корсакову, быстро принял решение разбить русских по частям. Тем более, что предатель-

ские действия австрийских войск, внезапно покинувших Швейцарию и оставивших русских одних, этому способствовали. Действовавший по указке венского кабинета, Корсаков раздробил свои силы, и в результате сосредоточенного удара Массены 14 и 15 сентября под Цюрихом русский корпус был совершенно разбит и отступил.

Подтянувшаяся, наконец, кавалерия, в том числе и Стародубовский полк, была срочно брошена Корсаковым прикрывать общее отступление пехоты. Полк отличился своими удачными атаками близ Винтентурна и Эглизау. Лучшая оценка действий русской кавалерии это оценка противника. Главнокомандующий французской армии генерал Массена в своей реляции выразился так: «Нет слов, чтобы высказать, с каким упорством русская кавалерия производила свои атаки».

Нанесший поражение Корсакову Массена попытался противостоять приближающемуся Суворову, но был разгромлен чудо-богатырями в Муттенской долине, а сам Массена лишь по счастливой случайности избежал плена.

Третьего октября Генералиссимус, князь Италийский, граф Суворов-Рымникский уведомил Римского-Корсакова о своем прибытии в Швейцарию и указал направление движения корпуса на Линдау, где предстояло соединиться всем русским войскам. Возмущенный действиями австрийцев как по отношению к себе, так и их предательством в отношении корпуса Римского-Корсакова, Суворов так отписал эрцгерцогу Карлу: «За кровь, пролитую под Цюрихом, ответите перед Богом!» После этого Суворов отказался от каких-либо совместных действий с австрийцами и доложил обо всем Императору. Павел I полностью одобрил действия Суворова и в своем рескрипте от 11 октября написал: «Вы должны были спасать царей, теперь спасите Российских воинов и честь Вашего Государя. Препоручаю Вас Богу, а армию Вам».

Девятнадцатого октября 1799 года Суворов вывел свои войска в Баварию. Так завершились Италийский и Швейцарский походы русских войск, возглавляемых Суворовым. Это была его последняя блистательная кампания. Никогда еще его гений не сиял так ярко, никогда еще он не был так велик. По словам историка Керсновского, только соединив два выдающихся эпизода: поход десяти тысяч

греков во главе с Ксенофонтом и переход Ганнибала через Альпы, можно получить некоторое представление о подвиге, совершенном русскими войсками под водительством Суворова. Недаром один из лучших маршалов Наполеона, Массена, говорил, что готов отдать все свои победы за один этот суворовский поход. Так, тень славы величайшего полководца России легла и на Стародубовский полк.

В последующие годы полк нес службу в обсервационном корпусе на Балтийском побережье, поскольку обострились отношения с Великобританией, и была высока вероятность высадки английских морских десантов.

Со вступлением на престол Императора Александра I, Стародубовский полк был переименован в драгунский (Высочайший указ от 20 июля 1801 года) и переведен в город Глухов, Черниговской губернии. Были отменены, введенные Императором Павлом, косы и букли: армия возвращалась по своему внешнему виду к добрым екатерининским временам.

В 1806 году начинается очередная война с Турцией – полк переводится в Дубоссары и включается в отряд под командованием генерала Мейндорфа. Эта война была самой продолжительной из всех войн, которые вела Россия против Турции со времен Петра Великого. Происходила она на фоне постоянно меняющейся политической обстановки в Европе. Соответственно менялись и наши союзники, а также покровители противоборствующей стороны. В 1807–1807 годах мы воевали с Наполеоном при поддержке Великобритании, Франция поддерживала турок, с 1807 года – мы друзья с Наполеоном после мира в Тильзите, отношения с Англией испорчены, значит английское золото течет в казну турецкого султана, в 1810 году обстановка меняется и возвращается в исходное положение. Все это сопровождается чередой дворцовых переворотов в самой Турции, где каждый новый султан провозглашает новый поход против неверных. У русских же войск – ежегодная смена командующих. Сначала два старца сменяют друг друга: помщик Пугачева – Михельсон, за ним дряхлый Прозоровский. Затем армию принимает Багратион, после него молодой Каменский и лишь в последний год – Кутузов.

Так и действия нашей армии безрезультатны первые три года. В начале войны Стародубовский полк участвует в занятии Бендер, имеет одну стычку с турками под Измаилом, затем становится на зимние квартиры. В следующем году полк также участвует в нескольких мелких делах в районе Измаила, из которых можно выделить сражение под Куйбеем 13–14 февраля, после чего последовало указание командующего армией генерала Михельсона отряду Мейндорфа, куда входили и стародубовцы, осадить саму крепость Измаил. 1 марта полки выступили к Измаилу, отражая непрерывные атаки турок, которые, в конце концов, отступили окончательно и заперлись в крепости. С 4 марта русские приступили к осаде Измаила. Ни достаточного количества войск, ни осадной артиллерии в отряде Мейндорфа не имелось, поэтому не было и попыток решительного штурма крепости. Русские войска расположились лагерем вокруг Измаила, решив взять его измором. При этом постоянно отражались вылазки турок и их попытки прорваться через кольцо окружения. Командующий армией генерал Михельсон приезжал лично к Измаилу для организации штурма, убедился на месте, что это невозможно, и даже сам участвовал в отражении одной из вылазок турок.

В то же время в самом Стамбуле случился переворот, янычары свергли Селима III и провозгласили султаном Мустафу IV. Новый султан решил действовать энергичнее и приказал визирю с 40-тысячным войском двинуться на Бухарест и соединиться с уже находившимся в Молдавии 13-тысячным отрядом рушукского паши. Однако корпус генерала Милорадовича двинулся им навстречу и 2 июня разгромил турок, не допустив их соединения.

Эта победа совпала с другими: адмирал Сенявин разбил турецкий флот близ полуострова Афон, а на Кавказе Гудович нанес поражение при Арчапае.

Осенью 1807 года умирает Михельсон, и вступивший во временное командование армией Мейндорф соглашается на переговоры с турецким султаном Мустафой IV, который оставшись без поддержки Наполеона, заключившего мир с Россией, теперь стремится любыми способами выиграть время в войне с русскими.

Александр I, недовольный перемирием с турками, присылает нового командующего армией – 80-летнего князя Прозоровского, одновременно усиливая состав войск за счет дивизий, прибывших из Польши.

Однако, конец 1807, весь 1808 год и первые три месяца 1809 года прошли в переговорах с турками. За это время в Стамбуле случился новый дворцовый переворот, и Мустафу IV сменил Махмуд II. В результате переговоры закончились ничем, и война продолжилась.

В июне месяце Русская армия приблизилась к крепости Браилов и осадила ее. Смерть командующего, князя Прозоровского, и вступление в должность любимца Суворова князя Багратиона возродили в истомившихся в течение полутора лет ожидания войсках надежду на переход к более активным действиям.

Багратион действительно начал кампанию активно, нанес несколько поражений туркам. Стародубовский полк вошел в отряд под командованием генерала Платова и отличился при захвате турецкой крепости Гирсово, 19 августа 1809 года. Затем русские войска, соединившись под общим командованием Багратиона, 4 сентября нанесли поражение туркам при Рассевате. В этом сражении, где участвовал и Стародубовский полк, русские разгромили 15000 отряд турок, при этом уничтожив около 4000 и взяв в плен несколько сотен человек. Были захвачены также 30 знамен и 14 орудий.

После этой победы Багратион немедленно выдвигается к крепости Силистрия и начинает ее осаду, перекрыв для начала все дороги ведущие к ней.

Двадцать первого сентября, получив сведения о движении 8000 турецкого отряда на выручку осажденным, Багратион приказывает Платову отразить неприятеля.

Двадцать третьего сентября Платов атакует турок и рассеивает их. Стародубовский полк принимает самое активное участие в этом деле.

Седьмого октября турки предпринимают очередную попытку деблокировать осажденную крепость, на этот раз их силы превышают 20000 человек. Выстроив в семи верстах от Силистрии в районе деревни Татарницы укрепленный лагерь, они угрожают русским

войскам. Багратион, выделив часть блокирующей армии, вновь атакует противника. Сражение началось в шесть утра и закончилось в семь вечера. Русские войска в течение тринадцатичасового боя проявили примерное бесстрашие и героизм.

Стародубовский полк успешно противодействовал туркам, периодически то обороняясь, то атакуя как в конном, так и в пешем строю. В кровопролитном бою полк лишился 108 человек.

Турки были остановлены, но не разгромлены. Они отошли в укрепленный лагерь, и все последующие попытки Багратиона выманить их в поле на открытый бой не увенчались успехом. Атаковать укрепления Багратион не мог, понимая, что сил у него недостаточно. Так русское войско оказалось перед необходимостью вести борьбу на два фронта. С одной стороны, в тылу у него была осажденная Силистрия, с фронта оставался укрепленный турецкий лагерь. Между тем силы турок росли за счет непрерывно подходивших к ним подкреплений. Силы русских, наоборот, таяли. Сказывался недостаток продовольствия и фуража.

Пятнадцатого октября 1809 года Багратион принял решение снять осаду и отступить, надеясь побудить турок к преследованию и выманить их из крепости. Но турки не тронулись с места.

На свой запрос Императору Александру I об отступлении из пределов Болгарии Багратион получил требование продолжать активные действия. Однако к этому времени к проблемам снабжения добавились и болезни, обрушившиеся на армию.

Багратион повторно посылает запрос Императору и, наконец, получает разрешение на отход. Так заканчивался 1809 год, достойный внимания только по движению и действию войск, но не приведший Россию ни к какому положительному результату.

Полки ушли в Молдавию на зимние квартиры. Багратион, обиженный резким тоном Императора, не одобрявшим его действий, подал просьбу об отставке, которая была принята, и на его место был назначен 33-летний граф Каменский 2-й, только что отличившийся в завершённой войне со Швецией, в результате которой к России была присоединена вся Финляндия.

Седьмого марта 1811 года в армию прибывает новый командующий. В армии он застал на тот момент 78000 человек, размещенных

на квартирах по среднему и нижнему Дунаю. Отряд его старшего брата Каменского 1-го (6000) занимал Добруджу в качестве авангарда на правом берегу реки. Турок было не более 40000, основные их силы находились в Сербии.

Выделив часть сил своему брату, Каменский 2-й направил его с 18000 (в том числе и Стародубовский полк) на Базарджик, а сам с главными силами пошел на Силистрию.

Каменский 1-й разгромил 22 мая под Базарджиком турецкую армию, а 1 июня овладел Разградом. Узнав о приближении русских, начальник Базарджикского гарнизона попытался атаковать их конницей, но решительной атакой Стародубовского полка был отброшен и с большим уроном отступил в крепость. Русские войска, не останавливаясь, кружили вокруг крепости, демонстрируя свое численное преимущество и наводя тем самым ужас на защитников, не показывая при этом своих намерений и подготовки к штурму. Поскольку обычно штурм производился по ночам, то Каменский 1-й решил изменить время общей атаки, понимая, что ввиду своей малочисленности турки попытаются ночью пойти на прорыв и, предугадывая их действия, в три часа дня русские неожиданно для противника обрушились на крепость четырьмя колоннами. После упорного боя по овладению крепостными редутами к четверем часам дня пехота ворвалась в крепость, и начался бой за каждый дом. Турецкая конница снова контратаковала, вклинившись между русскими каре, но опять была отброшена Стародубовским полком. Еще через час все было кончено. В плен попали сам начальник гарнизона Пегливан, с ним более 2000 турецких солдат и офицеров, захвачены 68 знамен и 17 орудий. Потери турок убитыми составили около 3000 человек. Наши потери убитыми – 7 офицеров и 153 рядовых, ранеными – 21 офицер и 680 нижних чинов.

За отчаянную храбрость и мужество, проявленное в боях с турками, Стародубовский полк был награжден Георгиевским штандартом. Надо отметить, что коллективных наград за эту войну было выдано очень мало. Кроме стародубовцев, за все шесть лет боевых действий было награждено всего четыре, и то пехотных полка: 11-й гренадерский Фанагорийский и 14-й гренадерский Грузинский (на Кавказе) – Георгиевским знаменем, 8-й гренадерский Московский

и 17-й пехотный Архангелогородский – Георгиевскими трубами. А из всей русской кавалерии отмечен один Стародубовский полк. Тем выше и значительнее награда. Суворовские, рымникские карабинеры не только не уронили честь полка, но и добавили ему славы.

Тридцатого мая 1811 года сдалась Силистрия, русские войска соединились и выступили к крепости Шумла, где засел многочисленный гарнизон, по своим силам превышавший Русскую армию. Попытка сходу взять крепость была отбита, хотя турецкой кавалерии был нанесен значительный урон. В боях опять отличились Стародубовские драгуны.

Командующий армией Каменский 2-й решил на время оставить атаки Шумлы и, забрав с собой 10-тысячный отряд, перешел к Рущуку, где войска генерала Засса безрезультатно штурмовали эту крепость. Предпринятый Каменским 2-м штурм Рущука из-за своей неподготовленности оказался кровавой бойней.

Тем временем росли силы турок у Шумлы. Желая сбить русских с их позиций у крепости, турки дважды атаковали Каменского 1-го, но не всеми силами, а по частям (8 июля и 23-го). Оба раза были отбиты. 23 июля силы турок доходили до 30000 человек против 28000 русских.

В семичасовом сражении потери турецкой стороны составили до 6000 убитых, русские потеряли убитыми и ранеными 26 офицеров и 446 нижних чинов. Стародубовский полк потерял 30 человек. Лишь после этого Каменский 1-й отошел к Силистрии.

В двадцатых числах августа турки предприняли наступление, стремясь вытеснить русские войска за пределы своих территорий. 26 августа русские нанесли сокрушительное поражение турецкой армии под Батыном, несмотря на двойное превосходство турок. Батыновская победа оказала решающее влияние на ход кампании. Она навела панику на турок и лишила их всякой активности. 15 сентября сдался Рущук. Обстановка складывалась более чем удачно для русских, можно было продолжать движение вперед на Балканы, к Адрианополю и Стамбулу. Однако Каменский 2-й не отважился на то, что позднее было проделано Русской армией в войну 1877–1878 годов. Тем не менее, кампания 1810 года закончилась полным успехом. Дунайские крепости взяты, живой силе турок нанесен ряд чув-

ствительных поражений. Спасена Сербия, где король Карагеоргий с помощью русского экспедиционного корпуса нанес сокрушительные поражения туркам и очистил от них сербскую землю.

Зима 1810–1811 годов прошла в приготовлениях к следующей кампании, однако Император Александр I, занятый подготовкой к более грозной войне, которая стояла на пороге, приказал отправить в Россию 5 дивизий Дунайской армии из тех 9-и, что были в ее составе. Остающимся дивизиям было предписано вести оборонительные действия и при этом склонить турок к подписанию мира. Каменский 2-й прекрасно понимал, что столь малыми силами совладать с турками будет нелегко, тем не менее, он планировал, собрав их в кулак, двинуться за Балканы.

Воплотиться этой идее было не суждено. Каменский 2-й тяжело заболел, покинул армию и весной скончался в Одессе. Вместо него командующим армией был назначен Кутузов, который 4 мая 1811 года прибыл в армию. К этому времени три дивизии из запланированных пяти уже покинули театр военных действий, а еще две ожидали приказа выступить. Поэтому боевых действий для Стародубовского полка в 1811 году не предвиделось. Полк перешел в Яссы в составе 5-й дивизии, где отдыхал до февраля 1812 года, когда ему было предписано войти в 3-ю армию генерала Тормасова.

Мы не будем подробно останавливаться на кампании 1812 года и действиях армии Тормасова, куда входил и Стародубовский полк, поскольку уже рассказывали об этом, описывая боевые пути двух других полков русской кавалерии, связанных с именем Маннергейма, – Александрийских гусар и Владимирских драгун. Отметим лишь некоторые боевые эпизоды полка в эту кампанию. Совместно с александрийскими гусарами и владимирскими драгунами полк сражался под Кобриным, под Пружанами и Городечной, а затем и на Березине. 27 декабря 1812 года Высочайшим указом полк был переименован в кирасирский. Затем были Заграничные походы, и стародубовцы вписывали свои славные страницы в общую историю Русской армии: участвовали в сражениях под Дрезденом, под Кульмом, под Лейпцигом, а 19 марта 1814 года полк вошел в Париж. В 1815 году полк повторно входит в Париж в связи с известными

событиями, получившими название «100 дней». После окончательного разгрома Бонапарта войсками Веллингтона и Блюхера под Ватерлоо стародубовцы уходят снова в Россию.

Период с 1815 по 1830 годы прошел для полка на стоянках мирного времени, во Львове и Брацлове, где полк, как и вся армия того времени, совершенствовал свою строевую выучку. Мы уже говорили о том, что мирные годы для кавалерии означали сплошную манежную езду и выкармливание «лошадиных тел» для создания внешнего образцового вида войск. Армия готовилась не к войнам, а к парадом.

В 1830 году вспыхивает польский мятеж, и Стародубовский полк в составе кирасирской дивизии отправляется на усмирение восстания. Здесь можно отметить его участие в знаменитой атаке под Гроховым, описанной в главе, посвященной лейб-гвардии Уланскому полку. Гвардейские уланы вместе с кирасирами принца Альбрехта составляли первую линию атаки, а стародубовцы и новгородцы – вторую линию, в третьей находился Кирасирский полк Военного ордена. Было еще несколько славных дел полка в эту кампанию, пока взятие Варшавы в 1831 году, в годовщину Бородина, не положило конец мятежу. Стародубовский полк вместе с Кирасирским полком Военного ордена преследовал разбегавшихся мятежников до прусской границы, а затем вернулся к месту постоянной стоянки в город Стародуб.

В период Восточной войны 1853–1856 годов полк уходил на Балтийское побережье, где нес службу по предотвращению высадки морских десантов.

В 1860 году, в период царствования Императора Александра II, проводится большая реформа кавалерии. 14 июля 1860 года было повелено упразднить все восемь кирасирских армейских полков, «но дабы сохранить имена полков, заслуживших столько славы, исполнить это следующим образом: кирасирские полки присоединяются к драгунским, давая им свое наименование».

Стародубовский кирасирский присоединялся к Нежинскому драгунскому и получал название – Стародубовский драгунский Его Императорского Высочества Принца Петра Ольденбургского полк. При этом старшинство полка было определено с 1709 года как полученное по наследству от Нежинских драгун, сформированных в 1856 году и

получивших это старшинство от предыдущих Нежинских полков – карабинерного, кирасирского и драгунского, ведущих свою родословную от Драгунского гренадерского (но кавалерийского!) полка Роппа, сформированного в 1709 году еще Петром Великим. (См. главу 4).

Полк несколько раз менял места дислокации, пока не определился на шесть лет в местечко Межибожье Подольской губернии. Отсюда в 1876 году он перешел в Каменец-Подольский, где находился уже до самого начала Великой войны, покидая свою стоянку лишь на время Русско-Турецкой войны 1877–1878 годов.

В Русско-Турецкой войне полк принял самое непосредственное участие в составе Руцукского отряда, возглавляемого самим Цесаревичем Александром Александровичем. Именно с этого периода русской истории начинается боевой путь кавалерийского соединения, получившего название 12-й дивизии, сформированной в 1864 году. Именно с этого года русская кавалерия получила новую организационную структуру, когда в состав каждой дивизии входило три регулярных полка – драгунский, уланский, гусарский и один полк иррегулярный – казачий. Номера дивизий соответствовали номерам полков, за исключением казачьих. Первая бригада дивизии состояла из драгунского и уланского, а вторая – гусарского и казачьего полков. Последующая организационная реформа, уже при Александре III, уничтожила названия родов кавалерии, оставив лишь драгун и казаков, и изменила номера полков, не по номеру дивизии, а просто по возрастающей (34, 35 и 36-й соответственно). Поэтому, чтобы читатель не запутался в цифрах, я постараюсь обязательно упоминать непосредственно имя полка, поскольку номер был величиной переменной. Кроме Стародубовских драгун, в качестве регулярной кавалерии в 12-ю дивизию вошли еще два полка: Белгородский уланский и Ахтырский гусарский. Четвертым полком, казачьим, был сначала 12-й Донской, а затем стал 3-й Самаро-Уфимский Оренбургского казачьего войска. А теперь мы на время остановимся на Русско-Турецкой войне, где начались совместные действия дивизии, и вернемся к предшествующей истории других полков, ее составлявших, чтобы охватить всю историю зарождения дивизии, а затем уже двинуться дальше.

Итак, вторым полком, входившим в 1-ю бригаду 12-й дивизии, были Белгородские уланы. Полк более чем заслуженный, ведущий свою летопись от самого Петра Великого. В 6-й главе, повествуя о славном Владимирском полку, мы уже говорили о том, что в далеком 1700 году после горького поражения под Нарвой царь Петр поручает князю Голицыну сформировать 10 драгунских полков из жителей Поволжья, среди которых были и славные владимирцы. Одновременно, новгородскому воеводе Петру Матвеевичу Апраксину поручалось собрать еще два драгунских полка из новгородцев. Так начиналась история Белгородских улан.

Двадцатого октября 1701 года воевода Апраксин доносил царю, что им сформирован драгунский полк, общим числом 754 человека. 26 октября того же года полку было предписано называться по обычаю того времени по имени своего командира – полковника Дениса Девгерина, принятого с французской службы, и только лишь через 125 лет полк получил свое последнее наименование – Белгородский. Вместе с ним был сформирован другой полк – полковника Морелия, ставший потом самым заслуженным кавалерийским полком Русской армии (по числу наград) – 17 Нижегородским.

Это, пожалуй, единственный полк, который практически не знал, что такое мирное время, неся службу долгие годы на Кавказе, участвуя то в войнах, то в непрерывных стычках. Не упомянуть о нем было бы несправедливо.

Так как оба эти полка вступили на театр военных действий еще раньше своего окончательного формирования, то на основании исторических документов, в частности, Журнала о шведской войне за 1700 и 1701 годы, приказом по Военному ведомству № 347 от 1884 года, полкам присвоено старшинство с 9 мая 1701 года.

Формирование полков шло крайне тяжело. Не хватало ни лошадей, ни опытных обучающих офицеров. «Люди, – как писал царю фельдмаршал Шереметев, наблюдавший за передвижением вновь сформированных полков, – шли пеши, из начальных людей не было среди них никого, кто бы знал строй драгунский».

Полки Апраксина были направлены к Ладогe, чтобы организовать там заслон от шведов, а впоследствии служить авангардом

наступления на Ингерманландию. Табуны разномастных лошадей перегонялись отдельно от полков, и только став на постой в Ладоге, полки смогли приступить хоть к какому-то обустройству и обучению. Как уже сказано выше, способных командиров не было. О полковнике Денисе Девгерине, командовавшем нашим Белгородским полком, Апраксин отзывался следующим образом: «Думал только о грабежах и своих прибытках». Тем не менее год, проведенный в Ладоге, сказался на положении дел самым положительным образом. Весной 1702 года Апраксин получает приказ двинуться к устью Невы. Форсировав речку Назию, его полки медленно, но верно, вытесняя шведов, приближались к будущему месту закладки Петербурга. В районе современной Ижоры Апраксин захватил без особого труда Ижорскую мызу. Война в те времена была очень жестокой и разорительной. Вступая на вражескую территорию, войска разоряли ее дотла, исходя из того, что противник впоследствии долго не сможет использовать ее для своего снабжения.

Апраксин, не вникая особо в замыслы Петра, восторженно рапортовал царю: «Я прошел рекой Невой до Тосны и самой Ижорской земли, все разорил и развоевал верст на сто от рубежа». Петр I смотрел на Ингерманландию уже как на русскую землю, поэтому горячо отругал Апраксина, и тот поспешил прекратить опустошение края и чухонских деревень. После незначительных стычек близ Ижоры шведы решили перейти в наступление, и 12 августа 1702 года выступили из крепости Ниеншканц, нынешняя Охта, и, переправившись через Ижору, атаковали русских, но были наголову разбиты и бежали до самого Дудергофа. Русская конница преследовала их до Славянки, а затем остановилась. Апраксин не хотел рисковать, штурмуя Дудергофскую мызу и оставляя у себя в тылу крепость Ниеншканц.

Таким образом, первые боевые успехи полков Апраксина положили начало воплощению гениального замысла Петра Великого и были первыми шагами, позволившими прорубить России «окно в Европу».

Я думаю, стоит совершить краткий экскурс в историю этого края, называемого Ингерманландией, поскольку он наиболее близок нам как его жителям. Земли, занимаемые сейчас Петербургом, Ленинградской областью и частично Новгородской, а также Карелией,

всегда были ареной исторических событий, касающихся Северной Европы, прежде всего Швеции и России. **Именно Швеция и Россия воевали друг с другом на протяжении более 80 лет***, и **основным предметом их спора была Ингерманландия.**

В раннем средневековье через эти земли пролегал так называемый восточный путь викингов. Он шел по северному берегу Финского залива до Выборга, а затем через Карельский перешеек, по Вуоксе выходил на Ладогу, в реку Волхов и далее на юг. Позднее этот путь несколько видоизменился и пролегал по побережью Финского залива до самого устья Невы, а затем в Ладогу и по старому маршруту.

Следует отметить, что существует чрезвычайно мало находок, представляющих археологический интерес и свидетельствующих о наличии поселений непосредственно на побережье Финского залива. Это связано с большой вероятностью нападения разбойников-викингов со стороны моря.

Поэтому все основные города и деревни Новгородского края, а именно Новгород был владельцем всей Ингерманландии, размещались на некотором расстоянии от морских берегов. Основными центрами торговли Северной Руси были сам Господин Великий Новгород на озере Ильмень и его форпост Старая Ладога – в устье Волхова.

Сюда стремились западные купцы, и союз германских городов Ганза являлся посредником в международной торговле в Северном и Балтийском морях. В торговых договорах Великого Новгорода с Готландом и ганзейскими городами подробно оговаривались условия посещения русских новгородских земель, плавания во внутренних водах, а также ответственность новгородцев за безопасность плавания в Финском заливе – от Березовых островов до острова Котлин, являвшихся крайними морскими точками новгородских владений.

Образовавшееся в начале XII века в средней Швеции государство варягов немедленно начало продвижение на восток, и почти вся Финляндия в ее современных границах оказалась под властью Швеции.

Однако стратегически важным для шведов оставалось захватить все морские и речные торговые пути, связывавшие Европу с Новгородской Русью, для установления своего полного господства

* 81 год (8 раз) от Куликовской битвы до заключения Брестского мира.

на Балтике. Поэтому они устремились к Неве как важнейшему транзитному пункту в международной торговле.

Однако новгородцы, как говорилось выше, держали собственную «морскую стражу» на случай прихода непрошенных гостей. Одна из таких застав, расположенная, вероятно, на острове Котлин, возглавляемая одним из старейшин ижорцев – Пелгусием, в христианстве принявшем имя Филиппа, своевременно заметила приближение в 1240 году шведских кораблей и известила об этом князя Александра Ярославича. Времени для сбора большого войска не было, и молодой князь решил внезапно атаковать шведов лишь силами собственной дружины. «Не в силе Бог, а в правде!» – с такими словами обратился он к своим воинам. И на берегу Невы, где впадает в нее речка Ижора, в памятный день 15 июля (день благоверного князя Владимира) произошла знаменитая битва, за победу в которой Александра Ярославовича назвали Невским.

Однако весь XIII век шведы не оставляли своих попыток вторгнуться в новгородские пределы. В 1249 году они вторглись в центральную Финляндию и покорили племя еми, завершив этим присоединение к шведской короне всех финских земель. Походы совершались в 1256, 1283, 1284, 1292 годах против союзников Новгорода – ижорцев и карел. Новгородцы не дремали и наносили ответные удары. В 1293 году шведам удается заложить крепость Выборг, перекрыв таким образом доступ с Финского залива к Вуоксе. Их попытка основать крепость на берегу Ладожского озера успехом не увенчалась – новгородцы выбили их оттуда.

В 1300 году шведы вновь приходят в устье Невы, и в районе Охты закладывают крепость под названием Ландскрона – «Венец земли». Первая попытка новгородцев выбить оттуда шведов была неудачной. Недостаток сил, а также довольно прочные укрепления, которые успели возвести шведы в столь короткий промежуток времени, вынудили русских отступить, но не отказаться от цели. На следующий год, воспользовавшись тем, что большая часть шведов ушла на зимовку домой, новое новгородское войско, возглавляемое сыном Александра Невского князем Андреем Александровичем взяло штурмом крепость Ландскрона, которая была сожжена, а все ее укрепления срыты. Не-

вольно напрашивается вопрос: «А почему новгородцы уже тогда не воспользовались готовой шведской крепостью, не укрепили ее, не оставили там мощный гарнизон и тем самым не закрыли вопрос обороны своих северных и морских рубежей?» Тем более, что Новгород был крайне заинтересован в развитии торговых отношений с Ганзейским союзом и в политической изоляции Швеции, препятствовавшей свободной торговле. Ответ здесь, видимо, один: слишком значительное удаление этого места от основных городов Новгородской Руси – Ладоги, Копорья и Корелы и невозможность содержания значительного гарнизона в малонаселенной местности.

Массовое заселение этих земель начинается после возведения в 1323 году крепости Орешек и подписания в том же году Ореховецкого договора между Новгородом и Швецией, закрепляющим границы двух государств. Отныне эти земли относились к Водской пятине (пятой части основной территории Новгородского государства), названной по имени финского племени водь, в основном населявшего этот край. Вместе с крепостью Орешек возрождается жизнь и в устье Невы. Появляется несколько деревень, принадлежавших новгородским боярам. В Писцовой книге 1500 года, где собраны сведения о Водской пятине Новгородской земли, содержатся упоминания о «Сельце на Усть Охте» и о группе поселений на территории современного Санкт-Петербурга (Лахта, Парголово, Дудорово и другие). С потерей Новгородом независимости и переходом его под юрисдикцию Москвы как центра всей России земли на Неве переходят московским боярам, отсюда идет увеличение русского населения края. Позднее «Сельцо на Усть Охте» получило название Невское устье или Невский городок. На рубеже XVI–XVII веков здесь располагался Государев Гостиный Двор и церковь Михаила Архангела, корабельная пристань и таможня. Однако Швеция все это время не оставляла своим вниманием соседа, и губернатор Выборга регулярно доносил шведскому королю обо всем происходящем в русских пределах.

В период смутного времени, когда Русь раздирали на части собственные междоусобицы, крестьянские войны и польские интервенты, Швеция не преминула этим воспользоваться. Надавив на нового русского царя Михаила Романова, она выторговала себе всю

Ингерманландию. Уже с 1605 года шведский король Карл IX многократно пытался навязать свою «помощь» Москве. Действительная цель этой «помощи» заключалась в захвате всей Северо-Западной Руси, включая Новгород, Псков, а также Северную Карелию, Ингерманландию и Соловецкий монастырь.

В начале 1609 года в Выборге был заключен военный союз Швеции с Россией против Польши. Правительство Шуйского возлагало большие надежды на помощь наемников, в первую очередь шведов. Однако действия шведского отряда, возглавляемого Яковом Деллагарди, не принесли ощутимой помощи русским. А после Клушинского поражения, где шведы открыто стали на путь предательства, ситуация изменилась кардинально. Отказавшись от помощи наемников, русские обрели себя на открытую интервенцию со стороны шведов. Первым городом, который они осадили, была Корела. После шестимесячной осады Деллагарди удалось взять ее измором. Осада Ивангорода не удалась, поход на город Колу с целью захвата Кольского полуострова также закончился отступлением. Неудачей завершился и поход на Соловки. Шведское войско просто не смогло дойти туда из-за отсутствия продовольствия и фуража, которое уничтожалось или пряталось в лесах местным населением.

Тем не менее, благодаря предательству шведам удалось захватить Новгород. Политический, экономический и военный центр богатой новгородской земли оказался в руках шведских интервентов. Однако предстояло еще завоевать территорию Новгорода, сломив сопротивление народа, развернувшего партизанскую войну против захватчиков. Неся большие потери и преодолевая вооруженное сопротивление всего населения, шведам все-таки удалось после тяжелейших осад взять города: Орешек, Копорье, Ивангород, Ям, Гдов и Порхов. Новый король Швеции Густав Адольф решил сделать попытку окончательно покорить этот край, взяв Псков. Он надеялся, что с падением Пскова ему удастся подавить все возрастающее сопротивление населения. Поочередно восставали против шведов Тихвин, Гдов и Порхов. В 1615 году шведы пытались осаждать Псков и после трех безуспешных штурмов вынуждены были отойти. В то же время закончившаяся неудачно для шведов война с Данией, в результате

которой Швеция потеряла свое влияние на Балтике, вынудила короля Густава II Адольфа поспешить с заключением мира с Россией. Подписанный в Столбове договор, в общем-то, отвечал интересам двух стран, но не в равной степени. России удалось отстоять сам Новгород, но потерять при этом Ингерманландию с ее крепостями: Ивангородом, Ямюю, Копорьем и Орешком. Никогда – ни прежде, ни после – Швеция не заканчивала так выгодно ни одной войны. Шведский король искренне радовался тому, что помешал России укрепиться на берегах Балтики, словно предвидя, какими опасностями Россия со временем могла угрожать Швеции. Уже в 1611 году шведы закладывают на месте Невского городка крепость, получившую название Ньюэсканц, или по-немецки Ниеншанц (Ниеншканц), то есть Невское укрепление. Русские ее называли Канец или Канцы. Напротив крепости быстро вырастает городок – Ниен, который к 1632 году указом шведского короля получает полные городские права шведского королевства. Такова краткая четырехсотлетняя (до 1703 года) предистория Невского края, где Петр Великий отвоевывал новгородские земли у Швеции, рубил «окно в Европу» и закладывал блистательный Петербург. Здесь и зарождалась та великая Русская армия, о которой наш рассказ.

В сентябре 1702 года в лагерь Апраксина на реке Назия стали приходить полки из Новгорода и Пскова, а 22-го прибыл сам Петр и устроил смотр всей армии. Предстояло начинать освобождение края, штурмуя по очереди все расположенные здесь шведские крепости. Первой была крепость Нотебург – русский Орешек. После семидневной пальбы пушками Петр решился на штурм, который продолжался 13 часов, и если бы не счастливый случай, закончился неудачей.

Посланный к войскам, чтобы передать приказ об отступлении, офицер заблудился в темноте, поэтому русские продолжали штурм, а шведы, пораженные упорством противника, в конце концов запросили пощады. Еще через три дня, после обсуждения условий капитуляции, гарнизон крепости во главе с генералом Шлиппенбахом был выпущен, русские вступили в пределы крепостных стен, и под троекратные орудейные и ружейные салюты Нотебург был наречен Шлиссельбургом, то есть Ключем-городом ко всему Балтийскому побережью.

В Шлиссельбурге был оставлен сильный гарнизон. Остальные войска разошлись на зимние квартиры. Белгородцы вернулись в Ладугу.

Наступила весна 1703 года – весна, ставшая точкой отчета Великой Российской Империи. Этот год, ознаменовавшийся закладкой Санкт-Петербурга, означал наступление новой эры русской истории.

К 25 апреля к шведской крепости Ниеншанц, расположенной в устье Невы, подтягивались силы русских. Из Пскова подошел Шереметев, сюда же подтянулись оба полка Апраксина. Русская армия насчитывала около 20000 человек. 28 апреля Петр I во главе нескольких рот преображенцев и семеновцев, отправился на лодках вдоль Невы и, несмотря на обстрел неприятеля, осмотрел укрепления. Впервые увидев Ниеншанц, Петр заметил Меншикову: «Город гораздо больше, чем сказывали, однако же не будет со Шлиссельбургом» (в смысле не сравнится. – *А. III.*). 30 апреля посланные с предложением о капитуляции к коменданту крепости парламентареры, сначала трубач, а потом барабанщик, возвратились с отрицательными ответами. Комендант заявил, что крепость вручена ему королем не для того чтобы сдать, а чтобы защищать.

В этот же день около семи часов вечера начался интенсивный обстрел Ниеншанца, продолжавшийся непрерывно до самого утра. Сначала шведы довольно активно отвечали, но вскоре стрельба из крепости прекратилась. Возможно, это было вызвано прямым попаданием одного из русских снарядов в пороховой погреб, в результате чего была уничтожена часть укреплений, тем не менее факт остается фактом: 1 мая 1703 года на крепостной вал вышел барабанщик и ударил к сдаче. Шереметев распорядился прекратить стрельбу. Из крепости вышло несколько шведских офицеров с предложением обсудить условия сдачи, которые были быстро приняты. Гарнизон Ниеншанца получил возможность покинуть крепость с распущенными знаменами, с оружием и одной пулей на каждое ружье и в сопровождении русского конвоя должен был быть направлен в Нарву. Шведские офицеры, вышедшие на переговоры, оставались в качестве заложников до возвращения назад конвоя. 2 мая русские войска выстроились в крепости, шведский комендант торжественно вручил Шереметеву ключи на серебряном

блюде, затем был устроен троекратный салют, и шведский гарнизон покинул пределы крепости, ожидая отправки в Нарву.

Однако в этот же день было получено сообщение о приближении шведского флота, который салютовал о своем прибытии двумя пушечными выстрелами. Несмотря на предпринятые меры предосторожности, чтобы противник не догадался о падении крепости, по приказу Шереметева были произведены такие же ответные выстрелы. Со шведских кораблей была выслана шлюпка для доставки лоцмана, но ее перехватил русский дозор, однако часть шведских матросов бежала. Тем не менее, два шведских корабля все же вошли в устье Невы и бросили якоря. Ночью царь Петр с отрядом преображенцев и семеновцев на 30 лодках атаковал шведов и захватил оба корабля, приведя их к Ниеншанцу. Лишь после этого шведский гарнизон был отпущен, но не в Нарву, а в Выборг.

Ниеншанц был переименован Петром в Шлотбург – город-замок, и на несколько недель он стал лагерем Русской армии. Дальнейшую судьбу крепости и города решал военный совет, который определил, что необходимо искать новое место для закладки крепости. И такое место было найдено. Это был «остров zelo удобный положением места, на котором вскоре, а именно мая в 16 день в неделю пятидесятницы фортецию заложил, и нарекли имя оной Санкт-Петербург». Осуществилась заветная мечта Царя – Россия твердой ногой стала на берегах Балтийского моря. В 1709 году после Полтавской победы, предрешившей исход Северной войны, по приказу Петра I был произведен взрыв еще сохранившихся укреплений Ниеншканца. Этим он хотел подчеркнуть принципиальную новизну своих устремлений и начало совершенно новой эпохи в истории приневского края.

После закладки Санкт-Петербурга были взяты еще два города – Копорье и Ямбург. В последнем Петр приказал заложить сильную крепость для прикрытия Петербурга со стороны Эстляндии. Под власть России возвращались старые новгородские земли. Конные полки несли дозорную службу и участвовали в рекогносцировках. На зиму 1704 года Шереметев с основными силами ушел походом на Эстляндию и Курляндию, а Апраксин был оставлен для прикрытия Ингерманландии. Зима прошла тяжело, особенно для кавалерии.

Много лошадей пало от отсутствия кормов. А в двадцати верстах от места стоянки располагалась сильнейшая крепость Нарва, откуда постоянно можно было ждать нападения. Апраксин неоднократно доносил Петру о тяжелом своем положении, но царь не мог ничем помочь. К счастью, зима прошла спокойно, без военных действий.

Кампания 1704 года началась походом Шереметева к Дерпту (Тарту), а сам Петр осадил Кексгольм (бывшую новгородскую Корелу). Апраксину было приказано наблюдать за Нарвой, препятствовать попыткам шведских кораблей подходить к устью реки Наровы и высаживать там подкрепление и провиант для крепости. Задача была очень сложной для Апраксина. Имея в тылу сильную крепость, он должен был противостоять еще и целой шведской эскадре, которая сначала насчитывала 9 кораблей, а потом подошло еще 12. Корабли постоянно обстреливали позиции русских. Драгунские полки – Белгородский и Нижегородский, беспрестанно совершали рейды по берегу и по дорогам к Нарве и Ревелю. Апраксин доносил Петру: «Драгуны беспрестанно разбивают неприятельские патрули и караулы, мешают мелким высадкам и не дают ничего выгружать на берег». Сильная качка на море не позволяла шведским кораблям вести прицельный огонь, поэтому русские не несли ощутимых потерь от шведской артиллерии. Вскоре весь шведский флот отошел к Ревелю и произвел там высадку десанта. Общее командование над шведской армией под Ревелем принял на себя генерал Шлиппенбах, брат другого Шлиппенбаха, уже знакомого нам по отчаянной обороне Шлиссельбурга. Тогда Петр принимает решение снять осаду Кексгольма и срочно со всей своей армией прибывает под Нарву. К нему присоединяется и Апраксин.

Русские получают известие о том, что Шлиппенбах начал движение со своим войском от Ревеля к Нарве, на выручку осажденному гарнизону. Понимая, что допустить соединения шведов – значит иметь еще одно поражение под Нарвой, Петр придумывает военную хитрость: часть русских войск изображает приближение шведской армии Шлиппенбаха, другая часть вступает с ней в «сражение», затем, в ходе «боя», пропускает их к крепости. Осажденные поддались на эту уловку и выслали навстречу лжешведам часть гарнизона (около 1150 человек), которые и были успешно перебиты.

Между тем настоящий Шлиппенбах продолжал двигаться к Нарве. Для того чтобы его остановить, формируется отряд из шести драгунских полков, в том числе и Белгородского, под командованием полковника Ренне. Разгромив 3000 отряд Шлиппенбаха, полки возвратились под Нарву. Сюда уже были доставлены осадные орудия из Шлиссельбурга и начались усиленные бомбардировки Нарвы. К этому добавилась радостная весть о взятии армией Шереметева Дерпта, старинного русского Юрьева (ныне город Тарту).

Крепость штурмовали в ночь на 9 августа. От белгородцев в штурме участвовала одна гренадерская рота, введенная совсем недавно в состав полка. В конном строю она действовала, как обычная драгунская, а в пешем поддерживала пехоту в рассыпном строю, бросая в неприятеля гранаты, которые носили на специальной перевязи через плечо. Взятием Нарвы закончилось участие Белгородского полка в боевых действиях в Ингерманландии. Политические и военные обстоятельства того времени передвигали центр войны далеко на юг, на Украину и в Польшу, и Белгородский полк уходит на новый театр военных действий.

Время, проведенное молодым полком в Ингерманландии, послужило для его воспитания и обучения как боевой единицы. Это была прекрасная военная школа. Сражаться под знаменами самого Петра, видеть и слышать его, было высочайшей честью для полка.

Как известно, после поражения русских под Нарвой в 1700 году шведский король Карл XII больше не считал Россию серьезным противником и направил все свои силы против польского короля Августа. Даже отдельные победы русских войск не внушали молодому королю опасения за свои северные владения.

Между тем Петр I, воспользовавшись этой оплошностью Карла XII, получил время для формирования и воспитания новой армии, а в боях с немногочисленными шведскими отрядами и гарнизонами приобрел самое ценное – боевой опыт и, главное, вселил веру в войска, что шведов можно и нужно побеждать.

С берегов Балтики вышли уже не те нестройные массы, которые так легко дали разбить себя под Нарвой, а закаленные в боях и обученные тактическим приемам ведения боевых действий войска.

Особенно это касалось кавалерии. Если в стародавние времена конница действовала рассыпным строем и вела бестолковый огонь с седла, то теперь драгунские полки бросались всей массой на неприятеля, пуская в ход одни палаши, и, лишь обратив его в бегство, открывали огонь из огнестрельного оружия.

Белгородский полк, сменив командира (им стал произведенный в полковники иностранный офицер Суvas), был выдвинут в Литву. Практически весь 1705 год полк провел в этом крае в непрерывных стычках со сторонниками Станислава Лещинского – шведского ставленника на польский престол и ярого врага законного короля Польши Августа, который выступал союзником Петра I в Северной войне. В конце года вся Русская армия собралась в районе Гродно, где и планировалось провести зимовку. Туда же прибыл разгромленный шведами король Август. Петр I, оставив армию на короля Августа, уехал в Петербург.

Тем временем шведский король Карл XII, осознав всю опасность, исходившую от возродившейся и окрепшей Русской армии, принял решение немедленно ее разгромить. С этой целью он стремительно выступил в поход. Ни лютый мороз, ни отставшие резервы не могли остановить молодого и горячего шведского короля. Подойдя к Гродно, он переправился через Неман, но, осмотрев позиции русских и учитывая крайнюю степень усталости своих войск, не решился на сражение. Между тем польский король Август, забрав четыре русских драгунских полка под предлогом привести извне помощь, прорвался из осажденного Гродно и был таков. Это еще более усугубило положение русских.

Петр I немедленно выехал к армии, однако был остановлен Меншиковым, известившим его, что пробиться к Гродно очень сложно. Тогда Петр I затребовал от короля Августа, уже успевшего испытать очередное поражение от шведов, немедленного возвращения четырех полков, что было с трудом, но исполнено. Армии, окруженной под Гродно, с началом весеннего ледохода было приказано отступать, оставляя прикрытие из драгунских полков в арьергарде и с флангов. Белгородский полк, которым командовал князь Волконский, сменивший своего предшественника, как раз и находился в арьергарде.

Спешенным порядком драгуны сидели в окопах и жгли костры, создавая видимость того, что русская армия остается на месте. Затем, выждав время, они снялись и двинулись за ней.

Карл XII начал было преследование русских, но был вынужден остановиться из-за плохого состояния дорог, вызванного весенней распутицей. Таким образом, Русская армия спокойно отошла к Киеву, где стала приводить себя в порядок, а шведская двинулась на Вольнь, где окончательно разгромила польского короля Августа. Последний отрекся от короны в пользу Лещинского, а заодно и предал Петра, подписав так называемый Альтранштадтский договор, по которому отказывался от своих союзнических обязательств перед Россией.

Громя саксонцев короля Августа, Карл XII оставил для прикрытия лишь корпус Мардефельда и гетмана Потоцкого. Этим воспользовался Меншиков и, собрав все драгунские полки, 18 октября 1706 года обрушился на шведов. Это была знаменитая Калишская победа, о которой мы уже рассказывали в главе, посвященной Владимирскому полку. Белгородцы также приняли участие в этом сражении, причем в пешем строю, отразив натиск превосходной шведской пехоты, чем вызваны столь значительные потери в полку. Из 85 драгунов, погибших в этот день в бою, на долю белгородцев приходится 35. Столь большие потери могли быть только от прямого ружейного огня, под которым пришлось им выстоять.

Последующие два года прошли в непрерывном маневрировании армий и русской, и шведской. Петр I выжидал, собирал силы, изматывал шведов. 1708 год знаменателен еще тем, что принес полку, да и всей армии, перемену, имевшую важное значение для последующей службы. Царь Петр давно уже видел неудобства, происходящие от наименования полков по именам их командиров. Командиры менялись, менялись названия, все это вело к чрезвычайной путанице, в то же время полки обезличивались, память об их победах исчезала вместе с названиями, и никто не знал, кому и где обязаны победой. Петр I принял иную систему, назвав полки или по именам провинций, где они были набраны, или по именам городов в провинциях, которым вменялось в обязанность содержать эти полки, давая им средства к существованию. Тогда, как мы помним, указом 10 марта появился

славный Владимирский полк, и наш полк получил наименование Вятского. Белгородским ему предстояло стать через 67 лет.

В начале июля Русская армия сосредоточивается под Могилевом, где терпит поражение от шведов. Петр I немедленно бросает все дела и устремляется к армии. Потери русских были значительны, но и шведы потеряли не меньше. В то же время малороссийские казаки гетмана Мазепы коварно изменяют царю Петру и присяге.

Узнав, что Карлу движется большой обоз с продовольствием, охраняемый крупным отрядом шведского генерала Левенгаупта, Петр I, не мешкая, берет десять драгунских полков, сажает на лошадей десять батальонов преображенцев и семеновцев и, лично возглавив их, устремляется наперерез шведам. Так произошла битва при деревне Лесной 28 октября 1708 года, вписавшая еще одну яркую страницу в боевую летопись Русской армии. О победе при Лесной мы уже рассказывали раньше. И владимирские и вятские драгуны с честью выполнили свой долг в этом славном деле.

В начале 1709 года с полком произошли следующие перемены: от него была отделена гренадерская рота, из которой образовался полк под командованием Андрея Кропотова (впоследствии Рижский драгунский полк), а также часть драгун ушла для образования еще одного нового драгунского полка – Новотроицкого.

1709 год – это год Полтавы. Вятские драгуны, как и вся русская кавалерия, храбро дрались в сей памятный день 27 июля.

И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины –
И грянул бой, Полтавский бой!..

Впервые со времен князя Александра Невского шведам было нанесено столь сокрушительное поражение. Продолжением Полтавы стало взятие Выборга и Кексгольма, которые обеспечивали надежную защиту столице Российской Империи – Петербургу. Эпоха побед Карла XII закончилась на Украине, все последующие победы русских были продолжением Полтавской, от которой шведам не суждено было оправиться никогда.

Командир Вятского полка князь Волконский был произведен в генерал-майоры, а новым командиром назначен полковник Греков, перешедший в полк в 1706 году из Нижегородского драгунского полка. От самой Полтавы на долгие десять лет полк отправляется на Балтийское побережье, в Ингерманландию и Финляндию – туда, где он родился, где крепла и росла его боевая семья.

К концу 1709 года полк прибывает под Ригу, и начинается ее осада. До весны 1710 года никаких особо активных действий против осажденных не предпринималось, дело ограничивалось лишь бомбардировками.

К маю 1710 года под Ригой собирается с зимних квартир уже мощная Русская армия, чтобы одним ударом покончить с крепостью. Но тут на армию обрушивается новое несчастье в виде моровой язвы. Эпидемия, несмотря на все принимаемые меры, быстро распространилась в войсках. Жертвами болезни стало около трети драгун Вятского полка. Естественно, это сказалось и на действиях осаждавших. Да и участь осажденных была не лучше. Из русского лагеря моровая язва перекинулась в Ригу и произвела там страшное опустошение. В две недели из 12000 человек гарнизона погибло 8000, а мирных жителей около 60000.

В результате продолжавшихся бомбардировок города и безысходности положения гарнизона комендант Риги Стремберг согласился на русские условия капитуляции. 4 июля русские вошли в Ригу. В соответствии с условиями сдачи вся Лифляндия переходила под русскую корону, таким образом, все дворяне Лифляндии принесли присягу на верность Петру I. Тотчас по взятии Риги шесть драгунских полков вместе с Вятским были двинуты под Пернов, который удалось взять без единого выстрела. Так же пал Ревель.

Но несмотря на все успехи, достигнутые в Прибалтике, Петру I пришлось продолжить борьбу со шведами, чтобы обезопасить владения на берегах реки Невы и защитить Петербург. Финляндия вдоль своего южного побережья охранялась шведскими войсками и, кроме того, ее сильный флот постоянно курсировал вдоль берегов Финского залива. Чтобы наблюдать за действиями шведов и в случае чего воспрепятствовать им высадить десант на берега Ингер-

манландии, оборона последней была поручена князю Меншикову. Таким образом, Вятский полк с 1710 по 1712 годы нес кордонную службу на побережье от Нарвы до Ревеля и Пернова.

В это же время 40-тысячная Русская армия под командованием Шереметева вступила в войну с Турцией, подстрекаемой шведским королем Карлом XII, окончившуюся для России неудачей и вошедшую в нашу историю под названием «Прутский поход 1711 года».

В 1712 году Вятский полк получает приказ выдвинуться к Выборгу и войти в состав армии, предназначенной для похода в Финляндию. Наступление армии Апраксина в глубь Финляндии было очень медлительным и нерешительным. Продвинувшись за 10 суток всего на 120 верст до Веккелаксе, никаких решительных боевых действий армия не предпринимала, ограничившись высылкой конных разъездов и проведением рекогносцировок. Противник медленно отступал, русские так же медленно двигались за ним вслед. Все закончилось тем, что 3 сентября Апраксин принял решение возвращаться на зимние квартиры. Так закончилась первая попытка нашего наступления в Финляндии, в результате которого ничего достигнуто не было.

Неудачный поход Апраксина побудил Царя Петра уже осенью 1712 года приступить к обсуждению нового плана для кампании предстоящего 1713 года. На этот раз все складывалось гораздо удачнее. Кавалерия, возглавляемая князем Волконским, выступила из Выборга по направлению к Гельсингфорсу, флот, в том числе и гребная флотилия с десантом, выступил из Кронштадта. 10 мая наш флот развернулся на гельсингфорском рейде. Попытки береговых батарей помешать развертыванию флота были отражены огнем корабельной артиллерии. На следующий день были высажены десанты, и полки двинулись вперед к охваченному пожарами от бомбардировок городу. Шведский гарнизон отступил к Борго. Кавалерия Волконского продолжила движение в направлении Гельсингфорса. Одновременно пехотные части высадившегося десанта, а также галерный флот русских подошли к Борго. Шведы без боя оставили город и отступили в направлении Або. Соединившись, русские двинулись вслед за шведами.

Так и протекала эта кампания – шведы отступали, русские шли вслед. Все ограничивалось отдельными стычками, которые, правда,

носили весьма ожесточенный характер. Неподалеку от Або Армфельд решил дать сражение русским. 22 августа состоялось дело на реке Карис, где одни драгуны атаковали шведский арьергард и опрокинули его. Армия шведов снова отошла, освобождая дорогу на Або, чем русские незамедлительно воспользовались. 28 августа был занят Або. Следующим пунктом должен был стать город Васа. Получив резервы из Петербурга, русские открыли боевые действия и в зимнюю кампанию 1714 года. 19 февраля 1714 года состоялось наконец сражение между шведскими войсками Армфельда и русскими – князя Голицына у деревни Лапполо, неподалеку от города Васа. Несмотря на самоотверженность, с которой сражались шведы, они были опрокинуты и рассеяны, оставив на поле боя 5133 убитыми человека, в плен попали 535 человек. Потери русских были тоже ощутимы – 421 убитых и 1047 раненых. Русские вступили в Васу, не встретив никакого сопротивления. Наступило лето. К началу июня основные силы русской пехоты находились в Або, кавалерия в Борге, еще три пехотных полка стояли в Гельсингфорсе. Перед ними ставились задачи разведки и уничтожения неприятельских группировок в занятой части Финляндии.

Между тем русский флот одерживает блестящую победу при Гангуте, затем без всякого сопротивления забирает Аландские острова.

В результате совместных действий русских основные силы шведов отступили в глубину Швеции, русский флот контролировал весь Ботнический залив.

Вятский полк простоял 1715, 1716 и первую половину 1717 годов. Полк посылал партии и разъезды, которые доходили до Улео, но серьезных действий против шведов не было.

В 1717 году Вятский полк получает приказ оставить своих лошадей другим драгунским полкам, а самим пешим строем идти в Петербург для участия в строительстве верфей и казенных зданий. Дело в том, что затишье на войне позволило царю Петру совершить поездку за границу, откуда он возвратился в октябре 1717 года и нашел свое детище – Санкт-Петербург, далеко не в том виде, в каком ему бы хотелось. Работы велись крайне медленно и не с должным качеством. Выместив свой гнев на нерадивых подрядчиках, Петр приказывает для ускорения работ привлечь к ним войска. Поэтому

Вятский полк и оказался на строительстве Петербурга, где пробыл до середины 1719 года. Насколько тяжел и изнурителен был труд, а условия проживания и питания плохи, можно судить по цифрам – за время пребывания полка в Петербурге от цинготной болезни умерло 60 человек. В 1719 году полк ушел из Петербурга на зимние квартиры на Украину, по пути пополняя конский состав, амуницию и вооружение.

Между тем переговоры со Швецией все затягивались. В 1718 году был убит Карл XII, а его сестра, вступившая на престол, отказалась вести переговоры с Россией. Тогда в 1719 году эскадра Апраксина опустошает берега Швеции южнее и севернее Стокгольма, эскадра Синявина берет в плен шведскую эскадру между островами Эзель и Готланд. В 1720 году русский флот снова появляется у шведских берегов и производит ужасное опустошение побережья, а на обратном пути берет на бордаж 4 шведских фрегата. В 1721 году военные действия вновь возобновляются и производится операция к югу от Улео. Все это принудило шведов согласиться на переговоры, и 30 августа в Ништадте был подписан мир, по которому Россия получила: Лифляндию с островами Эзель и Даго, Эстляндию, Ингерманландию, южную Финляндию с Выборгом и Карелию с Кексгольмом. Так окончилась великая Северная война. Швеция навсегда потеряла значение господствующей державы на севере Европы, чтобы уступить место возрожденной Великим Петром России.

Тем временем Вятский полк постоянно менял стоянки, мотаясь по деревушкам Малороссии, а затем и по верховьям Дона.

Провозглашенный Императором России, Петр Великий продолжал неусыпно заботиться о повышении благосостояния армии, в связи с чем он приказал распределить все войска на «вечные», то есть постоянные квартиры. Подготовленный Сенатом протокол предусматривал строительство слобод, из расчета – одна слобода на одну роту (вспомните, наши петербургские 1,2,3 и так далее Красноармейские улицы – бывшие роты Измайловского полка), где отводилось бы по одной избе на сержанта или двух унтер-офицеров, или трех солдат. Офицерам предусматривались более просторные избы с сенями и помещением для денщика. Строительство слобод

должно было идти за счет денег, отпускаемых городскими администрациями в полковую казну. Таким образом, Вятскому полку были предназначены для «вечной» стоянки квартиры в Свияжской провинции Казанской губернии, куда и был направлен отряд драгун из 300 человек во главе с подполковником Есиповым.

Но 28 января 1725 года не стало Петра Великого. «До чего мы дожили россияне! Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем!» – так говорил знаменитый проповедник Феофан Прокопович.

Годы правления Екатерины I и Петра II ничем особо выдающимся в истории России не отмечены. Шла обычная придворная грызня, борьба партий. Усилились волнения на границах России. Вятский полк участвовал в боевых стычках с восставшими калмыками, каракалпаками и башкирами. Для нашего полка это время отмечено его переименованием, 16 февраля 1727 года, во 2-й Свияжский полк. Екатерина буквально поняла заветы Петра о передаче полкам названий географических мест, с которыми они были связаны, забыв при этом, что, уже имея имена, полки под ними сослужили немалую героическую службу, и названия, Петром данные, уже стали знаменитыми. Так как в Свияжском уезде размещалось еще два полка, то все они получили, слава Богу, временные, номерные названия – 1, 2 и 3-й Свияжские. Петр II вернул старые заслуженные имена полков. (Вспомните, так же Владимирский полк переименовывался в Алатырский). Вятский полк снова вернулся на Украину.

С воцарением Анны Иоанновны для Русской армии наступала эпоха Миниха. Начинаются тяжелые и безрезультатные походы русских на Крым. В 1735 году Вятский полк участвует в походе за реку Самара, где имеет столкновения с татарами. В 1736 году, недовольный действиями войск, Миних принимает все командование на себя. Армия совершает переход к Крыму, берет Перекоп, входит в Крымское ханство, захватывает его столицу Бахчисарай, но изможденная отсутствием продовольствия, в особенности фуража для лошадей – татары выжигали все поля, охваченная эпидемией, безрезультатно возвращается назад. Сражения, в которых армии довелось участвовать, дали весьма малую убыль, но болезни и лишения поглотили половину ее состава. Это в полной мере относилось и к Вятскому полку.

Миних умчался в Петербург доказывать необходимость продолжения кампании в следующем году, а Вятский полк, едва оправившись от тяжелого похода, был направлен в Уфу для подавления вспыхнувшего там восстания башкир. Полк отправился пешим порядком, оставив всех своих лошадей для доукомплектования конским составом других, оставшихся в армии Миниха полков. Вместе с Вятским полком был отправлен и Ростовский драгунский. Через два месяца пути их нагнал курьер с приказанием остановиться в ожидании дальнейших указаний.

Так полк и простоял полтора года сначала в Елецком, а затем в Воронежском уездах, пока, наконец, весной 1737 года не последовал приказ вернуться в армию Миниха.

Единственным успешным делом Русской армии в этом году было взятие Очакова, хотя конные полки, в том числе и Вятский, практического участия в осаде не принимали. Осажденный турецкий гарнизон выжег всю степь вокруг крепости на многие версты, поэтому кавалерия располагалась рядом с обозом, за границей выжженной степи, чтобы иметь пропитание для лошадей.

Вообще, историки драгунских полков того времени сходятся в главном: никогда в эпоху Миниха драгуны не действовали самостоятельно, а были постоянно прикреплены или соединены с пехотой, находились в общей массе войск и даже в общих каре. Характерен для того периода и процесс наступления миниховских каре: двигаются, останавливаются, постреляют, опять двигаются, опять останавливаются и так далее.

1738 год проходит, как предыдущий: опять поход, стычки с турками, никаких генеральных сражений. Следует отметить одно неудачное для Вятского полка происшествие. Полк вместе с пехотным прикрытием был назначен в охранение фуражиров и табунщиков, занимавшихся заготовкой сена для лошадей. В поисках пастбищ они разбрелись очень далеко, и внезапно появившиеся турки нанесли им существенный урон, убив более 200 солдат и 554 уведя в плен, кроме того, ими было захвачено около 2000 голов скота и лошадей. За проявленную халатность был осужден и позднее расстрелян командир Вятского полка полковник Тютчев.

В кампании 1739 года полк не участвовал ввиду своей слабости. Война закончилась единственной серьезной победой русских под Славучанами и взятием Хотина.

В 1740 году, когда началось время дворцовых переворотов, закончившееся, наконец, воцарением дочери Петра Великого – Елизаветы, Вятский полк переводится в район Царицына и Астрахани, где несколько лет отражает нападения приходящих из степей кочевников. В 1755 году следует переход в Оренбургскую губернию для усмирения в очередной раз восставших башкир. События на европейском театре военных действий, и в частности Семилетняя война в Европе, Вятского полка не коснулись. Но в связи с сохранением напряженной обстановки на западных границах в 1762 году полк переводится ближе к Польше. А в связи с очередной реформой кавалерии с 14 января 1763 года Вятский драгунский становится Вятским карабинерным полком.

В том же 1763 году умирает польский король Август III, и в Польше резко обостряется борьба за престол. Поддерживаемая Европой к власти рвется партия курфюрста Саксонского, победа которой означала бы резкое изменение политики самой Польши, нежелательное для России. Русская Императрица Екатерина II, вступившая к этому времени на престол, поддерживает партию Станислава Понятовского, за которым стоял ряд польских магнатов и которого она лично знала как польского посланника при русском дворе. В качестве убедительного аргумента в споре, а также для достижения нужного России исхода выборов в сейме в Польшу направляется корпус в составе трех пехотных и трех карабинерных полков (в том числе Вятский), а также казаки.

Пребывание русских войск благотворно сказалось на результатах выборов, и 7 сентября 1764 года Станислав Понятовский был провозглашен королем Польши. Однако это не решало все вопросы. Огромную проблему составляло положение диссидентов в королевстве. Диссидентами в то время называли всех не исповедующих римско-католическую веру, то есть это название относилось в основном к православному населению страны. Понятовский, вступая на польский престол, клятвенно заверил

русскую Императрицу, что предоставит свободу вероисповедания и защитит иноверцев от любых посягательств. Противники Понятовского, объединенные еще и ненавистью ко всему, что противоречило догматам католицизма, тут же объединились под названием конфедератов и начали настоящий крестовый поход против инаковерующих. Несколько лет Вятский полк простоял в Польше, участвуя в постоянных стычках с конфедератами, пока, наконец, на Украине не вспыхнуло крупнейшее казачье восстание в защиту православия под предводительством Железняка и Гонты. Казачьи отряды без всякой пощады расправлялись с польской шляхтой, убивая и женщин, и детей. Один из казачьих отрядов налетел и разорил пограничное с Турцией польское местечко Балта. На другой стороне реки был расположен город Галта, принадлежавший туркам. Заметив отход казаков, турки тут же вторглись на сопредельную территорию, однако казаки это заметили, развернулись, выкинули турок обратно, при этом перешли границу и дотла разорили турецкий город Галту. Повод для объявления Турцией войны России был прекрасный.

Первые два года Русско-турецкой войны Вятский полк продолжал оставаться в Польше, отражая наскоки конфедератов и охраняя магазины, снабжающие основные русские армии. В 1771 году Вятский полк переходит в Молдавскую армию и 24 октября участвует во взятии турецкой крепости Журжа. В следующем году боевые действия практически не ведутся, в 1773 году Суворов громит турок у Казарджика и Козлуджи, а Салтыков у Туртукая. В этом славном деле отличились и Вятские карабинеры. Война завершилась Кучук-Кайнарджикским миром 1774 года.

Следующий, 1775 год, отмечен для нашего полка тем, что царским указом от 16 января 1775 года Вятский и Пермский карабинерные полки сливаются и появляется Таганрогский драгунский полк.

До 1782 года полк входил в Екатеринославскую армию под началом князя Потемкина Таврического. Перед второй Турецкой войной, в сентябре 1782 года ввиду усилившихся волнений в Крыму и участвовавших набегов кабардинцев и других горских племен решено было усилить русское присутствие на Кавказе.

Так, Таганрогский полк отправляется на Кавказ. История каждого из старых полков Русской армии, а мы уже говорили о славных владимирцах и нижегородцах, несших службу на Кавказе, неизбежно принимает характер непрерывной военной эпопеи. Вся жизнь полков Кавказской линии за весьма редкими промежутками времени проходила в боевой обстановке, среди грохота битв, в облаках порохового дыма. Для мирного, так сказать, гарнизонного существования у кавказских полков не было времени.

О, Господи! Лютой пылая враждой,
Два стана давно уж стоят пред Тобой,
О помощи молят Тебя их уста,
Один за Аллаха, другой за Христа:
Без устали дружно во имя Твое
Работают пушка, и штык, и ружье...
Но Боже! Один Ты, и вера одна,
Кровавая жертва Тебе не нужна.
Яви же борцам негодующий лик,
Скажи им, что мир Твой хорош и велик,
И слово забытое братской любви
В сердцах, омраченных враждой, оживи!

А. Н. Апухтин

С 1782 по 1811 год, отслужив почти тридцать лет, проведенных в бесчисленных стычках с горцами, Таганрогский полк, вместе с Владимирским полком уходит на Украину.

Истории этих двух полков в течение тридцати лет связаны неразрывно. Даже был момент, когда при Императоре Павле Петровиче полки вновь назывались по именам своих шефов, два этих полка были соединены в один, под названием – Полк генерала Обрезкова. Но с воцарением на престоле Александра Павловича, все полки получили свои старые названия и, разделившись, стали вновь Владимирским и Таганрогским. Служба на Кавказе – это школа, подобная петровской Северной войне и суворовским походам. Маленькая Русская армия, заброшенная на далекую дикую

окраину, свершала здесь великие дела. Ее не коснулись гатчинские вахтпарады павловских времен.

Горсть русских офицеров и солдат, не стесняемая тлетворным влиянием доморощенной неметчины, показала, на что способен русский офицер, что может сделать русский солдат. Полки пребывали в постоянной готовности вступить в дело. Тот бой, что описывает Лермонтов в своем знаменитом «Валерике», случился на целых полвека позже, но накал кровавых страстей в схватках на Кавказе был все тот же. Русские полки, продиравшиеся буквально топором и шашками сквозь непроходимые заросли горных лесов, были готовы постоянно войти в соприкосновение с противником, стремящимся во что бы то ни стало нанести удар неожиданно. И если на европейских театрах военных действий, особенно после шведов Карла XII, пруссаков Фридриха II и гвардии Наполеона, или турецких орд «времен Очакова и покоренья Крыма», никто не желал вступать в рукопашную с русскими полками, то здесь, на Кавказе, отчаянно смелые горцы, напротив, мечтали добраться своими кинжалами и острыми кривыми клинками шашек до рукопашной.

То было грозное молчанье,
Недолго длилось оно,
Но в этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп... глядим: лежат рядами,
Что нужды? Здешние полки
Народ испытанный... «В штыки
Дружнее!» – раздалось за нами.
Кровь загорелась в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня...
«Ура!» – и смолкло. «Вон кинжалы,
В приклады!» – и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,

Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

В чащах чеченских лесов и на раскаленных дагестанских утесах, в молниеносных рукопашных схватках с отчаянно храбрым противником и в изнурительных работах по прокладке дорог, прорубке просек, строительстве укреплений вырабатывался глазомер начальников и бесстрашие подчиненных. Старые полки, ветераны Лесной, Калиша и Полтавы, поддерживали свою репутацию, созданную еще победами великого века. Тридцать лет, проведенных под постоянной угрозой меткой горской пули и коварного кинжала, закалили и укрепили дух полков, сделав из них великолепные боевые единицы.

1812 год Таганрогский полк вместе с владимирцами встретили в 3-й армии генерала Торماسова. Поэтому мы не будем повторяться, описывая боевые походы полков. Отметим лишь то, что как и владимирцы, Таганрогский полк в конце 1812 года был переименован в уланский. После двух лет сражений за пределами России, свержения Наполеона, его бегства с Эльбы и вызванного этим бегством повторного похода полков во Францию, – в целом кампания закончилась для Таганрогского полка в Волчанском уезде Харьковской губернии.

До 1826 года полк пребывает на военном поселении и, уже при вступившем на престол Императоре Николае I, получает свое последнее имя, с которым не расстанется до самого конца. Итак, 13 марта 1826 года Таганрогский полк был переименован в Белгородский уланский полк.

В том же году из-за известных событий на Сенатской площади, связанных со вступлением на престол Императора Николая Павловича, усилилось брожение на Кавказе. Вновь подняли головы Персия, Турция и подстрекаемые ими мятежные шейхи горских племен. Думалось, что новый русский царь не будет пользоваться той властью, что его предшественник, что Россия погрязнет во внутренних смутах, ее авторитет в Европе, несмотря на победоносно законченные войны,

упал, а сама Россия ослабла. Это ли не самый удачный момент попытаться отвоевать все, что было уступлено России?

В середине июля 1826 года персидская армия, возглавляемая наследным принцем Аббас-мирзой, без объявления войны вторглась в наши пределы. Застигнутые врасплох русские передовые отряды отходили в глубь Кавказа, прикрывая дорогу на Тифлис. В открытую войну с Персией вступить просто не было сил, поэтому срочно были затребованы подкрепления из России. 11 сентября во 2-ю уланскую дивизию, в которой состоял и Белгородский полк, прибыл фельдъегерь с приказанием немедленно выступать. Прибыв в Тифлис, дивизия представилась лично Ермолову, и полк был отмечен в приказе от 29 января 1827 года «за прибытие в отличном виде во всех частях с бережением людей и лошадей». Так, через пятнадцать лет белгородцы снова оказались на Кавказе. Их блестящая уланская пестрая форма выглядела слишком вызывающей среди старых кавказских драгунских полков, не покидавших горы все это время. Но будущее показало, сколь губителен оказался непривычный климат Кавказа и для людей, и для прекрасных лошадей, изнеженных воспитанием в конюшнях военных поселений, и насколько неприспособленной оказалась уланская форма для боевых действий в условиях высокогорья. На первом же переходе в полку пало 60 лошадей.

В целом кампания складывалась удачно для русских. Умелые действия главнокомандующего Паскевича, заменившего генерала Ермолова, привели к довольно быстрому разгрому и уничтожению основных персидских сил. Была взята Эривань, затем Тавриз, причем последний без единого выстрела, так велик был страх персиян перед неустранимыми русскими полками. 10 февраля 1828 года был окончательно подписан мир, по которому Персия уступала России Эриванское и Нахичеванское ханства и обязалась выплатить 20 миллионов рублей контрибуции.

Только закончилась война с Персией, как тут же разразилась война с Турцией. Снова ожил весь Кавказ. Белгородский полк, собиравшийся на свои постоянные квартиры в местечко Ново-Белгород Харьковской губернии, получил приказ выделить один эскадрон в полном составе на формирование Сводно-уланского полка, ко-

торый вместе с Нижегородским драгунским и казаками составил всю кавалерию Кавказской армии.

Войска под водительством Паскевича совершили блистательнейшие марши на Карс, Ахалкацлык и Эрзерум, наголову разгромив кавказскую турецкую армию. Сам Паскевич писал Государю, что «кавалерийский бой 5-го августа (под Ахалкацлыком. – А. III.) есть один из тех редких случаев в военных событиях, который обращает на себя внимание и дает настоящую меру для определения храбрости полков Нижегородского и Сводного уланского». Командир улан, белгородец, полковник Анреп был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

По окончании военных действий началось обратное движение войск в Россию, но не всем было суждено в том году ступить на родную землю. Четыре года непрерывных боев оставили в рядах славных нижегородских драгун значительные пробелы. Поэтому было решено весь Сводный Уланский полк влить в состав нижегородцев, за исключением офицеров, отправившихся по своим полкам, и нижних чинов, тех, кто был коренным жителем военных поселений, откуда и прибыли полки на Кавказ.

Все кавказские войска были награждены Императором Николаем Павловичем памятной серебряной медалью на ленте ордена Св. Георгия Победоносца.

Основной Белгородский полк простоял на своих постоянных квартирах до 16 апреля 1831 года, когда последовал приказ выступить в Польшу на усмирение вспыхнувшего польского мятежа. Побывав в нескольких стычках с мятежниками, полк через полгода вернулся назад, не потеряв ни одного человека.

Период с 1831 по 1853 – это годы мирной стоянки. В 1842 году Государь решил наградить Белгородский полк назначением ему шефа в лице эрц-герцога австрийского Карла-Фердинанда, чей титул и имя прибавились к славному названию Белгородского полка.

Годы Восточной или, как ее еще называют, Крымской войны полк провел на польской границе, где были сосредоточены две уланские дивизии на случай вторжения со стороны Европы. По окончании боевых действий полк вернулся на старые квартиры.

Начало Русско-турецкой войны Белгородский полк встретил уже в составе 12-й кавалерийской дивизии в Руцукском отряде Цесаревича Александра Александровича.

Третьим регулярным полком дивизии, относящимся, правда, ко второй ее бригаде, был знаменитый Ахтырский гусарский полк. Гусарские полки во всех предвоенных дивизиях составляли вторую бригаду вместе с казаками, это объяснялось тем, что исторически почти все гусарские полки Русской армии своими корнями уходили в казачество. Прерывать эту связь времен, наверно, не было необходимости.

Мы уже рассказывали о появлении слова «гусар» и об истории возникновения первых гусарских частей в Русской армии во времена Петра Великого. Формировались они в основном из сербов, черногорцев, то есть тех, кто уже имел опыт гусарской службы в войсках Австро-Венгрии или Пруссии. Однако тяга сражаться на стороне православного воинства была настолько велика, что часто эти офицеры предлагали предоставить свои сабли в распоряжение Русского Царя, видя лишь в России истинную освободительницу стонущих под османским игом их родных земель.

На Украине, которая постоянно подвергалась набегам крымских татар, возникали поселения казаков, которые получили название слободских черкасских полков. Несмотря на то, что они располагались в Малороссии, они не имели ничего общего со знаменитой Запорожской Сечью. Русские цари, используя эти полки в качестве защиты своих южных рубежей, платили им жалование, снабжали оружием, боеприпасами и считали их иррегулярной конницей. Так, 27 июля 1651 года в слободе Ахтырке был образован Ахтырский слободской черкасский казачий полк, во главе которого стал полковник Демьян Зиновьев.

Одной из первых наград полка была пожалованная ему в 1668 году Царем Алексеем Михайловичем Высочайшая грамота за то, что полк не примкнул к бунту казаков атамана Брюховецкого. Далее, в царствование Петра Великого полк участвовал в походе на Азов, который не увенчался успехом, но тем не менее Ахтырский полк сумел отличиться, действуя в составе отряда боярина Бориса Петровича Шереметева, осадив и взяв турецкую крепость Кызыкермень, в районе современной Каховки.

Затем были бои под Нарвой и партизанские рейды в Лифляндию. Отряды украинских (малороссийских) казаков участвовали и в Семилетней войне. Шли годы, расширялась и Российская Империя. Сама по себе отпала необходимость содержания поселенных полков как отголосок войска старого образца, напоминавшего еще стрелецкие полки. Нужна была легкая конница с новой организацией, легко перемещавшаяся, не обремененная привязанностью к месту своего поселения. И вот 3 марта 1765 года последовал Высочайший приказ Императрицы Екатерины II о переформировании пяти слободских казачьих полков в гусарские. Таким образом, взамен слободских полков иррегулярной конницы на небосвод русской военной славы вошли новые названия полков, не только не уронившие честь казачества, но, наоборот, добавившие и вписавшие совершенно новые страницы в историю России, полные героизма и беззаветного служения Родине, выполнения воинского долга и верности присяги. Так появились на свет Ахтырский, Харьковский, Изюмский, Сумской и Острожский гусарские полки, сохранившие старинные казачьи названия.

Для сформирования их в шестиэскадронном составе требовалось около пяти тысяч человек. А поскольку в казачьих слободах такого количества людей не было, то принимается решение перевести в их состав часть эскадронов уже существовавших гусарских полков – Сербского, Молдавского, Грузинского и Венгерского. Этим преследовалась еще одна цель – ввести в состав вновь образуемых полков людей, знакомых с организацией и гусарской службы, и регулярного строя, которые были не знакомы казачеству. Это действовало более быстро к обучению молодых гусар.

Первым командиром Ахтырского гусарского полка стал граф Иван Михайлович Подгоричани, один из сербских офицеров, сражавшихся в австрийской армии, но как православный человек перешедший под русские знамена. На русской службе он уже успел отличиться, участвуя в знаменитом рейде конницы графа Чернышева на Берлин в 1760 году, за что и был назначен командиром Молдавского гусарского полка, затем ему было поручено формирование нового – Ахтырского. По воспоминаниям современников: «Науку не знал никаких и по нужде был грамотен, при всем том был

офицер храбрый, служил хорошо и приобрел службой и достоинства, и богатства».

Прибыв в Ахтырку, Подгоричани столкнулся со значительными трудностями в формировании полка. Прежде всего, это было открытое сопротивление самих же казаков, которые не хотели расставаться со своими старыми полками и их устройством, с вольностями казацкими, менять расшитые чекмени и казачьи сабли на чуждые им ментики, да и вообще покидать родные степи.

Следуя принятым стандартам внешнего вида как личного состава, так и конского, из наличествующих казаков-ахтырцев Подгоричани сумел отобрать лишь 378 человек и 315 лошадей – остальные были забракованы. Казаки отправились домой и стали мирными крестьянами, а лошадей пустили на продажу. Не лучше дело обстояло и с прибывающим пополнением из других гусарских полков: кто приходил в форме, но без оружия, кто без лошадей и без формы. То же происходило и с офицерами: из всей казачьей верхушки согласилось перейти в новый полк лишь одиннадцать человек, из которых позднее семеро покинули полк. Многие офицеры были, как говорилось выше, выходцами из земель, принадлежавших Турции и Австрии. Прирожденные наездники, славившиеся своей неукротимой храбростью, но довольно тяжело подчинявшиеся дисциплине. Однако Подгоричани и здесь проявил себя как терпеливый, но строгий командир. Перевоспитывая подчиненных, безжалостно увольняя тех, кто не подчинялся и бросал своим поведением тень на честь полка, он добился значительных успехов, и благодаря его стараниям на смотре летом 1766 года, проводившимся инспектором генерал-майором Щербининым, было сказано: «Я-де вижу совершенное ваше знание!» Щербинин снял шляпу и поблагодарил полк, сказав, что их труды принесли Отечеству вечную славу, и что он засвидетельствует это перед лицом Императрицы.

Офицерский мундир ахтырца состоял тогда из ярко-зеленого доломана, расшитого золотом, с небольшим стоячим воротником и обшлагами черного бархата. Как обшлага, так и воротник обшивались по краям узким золотым галуном. На груди доломана нашивались в три ряда 15 больших и 60 маленьких золоченых пуговиц, между которыми шитье располагалось так густо, что на каждый доломан

приходилось 66 аршин золотого шнура. К доломану полагался пояс, свитый из тех же золотых шнуров. Ментики были черные, расшитые золотом еще богаче, так, что на каждый ментик уходило 74 аршина золотого шнура. Ментики подбивались белым лисьим мехом и в зимнее время носились в рукава, а летом накидывались на левое плечо, пристегиваясь особой застежкой из толстого золотого жгута. При быстрой скачке, особенно в яркий солнечный день развевающийся по ветру ментик придавал гусару поистине фантастический вид, точно за его плечами сверкали и развевались золотые крылья. Чакчиры были узкие, зеленого цвета, также расшитые 38 аршинами золотого шнура. Наряд завершали красные сафьяновые полусапожки с серебряными подковками и шпорами. Обязательной принадлежностью мундира была гусарская ташка, носившаяся на двух галунных ремешках, пристегнутых к поясу. Ташка была черного сукна, расшитая золотом вензелем Императрицы. Головным убором был черный кивер, сужавшийся кверху, обложенный двумя рядами золоченых галунов и имевший два золотых шнура, ниспадавших до груди. Он украшался белым султанчиком с бантом.

Оружие офицера состояло из сабли и пары пистолетов, возимых в седельных кобурах.

Форма рядовых гусаров отличалась лишь шнурами. Они были не позолоченные, а гарусные: по зеленому сукну – черные, по черному – зеленые. Вместо лисьего меха был мех барашка. Кроме сабли и пистолетов, рядовые имели на вооружении карабин.

В том же 1766 году был установлен полковой праздник ахтырцев – в честь чудотворной иконы Ахтырской Божией Матери. История появления этой иконы с самого начала была окружена чем-то необъяснимым. Приходской священник Ахтырской церкви Покрова Пресвятой Богородицы о. Василий Данилов обнаружил икону 2 июля 1739 года в своем огороде. Икона, написанная старым великорусским письмом, была не похожа на все существующие изображения Богоматери. Богородица была изображена без Предвечного Младенца, молящейся перед Распятием. От иконы исходил особый свет. Было решено перенести ее в храм. В 1743 году по распоряжению Святейшего Синода было произведено расследование о чудесах, исходящих

Нагрудный знак 12-го Ахтырского гусарского полка (офицерский)

*Офицер и гусар
Ахтырского полка.
1776–1782 гг.*

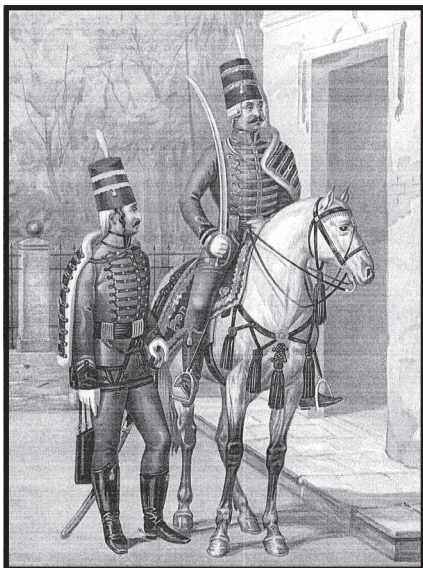

*Обер-офицер
12-го Ахтырского
и штаб-офицер 11-го
Изюмского армейских
гусарских полков.
Парадная и походная
формы. 1878 г.*

Обер -офицер Ахтырского
легкоконного полка.
1788–1792 гг.

Офицер и гусар Ахтырского
полка. 1765–1776 гг.

*Офицер
Стародубовского
карабинерного полка.
1786–1796 гг.*

*Трубач Стародубовского
карабинерного полка.
1786–1796 гг.*

*Нагрудный знак 12-го
драгунского Стародубовского полка
(офицерский)*

*Кирасир Стародубовского полка
времен Александра I*

*Офицер
Стародубовского
карабинерного полка.
1797–1801 гг.*

*Группа офицеров 12-го Стародубовского
драгунского полка. 1878 г.*

*Группа офицеров Стародубовского
драгунского полка. 1897 г.*

*Андрей Петрович Знако-Яворский.
16 июля 1885 – 25 апреля 1893*

*Николай Александрович
Яфимович.
17 мая 1893 – 6 мая 1897*

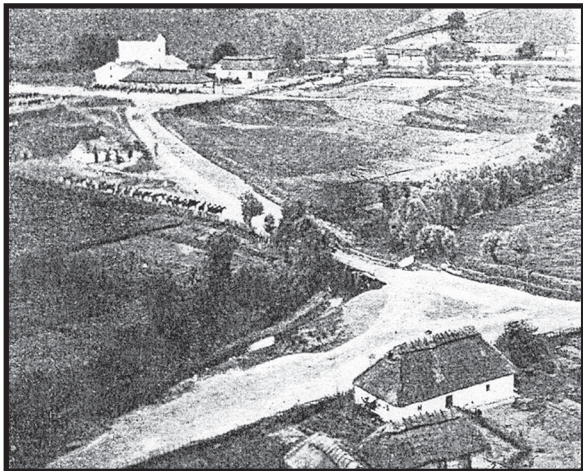

*Владимир Григорьевич
Мандрыка.
6 мая 1897 – 9 июля 1903*

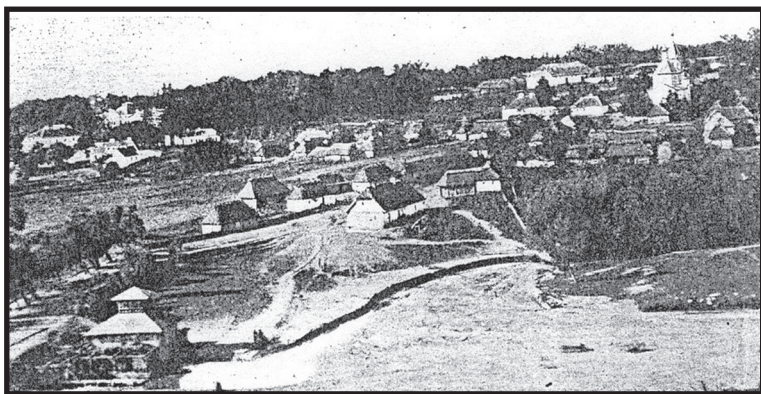
*Александр Антонович
Баронч. Командир 12-го
Стародубовского полка.
9 февраля 1878 –
28 апреля 1885*

*Село Вербовцы (Волынской губ.).
Место расположения 2-го эскадрона Стародубовского полка
с 1 августа 1893 по 30 сентября 1904 г.*

*Село Жуковцы (Волынской губ.).
Место расположения штаба полка
с 1 сентября 1889 г. по 30 сентября 1904 г.*

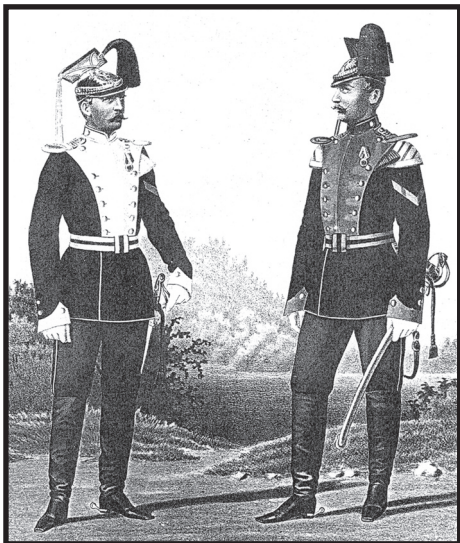

Уланы в разведке

Уланы-Фланкеры в бою

Рядовой 7-го
Ольвиопольского
генерал-адъютанта
графа Остен-Сакена
и трубач 12-го
Белгородского Е.И.В.
эригерцога австрийского
Карла Фердинанда
уланских полков.
Праздничная форма.
1872 г.

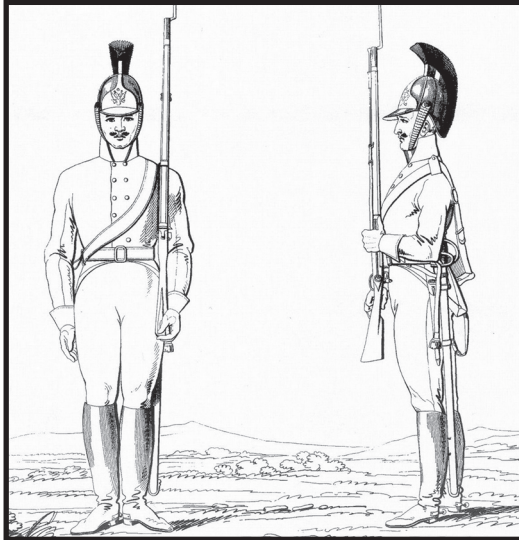

Нагрудный знак
Оренбургского
казачьего
войска
(офицерский)

Оренбургское казачье войско:
пешие батальоны и конные полки.
Парадная форма. 1867 г.

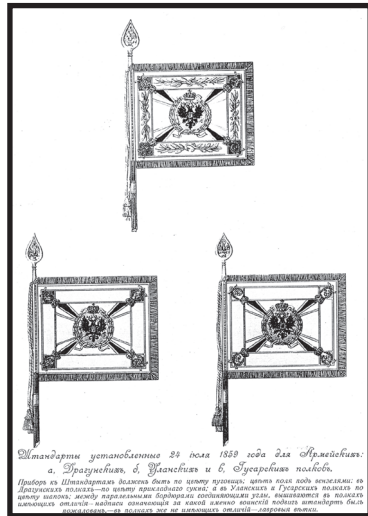

Два драгуна
в пешем строю

Нагрудный знак 12-го Белгородского
уланского полка (офицерский)

Штандарты, установленные
24 июля 1859 г. для армейских:
а. драгунских, б. уланских,
в. гусарских полков

Штандарты установлены 24 июля 1859 года для *Армейских*:
а. Драгунских, б. Уланских и в. Гусарских полков.
Примечание: Штандарты должны быть по цвету полка, иметь один или несколько: в
Драгунских полках — по цвету конской сбруи; в Уланских и Гусарских полках по
цвету шапки; между перекрестками должны быть изображены углы, выходящие из точек
перекрестка — выходящие на коней, легкие конные полки, конюшары или
конюшары, в зависимости от полка или от штатных единиц, входящих в него.

*Казарменное расположение Стародубовского полка
в Волочинске с 30 сентября 1904 г.*

Местечко Межибожье (Подольской губ.).

Расположение штаба Стародубовского полка. 1876–1877 гг.

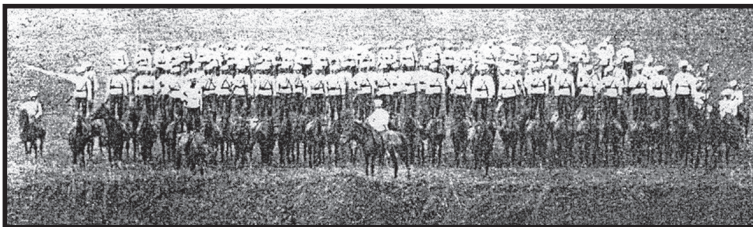

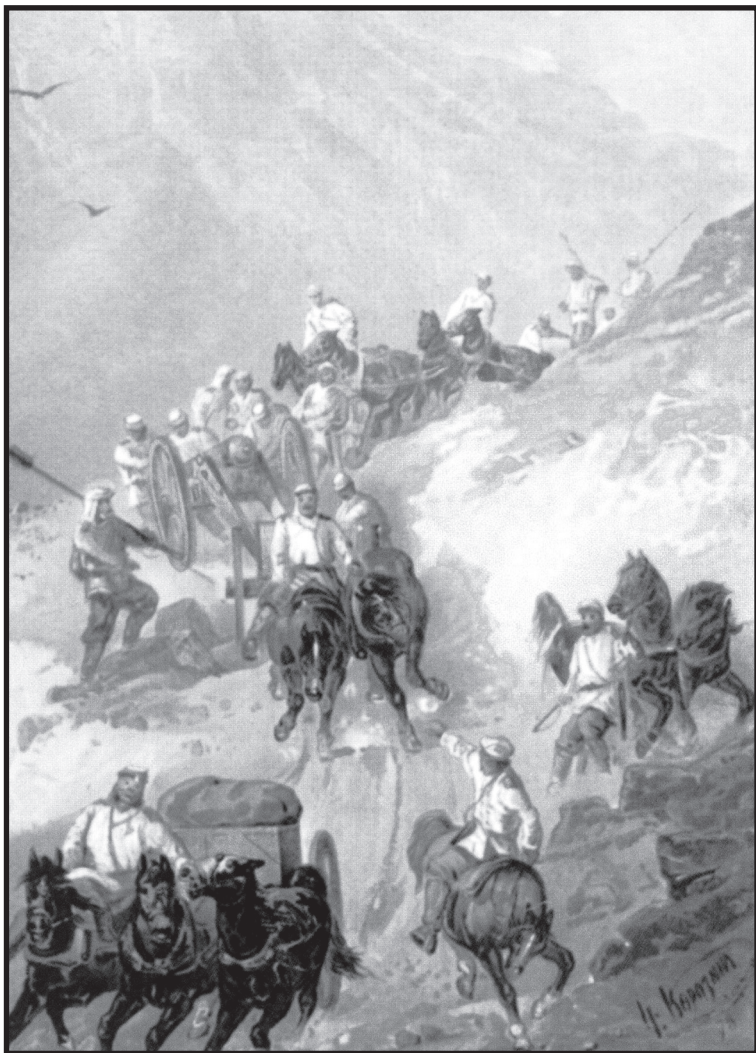

Первый эскадрон. 1895 г.

Стародубовский полк на волочинском поле. 1906 г.

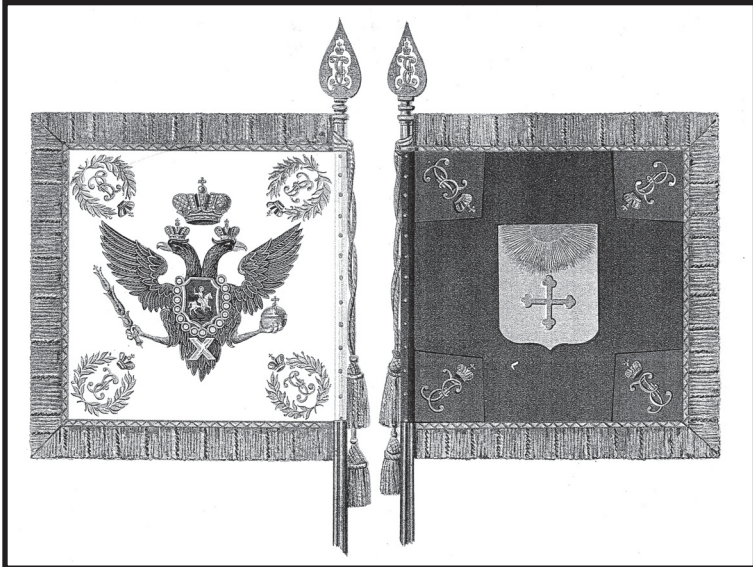
Битва при Хиве. 1876 г.

*Ротмистр
12-го Ахтырского гусарского
генерала Дениса Давыдова,
ныне Е.И.В. Великой Княгини
Ольги Александровны полка.
Около 1914 г.*

Штандарт Ахтырского легкоконного полка. 1782 г.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРОЙ,

Императоръ и Самодержецъ
 Всероссийскій, Царь Польскій,
 Великій Князь Финляндскій,
 и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему 12-му драгунскому Стародубовскому Его Императорскаго Высочества Принца Петра Ольденбургскаго полку.

Въ ознаменованіе особеннаго МОНАРШАГО благоволенія НАШЕГО, за оказанныя подвиги, мужества и храбрости 12-го драгунскаго Стародубовскаго Его Императорскаго Высочества Принца Петра Ольденбургскаго полкомъ, въ турецкую войну 1877 и 1878 годовъ, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ жалдусмъ полку сему знаки отличія на головные уборы съ надписью: «За отличіе въ турецкую войну 1877 и 1878 годовъ», и повелѣваемъ знаки сіи носить по установленію.

«АЛЕКСАНДРЪ».

„Въ Царскомъ Селѣ“.
 27 Іюля 1878 года.

Грамота

Боевой порядок русских войск при Фокшанах. 21 июля 1789 г.

Боевой порядокъ русскихъ войскъ при Фокшанахъ 21 іюля 1789 года.

Первая линия Генерала Поручика Дерфельдена.	1 гренадер. баталіонъ.	2 баталіона егерей Подполковн. Ророга.	2 гренадерск. баталіона.
Вторая линия Генераль-Маіора Шаховскаго.	Ашперонскій полкъ.	2 баталіона Смоленскаго полка.	2 баталіона Смоленскаго полка.
Третья линия Генераль-Маіора Позникова.	Казакъ и зрнлуты.	Разанск. караб. полкъ.	Стародубовск. караб. полкъ. Черниговск. караб. полкъ.

от Святого Лица. Все испытавшие благодатную помощь от св.иконы, а также излечившиеся от различных недугов под присягой давали показания о произошедших с ними чудесах. Императрица Елизавета Петровна, узнав о чудотворной иконе, поручила архитектору Растрелли воздвигнуть храм на месте ее обретения, что и было исполнено в 1768 году. Так, день 2 июля стал полковым праздником ахтырцев и, выступая в поход, полк всегда брал список с чудотворной иконы, и святыня хранила его среди военных тревог и опасностей.

Боевая служба Ахтырского полка начинается в 1767 году. В последние дни уходящего 1766 года полк получает указание срочно готовиться к выступлению. События в Польше, связанные с установлением королевской власти, требовали немедленного присутствия русских войск. Раздираемая на части шляхетскими раздорами, Польша никак не могла прийти к согласию по вопросу установления твердой королевской власти. Противостояние партии Броницкого, поддерживаемого Францией и Австрией, и партии Чарторыйских, которая при помощи России выдвигала на престол Станислава-Августа Понятовского, имело, в первую очередь, религиозные корни. Подстрекаемая папским двором шляхта, возглавляемая католическими епископами, начала открыто нападать на русские гарнизоны, призванные в Польшу не только в качестве гаранта королевской власти, но и в качестве защитников всего православного люда. Так же, как и Вятский (будущий Белгородский) полк, ахтырцы, действуя совместно с нижегородскими карабинерами и казаками, составили один из русских отрядов и успешно противостояли действиям конфедератов.

Вся сложность положения заключалась в том, что воюя с польской шляхтой, необходимо было внимательно наблюдать за положением дел в Турции, также подстрекаемой к вступлению в войну с Россией. Пользуясь тем, что в гусарских полках служило немало знавших турецкий язык выходцев из Молдавии, Валахии, Сербии и других стран, захваченных турками, ахтырцы не раз отправляли на турецкую сторону разведчиков для выяснения степени готовности Турции к войне и вероятности ее начала.

Кроме того, продолжались непрерывные схватки с польскими конфедератами, в которых гусары неизменно брали верх. Но быстро

рассеиваясь, поляки моментально образовывали новые отряды и нападали с другой стороны.

Использовались богатые поместья различных польских магнатов, с одной стороны, якобы лояльно относившихся и к королю Станиславу-Августу, и к русским войскам, тем не менее исподтишка содействовавших повстанцам. В их имениях польские отряды пополнялись и людьми, и оружием. Русские же не могли позволить себе никакого насилия как по отношению к указанным помещикам, так и к мирному населению. Любые бесплатные реквизиции были настрого запрещены. Фураж, лошади, продовольствие закупалось за деньги. Мало того, любая жалоба, какого бы клеветнического характера она ни была, – расследовалась строжайшим образом.

Два года Ахтырский полк провел в непрерывных стычках с польской шляхтой, пока, наконец, в конце 1768 года неизбежность войны с Турцией не стала очевидной, и гусарский полк перебрасывают поближе к южным границам. На рубежах сосредотачиваются две русские армии – Румянцева и Голицына. В последнюю входил и Ахтырский полк.

15 января 1769 года семидесятитысячная орда крымских татар вторглась в Южную Россию. Решительным броском вперед Румянцев заставил татар отступить на свою территорию. Но пройдя огнем и мечом по южным провинциям России, орда откатилась назад в Крым, уведя с собой 1200 пленников и около 32000 голов скота. **Это было последнее нашествие татар на Русь!**

15 апреля кампанию открыл Голицын. Молдавия восстала против турок, и яский архиепископ просил Голицына поспешить в Молдавию, чтобы принять ее в русское подданство. Однако вместо того чтобы сразу идти на Яссы, Голицын задался целью взять Хотин. Здесь, кстати, произошла и первая стычка ахтырских гусар с турками.

39-тысячная Русская армия подошла к Хотину и, убедившись, что без осадных орудий одолеть укрепления крепости с 30-тысячным гарнизоном не представляется возможным, отступила к местечку Межибожье (будущей последней стоянки Ахтырского полка).

Тем временем 200-тысячная турецкая армия, ведомая самим великим визирем, переправилась через Дунай. Однако визирь дей-

ствовал столь же нерешительно, как и Голицын. Сначала он месяц простоял на месте, потом, оставив 80-тысячный заслон у Хотина, решил выступить против Румянцева.

Двадцать четвертого июня Голицын двинулся обратно к Хотину, 30-го имел успешное столкновение с турками, где отличились ахтырские гусары, и 1 июля стал напротив Хотина. Еще полмесяца прошло в непрерывных стычках русской кавалерии с турками, пока известие о приближении еще 30-и тысяч крымских татар не вынудило Голицына отступить в очередной раз.

Турки двинулись вслед за армией Голицына, 29 августа передовой турецкий отряд в 80000 человек переправился через Днестр, но был сброшен Голицыным в реку. Сражение началось кавалерийской схваткой, в которой принял участие и Ахтырский полк. Воодушевленные малочисленностью русских, давя их своей массой, турки в пылу битвы не заметили, как вылетели на укрепленный русский лагерь. Страшный огонь русских батарей, а затем и фланговые удары русской конницы довершили дело. Турецкая армия бежала вплавь, понеся огромные потери.

Через несколько дней, 5 сентября, пятитысячный отряд турок, посланный для фуражировок, столкнулся с тремя гусарскими полками – Ахтырским, Венгерским и Харьковским, был разгромлен и обращен в бегство. Деморализованная турецкая армия, оставшаяся вдобавок без продовольствия и фуража, просто разбежалась. Вслед за турецкой армией бежал и гарнизон Хотина, который войска Голицына заняли без боя.

Тем не менее, нерешительность Голицына, владевшая им всю кампанию, наконец была по заслугам оценена Императрицей, и в армию был назначен новый главнокомандующий – Румянецв.

Первым делом он сформировал Молдавский корпус, состоявший практически из одной кавалерии, куда входил и Ахтырский полк, и отправил его захватить Яссы, всю Молдавию и часть Валахии. Командовавший корпусом генерал-поручик Штофельн действовал решительно и энергично.

Двадцать шестого сентября заняты Яссы, 11 ноября близ Галаца разгромлен пятитысячный турецкий отряд и захвачен в плен господарь

Молдавии Маврокадато, 29 ноября захвачен Галац. Так заканчивалась кампания 1769 года, поставившая молодой Ахтырский гусарский полк в один ряд с лучшими кавалерийскими полками Русской армии.

Вступив в должность главнокомандующего, Румянцев прежде всего занялся обустройством войск. Полки, по два-три, были сведены в бригады, а бригады в дивизии. Артиллерия была распределена по дивизиям.

Пока основные силы Русской армии готовились к летней кампании, устраивая маневры (при этом особое внимание обращалось на быстроту перестроений и скорость конной атаки) гусарской бригаде под командованием Подгоричани, куда входили Ахтырский, Сербский и Харьковский полки, было приказано наблюдать за всем странством от Ясс до Дуная. Бригада располагалась в Фокшанах.

В здешних краях свирепствовала моровая язва, не обошедшая стороной и гусар. Три полка насчитывали всего около 600 здоровых человек, но несмотря ни на что, гусары продолжали нести службу в разъездах.

Разведка установила, что в начале января 1770 года, трехтысячный отряд турок скрытно перешел Рымник и двинулся к Фокшанам, стремясь врасплох захватить гусар. Подгоричани, оставив перед Фокшанами одних арнаутов (местных милиционеров из христиан), обошел турок и ударил им в спину. Скинув их обратно в Рымник, гусары повернули коней вспять, турки же, обнаружив сколь малое число гусар (около 600) их преследовало, рванулись за ними. Гусары, дав возможность преследовавшим их туркам растянуться, резко развернулись и контратаковали с такой яростью, что снова их опрокинули, захватив при этом знамя.

Гусары вернулись к ночи в Фокшаны, а на рассвете обнаружили, что к туркам подошло подкрепление, и их силы возросли до 10-12 тысяч человек. В том числе две тысячи отборных турецких янычар-кавалеристов. Но к русским тоже подошло подкрепление в 1500 grenадер во главе с генерал-майором Потемкиным, будущим фельдмаршалом.

Четвертого января 1770 года русские приготовились к встрече с противником. Три пехотных каре – между ними гусарская конница.

Это был первый случай, когда пехота вступала в бой против турок без рогаток. Румянцев учил: «Рогатка трусу заграда, а храброму по-меха. Штык, да собственное мужество должны служить неприятелю непреодолимой преградой».

Первоначально успех был на стороне турок. Несмотря на убийственный картечный огонь русской артиллерии, турецкой коннице удалось врубиться с тыла в среднее каре, но воодушевленные Потемкиным гренадеры отбросили турок штыками. Гусарские полки набросились на неприятеля и погнали его. Пехота также перешла в наступление. Гусары, опрокинув турецкую кавалерию, принялись рубить пехоту, которая, увидев разгром своей конницы, дрогнула, а тут подоспели гренадеры Потемкина и своими штыками довершили дело.

За поражением под Фокшанами последовало взятие Браилова молдавским корпусом генерал-поручика Штоффельна, в котором приняли участие и гусары-ахтырцы. 17 января произошло столкновение с врагом в 12-и верстах от города. Турки были опрокинуты, особо отличились Ахтырский и Харьковский полки. Русские ворвались в город, но крепость взять не смогли. Город был сожжен, чтобы лишить осажденных каких-либо припасов, сожжены были также 260 деревень вокруг Браилова, лишь после этого русские отступили.

Надо отметить, и мы уже не раз останавливались на этом, что, к сожалению, войны, которые проходили на вражеской территории, отличались особой жестокостью и стремлением как можно больше опустошить край, дабы не дать возможность противнику впоследствии получить здесь необходимые припасы и фураж. Тем не менее, Екатерина II была крайне недовольна действиями русского Молдавского корпуса и писала по этому поводу Румянцеву: «Упражнения господина Штоффельна в выжигании города за городом и деревень сотнями, признаюсь, мне неприятны. Мне кажется, что без крайней надобности на такое варварство поступать не должно...пожалуй, уймите Штоффельна».

Румянцев очень ценил Штоффельна и, как мог, защищал его, оправдывая столь жестокие действия необходимостью пресечь движение турок в опустошенных районах.

Наступила весна, а вместе с ней с новой силой вспыхнула эпидемия моровой язвы. Деревни стояли совершенно обезлюдившие. Полки держались в обособленных лагерях, тщательно соблюдая карантинные меры. Воду разрешалось пить только с уксусом, мясо, рыба и все соленое из пищи исключалось, в еду шли только овощи. В обед обязательно выдавалась водка, требовалась чистота во всем, в первую очередь, следили за личной гигиеной. Тем не менее, потери от моровой язвы, или чумы, как еще называли болезнь, были весьма ощутимы. Погиб и сам командующий Молдавским корпусом – генерал Штоффельн. На его место Румянцев назначил генерал-поручика князя Репнина.

Четырнадцатого мая передовая застава Ахтырского полка под командой секунд-майора Зорича обнаруживает татар Каплан-Гирея (до 72000 человек), движущихся по направлению к Рябой Могиле. Узнав об опасности, Репнин принимает решение стянуть все оставшиеся в его распоряжении силы к Рябой Могиле и продержаться до подхода Румянцева. Застава Зорича усиливается тремя батальонами гренадер под командой Потемкина и продолжает сдерживать продвижение противника. Через несколько дней передовой отряд русских усиливается еще тремя батальонами, общее командование авангардом поручается Потемкину. В течение месяца горсть русских храбрецов сдерживала бесчисленные толпы турок. Это позволило основным силам русских к 16 июня подойти к Рябой Могиле. Столь медленное продвижение русских войск объяснялось все еще свирепствовавшей чумой, по этой причине войска передвигались зигзагами, старательно обходя все населенные пункты, чтобы свести к минимуму опасность заражения. Румянцев прибыл к Репнину на два дня раньше срока для оценки обстановки на месте. После рекогносцировки и осмотра войск, которыми он остался доволен, несмотря на эпидемии, труды и зимние походы, Румянцев принял решение в ночь на 17 июня атаковать татар, не дожидаясь подхода к ним еще 15-тысячного отряда турок. Атаку начала и закончила кавалерия. Особо отличились гусарские полки. Татары стали отходить, не дожидаясь вступления в бой русской пехоты. Тяжелая русская кавалерия не смогла преследовать легких татарских всадников, и эту роль взяли на себя гусары. Итог сражения – 46 погибших русских, около 400 татар.

Каплан-Гирей, потерявший в бою под Рябой Могилой собственного сына Дели-Султан-Керима, пытавшегося остановить ахтырских и харьковских гусар и зарубленного ими, отошел на еще более укрепленную позицию по реке Ларге.

Румянцев спешил: нельзя было допустить соединения всех 250-тысячных татаро-турецких войск.

Третьего июля произошла первая стычка с турками во время проводимой рекогносцировки. Прикрывавший эти действия гусарский отряд под командованием секунд-майора Зорича попал в серьезную переделку. Окруженный почти сотней всадников, Зорич рубился до последнего, но, получив три тяжелые раны, пикой был сброшен с коня и взят в плен. Восхищенные мужеством офицера, его недюжинной силой, турки сохранили ему жизнь, отвезли в Стамбул и заточили в крепость-тюрьму, где он просидел долгих четыре года, пока не был заключен мир и пленных не обменяли.

Интересна судьба этого незаурядного человека. В конце XVII века, когда Сербия была окончательно разгромлена Турцией, около 60-и тысяч сербов ушли в Австрию, где продолжали отчаянно драться с турками, только уже под австрийскими знаменами. Кроме того, хитрые австрийцы неоднократно посылали состоящих на их службе сербов усмирять непокорных австрийской короне мадьяр. Отсюда и тянулась вековая вражда венгров и сербов. Притесняемые по службе мадьярами сербы охотно, иногда даже целыми полками, переходили на русскую службу.

Так, в 1754 году появился в Русской армии бывший командир венгерского гусарского полка Михаил Федорович Зорич, принятый на службу в звании подполковника. Детей у него не было, только одиннадцатилетний племянник, которого он взял с собой, – Семен Гаврилович Неранчич. Позднее Михаил Федорович усыновил племянника, и тот стал носить фамилию Зорич. С малого возраста Семен практически изучил все, что необходимо знать хорошему офицеру, с возрастом он стал физически очень сильным человеком, отличным наездником и рубакой, прекрасным стрелком. В 1760 году, в 17 лет, его записывают в гусары. Прирожденные военные таланты, личная отчаянная храбрость и любовь к приключе-

ниям помогли ему стать прекрасным разведчиком. Потому лично знавший его еще по Семилетней войне Румянцев всегда рекомендовал назначать Зорича с летучими отрядами для разведывательных и рекогносцировочных операций. Зорич неоднократно отличался и в турецкие кампании. Мы помним, как вместе с Потемкиным, они оборонялись почти месяц от намного превосходящих сил татар у Рябой Могилы. Но на Ларге его ждала неудача.

Семен Гаврилович Зорич попадает в плен. Ахтырцы искали своего храброго командира повсюду, но несмотря на полный разгром турок 7 июля на Ларге, – ни он сам, ни его тело не были найдены. Потом до Русской армии дошли слухи, что Зорич находится в плену, в самом Стамбуле. Его неоднократно посулами и угрозами склоняли принять ислам и поступить на службу к султану, предлагая большие чины, должности и деньги, в противном случае грозились немедленно казнить, но Зорич не сломился и не изменил присяге. Об этом было доложено Императрице, которая пожелала его видеть по возвращении из плена и наградила орденом Св. Георгия 4-й степени. Таким образом, Семен Зорич является первым Георгиевским кавалером в Ахтырском полку, только не по времени получения ордена, а по времени совершения подвига.

Дальнейшая судьба Зорича также хорошо известна в русской истории. Вернувшись из плена, он был оставлен при штабе Светлейшего князя Потемкина. Императрица не обошла его своим вниманием, и Семен Гаврилович Зорич некоторое время состоял в ее фаворитах.

Но дворцовая жизнь с ее ритуалами и этикетом была не по нутру горячему гусару. Осыпанный деньгами и другими щедротами со стороны Императрицы, произведенный в генеральский чин, Зорич не оставил свои старые гусарские забавы – много пил, любил кутежи, игру в карты, после чего случались скандалы и дуэли. Наконец это надоело Императрице, и в 1778 году Зорич был выведен в отставку в чине генерал-поручика. Уехал в подаренное ему имение под городом Шклов, где и зажил прежней веселой жизнью. Но помня о том, что всю свою жизнь он служил России, на свои деньги Зорич основывает в Шклове благородное училище, где воспитывалось до 500 детей обедневших дворян. Как истинный военный он и школе

своей придает особый военный тип, что обратило на него внимание в 1799 году Императора Павла Петровича. Зорича возвращают на службу и назначают шефом Изюмского гусарского полка. Но прежние привычки – пьянство и карты, опять привели его к отставке, он вернулся в Шклов, где и умер. А его детище – Шкловское благородное училище, было переведено в Москву и переименовано в 1-й Московский кадетский корпус.

Но вернемся к славным ахтырцам. В бою на Ларге взбешенные потерей своего любимого Зорича гусары отчаянно рубили турок, не беря их в плен. Общие потери Русской армии в тот день составили около 100 человек, турок – 1000 (в плен взято лишь 23).

Теперь на очереди был сам великий визирь со 150-тысячным войском, стоявший близ озера Кагул. Не стоило забывать и о том, что неподалеку кружил разбитый, но не потерявший своих амбиций крымский хан.

Румянцев делит свою и без того малую армию на две части и, оставшись с 17000, высылает три гусарских полка, пять карабинерных и 4000 grenадер наблюдать и преследовать крымских татар, а также защищать весь обоз Русской армии.

В последний момент Румянцев забирает все пять полков тяжелой конницы назад, оставив гусар с пехотою. Когда всю гремело Кагульское сражение, три гусарских полка продолжали непрерывные стычки с татарами. Крымский хан так и не рискнул атаковать Румянцева, оставляя у себя в тылу русский отряд в пять с небольшим тысяч человек. И совершенно неожиданно для гусар татары вдруг исчезли. Видимо, весть о Кагульской победе докатилась до них раньше, чем до русских. Хоть Ахтырский полк не принимал непосредственного участия в этом знаменитом сражении, тем не менее остался приказ по армии, где Румянцев благодарит Подгоричани с его гусарами за то, «что 21 июля он под своей стражей сохранил пропитание армии и отразил усиленное стремление крымского хана, который во время Кагульской битвы употребил все силы, чтобы охватить наш тыл и разбить обозы».

Турки в тот день потеряли до 20000 убитыми и ранеными, свыше 2000 пленными. Урон русских – 960 человек. Оставив обоз на пехо-

ту, гусары рванулись на соединение с остальной русской конницей и приняли участие в заключительном акте Кагульского разгрома. Был захвачен большой лагерь, затем без боя сдалась крепость Измаил, еще не имевшая столь грозных впоследствии укреплений, а еще через пять дней осады – Килия.

На месте великой битвы была воздвигнута колонна дорического ордера, увенчанная крестом над опрокинутым полумесяцем.

В стране, где долго, долго брани
Ужасный гул не умолкал,
Где повелительные грани
Стамбулу русский указал,
Где старый наш орел двуглавый
Еще шумит минувшей славой...

На том самом месте, где когда-то стоял шатер великого визиря, возвысилась эта колонна, поражавшая взор простотой и величием. Надпись на ней гласила: «Памятник сей незабвенной битве, в которой пали навсегда свирепые янычары, несколько столетий страшившие Европу, Азию и Африку, поставлен повелением Императора Николая I в лето 1845-е».

Пали Измаил, Килия, Аккерман. На очереди был Браилов. Среди общей паники, охватившей всех турецких военачальников после Кагульского поражения, казалось, один комендант Браилова не потерял голову и активно готовился к обороне. Гарнизон крепости составлял около 5000 человек, и они готовились умереть на стенах города. Штурм, предпринятый русскими, оказался очень кровавым и безрезультатным. Потери были огромны – 58 офицеров и 1800 нижних чинов, почти половина отряда. Вспомните Кагул – всего тысяча погибших солдат.

Командовавший русскими войсками генерал Глебов принял решение снять осаду и отойти. Неудача раззадорила Румянцева, и он отписал Глебову, чтобы тот не снимал осады, «дабы тем не нанести ущерба славе русского оружия». Но предписание пришло слишком поздно, русские уже отступили.

Румянцев срочно направляет к Браилову дополнительные полки, но турки заметив значительное увеличение собирающихся против них сил, благоразумно предпочли оставить крепость и переправиться через Дунай.

Несмотря на наступление зимы Румянцев решил продолжить кампанию и предпринял несколько операций, чтобы полностью занять Валахию. Ахтырский полк, разделенный по эскадронам, вошел в различные отряды Русской армии и участвовал еще в нескольких удачных делах с турками, пока вконец обессиленные люди и лошади, уже были не способны к преследованию неприятеля. Ахтырский полк стал на зимние квартиры в Бухаресте.

Этой же зимой полк покинул его первый командир Подгоричани. Преклонный возраст, старые раны и болезни вынудили его просить об отставке, которая была принята Императрицей. Его преемником стал полковник Семен Степанович Пишкевич, продолживший славные традиции старого командира.

В кампании 1771 года основная роль отводилась 2-й армии князя Долгорукова, которой надлежало овладеть Крымом, что и увенчалось полным успехом – полуостров покорился без особенного труда и потерь.

Армия Румянцева оставила за собой стратегическую оборону занятых областей. Из наиболее выдающихся дел кампании было взятие турецкой крепости Журжа.

Восемнадцатого февраля русские войска подошли к крепости и выстроились в боевой порядок. Казаки и милиция завязали перестрелку с турецкими аванпостами. Наконец из крепости выехала турецкая конница, чтобы отогнать казаков, но в этот момент в атаку рванулся Ахтырский полк. Натиск был столь стремителен и неотразим, что турецкая кавалерия тут же обратилась в бегство, а гусары гнали ее до самых крепостных стен через предместные укрепления и улицы. Пехота, двигавшаяся вслед за гусарами тут же заняла все захваченные позиции. В ночь с 20 на 21 февраля после трехчасового кровавого штурма крепость была взята. Потери русских составили около тысячи человек, турок – восемь тысяч.

Весной турки снова смогли собрать почти 160000 войска, но стояли по большей части бездействуя, поэтому Румянцев, искусно маневрируя своими малыми силами, выманивал турок на более решительные действия. Турки с трудом поддались и начали движение: к захваченной русскими Журже подступил 14000 отряд. В Журже был оставлен для ее защиты гарнизон из 700 человек во главе с майором Гензелем. Первый натиск турок Гензель отразил, но потом вступил в переговоры, несмотря на то, что на всех парах к крепости мчалась дивизия Репнина, который известил осажденный гарнизон короткой запиской: «Держитесь! Я иду на помощь и скоро буду!» Однако Гензель выторговал себе право капитулировать, обещав отступить с оружием к Бухаресту, и выпустил турок в крепость. Через три часа после случившегося к крепости подлетел Ахтырский полк, шедший передовым в дивизии Репнина, и сразу завязал перестрелку с турками. Навстречу ахтырцам выехал турецкий парламентар, который объявил, что крепость капитулировала, но русский гарнизон еще находится в ее стенах: если русские продолжают атаку – его пережгут до последнего солдата. Командовавший передовыми частями дивизии Репнина Гудович гневно ответил: «Поезжайте назад и скажите, что если эти несчастные забыли завет наших предков – лечь костями, – то они не братья наши, и мы их презираем».

Репнин не решился штурмовать Журжу, защищаемую столь большими силами турок, и отошел назад. Турки выпустили гарнизон майора Гензеля, но Румянцев, раздраженный малодушием коменданта и его офицеров, сдавших крепость, можно сказать, уже на виду подходившей помощи, предал их всех военному суду и подписал приговор о смертной казни. Императрица отменила приговор и писала Румянцеву: «Казнить их не надо, ибо в смерти их обществу нужды нет, да и постыдная жизнь, при которой они должны будут носить свой стыд и поносные знаки подлого преступления будет для них гораздо чувствительнее смерти». Она повелела исключить их из службы и отобрать патенты на чины. «Такая казнь <...> останется <...> на долгое время в памяти всего войска и среди отечества, служа примером не только для действительно служащих, но и для юношества, приготовляющего себя к военному делу», – сказано было в Высочайшем указе.

Почти все лето прошло в бездействии. Бесконечные дожди, размывшие дороги, и разлившиеся реки превратили всю местность в одно огромное вязкое болото. Однако осенью турки активизировались и после взятия Журжи двинулись в направлении Бухареста, но были наголову разбиты втрое слабейшим их корпусом Эссена. Не останавливаясь, Эссен бросил кавалерию вперед на Журжу. Захватив сходу предместные укрепления турок, гусары-ахтырцы моментально развернули турецкие орудия в сторону крепости и открыли огонь. Попытавшийся было отбить назад свои укрепления неприятель был отброшен картечью в упор. В это время подоспели другие кавалерийские полки, в том числе и уже знакомый нам Вятский карабинерный (будущий Белгородский), и ворвались в крепость. Журжа была взята во второй раз, причем одной кавалерией. Так закончилась кампания 1771 года. Весь следующий год, как мы помним, прошел в затянутых и медлительных переговорах с турками, проводимых при посредничестве Австрии, но не давших никаких результатов благодаря ее же интригам.

В 1773 году Румянцев проводит несколько удачных операций против турок и, ободренный их успехом, переходит Дунай. Начинает осаду Силистрии, но встревоженный приближением значительных турецких сил, отходит. Авангард армии Румянцева под командой генерала Вейсмана одерживает блистательную победу над турками при Кайнарджи, но в этом сражении гибнет Вейсман. Суворов, друживший с ним, был глубоко опечален и писал: «Не стало Вейсмана, я остался один...»

Кампания 1774 года также отмечена великолепными рейдами Суворова и Каменского, окончательно посеявшими панику и ужас среди турок. Война закончилась 10 июля в деревушке Кучук-Кайнарджи.

На зимние квартиры Ахтырский полк уходит на Украину, где весной 1775 года принимает участие в ликвидации Запорожской Сечи.

Уже давно правительство России думало о том, как поступить с запорожскими казаками. Земли Запорожской Сечи, уже тридцать пять лет тому назад вышедшие из-под власти турецкого султана, числились российскими лишь номинально. Казацкая вольница не хотела признавать ничьей власти – ни турецкой, ни русской. В результате постоянно

возникали конфликты то с Россией, то с Турцией, то с Польшей. Четких границ области Запорожской Сечи не существовало, казачья вольница определяла их сама, совершенно не интересуясь мнением соседних государств. В конце концов России это надоело, и она начала проводить политику постепенного утеснения запорожцев. Для начала рядом с Сечью появилось небольшое русское укрепление с военным комендантом, присланным сюда якобы для соблюдения интересов самих запорожцев. Затем, год за годом, на запорожских землях стали расселяться сербы, вступившие в поселенные гусарские полки. В мае 1775 года русский корпус генерала Текелли, в который входил и Ахтырский полк, без всякого боя и сопротивления вошел прямо в Сечь.

Запорожцы были распущены по домам: часть из них ушла «до Турка за синий Дунай», остальные, повесив саблю на стену, взялись за плуг. Службу по охране границ стали нести вновь образованные гусарские полки, одним из которых – Далмацким, ушел командовать и командир ахтырцев полковник Пишкевич. На его место был назначен полковник Иван Антонович Хорват, серб по происхождению, еще ротмистром перешедший из австрийской армии в русскую и совершивший немало достойных подвигов в Турецкую войну, за что и получил в командование славный Ахтырский полк.

В 1777 году гусар перебрасывают на Кубань, где они простояли два года, служа резервом для частей, которые несли кордонную стражу вдоль берегов реки Кубани. В 1779 году полк возвращается к себе в Ахтырку и стоит там несколько лет, временами уходя лишь на лагерные сборы или отряжая отдельные эскадроны для каких-либо особых нужд: на кордонную службу – по Днестру и Бугу, в Крым и даже в Киев – для торжественной встречи Цесаревича Павла Петровича с супругой, отправившихся в путешествие по Европе под именем графа и графини Северных.

В 1783 году по смерти командира полка Хорвата в должность вступает полковник князь Куракин, 35-летний молодой человек, получивший прекрасное военное образование в Швеции и уже 15 лет отдавший службе, проведя ее в походах и войнах с турками, с польскими конфедератами, а затем еще и участвовавший в подавлении пугачевского бунта, будучи ближайшим соратником Бибикова.

Князь Куракин принял полк в пору потемкинских реформ Русской армии. Потемкин, став во главе Военной коллегии, хотел преобразовать всю кавалерию в том национальном, истинно русском духе, начало которому положил сам Петр Великий. Главные изменения касались тяжелой конницы, которая, как выражался Потемкин, «тяжела только самой себе, а не ударом неприятелю», и образцом для которой должны были послужить легкие гусарские полки, отличившиеся в боях с турками и поляками.

«В России, – писал Потемкин Императрице в 1783 году, – когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные, с педантством тогдашнего времени; а наши, не зная прямой цены вещам военного снаряда, все почитали священным и, как будто, – таинственным.

Им казалось, что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах и ружейных приемах. Занимая себя такую дрянью, они и до сего времени не знают хорошо самых важных вещей, как то: марширования, быстрых построений и поворотов, а что касается до исправности ружья, то тут полирование и лощение предпочтено доброте, а стрелять почти не умеют.

Словом, одежда войск наших и амуниция такова, что придумать почти нельзя лучше к угнетению солдата <...> и простительно ли, что страж целости и безопасности отечества удручен прихотями, происходящими от вертопрахов, а часто от людей и безрассудных. Когда бывает, что эскадрону или целому полку назначается строй, то солдату двенадцать часов надо употребить на то, чтобы убирать и себя, и взаимно друг другу волосы. В сем беспокойствии они проводят без сна целую ночь и на смотрах бывают слабы, нерасторопны и малоспособны к таким действиям, где требуется бодрость, живость и сила». В последующих преобразованиях подверглась изменению даже гусарская форма – красивая, но настолько же и сложная. Само название «гусар» на несколько лет почти исчезает из Русской армии. Уже 28 июля 1783 года Ахтырскому гусарскому полку приказано именоваться Ахтырским полком Украинской конницы, а с 26 февраля 1784 года – Ахтырским легко-конным полком. Полностью менялась и форма: кивер сменила каска, доломан и ментик – куртка с плечевыми погонами и аксельбантом. К этому следует добавить

красные шаровары и широкие сапоги вместо узких гусарских ботишков. Косы, букли, пудра и прочие парикмахерские изощрения были отменены напрочь, введена была короткая стрижка, по-народному – «в скобку». Вооружение и конский убор остались прежними.

Конечно, можно сказать, что новая форма была намного скромнее и не выглядела так привлекательно, как истинно гусарская, но была и практична, и удобна.

Большое внимание Потемкин уделял воспитанию как офицера, так и солдата, пресекая любые попытки глумления и издевательств над нижними чинами, что в огромной степени способствовало рождению боевого братства, боевой семьи, когда полк становился духовно единым, когда устремления всех членов полка направлены к единой цели – защите Отечества. «Паче всего я требую, – писал он в одном из своих распоряжений, – чтобы обучать солдата с терпением и ясно толковать способы к лучшему исполнению». Неудачи нижних чинов он прямо приписывал исключительно невниманию, незнанию военного дела самими офицерами. «В кавалерии, – писал Потемкин в другом своем наставлении, – начальники должны иметь более попечения о людях, нежели о лошадях, и для этого меньше мучить их чистой лошадей, ибо не в сем состоит краса полка, а в приведении его в исправность, нужную для боя».

Вот из такой школы, ставившей на первое место не муштру, а воспитание, и вышли те екатерининские солдаты, которых Суворов называл «чудо-богатырями».

Недаром с екатерининских времен до окончания наполеоновских войн гусары считались лучшей нашей конницей. Может, обидно было бы это слышать драгунам, уланам, кирасирам и кавалергардам, славным казачкам, но гусары... есть гусары.

В 1787 году ахтырцам посчастливилось увидеть и саму Императрицу Екатерину II во время ее знаменитой поездки в Крым. Да-да, это с тех времен появилось выражение «потемкинские деревни». Многочисленные иностранцы, сопровождавшие Екатерину, не могли без ненависти смотреть на то, как в столь сжатый срок расцвела совершенно дикая ранее земля. Теперь это была Новороссия. Вот и пошла гулять сплетня о том, что все эти города и деревни, выстро-

енные в диком поле, не иначе как декорация, фанерные сарайчики, а мужики да бабы их населявшие, все время одни и те же, тайком перевозимые с места на место вдоль всего тысячекилометрового пути царского эскорта. И полки, приветствующие Екатерину, одни и те же, просто меняющие форму, за ночь обгоняющие свиту и выстраивающиеся во фронт заново.

Только флот Черноморский не удалось выдать за бумажные кораблики, ибо гремел он своими орудиями на устрашение всем врагам. Так за деревни ухватились в своей ненависти, будучи не в состоянии признать благополучие России, обозвали их «потемкинскими», сделав само это выражение нарицательным.

Ахтырский полк вернулся на зимние квартиры, но совсем скоро началась подготовка к очередной турецкой войне. Все мечты были устремлены за Дунай, все грезили великим «греческим прожектом», означавшим полное изгнание турок из Европы, освобождение всех славян и христиан, томящихся под их игом, и воцарение на византийском престоле Великого Князя Константина, второго внука Императрицы.

Сама Екатерина обратилась с воззванием ко всем народам, ждущим освобождения от турок: «Великое наше желание исторгнуть верующие во Иисуса Христа народы, избавить православные греческие церкви от неистового ига Агарян, их угнетающего. Две наших сильных армии исходят теперь на поражение вечного врага христианского. Вскоре войска оные вступят в ваши пределы, изженут турок и утвердят вашу безопасность. Деяния прошлой войны свежи еще в памяти вашей. С тем же порядком и любовью и ныне придет воинство наше. Вожди оного суть наши фельдмаршалы: граф Румянцев-Задунайский и князь Потемкин-Таврический, человеколюбие и справедливость коих вы знаете... Идите навстречу нашим полкам, ополчите храбрые войска земли вашей и содействуйте всеми вашими силами нашему оружию на поражение повсеместно турок».

Однако кампания 1787 года прошла относительно спокойно, в мелких стычках с татарами, лишь Суворов отличился блестящей победой под Кинбурном. Ахтырский полк в этом деле не участвовал и вступил в войну фактически с весны 1788 года, приняв участие

в осаде Очакова. Дела для кавалерии не находилось, Потемкин медлил со штурмом крепости, надеясь взять ее измором, так что простояли под Очаковым до холодов.

Из-за отсутствия кормов, плохой воды, а также использования кавалерийских лошадей для перевозки тяжелых осадных орудий Ахтырский полк, практически ничего не делая, лишился почти 400 лошадей. Командир гусар князь Куракин был человек богатый и за свой счет купил 130 лошадей, но остальных достать было просто негде.

Потемкин, видя столь плохое положение дел с конским составом, распорядился оставить от каждого полка по эскадрону, а остальных отправить на зимние квартиры. Ахтырский полк ушел зимовать, оставив эскадрон, которому и довелось участвовать в штурме и взятии Очакова 6 декабря.

В апреле 1789 года полк вернулся на театр военных действий, но по-прежнему серьезных дел не имел. Вообще, вся эта турецкая кампания проходила под аккомпанемент блестящих побед Суворова, в которых никак не удавалось поучаствовать гусарам. Кроме того, решением Потемкина созданы были конно-егерские полки, представлявшие собой несколько видоизмененных драгун. По мнению Светлейшего, они должны были состоять из десяти эскадронов и в случае нужды действовать самостоятельно, не требуя поддержки ни пехоты, ни кавалерии. Ахтырский полк присоединили к Харьковскому в качестве его шестого, седьмого, восьмого, девятого и десятого эскадронов. Имя Ахтырского полка на время исчезает из нашей истории. В общем, эта война не принесла Ахтырскому полку особых лавров, только лишила своего славного имени. К счастью, ненадолго.

С окончанием Турецкой войны отпала надобность в конно-егерских полках, большинство из которых указом 5 января 1792 года было упразднено. Полк снова отделился от Харьковского и стал Ахтырским. Но не успели они освоить свое новое полковое хозяйство, как началась очередная война – Польская.

Польский король Станислав-Август попытался вывести Польшу из состояния анархии, дав стране конституцию, в которой королевская власть объявлялась наследственной, а древнее шляхетское право вето на заседании сейма – упраздненным. И снова закипели

споры по поводу наследования короны. Снова рубились на саблях горячие шляхтичи, снова по чем свет ругали «пшеклятых москалей», снова поляки готовы были объединяться с кем угодно, хоть со шведами, хоть с турками, лишь бы не с Москвой. Станислав-Август Понятовский вообще утратил какую-либо власть над страной. Польша раскололась на две партии – «патриотов», возглавляемых Костюшкой, готовых на союз с кем угодно, не понимая, что это приведет к очередному разделу Польши, и «конфедератов» – анархической шляхты, требовавшей возврата старых вольностей, но готовых при этом принять помощь от России.

Екатерине II надоела постоянные проблемы с Польшей, с неугомонной шляхтой, и, по ее приказу в начале мая 1792 года 60-тысячная Русская армия выступила из Ясс. Поляки отступали, и только в сражении под Дубенкой 7 июля 1792 года 8-тысячный отряд Тадеуша Костюшко попытался остановить продвижение Русской армии. Правый фланг обороны Костюшко был сначала истрепан атаками Елизаветградских конно-егерей, а затем окончательно опрокинут Ахтырским и Харьковским полками. На левом фланге успеха добилась пехота. Отряд Костюшко был рассеян.

Девятнадцатого августа русские вступили в Варшаву. Обстановка накалялась с каждым днем. Поляки понимали, что надвигается катастрофа. Вместо старого русского посланника в Польше – Булгакова, и командующего войсками генерала Каховского, которые как могли сдерживали и успокаивали поляков, Императрицей были назначены: в качестве полномочного министра – Сиверс, а главнокомандующим – генерал Игельштрот. Оба имели точные инструкции насчет предстоящего раздела Польши, но упрямо хранили молчание и не готовили поляков к предстоящим событиям, полагая, что фактор неожиданности поможет сломить их сопротивление.

И вот 27 марта 1793 года от лица Императрицы объявляется акт, по которому к России присоединяются Волынская, Подольская и Минская области с трехмиллионным населением. По тайному договору с Пруссией последней достается Великопольское воеводство с Гданьском и Торунем. Титул короля еще сохранялся, но, как выразился русский министр Сиверс, «власть его была ниже власти

тверского генерал-губернатора». Станислав-Август признал все действия русских правильными, подписав отказ от утвержденной ранее конституции. Ряд генералов польской армии во главе с Тадеушом Костюшко в знак протеста немедленно покинули службу. Одновременно было предписано распустить польскую армию, оставив 14000 человек, необходимых для охраны новых границ.

Один из польских генералов, Мадалинский, командовавший конной бригадой, отказался выполнить это распоряжение и увел всю бригаду, присоединив несколько батальонов пехоты, в ту часть Польши, что по разделу уже принадлежала Пруссии. Там он разгромил несколько прусских отрядов и двинулся на Краков. Это было открытое противостояние.

Главнокомандующий русскими войсками бросил на подавление мятежа казачий полк Денисова и два эскадрона Ахтырского полка. Денисов прекрасно понимая, что его силы не равны силам противника, вступить в сражение с поляками не решился и остановился, выжидая подхода подкреплений под командованием генерала Торماسова. Столкновение состоялось 20 марта 1794 года, но никакого успеха обеим сторонам не принесло. Между тем Мадалинский дошел до Кракова, где его уже поджидал Костюшко, провозглашенный начальником всех вооруженных сил польского народа. Под его знамена стекались тысячи ополченцев.

Игельштром, считая армию Костюшко просто вооруженным сбродом, направляет из Варшавы генерала Денисова с приказом собрать все русские войска, находящиеся близ Кракова, и рассеять повстанцев. Вся кавалерия отряда генерала Денисова состояла из Ахтырского полка, к которому присоединились оставшиеся в Варшаве эскадроны казачьего полка. Однако Игельштром считал, что достаточно будет одного взмаха казачьей сабли, как сброд разбежится. Придерживаясь аналогичной недооценки противника, генерал Денисов разделил свой и без того маленький отряд. Под командой Тормасова осталось 2,5 батальона пехоты, ахтырцы и казаки. Ему поручалось атаковать укрепленный лагерь Мадалинского. С остальными силами Денисов планировал отрезать повстанцев от Кракова.

Костюшко разгадал замысел Денисова и, в свою очередь, также решил разгромить русских по частям, обрушившись сначала на Тормасова, а затем и на самого Денисова. Тормасов тоже совершает ошибку и делит свой отряд на две части. В общем, вся эта неразбериха была прекрасно использована противником, и день 24 марта 1794 года заканчивается полным поражением русских. Одними убитыми они потеряли 12 офицеров и 425 нижних чинов. Потери Ахтырского полка составили: 21 убитыми, 8 пленными и павшими 109 лошадей.

Победа Костюшко имела чрезвычайно важное значение для поляков. Восстание вспыхнуло, как порох, с невероятной быстротой охватывая все новые и новые области. Вся Польша представляла собой один большой костер. А Игельштром не принимал никаких мер. В Варшаве все еще оставалось несколько пехотных батальонов, разбросанных по всему городу. В пригороде Варшавы – Праге, также стояли войска, в том числе еще один эскадрон ахтырцев, но стоило полякам уничтожить мост через Вислу, как они уже ничего не могли сделать, чтобы помочь оставшимся в самой столице.

В таком положении и застала войска ночь с 5 на 6 апреля, когда начался мятеж.

Был Великий Четверг Страстной недели, и большинство солдат молилось на заутрени. Раздался набат, и взбунтовавшая чернь бросилась на русских. Часть Киевского полка, около 500 человек, молившаяся в церкви, была перебита, часть, вместе с полковым командиром, захвачена в плен. Поляки врываются в дома и режут всех русских, попадавших под руку. Только части расквартированные у дома командующего успели подняться по тревоге, а остальные, действуя самостоятельно, штыками проложили себе дорогу и вырвались из Варшавы. За ними отступил и сам командующий с остатками войск. Части, стоявшие в Праге, также с потерями прорвались к Модлину. Варшавская резня стоила русским убитыми 2265 человек и пленными 160 офицеров и 1600 нижних чинов. В Ахтырском эскадроне, стоявшем в Праге, в плен попало 22 человека, из них шесть офицеров.

Наконец и в Петербурге осознали всю серьезность происходящего. Срочно вместо Игельштрема главнокомандующим назна-

чается генерал-поручик барон фон Ферзен, но с подчинением его генералу Репнину, которому поручались все войска, находившиеся в Польше и Литве.

Одновременно командующему Южной армией Румянцеву предписывается двинуть два корпуса под начальством графа Суворова-Рымникского к Брест-Литовску. «Ваше сиятельство, – писал Румянцев Суворову, – были всегда ужасом поляков и турок... Ваше имя подействует на дух неприятеля и тамошних обывателей нежели многие тысячи...» Однако инструкции Петербурга предписывали Суворову лишь второстепенную роль – заготовку провианта для корпусов Дерфельдена, действовавшего в Литве, и фон Ферзена, действовавшего в Польше.

Суворов возмущался: «Невежды петербургские <...> время драгоценнее всего. Юлий Цезарь побеждал поспешностью. Мне поспешать надлежит к стороне Бреста, но не для магазин-вахтерства». Он ясно намечал себе план предстоящей кампании и сразу ставил целью своих действий не Брест, а Варшаву, с падением которой должно было закончиться и восстание.

Тем временем отступавшие русские части объединились с прусскими и совместно разбили войско Костюшко при Щекоцине, однако вскоре после этого у прусских войск в тылу вспыхнуло восстание, и они, бросив русских, устремились назад в свои пределы разделенной Польши – разбираться с мятежниками. В то же время в дележе Польши, быстро сориентировавшись, приняли участие и австрийцы, которые, не мешкая, захватили Краков и Сандомир.

Русские продолжали стоять у Щекоцина до 9 июля, пока в корпус не прибыл фон Ферзен и не приказал продолжить преследование Костюшко.

В это время на театре военных действий появляется Суворов. С 10-тысячным отрядом прошел он с Днестра на Буг, сделав 560 верст за 20 дней. 4 сентября Суворов с боя взял Кобрин, 5-го разбил поляков под Крупеницами, 7-го форсировал Буг и 8-го окончательно добил польский отряд Сераковского под Брестом.

Костюшко сразу понял всю опасность, грозившую Польше с появлением Суворова, однако напасть на него не решился, а свое

внимание обратил на подходивший к нему корпус фон Ферзена, желая помешать последнему соединиться с Суворовым. И усилиями корпуса фон Ферзена 28 сентября под Мацейовицами «сгибла Польша».

Поляки мужественно выдержали натиск русской пехоты, но отвлеченные действиями казаков, позволили себя обойти, и русская кавалерия завершила разгром. Тадеуш Костюшко был захвачен в плен. По этому поводу фон Ферзен пишет: «Костюшку захватили корнеты: Харьковского полка – Федор Лысенко, Елизаветградского конно-егерского – Владимир Смородский, Ахтырского легко-конного – Павел Пономарев и казаки: Федор Топилин и Николай Лосев».

Четвертого октября Суворов, узнав о победе фон Ферзена, именем Императрицы приказал ему двигаться на соединение с ним, аналогичный приказ он направил и Дерфельдену, действовавшему в Литве. Основное направление было избрано – на Варшаву. 14 октября корпуса Суворова и фон Ферзена объединяются под Станиславовым. Суворов производит смотр и рассылает по полкам свои наставления: «Неприятель нас не чаёт, считает за сто верст, а мы на него, как снег на голову.

Закружится у него голова. Атакуй с чем Бог послал! Конница, начинай! Руби, коли, гони, отрезывай, не упускай! Ура! Чудеса творят братцы! Конница обыкновенно врубается прежде, пехота бежит за ней – только везде строй! В окончательной победе, конница, гони, руби! Конница займется, пехота не отстанет...»

Суворов посылает корпус фон Ферзена на Окунев, сам устремился к Кобылке, где силами практически одной кавалерии разгромил поляков. Фон Ферзен, не обнаружив противника под Окуневым, спешит на помощь Суворову, но дело там было уже закончено.

Двадцать второго октября русские подошли к Праге, где к двум корпусам Суворова и фон Ферзена присоединился третий – Дерфельдена. 24-го Суворов взял Прагу, а 25-го сдалась Варшава. Результатом этой войны был третий раздел и окончательное падение Польши.

Все участвовавшие в штурме Праги и взятии Варшавы получили специально учрежденные награды: офицеры – золотые кресты на

Георгиевской ленте, а нижние чины – серебряные четырехугольные медали на Андреевской ленте.

Эта война представляет особый интерес в связи с действиями Суворова, давшего в осеннюю кампанию высокие образцы военного искусства: блистательный пример наступательной тактики вообще и действий против партизанщины в частности. Штурм Праги, за который Суворов получил свой фельдмаршальский жезл, особенно поучителен.

Конец войны уже не застал Ахтырский полк в Польше – по приказу он конвоировал пленных в Луцк. Оттуда полк перешел на зимние квартиры в Житомирский уезд и летом 1795 года участвовал в учениях под личным руководством Суворова. В 1796 году полк готовился принять участие в составе 60-тысячной армии Суворова в боевых действиях против Франции, но смерть Императрицы Екатерины II и вступление на престол Императора Павла несколько изменили эти планы.

Полк снова на время теряет свое историческое имя, называясь по фамилиям шефов – сначала бригадира Линденера, а затем Барчугова. С этого времени полк стал носить доломаны и ментики цвета «прелой вишни», то есть коричневые, сохранившиеся уже до самого конца.

В 1803 году от полка отчисляются два эскадрона для образования Одесского гусарского полка, который по сформировании стал называться лейб-гвардии Уланским, его историю мы рассказывали в 7-й главе.

Звездным часом в истории Ахтырского полка стала Отечественная война 1812 года. С первых дней вторжения Наполеона полк находился в арьберггарде 2-й армии Багратиона и прикрывал ее отход. Командовал полком генерал-майор князь Илларион Васильевич Васильчиков. По свидетельству современников, «он был храбрым боевым командиром, знающим военное дело, не раз отличившимся в прошедших сражениях, получившим за свою службу шесть ранений».

Багратион как-то сказал о Васильчикове: «Коли этого молодца не ухлопают за храбрость, то по придворной ловкости быть ему

главным в России «чиноначальником». Как в воду глядел. В царствование Императора Николая I Васильчиков стал председателем Государственного Совета.

Совместно с Харьковским, Черниговским, Киевским и Новороссийским драгунскими полками, а также с Литовским уланским полком ахтырцы входили в 4-й кавалерийский корпус под командованием генерал-майора К.К. Сиверса. Арьергардом армии командовал донской атаман М.И. Платов.

Первое серьезное столкновение с неприятелем произошло у деревни Мир 28 июня. Здесь казаки и гусары завязали кавалерийский бой с авангардом корпуса маршала Даву. Дело продолжалось около шести часов с переменным успехом, но в конце концов польские уланы генерала Рожнецкого, воевавшие на стороне французов, были частью порублены, частью взяты в плен.

Второго июля последовало еще одно арьергардное дело, где отличился Ахтырский полк. У местечка Романов гусары атаковали французский конно-егерский полк, который сразу потерял половину состава и был вынужден отступить. Лишь прибытие подкреплений к французам заставило ахтырцев прекратить наступление.

Одиннадцатого июля пехота Раевского завязала ожесточенный бой с превосходящими силами противника. Чтобы воодушевить солдат, Раевский повел их в атаку лично, с двумя сыновьями, один из которых нес знамя Смоленского пехотного полка. С восторженными криками полки рванулись вслед за Раевскими, но их встретил вал огня. Французы успели быстро перестроиться и переместить артиллерию. Атака захлебнулась, потери были большими.

Ахтырские гусары бросились выручать пехоту. Впереди скакал князь Васильчиков, даже не вынимая саблю из ножен. Гусары шли по лесной просеке развернутым строем. Свистели пули, под ногами лошадей крутились ядра, но зрелище было неописуемой красоты. В арьергардных боях полк нес большие потери. По свидетельству самого Васильчикова, численность полка составляла не более 400 человек.

После соединения двух русских армий Ахтырский полк по-прежнему не выходил из арьергардных боев: 9 августа – у села Усвяты,

15 августа – у реки Осьма, 19 августа – у Гжатска, 24 августа – у Колоцкого монастыря.

Двадцать пятого августа состоялось сражение за Шевардинский редут, которое было прелюдией к генеральному сражению при Бородине. Пехота дралась за сам редут, а кавалерия за поле перед редутом. С нашей стороны участвовали 4-й кавалерийский корпус Сиверса и кирасирская дивизия Дуки, со стороны французов – кавалерия Мюрата.

Бой продолжался до 11 часов вечера, когда русские оставили редут и отошли на главные позиции у Бородина. Ахтырский полк в составе 4-го корпуса стал у деревни Семеновское, прикрывая флешу.

Первая атака французов на флешу, защищаемые армией Багратиона, была отбита, но буквально полчаса спустя 57-й линейный французский полк ворвался снова на южную флешу. Русская пехота контратаковала и выбила неприятеля. Тотчас в атаку сорвался Ахтырский полк, врुбился в отступающую французскую пехоту и даже захватил 12 орудий. Но на помощь своей пехоте мчались две французские кавалерийские бригады, поэтому ахтырцы отступили, бросив захваченные орудия.

Семь раз Багратионовы флешу переходили из рук в руки. Во время восьмой атаки был смертельно ранен Багратион, лично возглавивший контратаку русских. Флешу пришлось оставить и отойти за Семеновский овраг. Теперь на защитников деревни обрушилась французская кавалерия – шли железные кирасиры дивизии Нансути, саксонские кирасиры Лоржа и польские уланы Рожнецкого. Положение пехоты было критическим.

Кирасирам Лоржа удалось прорваться в тыл пехоте. На помощь вылетели наши кирасиры и полки корпуса Сиверса. Ахтырский полк ударил во фланг саксонским кирасирам и отбросил их за Семеновский овраг. Одиннадцать раз Ахтырский полк ходил в атаку! Потери полка в этот день составили убитыми 29 человек, ранеными 106, пропавшими без вести – 20.

Оставление Москвы не означало конца войны, это понимали все. Разворачивалась невиданная по своим масштабам всенародная

партизанская война. И вместе с ней навсегда вошло в историю имя знаменитого Дениса Васильевича Давыдова.

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров,
И пылкую потеху драки,
И завитки своих усов.
С веселых струн, во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славил лиру перестроя,
Любовь и мирную бутылъ.

А. С. Пушкин

Еще накануне Отечественной войны, состоя адъютантом П.И. Багратиона, он просит его разрешения стать в ряды славного Ахтырского гусарского полка. По представлению Багратиона 8 апреля 1812 года Давыдов был произведен в подполковники и назначен командиром 1-го батальона полка. «Я считаю себя рожденным единственно для рокового 1812 года», – писал впоследствии Давыдов. Первый партизанский отряд, состоящий из 50 ахтырских гусар и 80 донских казаков, всех их отбирал Давыдов лично, отделился от основной армии сразу после боя за Шевардино. Координация действий партизанских отрядов была возложена на состоявшего при штабе Кутузова генерала Коновницына, сообщавшего Давыдову о действиях остальных партизанских отрядов и о перехваченных донесениях французов относительно направления движения их основных транспортов с продовольствием.

Партизаны наносили весьма ощутимый урон неприятельской армии, практически лишая ее провианта и фуража, уничтожая солдат, выделенных для охраны транспортов, захватывая многих в плен. Отряд Давыдова получив первое боевое крещение 2 сентября около села Токорево, затем отличился под Ляховым 28 октября, под Смоленском 29-го, под Красным 2 и 4 ноября, под Бельничами 14-го, 8 декабря под Гродно. За отличия в боевых операциях Давыдов был награжден Орденом Св. Георгия 4-й степени и Св.

Владимира 3-й степени. 24 декабря 1812 года он получил приказ присоединиться к корпусу Дохтурова, тем самым партизанская война считалась законченной.

А основной Ахтырский полк продолжал вести боевые действия против французов в составе действующей армии. Гусары отличились в делах при Тарутино, Малоярославце, Полоцке, в боях у Вязьмы, затем были сражения под Красным и Борисовым, переправа остатков «Великой армии» через Березину и бегство Наполеона из Сморгони.

Двадцать пятого декабря 1812 года был объявлен Высочайший манифест об окончании Отечественной войны. За отличия в кампании 1812 года полку было пожаловано 19 серебряных труб с надписью: «Ахтырскому полку за отличия при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 г.» (Высочайший указ от 13 апреля 1813 года).

Двадцать шестого декабря командиром ахтырцев назначается брат И.В. Васильчикова – полковник Дмитрий Васильевич Васильчиков. Начинается Заграничный поход Русской армии через всю Европу к сердцу Франции – Парижу.

Ахтырские гусары храбро сражались при Люцене и Бауцене. Особо отличились при Кацбахе. Об этом сражении мы уже рассказывали в главе, посвященной александрийским гусарам, получившим там свое второе имя – «бессмертные» гусары. Отметим лишь, что окончательную точку в деле при Кацбахе поставили и ахтырцы вместе с белорусскими гусарами, за что получили знаки на кивера с надписью: «За отличие 14 августа 1813 г.».

В том же августе 1813 года вновь отличился Давыдов, командовавший сводным отрядом ахтырских и белорусских гусар и захвативший Дрезден, за что временно даже попал в опалу. Взять город должен был любимец Императора Александра – генерал-адъютант Винценгероде, а Давыдов смешал все планы. Однако опала длилась недолго, вскоре Давыдов уже назначается командиром Ахтырского полка.

Решающим сражением кампании 1813 года была «Битва народов» под Лейпцигом, где ахтырцы сражались в составе войск прусского маршала Блюхера и опять отличились, когда их бросили в бой прямо с похода. Взято было 5 орудий и 560 пленных.

Двадцатого декабря 1813 года ахтырцы вступают в пределы Франции. Последовали сражения под Бриенном и Ла-Ротьером. После Краонского сражения, где были выведены из строя все генералы 2-й гусарской дивизии, Давыдов берет на себя командование сначала дивизией, а потом бригадой из Ахтырского и Белорусского полков. За отличие в этом сражении ему присваивают чин генерал-майора.

В апреле 1815 года ахтырцы принимают участие в знаменитом смотре при Вертю. Здесь и родилась легенда о коричневых мундирах полка, отраженная в полковой песне. Учитывая весьма изношенный внешний вид гусар, Давыдов принял решение реквизировать в расположенном по соседству женском монастыре все сукно коричневого цвета, из которого монахини шили себе рясы. На параде полк выглядел блестяще в новых мундирах, и Император Александр повелел гусарам на вечные времена носить мундиры именно такого цвета.

Так, сначала с легкой руки Императора Павла, а затем и указом Императора Александра этот цвет стал навсегда полковым. А третьим тостом ахтырских гусар стал тост: «За французских женщин, которые пошили нам мундиры из своих рясы!»

Полковник на лошади белой,
Давыдов Денис удалой,
Гусарам служил он примером
И храбро их вел за собой.
Когда же во Франции гусары
Входили в тогдашний Аррас,
Пошили себе доломаны
Из старых монашеских рясы.

Третьей боевой наградой полка стал Георгиевский штандарт с надписью: «В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в благополучно оконченную кампанию 1814 г.» (Указ Императора от 22 октября 1819 года).

Ахтырский полк славен не только своими героями и ратными подвигами, но и теми замечательными людьми, которые служили в

нем. Помимо командира и поэта Дениса Давыдова, здесь служили П.Я. Чаадаев и А.А. Алябьев, автор знаменитого «Соловья».

В 1824 году командиром полка был назначен Артамон Захарович Муравьев, член Союза спасения и Южного общества. После подавления мятежа в Петербурге и на Украине он был отстранен от командования, арестован и осужден на каторгу. Место командира занял подполковник Иван Алексеевич Арсеньев 4-й, однако поговору в феврале 1826 года он также был арестован, содержался в Петропавловской крепости, но был оправдан и назначен командиром мариупольских гусар.

В 1828 году начинается новая Турецкая война, в которой Ахтырский полк принял участие вместе с александрийскими и белорусскими гусарами.

Особого отличия полк добился в деле под Шумлой, когда кавалерийской атакой на турецкие редуты руководил князь Мадатов, бывший командир александрийцев. Кстати, александрийцами в тот день командовал Алексей Захарович Муравьев, родной брат командира ахтырцев, осужденного по делу декабристов. За это славное сражение 6 апреля 1830 года ахтырцы получили 21 Георгиевскую трубу без надписи.

В 1831 году Ахтырский полк принял участие в подавлении польского мятежа, где отлично действовал против отряда мятежников, возглавляемых бывшим офицером наполеоновской армии Дверницким, разгромил его, вытеснил на австрийскую территорию и принудил сложить оружие.

В 1833 году в связи с реорганизацией кавалерии полк был увеличен за счет присоединения к нему одного дивизиона упраздненного Ольвиопольского гусарского полка.

В 1843 году полк получает в шефы своего бывшего командира князя И.В. Васильчикова и именуется Гусарский генерал-адъютанта Васильчикова полк.

С июня 1848 года и до апреля 1850 года полк совершил поход в Дунайские княжества, где участвовал в подавлении венгерского восстания. Самое серьезное дело полка было у Дебречина, где были разгромлены основные силы венгров, и лишь пассивность

командующего Русской армией Паскевича не позволила здесь же и завершить всю кампанию.

С 15 мая 1850 года вследствие назначения нового шефа полк именуется Ахтырским Гусарским Его Королевского Высочества принца Фридриха-Карла Прусского полком.

В 1851 году ахтырцы празднуют свой 200-летний юбилей и взамен прежнего штандарта указом Императора Николая I от 27 июня 1851 года им было пожаловано 4 штандарта: три Георгиевских с Александровскими лентами и надписью: «В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в благополучно оконченную кампанию 1814 г.» и «1651–1851», четвертый штандарт был простой.

В Восточную войну в 1853 и 1854 годах ахтырцы находились на Дунайском театре военных действий и принимали участие лишь в мелких стычках с турками. Позднее полк стоял в Бессарабии, а затем в 1856 году вернулся к себе в Ахтырку.

С 1864 года в результате реорганизации армии кавалерийским полкам присвоили номера, совпадавшие с номерами объединявших их дивизий. Так образовалась 12-я кавалерийская дивизия, в которую вошли:

- 12-й Стародубовский драгунский Его Императорского Высочества Принца Ольденбургского полк,
- 12-й Белгородский уланский Его Императорского Высочества Эрц-Герцога Австрийского Карла Фердинанда полк,
- 12-й Ахтырский гусарский Его Королевского Высочества Принца Фридриха Карла Прусского полк,
- 12-й Донской казачий полк.

Итак, 12-я дивизия начинает войну с форсирования Дуная в районе Зимницы. Вся дивизия входила в состав отряда, которым командовал Цесаревич Александр Александрович. Основным направлением и целью отряда было руцукское направление, по этой причине и весь отряд назывался Руцукским. Первым заданием для каждого из полков дивизии после переправы через Дунай была разведка и рекогносцировка во всех направлениях.

Задание носило чисто кавалерийский характер. Переправа через Дунай прошла легко по наведенным паромам, каждый полк

выслал необходимое количество разъездов и скрытно произвел рекогносцировку. По ее итогам командир дивизии приказал: Стародубовскому полку совместно с 19-й конной батареей взять город Белу, остальным полкам прикрывать левый фланг. Турки отступили без боя, лишь партии конных черкесов маячили неподалеку, но и те были отогнаны ахтырскими гусарами. Телеграммой Императору было доложено: «23 июня Стародубовские драгуны взяли Белу».

К 25 июня было закончено сосредоточение всех сил Руцукского отряда между Дунаем и рекой Янтра, где и располагался город Бель. 12-я дивизия, продолжавшая быть в авангарде Руцукского отряда, получила приказ сняться с бивака и тремя колоннами следовать в направлении Руцука, производя разведку и зачищая местность от врага.

После нескольких стычек с неприятелем дивизия заняла: стародубовцы с 19-й батареей – город Дольний Монастырь, казаки с Донской батареей – Обретенник, ахтырцы – Балабанар, белгородские уланы – Беляново.

Выдвинутые вперед казаки первыми подверглись нападению. Стародубовский полк выступил им на помощь. Подлетев к Обретенникам, стародубовцы увидели, как казаки отчаянно обороняются от наступающих на них в большом количестве турок. Появление Стародубовского полка внесло смятение в турецкие ряды, и они срочно свернули наступление и, пользуясь уже наступившей темнотой, исчезли. По той же причине преследовать их не стали. С рассветом выяснилось, что турки ушли на 8 верст, что это был их рекогносцировочный отряд, посланный для разведки наших сил и расположения.

Постоянно следуя впереди основных сил Руцукского отряда в двух и более переходах, 12-я дивизия часто вступала в стычки с неприятелем и с боем удерживала занятые позиции до подхода пехоты. Затем следовало два-три дня отдыха, и все повторялось вновь.

Шестого июля происходит перегруппировка Руцукского отряда: 1-я бригада 12-й дивизии в составе стародубовских драгун и белгородских улан, с двумя пехотными полками и тремя батарея-

ми, уходит вперед в качестве авангарда, остальные силы остаются вместе с Цесаревичем.

Два месяца непрерывных авангардных боев чрезвычайно измотали войска. Да и потери были также ощутимыми. Противник, а это были в основном выходцы с Кавказа – черкесы, составлявшие лучшую часть турецкой кавалерии, был неутомимый, предприимчивый и очень храбрый. На маленьких, быстрых, выносливых лошадях, вооруженные шашкой и магазинным ружьем, они постоянно тревожили наши аванпосты. При этом они отличались безудержной смелостью, но одновременно и крайней жестокостью. Пленных они не брали, а уничтожали на месте, причем с особым изуверством.

Так, попавшему к ним в плен рядовому Стародубовского полка Машенцу они перерезали горло, вырезали крест на груди и вспороли живот. Русские прекрасно понимали, с каким противником имеют дело, поэтому ни на минуту не расслаблялись, ожидая в любой момент дерзкого нападения. Перед авангардом Руцукского отряда стояла задача оттянуть на себя как можно больше сил турок, дабы обеспечить большую свободу действий остальных русских войск.

Задача была выполнена, и против Руцукского отряда сосредоточилась основная турецкая армия Мехмед-Али в 100 тысяч человек против 45000 русских. Турки тянули с наступлением до 10 августа, но видя и наше бездействие (а что еще можно было предпринять, имея столь малое количество войск, растянутых на 60 верст), наконец начали продвигаться вперед. Русские отошли к Концелово, где были подготовлены позиции, и 21 августа начались первые столкновения. 24 августа турки, используя многократное преимущество в артиллерии и живой силе, перешли в решительное наступление. К 11 утра мы были вынуждены оставить первую позицию и отступить ко второй. Воспользовавшись оплошностью турок, командир Стародубовского полка полковник А.А. Бильдеринг провел одну удачную атаку двумя эскадронами драгун и тремя сотнями казаков, задержав на время общее наступление противника.

Прибывший на место сражения командующий турецкой армии Мехмет-али-паша скоординировал действия наступающих, и наше положение стало ухудшаться. Была оставлена вторая позиция, и положение стало критическим. Цесаревич принял решение немедленно отступить на линию реки Янтры, где фронт отряда не был бы так растянут. 27 августа Руцукский отряд сосредоточился в районе Белы, имея фронт всего 25 верст, вместо прежних 60-и. Задача Руцукского отряда оттягивать на себя значительные турецкие силы с Балканского и Плевенского направлений выполнялась полностью.

Двенадцатая дивизия продолжала нести службу по охранению боевых порядков наших войск, периодически меняя полки, отводя в тыл уставшие, выдвигая в линию аванпостов отдохнувшие.

Медлительного Мехмеда-али-пашу турки сменили на пылкого Сулеймана-пашу. Однако и Сулейман, прибывший возглавить войска, стоящие против Руцукского отряда, вопреки ожиданиям оставался в бездействии, ссылаясь на непогоду, требуя еще подкреплений (к 70–80 тысячам!).

Наконец, Сулейман решил, но при этом раздробил свой отряд, собираясь по частям воевать с каждым из двух корпусов – XII и XIII, составлявшим отряд Цесаревича. 7 ноября турки перешли в наступление. Девятичасовой бой велся с переменным успехом, пехота отчаянно сопротивлялась, несколько раз ходила в атаку, но безрезультатно – турки продолжали наступать. Позиции пришлось временно оставить, но когда обходным маневром ударили эскадроны стародубовцев, белгородцев и ахтырцев и вновь контратаквали подошедшие батальоны пехоты, турки были опрокинуты и отброшены.

Четырнадцатого ноября турки повторили атаку. 12-я дивизия расположилась возле местечка Трестеника, первая бригада – Стародубовский и Белгородский полки – слева, вторая бригада – Ахтырский полк и казаки – справа. Опять основной удар пришелся на пехоту, которая мужественно его выдержала и сама перешла в атаку, поддержанную кавалерией с флангов. Одновременно атакованный и с фронта, и с флангов неприятель поспешно отступил. Потери ту-

рок составили 1200 человек и 80 пленных, наши потеряли 3 офицера и 100 нижних чинов, ранено 5 офицеров и 646 солдат.

Двадцать девятого ноября по всем войскам распространилась радостная весть, что пала Плевна. Казалось все – конец войне. Но в тот же день турки провели рекогносцировку, а 30-го утром вновь пошли на отряд Цесаревича. Основной удар пришелся сначала на Стародубовский и Белгородский полки, которые спешили и, заняв приготовленные для пехоты окопы, отразили первый удар турок. Немного позже подошли Тираспольский и Бендерский пехотные полки, сменившие кавалеристов в окопах. Стародубовцы и белгородцы проследовали на фланг с целью его прикрытия.

В разгар сражения Цесаревич совершает обходной маневр силами Украинского, Моршанского и Зарайского полков с кавалерией 12-й дивизии, кроме Стародубовского полка, оставшегося на прежней позиции, и обрушивается в тыл туркам. Вместе с ним поднимаются в атаку тираспольцы и бендерцы. Встреченные шквальным огнем, они все-таки добежали до турецких цепей и ударили в штыки. Тут началась бойня. Солдаты дрались, как львы, не давая никому пощады. Кровь лилась рекой. Прорвав три линии турецких окопов, солдаты валились в изнеможении на землю. И тут пришел черед стародубовцев. Три эскадрона понеслись вперед, и кто из турок уцелел от штыка, тот попал под драгунскую шашку. Одновременно обходная колонна достигла противника и бросилась вперед. Пехота опрокидывала и сметала турецкие цепи, а острые клинки ахтырских гусар, белгородских улан и донских казаков довершали дело. Победа была полной.

Шестьдесят батальонов турок были разгромлены тридцатью русскими. Потери турок превысили 3000 человек, наши потери – 22 офицера и 813 нижних чинов. Этим заканчивался период активных действий Руцукского отряда. Правда, еще случались отдельные стычки с бродившими по окрестностям, теперь уже не отрядами, а шайками турок или черкесов.

Тридцать первого января 1878 года Стародубовский полк прощался со своим командиром полковником Александром Александровичем Бильдерингом, который уезжал в Петербург, назначенный начальником Николаевского кавалерийского училища.

Все полки 12-й кавалерийской дивизии были отмечены помимо личных наград наградами коллективными: Стародубовский, Белгородский и 12-й казачий Донской полк получили знаки на головные уборы с надписью: «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 гг.», Ахтырский гусарский полк был пожалован гусарскими шнурами гвардейского образца.

В начале 1879 года дивизия возвратилась на свои постоянные квартиры. Впереди были только маневры, ежегодные учения и перемены стоянок. Мирная жизнь оборвется лишь в 1914 году.

Стародубовский полк ушел в Каменец-Подольск, где простоял до 1889 года, сюда же перевели и Белгородский полк, переименованный, как и все полки, в драгунский в 1882 году. Стародубовцев еще перебрасывали на постоянную стоянку по разным селам Волынской губернии, пока, наконец, не была определена стоянка в Волочиске, куда полк прибыл 30 сентября 1904 года. Правда, еще в течении двух лет, пока достраивались казармы, два эскадрона полка размещались в близлежащих деревнях.

После кончины своего шефа, принца П.Г. Ольденбургского, 1 мая 1881 года, полк продолжал называться просто Стародубовским драгунским.

Тридцать пятый Белгородский драгунский полк был переведен из Каменец-Подольска на постоянную стоянку в город Проскуров Подольской губернии. В 1914 году в связи с началом войны его название также лишилось имени своего Высочайшего шефа.

Ахтырский полк принял сначала наименование 36-го драгунского Ахтырского Его Королевского Высочества принца Фридриха-Карла Прусского полка, а с 1885 года – просто Ахтырского драгунского. Взамен заслуженных гвардейских шнуров, им были присвоены петлицы за военные отличия.

В честь своего 250-летия ахтырцы получили выдающуюся награду, когда в 1901 году их шефом была назначена сестра царствующего Императора Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Александровна.

Великая княгиня Ольга Александровна была удивительной женщиной. Родилась она 1 июня 1882 года в семье Императора

Александра III, ее детство прошло в Гатчинской резиденции отца и было подчинено строжайшей дисциплине и порядку. Гатчинский дворец изобиловал картинами, гобеленами и гравюрами, рассказывающими о великом прошлом России, поэтому с юности Великая Княжна Ольга была знакома с нашей историей и с младенчества впитала в себя любовь к Отечеству. Она была очень одаренным ребенком, и прежде всего, обладала художественным талантом. Она написала немало прекрасных картин.

Ее супружеская жизнь с принцем Петром Ольденбургским не сложилась, семью создать так и не удалось. Однажды на параде в Павловске в 1909 году она встретила офицера лейб-гвардии Кирасирского Ея Величества полка Николая Александровича Куликовского. Или эта встреча была действительно предрешена свыше, или она была «любовью с первого взгляда», но Ольга Александровна, будучи женщиной исключительной честности и высокой морали, тут же обратилась к своему брату, Императору Николаю II, с просьбой разрешить ей развод с намерением выйти замуж за молодого офицера.

Но Император, посчитав это временным увлечением своей 27-летней сестры, предложил подождать семь лет – проверить свои чувства. На что она безропотно согласилась. Мы можем только восхищенно воскликнуть: «О времена, о нравы!» Сколько мы прочитали самой разной литературы, от газетных публикаций до серьезных романов, посвященных распущенности, вседозволенности, царившим при дворе, в среде родственников Царствующей Фамилии, среди их окружения, самого русского общества, наконец. Поневоле складывалось мнение, что общество во главе с самими Романовыми накануне Великой войны представляло собой Содом и Гоморру, объятые всеми возможными видами порока. И лишь отдельные штрихи правды, как ростки зеленой жизнелюбивой травы, пробивались сквозь толстый слой словесной грязи. Примером этого, как раз и служит история любви Великой Княжны Ольги Александровны и Н.А. Куликовского.

Семь лет долгого ожидания по-настоящему проверили чувства любящих друг друга людей. И в конце концов их любовь победила. Забегая вперед, скажу лишь, что в 1916 году, в разгар войны, они обвенчались и прожили вместе непростую, но долгую и счастливую

жизнь. Уже в грозном 1918 году, в Крыму, у них родился первенец, которого назвали Тихоном, в честь святителя Тихона Задонского. Фактически все члены Императорской Фамилии были заочно приговорены к смерти, и лишь по счастливой случайности Великая Княгиня Ольга Александровна с семьей избежали этой участи. Из Крыма они перебрались на Кубань, еще свободную от большевиков, где в станице Новоминской весной 1919 года у них родился второй сын, нареченный Гურიем, в честь одного из братьев Панаевых, служивших в Ахтырском полку, героически погибшего в 1914 году.

Затем начались скитания – сначала Ростов, Константинополь, потом Белград, и, наконец, Югославия. И лишь спустя довольно продолжительное время, семья Великой Княгини Ольги Александровны присоединилась к Императрице Марии Феодоровне, проживавшей в Дании. Но после 1945 года пришлось покинуть и Данию, когда Советский Союз предъявил датскому правительству ноту с требованием выдать последних Романовых как сообщников «врагов народа». Так ее семья окончательно покинула Европу и поселилась в Канаде, в пригороде Торонто. Скончалась Великая Княгиня Ольга Александровна 24 ноября 1960 года и была похоронена на русском кладбище «Норт Йорк», рядом со своим горячо любимым мужем Николаем Александровичем Куликовским. До последнего дня своей жизни она так и оставалась опекуном любимых ею ахтырцев.

По окончании Русско-турецкой войны Ахтырский полк также менял места стоянок, сначала это было местечко Теофиполь, Старо-константиновского уезда Волынской области, затем полк в 1896 году окончательно перешел в город Меджибуж Подольской губернии, где кстати когда-то стоял другой полк 12-й дивизии – Стародубовский (1868–1876). Меджибуж* – это бывшая турецкая крепость с крепкими каменными стенами. Штаб полка размещался в замке, ранее принадлежавшем польскому помещику Чарторыйскому.

В рядах ахтырских гусар служило много представителей известных в России фамилий. В 1895 году корнетом начал службу в полку

---

* Меджибуж – иногда встречается название Межибожье, более принятое в XVIII веке.

Владимир Михайлович Лермонтов. Вместе с ним служил корнет Александр Львович Пушкин. В эти же годы 12-й дивизией командовал еще один Лермонтов – Александр Михайлович. Вообще, с родом Лермонтовых Ахтырский полк связывает многое, помимо двух уже названных потомков шотландца Георга Лермонта, поступившего на русскую службу в 1613 году, и родственников знаменитого поэта.

С 1905 года служит в полку Александр Михайлович Лермонтов, младший брат Владимира, а с 12 мая 1917 года и его сын Михаил. Все Лермонтовы были отменными кавалеристами и неоднократно брали призы на скачках.

Так и проходила мирная жизнь полка: в ежедневных учениях, тренировках и скачках. Стоянка мирного времени была нарушена лишь в 1905–1906 годах, когда кавалерийские полки посылались на усмирение крестьянских волнений в губернии средней части России.

Праздником для русской кавалерии стал Указ Императора Николая II от 6 декабря 1907 года о восстановлении старых названий полков. Так снова в Русской армии возродились гусарские и уланские полки.

Эта мера не была данью ностальгии по «старым, добрым» временам и не пустым возвращением к красивой старой одежде: доломанам, чакчирам, уланкам (разумеется, только для парадной формы одежды полков, поскольку уже признана была необходимой и вводилась полевая повседневная форма защитного цвета). Все эти мероприятия были направлены на то, чтобы поднять моральный и боевой дух армии, ее психологический настрой, напомнить о славных традициях и подкрепить историческую связь времен, пошатнувшуюся в совершенно неоправданном поражении России в Русско-Японской войне.

В 1912 году, в 100-летний юбилей Бородинской битвы, было решено увековечить и имя славного командира ахтырцев Д.В. Давыдова. Его имя было присвоено Ахтырскому полку. Поэтому полное наименование полка стало: 12-й Ахтырский гусарский генерала Дениса Давыдова, Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны полк.

Состоявший в 12-й дивизии 12-й казачий Донской генерала фельдмаршала Потемкина Таврического полк, был переведен в 11-ю дивизию, а взамен его включен другой казачий полк уже Оренбургского Казачьего войска – 3-й Самаро-Уфимский, расквартированный вместе со Стародубовским полком в городе Волочиске.

Описывать историю и боевой путь оренбургских казаков довольно сложно. Слишком много переплетений в организационной структуре самого Войска, но мы постараемся осветить основные моменты истории оренбургских казаков и их непосредственное участие в русской истории. Сам термин «казачество» как понятие некоего самобытного народа в рамках российской великодержавности очень сложен, многогранен и неоднозначен.

К XVI веку мы имели самостоятельно сформировавшиеся без участия центральной власти Донское, Яицкое (Уральское) и Запорожское казачества, с одной стороны, добротню несущие службу по охране границ Русского государства, но с другой, в силу чересчур ярко выраженных (по мнению Москвы) свободолюбия, бунтарского характера и нежелания полностью подчиняться царю, вызывающие определенные опасения воинские формирования. Участие казаков в событиях «смутного» времени, крестьянские войны Болотникова, Разина и других казачьих атаманов настораживали царское правительство.

Поэтому процесс создания новых казачьих войск, что требовалось исторически ввиду продвижения границ будущей Российской Империи и необходимости их охраны, был старательно взят под контроль правительством.

Создание кордонных (пограничных) линий с небольшими крепостями и укреплениями, постановка там гарнизонов, а затем уже заселение близлежащих земель как русским народом, так и приведенными в повиновение и поклявшимися служить русскому царю коренными жителями, менявшими кочевой образ жизни на оседлость, служило первоначальной основой зарождения новых казачьих войск.

История Оренбургского казачьего войска начинается с 11 февраля 1736 года, когда «в новоустроенных городах Оренбурге и Тобынске учреждены казаки из Уральских новокрещенцев – мещеряков,

отставных солдат, охотников и беглых из Яицких и Сибирских казаков». Это как бы официальная дата появления самого названия оренбургского казачества, одновременно был установлен единый войсковой праздник для всех полков – 23 апреля.

Истоки же появления казачества в Оренбургском крае надо искать в глубине веков. И отправными точками здесь будут служить два древних русских города – Уфа и Самара. Именно эти два города дали свои имена нашему казачьему полку, в них зарождалось и будущее Оренбургское казачье войско. Итак, обо всем по порядку.

1574 год. Воевода Иван Нагин основывает Уфимское укрепление, имевшее гарнизон из стрельцов и городских казаков. Бывшие обитатели края – башкирцы, приведены к присяге на верность России.

1586 год. Основан город Самара, имевший гарнизон из городских казаков, дворян-иноземцев и смоленских шляхтичей, призванных на казачью службу.

1643 год, 26 августа. Самарским казакам пожалован вестовой колокол.

1675 год, 6 марта. Уфимским казакам пожаловано одно большое знамя и три прапора.

1734 год, 16 июля. Самарским казакам дарованы два старых знамени из Петербургского магазина.

1734 год. Трудами уфимских и самарских казаков закладывается город Оренбург в устье реки Орь. В 1740 году город Оренбург переносится к Красной Горе, старый город называется Орской крепостью. Через два года, в 1742 году, город Оренбург переносится на новое место, а прежний город назван Красногорским укреплением. 15 апреля 1742 года около двух сотен уфимских казаков переведено в Оренбург.

Девятнадцатого апреля 1743 года в Оренбург переводятся самарские казаки в полном составе. В 1744 году к казакам Оренбурга присоединяются казаки Исетской линии острожков, называвшихся Исетским казачьим войском, а также «охотников Яицкого войска, Сибирских городов дворянских и казачьих детей, беглых холопов». Образован Оренбургский нерегулярный корпус.

Двадцать четвертого мая 1748 года все казачьи части Оренбургской губернии были соединены в Оренбургское нерегулярное войско под властью одного войскового атамана – сотника Могутова, с подчинением ему Оренбургского нерегулярного корпуса, уфимских, самарских казаков города Оренбурга и остальных казаков Уфимской и Исетской провинций.

В 1755 году устанавливаются штаты, по которым в мирное время 5-тысячное войско состояло из полка в 2000 человек и 3000 казаков, которые выставлялись для гарнизонной линейной службы. Через год, 21 мая, оренбургским казакам пожаловано войсковое знамя с надписью «Оренбургъ». В 1758 году оренбургские казаки сравниваются по положению и довольствию с донскими казаками и солдатами регулярной армии.

В период правления Императора Павла Петровича к Оренбургскому войску причисляются ясачные крестьяне и татары Оренбургской губернии.

Одновременно с этим происходит деление Оренбургской губернии на кантоны, каждый из которых выставлял свой полк. 1-й – из Исетских казаков, 2-й – из казаков разных наименований, 3-й – из Уфимских, 4-й – из Оренбургских, 5-й – из Самарских, 6-й – из казаков непосредственно города Оренбурга, один – из Ставропольско-калмыцких казаков, еще два полка – из Уральских, остальные из башкир и мещеряков. При этом Уральские, Ставропольско-калмыцкие, Башкирские и Мещеряцкие кантоны не относились к Оренбургскому войску.

С начала XIX века, помимо несения пограничной службы, оренбургские казаки принимают участие в войнах на европейском театре. В 1807 году формируется два оренбургских полка, которые принимают участие в Русско-Турецкой войне 1809–1812 годов. По окончании войны, до 1817 года, они несли кордонную службу по берегам Черного моря и Дуная.

Двадцатого апреля 1817 года два этих полка переформировали в один: неспособные к службе, старые и женатые отпущены были по домам. В 1819 году полк вернулся домой в Оренбург.

В 1812 году формируются еще два оренбургских полка – Оренбургский атаманский тысячный полк и 3-й казачий полк, участвовав-

шие в войне 1812 года и Заграничных походах. После осады Данцига, в декабре 1814 года, атаманский полк возвращается в Оренбург, а 3-й полк несет службу на границе Царства Польского с Пруссией до 1820 года. Затем также возвращается в Войско. С этого времени основной задачей Оренбургского войска становится не только защита азиатских рубежей Отечества, но и обеспечение в качестве военной силы продвижения Российской Империи в глубь Азии. Оренбургские казаки участвовали в военных походах в пределы Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств, штурме Геок-Тепе, рекогносцировочных экспедициях в глубь Азии, на Памир, в Тибет. В те годы Оренбургское казачье войско отправляло в Туркестан отдельные сотни, принадлежавшие разным полкам, поэтому довольно трудно отследить боевой путь того или иного конкретного полка.

Но в случае 3-го казачьего полка (впоследствии получившего имя Самаро-Уфимский) нам повезло. В его рядах служил человек, ставший, можно сказать, легендой среди казаков Оренбургского войска – Захар Васильевич Рогожников.

Двадцать второго мая 1864 года казачья сотня оренбуржцев в составе экспедиционного отряда полковника Веревкина выступила из форта Перовского по направлению к городу Туркестану. Состав отряда был около 1300 человек и при нем 10 пушек. Одним из девяти урядников в казачьей сотне числился Захар Рогожников.

Начинались военные действия против Кокандского ханства. Гарнизон крепости состоял из 15000 человек и пребывал в полной уверенности собственного превосходства над русскими. Однако первое же столкновение на реке Карайчик 8 июня навело противника на мысль, что отсидеться за крепостными стенами будет и спокойнее, и надежнее. На следующий день русские подошли к городу и перестроились в боевой порядок, имея на флангах оренбургскую и уральскую сотни и ракетные станки. Несмотря на обстрел со стен крепости, отряд полковника Веревкина приступил к осадным работам.

В ночь на 11 июня кокандцы предприняли три попытки совершить стремительные вылазки на передовую линию осады, но трижды были отбиты с большим для них уроном. На следующую ночь вылазки повторились, но снова были отбиты. Плотный огонь с

русских позиций останавливал противника еще на половине пути. Начальник гарнизона Мурза Давлет предпочел 12 июня оставить крепость и бежать со своим ближайшим окружением. Так урядник Рогожников заработал свой первый «Георгий».

От города Верного навстречу Веревкину вышел отряд полковника Черняева с 1500 солдатами и 4-я орудиями. Для встречи отряда полковник Веревкин отряжает рекогносцировочную партию в составе пяти пехотных взводов, оренбургской сотни и трех орудий под командой капитана Мейера, всего около 370 человек. К вечеру 13 июля отряд остановился на ночлег в урочище Ак-Булак.

Утром выяснилось, что небольшой русский отряд со всех сторон окружен толпами кокандцев. Дело осложнялось тем, что позиция, занятая для ночлега, была крайне уязвима с точки зрения обороны. Но предпринимать какое-либо перемещение отряда уже было невозможно, оставалось принять бой и ждать подхода отряда Черняева, который к этому времени выдержал бой с 25000 кокандцев и, не решившись штурмовать Чимкент, двигался навстречу отряду Веревкина.

Между тем лагерь рекогносцировочного отряда капитана Мейера превратился в маленькую крепость. Из всех подручных средств были возведены укрепления в виде треугольника, в вершинах которого расположили пушки.

В 8 часов утра кокандцы начали штурм. Толпы наступающего противника были встречены сначала ядрами и ракетами, потом с более близкой дистанции русские ударили картечью и ружейным огнем. Натиск был отбит, но перестрелка продолжалась до самого вечера. В то же время русские не прекращали ни на минуту укреплять бруствер своей позиции. В ход шло все: мешки с провизией, трупы животных и даже людей. Землю рыли штыками, шашками и просто руками, стараясь увеличить высоту вала.

На рассвете 15 июля кокандцы сначала открыли огонь из двух орудий, а затем бросились в атаку. Обороняющиеся с удивительным спокойствием подпустили врага как можно ближе и открыли дружный огонь из пушек и ружей лишь за несколько десятков шагов до передних шеренг противника. Эффект получился потрясающий. Не ожидавшие столь дружных залпов кокандцы повернули вспять.

Но положение отряда становилось критическим. Снарядов и патронов оставалось совсем мало, вода была на исходе, тела убитых животных и людей начинали быстро разлагаться на жаре, распространяя ужасное зловоние.

Зная о приближении отряда Черняева, капитан Мейер решил выиграть время и вступил в переговоры с противником, которые закончились на удивление быстро. Оказывается, кокандцы также знали о скором приближении отряда Черняева и сами предпочли отступить. Вспоминаются слова Скобелева: «Вообще с Азией надо обходиться умеючи. Она и ничтожна, и страшна». Потери противника у Ак-Булака, силы которого были около 12000 человек, составили 513 убитыми и до 2000 ранеными. Наши потери – 13 убито и 67 ранено. Здесь Захар Рогожников получил свой второй крест.

А следующее дело было уже под Чимкентом, в том же 1864 году. Оба русских отряда благополучно соединились, поступили под командование Черняева, только что произведенного в генералы. 19 сентября Черняев сосредоточил все свои силы (около 1000 человек и 9 орудий) против Чимкента, гарнизон которого составляли 10000 человек и 30 орудий.

Кокандцы заняли активную оборону, а на четвертый день, 22 сентября, даже перешли в наступление, но были остановлены решительной контратакой, позволившей на плечах противника ворваться в крепость. Большая часть гарнизона бежала, преследуемая казаками. Так Захар Рогожников получил очередной Знак отличия военного ордена.

Кокандцы бежали в Ташкент. Черняев решил немедленно использовать моральное впечатление от падения Чимкента и двинулся к Ташкенту. 27 сентября он уже был под его стенами и 1 октября штурмовал, но был отбит и отступил.

Весною 1865 года была учреждена Туркестанская область и Черняев стал ее первым военным губернатором. С отрядом в 1800 человек и 12 орудиями он выступил снова под Ташкент. В составе его отряда опять была оренбургская сотня с Захаром Рогожниковым. В 25-и верстах от Ташкента находилась небольшая, но хорошо укрепленная крепость Нияз-Бек, защищавшая арык Боз-Су,

снабжавший город водой. Черняев решает захватить сначала ее, затруднив положение защитников Ташкента.

На помощь защитникам крепости из Ташкента выступил отряд в 3000 человек при двух орудиях. Тотчас против них были высланы пять рот пехоты при двух орудиях, уральская казачья сотня и оренбургская полусотня. Сходу вступив в бой, русские заставили противника очистить позицию, и вскоре их отступление превратилось в паническое бегство.

Казаки преследовали противника шесть верст, не давая ему опомниться. В этом деле, кроме Захара Рогожникова, отличились урядники Григорий Коннов и Василий Соснин. За свою смелость они были награждены Знаками отличия военного ордена.

В тот же день сдалась крепость Нияз-Бек, а 9 мая Черняев принял бой с 7000 отрядом кокандцев под стенами Ташкента и наголову разбил их. Жители Ташкента отдались под власть бухарского эмира, выславшего им на помощь свои войска. Черняев упредил бухарцев и 15 мая 1865 года решительным штурмом овладел Ташкентом. Эта победа значительно упрочила положение России в Средней Азии. Стремясь как можно быстрее доложить об этом событии в Оренбург, Черняев отправляет донесение генерал-губернатору, доставить которое поручается десяти оренбургским казакам во главе с Захаром Рогожниковым, кавалером четырех степеней Знака отличия военного ордена. 2000 верст пути через безграничные просторы степей и пустынь, где лишь в маленьких фортах и крепостях стояли русские гарнизоны и ощущалась власть России, а все остальное пространство принадлежало кочующим бандам разбойников, делало задание довольно трудным.

Но учитывая, что отряд состоял из закаленных, испытанных в боях бойцов, каждый из которых стоил десяти, то встречи с вероятным противником казаки не боялись. И когда такое случилось, и их отряд оказался окруженным сотней кокандцев, казаки не растерялись, отбили врага и заставили отступить. Таким образом Рогожников выполнил возложенное на него поручение, за что был награжден 150 рублями и произведен в хорунжие.

Успехи отряда генерала Черняева и распространение власти «Белого Царя» на Коканд встревожило Бухару. До сих пор бу-

харское ханство было отделено от русских кокандскими землями, ставшими теперь русскими областями. Эмир Бухары претендовал на Ташкент, ссылаясь на волю его жителей, но его домогательства были отвергнуты.

Тогда эмир попытался решить этот вопрос силой оружия. Весной 1866 года бухарцы собрали у русских пределов до 43000 войск. Генерал Черняев не собирался дожидаться удара, и в мае двинул отряд генерала Романовского в 3000 человек при 20 орудиях прямо на Бухару. Хорунжий Рогожников в качестве младшего офицера оренбургской сотни снова был в рядах русских войск.

Восьмого мая состоялось крупное сражение в урочище Ирджар, в ходе которого бухарская армия была полностью разгромлена и бежала, потеряв около 1000 человек, потери русских – лишь 10 раненых. Офицеры оренбургских сотен получили очередные ордена, а хорунжий Рогожников – свою первую офицерскую награду – орден Св. Анны 4-й степени «За храбрость».

Двадцать четвертого мая Романовский стремительно овладел Ходжентом, при этом бухарцев было перебито 3500, наши потери – 137 человек. Здесь русский отряд ненадолго остановился, ожидая подхода подкреплений из пехотных батальонов 37-й дивизии.

Второго октября была взята крепость Ура-Тюбе, перебито до 2000 бухарцев, наши потери 227 человек, а 18 октября неожиданным и жестоким штурмом был взят Джизак, хорошо укрепленная крепость, прикрывающая долину Сыр-Дарьи и служащая последней преградой на пути в Бухару.

Неожиданностью для бухарцев, оборонявших Джизак, стало то, что русские пошли на штурм крепости не по обычно заведенному сценарию – на рассвете, после артиллерийского обстрела, а в полдень. Казачьи сотни производили отвлекающие маневры, когда внезапным броском посреди белого дня русская пехота ворвалась в крепость. Схватка была отчаянная: из 11000 бухарцев полегло 6000, потери русских – 98 человек.

Захвачено много орудий и знамен. Десять знамен было торжественно отправлено в Оренбургский войсковой собор, а шесть в Ташкентскую церковь.

В 1867 году боевых действий практически не велось, ибо бухарский эмир вступил в мирные переговоры и старательно их затягивал. Русские же, в свою очередь, провели административно-территориальную реформу. Туркестанская область была переименована в Туркестанское генерал-губернаторство, объединившее две области – Семиреченскую (город Верный) во главе с генералом Колпаковским и Сыр-Дарьинскую (город Ташкент) с генералом Романовским. Первым туркестанским генерал-губернатором был назначен генерал фон Кауфман.

Примирительная политика бухарцев, тянувших время для сбора новой армии, была очевидна, и в конце апреля Кауфман во главе отряда из 4000 штыков и шашек, при 10 орудиях, двинулся от Ташкента к Самарканду.

Второго мая 1868 года русская пехота на глазах неприятеля перешла по грудь в воде реку Зеравшан и ударила тут же в штыки, ворвавшись на плечах противника в Самарканд.

Через месяц Кауфман добил армию эмира в жесточайшем сражении на Зарабулакских высотах. Именно этот эпизод любил вспоминать Куропаткин, принимавший участие в этих боях. Отсюда истоки его пренебрежительного отношения к азиатскому противнику, когда уже ему самому пришлось руководить всеми русскими войсками, участвовавшими в войне с Японией.

Когда русские солдаты по грудь в воде форсировали Зеравшан, то, чтобы вылить воду из сапог, они становились на руки, а товарищи трясли их за ноги, выливая воду. Бухарцы, посчитав, что это русская военная хитрость, повторили точь-в-точь те же движения перед боем на Зарабулакских высотах, не сомневаясь после этого в победе. Из 35000 бухарцев, стоявших против 2000 русских, 10000 было уничтожено, наши потери – 63 человека.

Покорение Коканда, Бухары и Хивы было окончательно завершено лишь в результате походов 1875–1876 годов, но время от времени вспыхивали мятежи в Самарканде, Коканде, Андижане.

Второго ноября 1875 года оренбургские казаки схватились с кокандцами у кишлака Кепе. В бою их поддержала полусотня Семиреченского войска есаула барона Штакельберга. И после

непродолжительной, но отчаянно лихой кавалерийской схватки, казаки заставили противника бежать, гнали его несколько верст, уничтожая десятками. За это дело хорунжий Рогожников был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Кроме того, все участники этих походов за труды и лишения получили и другие награды. Всем была выдана медаль «За покорение ханства Кокандского», офицеры получили полугодовое жалованье, а нижние чины по три рубля.

В Турецкой войне 1877–1878 годов участвовали на Кавказском фронте два оренбургских полка, отличившихся под Карсом, а в войне с Японией – пять полков, некоторым сотням которых также были пожалованы коллективные знаки отличия.

В 1884 году в Оренбургском войске состояло 6 номерных казачьих полков, сформированных из сотен, принимавших участие в туркестанских походах. К началу Великой войны для поднятия боевого духа полков и в память о славных делах прошлого всем были присвоены имена, а 1-у Оренбургскому полку дано шефство самого Цесаревича, 2-й полк получил имя воеводы Ивана Нагова – основателя Уфы, 3-й стал Уфимско-Самарским, 4-й полк стал Исетско-Ставропольским, в память о первых казаках, вошедших в состав Войска, 5 и 6-й получили имена атаманов оренбургского казачества – Могутного и Углецкого. Вместе с тем всем полкам было даровано старшинство с 1574 года, когда воеводой Иваном Нагим была основана крепость Уфа и тем самым положено начало освоению Оренбургского края. Кроме того, в 1894 году из состава 3-го Оренбургского полка было выделено две сотни для формирования Особого Оренбургского дивизиона, размещавшегося в Гельсингфорсе. Первые три полка Оренбургского казачьего войска вошли четвертыми полками в кавалерийские дивизии русской армии: 1-й Оренбургский казачий Е.И.В. Цесаревича полк в 10-ю кавалерийскую дивизию в Харькове, 2-й Оренбургский казачий полк воеводы Ивана Нагова в 13-ю кавалерийскую дивизию в Варшаве и 3-й Уфимо-Самарский казачий полк в 12-ю кавалерийскую дивизию в Волочиске Волынской губернии.

Во 2-й Сводной казачьей дивизии состояли 1 и 3-я Оренбургские казачьи батареи. Остальные полки: 4-й Исетско-Ставропольский, 5-й атамана Могутного, 6-й атамана Углецкого и 2-я оренбургская батарея входили в состав Туркестанской казачьей дивизии и размещались в Ферганской и Сыр-Дарьинской областях. Остальные образованные к этому времени оренбургские казачьи полки входили в состав армейский корпусов: 7-й полк – в 18-й армейский корпус (Санкт-Петербург), 8-й полк – в 22-й армейский корпус (Финляндия), 13 и 14-й полки – в Гренадерский корпус (Москва), 17-й полк – в 16-й армейский корпус (Казань), 18-й полк – в 24-й армейский корпус (Самара). В качестве полков второй очереди формировалась Оренбургская казачья дивизия из 9,10,11 и 12-го полков, присоединившаяся к VI армии, охранявшей Балтийское побережье, а также 15-й полк, присоединившийся к 16 армейскому корпусу в Казани, и 16-й полк – к 20-у армейскому корпусу в Виленский военный округ.

Вот можно считать и завершенной краткую предысторию полков славной 12-й кавалерийской дивизии. Перед самым началом Великой войны дивизия размещалась в городках Волынской и Подольской губерний и входила в состав войск Киевского военного округа, составляя вместе со 2-й Сводной казачьей дивизией кавалерию 12-го армейского корпуса. В соответствии с Планом «А» развертывания русских войск 12-я кавалерийская дивизия должна была входить в III армию Юго-Западного фронта, однако с началом развертывания войск в составе Юго-Западного фронта была сформирована VIII армия, куда и были направлены обе кавалерийские дивизии 12-го армейского корпуса. С декабря 1912 года командовал 12-й дивизией генерал-майор Алексей Максимович Каледин (1861–1918). В апреле 1913 года произведен в генерал-лейтенанты. Прирожденный кавалерист, казак станицы Усть-Хоперской, выпускник Михайловского артиллерийского училища и Николаевской академии Генштаба, опытный военачальник, он пользовался заслуженным авторитетом и уважением всех своих подчиненных. Именно под его руководством дивизия вступила в войну и вынесла самые трудные первые месяцы боев.

Мы снова надели мундиры отцов
И снова драгунами стали,
Сумеет прославить драгун – молодцов,
Спасибо – нам старые скажут.
Ура! Наш командир, драгуны за тобой,
Всегда идем, всегда идем на смертный бой.

Коль тяжело придется драгунам в бою,
У них есть друзья боевые,
Как вихрь прилетят на конях вороных,
Белгородцы – уланы лихие.
Ура! Наш командир, уланы за тобой,
Всегда идем, всегда идем на смертный бой.

Коль тяжело придется уланам в бою,
У них есть друзья боевые,
Как вихрь прилетят на соловых конях
Ахтырцы – гусары лихие.
Ура! Наш командир, гусары за тобой,
Всегда идем, всегда идем на смертный бой.

Коль тяжело придется гусарам в бою,
У них есть друзья боевые,
Как вихрь прилетят на своих маштачках,
Уфимо-самарцы лихие.
Ура! Наш командир, казаки за тобой,
Всегда идем, всегда идем на смертный бой.

Песня 12-й кавалерийской дивизии

ДВЕНАДЦАТАЯ ДИВИЗИЯ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ

Лето четырнадцатого года застало дивизию в местах своего обычного расположения за исключением Ахтырского полка. Гусары являлись участниками ежегодного смотра гвардейских полков в Красном Селе, так как носили имя Великой Княгини Ольги Александровны, а все армейские полки, имеющие шефами Членов Семьи Царствующего Дома, время от времени приглашались для участия в Высочайшем смотре, проводимым самим Императором. Это была очень высокая честь для простого хоть и заслуженного армейского полка стоять в одном ряду с прославленной гвардией.

Итак, в конце июня 1914 года, Ахтырский полк прибыл в Красное Село. После окончания эскадронных и ротных маневров, 12 июля состоялся Высочайший смотр войск, где ахтырские гусары удостоились царского: «Спасибо!» Но это было только началом. Великая Княгиня Ольга Александровна попросила Главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа Великого Князя Николая Николаевича, который был великолепным знатоком кавалерийского дела, проверить выучку полка.

И тогда полк остался один на Красносельском поле и продемонстрировал все, на что был способен. Полк размыкался и складывался, как гармошка, показывая всевозможные варианты перестроений для атаки с учетом местности в зависимости от построения противника: была ли это сомкнутая или растянутая в цепи пехота, демонстрировались также действия против конницы.

Причем все это происходило на широких аллеях и без малейших ошибок, ломки фронта и каких-либо замешательств. Казалось, весь полк превратился в один четко отлаженный и сработанный механизм. Великий Князь Николай Николаевич пришел в восторг, благодарил весь полк и, обращаясь потом отдельно к офицерам, сказал, что давно не испытывал такой радости, видя выучку полка, и он уверен, что Ахтырский полк покроет новой славой свой старый штандарт.

За отличную выучку полка и заслуги перед Отечеством командир полка полковник Н.В. Трингам Высочайшим повелением был произведен в генерал-майоры.

Однако уже в ту ночь был получен приказ о срочном возвращении на зимние квартиры. В полночь приехала Великая Княгиня Ольга Александровна, чтобы проводить и благословить полк иконой Ахтырской Божией Матери.

В 2 часа 40 минут началась погрузка первого эшелона. Находясь уже в пути, 16 июля полк получил приказ о мобилизации и, не заходя к себе на квартиры в Меджибуж, проследовал на Юго-Западный фронт, где разворачивались четыре русских армии и где в районе Проскурова находилась его 12-я дивизия. Стародубовские драгуны, белгородские уланы, оренбургские казаки и присоединившиеся к ним ахтырцы были выдвинуты южнее линии Красник

– Владимир-Волынский – Проскуров, вдоль австро-венгерской границы.

Перед дивизией на первом этапе войны ставились задачи произвести разведку приграничного района и прикрыть развертывание 8-й армии. Надо отметить, что блестящая работа русской кавалерии полностью ввела в заблуждение австрийское командование. Разворачивание 8-й русской армии Брусилова и направленность ее удара на Львов остались вовсе незамеченными противником.

Двадцать шестого июля 1914 года 3-й Уфимо-Самарский Оренбургского казачьего войска полк под командованием полковника Геврасия Жукова первым вышел на австрийский берег Збруча, и уже 6 августа австрийцы испытали на себе сокрушительный удар казачьей лавы. С гиканьем и песнями весело неслись казаки в атаку.

То не соколы крылаты
Чуют солнечный восход,
Оренбургские казаки
Собираются в поход.

Параллельно с 12-й кавалерийской дивизией стремительно развивала наступление 2-я Сводная казачья дивизия Павлова. 8 августа через Збруч переправились корпуса армии Брусилова и 10-го был занят Тарнополь. Разворачивалась одна из операций гигантской Галицийской битвы – сражение на Золотой Липе.

Тринадцатого августа отличился Ахтырский полк. Находясь в авангарде дивизии, полк начал наступление на позиции австрийцев у деревни Демни. Сочетая конный и пеший порядки, гусарам удалось выбить противника с занимаемых позиций. Заметив приближение австрийской драгунской бригады, в атаку пошел 2-й эскадрон ахтырцев, ведомый командиром ротмистром Борисом Аркадьевичем Панаевым.

Раненый в ногу, он продолжал возглавлять атаку. На плечах австрийских драгун эскадрон ворвался в деревню, прошел ее, прорвался под сильным огнем через мост и плотину. Выйдя из деревни, ротмистр Панаев был вторично ранен, теперь в живот, но продолжал

вести эскадрон по крутому подъему к лесу, где засели австрийцы. Влетев в лес, гусары продолжали рубить австрийцев, но были остановлены проволочными заграждениями. Командир приказал рубить проволоку, но пал, сраженный еще двумя пулями в сердце и в висок. Эскадрон выполнил свою задачу, захватив в плен трех офицеров, 152 нижних чина и 37 лошадей. Противник, неся большие потери, отошел. Ротмистр Борис Панаев оказался единственным убитым с нашей стороны и стал первым Георгиевским кавалером, награжденным посмертно.

Выйдя к реке Коропец, 8-я армия Брусилова попрिдержала свои боевые порядки, наблюдая за левым флангом, соприкасавшимся с 3-й армией Рузского. В 3 часа ночи 15 августа Брусилов продолжил наступление. 12-й дивизии Каледина предписывалось идти в авангарде и выдвинуться на рубеж города Нараюв. Продолжая наступление, 17 августа Ахтырский полк наткнулся на наступающие цепи противника у села Руды. 1, 3, 5 и 6-й эскадроны спешились, вошли в лес и увидели густые цепи австрийцев и отступающий 1-й батальон 45-го пехотного Азовского полка. Гусары с близкой дистанции открыли огонь, потом вместе с пехотой контратаковали противника, заставив отступить. В этот же день отличились и оренбургские казаки при переправе через Гнилую Липу у деревни Подгородзи. Умело скорректировав огонь приданной дивизии донской батареи, казаки вышибли противника с противоположного берега и закрепились там, обеспечивая проход пехоте. 21 августа в бою под деревней Сокольники опять отличились оренбуржцы.

Также в пешем строю они атакуют австрийцев, преодолевая проволочные заграждения, и выбивают их с занятой позиции. 25 августа казаки прочно удерживают контратакующего противника у деревни Гуменец до подхода эскадронов Стародубовского полка. Унтер-офицеры и рядовые казаки: Дубков, Потапов, Игуменцев, Лаврентьев и другие зарабатывают первые Георгиевские кресты, став в дальнейшем полными кавалерами этой главной солдатской награды.

Двадцать восьмого августа австрийцы по всему фронту переходят в наступление. Завязывается встречный бой. 29 августа в очень сложное положение попадает 48-я пехотная дивизия генерала Корнилова. Австрийцы действовали на пределе возможного и бросили

в бой свежий мадыарский корпус, удар которого пришелся на полки дивизии Корнилова. Корнилов был охвачен с трех сторон и отброшен за Гнилую Липу, потеряв 18 орудий. 12-й дивизии Каледина было приказано идти спасать пехоту. Причем, приказ Брусилова звучал буквально так: «12-й кавалерийской дивизии – умереть. Умирать не сразу, а до вечера!» Каледин, спешив три полка, начал бой, оставив в резерве Ахтырский полк. Противник сосредоточил всю силу своего огня против наступающих. Спешенные полки сцепились с врагом в рукопашной схватке. Каледин, чтобы спасти остатки нашей пехоты и спешенных полков, принимает решение бросить в атаку в конном строю гусар.

Командир ахтырцев генерал-майор Н.В. Трингам спокойно командовал: «Шашки, пики к бою, атака на пехоту повзводно, по два взвода в одну шеренгу, на 100 шагов дистанции рысью, а затем галопом, марш-марш». Австрийцы, заметив приготовления полка к конной атаке, переносят весь огонь на гусар. Четыре эскадрона гусар, невзирая на сильный пулеметный огонь и рвущуюся шрапнель, в конном строю энергично атаковали наступавшую пехоту, обращая австрийцев в паническое бегство. Полк потерял убитыми: командира полка, 3-х офицеров, в том числе второго из братьев Панаевых – штаб-ротмистра Гурия Аркадьевича, и 44 гусара. Ранено было – 5 офицеров, 72 гусара и 14 пропавших без вести, лошадей убито 67, ранено 77. В связи со смертью командира, командование полком принял полковник Николай Одинцов.

Начальник полковой учебной команды штаб-ротмистр Гурий Аркадьевич Панаев в ходе атаки увидел, что под одним из гусаров убита лошадь, а сам он ранен. Гурий соскочил с коня, перевязал раненого и посадил в седло. Сам же, взяв другую лошадь, устремился в атаку и был убит. Как и его брат Борис, он был посмертно награжден орденом Св. Георгия.

Генерал Каледин лично приехал в полк и поблагодарил каждый эскадрон, участвовавший в атаке, поклонился и сказал: «Вы спасли положение, вам все обязаны, вашей атакой выиграно дело, сердечное спасибо вам господа. Большие потери, ужасно тяжело».

Воли Твоей мы не ведали,
Имя Твое исповедали
Верую Руси святой.
Свет Твой, отчизне порученный,
Да воссияет вселенной,
Кровью запечатленный,
Сговор наш с глыбой сырой.
Ибо единым Тобой
Русь во святых именуется,
Светом Твоим знаменуется, –
Царство Твое не минуется:
Дай нам Свой мир совершенный!
Русь нашей кровью омой!
Дай во святых нам покой!

Вячеслав Иванов.

Плач по убиенным воинам

Вся 12-я дивизия отличилась в этот день, потери были действительно большие, но дух полков был настолько высок, что казалось, ничего невозможного для них нет.

В то время, как Маннергейм со своей Гвардейской бригадой дрался в операции под Красником – на правом фланге Юго-Западного фронта, левый фланг отличился в боях на Золотой и Гнилой Липах и приступил к Галицко–Львовской операции, завершившейся взятием Львова, Галича и Станислава. Вот выдержки из официальной телеграммы Петроградского телеграфного агентства от 7 октября (обратите внимание, насколько поздно в печать попадали сведения с фронтов – Львов взят 3 сентября, Галич – 2-го): *«Львов, 7 окт. Из Станислава и Галича сообщают, что Станислав достался русским не поврежденным. Жизнь в городе быстро восстанавливается. Недостатка в предметах первой необходимости нет; цены нормальные; порядок поддерживается временной городской милицией. Функционирует магистрат. Головой временно утвержден поляк, бывший вице-бургомистр, встретивший вместо бежавшего бургомистра русские войска при их вступлении в город. В Галиче, напротив, жизнь замерла; продуктов нет;*

австрийцами выжжен еврейский квартал и взорван красивый железный мост через Днестр; осталась неповрежденной историческая церковь, построенная на фундаментах времен Галицких князей. Богослужения пока не совершаются, ибо священник вместе с семьей в начале войны арестован и отведен в глубь Австрии. В числе арестованных австрийцами в Галиче находилось 25 интеллигентов».

Была взята в осаду мощнейшая австрийская крепость Перемышль. Затем последовало Городокское сражение. Здесь в лихих атаках в конном строю особо отличились и белгородские уланы, и оренбургские казаки 12-й дивизии. В тяжелейших встречных боях, продолжавшихся 6 дней, австрийские войска потерпели полное поражение.

Двенадцатая дивизия была первой среди регулярной кавалерии, где именно в этих тяжелых боях в Галиции в оренбургском казачьем полку появился первый полный Георгиевский кавалер среди казачьего воинства – Иван Васильевич Пашнин. Как известно, первую награду – Георгиевский крест в эту войну получил донской казак Кузьма Крючков. Но если на долю донцов выпала честь получить первый крест, то оренбуржцу Пашнину удалось первому из всей кавалерии и казаков получить четыре Георгия. Кроме того, Главнокомандующий армией Великий Князь Николай Николаевич, ценя заслуги Пашнина перед Царем и Родиной, повелел наградить казака еще и великолепным скакуном. А от всего Войска Оренбургского ему была преподнесена почетная шашка с украшенными золотом ножнами и надписью на клинке: «3-й военный отдел Оренбургского казачьего войска своему доблестному сыну, первому из всей кавалерии и казаков Георгиевскому кавалеру всех четырех степеней, старшему уряднику Миасской станицы Ивану Васильевичу Пашнину, 1914 год».

В памятном для дивизии бою 29 августа 1914 года отличились многие офицеры и солдаты. Третий из братьев Панаевых – Лев Аркадьевич, штабс-капитан, командир 5-го эскадрона Ахтырского полка «личным примером довел эскадрон до удара холодным оружием, несмотря на встречные окопы и убийственный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь противника». Так было записано в его представлении к награждению золотым Георгиевским оружием с надписью «За храбрость». После боя Лев Панаев был произведен в ротмистры.

В числе награжденных за этот бой золотым оружием был и потомок Лермонтова – Владимир Михайлович Лермонтов, ротмистр, командир 6-го эскадрона ахтырцев.

В бою отличились и другие казаки-оренбуржцы. Будущий полный Георгиевский кавалер Федор Потапов, командуя взводом первой сотни полка, в конном строю атаковал противника, увлек за собой пехоту и захватил в плен пеший взвод противника при офицере (Приказ по 8-й армии № 464 о награждении Георгиевским крестом 3-й степени).

Перейдя Днестр, 12-я дивизия устремилась вперед, к Карпатам. К 25 сентября дивизия достигла рубежа реки Сан.

На львовском направлении австрийские войска были полностью деморализованы. В самой Австрии бесконечно проходили митинги, выражающие неудовольствие и самой войной, и тем, как она ведется. По сообщениям Петроградского телеграфного агентства, огромные демонстрации прошли в Вене, при этом митингующие забрасывали камнями здание военного министерства Двуетидной монархии, требуя выхода Австрии из войны; в Инсбруке демонстранты сожгли выставленные в окна портреты генерала Гетцендорфа (генерал-полковник Конрад фон Гетцендорф, начальник Генерального штаба Австро-Венгрии в 1906–1917 годах). Империя стояла на грани развала. Как сообщало то же Петроградское телеграфное агентство, по заявлению одного из лидеров венгерской оппозиции, любой исход войны будет губителен для Венгрии.

Галицийская битва отмечена превосходной работой нашей конницы. С самого начала удачными маршами она скрыла от противника разворачивание 8-й армии, да и затем, действуя с отвагой и бесстрашием в пешем или конном строю, славные полки 12-й дивизии не уронили, а только преумножили славу своих предков. Белгородцы и оренбургские казаки отличились и в первые дни, и в Городокском сражении; стародубовские драгуны первыми ворвались во Львов, ахтырцы были выше всех похвал. Да и всю остальную кампанию в Галиции и в Карпатах дивизия работала отлично.

В целом боевой состав австрийских армий уменьшился на 45%, и общие потери составляли около 336000 человек. Наши потери были тоже значительны – в среднем до 4500 человек на дивизию.

Общая убыль в армиях Юго-Западного фронта к окончанию Галицийской битвы составила 233000 человек, в том числе пленными 44000. В свою очередь, русские армии взяли в плен около 120000 австрийцев, 8 знамен, 640 орудий и 220 пулеметов.

8 сентября севернее Львова, в районе города Жолква (ныне Нестеров Львовской обл.), выдающийся военный летчик штабс-капитан П.Н. Нестеров, возглавлявший 11-й авиационный отряд Юго-Западного фронта, на самолете «Моран» впервые применил в воздушном бою таранный удар, уничтожив самолет противника, но при этом погиб и сам.

Несмотря на значительный успех операции, понесенные в боях крупные потери, а также возникшие трудности регулярного снабжения армий Юго-Западного фронта резервами в результате плохого железнодорожного сообщения тыла с фронтом и использования в основном конного транспорта, что порождало хаос в снабжении, вынудили русское командование 21 сентября прервать наступательную операцию для обустройства тыла и накопления запасов. Командующий 8-й армией Брусилов писал по поводу неудовлетворительной организации работы тыловых органов: *«Руководство маршами обозов совершенно отсутствует, никаких расчетов не делается вообще, обозы двигаются никем не управляемые. Между тем марш обозов требует еще большего управления, еще более внимательного расчета, чем марш войсковых колонн».*

Вынужденная остановка русских войск позволила противнику совершить перегруппировку сил и осуществить переброску нескольких германских дивизий на разваливающийся в Галиции австрийский фронт. Так в район Кракова сотнями поездов доставлялась 9-я германская армия, а южнее, для прикрытия Галиции, был срочным порядком переброшен ландверный корпус Войрша.

Русские силы в Галиции, состоящие из 3 и 8-й армий, были объединены под общим командованием Брусилова, решившего дать сражение. 24 сентября была предпринята очередная попытка штурма осажденного Перемышля, окончившаяся неудачей.

Двадцать шестого сентября перегруппировавшиеся и усиленные германскими дивизиями австро-венгерские армии перешли в на-

ступление в Галиции. Началось упорнейшее 25-дневное Хыровское сражение. Каждый день австрийцы переходили в наступление, и каждый день их яростные атаки отбивались. 18 сентября в бою под деревней Топольница особо отличились казаки 12-й кавалерийской дивизии. Между тем газеты писали:

«От штаба Верховного Главнокомандующего.

6 октября существенных перемен не произошло. Наши войска находятся частью в тесном соприкосновении, а частью в бою с неприятелем на фронте от реки Зуры до Серыя и в восточной Пруссии южнее Перемышля. Наши войска продолжают забирать толпы пленных. Один австрийский батальон сдался полностью со всеми офицерами и пулеметами».

Двадцать второго октября наступление австрийцев выдохлось, столкнувшись с отчаянно мужественным сопротивлением русских войск. Начался их отход. Сражение закончилось.

Двадцать шестого октября Брусилов переходит в наступление. В первых же боях отличилась и 12-я кавалерийская дивизия, действовавшая на стыке и флангах 65 и 34-й, а также 65-й пехотных дивизий в районе села Туржа, затем 1 ноября у села Борыня. Таким образом, две армии – 3-я Радко Дмитриева и 8-я Брусилова, вышли к Дунайцу и достигли предгорий Карпат. В продолжение наступления 12-я кавалерийская дивизия имела еще несколько отменных авангардных дел, среди которых можно отметить оренбургских казаков, отличившихся 4 декабря у села Творильня. Передовой разъезд Уфимо-Самарского полка из 8-и человек во главе со старшим урядником Калистратовым налетел на встречный разъезд австрийской кавалерии в 20 человек, разгромил его, захватил двух пленных и семерых коней, не потеряв при этом ни одного человека. Результатом наступления Брусилова был захват одного из важнейших карпатских перевалов – Лупковского, что означало получение контроля над всеми Карпатами. 48-я дивизия генерала Корнилова даже вырвалась на равнины Венгрии, но под давлением противника была вынуждена отойти назад в Карпаты.

Противник, перебросив резервы с Западного фронта (германский корпус Пфайфера), попытался нащупать ахиллесову пяту русской обороны Карпат и весь декабрь отчаянно стремился сбросить русские

полки с оседланных ими перевалов. В труднейших условиях горной местности и плохой погоды доблестным русским войскам удалось переломить наступление врага и скинуть его назад с Карпат. Правда сил для преследования уже не было. Сказывались и недостаток снарядов, и чрезвычайное истощение войск, и невозможность широкого использования конницы в горах, да еще в условиях зимы. В двадцатых числах декабря Карпатский фронт замер в глубоком снегу.

Германское командование, прекрасно понимая всю губительность ведения войны на два фронта, из-за провала основного плана Шлиффена-Мольтке, о котором мы уже упоминали неоднократно, и пользуясь молчаливым согласием союзников России по Антанте – Франции и Великобритании о переходе к позиционной войне, поставило перед собой главную задачу на эту кампанию: разгромить и полностью вывести из войны Россию. Наступал самый тяжелый для Русской армии год – пятнадцатый – Год Великого отступления, как потом его назовут историки. Год, когда России пришлось взять на себя всю тяжесть Мировой войны и выстоять неизмеримо тяжелой ценой.

Германцы еще более усиливают свою карпатскую группировку, перебрасывая сюда группу Марвица и образовывая специально для прорыва Южную германскую армию под командованием Линзенгена. 7 января начинается наступление. Упорнейшие бои – по пояс в снегу, зачастую на одних штыках, шли весь месяц. В тяжелом оборонительном сражении Брусилову удалось снова отстоять Карпаты. 12-я кавалерийская дивизия прикрывала левый фланг VIII армейского корпуса, и 12 января Брусилов контратаковал австро-германцев. 15–16 января дивизия Корнилова овладевает перевалом Черемша, а 23 января VIII армейский корпус вместе с 12-й дивизией захватывает Мезо Лаборч – один из ключевых пунктов обороны противника, взяв при этом в плен 108 офицеров и 6000 солдат. В этих тяжелых боях за горные перевалы 19 января 1915 года погиб последний из трех братьев Панаевых, служивших в Ахтырском полку – ротмистр Лев Аркадьевич Панаев. Как и два его старших брата, он посмертно стал кавалером ордена Св. Георгия. В указе о награждении было сказано, что ротмистр Лев Панаев в бою 19 января 1915 года, «командуя эскадроном, несмотря

на сильный ружейный огонь противника, проявил выдающееся мужество, и увлекая своим примером других, первым бросился на неприятельский окоп, выбил противника и занял господствующую высоту, причем смертью запечатлел свой подвиг».

О, сделай, Господи, скорбь нашу светлую,
Далекой гнева, боли, мести,
А слезы – тихой росой предрассветной
О нем, убиенном на поле чести.

Свеча-ль истекает, Тобою зажженная?
Прими земную и, как невесте,
Открой поля Твои озаренные
Душе убиенного на поле чести.

З. Н. Гиппиус. На поле чести

За несколько дней до гибели Льва Панаева к командующему 8-й армией Брусилову представился младший из братьев – лейтенант флота Платон Аркадьевич Панаев, с просьбой зачислить его также в 12-й Ахтырский полк. Его просьба была сначала удовлетворена, но по получении известия о гибели третьего брата Платон Панаев был отозван из действующей армии и направлен на службу в одно из учреждений морского ведомства в Петрограде. Это не удовлетворило его, и он повторно просится перевести его, но уже на действующий флот. На этот раз его рапорт принят.

Год спустя, 2 апреля 1916 года, Император Николай II подписал отдельный рескрипт, целиком посвященный семье Панаевых, в котором говорилось:

«Братья Панаевы, проникнутые сознанием святости данной ими присяги, бесстрашно исполнили долг свой до конца и отдали жизнь свою за Царя и Родину.

Все три брата награждены орденом Св. Георгия 4-й степени, и их смерть в открытом бою является завидным уделом воинов, ставших грудью на защиту Меня и Отечества.

Такое правильное понимание своего долга братьями Панаевыми

всецело отношу к их матери, воспитавшей своих сыновей в духе беззаветной любви и преданности к престолу и Родине.

Сознание, что дети ее честно и мужественно исполнили долг свой, да наполнит гордостью материнское сердце и поможет ей стойко перенести ниспосланное свыше испытание.

Признавая за благо отметить заслуги передо Мною и Отечеством вдовы полковника Веры Николаевны Панаевой, воспитавшей героев сыновей, жалую ее, в соответствии со ст. 8-ю Статута знака отличия Св. Равноапостольной Княгини Ольги, сим знаком 2-й степени и пожизненной ежегодной пенсией в 3000 рублей.

Пребываю к Вам благосклонный

Николай».

Знак отличия Св. Ольги был учрежден незадолго до войны и предназначался исключительно женщинам. Но выдан был лишь один раз. Его получила Вера Николаевна Панаева, как мать «героев, оказавших подвиги, достойные увековечивания в летописях Отечества».

Весь январь и начало февраля на Юго-Западном фронте прошли в упорных боях местного значения, не прекращавшихся ни на один день. 8-я армия усиливается переброской XVII корпуса, вставшего рядом с VIII. Таким образом, 12-я кавалерийская дивизия отходит левее и совместно с Туземной кавалерийской дивизией прикрывает участок между XVII и VII корпусами, продолжая вести тяжелые бои. Усиление войск Юго-Западного фронта продолжается во исполнение плана русского командования, наметившего себе на 1915 год прорыв в Венгрию.

С этой целью в Галицию перебрасывается Гвардейская бригада Маннергейма, которая прибывает во второй половине февраля и становится под Самбором. По прибытии бригады последовало практически моментальное назначение Маннергейма на должность начальника 12-й кавалерийской дивизии. С 19 февраля он становится исполняющим обязанности, а 24 июня уже окончательно назначен начальником дивизии. В это время 12-я дивизия вела тяжелые бои в Карпатах. 28 февраля отличились казаки дивизии под командованием вахмистра 3-й сотни полного Георгиевского кавалера еще за Японскую войну Василия Ивановича Пономарева.

В бою под деревней Герамино они захватили господствующую высоту, окружили и взяли неприятельский обоз и 46 пленных.

Маннергейм немедленно выехал в расположение дивизии, позволив себе только накоротке переговорить с командующим II кавалерийским корпусом, куда входила, кроме дивизии Маннергейма, еще и Туземная дивизия, генералом Ханом Нахичеванским. Оба выходцы из гвардейской кавалерии, они знали друг друга давно. Вообще, кавалерийских корпусов, как таковых, в начальный период войны практически не существовало. Созданные задолго до войны крупные конные соединения в виде корпусов по непонятным причинам были расформированы. Бытовало мнение, что использование крупных конных масс не потребуется. Отсюда и неудачи в организации прорывов фронта противника, поначалу успешных, но не получивших достойного развития и в преследовании врага при стремительном наступлении русских.

Когда убедились в необходимости воссоздать кавалерийские корпуса, то, как обычно по-русски, делали это с бору по сосенке, хватая и объединяя то, что было под рукой, при этом постоянно тасуя конные дивизии в составе корпусов, как карты в колоде. Подобная чехарда происходила и в пехоте: при этом от одной армии другой, от одного фронта другому передавались как отдельные пехотные корпуса, так и отдельные дивизии. Что уж говорить о коннице! Отследить состав конных корпусов на протяжении четырех лет войны практически невозможно. Они появлялись и исчезали, и снова возрождались в совершенно новом составе. Помимо этого, продолжалось периодическое создание каких-то отрядов, объединявших в себе отдельные дивизии, бригады и даже полки. Вся эта бестолковщина очень напоминала времена Русско-Турецкой (последней) и Русско-Японской войн – то же хаотическое нагромождение частей, та же путаница в номерах дивизий и корпусов.

Поскольку 12-я кавалерийская дивизия соседствовала с Туземной дивизией на данном отрезке боевых действий, хотелось бы несколько слов сказать об этом, на первый взгляд, весьма экзотическом воинском соединении. Кавказская Туземная дивизия была сформирована в начале войны под командованием брата Государя

Великого Князя Михаила Александровича и включала в себя шесть полков: Кабардинский, 2-й Дагестанский, Татарский, Чеченский, Черкесский и Ингушский. Солдаты этих полков назывались всадниками, и все были добровольцами, принадлежавшими к тем горским народам, названия которых носили перечисленные полки.

Каждый из всадников получал жалованье в размере 25 рублей в месяц, довольствие, вооружение и экипировку, за исключением пашки и кинжала, которые они приносили из дома. Так как большинство всадников-горцев не знали ни русского языка, ни основ строевой службы, то в полках с начала их формирования на должностях вахмистров и урядников находились или строевые казаки кавказских казачьих полков, или горцы, ранее служившие в кавалерии. Все всадники были прирожденными воинами, смотревшими на войну, как на дело чести и настоящее занятие для мужчины. Офицерский состав полков также отличался необыкновенной пестротой. В шести полках, каждый из которых состоял из 4-х сотен, служили офицеры гвардейской и армейской кавалерии, артиллеристы, пехотинцы и даже моряки. Только при производстве в следующий чин, уже состоя в дивизии, они получали воинские звания по кавалерии.

Вместе с представителями благороднейших фамилий Кавказа – князьями Багратиони, Чавчавадзе, Дадиани, Орбелиани, султаном Бекович-Черкасским, ханами Шамхалы-Тарковским, Эриванским, служили русские гвардейцы – князья, графы и бароны – Гагарин, Вадбольский, Святополк-Мирский, Келлер, Воронцов-Дашков, Толстой, Врангель и даже принц Наполеон-Мюрат. Но здесь же были совсем полудикие и неграмотные прапорщики горской милиции из глухих аулов, храбрые и достойнейшие в своей среде люди, в которых офицерского только и было, что звездочки на погонах.

Полки Туземной дивизии были мало пригодны к сидению в окопах и пешему бою, в котором очень часто приходилось принимать участие кавалерийским частям. Во-первых, горцы считали сидение в земле недостойным делом для настоящего джигита, а во-вторых, многие не понимали русских цифр на прицельной планке винтовки, поэтому не могли правильно выставить нужное для стрельбы расстояние и фактически палили впустую, не причиняя противнику особого вреда. Кроме того,

конский состав дивизии был весьма плох из-за небрежного отношения наездников к лошадям. Они абсолютно не ухаживали за конями, так как на Кавказе эта обязанность лежала на женщинах, седловка коней была такова, что всадник постоянно не столько сидел на лошади или стоял на стременах, сколько держался за повод. Поэтому горских лошадей называли «звездочетами» – они при малейшем нажатии повода на рот тут же запрокидывали голову. А из-за постоянного употребления нагайки кони в горских полках боялись каждого резкого движения всадника. Да и редко можно было увидеть всадника-горца, чтобы он ехал шагом – обычный аллор горцев был галоп или быстрая рысь, что неизменно вело к изматыванию конского состава.

Эти полки на походе представляли собой живописное зрелище: длинной вереницей, плохо соблюдая строй, тянулись сотни людей на совершенно разных конях, одетые, кто во что горазд. На ком-то была бурка, кто-то ехал в черкеске, в кожаной куртке или гимнастерке. Каждый всадник носил винтовку, как ему хотелось: справа, слева, за спиной, стволом вверх или вниз, а то и просто приторочив ее к седлу. К войне они относились чисто по-азиатски. Всякого жителя неприятельской территории они считали врагом, со всеми вытекающими из этого обстоятельствами, а его имущество – своей законной добычей. В плен они не брали вовсе, а тут же рубили головы всем сдающимся. Именно поэтому дивизия наводила ужас на противника и с его легкой руки получила прозвище «дикая». Ее бешеных и лихих атак австрийцы были не в состоянии выдержать и панически боялись. Да и на самом деле это было страшное и незабываемое зрелище. Хотя в основном дивизия перемещалась с места на место вдоль австрийского фронта, закрывая собой прорывы противника или выскакивала передовой частью в наступление.

Вот и сейчас двум дивизиям – 12-й Маннергейма и Туземной князя Багратиона (он замещал отсутствовавшего Великого Князя Михаила) предстояло перейти в наступление в Карпатах.

Первого марта командующий Юго-Западным фронтом Иванов отдал директиву 3-й армии наступать на Гуменное, 8-й – на Ужок, 9-й – на Мармарош. Наступление могло начаться лишь 7 марта, так как 9-я армия не была еще до конца сформирована.

С 6 марта на фронте армий Радко Дмитриева и Брусилова начались упорные бои. Шаг за шагом, день за днем они теснили противника, захватывали перевал за перевалом, высоту за высотой, опрокидывали врага внезапными ночными атаками, втаскивали на руках на горные кручи орудия и отбивали яростные контратаки.

Пока 3 и 8-я армии штурмовали Карпаты, по-прежнему продолжалась осада Перемышля. 5 марта гарнизон крепости предпринял отчаянную вылазку, которая была отражена. Истоцив свои силы на оборону, австрийский командующий генерал Куманек взорвал свои укрепления и боезапас, а утром 9 марта сдался со своей армией в 125000 человек при 1050 орудиях. Падение Перемышля обрадовало всю Россию. Освобождались два корпуса и усиливали собой Карпатские армии.

Поскольку использовать кавалерию в наступательных боях на карпатских перевалах было невозможно, то было принято решение сосредоточить ее на левом фланге 9-й армии на Днестре. Два конных корпуса – II, им командовал генерал Хан Нахичеванский, впоследствии назначенный командовать Гвардейским кавалерийским корпусом, сосредоточился у Залещиков и III, графа Келлера, бывшего начальника 10-й дивизии, – у Хотина.

II корпус по-прежнему состоял из дивизии Маннергейма и Кавказской Туземной дивизии. Чуть позднее к корпусу присоединилась и 9-я кавалерийская дивизия, освободившаяся из-под Перемышля. Оба конных корпуса неоднократно блестяще атаковали на левом фланге 9-й русской армии пытавшейся обойти противника.

Тридцатого марта 3 и 8-я армии форсировали Карпаты и вступили на венгерскую землю. Последовал приказ остановиться и перейти к обороне. Потери неприятеля были огромны – до 400000 человек, но и русским армиям вся операция стоила 200000 жизней.

Девятая армия продолжала атаковать в Заднестровье. 12-я кавалерийская дивизия Маннергейма 18 марта удачно произвела форсирование Днестра левее Залещиков, где река делает петлю. Первыми переправились казаки, которые обеспечивали обхват противника с флангов в начале лобовой атаки, затем ахтырские гусары, и лишь после этого, нанесли удар обе донские батареи, приданные дивизии. В атаку

пошли оставшиеся два полка – стародубовцы и белгородцы. Плацдарм на другом берегу был моментально захвачен и расширен. Однако дальнейших действий по продвижению вперед Маннергейм предпринимать не стал. Посылаемые им запросы о помощи как в огневой поддержке артиллерией большого калибра, так и в людских резервах оставались без ответа. Зато в этот день особо отличился III конный корпус генерала Келлера под Хотиным. Ему достались все лавры победы. Была наголову разбита и отброшена за Прут 42-я венгерская пехотная дивизия. Потери противника составили до 20000 пленными. На долю графа Келлера пришлось 33 офицера и 2100 нижних чинов.

Двое суток на захваченном плацдарме Маннергейм отбивался от наседавшего противника, который естественно ожидал дальнейшего развития наступления русских и готовился к серьезной обороне, подтягивая тяжелую артиллерию и резервы. Осознав, что русские не собираются продолжать наступление, германцы начали обходить дивизию и готовиться к ее окружению и уничтожению. Нужно было спасти людей.

Когда Маннергейм понял, что помощи ждать неоткуда, собственные силы тают, батареи остались практически без снарядов, и начинается окружение, он принял решение отступать. Арьергард составили ахтырцы и две донские батареи, вставшие на прямую наводку. Дивизия без потерь была отведена на левый берег Днестра.

Нас обошли и жали с тыла,
Снаряды близились к концу,
И стала смерть лицом к лицу
И пульей вражеской завывла.
Шумели громко хвастуны,
Молчали храбрые устало,
И пламя черное войны
На горизонте клокотало.
В разбитой хижине к утру
Совет составил случайный,
И не было уж больше тайной,
Что с первым солнцем я умру.

В дырявых сумках эскадрона
Остаток скудный наскребя,
Я молча разделил патроны,
Один оставил для себя.
Тогда в минуты роковые,
Как будто гибели назло,
Тогда, клянусь, меня впервые
Такое счастье обожгло,
К такой свободе полноводной
Душа прильнула наяву,
Что новый день, как смерть свободный,
Стал днем живых. И я – живу!

В. Корвин-Пиотровский, 1915 г.

Что это было? Отвлекающий маневр командующего армией Лечицкого, о котором Маннергейма как начальника дивизии не поставили в известность, или обычное русское головотяпство и желание графа Келлера забрать все лавры победы себе, не думая о других? Ответ на этот вопрос неизвестен. Судя по мемуарам Маннергейма, он это списывал на плохие отношения между военачальниками, когда главенствующую роль играли личные отношения, а не тактические соображения. Можно опять вспомнить эпизод, связанный с генералами Ранненкампом и Самсоновым, ставший легендой в войсках, и закончившийся поражением 2-й русской армии в Мазурских лесах Восточной Пруссии. Может все-таки графу Келлеру как командующему целым корпусом было виднее, как распорядиться резервами, и он смог в этом убедить генерала Лечицкого, чего не смог сделать Маннергейм. Граф Келлер, к сожалению, не оставил мемуаров – он был расстрелян петлюровцами в Киеве, в 1918 году. Тем не менее успех дивизии Маннергейма был также очевиден – взято в плен: 21 офицер, 1000 нижних чинов и 8 пулеметов противника.

Однако за всей кажущейся грандиозностью событий в Карпатах Ставка Верховного Главнокомандующего проглядела опасность, таящуюся на правом фланге наступавших армий Юго-Западного Фронта. Увлеченная успехами наступления, она не заметила, что практически

три русские армии (3, 8 и 9-я) полностью втянулись в горы, оставив на правом фланге лишь два корпуса в районе Горлицы. Против шести ослабленных дивизий этих двух корпусов противник сосредоточил 16 свежих. Только с Западного фронта в строжайшей тайне даже от союзников-австрийцев германцы перебросили сюда 14 дивизий. Превосходство противника было двойным в артиллерии и полуторным в пехоте, а на участке прорыва – в 4 и 2 раза соответственно. Если принять во внимание «снарядный голод» русских артиллерийских батарей, то превосходство в огневой мощи было в 50 раз. Командующий 3-й армией генерал Радко Дмитриев чувствовал катастрофу, нависшую над его корпусами, и просил Ставку разрешить заблаговременный отход и перегруппировку, дабы удар противника пришелся впустую, а русские армии получили бы возможность, время и место для подготовки контрудара. Но Ставка и слышать ничего не хотела об отходе.

На рассвете 19 апреля германцы обрушили свой удар на русские корпуса на Дунайце и у Горлицы. Тысячи орудий затопили огнем морем позиции, после чего массы пехоты двинулись вперед. Но полузасыпанные землей русские полки поднялись и спружинили первый удар, предотвратив полную катастрофу. Тем не менее события развивались трагически для русских. Медленно, но верно, огрызаясь отчаянными контратаками, дивизии отходили, обнажая фланги карпатских корпусов. В результате этого положение последних становилось все более критическим. Германцы расчетливо вгоняли клыки своих дивизий во фланги растянутых по Карпатам сил русских. Одни успевали отойти, другие уже попадали в окружение. 48-я дивизия генерала Корнилова, прорываясь из окружения, потеряла 5000 человек из 7000, но вынесла все знамена. Сам Корнилов был тяжело ранен и попал в плен. Отходила 3-я армия, за ней начала отход 8-я и вновь образованная 11-я.

Оставшаяся 9-я армия генерала Лечицкого, куда входили, вновь образованный из Заамурских полков XXXIII корпус, а также XI и XXX армейские, II и III конные корпуса, стояла вдоль Днестра. Спасая положение, Ставка решила использовать V кавказский корпус, который специально был собран в портах Черного моря и предназначен для проведения десантной операции на Константинополь. Этой операцией, которой так никогда и не суждено было осуществиться,

Россия планировала захватить практически беззащитный Босфор и овладеть Константинополем – Стамбулом. Все предпосылки для этого были. Полное превосходство Черноморского флота над турецко-германским, тем более, что флагман германского флота в Черном море был вторично подбит и не выходил в море. Оставалось посадить пехоту на корабли, и вечный спор за проливы был бы закончен. С образованием турецкого фронта Россия была вообще изолирована от окружающего мира и, в первую очередь, от союзников. Это в основном сказывалось на ее экономике – промышленность России не справлялась с теми задачами, которые ставила перед ней война. Прорыв России на Босфор менял бы обстановку кардинально. Но Ставка решила по-другому. Вместо того, чтобы взять из 9-й армии новый XXXIII корпус и ввести его в дело на самом опасном участке 3-й армии, а в Западнестровье ограничиться демонстрацией и атаками конных корпусов, не отменяя десантную операцию в Константинополь, было сделано как раз обратное. Десантный V Кавказский корпус был срочно переброшен в 3-ю армию.

Одновременно 9-й армии Лечицкого было приказано перейти в наступление вдоль Днестра, что она и сделала 26 апреля. XI армейский корпус начинает наступление в направлении Станислава, XXXIII, XXXII и XXX армейские корпуса атакуют Заболотов и Коломею. III конный корпус графа Келлера разыгрывает собственную партию у Баламутовки и Ржавенцев, взяв в качестве трофеев 4000 пленных и 10 орудий. Маннергейму поручается следующая задача: обеспечить прикрытие пехотного корпуса, наступающего на Коломею. Для ее выполнения временно создается новый конный корпус, куда вошли: 12-я кавалерийская дивизия, Варшавская гвардейская бригада и 1-я Заамурская бригада, недавно прибывшая с Дальнего Востока. Общее руководство возлагается на Маннергейма. Удачно форсировав Днестр, вновь образованный конный корпус подвергся сильному обстрелу близ города Заболотова на реке Прут в тот момент, когда он прикрывал левый фланг XXXIII армейского корпуса. Закрепившийся на правом высоком берегу Прута противник имел возможность безнаказанно расстреливать с господствующих высот подходящие русские части. Части Маннергейма понесли здесь

серьезные потери. Вновь образованный конный корпус разделяется и формирует Сводную кавказскую кавалерийскую дивизию, а Маннергейм получает приказ двинуться со своей 12-й дивизией западнее села Галич, где в трудное положение попал XI армейский корпус. Обеспечив отступление XI корпуса и его переправу через Днестр, 12-я дивизия перебрасывается для прикрытия XXII корпуса 11-й армии генерала Щербачева. Переправившись через Днестр, дивизия обеспечивает прикрытие отступления XXII корпуса через северные притоки Днестра в сторону Гнилой Липы. Одновременно противник наводит переправы через Днестр и пытается догнать отходящие русские части. В тяжелых арьергардных боях 12-я дивизия выполнила все поставленные перед ней задачи, задержав австро-германцев на несколько суток. После этого следует приказ вернуться к Залещикам – это примерно 100 верст, и воссоединиться со II конным корпусом. Так за полтора месяца дивизия Маннергейма проделала почти 300-верстный путь, состоящий из непрерывных боев.

В распоряжение Маннергейма выделяется одна из бригад Туземной дивизии, вставшая на позиции рядом с 12-м Стародубовским драгунским полком, близ местечка Устье Бискупе. В своих мемуарах Маннергейм пишет, что этой бригадой командовал полковник Петр Николаевич Краснов, и высказывает свое недовольство бездеятельностью бригады и ее командира.

Довольно странно. Известно, что Краснов действительно одно время командовал одной из бригад Туземной дивизии, но в описываемых сейчас нами боях он принимал участие как командир 2-й Сводной казачьей дивизии, и, будучи уже генералом, лично возглавил атаку 3 и 4-го Заамурских конных полков, за что был представлен к ордену Св. Георгия 4-й степени. Хотя и здесь есть некоторые сомнения, так как в состав 2-й Сводной казачьей дивизии первоначально входили другие полки, то вполне вероятны накладки. Я напому, какая путаница происходила постоянно в составах воинских соединений, особенно в столь сложный период войны. Вновь прибывавшие на фронт полки тут же вливались в состав уже существующих дивизий и корпусов, участвовали в нескольких боях, потом передавались в следующее соединение и так далее.

Судя по другим источникам, это была 3-я бригада Туземной дивизии, которой командовал генерал князь Гагарин, а в нее входили Татарский полк князя Бековича-Черкасского и Ингушский полк полковника Мерчуле, офицера постоянного состава Офицерской кавалерийской школы.

Однако все успешные действия 9-й армии с апреля по июль 1915 года не улучшили стратегического положения Юго-Западного фронта в целом. Буковинский театр военных действий и Заднепровье были слишком удалены от важнейших путей наступления германских армий и развития ими Горлицкого прорыва, а поражение, нанесенное австрийцам на участке 9-й армии, особой роли не играло. Германские части продолжали активно наступать, используя, в первую очередь, свое превосходство в артиллерии. Огрызаясь чувствительными контратаками, русские армии отошли сначала на линию реки Сан, а затем, следуя новой директиве Ставки, к восточным границам Киевского округа.

Девятой армии, к которой по-прежнему относилась дивизия Маннергейма, было также предписано отойти сначала на линию Серета, где дивизия несколько раз удачно контратаковала, а затем вдоль Збруча по направлению к Гусятину.

Особо отличилась дивизия в боях 25 августа близ местечка Виниатинце, когда создалась угроза окружения, и лишь отчаянными атаками оренбургских казаков положение было исправлено, дивизия смогла выскользнуть и оторваться от преследования.

В эту ночь мы ушли от погони,
Расседлали своих лошадей;
Я лежал на шершавой попоне,
Среди спящих усталых людей...

Практически все лето положение на Юго-Западном фронте оставалось устойчивым. Катастрофа произошла на Северо-Западном фронте. В планы германского командования входило уничтожить русские войска двусторонним охватом Царства Польского. Однако на деле это вылилось в нанесении двух главных ударов в парал-

лельных направлениях. Таким образом, противник разбросал свои силы, и русские получили два сильных удара, но это было лучше, чем один смертельный.

Весь июль Северо-Западный фронт содрогался от бешеных ударов противника – содрогался, но держался, потихоньку отступая, стараясь держать линию фронта. Немецкие источники подчеркивают «беспредельную самоотверженность» и «непревзойденную храбрость» русских войск.

В августе давление германских войск стало нарастать, и Ставку русского Главнокомандующего парализовала растерянность. Она стала принимать решения явно несообразные. Прежнее упорство: «Ни шагу назад!», из-за которого в бессмысленных контратаках и в окружении гибли целые дивизии, сменилось другой крайностью – отступить, куда глаза глядят.

Ставка не надеялась остановить противника западнее Днепра. Уже было приказано возводить оборонительные позиции под Тулой и Курском. В середине августа стало окончательно ясно, что Ставка не в силах управлять событиями. В грандиозном отступлении чувствовалось отсутствие общей идеи. Войска были предоставлены сами себе. Они несли огромные потери, и, самое главное, утратили стойкость. Разгромленные дивизии брели действительно куда глаза глядят. Одного удара по дивизии было достаточно, чтоб отступал корпус, а за ним и вся армия. По одной откатившейся армии сразу же начинали выравниваться остальные. Истощенные и физически, и морально солдаты, утратив веру в свои собственные силы и командование, начинали сдаваться в плен. Если июнь месяц для Северо-Западного фронта был месяцем кровавых потерь, то август стал месяцем массовой сдачи в плен. Надвигалась военная катастрофа.

В этот момент Император принимает решение лично возглавить Ставку. Великий Князь Николай Николаевич, все эти годы являвшийся Верховным Главнокомандующим, был отправлен на Кавказ. Маннергейм в мемуарах довольно скептически относится к этой замене, считая, что «став во главе вооруженных сил в столь неудачное время, Николай II поставил под угрозу само существование своей династии». Но ситуацию можно рассматривать и с

*Царская Ставка.
Июнь 1915 г.*

*Первая Мировая война. Император Николай II на фронте
у железнодорожного полотна. 1914 г.*

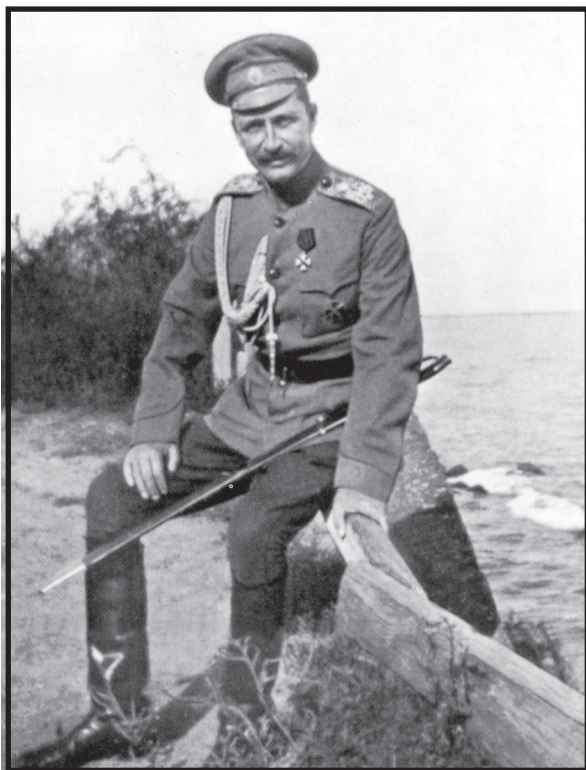

*Казак Оренбургского казачьего полка
Н. П. Пономарев. Получил все знаки
солдатского отличия и произведен
в прапорщики. 1916 г.*

*Группа связистов передовых линий.
Первая Мировая война*

Генерал-лейтенант Маннергейм – начальник 12-й кавалерийской дивизии. Первая Мировая война

*Офицеры
и почетный караул,
выстроенный на
перроне вокзала в
ожидании прибы-
тия император-
ского поезда.
Станция Орша,
январь 1916 г.*

*Император Николай II с семьей на перроне вокзала в Могилеве
во время прибытия в Ставку. Май 1916 г.*

*Император Николай II беседует с главнокомандующими армиями
Западного фронта генерал-адъютантом Эвертом.
Станция Дрисса, 30 января 1916 г.*

Первая Мировая война. Император Николай II, католический священник и сопровождающие их лица в районе боевых действий

*Император Николай II принимает рапорт главнокомандующего.
Станция Замарье, 20–21 декабря 1915 г.*

*Западный фронт. Колонна артиллерийских орудий с экипажами
во время передвижения по дороге. 1914–1916 гг.*

*Разрушенный железнодорожный мост
через реку Сап. 1914–1915 гг.*

Солдаты, павшие на поле боя. 1915 г.

Раненые солдаты. 1916 г.

*Вера Николаевна
Панаева, мать
погибших героев*

*Ротмистр
Борис Аркадьевич
Панаев*

*Штаб-ротмистр
Гурий Аркадьевич
Панаев*

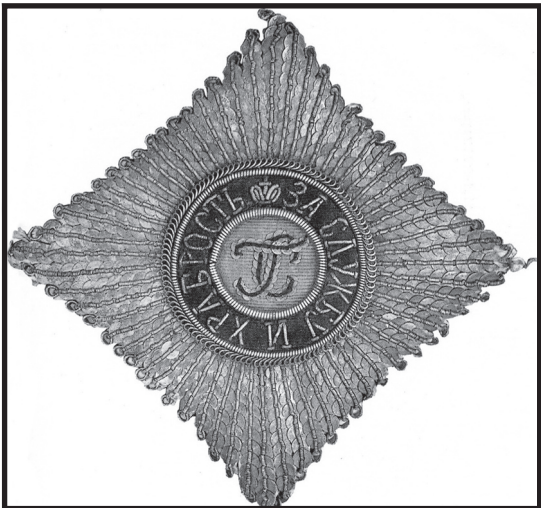
*Ротмистр
Лев Аркадьевич
Панаев*

*Звезда ордена
Св. Георгия
1-й степени,
принадлежавшая
А. В. Суворову.
Награда получена
за победу
при Рымнике.
1789 г.*

*Звезда ордена
Св. Георгия*

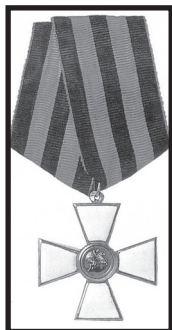

*Звезда и Знак военного ордена
Св. Георгия, Знаки отличия
военного ордена для солдат
и унтер-офицеров*

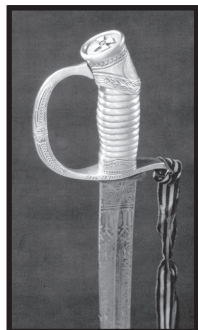
*Знак отличия военного ордена Св. Георгия.
Полный Георгиевский кавалер*

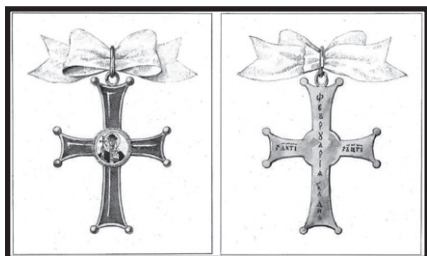

*Знак ордена Св. Георгия
4-й степени на колодке*

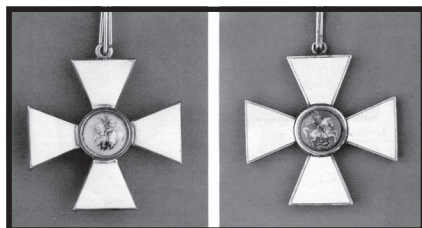
*Золотое Георгиев-
ское оружие
«За храбрость» –
шашка со Знаком
ордена Св. Георгия
и Георгиевским
темляком*

*Лицевая и оборотная сто-
рона Знака отличия
Св. Ольги 1-й степени.
Реконструкция*

*Слева Знак ордена
Св. Георгия 3-й степени.
Центральный медальон
розовой эмали, что свиде-
тельствует о раннем
происхождении награды.*

*Справа Знак ордена
Св. Георгия 3-й степени.
Центральный медальон
красной эмали
(2-я половина XIX века)*

другой стороны. Прежний Верховный и Ставка не справлялись с руководством фронтами. В Ставке не было полководцев способных остановить надвигающуюся катастрофу. Николай II не строил иллюзий и отдавал себе отчет в своей военной неподготовленности, поэтому своей правой рукой он тут же сделал генерала Алексеева, который только что спас от разгрома восемь армий. Маннергейм очень тепло отзывался о нем, как об одном из наиболее грамотных стратегов Русской армии. Надо отдать должное и личному мужеству Императора, взявшего на себя всю ответственность и ставшего во главе не победоносных, а разбитых армий, заранее готовясь не к лаврам, а к терниям. Итак, 23 августа произошла смена Верховного главнокомандующего.

Первая же директива, отправленная в войска, дала понять, что ими управляют. Она требовала прекращения беспорядочного отхода и запрещала спешку. Наконец и германцы, истощив свои силы, стали ослабевать в нанесении ударов. Из последних сил оборонялись и русские, изредка переходя даже в короткие контра-таки. Обе стороны стали окапываться, в первых числах сентября Северо-Западный и вновь образованный Западный фронты затихли. Началась позиционная война.

Пока к северу от Припяти разыгрывалась эта страшная драма русского оружия, положение Юго-Западного фронта оставалось прочным. Армии фронта укрепили свои позиции, а гроза промчалась на север. Маннергейм в конце августа даже нашел время для того, чтобы съездить на неделю в отпуск в Одессу подлечиться.

Прежняя Ставка могла бы содействовать Северо-Западному фронту энергичными операциями Юго-Западных армий, восстановивших силы и средства. Вместо этого она предпочла просто перебрасывать из Галиции одну за другой дивизии, за три летних месяца их было 13. Кроме того, одним из своих «выдающихся» распоряжений Ставка предписывала перебросить с юго-западного направления на север 120 «наиболее сохранившихся» рот. Этим был совершенно расстроен ряд полков. Бросаемые по частям подкрепления Северо-Западному фронту особой помощи не принесли, но зато здорово ослабили наступательный потенциал Юго-Западных армий.

Австро-венгерские и германские армии попытались еще раз перейти в решительное наступление на Юго-Западе, дабы основательно потеснить русских и здесь. Но 8-я армия Брусилова, на которую пришелся основной удар, выстояла, а 9 и 11-я армии нанесли ответные удары, и к 3 сентября положение было полностью восстановлено на всем 400-километровом участке фронта. Весь сентябрь и октябрь прошли в непрерывных боях, где атаки сменялись контратаками, бои то затихали, то разгорались вновь. На правом фланге 9-й армии XI армейский корпус и 12-я кавалерийская дивизия имели блестящее дело у Гайворонки на Днестре. Белгородские уланы полковника Чекотовского в ночной конной атаке изрубили весь полк «майкеферов» – прусских гвардейских фузилеров.

В этих осенних боях войска Юго-Западного фронта вновь обрели высокий дух первых месяцев войны, который позволил им в следующем году свершать великие дела. К декабрю затихли бои и на Юго-Западе.

Война перешла в позиционную фазу. Дивизия Маннергейма была отведена на отдых к городку Гусятину. Кстати, все это время на Юго-Западном фронте находилась и Великая Княгиня Ольга Александровна – шеф Ахтырского гусарского полка 12-й дивизии. На свои собственные средства она оборудовала госпиталь и работала в нем и начальницей, и рядовой сестрой милосердия. При этом она очень часто посещала свой полк, даже когда он находился на передовых рубежах. Во время одного из таких посещений она попала под артиллерийский обстрел. За проявленную храбрость Ольгу Александровну наградили Георгиевской медалью, которую ей вручил начальник дивизии Маннергейм. Великая Княгиня считала, что она не совершила ничего героического, и, смутившись, тут же спрятала эту медаль в карман. Лишь по просьбе офицеров, уверивших ее, что награждение шефа полка – это награда всему полку, она согласилась надеть ее.

Заканчивался страшный пятнадцатый год. Год, который обошелся России **в два с половиной миллиона** человек. Но этот год окончательно провалил планы германского командования по уничтожению русской живой силы. Германские армии затерялись в русских про-

странствах, а русские расстояния, бездорожье и отчаянное сопротивление плохо вооруженных, но самоотверженно бившихся русских дивизий, просто обескровили их. Кампания четырнадцатого года показала Германии невозможность скорого решения войны на Западе, кампания пятнадцатого года – констатировала то же на Востоке.

В принципе, для Германии стало ясно, что эту войну ей не выиграть никогда. Но и в России практически уже не существовала регулярная армия. Кадровый состав армии, особенно в пехоте, был выбит почти полностью. Армия превращалась в ополчение, в вооруженную милицию.

Когда-то более сотни лет назад накануне войны 1812 года создавалось народное ополчение. Так вот, профессор Строков, в своей «Истории военного искусства» приводит высказывание неизвестного автора записки «Мысли о милиции» из сборника, выпущенного в 1902 году к 100-летию военного министерства России. «По общественному духу, какой свойственен русской нации, – говорится в записке, – одно слово, вовремя употребленное и защиты или мести требующее, взволнует и вмиг поднимет многие сотни. С такой чертой в свойстве народном можно ли допустить соединение толпищ и вооружать их?

В то время как регулярная армия будет вести борьбу с неприятелем, кто может отвечать за покой внутри государства, кто может поручиться, что между сборными офицерами не возникнет таких голов, которые уже возмущали народ и потрясали основание государства?» И сейчас, стоя на пороге шестнадцатого года, Россия имела подобное ополчение как на фронте, так и в тылу, где разросшиеся до невероятных размеров запасные батальоны действующих полков и дивизий готовили пополнение для фронта. Срочно сформированные полки третьей и четвертой очереди, куда шел уже призыв 1917 года, представляли собой по сути ополчение – то есть вооруженный народ. С нашим-то русским менталитетом?.. Все это еще отзовется чуть позднее...

Восстановленная Николаем II в 1915 году Государственная Дума вместо организации реальной помощи своей воюющей стране опять занялась разработкой и выдвиганием программы демократизации

общества с требованиями введения парламентского правления, политической амнистии и проведения ряда демократических реформ. Да, истекающей кровью Русской армии только и дел было до демократических реформ.

Потому-то Император и принял решение снова прекратить деятельность Государственной Думы. Общество вообще существовало отдельно от воюющей армии, наживаясь на армейских поставках, перехватывая заказы для нужд действующих войск у казенных заводов и с явным безразличием вчитываясь в сводки с фронтов, сообщавшие о потерях, зато живо интересуясь биржевыми сводками. Для сравнения можно привести некоторые цифры: на казенном заводе 76 мм снаряд (для трехдюймовой пушки) обходился в 10 рублей, на частном в 15, а 152 мм снаряд (шестидюймовый) в 42 и 70 рублей соответственно.

Это им адресовал Маяковский в 1915 году гневные слова:

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как вам не стыдно о представленных к Георгию
Вычитывать из столбцов газет?

Знаете ли вы, бездарные, многие,
Думающие нажраться лучше как,—
Может быть, сейчас бомбою ноги
Выдрало у Петрова поручика?..

Если б он, приведенный на убой,
Вдруг увидел, израненный,
Как вы измазанной в котлете губой
Похотливо напеваеете Северянина!

Вам ли, любящим баб да блюда,
Жизнь отдавать в угоду?!
Я лучше в баре б... буду
Подавать ананасную воду!

Начинался шестнадцатый год. Фронт находился там, где остановился. Войска зарылись в землю и обескровленные наблюдали друг за другом. Начинались сплошные совещания союзников по выработке планов предстоящей кампании. В Главной штаб-квартире Антанты были установлены следующие сроки для наступлений:

- русским армиям – 2 июня
- союзникам – 18 июля.

Однако уже 8 февраля германские войска двинулись на Верден. Начиналась 8-месячная «верденская» мясорубка. Французы взмолились о помощи, и русские снова пошли спасать их, вопреки своим собственным интересам. Еле оправившись от тяжелейшего пятнадцатого года – года «Великого Отступления», только-только пополнившая свои сильно поредевшие батальоны и полки, Русская армия на **три!!!** месяца раньше намеченного срока изготовилась наступать.

Прибывшее зимой 1915–1916 годов пополнение после полугодового пребывания в запасных батальонах еще нуждалось в нормальном обучении, чему в общем-то способствовало положение позиционной войны. С артиллерийским вооружением дело обстояло более или менее благополучно. Производство снарядов, особенно на казенных заводах, было увеличено десятикратно по сравнению с первыми месяцами войны, когда к концу 1914 года русские армии остались практически без снарядов.

Гораздо хуже обстояли дела со стрелковым вооружением. К концу 1915 года на фронте одна винтовка была на двоих. Поэтому при подсчете соотношения сил всегда нужно учитывать и это обстоятельство. Закупки стрелкового оружия производились за рубежом: в Японии – «Арисака», во Франции – «Гра», «Лебеля» и «Гра-Кропачека»; в Италии – «Ветерли», в США – «Винчестер». Недоставало пулеметов. Вместо положенных 16-и на полк зачастую их было 5-6, правда полки сами организовывали внештатные пулеметные команды из трофейного оружия особенно австрийского «Шварцлозе», переделанного под русский патрон. Использовался и немецкий «Максим», однако германцы не были столь исправными поставщиками оружия в отличие от австрийцев. Соответственно на

Юго-Западном фронте, воевавшем в основном с австро-венгерскими войсками, количество пулеметов в полках доходило до 30-и.

В кавалерии дело обстояло еще лучше. Во-первых, гораздо меньшие потери, во-вторых, количество пулеметных команд было увеличено с одной на дивизию до одной в каждом полку, соответственно увеличилось и количество самих пулеметов в командах – с 4-х до 8-и.

Кавалерия все чаще и чаще выступала в качестве пехоты. Многие офицеры кавалерийских частей направлялись в пехоту для восполнения потерь среди офицерского состава.

Результатом давления французской стороны было «Нарочское наступление» 5 марта Северного и Западного фронтов (командующие генералы Куропаткин и Эверт). Казалось бы, как можно после бездарных кампаний Русско-Японской войны снова ставить во главе фронта Куропаткина?

Вновь повторялся август четырнадцатого... Атаковали, бросая в бой необученные, неготовые войска, которые в весеннюю распутицу, проваливаясь в воду выше колен, шли на германскую проволоку, и батальон за батальоном, полк за полком, повисали на ней.

Артиллерия расстреливала еще не накопленный запас снарядов, а кавалерия просто ничего не могла предпринять в озерно-болотистом районе.

Отдельные корпуса прорывали колючую проволоку грудью солдат, расстреливаемых прямо на заграждениях, но все равно останавливались, захлебываясь в собственной крови.

Не бывать тебе в живых,
Со снегу не встать.
Двадцать восемь штыковых.
Огнестрельных пять.
Горькую обновушку
Другу шила я.
Любит, любит кровушку
Русская земля.

А. Ахматова

Огромные потери при штурме укреплений не позволяли закрепиться на захваченной такой ценой позиции, и германцы легко выбивали обессиленные русские полки обратно. «Нарочское наступление» обошлось русским в 150000 человек, больше чем к этому времени пало под Верденом французов.

Отсиживаясь за прочными бетонными укреплениями и многорядными проволочными заграждениями, расстреливая в упор наступавшие русские полки, а в случае прорыва легко отбрасывая их назад, германцы смогли даже снять несколько дивизий с этого направления и перебросить их под Верден.

Тем более обидна столь кровавая жертва, которая оказалась бессмысленной и напрасной.

Пятнадцатого марта Ставка, наконец, приказала прекратить эту бойню. 1 апреля состоялось новое совещание относительно дальнейших действий в 1916 году.

Среди генералов царило уныние. Вся Ставка готова была вообще отказаться от каких-либо решительных действий на предстоящую кампанию, ограничившись одной обороной. Один лишь Брусилов, только что назначенный командующим Юго-Западным фронтом, выступил и смог убедить остальных в возможности наступления ближайшим летом. Два предыдущих года настойчиво подтверждали и правильность выбора юго-западного направления и тем более успешность действий на нем. Таким образом было все-таки решено наступать 18 мая.

Подготовка Северного и Западного фронтов, полностью деморализованных Нарочской неудачей, шла вяло и бестолково. На Юго-Западном фронте дело обстояло совершенно иначе. Брусилов дал полную самостоятельность своим четырем армиям. Каждая из них выбирала направление главного удара, таким образом избегая одного концентрированного удара фронта, подготовка которого, несмотря на все принимаемые меры предосторожности, всегда заранее обнаруживается противником.

Третий год подряд Юго-Западному фронту отводилась второстепенная, вспомогательная роль. Брусилов рассчитывал четырьмя одновременными ударами своих армий сковать действия против-

ника и тем самым обеспечить решительный и главный удар силами Западного фронта.

Если рассматривать соотношение сил, то вырисовывается следующая картина: на Северном и Западном фронтах 106-и пехотным и 26-и конным дивизиям русских армий противостояло всего 49 пехотных и 8 кавалерийских дивизий противника, на Юго-Западном – 39-и пехотным и 13-и кавалерийским русским дивизиям противостояло 38 пехотных и 11 кавалерийских.

Превосходство русских сил на северо-западном направлении казалось очевидным. Однако на самом деле из общего количества дивизий надо вычесть 32 полнокровные дивизии, занимавшиеся охраной побережья и Финляндии, а в оставшихся 74-х пехотных дивизиях принять во внимание еще не восполненную убыль после неудачного мартовского наступления и винтовочный голод. Поэтому и на северо-западном, и на юго-западном направлениях можно было говорить о примерном равенстве сил с противником. Все дело было в подготовке войск.

Накануне своего знаменитого наступления шестнадцатого года, Брусилов предусмотрел, казалось бы, все. Были разведаны и нанесены на карту все укрепления противника в местах предполагаемых прорывов, произведено фотографирование с самолетов и снимки переданы в штурмовые части первого броска, были рассчитаны мощности и продолжительность огневых налетов, по ночам линии траншей и окопов неуклонно приближались к противнику, чтобы сократить время для нанесения штыкового удара. Были сформированы и обучены специальные отряды добровольцев-охотников, выполнявших задания штурмовых групп.

Двенадцатой кавалерийской дивизии было предписано перейти в район неподалеку от города Луцка и находиться на левом фланге XXXII армейского корпуса 8-й армии, чтобы с началом наступления сразу пойти на расширение прорыва.

Двадцать второго мая Юго-Западный фронт начал действия силами 11 и 9-й армий. Начатая около 3-х часов утра артиллерийская подготовка, результатом которой стало сильное разрушение окопов первой линии обороны противника и частичное подавление

ние его огневых средств, позволила успешно начать наступление. На следующий день в дело вступили части 8-й армии.

Двадцать третьего мая дивизия Маннергейма находилась на плацдарме XXXII армейского корпуса, и ее батареи принимали участие в общей артподготовке.

К вечеру стало известно, что прорыв удался, и дивизии предстоит переправиться через реку Стырь, южнее Луцка, дабы пресечь сообщение противника с Владимиром-Волынским. Однако переправа через реку была практически невозможна. Вырвавшись вперед, 12-я дивизия на другом берегу реки Стыри обнаружила сильно укрепленные позиции противника. Артиллерийская дуэль, которую вели приданные дивизии батареи, не принесла ощутимого результата. Переправляться же через реку прямо на укрепленные позиции противника было самоубийством. К исходу четвертого дня дивизия достигла Луцка, который был взят стрелковой дивизией генерала Деникина. Маннергейм принимает решение переправиться через реку километрах в двадцати западнее Луцка, в районе города Торчина.

В конной атаке 28 мая дивизия захватывает село Борятин близ Торчина, с тем чтобы дать людям отдых, а затем уж атаковать сам город. В этом бою особо отличился вахмистр казаков-оренбуржцев Григорий Пашнин, который передал свою лошадь командиру 4-го эскадрона ахтырцев ротмистру Чирикову, чтобы гусары могли продолжить конную атаку, а сам, собрав спешенных казаков, организовал огонь по противнику, чем способствовал успешному завершению дела. На следующий день после отдыха дивизия в ночном бою захватила город Торчин.

Маннергейм просил командующего 8-й армией генерала Каледина разрешить ему бросить дивизию на участок фронта XL корпуса, на котором наиболее удачно развивалось наступление, но получил отказ. Из всех кавалерийских дивизий фронта – 12-я была единственной, составлявшей резерв, и Каледин, видимо, не хотел рисковать. 12-я дивизия получила приказ перейти в распоряжение XXXIX корпуса генерала Стельницкого, левый фланг которого сильно теснил противник. 4 июня дивизия сходу атаковала

австрийцев, при этом опять отличились казаки Уфимо-Самарского полка, которые захватили село Тристенъ и взяли 2-х офицеров, 40 нижних чинов и 2 пулемета.

Впрочем, о казаках дивизии Маннергейма стоит рассказать отдельно, и самым ярким показателем их боевых заслуг будут Георгиевские кавалеры 3-го Уфимо-Самарского Оренбургского казачьего войска полка. Среди казачества России полными Георгиевскими кавалерами за Первую Мировую войну стали 189 человек, из них практически половину – 91, составляют оренбуржцы. А уже из них 19 полных кавалеров приходится на полк, входивший в 12-ю дивизию Маннергейма. То есть каждый пятый оренбургский полный Георгиевский кавалер и каждый десятый из всего казачества служил у Маннергейма. В то же время каждый десятый казак, призванный на войну был из Оренбургского казачьего войска. (Общая численность мобилизованных казаков – 290000 человек, из них оренбуржцев – 30000). Это просто цифры, за ними стоят героизм людей и славные дела казачьего полка дивизии Маннергейма. Как говорится – комментарии излишни.

До самой осени дивизию непрерывно перебрасывали с одного участка фронта 8-й армии на другой. Приходилось воевать и в конном, и в пешем строю, иногда сидеть в окопах, иногда идти на прорыв. Среди наиболее успешных дел можно выделить атаку 18 июля 1916 года у деревни Юлиановка-Ослиговичи, затем 19, 20 и 21 июля на участке XLV корпуса 11-й армии, совместно со Сводной кавалерийской дивизией и 27-м пехотным Витебским полком, когда ликвидировали прорыв германских войск группы Марвица. Атаковавший противник был почти уничтожен и отброшен в исходное положение.

Значение Брусиловского прорыва чрезвычайно велико. Была захвачена Буковина, взято около 420000 пленных (из них 80000 германцев), 600 орудий и столько же минометов, 2500 пулеметов и большое количество снаряжения и боеприпасов. Итальянская армия была спасена от разгрома. Французы получили большое облегчение в критический момент июня месяца под Верденом, из Франции были перебросены 24 германские дивизии, что позволило

союзникам начать наступление на Сомме. Наконец, наша победа в Буковине побудила выступить Румынию.

Впрочем, многие русские офицеры-генштабисты всегда высказывали озабоченность в отношении Румынии. Бытовало мнение, что самое выгодное для России, если бы Румыния оставалась нейтральной. А в случае ее выступления на одной из сторон требовалось бы несколько русских дивизий, для того чтобы спасти румын или разгромить их в зависимости от ситуации.

Поздней осенью дивизия Маннергейма получает приказ перейти в Румынию и по совершенно разбитым дорогам совершает тяжелейший 700-километровый марш. С 11 декабря 12-я кавалерийская дивизия и румынская конная бригада полковника Стурдзы были объединены в одно соединение под командованием Маннергейма, названное – группа Вранца. На 1 января 1917 года бригадами и полками 12-й дивизии командовали: 1-я бригада – полковник Чертков, 12-й Стародубовский драгунский полк – полковник Чекатовский, 12-й Белгородский уланский полк – полковник Одинцов, 2-я бригада – генерал-майор Жуков, 12-й Ахтырский гусарский полк – полковник Елчанинов, 3-й Уфимско-Самарский казачий полк – полковник Головнин.

Большинство этих фамилий мы вспомним, когда будем рассматривать судьбу возрожденных полков в Белой армии. А пока, наиболее тяжелые бои развернулись за железнодорожную станцию Путна, где 12-я дивизия понесла ощутимые потери. Группа Вранца весь январь обороняла подходы к Фокшани, после чего последовал приказ передислоцировать 12-ю дивизию в Бессарабию в район Кишинева – для отдыха и пополнения. Маннергейм вывел дивизию из Румынии, распределил полки на отдых и подал рапорт о кратковременном отпуске для поездки домой в Финляндию. Получив разрешение, в начале февраля Маннергейм прибывает в Петроград, где удостоивается аудиенции у Императора, чтобы доложить ему положение дел на румынском фронте.

По воспоминаниям Маннергейма, Царь слушал его невнимательно, «в тот момент его мысли занимали совершенно другие проблемы». Маннергейм отметил про себя, что оппозиционное на-

строение всего общества в столице прямо на глазах превращалось в революционную ситуацию. Россия стояла на пороге страшных событий. 12 февраля Маннергейм выезжает в Гельсингфорс, но уже 25-го возвращается в Петроград. С 18-го числа город охвачен забастовками и демонстрациями. Появились красные флаги и призывы к свержению самодержавия.

Как поступило бы правительство любой воюющей страны, начнись у нее беспорядки в тылу? В столице России, находящейся на военном положении, бастующие оборонные заводы пытаются успокоить уговорами и видом нескольких городовых.

Наконец, с 24 февраля, на улицы начинают выводить войска. Но вспомним, что это уже была не армия, а вооруженное ополчение, которое действовало нерешительно, огня на поражение не открывало. Демонстранты открыто агитируют солдат, и те легко поддаются, а пока не видят офицеры, охотно пропускают их через свои кордоны. И вот 27 февраля бунт достигает апогея, присоединившиеся к митингующим войска петроградского гарнизона вышли на улицы. Оставшиеся верными присяге около двух тысяч солдат во главе с полковником-преображенцем Кутеповым, пытаются как-то противостоять восставшим, но вынуждены отступить сначала в Зимний дворец, затем в Адмиралтейство, затем в Петропавловскую крепость, где отряду было приказано разоружиться и разойтись. В столице возникает двоевластие. Наряду с Комитетом Государственной Думы, считавшим себя законным правительством России, создается Совет рабочих депутатов из революционеров-демократов. Маннергейм осознает насколько небезопасно ему оставаться в столице и всеми способами старается уехать. Его несколько раз останавливают на улице для проверки документов, но финский паспорт его выручает. К этому времени он еще не представляет размах случившейся трагедии. Первым ударом одного из самопровозглашенных органов власти – Совета, был, наносимый в спину всей Действующей армии удар – Приказ № 1 от 1 марта 1917 года.

*Приказ № 1
Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов
1 марта 1917 года.*

*По гарнизону Петроградского округа всем солдатам
революционной армии, артиллерии и флота,
а рабочим Петрограда для сведения.*

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отделениях служб разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от роты, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 часам утра 2-го сего марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4. Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5. Всякое рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и пр. – должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, которыми пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров «Ваше Превосходительство», «благородие» и т.п. и заменяется обращением «господин генерал», «господин полковник» и т.д. Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и в частности обращение к ним на «ты» воспрещается. И о нарушении сего, как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов. Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и пр. строевых и нестроевых командах.

Маннергейм еще не знал о выходе в свет этого беспрецедентного документа, ибо 2 марта ему удалось выехать в Москву. Здесь он узнает об отречении Императора Николая Александровича от престола в пользу своего брата Великого Князя Михаила Александровича. Как он пишет в мемуарах, это «породило некоторые надежды». Однако два дня спустя и Михаил отрекается от прав на престол. Маннергейм торопится на фронт. По дороге он успевает переговорить с командующим Румынским фронтом генералом Сахаровым и предлагает начать подготовку открытого сопротивления взбунтовавшейся черни. На что получает ответ, что время для этого еще не пришло!

8 марта Государь Император окончательно покидает Ставку. В приказе начальника штаба Верховного Главнокомандующего от того же 8 марта за № 371 было помещено последнее обращение Государя к Армии:

«Отрекшийся от Престола Император Николай II перед Своим отъездом из района Действующей армии обратился к войскам со следующими прощальными словами: «В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые Мною войска. После отречения Моего за Себя и за Сына Моего от Престола Российского власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия! Да поможет и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага!»

В продолжении двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжёлую боевую службу. Много пролито крови, много сделано усилий и уже близок час, когда Россия. Связанная со своими доблестными союзниками единым общим стремлением к победе, сломит последнее сопротивление противника.

Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает теперь о мире, кто желает его, тот изменник Отечеству, его предатель.

Знаю, что каждый воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайте ваших начальников. Помните, что всякое ослабление службы только на руку врагам.

Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине.

Да благословит вас Господь Бог, и да ведет вас к победе Святой Великомученик Георгий Победоносец!

Николай».

Ставка. 8 марта 1917 г.

Подписано: Начальник штаба Генерал Алексеев».

Вернувшись в свою дивизию, Маннергейм наконец узнает о том злополучном приказе Советов № 1.

Не было Царя. Но оставалась еще Действующая армия. Фронты были ошеломлены свалившимися на них событиями. Молча и угрюмо войска встретили известие об отречении Императора. С появлением в окопах «Приказа №1» началась деморализация армии. Солдаты отказывались понимать, за что они воюют, если объявлена свобода и Царя больше нет. Начиналось братание с противником. Офицеры, призывавшие к восстановлению дисциплины, теперь попадали под пристальное внимание солдатских комитетов и считались уже подозрительными. Усилились анархические настроения, особенно после объявления Временным правительством о свободе слова, печати и собраний, а также о праве на забастовки, которые можно было проводить даже в воинских частях.

Это была «Декларация прав солдата» – последний гвоздь в гроб

умирающей русской армии. Военный трибунал и смертная казнь были отменены. Это привело к тому, что дисциплина и порядок в частях просто не соблюдались, а командиры стали опасаться за свою жизнь. Уже со 2 марта начались кровавые расправы над офицерами. Волна репрессий начиналась от столицы – Петрограда, и концентрическими кругами расплывалась по стране, докатившись, в конце концов, до фронтов. Первыми жертвами взбунтовавшихся запасных пехотных частей и моряков Балтики стали: 2 марта в Луге – кавалергард граф Менгден, конно-гренадер полковник Эгерштром, лейб-гусар ротмистр граф Клеймихель; в Кронштадте и Гельсингфорсе убито 120 офицеров и адмиралов – среди них, 2 марта, командир адмирал Вирен и начальник штаба Кронштадтского порта адмирал Бутаков, 3 марта – командующий Балтийским флотом адмирал Непенин и командир 2-й бригады линкоров адмирал Небольсин, комендант Свеаборга Протопопов, многие командиры кораблей.

Достигнув Действующей армии, расправы приняли массовый характер. 17 мая солдатами 707-го полка убит начальник 177-й пехотной дивизии генерал Любицкий, 18 мая с командира роты 85-го пехотного полка прапорщика Удачина сорваны погоны, 19 мая арестованы начальник 7-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Богданович, командир 26-го Сибирского стрелкового полка полковник Шершнева, 23 мая арестован командир 650-го полка и 7 офицеров, 18 июня в 671-м полку арестован подполковник Курчин, в 58-м – командир полка, 23 июня убит командир 539-го пехотного полка полковник Остапенко, и этот список можно продолжать до бесконечности. Одновременно началось безудержное дезертирство с фронта...

Кавалерийские части были меньше подвержены общему разложению, так как отношения в них между офицерами и солдатами традиционно были довольно демократичными. Однако и в полках 12-й дивизии были выбраны полковые и даже эскадронные комитеты, которые могли самостоятельно решать – идти им на боевое дежурство или оставаться в тылу.

Назначенный Временным правительством Командующим войсками Петроградского гарнизона генерал Корнилов сначала навел

относительный порядок в столице, но, видя все усиливающийся развал, идущий от самого же правительства, подал в отставку и был назначен Брусиловым, являвшимся Верховным главнокомандующим, в 8-ю армию.

В условиях бесконечных митингов и резолюций Ставка и фронты продолжили работу по составлению планов летнего наступления, хотя ни командующие фронтами, ни офицеры не были уверены в том, что смогут поднять своих солдат в атаку из окопов.

В мае 1917 года дивизия Маннергейма получает приказ вернуться на Румынский фронт и занять оборону в Трансильванских Альпах к западу от города Сучава. 26 апреля ему присваивается звание генерал-лейтенанта, а 12 июня его назначают командующим VI конным корпусом. Маннергейм рвется в бой, понимая, что сидение в окопах разлагающе действует на полки. Постоянно приезжающие в расположение частей агитаторы подливали масло в огонь. В результате их деятельности, особенно отличались большевики, началось разложение и кавалерийских полков до сих пор наиболее боеспособных.

Ни одна армия в мире не могла бы не то что воевать, но просто существовать в тех условиях, в которых русская армия готовилась еще наступать!

Намеченное на начало июля наступление русских армий пришлось отложить. Войска митинговали. Один полк выносил резолюцию наступать, другой высказывался только за оборону, а третий, ничего не постановляя, втыкал штык в землю и шел домой.

Главную работу по уговорам выполняли специальные комитеты, возглавляемые эсером-террористом Борисом Савинковым. Иногда на фронт выезжал и главный трибун Керенский. С счастьем, имелся еще один, но очень существенный аргумент – артиллерия. Для прекращения митингов и скорейшего принятия соответствующих резолюций была начата трехдневная артиллерийская подготовка. Гром орудий подавлял митингующих, и войска невольно проникались боевым духом.

Восемнадцатого июня под рев всех батарей войска Юго-Западного фронта перешли в наступление. В результате двух дней боев была одержана последняя в этой войне победа под Злочевым. Наступле-

ние еще продолжалось до 27–28 июня силами 8-й армии Корнилова, дошедшей до Галича и Калуша, пока не остановилось. Продолжение было назначено на 30 июня, но митингующие толпы солдат откладывали его дальше и дальше.

Румынский фронт, который вместо Сахарова возглавил энергичный генерал Щербаков, должен был начинать наступление 9 июля, что он и сделал, открыв артиллерийскую подготовку. Но к этому времени уже стало известно о катастрофе на Юго-Западном фронте.

Французское правительство четко дало понять, что летом 1917 года оно не планирует серьезных операций. Германское командование не приминуло этим воспользоваться. Еще накануне русского наступления с Западного фронта началась переброска 7-и отборных германских дивизий. Они прибыли как раз в тот момент, когда наше наступление захлебнулось.

На рассвете 6 июля германцы обрушили свой бронированный кулак на митингующие толпы русских солдат. Основной удар был нанесен у Перепельников по 6-й Гренадерской дивизии. Положение дивизии было очень ненадежным. Агитаторы и пропагандисты давно разложили все соединение и превратили боевые части в вооруженный сброд. Как раз накануне германского наступления озверевшей толпой был убит командир одного из полков этой дивизии – 22-го гренадерского Суворовского – подполковник Рыков, уговаривавший солдат идти на позицию, а командир 21-го гренадерского Румянцевского полка обвинен в «черносотенной агитации» (почему черносотенной?) и отстранен от командования полком.

Итак, ранним утром 600 германских орудийных стволов и 180 минометов обрушили огневой шквал на русские позиции. Затем был пущен газ. Вся дивизия была настолько распропагандирована, что ее полки, особенно 607-й Млынский, тут же толпой хлынули с фронта. Лишь небольшое количество солдат и офицеров осталось один на один с наступающими германскими дивизиями. Этот бой описывает его непосредственный участник, прапорщик 21-го Гренадерского Румянцевского полка 6-й Гренадерской дивизии Дмитрий Николаев: «Офицеры моей роты все убиты снарядами в землянке или отравлены газами, а меня Бог спас. Бой артиллерии

и газы продолжались с 4-х часов утра до 1-го часа дня. То был ад, и потери ужасные...» От всей 6-й гренадерской дивизии удалось собрать двести человек. Потери в этот день составили 85 офицеров и 2900 нижних чинов. В похоронке на прапорщика Дмитрия Николаева, пришедшей с фронта его жене Олимпиаде Ивановне, говорилось, «что муж ее <...> во время боя с германцами 6-го июля 1917 года **убит и ввиду поспешного отхода полка оставлен на поле сражения**». Но прапорщик Николаев был контужен и взят в плен. Описание этого боя, с которого началась катастрофа, он сделал собственной рукой, уже находясь в австрийском плену, и прислал жене вместе с известием о том, что он жив.

Немцы, по их собственному признанию, были ошеломлены таким успехом. Поражение 6 июля превратилось 7-го в разгром 11-й армии, а 8-го в катастрофу всего фронта. Командующим Юго-Западным фронтом срочно назначается генерал Корнилов. Энергичными, решительными, а порой беспощадными мерами он упорядочил условия отхода. Общее положение фронта он характеризовал следующими словами: «На полях, которых нельзя назвать полями сражений, царят сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия не знала с самого начала своего существования». Были срочно сформированы «батальоны смерти», которые закрывали собой брошенные участки фронта и частично использовались в тылу, где задерживали дезертиров, а зачинщиков расстреливали на месте. Повальное бегство с фронта с 11 июля стало походить на отступление. 15 июля русские войска откатились за Збруч, за тот самый Збруч, что три года назад они перешли с таким подъемом. К 18 июня противник выдохся, хотя на отдельных участках ему удалось переправиться через Збруч. 19 июля Корнилов был назначен Верховным главнокомандующим. Последним его распоряжением было общее контрнаступление. И в тот же день русские в последний раз опрокинули германские и австрийские дивизии, сбросив их в тот самый злополучный Збруч. Этим закончилась последняя битва в Галиции.

Начатая 9 июля на Румынском фронте артподготовка, должна была означать переход в наступление 11 июля 4-й русской армии, а 13-го – 6-й, куда входили и дивизии Маннергейма. Точно так же,

как и на Юго-Западном фронте, только рев орудий сдвинул войска с места. Однако добились лишь местных успехов. Фактически наступление было остановлено солдатскими комитетами раньше армейского командования, получившими известие о паническом распоряжении Керенского, который будучи напуган размерами катастрофы на Юго-Западном фронте, приказывал прекратить какие-либо наступательные операции повсеместно. Конные части фронта были отодвинуты в тыл для усмирения и загона своей же пехоты в свои же окопы.

Маннергейм имел встречи с генералами Корниловым, Врангелем и Крымовым, где говорилось о необходимости составления заговора и общего похода на Петроград. Но отсутствие согласованности в их действиях повлекло за собой неотвратимые последствия. 27 августа Керенский объявляет Корнилова вне закона, обвинив последнего в попытке захватить власть в стране и установить военную диктатуру. Корнилов бросает на Петроград III конный корпус генерала Крымова, но вместо того, чтобы лично возглавить поход, остается в Ставке. В результате запутанный Керенским Крымов оставляет корпус и единолично приезжает в Петроград, где и погибает. По одной из версий, он был застрелен, по другой, застрелился сам. Керенский тут же направляет в Ставку генерала Алексеева с приказом арестовать зачинщиков военного мятежа. Корнилов был взят под стражу и вместе с ним генералы Деникин, Марков, Эрдели. Единственное, что удалось сделать Алексееву для сохранения жизни арестованных, которых могли ежеминутно растерзать революционно настроенные солдаты, это поручить их охрану Текинскому конному полку под командованием полковника Николая Павловича фон Кюгельгена, который был предан Корнилову.

Маннергейм, получивший травму ноги, в сентябре месяце был направлен на лечение в Одесский госпиталь и, уже находясь в Одессе, узнал о провале корниловского мятежа, а так как сам он являлся сторонником и, в какой-то мере, участником тех событий, то немедленно последовал его перевод в резерв Одесского военного округа, как неблагонадежного и нелояльно относящегося к Временному правительству.

В середине октября 1917 года конные части, в том числе и 12-я дивизия, были выведены с Румынского фронта и переброшены под Одессу для подавления периодически вспыхивающих там беспорядков. Стародубовский полк стал под Вознесенском, Белгородский полк – в районе местечка Ананьев-Балта, Ахтырский – под самой Одессой, а образованный в январе 1917 года из двух спешенных эскадронов каждого полка, кроме казачьего, 12-й кавалерийский стрелковый полк стал близ Бирзулы. За счет спешенных эскадронов кавалерийских полков были укомплектованы конским составом батареи дивизий. Таким образом, все полки были 4-х эскадронного состава.

Маннергейм находился по-прежнему в Одессе и там узнал о свершившемся в Петрограде большевистском перевороте. Волна репрессий против офицеров неуклонно увеличивалась. Запоздалые попытки противостоять октябрьскому перевороту, в основном силами юнкеров, оканчивались неудачей и массовыми казнями участников. В Петрограде было разгромлено восстание юнкеров военных училищ, убито 71, в Москве также убито 37 юнкеров, в Киеве – 40. Узнав об этом, Маннергейм попытался собрать знакомых офицеров с тем, чтобы организовать вооруженную борьбу. Тем более, что Одесса как центр военного округа располагала достаточным количеством войск, в первую очередь офицеров, и первая попытка большевистского переворота в декабре месяце была здесь подавлена. Но к дальнейшим действиям все оказались не готовы. Офицеры и генералы находились будто в параличе. Начиналась чехарда с автономиями и суверенитетами. Полки делились на великороссов, украинцев, поляков и так далее и уходили по домам. Маннергейм понял, что ему нужно срочно возвращаться в Финляндию, оценить обстановку у себя дома и уже оттуда посмотреть на все происходящее в России. С огромным трудом достав вагон Красного Креста через коменданта одесского вокзала, оказавшегося бывшим ахтырским гусаром, 3 декабря он покидает Одессу. Дорога в Петроград была очень длинной и опасной. На всех станциях толпились митингующие солдаты. Хаос царил невероятный. К 11 декабря ему удалось достичь Петрограда. Власть в городе при-

надлежала большевикам: оставаться здесь было опасно. В конце декабря Маннергейму удалось вырваться в Гельсингфорс.

К этому времени Финляндия с легкой руки нового главы России Ульянова-Ленина обрела независимость. Но Маннергейм прекрасно понимал всю опасность расплывавшейся красной угрозы и необходимость борьбы с ней. Служить в новой российской армии, к чему, как он слышал, призывали большевики, он не собирался. Поэтому, добравшись до Гельсингфорса, он отправляет в Генеральный штаб свой рапорт об отставке, в котором просит начальника Главного штаба уволить его в отставку с 1 января 1918 года как финского подданного в связи с признанием независимости Финляндии. Рапорт генерал-лейтенанта Маннергейма был зарегистрирован канцелярией Главного штаба за № 3997, 2 января 1918 года. 21 февраля 1918 года он был уволен, а с 26 марта 1918 года ему даже назначена пенсия из госказны в размере 3761 рубля в год.

Так закончилась служба Маннергейма в русской армии, продолжавшаяся с 1 сентября 1887 года, то есть тридцать с половиной лет. Впереди у него была неизвестность. Что станет с Финляндией? Что станет с Россией? На эти вопросы в начале восемнадцатого года, я думаю, никто ответить не мог. Маннергейму нужно было время, чтобы все взвесить, продумать, оценить обстановку и потом уже действовать. Как никогда от него требовалось проявить выдержку, самообладание, стратегическое мышление. Он оставался кадровым русским офицером, офицером армии, которая перестала существовать. Перед ним стояла очень сложная, многогранная задача.

Во-первых, Финляндию, как и всю Россию, охватывал хаос гражданской войны. Большевистское влияние здесь ощущалось довольно сильно, несмотря на то, что страна была признана независимой. Видимо, большевики прекрасно помнили, в особенности Ульянов-Ленин, как покровительственно к ним относились финские власти в период первой революции и впоследствии, разрешая проводить съезды и конференции, укрывая на своей территории от преследований царской охранки. Через порты и шхеры Финляндии осуществлялся незаконный ввоз оружия в Россию, которое потом стреляло на баррикадах 1905 года. Отряды финской Красной

гвардии, поддерживаемые парламентским меньшинством, уже с ноября 1917 года пытались вооруженным путем взять всю полноту власти в Финляндии. Это представляло, по мнению Маннергейма, первоочередную опасность.

Во-вторых, на территории Финляндии, в ее портах, оставались в большом количестве русские гарнизоны и корабли Балтийского флота. Это представляло собой гораздо большую опасность, ибо большевистское правительство не торопилось а, скорее всего, и не собиралось выводить их оттуда, считая вопрос независимости Финляндии делом временным. Опираясь на финскую Красную гвардию и русские части, со временем можно было взять страну под полный контроль. Вступать в боевые действия с русскими полками Маннергейм не собирался. Прослужив всю жизнь в русской армии, он навсегда запомнил, что можно нанести ей отдельное поражение, но победить русскую армию невозможно. Поэтому он поставил перед собой задачу с минимальным кровопролитием разоружить русские гарнизоны и вытеснить их из Финляндии.

И третьей задачей было не допустить оккупации Финляндии Германией, на союз с которой тут же пошло правительство во главе с президентом Свинхувудом. Опять же, как русскому офицеру, провоевавшему с германцами всю войну, Маннергейму претил этот союз, и он прекрасно понимал, что Германия, как союзник, обречена. Мировая война продлится от силы еще год, и оказаться в стане разгромленной коалиции центральных держав, было равнозначно тупику, из которого выход был вообще не ясен. Вот в таком положении находился Маннергейм в начале 1918 года.

Тем временем 12-я кавалерийская дивизия старой русской армии фактически перестала существовать в начале февраля 1918 года, а декретом Советской власти от 3 марта окончательно была расформирована и вся «старая Императорская армия». Но уже летом того же года она стала возрождаться из пепла. И об этом рассказ в следующей главе.

РУССКАЯ ТРАГЕДИЯ

*Все теперь против нас,
будто мы и креста не носили,
Будто асиды мы
басурманской крови.
Даже места нам нет
в ошалевшей от горя России,
И Господь нас не слышит –
зови, не зови...*

Юрий Борисов

Что же произошло с Россией в семнадцатом году? В чем причины той трагедии, что обрушилась на некогда Великую Империю? Попробуем проанализировать...

Германия вела тяжелейшую войну на два фронта, истощив себя до крайности. Ее союзники были еще в худшем положении. Австро-Венгрия, этот гигантский конгломерат народов, шаталась и трещала по швам, готовая вот-вот рухнуть. Невероятными усилиями, закрывая своими частями прорехи австро-венгерских позиций, Германии удалось в 1916 году оттянуть конец и полный разгром своего основного союзника. Однако потери на Восточном фронте были ужасающие. Призрак Бисмарка, с его предсказаниями об исходе войны с Россией, нависал над Германией.

Второй союзник – Турция, терпела одно за другим поражение от русских войск генерала Юденича на Кавказском фронте. Затяжная позиционная война на Западном фронте также не предвещала ничего хорошего. Предстояло вступление в мировую бойню на стороне Антанты Соединенных Штатов Америки, с их необозримым и еще не тронутым, но наоборот, усилившимся за счет поставок вооружения союзникам, военно-экономическим потенциалом. Германии нужно было каким угодно способом вывести из войны главного противника – Россию. В том, что Российская Империя при всей ее зависимости от союзников, при бездарности русского высшего военного командования, представляла для Германии основную угрозу, германский Генеральный штаб даже не сомневался. Можно было до бесконечности «утюжить» друг друга на Западном фронте тяжелой артиллерией, не неся при этом значительные потери в живой силе, но на Восточном фронте все было с точностью наоборот. Германские потери восполнялись уже только за счет Западного фронта, ибо все резервисты, от юнцов до глубоких стариков, были поставлены в строй, а людские ресурсы русских, несмотря на все видимые успехи в продвижении германских войск в глубь России, не убывали. Гигантские пространства России затягивали, как смертельный омут, а расстрелянные русские полки вставали, казалось, из могил и с тем же упорством и отвагой шли снова и снова на колючую проволоку, прорывая ее своими телами, прямо на пулеметы, под шрапнель, и конца им не было. Русская пехота была неистребима. Если не взорвать Россию изнутри, то снова русский солдат войдет в сердце Германии – Берлин, ибо четвертой кампании ей уже было не выдержать.

Аналогичные мысли овладевали и Антантой. Разгром Германии был предрешен, но в недалеком будущем предстоял раздел мира, и здесь было очень заманчиво оставить Россию без ее куска пирога. Зарождавшаяся ось Великобритания – США, при разгромленной Турции и отодвинутой в сторону России, имела бы доступ ко всему нефтяному поясу от Каспия до Персидского залива. А обладание нефтью означало мировое господство.

Вот и оказывается, что противники, что союзники, – **все** были заинтересованы в крахе России. Недаром говорил Александр III, что у России лишь два союзника – это ее армия и ее флот.

Поэтому следовало и тем, и другим, я имею в виду Германию и Антанту, найти в самой России силы, способные своими руками нанести удар в спину Действующей армии и флоту, дабы лишить страну истинных союзников. Эти силы должны были взять на себя миссию «спасения Отечества», только от чего – не понятно. И они нашлись...

Первый заговор зрел в великокняжеской среде и придворной челяди, недовольных «слабохарактерностью» Царя и «неблагонадежностью» Царицы, списывая на это все неудачи на фронте. Не понимая, что рубят сук, на котором сидят сами, они с радостью приветствовали любые псевдодемократические веяния в стране.

Другой заговор, тесно переплетающийся с первым, зрел в Государственной Думе во главе с Родзянко, недовольной тем, что ее могут распускать и собирать по воле Царя. К ней примкнул Земский союз во главе с князем Львовым, Городской союз и Военно-промышленный комитет с Гучковым. Обладая думской трибуной, прессой и огромными денежными средствами, эта группа в наибольшей степени влияла на общественное мнение в стране. Война рассматривалась ими как средство личного обогащения, им нужно было ограничить или ликвидировать самодержавие, чтобы вместе с союзниками самим участвовать в общем дележе добычи. Опять же как и первая группа, они не понимали истинных целей союзников, но при этом ставили главной своей задачей демократизацию общества путем установления парламентской республики. В своем «демократическом» порыве они зайдут так далеко, что выйти уже не будет никакой возможности. Превратив регулярную армию в революционную, они получают тот самый вооруженный народ, который легко будет поддаваться любой агитации и повернет туда, куда ему укажут наиболее приемлемые для него лозунги. Этот вооруженный народ сметет и их самих.

Ну и наконец, третьей силой, затаившейся в подполье после поражения революции 1905–1906 годов и нескольких лет «столыпинской реакции», была социал-демократическая рабочая партия (большевиков), о которой все забыли. Между тем она-то как раз и представляла собой особую опасность, поскольку ее главными целями были поражение в войне и социальная революция, причем

только путем вооруженного восстания. Учитывая неудачный опыт боев рабочих дружин с регулярной армией, задачей номер один было разложение армии. Используя поражение в войне, нужно было лишить Россию ее армии, как единственно возможной силы, способной подавить вооруженное восстание. Полное совпадение целей германского Генерального штаба и партии, возглавляемой Ульяновым-Лениным, обеспечивало ей всемерную поддержку со стороны Германии.

Используя друг друга, все три группы шли к заветной цели с одной лишь разницей, что последняя группа четко ставила себе задачу уничтожить остальных. Так начиналась Русская Трагедия.

Разложив и деморализовав армию, вызвав массовое дезертирство с фронта и практически открыв его противнику, большевики умело воспользовались грызней между остальными «демократами» и в октябре 1917 года захватили власть. Что нужно было уставшему от войны солдату? Мир. Большевики его тут же провозгласили. Что нужно было крестьянину? Земля. Большевики тут же ее раздали. Национальные окраины затребовали независимость? Пожалуйста! Все, что могло сыграть на руку захватившим власть, шло в ход. Вот вам и «триумфальное шествие Советской власти» в первые месяцы после Октября, как нас учили по старым учебникам.

Но как глубоко проникли в общество лозунги, провозглашенные большевиками, еще никто не догадывался, и какая последует на это реакция, какие произойдут метаморфозы в человеческом сознании, во что все это выльется, никто себе не представлял. Каждый, в том числе и большевики, стал искать выход из создавшейся ситуации и решать насущные вопросы теми способами, что представлялись возможными и единственно правильными.

Уничтожив путем разложения старую армию, большевики, в первую очередь, стремились истребить ее костяк – офицерство. Подкупая солдатскую массу отвечающими их интересам лозунгами и одновременно пробуждая в них самые низменные и шкурные инстинкты, большевики добились главного: уже после февраля 1917 года положение офицеров стало невыносимым. Для офицера сама идея прекращения войны была синонимом гибели России, но все их попытки сохранить боеспособность армии встречались в пря-

мом смысле слова «в штыки» распропагандированными солдатами и матросами. Офицеры гибли прямо на митингах, призывая части к выступлению на позиции, офицеры гибли в боях, оставаясь одни в окопах, пока их полки обсуждали и готовили резолюции, офицеры гибли от рук разъяренной толпы просто за то, что они офицеры. А то, что началось уже после октября 1917 года, иначе как кровавой вакханалией по отношению к офицерству не назовешь. Большевики прекрасно понимали, что на их пути к овладению Россией станет русское офицерство. Да, пусть временно растерявшееся от унижений, от краха всего во что верило, с сорванными погонами и чудом оставшееся в живых, растворившееся после заключения мира с Германией в просторах России или ушедшее за границы, но в конце концов, способное опомниться, организовать и дать отпор. Потому ненависть к офицерству была так высока.

И большевики были правы в своих опасениях! Растоптанное и попранное русское офицерство собиралось с силами. Наиболее активная часть шла на Дон, на Кубань и в Сибирь, где активизировалась борьба с большевизмом, где участились вооруженные выступления против Советов. Многие уходили в армии вновь образовавшихся государств, чтобы хоть как-то противостоять расползающейся угрозе. На Украине власть приняла Центральная Рада, избравшая главой – гетманом всей Украины, генерал-лейтенанта Скоропадского, командовавшего XXXIV армейским корпусом, а до этого 1-й гвардейской кавалерийской дивизией. Скоропадский считал, что скоро «это» (он имел в виду большевизм) закончится, и Украина, как и прежде, войдет в состав великой и неделимой России. Поэтому многие русские офицеры поступали на службу в украинскую армию, что было некой самоорганизацией, ибо националистической она была лишь по применяемым «самостийным» атрибутике и фразеологии. Помимо украинской армии гетман Скоропадский способствовал и формированию специальных частей добровольцев из офицеров и помогал их переброске на Дон. Поскольку Украина помимо гетмана была под властью еще и немцев, в результате Брестского мира, то правительство Центральной Рады считалось прогермански настроенным. В противовес ему выступала националистическая армия Петлюры,

*Генерал-лейтенант
П. Н. Врангель*

*Чины 5-го
Александрийского
гусарского полка
на похоронах генерала
П. Н. Врангеля.
1928 г.*

Состоящий в резерве
гений Одесского В. О.

Генерал лейтенантъ

Баронъ Маннергеймъ

№ 1

Г. Тельсингфростъ

1 января 1918 г.

НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО ШТАБА

Главный штаб
2 января 1918 г.
№ 3997

Р а п о р т ъ ,

Ввиду признанія независимости
Финляндіи, считая долгомъ своимъ,
какъ финляндскій подданный, прошить
распоряженія Вашего объ увольненіи меня
въ отставку.

Генералъ лейтенантъ Баронъ Маннергеймъ

Главный штаб
Отдел пенсионный и по
службе солдат

26.03.18 № 10691

генерал-лейтенанту
Г. Маннергейму назначена
пенсія из госказны
3761 рублей в год.

Главный штаб

Согласно разрешенія за
Управляющего Военнымъ
Министерствомъ Маннергеймъ
уволенъ въ отставку
21 февраля 1918 г.

Рапорт генерал-лейтенанта барона Маннергейма об отставке.
1918 г.

Церковь на кладбище Сен-Женевьев де Буа

Памятник казакам (вид сзади)

Памятник русской Императорской Гвардии

Памятник галлиполийцам

которая была и против немцев, и против большевиков, и против гетмана. Уход немцев с Украины в связи с разразившейся у них революцией моментально активизировал действия петлюровских войск, а Скоропадский был не в состоянии организовать оборону, и Центральная Рада перестала существовать. Пытавшиеся задержать продвижение петлюровских куреней отдельные русские офицерские дружины были малочисленны и плохо вооружены, а потому обречены на поражение. Вступление Петлюры в Киев ознаменовалось, прежде всего, террором по отношению к русскому офицерству, не уступающим по своей жестокости большевистскому. Одно утешало, что петлюровская Директория просуществовала всего несколько месяцев, сметенная большевиками.

К этому времени русских офицеров на Украине практически не оставалось. Одни сразу ушли к добровольцам на Дон, другие после разгрома гетманской армии присоединились к ним или перешли на службу к Петлюре, многие были убиты. Часть из них отделилась от Петлюры и даже сформировала свои собственные армии, ведя уже практически самостоятельную партизанскую войну – атаманы Зеленый, Григорьев, а некоторые служили у Махно, несмотря на его личную неприязнь ко всему русскому офицерству.

Основными центрами консолидации офицерства в Белом движении стали Донская область, Кубань и Румыния, где самостоятельно формировались добровольческие части, впоследствии влившиеся в Добровольческую армию. То, что офицерство стало основой Белого движения было совершенно закономерно: его монархические устремления, по-прежнему основанные на триединстве понятия «За Веру, Царя и Отечество», и безусловно, связанные с вековыми традициями русской военной истории, навсегда вошли в плоть и кровь офицеров. Внутри самого офицерства и генералитета существовали разные тактико-политические ориентации: наряду с основной – «союзнической», проявлялась и прогерманская (Скоропадский на Украине, Краснов на Дону и Маннергейм в Финляндии). Но последнее было скорее данью необходимости и подчинения обстоятельствам или, как в случае с Финляндией, было результатом недалековидности ее правительства, не слушавшего Маннергейма.

С весны 1918 года большевики, выведя Россию из Мировой войны, перестали интересовать Германию, как союзники. К самому большевизму германское военное командование относилось неприязненно и все больше склонялось на сторону борющегося с ним русского офицерства, чего нельзя сказать о правительстве Германии и ее политиках. Но в деле сохранения национально-государственного единства России все антибольшевистские силы были заодно. Идея создания новой армии, взамен разрушенной большевиками, соответствовала идее воссоздания великой единой и неделимой России и была объединяющей для всего Белого движения на Юге, Севере, Востоке и Западе.

Так зарождалась Белая Армия. Мы не будем подробно освещать весь ход Гражданской войны, ибо это невозможно сделать в одной главе. Здесь мы попытаемся проследить, что случилось с теми славными кавалерийскими полками Русской армии, где проходила служба Маннергейма.

В Белом движении именно кавалерийские части дали наибольшее количество возрожденных полков. К этому обязывали вековые традиции, которые продолжали неукоснительно соблюдаться, поэтому стремление воссоздать родной полк было всеобщим. Помимо этого, кавалерийские части за годы войны понесли гораздо меньшие потери среди офицерского состава, по сравнению с пехотой, где кадровое офицерство было практически выбито и заменено офицерами так называемого военного времени: за счет ускоренных выпусков военных училищ, школ прапорщиков, производства за боевые отличия из рядового состава. В пехоте сильно изменился и социальный состав офицерства. Кадровые офицеры были, как правило, потомственными военными, в отличие от офицеров военного времени, принадлежащих к совершенно разным социальным слоям населения – из крестьян, мещан, интеллигенции и так далее. Офицеры-кавалеристы были более консолидированы и связаны полковыми традициями, поэтому большинство из них так стремилось воссоздать свои, ставшие им родными, полки.

12-я кавалерийская дивизия не стала исключением. После развала армии часть офицеров дивизии, в первую очередь поляки, покинула полки и ушла в Польшу, где формировался корпус гене-

рала Довбор-Мусницкого; часть временно поступила на службу в гетманскую украинскую армию. Так, под знамена Скоропадского перешли: полковник Алексей Павлович Волоцкий, Ахтырского полка (с ноября 1918 года в Добровольческой армии, в Крымском конном полку), полковник Николай Нестеровский, Стародубовского драгунского полка (с лета 1919 в Добровольческой армии, в Мариупольском гусарском полку), полковник Григорий Михайлович Лермонтов, Белгородского полка (с ноября 1918 года в 1-м уланском полку Добровольческой армии). Как мы видим, практически все ушедшие к гетману офицеры 12-й дивизии переход в украинскую армию расценивали как временную меру, и впоследствии все встали под знамена Добровольческой армии.

Ахтырского полка штаб-ротмистр Борис Васильевич Ерофеев и Белгородского полка подполковник Николай Всеволодович Шинкаренко сразу же ушли на Дон, где сначала воевали в партизанском отряде Чернецова, а затем участвовали в знаменитом «Ледяном» походе.

События в России, стремительно развиваясь, принимали стихийный характер. В январе застрелился бывший командир 12-й дивизии, всеми горячо любимый, Каледин – в то время атаман Войска Донского. Пал Ростов, где начинала зарождаться Добровольческая армия, а затем пал и весь Дон.

Еще одна группа офицеров дивизии уехала в Кишинев, где формировался добровольческий отряд под руководством начальника 14-й пехотной дивизии полковника Дроздовского. Отряд начал формироваться в конце 1917 года в Яссах, где располагался штаб Румынского фронта, и куда стекалось множество офицеров из окончательно разложившихся полков.

Командующий фронтом генерал Щербаков оказывал максимальную поддержку организации отряда. Аналогичные отряды формировались в Кишиневе и в других местах. Многие офицеры фронта ждали приказа Командующего фронтом, чтобы явиться в формирующиеся части, однако Щербачев с этим не спешил. После того, как пал Ростов и прервалась связь с Добровольческой армией генерала Корнилова, Щербачев отдал приказ о роспуске уже со-

бранных отрядов. Однако Дроздовский отказался его выполнить и со своим отрядом, а также с присоединившимися к нему офицерами из Кишинева и других мест, 26 февраля в составе 1050 человек вышел на Дон на соединение с Добровольческой армией. Пройдя с боями 1200 верст, 21 апреля 1918 года взял Ростов и соединился с восставшими казаками. 24 апреля освободил Новочеркасск и 27 мая соединился с Добровольческой армией.

Девятого февраля начался знаменитый 1-й Кубанский («Ледяной») поход Добровольческой армии. Вынужденно оставив большевикам Ростов, 9 февраля армия выступила на Кубань, в направлении Екатеринодара, имея целью соединиться с кубанскими белыми частями. В составе армии было 2325 офицеров (в том числе 36 генералов) и 1067 добровольцев. 30–31 марта предприняли неудачную попытку взять город (при соотношении сил 1:10). При отходе от Екатеринодара случайным снарядом был убит генерал Корнилов, являвшийся по сути идейным вождем и вдохновителем всего Белого движения. После смерти Корнилова армия повернула назад, на Дон, где уже началось восстание казачества, пройдя за 80 дней (из которых 44 дня составляли бои) 1050 верст.

Двенадцатого мая 1918 года, в день полкового праздника белгородских улан, офицеры 12-й дивизии собрались в Ананьеве и совместно приняли решение о поездке на Дон, где Добровольческая армия, оправившись после 1-го Кубанского похода, собиралась продолжить борьбу, а донские казаки во главе с атаманом Красновым уже вовсю сражались с большевиками.

Двадцать четвертого июня 28 офицеров 12-й дивизии прибыли в Новочеркасск во главе с генералом И.И. Чекатовским, бывшим командиром Стародубовского полка. Отпраздновав 2 июля праздник ахтырских гусар, с 5-го числа офицеры были зачислены во 2-й конный офицерский полк дивизии Дроздовского, командиром которого стал генерал Чекатовский. К ним присоединилось еще несколько офицеров 12-й дивизии, пришедших раньше вместе с отрядом Дроздовского.

Так, 12-я дивизия влилась в Добровольческую армию и приняла участие во 2-м Кубанском походе под руководством генерала Деникина. Постепенно к полку присоединялись и другие офицеры слав-

ной дивизии, которой когда-то командовал Маннергейм, временно служившие в других частях Белой армии. Был взят Екатеринодар, Армавир, шли бои под Ставрополем. 19 ноября 1918 года был получен приказ генерала Деникина, разрешающий 12-й дивизии выделиться в самостоятельный эскадрон при 2-м конном офицерском полку (7-й по номеру в полку). Командование эскадроном принял полковник Белгородского уланского полка А.А. Байдак. Этим было положено формирование полков 12-й дивизии. Все понимали, что только собравшись вместе, независимо от того гусар ли ты, улан или драгун, офицеры смогут объединенными усилиями воссоздать свои прежние полки. На первых порах эскадрон состоял из 43 пашек и 150 пеших при 2-х пулеметах. С 27 декабря 1918 года он непрерывно на Украине – в боях с махновцами. В феврале 1919 года усилиями генерала Чекатовского и полковника Ахтырского гусарского полка Г.Н. Псиол, старавшихся создать отдельную единицу 12-й кавалерийской дивизии, был достигнут определенный успех. Приказом Главнокомандующего № 511 от 22.02.1919 г. эскадрону разрешалось развернуться в отдельный дивизион 12-й дивизии. Ему предписывалось отойти в город Дмитриевск Донской области и приступить к разворачиванию и формированию дивизиона 3-х эскадронного состава по числу полков – Драгунский, Уланский, Гусарский. Командиром дивизиона был назначен полковник Псиол, его помощником – полковник Стародубовского полка Калугин, эскадронными командирами: Драгунским – штаб-ротмистр Савицкий, Уланским – полковник Байдак и Гусарским – штаб-ротмистр Аглаимов.

В апреле дивизион был переведен в Ростов в резерв штаба армии для поддержания порядка в городе. К концу апреля дивизион пополнился людьми, были произведены закупки лошадей и таким образом он был доведен до 6-и эскадронного состава. 9 мая 1919 года, в день полкового праздника белгородцев, сводный дивизион 12-й кавдивизии посетил Главнокомандующий генерал Деникин. После смотра по просьбе всех офицеров дивизион был переименован в сводный полк 12-й кавдивизии имени генерала Каледина. Командиром назначен полковник Псиол. Каждый дивизион полка теперь состоял из двух эскадронов: один конный и один пеший, в среднем по 60 человек при 2-х пулеметах.

Семнадцатого мая полк получил приказ грузиться и идти в Юзовский район, где предстояли новые бои с Красными частями. От результатов первого боя зависела участь полка. Это все прекрасно понимали. Бои 21 и 23 мая, с форсированием Донца, были очень тяжелыми, но большевики бежали. Беспрецедентная храбрость офицеров и добровольцев только что сформированного полка отбросили всякие сомнения за его будущее. Доблесть офицеров-ветеранов полка увлекла за собой молодых и неопытных добровольцев и поставила их в один ряд. Большевики отходили к Харькову. Полку была поставлена задача – перерезать железнодорожную линию Харьков – Лозовая. В районе села Алексеевка начинаются упорные бои с красными. Село несколько раз переходит из рук в руки. Полк ведет бой с двумя красными пехотными полками, поддерживаемыми бронепоездом и конницей из башкир. Но сил явно недостаточно. Под команду полковника Псиола передается 3-й батальон Дроздовского полка и батарея полковника Станкевича.

Спротивление противника было сломлено, Алексеевка взята, бои продолжились вдоль линии железной дороги при поддержке подошедшего к белым их бронепоезда «Гром» и закончились взятием узловой станции Мерефы. После этого батальон дроздовцев был отозван для наступления на Харьков, а кавалеристы получили задачу оборонять захваченную станцию и вести разведку в полтавском направлении. 20 июня дивизионы улан и гусар со взводом артиллерии под началом командира полка кавалерийским набегом взяли город Валки. Драгуны со вторым взводом артиллерии остались прикрывать станцию Мерефу от возможного флангового удара красных.

В июне–июле полк непрерывно вел тяжелые бои, сосредоточившись у города Валки. За это время были взяты Харьков и Полтава. Полк получил неделю отдыха и пополнился добровольцами из освобожденных городов, офицерский состав, также поредевший в боях, пополнился старыми белгородцами, стародубовцами и ахтырцами из освобожденных Харькова и Полтавы.

В наступлении по направлению к Киеву полк был брошен в бой в составе 1-й кавалерийской дивизии генерала Чекатовского. В конце июля и в начале августа полк продолжал наступление и вел

бои за города Бахмач, Конотоп и Нежин. Перешедшие в контрнаступление Красные части потеснили дивизию немного назад, но было приказано свести все пешие эскадроны в полк под командованием сначала полковника Апрелева, затем полковника Байдака, а конные эскадроны в один отряд, который лихим рейдом взял снова Бахмач. Далее полк постоянно участвует в боях, пополняя конные эскадроны, несущие потери, за счет своих пеших частей.

В конце года обстановка резко изменилась и стала ухудшаться с каждым днем. Ослабленные боями Белые части медленно отходили на юг. В ноябре врасплох был застигнут эскадрон Стародубовского полка, его командир поручик де Витт, а также еще три офицера – поручик Рафтопуло и корнеты Родионов и Кононец, захвачены в плен и расстреляны в деревне Ново-Софиевка.

Заботы высшего командования сводились к тому, чтобы с минимальными потерями вывести остатки армии из-под удара и сохранить ее для будущего. В самом конце года сводный полк 12-й дивизии переходит Дон. Армия реорганизовалась в корпус под командованием генерала Кутепова и заняла фронт у Азова на стыке с донцами, стоявшими дальше на восток по реке Маныч. Из-за больших потерь сводный полк 12-й дивизии снова свернулся в эскадрон, имея по взводу от каждого полка, и насчитывал всего 120–130 шашек под командованием полковника Байдака. С приходом пополнения эскадрон опять был развернут в дивизион, насчитывая в каждом эскадроне 60–80 шашек при 2–4 пулеметах.

Красные, дойдя до Дона и взяв Ростов, остановились, что дало возможность отдохнуть и добровольцам. Утром 6 января конница Буденного повела наступление на станцию и станицу Батайск. В три часа дня разыгрался кавалерийский бой между станицами Ольгинская и Батайском.

Конная атака регулярной кавалерии, в которой принимал участие и дивизион 12-й дивизии в сомкнутом строю, решила участь боя. Конница Буденного была опрокинута и спаслась бегством, оставив в качестве трофея свою артиллерию и пулеметы.

К февралю 1920 года ряды Добровольческой армии пополнились, она окрепла морально и физически и была готова перейти

к активной обороне. Однако 17 февраля конный бой под станицей Егорлыкской, несмотря на фактически одержанную победу, полностью обескровил всю кавалерию белых. Причинами этого были нежелание кубанских казаков участвовать в бою и тяжелые потери от мороза, понесенные донцами во время перехода через Сальские степи. Лишь регулярная кавалерия трижды ходила в атаку на конные массы красных, но не поддержанная казаками, с большими потерями (до 50%) была вынуждена отойти на исходные позиции. Этот бой фактически решил участь Добровольческой армии. Полки, ведя арьергардные бои, отступали сначала за Ею, затем за Кубань. Все устремились к Новороссийску. Полковник Байдак, сменивший заболевшего тифом полковника Псиола, 9 марта получил приказ вместе с батальоном марковцев и броневедомствами удерживать Абрау-Дюрсо, прикрывая Новороссийск с запада. Задача была выполнена. Лишь 11 марта под давлением превосходящих сил красных (16-я дивизия конницы Буденного) эскадроны 12-й кавалерийской дивизии отошли к Новороссийску. 13 марта поступил приказ – бросить лошадей и грузиться на пароход «Аю-Даг». Белая армия сосредоточивалась в Крыму. Приказом Главнокомандующего № 2899 от 4 апреля 1920 года командование вооруженными силами Юга России принял генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель. Все войска, вывезенные в Крым, были реорганизованы в Русскую армию в составе трех армейских корпусов, кавалерия была сведена в отдельный конный корпус генерал-лейтенанта Ивана Гавриловича Барбовича.

Сводный полк 12-й дивизии был переименован в 3-й кавалерийский, которым по-прежнему командовал вернувшийся в строй полковник Псиол. В одном из боев с буденновцами командир дивизиона полка, ахтырец, полковнику Аглаимову, удалось отбить у трубача красной конницы трофей, оказавшийся трубой с надписью «36-у Драгунскому Ахтырскому полку». Но тем не менее, развязка приближалась. Силы Белой армии таяли. Кадровые офицеры, составлявшие костяк армии, гибли один за другим, незаметно исчезали, а пополнения им уже не было.

В конце июня в Северной Таврии гибнет полковник Псиол, командир 3-го кавалерийского полка, состоявшего уже из остатков офицеров 12-й дивизии. Его должность вновь принимает

полковник Байдак. На его место во главе эскадрона белгородцев назначается штаб-ротмистр В.Б. Кузьмин-Караваев. 3 сентября в бою под Каховкой дивизион полка, состоявший из эскадрона стародубовцев и эскадрона ахтырцев под общим командованием полковника Аглаимова атаковал буденновцев, но в ходе боя был окружен и понес огромные потери. В частности, погиб подполковник Борис Васильевич Ерофеев, командир ахтырского эскадрона, еще штаб-ротмистром участвовавший в «Ледяном» походе.

8 ноября Красная армия начала штурм Перекопа и Чонгарского перешейка. После упорных боев оборона была прорвана, и Белые части стали отходить к черноморским портам.

Потери в боях с красными по 12-й кавалерийской дивизии составили около 50% кадровых офицеров полков (из состава Стародубовского полка, из 24 кадровых офицеров – 12, в Белгородском погибло 25 офицеров и так далее).

Что касается офицеров Гвардейских кавалерийских полков, боевые летописи которых мы рассматривали в этой книге, то надо отметить, что большинство из них сразу же после февраля 1917 года наиболее активно включилось в борьбу с революцией. И в течение всей Гражданской войны – гвардия по праву гордилась этим – ни один кадровый офицер из ее состава не состоял на службе у большевиков. Вообще, по кавалерийским полкам этот показатель (имеется в виду число перешедших на службу к красным) крайне низок: 1–3 человека на полк. Большинство офицеров кавалерии было в Белом движении. Мы уже говорили о том, что сохранившееся кадровое офицерство, вышедшее из потомственной военной среды, до самого конца поддерживало моральный дух полков.

Кавалергардский полк все лето и осень 1917 года нес службу на станциях Шепетовка, Казатин и Бердичев, выполняя по сути неблагодарную военно-полицейскую обязанность по отлову дезертиров, задержанию их и дальнейшему возвращению на фронт. Кроме того, полк встречал прибывавшие из тыла эшелоны с уже распропагандированным большевиками пополнением. Все это сопровождалось непрерывными столкновениями и перестрелками с совершенно распоясавшимися и разнузданными, но вооруженными

толпами, в которых были как дезертиры, так и шедшие на фронт запасные пехотные полки. Когда все рухнуло, офицеры полка, группами, стали пробираться в те районы, где сосредоточивались силы для борьбы с большевизмом. Так же действовали офицеры и других гвардейских кавалерийских полков.

Кавалергардский полк начал свое возрождение как боевой единицы с конца октября 1918 года в Новороссийске, когда был создан взвод конных разведчиков под командованием полковника кирасир Ея Величества Данилова. В него входили кавалергарды – полковник Д.В. Коссиковский и штаб-ротмистры И.Д. и А.Д. Толстые. Спустя месяц к ним присоединились штаб-ротмистры В.В. Шебеко и граф Р.В. Мусин-Пушкин, а также трое вольноопределяющихся – В.К. Львов, граф С.Д. Шереметев и граф В.В. Мусин-Пушкин. состоялось совещание старших представителей бывшей 1-й кирасирской дивизии старой армии о разворачивании взвода разведчиков в эскадрон, в котором каждый бывший полк был бы представлен взводом. Эскадрон перебрасывается под Мелитополь и приступает к формированию уже Сводно-гвардейского полка, где эскадроны разделялись по прежним названиям старых гвардейских полков.

Постепенно в полк стягивались кадровые офицеры, уже воевавшие с большевиками в других соединениях или временно скрывавшиеся по домам от красного террора: штаб-ротмистр М.В. Безобразов, с начала 1918 года участвовавший в боях с красными на Перекопе в составе 2-го Крымско-Татарского полка, ротмистр граф Г.А. Шереметев, дравшийся до этого в составе Чеченской дивизии, ротмистр граф А.В. Гендриков, штаб-ротмистры Г.С. Воеводский, барон Г.А. фон дер Остен-Дризен, Г.Г. Раух, А.Н. Шебеко, корнеты П.А. Рогович, В.С. Воеводский, П.А. Струков. Кроме того, кавалергардский эскадрон пополнялся и молодежью. Так к нему были причислены: юнкер Николаевского кавалерийского училища И.Н. Чудово-Адамович, уже участвовавший в «Ледяном» походе и за боевые отличия произведенный в корнеты, юнкер Одесского пехотного училища К.А. Шендель, учащиеся Александровского лицея Н.С. Исаков, Н.Н. Герард, В.В. Скаржинский, Б.В. Мартынов, И. Бибииков, кадеты Полоцкого корпуса В.И. Ситковский, Е.В. Ву-

румзер, гимназист 2-й Киевской гимназии Е. Бухарин. Все они были впоследствии за боевые отличия произведены в корнеты. Вместе с беженцами в полк прибыл и старый солдат-кавалергард, старший унтер-офицер полка А.Н. Гневшин, принявший на себя обязанности вахмистра эскадрона и немедленно занявшийся обучением пополнения, особенно молодежи, что весьма способствовало спайке рядовых кавалергардов, и эскадрон быстро принял строевой вид. Конский состав был также укомплектован прекрасными, но еще не выезженными лошадьми с завода Фальц-Фейна.

Кроме офицеров и юнкеров, остальные могли в лучшем случае лишь сидеть на лошади, и учитывая необъезженность коней и неопытность всадников – задачи перед эскадронами стояли весьма сложные. Поэтому кадровые офицеры-кавалергарды с помощью опытного вахмистра также прикладывали максимум усилий, чтобы в столь сжатые сроки превратить эскадрон в боеспособную часть. Надо отметить, что хотя Сводно-гвардейский полк и не участвовал непосредственно в боевых действиях армии в данный момент, но назвать его стоянку «мирной» было невозможно. Приходилось постоянно высылать разъезды и отбиваться от действовавших в округе банд атамана Григорьева. В марте активизировались красные, и Сводно-гвардейский полк, в состав которого входил эскадрон кавалергардов, принял участие в боях с ними. Под давлением превосходящих сил противника гвардейцы отступали к Крыму.

Надо пояснить, что все формирования Белой армии весьма условны по отношению к масштабам регулярной армии. Все эти созданные дивизии, бригады, полки, эскадроны, роты и батареи, по своему боевому составу ничего общего со своими наименованиями не имели. Это в полной мере относится и к кавалерии – состав эскадрона колебался от двух-трех десятков шашек до 60–80, редко достигая цифры 100–120. Все это зависело не столько от количества людей, сколько от наличия конского состава.

И так с боями, прикрывая отступающую пехоту, полк двигался вслед за ней. 4 апреля красные прорвали оборону и начали продвижение в глубь Крымского полуострова. Отходя и неся потери, кавалергарды, тем не менее, не забывали о необходимости устройства

и содержания запасного подразделения, откуда можно было бы получить подготовленное, обученное и, что немаловажно, проверенное пополнение. При обычных мобилизациях в строй часто попадали случайные люди, которые при каждом удобном случае могли или дезертировать, или даже перебежать к красным. Поэтому была выделена запасная команда во главе со штаб-ротмистром Безобразовым и отправлена в тыл, где и проходило обучение рядовых солдат.

В апреле 1919 года белые перешли в контрнаступление, причем кавалерия отличилась блистательным рейдом по тылам красных, и выбили их из Крыма, развивая наступление в Северном Причерноморье и на Украину.

Вся конница была подвергнута реформированию и сведена в одну дивизию под командованием кавалергарда, бывшего командира лейб-гвардии Уланского Ея Величества полка полковника Миклашевского. В состав дивизии вошли: Сводно-кирасирский полк (вместе с кавалергардами) под командованием полковника Данилова, гвардейский Сводно-кавалерийский полк под командованием полковника Ковалинского, 2-й Офицерский Дроздовский полк и Сводный полк Кавказской дивизии.

В результате удачных боев в июле 1919 года Сводно-кирасирский полк вышел к Каховке. За время наступления кавалергарды, подобно остальным эскадронам полка, развернулись в дивизион, сформировав 2-й эскадрон и собственную пулеметную команду. Пополнение было произведено за счет пленных красноармейцев, которые оказались на удивление отличными солдатами. Для пополнения конного состава снова были получены лошади из Аскании Нова с заводов Фальц-Фейна.

Перед полком ставится задача захватить город Бахмач и перекрыть железнодорожное сообщение Киев–Москва. Для кавалергардов начинается новый период Гражданской войны, ознаменовавшийся целым рядом конных атак, тяжелых, длительных ночных и дневных, в зной и стужу переходов. Это было тесно связано с маневренной войной 1919–1920 годов, где кавалерии досталось играть главенствующую роль.

Помимо боев с Красной конницей и пехотой, постоянно приходилось отбиваться от многочисленных банд, расплотившихся в невероятном количестве в тылу. Люмпенизация деревень, начавшаяся

с большевистского лозунга о вседозволенности: «Грабь награбленное», плюс оружие, захваченное дезертирами на войне, все это вместе взятое, пробуждало самые низменные инстинкты в малограмотном батрацком населении. Отсюда многочисленные банды, руководимые порой сельской интеллигенцией или младшим офицерством военного времени, также развращенных марксистской или анархистской идеологией.

Наступление Белой армии продолжалось. Последовательно были взяты Нежин и Бахмач. Бои за Нежин были особенно тяжелыми. Город несколько раз переходил из рук в руки, пока не удалось окончательно выбить оттуда красных. Бахмач так же брался с ходу, затем оставлялся и снова штурмовался. К красным постоянно подходило подкрепление, и они непрестанно стремились отбить утраченные позиции и населенные пункты.

Безостановочное, победоносное наступление Белой армии на Юге России к концу сентября постепенно утратило свой порыв. Огромная линия фронта протянулась от Каспийского моря на Царицын, затем Воронеж, Елец, Орел, Бахмут, Чернигов, Киев, затем соединялась с войсками Петлюры по линии Фастов–Казатин и далее до реки Збруч, где она впадает в Днестр. Организованного тыла не было. Армия должна была выделять значительные силы для охраны железнодорожных узлов, городов, одновременно противостоять партизанским отрядам красных и бандформированиям атаманов Махно, Шуся и Шубы. Белая армия, постепенно теряя инициативу, перешла к обороне. А затем начала отступать...

Всю осень, а также наступившую зиму, кавалергарды провели в тяжелых изнурительных переходах, останавливаясь лишь для того, чтобы вступить в бой с преследующим их противником и хоть немного его задержать. Стояли сильные морозы. Дивизион кавалергардов уже давно превратился в эскадрон, потеряв значительное количество людей ранеными, обмороженными и убитыми. С каждым днем силы таяли. Каждый переход, каждый бой приносили новые потери. Из-за очень снежной зимы не представлялось никакой возможности атаковать в конном строю. Только пулеметные расчеты работали не останавливаясь, прикрывая отходящую кавалерию, чтобы потом на санях проскочить под самым носом у красных. Отходили до Азовского моря.

Здесь накануне Нового 1920 года к полку подошло подкрепление из Павлограда, где находились все запасные части полка, подошел и созданный отдельно от самого полка 3-й эскадрон кавалергардов во главе со штаб-ротмистром А.В. Чичериным, действовавший на полтавском направлении. Командиром полка стал кавалергард полковник Коссиловский.

Здесь же еще раз переформировали всю кавалерию в одну дивизию, составив из армейских полков 1-ю бригаду (в нее входили и остатки полка 12-й кавалерийской дивизии), из гвардейских – 2-ю. Так как Ростов уже был занят красными, то переправлялись через Дон по льду, под обстрелом противника. Красные попытались нагнать, но шедший в арьергарде Сводно-кирасирский полк развернулся и поддержанный лихим выездом на открытую позицию одной конной батареи контратаковал, и отогнал красных. Серьезных попыток помешать переправе они больше не предпринимали. Конницу Буденного в данный момент интересовал больше Ростов. Переправа через Дон прошла без особых осложнений, несмотря на то, что накануне красным удалось прогнать по реке ледокол и взломать лед. Но сильный мороз сделал свое дело – заново сковал разрезанный лед.

Как уже упоминалось ранее, после переправы через Дон вся армия была сведена в корпус под командованием Кутепова. Конница теперь состояла из одной бригады в два полка – армейский и гвардейский, куда вошли остатки всех эскадронов.

Шестого января был отбит натиск конницы Буденного. Бой начали донцы, схватившиеся с красной кавалерией. Было видно, как две лавы то откатывались, то накатывались друг на друга. Затем в бой пошли кубанцы, однако и красные ввели резервы и погнали казаков вспять на стоящие полки регулярной кавалерии. Расступившись, те пропустили кубанцев, а когда появились красные лавы, то разом ударили все полковые пулеметы. Две батареи выкатились на прямую наводку и также встретили буденновскую конницу ураганным огнем в упор. В одно мгновение красная лава была смята, и тут в атаку пошли регулярные полки, казаки развернулись и мгновенно присоединились к общей атаке. Артиллерия перенесла огонь через головы атакующих на красные тылы. На плечах буденновцев кавалерия белых врубилась

в их резервы и, перемешавшись, все понеслись к Дону. Разгром был полный. Захвачено общей атакой 14 орудий, 98 пулеметов и, главное, много лошадей. Но это была последняя победа.

Через полтора месяца под станицей Егорлыкской произошла трагедия. Корпуса Буденного и Думенко фактически уничтожили кавалерию белых, при том что, можно сказать, последние одержали победу. Но победа была «пирровой»! Трижды ходили в атаку на красные лавы остатки регулярных полков, при этом гвардейский полк шел в первой линии с 3-м конным полком. И поле брани осталось за ними. Но потери... Потери достигали 50%. Армия откатывалась к Новороссийску. Финал известен: побросав лошадей и загрузившись на пароход «Аю-Даг», вся кавалерия переправилась в Крым.

Оправившись от поражения и отдохнув в Крыму, Белая армия предпринимает последнее наступление. К кавалергардам присоединяется еще один офицер их полка – полковник князь А.А. Гагарин, участвовавший в борьбе Белого движения еще с «Ледяного» похода, а затем командовавший пехотным Алексеевским полком, теперь он возглавил дивизион во вновь организованном Гвардейском полку, куда были влиты все оставшиеся офицеры гвардейских полков после катастрофы под Новороссийском. Вырвавшись из узкого перешейка Крыма, белые стремятся развить успех на просторах Причерноморья. Кратковременные успехи под Каховкой и Александровском, где в жестоких сабельных рубках сходились красные и белые кавалеристы, не могли уже принести желаемого результата. Советская республика готовилась всерьез покончить с Врангелем, принявшим командование вместо Деникина. Был заключен мир с Польшей, союз с Махно, образован Южный фронт во главе с Фрунзе. Все освобождавшиеся силы сосредоточивались против Врангеля. Крым продержался до 15 ноября.

В течении почти двух лет боев Кавалергардский полк потерял 16 кадровых офицеров (семеро расстреляно, пятеро убито, четверо умерло от болезней).

Бывшая Варшавская гвардейская бригада была представлена в Белом движении лейб-гвардии Уланским Его Величества полком и лейб-гвардии Гродненским гусарским полком.

Офицеры лейб-гвардии Уланского Его Величества полка во главе с командиром полковником В.С. Гершельманом явились ядром 1-го кавалерийского дивизиона послужившего основой зарождения кавалерии в Белой армии. К началу 1918 года дивизион насчитывал 138 человек, в том числе 68 офицеров, представлявших многие конные полки Русской армии. С 1 января 1918 года начались бои с большевиками. Сведенный из-за потерь в эскадрон дивизион принял участие в «Ледяном» походе. От Варшавской бригады в него входили: лейб-гвардии Уланского полка штаб-ротмистры Н.Н. Римский-Корсаков и С.И. Новиков, поручик К.С. Муханов, юнкер Новочеркасского училища П. Григоревский, вольноопределяющийся князь В.Н. Никашидзе и Гродненского гусарского полка ротмистр А.А Адрианов.

В октябре 1918 года формируется Запасной кавалерийский полк на территории Таврической губернии и первоначально входит в состав Крымской дивизии. Командиром полка был полковник В.С Гершельман. С первых дней полк включал в себя эскадрон лейб-гвардии Уланского Его Величества полка (позднее развернутый в дивизион), эскадрон 5-го Александрийского гусарского полка, лейб-гвардии Конно-гренадерского и лейб-гвардии Драгунского полков, 2 эскадрона из крымских немцев-колонистов.

В январе 1919 Запасной кавалерийский полк, включая эскадрон улан, покинул Ялту и походным порядком проследовал в Симферополь, где загрузился в вагоны, собираясь отправиться на станцию Ново-Алексеевка, откуда опять походным порядком проследовал до Аскании Нова. Здесь он вступил в бой с махновцами. Эскадрон Уланского полка восемь часов выдерживал бой с пятикратно превосходящими силами противника.

Потери – командир полка полковник В.С. Гершельман, ротмистр Г.Ф. Богуцкий, корнет Марков-Горяинов; тяжело ранены – прапорщик Григоревский, ротмистр Римский-Корсаков, корнет Крыштофович. Ротмистр Богуцкий, командир эскадрона, намеренно не хотел укрываться от пуль и говорил: «Пусть эта сволочь посмотрит, как мы воюем!», и все ходил вдоль цепи, раздавая пачки патронов тому, у кого они кончились. Пуля попала ему прямо в сердце. Положение эскадрона становилось все тяжелее и тяжелее. Ротмистр

Римский-Корсаков должен был принять эскадрон, но получил ранение. За него эскадрон выводит прапорщик Григоревский, бывший юнкер, произведенный в офицеры за «Ледяной» поход.

Эскадрон уходит на переформирование и реорганизуется в дивизион. Командиром назначен ротмистр Д.А. Ковалинский (будет убит 19.10.1920 у села Рождественно), адъютантом – юнкер М.К. Борель. Вторым эскадроном командует ротмистр С.Ф. Грегер (погибнет 1.10.1920). В дивизионе уже собрались офицеры: штаб-ротмистры Н.М. Крыжановский, Б.А. Борзенко, С.И. Новиков, ротмистр Г.В. Лишин (убит под Каховкой летом 1920 года), поручики князь В.В. Волконский, С.А. Долинино-Иванский (умер от ран и тифа в феврале 1920), К.С. Муханов, Измайлов, В. Немирович-Данченко, корнеты П.А. Мейер и А. Вонсяцкий, прапорщики князь В. Накашидзе и П. Григоревский – оба участники «Ледяного» похода. В дивизион был принят маленький доброволец, 12-летний улан Его Величества, Миша Лифшиц. Махновцы на его глазах убили родителей, изнасиловали четырнадцатилетнюю сестру, а затем один из них вспорол ей живот птыком. Мальчик сбежал и пристал к добровольцам. Он хорошо ездил верхом, рубил своей маленькой пашкой и очень метко стрелял из карабина. К сожалению, мальчик погиб при крушении воинского эшелона со снарядами, куда он был отряжен в качестве конвоира.

Уланы Его Величества прошли весь крестный путь Белой армии и потеряли 26 офицеров (5 расстреляно, 13 убито и 8 умерло от болезней). В Галлиполи, после эвакуации из Крыма, прибыли семь офицеров.

Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк начал формироваться в виде эскадрона еще в мае 1919 года и первоначально входил в Сводно-гусарский полк, участвовал в боях в Донецком бассейне и наступлении на Харьков и Киев. После отступления и переправы через Дон зимой 1919–1920 годов вошел в состав Сводно-гвардейского полка. Участвовал в знаменитом бою под Егорлыкской, где потерял больше половины состава. Всего в Белом движении полк потерял 9 офицеров (трое расстреляно, трое убито, трое умерло от ран).

3-я батарея лейб-гвардии Конной артиллерии, состоявшая в Варшавской отдельной гвардейской кавалерийской бригаде в

ноябре 1917 года была украинизирована и получила название Гвардейской украинской запасной имени Т.Г. Шевченко батареи. В январе 1918 была расформирована и демобилизована на станции Молотиловка под Киевом. Большинство офицеров батареи вошли в состав Вооруженных сил Юга России. В начале 1919 года была сформирована Гвардейская конно-артиллерийская батарея, преобразованная с 19 июля 1919 в Отдельный дивизион Гвардейской конной артиллерии. Все батареи в Белой армии, особенно в начале борьбы с большевиками, имели исключительно офицерский состав. Даже к концу борьбы в составе батарей было по 30–40 офицеров. В конце войны в Крыму был эпизод, когда отступавшие конные батареи внезапно остановились и, построившись, картечным залпом в упор полностью уничтожили красную кавалерийскую бригаду. Батареи были офицерские – они не побежали.

Пятый Александрийский гусарский полк был воссоздан в январе 1919 года сначала в качестве одного эскадрона в составе Запасного кавалерийского полка. Некоторые офицеры полка уже дрались с красными в 1-м Кубанском «Ледяном» походе – ротмистр Н.Г. Янов, штаб-ротмистр А.М. Вахрушев, прапорщик А.В. Кушновский. Эскадрон участвовал в обороне Крыма весной 1919 года, затем к июлю «черные» гусары были переброшены в Грозный, где развернулись в полк из 6-и эскадронов, благодаря находчивости и организаторским способностям командира эскадрона подполковника И.А. Глебова. К октябрю полк уже насчитывал около 2000 человек при 30 офицерах. 1-й эскадрон состоял из вольноопределяющихся; 2-й эскадрон и пулеметная команда были укомплектованы русскими солдатами-кавалеристами, мобилизованными из больших зажиточных сел Ставрополя, в основном из окрестностей города Святой Крест; 3, 4, 5 и 6-й эскадроны – инородцами: калмыками, ногайцами и караногайцами, с большой прослойкой русских унтер-офицеров.

На Кавказе действовали многочисленные отряды горцев, подстрекаемые турками, которые после стольких лет замирения вдруг решили вспомнить времена имама Шамиля и объявить русским газават – священную войну. Одновременно с ними по горам бродили остатки разгромленной красной Таманской армии. Задача Александрийского

полка была подавить мятежных горцев и охранять железнодорожную линию Петровск-порт–Дербент, по которой шло снабжение Белой армии через Каспийское море. До конца года полк победоносно прошел Чечню и Дагестан, не зная ни одного поражения.

В январе обстановка ухудшилась. Добровольческая армия отступала, но на линии Царицын–Ставрополь, где стояли гусары-александрийцы сплошной линии фронта не было. 11-я Красная армия продвигалась в трех направлениях, в том числе и на город Святой Крест. Здесь ее удалось остановить. Командир полка полковник В.В. Доможиров, сменивший на этом посту раненого Глебова, просил командование вывести полк из этого района, поскольку опасался за боеспособность полка. Многие солдаты – уроженцы этих мест, самовольно покидали полк, чтобы проведать своих родных, после того как в районе побывали красные. Большинство из них не возвращалось. А те, кто возвращался, вели разговоры о том, что большевики теперь держат себя по-другому: реквизиции отменены, всем предлагается переходить на их сторону без всяких последствий, сами же красные части отлично экипированы и вооружены.

Двенадцатого января, поддавшись агитации, большая часть полка во время атаки красной конной лавы перешла на их сторону. Единственное, что они сделали, – дали возможность уйти всем офицерам. Потери среди офицерского состава были минимальны – убит прапорщик А.В. Кушковский и ранен корнет Карпов.

Командиры эскадронов ротмистры А.М. Вахрушев, Ф.И. Гейне, Н.Г. Янов, Е.И. Киленин, С.А. Топорков с командиром полка собрали после боя всех офицеров и оставшихся гусаров – 36 унтер-офицеров и 300 нижних чинов. Теперь это был дивизион, который уже 16 января удачно контратаковал красных у Святого Креста и после этого отошел к Владикавказу, пополнил свои ряды, снова развернулся в 6-и эскадронный состав и продолжал боевые действия до 5 марта 1920 года. В связи с общим критическим положением Добровольческой армии, создавшимся на Кавказе, и началом эвакуации всех частей в Крым было принято решение оставить Владикавказ и отступать по Военно-Грузинской дороге в порт Потти. Гусарам был предложен выбор: или уходить в Крым, или остаться. От полка опять

остался один дивизион в 400 человек вместе с офицерами, который прошел в Грузию, прибыл в Поты и на французском транспорте «Дедерер-Сандор» переправился в Крым.

С 16 апреля дивизион «черных» гусар вошел в 1-й кавалерийский полк, которым командовал вернувшийся в полк после ранения полковник Глебов, и оставался в Крыму до самой эвакуации в Галлиполи.

Тринадцатый Владимирский уланский полк был также возрожден в Добровольческой армии и представлен сначала дивизионом в Сводном уланском полку, а затем сведен в эскадрон в 1-м кавалерийском полку. После сражения под Егорлыкской, понеся большие потери как и вся регулярная кавалерия, эвакуирован в Крым, а затем в Турцию.

Восемнадцатый гусарский Нежинский полк как боевая единица не был возрожден в Белом движении. Но это не означает, что его офицеры не принимали участия в борьбе. Нам известны фамилии штаб-ротмистров В.Н. Подушкина, погибшего в бою 9 января 1919 года под Гуляй-Подем и В. Тухшерера, воевавших в составе дивизиона петроградских улан.

Николаевское кавалерийское училище было также возрождено в Добровольческой армии. Многие юнкера после подавления восстания училищ в Петрограде пробрались на Дон, к генералу Корнилову, и участвовали в Гражданской войне, начиная с 1-го Кубанского «Ледяного» похода, а затем, будучи произведенными за боевые отличия в офицерские звания, дрались уже до самого конца в различных полках Белой армии.

Для ускоренной подготовки офицеров кавалерии сначала были организованы курсы в Елизаветграде, а затем был создан Учебный дивизион в Крыму, которым командовал генерал-майор С.Д. Прохоров. 28 декабря 1920 года Учебный дивизион высадился в Галлиполи и был преобразован в феврале 1921 года в Николаевское кавалерийское училище. Позднее юнкеров перевезли в Белую Церковь, в Югославию, и училище просуществовало до 1923 года. За эти годы оно выпустило 357 человек.

Так заканчивалась героическая история полков регулярной кавалерии Русской армии. Войска загружались на корабли, оставляя

последний клочок родной земли. С болью в сердце уланы, драгуны, гусары и казаки расседывали своих коней, бросая четвероногих друзей на произвол судьбы...

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня.
Я с кормы стрелял все мимо,
В своего стрелял коня.
А он плыл изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо –
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

Н. Туроверов

Боевые действия оренбургского казачества против большевиков начались приказом войскового атамана Дутова с 23 декабря 1917 года. В боях с красными отличились многие казаки славного Уфимско-Самарского полка, входившего в 12-ю кавалерийскую дивизию. Среди них были полные Георгиевские кавалеры: хорунжий Д.А. Дубков, подхорунжий М.П. Егоров, прапорщик Пашнин Иван Васильевич – самый знаменитый казак Оренбургского войска – первый полный Георгиевский кавалер среди всего казачества, атаман станицы Миасская. За свои боевые отличия против красных Пашнин был произведен в есаулы.

Дрались с красными сотник Ф. Потапов, подхорунжий А.Н. Тарасов, также произведенный в прапорщики за боевые отличия против красных, рядовой казак И.Е. Плешаков и многие

другие. Большинство из них эмигрировало в Китай. Некоторые пытались позднее вернуться на Родину. Так сделал казак, кавалер всех степеней Св. Георгия И.Е. Плешаков в 1924 году.

Итогом его возвращения стали 8 лет лагерей, затем в 1935 он был расстрелян. Напомним, что в оренбургском казачьем полку дивизии Маннергейма, за годы войны 18 казаков стали полными Георгиевскими кавалерами (один из них – прапорщик В.Д. Пономарев имел полный бант еще с Японской войны). В общем, Оренбургское казачье войско за годы Гражданской войны выставило против красных 36 конных и 3 пластунских полков.

Часть офицеров вышеперечисленных полков сражалась с большевизмом не только в своих полках, но и руководила отдельными подразделениями как на Юге, так и на других фронтах Гражданской войны. Генерал-лейтенант князь А.Н. Долгорукий, кавалергард, сначала Главнокомандующий гетманской армией на Украине, затем начальник 4-й пехотной дивизии в Северо-Западной армии, полковник А.П. Родзянко, кавалергард, помощник Главнокомандующего Северо-Западной армией генерала Юденича, полковник Е.С. Главче, улан Его Величества, командовал Черноморским конным полком Добровольческой армии – умер от тифа зимой 1919–1920 годов, полковник Елчанинов, командир ахтырцев, служил в армии гетмана Скоропадского, полковник А.П. Волоцкой, ахтырский гусар, воевал в дивизионе Крымского полка, полковник Н. Нестеровский, стародубовский драгун, воевал в составе Мариупольского гусарского полка, полковник Головнин, командир Уфимско-Самарского казачьего полка, служил в Донской армии, ротмистр А.А. Адрианов, гродненский гусар, участник «Ледяного» похода, командир Черкесского конного полка, ротмистр князь А.П. Ливен, организовывал добровольческие части в Прибалтике, начальник 5-й пехотной дивизии Северо-Западной армии. Кроме того, трое офицеров – уланов Его Величества, воевало в Сибири, четверо в Северо-Западной армии.

Офицеры – александрийские гусары – возродили свой полк и на Восточном фронте под названием Самарский гусарский полк, так как до Великой войны «черные» гусары стояли в Самаре, и многие офицеры с развалом фронта пробрались домой, а с началом боевых

действий против красных составили кадры нового полка со старыми традициями. Этот список можно продолжать до бесконечности.

Генерал-лейтенант Густав Карлович Маннергейм с первых же дней своего пребывания в Финляндии включился в активную борьбу с большевизмом. Вместе с ним в борьбу включились и бывшие офицеры Императорской армии – уроженцы Финляндии. Хотя, надо признать, что основу финской армии составили выходцы из финских батальонов, сформированных во время войны в германской армии. Отношение к русским (по национальному признаку) офицерам в Финляндии нельзя назвать радушным, поскольку финская армия, которой командовал Маннергейм, вела борьбу не только с финской красной гвардией, но и с русскими большевистскими войсками, собранными из различных частей 62-го армейского корпуса, дислоцировавшегося в Финляндии во время Мировой войны.

И Маннергейму приходилось прилагать определенные усилия для защиты русского офицерства, оказавшегося волей судьбы в Финляндии и не ставшего на сторону большевиков. С его помощью организовывалась переброска всех желающих на другие фронты Гражданской войны. Многие из офицеров Русской Императорской армии вошли в состав новой финской армии. Это генерал-майор фон Герих, генерал-майор Лефстрем, ротмистр Игнациус, подполковник Теслеф, Карл Энкелль и другие.

В 1919 году Маннергейм планировал совместные боевые действия с силами Белой Северо-Западной армии генерала Юденича для нанесения решительного удара по большевикам. На территории Финляндии формировались отряды русских добровольцев, периодически перебрасываемых то на Северо-Западный, то на Северный фронты. Маннергейм гарантировал участие финских войск в совместном походе всех белых сил на Петроград, единственные условия, которые он выдвигал, заключались в том, что правительство адмирала Колчака как Верховная власть России должно было признать независимость Финляндии и, во-вторых, при совместном выступлении на Петроград, сам город берут исключительно белогвардейцы-русские, финские войска играют лишь вспомогательную роль. Маннергейм был очень осторожен в этом

вопросе, опасаясь разжигания межнациональной розни, которую ему приходилось постоянно тушить и в самой Финляндии. Но, к сожалению, недальновидность колчаковского правительства свела на нет все проекты военно-политического сотрудничества. Тем не менее Маннергейм не остался безучастным к судьбе офицеров Белой русской армии и после ее разгрома.

Только с Северного фронта Финляндия приняла около 800 офицеров. В 1921 году после подавления Кронштадтского мятежа еще несколько тысяч его участников по льду ушли в Финляндию.

Так заканчивалось Белое движение, а вместе с ним и боевая летопись полков Великой Армии России. Костяк армии – ее офицеры, выполнили свой долг до конца. Каковы же были их потери?

В войну Россия вступила, имея 40000 офицеров непосредственно в рядах армии и еще 40000 было мобилизовано. В течение войны было произведено в офицеры около 190000 человек. Всего 270000 офицеров.

Отсюда надо отнять боевые потери: 71000 человек погибли, умерли от ран и пропали без вести – 24000, но 20000 вернулись в строй. Поэтому, с учетом находящихся в плену, а также тех, кто по тяжести ранений не мог вернуться в строй, уволенных по возрасту, болезням и находившимся в отставке, можно приблизительно определить цифру **относящихся к офицерскому сословию – около 280000 человек**. При этом, на 1 января 1917 года в действующей армии находилось – 136600 офицеров. Результаты 1917 года таковы: 127500 человек, из них 19500 находились в отпусках. То есть за один год убыль в офицерском составе была около 10000 человек. Сколько из них погибло от рук собственных солдат определить, я думаю, не представляется возможным.

За годы Гражданской войны, по зарубежным источникам, которые совпадают по общей цифре жертв красного террора (1,7 миллиона человек) с подсчетами комиссии, назначенной Деникиным, число расстрелянных, замученных и казненных офицеров **около 54000**.

Всего в Гражданской войне на стороне Белого движения приняло участие около **170000 офицеров**, из которых **погибло около 55000**,

58000 – эмигрировало, а остальные **57000** остались на территории России, или в плену, где были уничтожены, или мобилизованы в Красную армию. На стороне красных служило в общей сложности около **68000**, но с учетом потерь (около 10000) и перехода к белым к 1921 году осталось около **39000 человек**.

Какая же вырисовывается общая картина? Итак, общее количество офицеров (или лиц, принадлежащих к офицерскому сословию) на момент октябрьского переворота составляло примерно 280000 человек. Из них погибло: в Белой армии – 55000, в Красной армии – около 10000, в результате террора – 54000. Всего погибших – около 120000. Эмигрировало 58000. Около 10000 служили в армиях самопровозглашенных государств: Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Украины, Грузии, Армении и Азербайджана. В Красной армии осталось 39000 человек. Таким образом, судьба около 50000 офицеров неизвестна. Большинство из них, как впрочем и служившие в Красной армии, вероятнее всего, были уничтожены в тридцатые годы.

Армия Петра Великого отошла в вечность в 1917 году, но забилось сердце Добровольческой армии, возродившей старые прославленные полки. Русская армия продолжала жить и бороться. Ее офицеры прошли через все испытания, через кровь и грязь, оставив незапятнанными славу своих знамен и свою офицерскую честь.

Но дни идут – уже стихают грозы.
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

Игорь Северянин

Как вкратце подвести итог всему сказанному? Вместе с Густавом Карловичем Маннергеймом мы прошли путь от юнкера до генерал-лейтенанта русской кавалерии, проникнув в самую суть русской военной службы. А суть ее в полковых историях и полковых традициях в том, что можно назвать нерушимой солдатской семьей, где есть старшие и младшие, старые и молодые, где раз и навсегда устоявшийся порядок – ничто иное как образ жизни, со своими ценностями, реликвиями и преданиями. Слова, на первый взгляд, прозаические, но единственно верные, раз за ними стоит покой огромной страны. И эти ценности не в позолоте кирас или ментиков, не в серебре труб и Георгиевских крестов – это лишь внешняя атрибутика, за которой стоят духовные и нравственные начала – преданность своей стране, присяге, вере, личное и коллективное мужество и героизм, хладнокровие и безудержная отвага, способность к самопожертвованию. «За други своя!». Вот это была Школа! Школа Жизни, которая учила, прежде всего, жить ради своего народа, ради своей страны.

Мы заглянули к юнкерам Николаевского кавалерийского училища, где Маннергейм делал первые шаги, – первая ступень познания великих мудростей великого народа. И вот он уже корнет, «черный» гусар-александриец. «И небывалое бывает», – это про них было сказано! Вот он в Первом полку Русской кавалерии – кавалергард – поручик, штаб-ротмистр, ротмистр. Никто не поднимался так высоко и не стоял так близко к престолу и Императору, лишь кавалергарды. Последняя комната перед покоями русского Царя была кавалергардская, и даже доступ туда назывался «вход за кавалергардами». Маннергейм уже не только учится сам, но обучает: сначала рядовых гусар, кавалергардов, а затем и офицеров-кавалеристов. Какую же надо было иметь подготовку, чтобы обучать равных себе или даже старших по званию?

Война с Японией. Маннергейм – доброволец. Один из сотен и тысяч русских офицеров, ушедших на эту войну. Странная война... Мы побеждали, а в результате проигрывали, мы стояли насмерть, вызывая восхищение врага, потом оставляли обильно политые нашей кровью позиции, мы собрались покончить с противником, да и сам он в этом уже не сомневался, но войска вернули в Россию. Много непонятого, недосказанного и незавершенного в этой войне. Маннергейм вынес из нее главное – боевой опыт, умение руководить личным составом в боевой обстановке, опыт длительных разведывательных и рекогносцировочных походов. Итог – вызов в русскую разведку. Экспедиция, поставившая его на одну высоту с теми, чьи имена в наших учебниках по географии. Экспедицию, которую трудно было выдержать даже физически, где не выдерживали «рожденные в седле» казаки, он прошел до конца. И не просто проехал на коне, что само по себе было подвигом, а еще рисовал карты и фиксировал все объективом фотоаппарата.

Полковник Маннергейм стал **настоящим** полковником, приняв под команду славных Владимирских улан, – полк, который видел самого Петра, который водил в атаку Меншиков, который слышал команды Суворова.

«Помните, чье имя носите!» – девиз лейб-гвардии улан, он командовал и этим полком. Варшавская бригада и чин генерал-майора,

зачисление в Свиту Его Величества – все это служебные вехи его пути. А потом начались и боевые этапы. В рядах Варшавской бригады он получает Георгиевское оружие, командуя 12-й кавалерийской дивизией – орденом Святого Георгия 4-й степени. И в каждом полку, в каждом соединении, как нить связующая все времена, звучала одна мысль: «Помните, кто вы, помните это всегда!» И он помнил, что он русский офицер. И когда началась Русская Трагедия, он не мог сидеть сложа руки, видя, как издевается чернь над тем, что свято, видя, что хам рвется к власти, дабы уничтожить все то, что создавалось веками, рушит прекрасное, топчет великое и окропляет все кровью праведников. Он подавил «воров» в своей Финляндии, но не смог одолеть «воров» в России, и «воры» победили честных людей. Смутное время на Руси закончилось их победой, и Святая Русь испила горькую чашу до дна. И долгие семьдесят, нет, более того, восемьдесят лет (надо добавить сюда еще десятилетие девяностых) – годы безвременья. Мы все ждали «придет, придет ли времечко? Приди, приди желанное!», когда мы вспомним, кто мы, вспомним всех тех, кто не дожил, кто хранил эту великую преданность Великой России. И вспомним их ради наших детей, ради наших внуков, ибо это наша история, которая состоит из миллиардов уже ушедших от нас в мир иной, из миллионов живущих и миллиардов наших потомков. Погружаясь в историю, мы черпаем в ней силы для закладки будущего, чтобы оно не пошло по кругу, а подняло нас на более высокую ступень, но не за счет умных компьютерных машин, а за счет нашего собственного нравственного и духовного роста, за счет того наследия, которое мы оставим после себя. Пробудите интерес к истории России, к истории ее Армии, к истории ее полков и это даст свои плоды.

Она запутана, но чертовски интересна и поучительна – эта история полков русской кавалерии, некоторым из которых посвящена эта книга. Одни и те же названия встречаются по несколько раз, переплетаясь, меняясь и возрождаясь заново. Я составил некий алгоритм развития русской кавалерии, отслеживая жизненный путь и судьбу полков, которые так или иначе были связаны с послужным списком Маннергейма, и вот какая получилась картина.

Можно утверждать, что Маннергейм служил практически во всех полках русской конницы, а можно остановиться на двух или трех – и оба эти утверждения будут верны. Насколько близка и неразрывна была связь полков, настолько един был дух всей Русской армии, буквально связанной узами кровного родства и между собой, и со всей матушкой-Россией.

Я начал эту книгу словами А.И. Деникина: «Берегите офицера. Ибо от века и донныне он один стоит на страже государственности России. И сменить его может только смерть». Армия должна всегда стоять вне политики и всегда быть беспартийной. В 1906 году на страницах «Русских ведомостей» писал подполковник Генерального штаба князь А.М. Волконский: «...оставьте нас, нам нет дела до ваших партий; меняйте законы – это ваше дело. Мы же – люди присяги и «сегодняшнего закона». Оставьте нас! Ибо, если мы раз изменим присяге, то, конечно, никому из вас тоже верны не останемся... И тогда будет хаос, междоусобие и кровь».

Как верны эти слова и сейчас. Как нужна консолидация всего офицерского корпуса, как необходимо возрождение славных традиций Русской армии. Низкий поклон тем, кто продолжает в наши тяжелые времена тянуть нелегкую офицерскую лямку. Низкий поклон и молодежи, идущей в военные училища. Это вам создавать новую Русскую армию. Я отношу к офицерам России и тех, кто в силу каких-либо причин покинул ряды армии и флота. Если вы чувствуете свою принадлежность к Офицерскому корпусу России, то встаньте на защиту ее государственности и ее Армии. Отвлекитесь на минуту от политики и бизнеса, загляните в нашу историю и вы увидите, что основой основ государства была и останется Армия, и именно по ней судят об обществе, в котором мы с вами живем. Возрождайте традиции Армии, главными из которых были преданность Вере и Отечеству. Возрождайте духовность, которая веками была связана с Православием, это наши корни, это наши истоки. Пусть снова в каждой воинской части появится храм, будь это часовня или церковь, ибо в большинстве своем мы православные, может не до конца осознающие это, но носящие Бога в своей душе. Да поможет Господь своей многострадальной

России. Пусть снова, как в доброе старое время, молодые солдаты и офицеры присягают не только своим командирам и Отечеству, но клянутся на Библии, Коране и Талмуде, ибо наша страна многонациональная. Такой она была всегда. И это не мешало ее Армии быть единой и неделимой, опиравшейся на веру и в Господа, и в общее Отечество. И кто бы ни говорил, что, у нас, дескать, церковь отделена от государства, и это прописано в Конституции, на самом деле жизнь, которой живет все наше общество, диктует свои законы, попирая те, которые выдуманы кучкой людей. Люди, восстаньте ото сна! У нас с вами есть сейчас шанс. С Божией и людской помощью мы все одолеем, ибо как говорил наш великий Суворов: «Мы – Русские, и с нами Бог!»

Оттого высоки наши плечи,
А в котомках акриды и мед,
Что мы, грозной дружины предтечи,
Славословим крестовый поход.
Оттого мы в служеньи суровом
К Иордану святому зовем,
Что за нами, крестьящими словом,
Бедет воин, крестьящий мечом.
Да взлетят белокрылые латы!
Да сверкнет золотое копьё!
Я. Немеркнушей славы глашатай,
Отдал Господу сердце свое...
Да придет!...Высокие плечи
Преклоняя на белом лугу,
Я походные песни, как свечи,
Перед ликом России зажгу.

Иван Савин, 1923 г.

Боже, не надо счастья
В мои молодые годы,
Только пошли ко мне братьев
И командира взвода.

Боже, избавь от засады,
Или прикрой пулеметом,
Мне ничего не надо,
Только пришли вертолеты!
Мы воевали лежа,
Мы умираем стоя,
Не оставляй меня, Боже,
Вынеси нас из боя!

Олег Гегельский, 1999 г.

Эти стихи, обращенные к Богу, уже из наших дней. Снова страна наша воюет. Снова гибнут солдаты «за други своя», за Отечество. И снова со страниц газет и журналов, с экранов телевизоров льются потоки грязи на многострадальную Русскую армию. Господи! Дай же нам силы поднять Россию из нравственной, духовной, моральной нищеты!

Честь имею!

Алексей Шкваров

Библиография

1. Антонов Б.И. Императорская гвардия в Санкт-Петербурге. СПб: Фирма «Глагол», 2001.
2. Марков О.Д. Русская армия 1914–1917 гг. СПб: Галлея Принт, 2001.
3. Кавалеристы в мемуарах современников. 1900–1920. Вып. 2. М.: Рейтар, 2001.
4. Маннергейм Карл Густав. Мемуары. М.: Вагриус, 2003.
5. Керсновский А.А. История русской армии. Т. 1–4. М.: Голос, 1994.
6. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993.
7. Кн. Багратион. Историческая памятка 38-го драгунского Владимирского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. СПб, 1901.
8. Таланов А.И. Армейские драгуны // Военно-исторический журнал. 1991. № 9.
9. Краснов П. Армия // Русский колокол [Белград]. 1928. № 3.
10. Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. СПб, 1880–1892. Ч. 1–3.
11. Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М.: Вече, 2000.
12. Шевелева Е.Н. Нагрудные знаки русской армии. СПб: Фарн, 1993.
13. Строчков А.А. История военного искусства. СПб: Омега-Полигон, 1994.
14. Люце Н. Уланы Его Величества 1651–1803–1903. Памятка для нижних чинов. СПб, 1903.
15. К столетию Гвардии Улан Его Величества 1809–1909. Варшава, 1909.
16. Матвеев В. Л.-Гв. Уланский Его Величества полк. 1817–1860 гг. СПб, 1860.
17. Крестовский В. История Л.-Гв. Уланского полка. 1803–1874 гг. СПб, 1876.
18. Тальма А. Л.-Гв. Уланский полк в кампании 1877–1878 гг. Варшава, 1880.
19. Сведения, знание которых обязательно для каждого рядового Л.-Гв. Уланского полка. СПб, 1893.
20. Курприн А.И. Юнкера. М.: Эксмо, 2002.
21. Зайончковский А.М. Первая Мировая война. СПб: Полигон, 2002.

22. Офицеры российской гвардии в Белой борьбе. М.: Центрполиграф, 2002.
23. *Р. Эрнст Дютюи и Тревор Н. Дютюи*. Всемирная история войн: В 5 т. СПб: Полигон, 1997.
24. *Панчулидзева С.А.* Сборник биографий кавалергардов. Т. 1–4. СПб, 1908.
25. Краткая история кавалергардов и Кавалергардского полка. СПб, 1880.
26. Памятка нижнего чина кавалергарда. СПб, 1891.
27. История кавалергардов. Париж, 1992.
28. *Панчулидзева С.А.* История кавалергардов. 1724–1799–1899 гг. Т. 1–4. СПб. Т. 1, 1899. Т. 2, 1901. Т. 3, 1903. Т. 4, 1912.
29. *Подшивалов Д.И.* Воспоминания кавалергарда. Тверь, 1904.
30. *Таланов А.И.* Кавалергарды // Военно-исторический журнал. № 1. 1991.
31. *Елец Ю.* История Л.-Гв. Гродненского гусарского полка. 1824–1896 гг.: В 2 т. СПб, 1898.
32. *Елец Ю.* Памятка Гродненского гусара. СПб, 1894.
33. *Тальма А. Л.-Гв.* Гродненский гусарский полк в кампании 1877–1878 гг. Варшава, 1880.
34. *Голодалинский П.П.* История 3-го Драгунского Сумского Его Величества Короля Датского Фридриха VIII полка: В 3 т. М., 1902.
35. *Бронской С.* Из боевой хроники безсмертных гусар (Александрейцы в сражении под Кацбахом 13–14 августа 1813 года). Историческая справка. Арзамас, 1913.
36. Краткая история 18-го Драгунского Клястицкого полка (для нижних чинов). Млава, 1897.
37. *Мартынов.* История 12-го Драгунского Стародубовского полка. 1783–1906 гг. СПб, 1908.
38. *Червинский.* История 35-го Драгунского Белгородского Его Величества Императора Австрийского Короля Венгерского Франца-Иосифа 1-го полка. Киев, 1901.
39. *Потто В.А., Одицов С.И.* История (36-го Драгунского) Ахтырского Е.И. Выс. Вел. Кн. Ольги Александровны полка. 1765–1796 гг. Т. 2. СПб, 1902.
40. *Дитерихс.* Несколько страниц из боевой деятельности 52-го Драгунского Нежинского полка (ныне 18-го Гусарского) в кампании 1904–1905 гг. Елец, 1908.
41. Из походной жизни 4-го эскадрона 52-го Драгунского Нежинского полка. Война с Японией 1904–1905 гг. СПб, 1908.
42. Перечень историй и памятков войсковых частей. Ч. 1. СПб, 1913.
43. *Вейо Мери.* Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии // М.: Новое литературное обозрение, 1997.

44. *Дерябин А.И.* Первая Мировая война 1914–1918. Кавалерия российской Императорской Гвардии. М.: АСТ, 2000.
45. Лейб-гвардии Конная артиллерия в Павловске / Сб. материалов. Павловск: Златоуст, 2002.
46. *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М.: Центрполиграф, 2002.
47. Очерки истории российской внешней разведки. Том 1. От древнейших времен до 1917 года. М.: Международные отношения, 2003.
48. Георгиевский архив / Сб. Вып. 2. Списки полных Георгиевских кавалеров (казацьи части). Екатеринбург, 2002.
49. *Смирнов А.А.* Атаман Краснов. М.: АСТ, 2003.
50. *Морихин В.Е.* Традиции офицерского корпуса России. Научно-историческое исследование. М.: Граница, 2003.
51. *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Захаров, 2002.
52. *Вакар С.В.* Русская Императорская Кавалерия. Публикация полковника И.В. Образцова // Военно-исторический журнал. 2002. № 6.
53. *Власов Л.В.* Маннергейм и Жданов. Встречи и переписка 1944–1945 гг. // Stop in Finland. 2003. № 2.
54. *Власов Л.В.* Маннергейм и женщины // Stop in Finland 2002. №7.
55. *Власов Л.В.* Встречи без результата // Stop in Finland. 2002 № 12.
56. *Шульц С.* Храмы Санкт-Петербурга. СПб: Глаголь, 1994.
57. *Кудрявцев Н.* Так кто же спас Ленинград? // Смена. № 225. 2001. 15 октября.
58. К похоронам Маннергейма. // Ленинградская правда. 1951. 6 февраля.
59. *Звягинцев В.В.* Хронология русской армии. 1700–1917 гг. СПб: Полигон, 2002.
60. *Куропаткин А.Н.* Русско-Японская война 1904–1905. СПб: Полигон, 2002.
61. *Воейков В.Н.* С царем и без царя. Минск, 2002.
62. *Шкваров А.Г.* Забытая слава пехотных полков Ораниенбаума. СПб, 2003.
63. *Стерн Ольга.* Сон о красном цветке // Караван истории. 2003. Сентябрь.
64. *Кулинский А.Н.* Русское холодное оружие: В 2 т. СПб: Атлант, 2001.
65. *Коровин В.М., Свиридов В.А.* Настоящая честь военного человека состоит в благородном поведении // Военно-исторический журнал. 2002. № 9.
66. *Денисон Дж.* История конницы. Кн.1. М.: АСТ, 2001.
67. История конницы: В 2 кн. Кн. 2. Примечания Брикса к «Истории конницы» Денисона Г. Брикс. М.: АСТ, 2001.
68. Белое дело. Избр. произведения: В 16 кн. А.И. Деникин. Борьба генерала Корнилова. А.С. Лукомский. Воспоминания. М.: Голос, 1993.

69. *Бескровный Л.Г.* Хрестоматия по русской военной истории. М.: Военное издательство министерства Вооруженных сил Союза ССР. 1947.

70. *Невалайнен Пекка.* Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939) // Нева [СПб]. 2003.

71. *Наливкин В.П.* «Нам необходимо всегда помнить о грозящей опасности...» Публ. Д.Ю. Арапова // Военно-исторический журнал. 2002. № 6.

72. *Луганин А.И.* Опыт истории лейб-гвардии Волынского полка. Ч. 1–2. Варшава, 1884–1889.

73. *Луганин А.И.* Рассказы из истории лейб-гвардии Волынского полка для нижних чинов. Варшава, 1904.

74. *Грот Я.К.* Известия о Петербургском крае до завоевания его Петром Великим // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2003. № 30–31.

75. *Сорокин П.Е.* Предшественники Петербурга. Ландскрона – Невское устье – Ниеншанц // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2003. № 30–31.

76. *Кириков Б.М.* 700 лет городу на Неве (пропущенный юбилей) // Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 8. СПб: Акрополь, 2001.

77. *Львов С.* Армейские уланы России в 1812 году. М.: Восточный меридиан, 2002.

78. *Валькович А.* Рисуй, Орловский..! Образцовые рисунки для русской кавалерии. 1808–1810. Драгунские полки // Цейхгауз. 2001. № 2.

79. *Таланов А.И.* Эскадрон гусар летучих // Военно-исторический журнал. 1991. № 2.

80. *Потиевский В.А.* Всадник. Исторический роман. М.: Барс, 2002.

81. *Казин В.Х.* Казачьи войска. Справочная книжка Императорской Главной квартиры на 1.04.1912 / Под ред. В.К. Шенк. СПб, 1912.

82. *Гиацинтов Э.* Записки белого офицера. М., 1992.

83. *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. М., 1990.

84. *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890.

85. Общее понятие об истории Оренбургского казачьего войска. Казань, 1911.

86. Расписание казачьих и иррегулярных войск. СПб, 1910.

87. Историческое описание перемен в одежде, вооружении и организации российских войск 1855–1881 гг. Т. XXX–XXXI. Л., 1946.

88. Историческое описание перемен в одежде, вооружении и организации российских войск 1855–1881 гг. Т. XXXII–XXXIII. Л., 1947.

89. Историческое описание перемен в одежде, вооружении и организации российских войск 1855–1881 гг. Т. XXXIV. Л., 1948.

90. *Никольский.* Войны России // Русский колокол [Белград]. 1928.

91. Возрожденные полки Русской армии в Белой борьбе на Юге России / Под ред. С.В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2002.
92. Михайленко А.П. И жили дружною семьею солдат, корнет и генерал. М.: Рейтар, 2001.
93. Русская поэзия. XX век / Антология. М.: Олма-пресс, 1999.
94. Последняя война Императорской России / Сб. ст. под ред. О.Р. Айрапетова. М.: Три квадрата, 2002.
95. Батюшин Н. Тайная военная разведка и борьба с ней. М.: X-history, 2002.
96. Врангель П.Н. Записки. М.: Голос, 1995. Ч. 1. Кавказская армия.
97. Врангель П.Н. Записки. М.: Голос, 1995. Ч. 2. Последний главком.
98. Клястицкие гусары. По страницам полковой летописи / Авт.-сост.: Таланов А.И., Юшко В.Л. М.: Рейтар, 2001.
99. Дуров В.А. Ордена России. М.: Воскресение, 1993.
100. Нарочницкая Н.А. Америка приберегает Россию на десерт // Комсомольская правда. 2003. 15 апреля.
101. A Gentleman's home. The museum of Gustaf Mannerheim, Marshal of Finland. Edited by *Martha Norrback*. Otava Publishing company. Helsinki, 2001.
102. *Matti Klinge*. Mannerheim. Otavan painolaitoksen, 1993.
103. C.G. Mannerheimin valokuva aasian-matkalta 1906–1908. Otava Publishing company. Keuruu. Finland, 1999.
104. *Leonid Vlasov*. Mannerheim Pietarissa 1887–1904. Gummerus. Helsinki, 1994.
105. *Leonid Vlasov*. Mannerheim – upseeri ja tutkimusmatkailija. 1904 – 1909. Gummerus. Helsinki, 1997.
106. *Pertti Luntinen*. French information on the Russian war plans 1880–1914. SHS. Helsinki. 1984.

Приложение I

Послужной список генерал-лейтенанта Императорской армии барона Карла Густава Эмиля (Густава Карловича) Маннергейма

*1887–1889 Николаевское кавалерийское училище,
С.-Петербург*

14 сентября 1887 зачислен
юнкером, 1 июля 1888
произведен в вахмистры,
10 августа 1889 произведе-
ден в корнеты.

Создано 9 мая 1823 в виде Школы гвардейских
подпрапорщиков, с 1859 – Николаевское училище
гвардейских юнкеров, с 1864 – Николаевское
кавалерийское училище.

*1889–1890 15-й Александрийский драгунский полк,
г. Калиш*

10 августа 1889 назначен
младшим офицером эска-
дрона.

Сформирован 28 июня 1783 на основе Далмат-
ского и Македонского гусарских полков.
С 1907 наименовался: 5-й Александрийский
Императрицы Александры Феодоровны гусар-
ский полк.

Участие в боевых действиях:

- Русско-Турецкая война 1787–1791
- Польская кампания 1795–1796
- Война с Францией 1805–1809
- Русско-Турецкая война 1806–1812
- Отечественная война 1812
- Заграничный поход 1813–1814
- Русско-Турецкая война 1828–1829

Награды полка:

- Знаки на кивера “За отличие 14 августа 1813 года”
- Георгиевские трубы за кампанию 1813–1815
- Георгиевские штандарты за Русско-Турецкую
войну 1828–1829

1 декабря 1890 прикоман-
дирован к Кавалергард-

скому полку: “в изъятие из правил, сверх комплекта для испытания по службе и перевода впоследствии”.

Старшинство полка:

с 1775 года, (по дате основания Македонского гусарского полка)

Полковой праздник и день основания:

30 августа

1891–1903 Кавалергардский полк, С.-Петербург

27 июля 1891 переведен в Кавалергардский полк младшим офицером эскадрона.

В 1893 – произведен в поручики.

21 сентября 1895 назначен командовать полковым обозом.

10 сентября 1897 прикомандирован для поручений в Управление придворно-конюшенной части.

В 1899 – произведен в штаб-ротмистры.

В 1902 – в ротмистры

31 марта 1724 Петр Великий для участия в коронации Императрицы Екатерины приказал сформировать в Москве из офицеров конную роту, названную ротой драбантов или Кавалергардией.

11 января 1799 повелением Павла I был учрежден Кавалергардский корпус, через год переформированный в полк.

С 2 ноября 1894 именуется: Кавалергардский Ея Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полк.

Участие в боевых действиях:

- Война с Францией 1805–1806
- Отечественная война 1812
- Заграничные походы 1813–1815
- Польский мятеж 1830–1831

Награды полка:

- Георгиевский штандарт с надписью: “За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года” за Бородино
- Пятнадцать Георгиевских труб с надписью “Кавалергардского полка” за кампании 1813–1814
- Серебряные литавры Кавалергардии 1724

Полковой праздник:

5 сентября – в день Св. Захария и Елизаветы.

1903–1904 Офицерская Кавалерийская школа, С.-Петербург

31 августа 1903 зачислен в постоянный штат школы и назначен командиром

19 ноября 1829, в Павловске, был образован образцовый кавалерийский полк. В 1863 переформирован в Учебный кавалерийский эскадрон,

отдельного образцового эскадрона.

перемещен в Селищенские казармы Новгородской губернии.

В 1875 Учебный кавалерийский эскадрон переводится в Петербург и с 1882 является Офицерской Кавалерийской школой, на правах Гвардейской части.

**1904–1905 52-й Нежинский драгунский полк,
Маньчжурия**

7 октября 1904 переведен в звании подполковника командиром дивизиона (двух эскадронов) в 52-й Нежинский драгунский полк на театр военных действий в Маньчжурию.

Образован 1 ноября 1896.

В 1907 полк переименован в 18-й Нежинский гусарский.

Накануне Великой войны входил в состав 2-й отдельной кавбригады 13-го армейского корпуса Московского военного округа.

Постоянное место дислокации город Елец, Орловской губ.

Участие в боевых действиях:

- Русско-Японская война 1904–1905

Боевые награды:

- Георгиевские трубы за войну 1904–1905

Полковой праздник: 1 ноября

29 ноября 1905 произведен в полковники.

1906–1908 Центральная Азия и Китай

**1909–1910 13-й Владимирский уланский полк,
Новомиинск**

Назначен 17.01.1909 командиром полка.

Полк образован 27 мая 1701 как Драгунский Михаила Жданова полк, с 1702 – Драгунский князя Мещерского полк, с 10.03.1708 – Владимирский драгунский полк, с 17.12.1812 – Уланский.

18 августа 1882 – 38-й Владимирский драгунский полк.

Участие в боевых действиях:

- Северная 1700–1721
- Русско-Турецкая война 1710–1713
- Русско-Турецкая война 1735–1739
- Служба на Кавказе 1777–1811

- Отечественная война 1812
- Заграничные походы 1813–1815
- Польский мятеж 1830–1831
- Русско-Турецкая война 1877–1878

Боевые награды:

- Знаки на шапки “За отличия в Русско-Турецкую войну 1877–1878 годов”

1910–1912 Лейб-гвардии Уланский полк Его Величества

Назначен командиром полка 31 декабря 1910. (13.01.1911)

Произведен в генерал-майоры 13 (26) февраля 1911.

Зачислен в Свиту Его Императорского Величества 5 (18) октября 1912.

Сформирован 7 декабря 1817 в Варшаве под названием лейб-гвардии Уланский Его Императорского Высочества полк. С 1855 лейб-гвардии Уланский Его Величества полк.

Участие в боевых действиях:

- Польский мятеж 1830–1831
- Польский мятеж 1863–1864
- Русско-Турецкая война 1877–1878

Боевые отличия:

- 22 Георгиевские трубы с надписью: “Лейб-гвардии Уланскому Его Императорского Высочества полку за отличные подвиги, оказанные в достопамятную кампанию, благополучно оконченную в 1814 году”
- 15 серебряных труб с надписью: “Лейб-гвардии Уланскому Его Императорского Высочества полку 1830 г.”
- Знаки на головные уборы: “За отличие в Турецкую войну 1877–1878 гг.”

Старшинство полка: с 1651 года.

Полковой праздник:

13 февраля, в день Преподобного Мартиниана.

1913–1915 Отдельная Гвардейская кавалерийская бригада

Назначен начальником бригады 24 декабря 1913. (6 января 1914)

Кроме лейб-гвардии Уланского Его Величества полка в бригаду входил лейб-гвардии Гродненский гусарский полк.

Сформирован 19 февраля 1824.

Участие в боевых действиях:

- Польский мятеж 1830–1831
- Польский мятеж 1863–1864
- Русско-Турецкая война 1877–1878

Награды полка:

- 15 серебрянных труб, пожалованных в 1830 за блестящее состояние полка
- Права Старой Гвардии за сражение под местечком Рационжем 11 июля 1831 против поляков
- Георгиевский штандарт за Русско-Турецкую войну, пожалованный 17 апреля 1878

Полковой праздник:

11 июля, день памяти св. благоверной княгини Ольги.

3-я батарея лейб-гвардии Конной артиллерии Его Императорского Высочества Великого Князя Георгия Михайловича.

Образована 16 июля 1814 года.

Награды:

- Георгиевские серебряные трубы с надписью: “За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года”, пожалованные в 1817
- Георгиевская юбилейная серебряная труба с такой же надписью и датами “1796–1817–1896”, пожалованная 9 ноября 1896
- Знаки отличия на головных уборах с надписью: “За Филиппополь 4 января 1878 года”, пожалованные 28 марта 1879

Полковой праздник:

6 декабря, в день свт. Николая Чудотворца.

1915–1918 12-я Кавалерийская дивизия

19 февраля 1915 исполняющий обязанности, а с 24 июня – начальник дивизии.

В 12-ю дивизию входили:

- 12-й Стародубовский драгунский полк
- 12-й Белгородский уланский полк
- 12-й Ахтырский гусарский полк
- 3-й Уфимско-Самарский Оренбургского казачьего войска полк.

26 апреля 1917 – генерал-лейтенант.

12-й Стародубовский драгунский полк образован в 1786 году как карабинерный, с 1796 – кирасирский, с 1812 – драгунский.

Участие в боевых действиях:

- Русско-Турецкая война 1787–1791
- Война с Францией 1798–1799
- Русско-Турецкая война 1806–1812
- Войны с Наполеоном 1812–1815
- Польский мятеж 1830–1831
- Русско-Турецкая война 1877–1878

Награды полка:

- Георгиевский штандарт за Русско-Турецкую войну 1787–1791
- Знаки на шапки “За отличия в Русско-Турецкую войну 1877–1878 гг.”

Полковой праздник:

15 августа – Успение Пресвятой Богородицы

12 июня 1917 командующий VI конным корпусом.

12-й Белгородский уланский полк образован 20 октября 1701 как Драгунский полк Дениса Девгерина, с 10 марта 1708 – Вятский драгунский, с 16 января 1775 – Таганрогский карабинерный, с 1812 – Таганрогский уланский, с 13 марта 1826 – Белгородский уланский полк.

Участие в боевых действиях:

- Северная война 1700–1721
- Русско-Турецкая война 1735–1739
- Русско-Польская война 1769–1771
- Русско-Турецкая война 1771–1774
- Служба на Кавказе 1782–1811
- Войны с Наполеоном 1812–1815
- Русско-Персидская война 1826–1828
- Польский мятеж 1830–1831
- Русско-Турецкая война 1877–1878

Награды полка:*

- Знаки на шапки: “За отличия в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.”

Полковой праздник: 9 мая

12-й Ахтырский гусарский полк образован 3 марта 1765, с 26 февраля 1784 – Ахтырский легкоконный, с 1792 – Ахтырский гусарский.

Участие в боевых действиях:

- Война с Польшей 1767–1768 Русско-Турецкая война 1769–1774
- Русско-Турецкая война 1787–1791
- Война с Польшей 1792–1794
- Войны с Наполеоном 1812–1815
- Русско-Турецкая война 1828–1830
- Польский мятеж 1830–1831
- Венгерский поход 1848
- Русско-Турецкая война 1877–1878

Боевые награды:

- 19 серебряных труб с надписью: “Ахтырскому полку за отличия при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 году”
- Знаки на шапки “За отличие 14 августа 1813 года”
- Георгиевский штандарт “В воздаяние отличного мужества и храбрости оказанных в благополучном завершении кампании 1814 года”
- 21 Георгиевская серебряная труба за Русско-Турецкую войну 1828–1830
- Гусарские шнуры гвардейского образца за Русско-Турецкую войну 1877–1878

Полковой праздник:

2 июля – в честь чудотворной иконы Ахтырской Божией Матери.
3-й Уфимско-Самарский Оренбургского казачьего войска полк.

Старшинство полка:

дано по Оренбургскому казачьему войску с 1574 года.

21 февраля 1918 генерал лейтенант барон Маннергейм уволен в отставку.

---

* До начала XIX века коллективные награды полкам выдавались очень редко. Как правило награждались наиболее отличившиеся офицеры и нижние чины специально учреждаемыми медалями или за конкретную победу или за всю кампанию в целом. Этим объясняется столь малое количество подобных коллективных наград у старых заслуженных полков. Стародубовский карабинерный полк один из немногих полков Русской армии получивший Георгиевский штандарт в царствование Екатерины II.

Приложение II

Расписание кавалерийских частей Русской армии в 1914 году, год их основания и место дислокации

ГВАРДЕЙСКАЯ КАВАЛЕРИЯ

1-я Гвардейская кавалерийская дивизия

Кавалергардский Ея Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полк	1799	Санкт-Петербург
Лейб-гвардии Конный полк	1721	Санкт-Петербург
Лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк	1702	Царское Село
Лейб-гвардии Кирасирский Ея Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полк	1704	Гатчина
Лейб-гвардии Казачий Его Величества полк	1775	Санкт-Петербург
Лейб-гвардии Атаманский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк	1775	Санкт-Петербург
Лейб-гвардии Сводно-казачий полк	1798	Павловск
Лейб-гвардии Конная артиллерия 1-я Его Величества батарея	1796	Санкт-Петербург

4-я Его Высочества Наследника Цесаревича батарея	1812	Санкт-Петербург
---	------	-----------------

	1830	Павловск
--	------	----------

6-я Донская Его Величества батарея

2-я Гвардейская кавалерийская дивизия

Лейб-гвардии Уланский Ея Величества
Государыни Императрицы Александры
Феодоровны полк

1651	Новый Петергоф
------	----------------

Лейб-гвардии Конно-гренадерский полк

1651	Старый Петергоф
------	-----------------

Лейб-гвардии Драгунский полк

1814	Старый Петергоф
------	-----------------

Лейб-гвардии Его Величества
Гусарский полк

1775	Царское Село
------	--------------

Лейб-гвардии Конная артиллерия

2-я Великого Князя Михаила
Николаевича батарея

1811	Санкт-Петербург
------	-----------------

5-я Великого Князя Михаила
Александровича батарея

1875	Павловск
------	----------

Отдельная Гвардейская кавалерийская бригада

Лейб-гвардии Уланский
Его Величества полк

1651	Варшава
------	---------

Лейб-гвардии Гродненский
Гусарский полк

1824	Варшава
------	---------

Лейб-гвардии Конная артиллерия Велико-
го Князя Георгия Михайловича батарея

1814	Варшава
------	---------

***Собственный Его Императорского
Величества конвой***

1-я и 2-я кубанские сотни	1811	Санкт-Петербург
1-я и 2-я терские сотни	1832	Санкт-Петербург
Отдельные кавалерийские части гвардии		
Полевой жандармский эскадрон	1815	Санкт-Петербург
Гвардейский запасной Кавалерийский полк	1901	Кречевицкие казармы Новгородской губ.
Офицерская кавалерийская школа	1829	Санкт-Петербург

АРМЕЙСКАЯ КАВАЛЕРИЯ

1-я кавалерийская дивизия

1-й Лейб-драгунский Московский Императора Петра Великого полк	1700	Тверь
1-й Уланский Санкт-Петербургский генерал-фельдмаршала князя Меншикова полк	1705	Ржев
1-й Гусарский Сумской генерала Сеславина полк	1651	Москва
1-й Донской казачий Генералиссимуса Суворова полк	1570	Москва
1-й конно-артиллерийский дивизион (1-я и 2-я конные батареи)	–	Тверь

2-я кавалерийская дивизия

2-й Лейб-драгунский Псковский Е.И.В. Государыни Императрицы Марии Феодоровны полк	1668	Сувалки
---	------	---------

2-й Лейб-уланский Курляндский Императора Александра II полк	1803	Кальвария
2-й Лейб-гусарский Павлоградский Императора Александра III полк	1764	Сувалки
2-й Донской казачий Е. И. В. Наследника Цесаревича полк	1570	Августов
2-й конно-артиллерийский дивизион (3-я и 4-я конные батареи)	–	Сувалки
<i>3-я кавалерийская дивизия</i>		
3-й Драгунский Новороссийский Вели- кой Княгини Елены Владимировны полк	1803	Ковно
3-й Уланский Смоленский Императора Александра III полк	1708	Вильковишки
3-й Гусарский Елисаветградский Вели- кой Княжны Ольги Николаевны полк	1764	Мариамполь
3-й Донской казачий Ермака Тимофеевича полк	1570	Вильно
3-й конно-артиллерийский дивизион (5-я и 6-я конные батареи)	–	Ковно
<i>4-я кавалерийская дивизия</i>		
4-й Драгунский Новотроицко- Екатеринославский генерал- фельдмаршала князя Потемкина- Таврического полк	1708	Белосток
4-й Уланский Харьковский полк	1651	Белосток
4-й Гусарский Мариупольский генерал-фельдмаршала князя Витгенштейна полк	1748	Белосток

4-й Донской казачий графа Платова полк	1570	Щучин
4-й конно-артиллерийский дивизион (7-я и 8-я конные батареи)	–	Белосток
5-я кавалерийская дивизия		
5-й Драгунский Каргопольский полк	1707	Казань
5-й Уланский Литовский короля Виктора Эммануила полк	1803	Симбирск
5-й Гусарский Александрийский Императрицы Александры Феодоровны полк	1775	Самара
5-й Донской казачий войскового атамана Власова полк	1570	Саратов
5-й конно-артиллерийский дивизион (9-я и 10-я конные батареи)	–	Самара
6-я кавалерийская дивизия		
6-й Драгунский Глуховский Императрицы Екатерины Великой полк	1668	Остроленка
6-й Уланский Волынский полк	1806	Цеханов
6-й Гусарский Клястицкий генерала Кульнева полк	1806	Млава
6-й Донской казачий генерала Краснощекова полк	1570	Прасныш
6-й конно-артиллерийский дивизион (11-я и 12-я конные батареи)	–	Цеханов
7-я кавалерийская дивизия		
7-й Драгунский Кинбурнский полк	1798	Ковель

7-й Уланский Ольвиопольский короля Испанского Альфонса XIII полк	1812	Грубешов
7-й Гусарский Белорусский Императора Александра I полк	1803	Владимир-Волынский
7-й Донской казачий генерала от кавале- рии графа Денисова полк	1570	Владимир-Волынский
7-й конно-артиллерийский дивизион (13-я и 14-я конные батареи)	–	Владимир-Волынский

8-я кавалерийская дивизия

8-й Драгунский Астраханский генерал-фельмаршала Великого Князя Николая Николаевича полк	1798	Тирасполь
8-й Уланский Вознесенский Великой Княжны Татьяны Николаевны полк	1812	Бельцы
8-й Гусарский Лубенский полк	1807	Кишинев
8-й Донской казачий генерала Иловайского полк	1570	Одесса
8-й конно-артиллерийский дивизион (15-я конная и 1-я Донская казачья батареи)	–	Кишинев

9-я кавалерийская дивизия

9-й Драгунский Казанский Великой Княжны Марии Николаевны полк	1701	Житомир
9-й Уланский Бугский эрц-герцога Ав- стрийского Франца Фердинанда полк	1803	Белая Церковь
9-й Гусарский Киевский генерал-фельдмаршала князя Николая Репнина полк	1668	Васильков

1-й Уральский казачий полк	1591	Киев
9-й конно-артиллерийский дивизион (16-я и 17-я конные батареи)	–	Житомир
10-я кавалерийская дивизия		
10-й Новгородский драгунский короля Вюртембергского полк	1701	Сумы
10-й Одесский уланский полк	1872	Ахтырка
10-й Ингерманландский гусарский Великого герцога Саксен-Веймарского полк	1704	Чугуев
1-й Оренбургский казачий Е.И.В. Наследника Цесаревича полк	1574	Харьков
3-й Донской казачий артиллерийский дивизион (2-я и 3-я Донские казачьи батареи)	–	Чугуев
11-я кавалерийская дивизия		
11-й Рижский драгунский полк	1709	Кременец
11-й Чугуевский уланский Государыни Императрицы Марии Феодоровны полк	1749	Дубно
11-й Изюмский гусарский генерала Дорохова полк	1651	Луцк
12-й Донской казачий генерал-фельдмаршала Потемкина полк	1570	Радзивиллов
11-й конно-артиллерийский дивизион (18-я и 19-я конные батареи)	–	Дубно
12-я кавалерийская дивизия		
12-й Стародубовский драгунский полк	1709	Волочиск

12-й Белгородский уланский Императора Австрийского Франца Иосифа полк	1701	Проскуров
12-й Ахтырский гусарский генерала Давыдова Великой Княжны Ольги Александровны полк	1651	Межибуж
3-й Уфимско-Самарский Оренбургского казачьего войска полк	1574	Волочиск
2-й Донской казачий артиллерийский дивизион (4-я и 5-я Донские казачьи батареи)	–	Проскуров

13-я кавалерийская дивизия

13-й Военного ордена драгунский генерала-фельдмаршала графа Миниха полк	1709	Гарволин
13-й Владимирский уланский полк	1701	Ново-Минск
13-й Нарвский гусарский Императора Германского Короля Прусского Вильгельма II полк	1705	Седлец
2-й Оренбургский казачий воеводы Нагова полк	1574	Варшава
12-й конно-артиллерийский дивизион (21-я и 23-я конные батареи)	–	Варшава

14-я кавалерийская дивизия

14-й Малороссийский драгунский наследного принца Германского и Прусского полк	1785	Калиш
14-й Ямбургский уланский Великой Княжны Марии Александровны полк	1806	Кельмы
14-й Митавский гусарский полк	1806	Ченстохов

14-й Донской казачий Войскового атамана Ефремова полк	1570	Бендин
15-я кавалерийская дивизия		
15-й Переяславский драгунский Императора Александра III полк	1798	Полоцк
15-й Татарский уланский полк	1892	Репин
15-й Украинский гусарский Великой Княжны Ксении Александровны полк	1892	Влацлавск
3-й Уральский казачий полк	1591	Влацлавск
10-й конно-артиллерийский дивизион (20-я и 22-я конные батареи)	–	Влацлавск
Кавказская кавалерийская дивизия		
16-й Драгунский Тверской Е.И.В. Наследника Цесаревича полк	1798	Уроч. Царские колодцы
17-й Драгунский Нижегородский Его Величества полк	1701	Тифлис
18-й Драгунский Северский короля Христиана IX Датского полк	1701	Александрополь
1-й Сунженско-Владикавказский генерала Слещова полк Терского каз. войска	1832	Уроч. Хан-Кенды
Кавказский конно-горный артиллерийский дивизион (две конно-горные батареи)	–	Александрополь
1-я Отдельная кавалерийская бригада		
19-й Драгунский Архангелогородский полк	1895	Митава

16-й Гусарский Иркутский Великого Князя Николая Николаевича полк	1895	Рига
2-ая Отдельная кавалерийская бригада		
17-й Гусарский Черниговский Великого Князя Михаила Александровича полк	1668	Орел
18-й Гусарский Нежинский полк	1783	Елец
3-я Отдельная кавалерийская бригада		
16-й Уланский Новоархангельский полк	1897	Воронеж
17-й Уланский Новомиргородский полк	1897	Новохоперск
ВНЕ СОСТАВА КАВАЛЕРИЙСКИХ ДИВИЗИЙ		
Крымский конный Е.И.В. Государыни Императрицы Александры Феодоровны – в составе 7-го армейского корпуса	1784	Симферополь
20-й Драгунский Финляндский полк – в составе 22-го армейского корпуса	1901	Вильманstrand
КАЗАЧЬИ ДИВИЗИИ, ОТДЕЛЬНЫЕ БРИГАДЫ И ПОЛКИ		
1-я Донская казачья дивизия		
9-й Донской казачий генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова полк	1570	Красник
10-й Донской казачий генерала Луковкина полк	1570	Замостье

13-й Донской казачий генерал-фельд-маршала князя Кутузова-Смоленского полк	1570	Замостье
15-й Донской казачий генерала Краснова полк	1570	Замостье
1-й Донской казачий артиллерийский дивизион (6-я и 7-я Донские казачьи батареи)	1570	Замостье
2-я Сводная казачья дивизия		
16-й Донской казачий генерала Грекова 8-го полк	1570	Могилев
17-й Донской казачий генерала Бакланова полк	1570	Новая Ущица
1-й Линейный генерала Вельяминова полк Кубанского казачьего войска	1858	К амеице-Подольск
1-й Волгский полк Терского казачьего войска	1732	Камеице-Подольск
Оренбургский казачий артиллерийский дивизион (1-я и 3-я Оренбургские казачьи батареи)	–	Камеице-Подольск
1-я Кавказская казачья дивизия		
1-й Кубанский генерал-фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича полк Кубанского казачьего войска	1732	Каракурт
1-й Уманский бригадира Головатого полк Кубанского казачьего войска	1788	Кр. Карс
1-й Хоперский Великой Княгини Анастасии Михайловны полк Кубанского казачьего войска	1696	Кутаиси

1-й Горско-Моздокский генерала Круковского полк Терского казачьего войска	1732	М. Ольты
1-й Кавказский казачий артиллерийский дивизион (2-я Кубанская и 1-я Терская казачьи батареи)	–	Ахалкалаки
2-я Кавказская казачья дивизия		
1-й Черноморский полковника Бурсука 2-го полк Кубанского казачьего войска	1788	Уроч. Джелал-Оглы
1-й Полтавский кошевого атамана Сидора Белого полк Кубанского казачьего войска	1788	М. Кинакиры
1-й Запорожский Императрицы Екатерины Великой полк Кубанского казачьего войска	1788	М. Кагызман
1-й Лабинский генерала Засса полк Кубанского казачьего войска	1842	Елениндорф
2-й Кавказский казачий артиллерийский дивизион (1-я и 5-я Кубанские казачьи батареи)	–	Эривань
3-я Кавказская казачья дивизия		
1-й Екатеринодарский кошевого атамана Чепыги полк Кубанского казачьего войска	1788	Екатеринодар
1-й Кизляро-Гребенский генерала Ермолова полк Терского казачьего войска	1577	Грозный
Осетинский конный дивизион	1890	Ставрополь
Дагестанский конный полк	1851	Темир Хан Шура

3-й Кавказский казачий артиллерийский дивизион (3-я Кубанская и 2-я Терская казачьи батареи)

–

–

Туркестанская казачья дивизия

2-й Уральский казачий полк

1591

Самарканд

4-й Исетско-Ставропольский полк Оренбургского казачьего войска

1574

Керки

5-й Оренбургский казачий атамана Могутова полк

1574

Ташкент

6-й Оренбургский казачий атамана Углецкого полк

1574

Скобелев

1-й Семиреченский казачий генерала Колпаковского полк

1582

Катта Курган

2-я Оренбургская казачья батарея и Туркестанская конно-горная батарея

–

Самарканд

Сибирская казачья бригада

1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеевича полк

1582

Джаркент

2-й Сибирский казачий полк

1582

Джаркент

Закаспийская казачья бригада

1-й Таманский генерала Безкровного полк Кубанского казачьего войска

1788

С. Каши близ
Ашхабада

1-й Кавказский генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк Кубанского казачьего войска

1788

Мевр

Туркменский конный дивизион

1885

С. Каши близ
Ашхабада

4-я Кубанская казачья батарея	–	Ашхабад
<i>Забайкальская казачья бригада</i>		
1-й Верхне-Удинский полк Забайкальского казачьего войска	1655	Троицкосавск
1-й Читинский полк Забайкальского казачьего войска	1655	Ст. Даурия Забайк. обл.
1-й Аргунский полк Забайкальского казачьего войска	1655	Ст. Даурия Забайк. обл.
Забайкальский казачий артиллерийский дивизион (1-я и 2-я Забайкальские казачьи батареи)	–	Чита
<i>Уссурийская конная бригада</i>		
Приморский Драгунский полк	1869	П. Новокиевское Прим. обл.
1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска	1655	П. Шкотово Прим. обл.
Уссурийский казачий дивизион	1655	П. Гродеков Прим. обл.
1-й Конно-горный дивизион (две конно-горные батареи)	–	П. Шкотово Прим. обл.
<i>Отдельные казачьи части</i>		
7-й Донской казачий атамана Денисова полк (входит в состав 7-го армейского корпуса)	1570	Николаев
Астраханский казачий полк (входит в состав 16-го армейского корпуса)	1750	Саратов
3-й Сибирский казачий полк (приписан к 11-й Сибирской стрелковой дивизии)	1582	Зайсан

Оренбургский казачий дивизион	1574	Гельсингфорс
Кубанский казачий дивизион	1830	Варшава
Амурский казачий генерал-адъютанта графа Муравьева-Амурского полк (приписан к 10-й Сибирской стрелко- вой дивизии)	1655	Благовещенск
2-й Конно-горный артиллерийский дивизион (приписан к 9 армейскому корпусу)	–	Киев

Приложение III

Список строевых частей кавалерии и казачьих войск, фамилии командиров на 1 января 1917

А. Гвардейская кавалерия

1-я гвардейская кавалерийская дивизия – *генерал-лейтенант Скоропадский*

1-я бригада – *Свиты Его Величества генерал-майор Эрстов*

Кавалергардский полк – *генерал-майор Шипов*

Лейб-гвардии Конный полк – *Св. Е. В. генерал-майор Гартман*

2-я бригада – *Св. Е. В. генерал-майор Джунковский*

Лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк – *Св.Е.В. генерал-майор Кантакузин*

Лейб-гвардии Кирасирский Ея Величества полк – *генерал-майор Свечин*

2-я гвардейская кавалерийская дивизия – *Св.Е.В. генерал-майор Абалешев*

1-я бригада – *Св.Е.В. генерал-майор Княжевич*

Лейб-гвардии Конно-гренадерский полк – *полковник Гревс*

Лейб-гвардии Уланский Ея Величества – *Св.Е.В. генерал-майор Маслов*

2-я бригада – *Св.Е.В. генерал-майор Арсеньев*

Лейб-гвардии Драгунский полк – *полковник Гребенчиков*

Лейб-гвардии Гусарский полк – *Св.Е.В. генерал-майор Левшин*

3-я гвардейская кавалерийская дивизия – *Св.Е.В. генерал-майор Арапов*

1-я бригада – *Св.Е.В. генерал-майор Гротен*

Лейб-гвардии Уланский Его Величества полк – *полковник Эрстов*

Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк – *полковник Генрици*

2-я бригада – *Св.Е.В. генерал-майор Орлов*

Лейб-гвардии Атаманский полк – *полковник Михайлов*

Лейб-гвардии Сводно-казачий полк – *полковник Бородин*

Б. Армейская кавалерия

1-я кавалерийская дивизия – *генерал-майор Греков*

1-я бригада – *генерал-майор Великопольский*

1-й Московский драгунский полк – *генерал-майор Бискупский*

1-й Петроградский уланский полк – *полковник Крашенников*

2-я бригада – *генерал-майор Лео*

1-й Сумский гусарский полк – *полковник Жуков*

1-й Донской казачий полк – *полковник Граилин*

2-я кавалерийская дивизия – *генерал-лейтенант князь Трубецкой*

1-я бригада – *полковник Павлицев*

2-й Псковский драгунский полк – *полковник Курсов*

2-й Курляндский уланский полк – *полковник Матковский*

2-я бригада – *генерал-майор Юрьев*

2-й Павлоградский гусарский полк – *полковник граф Толь*

2-й Донской казачий полк – *полковник Упорников*

3-я кавалерийская дивизия – *генерал-лейтенант Леонтович*

1-я бригада – *генерал-майор Ярминский*

3-й Новгородский драгунский полк – *полковник (?)*

3-й Смоленский уланский полк – *полковник фон Валь*

2-я бригада – *генерал-майор Хандаков*

3-й Елисаветградский гусарский полк – *полковник Сегеркранц*

3-й Донской казачий полк – *полковник (?)*

4-я кавалерийская дивизия – *генерал-лейтенант Ванновский*

1-я бригада – *генерал-майор Кляндер*

4-й Новотроицко-Екатеринославский драгунский полк – *полковник Аветисов*

4-й Харьковский уланский полк – *полковник Николаев*

2-я бригада – *генерал-майор барон Брудберг*

4-й Мариупольский гусарский полк – *полковник Нетерсон*

4-й Донской казачий полк – *флигель-адъютант полковник Романовский*
5-я кавалерийская дивизия – *генерал-майор Нилов*

1-я бригада – *генерал-майор Лучов*
5-й Каргопольский драгунский полк – *флигель-адъютант полковник Дараган*
5-й Литовский уланский полк – *полковник Сычев*

2-я бригада – *генерал-майор Попов*
5-й Александрийский гусарский полк – *полковник Коленкин*
5-й Донской казачий полк – *полковник Юганов*

6-я кавалерийская дивизия – *генерал-лейтенант Рооп*

1-я бригада – *генерал-майор барон фон Корф*
6-й Глуховский драгунский полк – *полковник Шмидт*
6-й Вольнский уланский полк – *полковник Кобиев*

2-я бригада – *генерал-майор барон фон Штемпель*
6-й Клястицкий гусарский полк – *полковник Романов*
6-й Донской казачий полк – *полковник Мамонтов*

7-я кавалерийская дивизия – *генерал-лейтенант Рерберг*

1-я бригада – *генерал-майор Дуров*
7-й Кинбургский драгунский полк – *полковник Заваротько*
7-й Ольвиопольский уланский полк – *полковник Семенов*

2-я бригада – *генерал-майор Колзаков*
7-й Белорусский гусарский полк – *полковник Серебренников*
11-й Донской казачий полк – *полковник Ушаков*

8-я кавалерийская дивизия – *генерал-майор Красовский*

1-я бригада – *генерал-майор Устимович*
8-й Астраханский драгунский полк – *полковник Шестаков*
8-й Вознесенский уланский полк – *полковник Хмыров*

2-я бригада – *генерал-майор Буш*
8-й Лубенский гусарский полк – *полковник Пулевич*
8-й Донской казачий полк – *полковник Саринов*
9-я кавалерийская дивизия – *генерал-лейтенант князь Бегильдеев*

1-я бригада – *генерал-майор Кузьмин-Караваев*
9-й Казанский драгунский полк – *полковник Лосьев*
9-й Бугский уланский полк – *полковник (?)*

2-я бригада – *генерал-лейтенант Мошин*
9-й Киевский гусарский полк – *генерал-майор Третилев*
1-й Уральский казачий полк – *полковник Бородин*

10-я кавалерийская дивизия – *генерал-лейтенант Марков*

1-я бригада – *генерал-майор (?)*
10-й Новгородский драгунский полк – *полковник Прохоров*
10-й Одесский уланский полк – *полковник Эммануэль*

2-я бригада – *генерал-майор Тимашев*
10-й Ингерманландский гусарский полк – *полковник Чеславский*
1-й Оренбургский казачий полк – *войсковой старшина Дутов*

11-я кавалерийская дивизия – *генерал-майор барон фон Дистерло*

1-я бригада – *генерал-майор Мономахов*
11-й Рижский драгунский полк – *полковник Тупальский*
11-й Чугуевский уланский полк – *полковник де-Витте*

2-я бригада – *генерал-майор Бюнтинг*
11-й Изюмский гусарский полк – *полковник фон Шредер*
12-й Донской казачий полк – *полковник Балабин*

12-я кавалерийская дивизия – *Св.Е.В. генерал-майор барон Маннергейм*

1-я бригада – *полковник Чертков*
12-й Стародубовский драгунский полк – *полковник Чекатовский*
12-й Белгородский уланский полк – *полковник Одинцов*

2-я бригада – *генерал-майор Жуков*
12-й Ахтырский гусарский полк – *полковник Елчанинов*
3-й Уфимско-Самарский полк Оренбургского казачьего войска –
полковник Головин.

13-я кавалерийская дивизия – *генерал-майор Чайковский*

1-я бригада – *генерал-майор Вивьен де Шатобрен*
13-й Военного Ордена драгунский полк – *полковник Лемпицкий*
13-й Владимирский уланский полк – *полковник (?)*

2-я бригада
13-й Нарвский гусарский полк – *полковник Оноприенко*
2-й Оренбургский казачий полк – *полковник (?)*

14-я кавалерийская дивизия – *генерал-майор Толпыго*

1-я бригада – *генерал-майор Перевозчиков*
14-й Малороссийский драгунский полк – *генерал-майор Милович*
14-й Ямбургский уланский полк – *полковник Косяков*

2-я бригада *генерал-майор Корнеев*
14-й Митавский гусарский полк – *полковник (?)*
14-й Донской казачий полк – *полковник Быкодоров*

15-я кавалерийская дивизия – *генерал-майор Мартынов*

1-я бригада – *генерал-майор Желтухин*
15-й Переяславский драгунский полк – *полковник Корганов*
15-й Татарский уланский полк – *полковник Полторацкий*

2-я бригада – *генерал-майор Гамзагурди*
15-й Украинский гусарский полк – *полковник Сакс*
3-й Уральский казачий полк – *войсковой старшина Мартынов*

16-я кавалерийская дивизия – *генерал-лейтенант Володченко*

1-я бригада – *генерал-майор граф Стенбок*
17-й Черниговский гусарский полк – *полковник Дессино*
18-й Нежинский гусарский полк – *полковник Богородский*

2-я бригада – *генерал-майор Константинов*
16-й Новоархангелогородский уланский полк – *полковник Алейнич*
17-й Новомиргородский уланский полк – *генерал-майор Костенко*

Кавказская казачья дивизия – *генерал-лейтенант князь Белосельский-Белозерский*

1-я бригада – *генерал-майор Копачев*

16-й Тверской драгунский полк – *полковник Коцебу*

17-й Нижегородский драгунский полк – *полковник Ягминь*

2-я бригада – *генерал-майор Хартен*

18-й Северский драгунский полк – *полковник Эрм*

1-й Сумженско-Владикавказский полк Терского казачьего войска – *полковник Земцов*

Сводно-Кавказская дивизия – *генерал-лейтенант князь Вадбольский*

1-я Отдельная Кавказская бригада

19-й Архангелогородский драгунский полк – *полковник Гончаренко*

16-й Иркутский гусарский полк – *полковник Навроцкий*

1-я Заамурская конная бригада – *генерал-майор князь Туманов*

1-й Пограничный Заамурский конный полк – *полковник Моравицкий*

2-й Пограничный Заамурский конный полк – *генерал-майор Карницкий*

4-я Отдельная Кавказская бригада

Полк Офицерской кавалерийской школы – *полковник Родзянко*

20-й Финляндский драгунский полк – *генерал-майор князь Меликов*

1-я Отдельная Прибалтийская конная бригада – *генерал-лейтенант Европкин*

1-й Прибалтийский конный полк – *полковник Веселовзоров*

2-й Прибалтийский конный полк – *полковник Винберг*

2-я Отдельная Прибалтийская конная бригада – *генерал-майор Прокопович*

3-й Прибалтийский конный полк – *генерал-майор Лазарев*

8-й Оренбургский казачий полк – *полковник Фаддеев*

Крымский конный полк – *полковник Ревизишн*

Текинский конный полк – *полковник Зыков*

Черноморский конный полк – *полковник князь Эрстов*

Польский уланский дивизион – *подполковник Обух-Воцатынский*

1-я Донская казачья дивизия – *генерал-майор Греков*

1-я бригада – *полковник Крюков*

9-й Донской казачий полк – *полковник Савченко-Маценко*

13-й Донской казачий полк – *полковник Иванов*

2-я бригада – *генерал-майор Хрещатинский*

10-й Донской казачий полк – *полковник Фарафонов*

15-й Донской казачий полк – *полковник Ситников*

2-я Сводная казачья дивизия – *генерал-майор Краснов*

1-я бригада – *генерал-лейтенант Гусловский*

16-й Донской казачий полк – *полковник Юдин*

17-й Донской казачий полк – *полковник Марюзов*

2-я бригада – *генерал-майор Плаутин*

1-й Линейный полк Кубанского казачьего войска – *полковник Евсеев*

1-й Волжский казачий полк Терского казачьего войска – *полковник Туроверов*

3-я Донская казачья дивизия – *Св.Е.В. генерал-майор князь Долгорукий*

1-я бригада – *генерал-лейтенант Кунаков*

18-й Донской казачий полк – *полковник (?)*

20-й Донской казачий полк – *полковник Шляхтин*

2-я бригада – *полковник Кузнецов*

30-й Донской казачий полк – *полковник Неклюдов*

32-й Донской казачий полк – *полковник Руженников*

4-я Донская казачья дивизия – *генерал-майор Каледин*

1-я бригада – *генерал-майор Родионов*

19-й Донской казачий полк – *полковник Васильковский*

24-й Донской казачий полк – *полковник Черевков*

2-я бригада – *полковник Потоцкий*

25-й Донской казачий полк – *полковник Анохин*

26-й Донской казачий полк – *полковник Хрещатицкий*

5-я Донская казачья дивизия – *генерал-лейтенант Ванновский*

1-я бригада – *генерал-майор Поляков*

27-й Донской казачий полк – *полковник Пивоваров*

28-й Донской казачий полк – *полковник Якушов*

2-я бригада – *генерал-майор Усачев*

29-й Донской казачий полк – *полковник Тошелин*

33-й Донской казачий полк – *полковник Попов*

6-я Донская Казачья дивизия – *генерал-лейтенант Пономарев*

1-я бригада – *генерал-майор Попов*

7-й Донской казачий полк – *генерал-майор Васильев*

40-й Донской казачий полк – *полковник Абрамов*

2-я бригада

49-й Донской казачий полк – *полковник Попов*

53-й Донской казачий полк – *полковник Звегинцов*

1-я Кавказская казачья дивизия – *генерал-майор Раддац*

1-я бригада – *подполковник Перепеловский*

1-й Кубанский казачий полк – *полковник Лещенко*

1-й Уманский полк Кубанского казачьего войска – *полковник Яковлев*

2-я бригада – *полковник Федюшкин*

1-й Хоперский полк Кубанского казачьего войска – *полковник Успенский*

1-й Горско-Моздокский полк Терского казачьего войска – *войсковой старшина Найденов*

2-я Кавказская казачья дивизия – *генерал-майор Кулебьякин*

1-я бригада – *полковник Нальгиев*

1-й Черноморский полк Кубанского казачьего войска – *полковник Шатилов*

1-й Лабинский полк Кубанского казачьего войска – *полковник Блазнов*

2-я бригада – *генерал-майор Потто*

1-й Запорожский полк Кубанского казачьего войска – *полковник Урчукин*

3-я Кавказская казачья дивизия – *генерал-лейтенант Хельмицкий*

1-я бригада – *генерал-майор Майсагов*

1-й Екатеринодарский полк Кубанского казачьего войска
Осетинский конный полк – *полковник Табасаранский*

2-я бригада

1-й Кизляро-Гребенский полк Терского казачьего войска – *полковник Корсун*
Дагестанский конный полк – *полковник Хабаев*

4-я Кавказская казачья дивизия – *генерал-майор Филимонов*

1-я бригада – *генерал-майор Рыбальченко*

1-й Полтавский полк Кубанского казачьего войска – *полковник Белый*
1-й Сунженско-Владикавказский полк Терского казачьего войска – *полковник Земцов*

2-я бригада – *полковник Стопчанский*

3-й Таманский полк Кубанского казачьего войска – *полковник граф Граббе*
3-й Кубанский казачий полк – *войсковой старшина Захаров*

5-я Кавказская казачья дивизия – *генерал-лейтенант Томашевский*

1-я бригада – *генерал-майор Филлипов*

1-й Таманский казачий полк – *войсковой старшина Беломестнов*
1-й Кавказский казачий полк – *полковник (?)*

2-я бригада – *генерал-майор Колесников*

3-й Линейный казачий полк – *полковник Кучеров*
3-й Екатеринодарский казачий полк – *войсковой старшина Миргородский*

6-я Кавказская казачья дивизия

3-й Лабинский казачий полк – *войсковой старшина Щелоков*

3-й Кавказский казачий полк – *войсковой старшина Ефременко*

1-й Кавказский пограничный полк – *полковник Попов*

2-й Кавказский пограничный полк – *подполковник Жовнеровский*

1-я Туркестанская казачья дивизия – *генерал-лейтенант Фидаров*

1-я бригада – *генерал-майор Логинов*

4-й Исетско-Ставропольский полк Оренбургского казачьего войска – *полковник Красноярцев*

1-й Семиреченский казачий полк – *полковник Гуцин*

2-я бригада

6-й Оренбургский казачий полк – *полковник Бобров*

2-я Туркестанская казачья дивизия – *генерал-лейтенант Чоголков*

1-я бригада – *генерал-майор Михонский*

1-й Астраханский казачий полк – *полковник Востряков*

2-й Уральский казачий полк – *полковник (?)*

5-й Оренбургский казачий полк – *полковник Садин*

5-й Донской казачий полк – *полковник Александрин*

1-я Кубанская казачья дивизия – *генерал-лейтенант Кузьмин-Караваяев*

1-я бригада – *генерал-майор Бабиев*

2-й Таманский казачий полк – *полковник Феськов*

2-й Полтавский казачий полк – *полковник Ташлинцев*

2-я бригада – *полковник Мистунов*

2-й Запорожский казачий полк – *полковник Ярошевич*

2-й Уманский казачий полк – *полковник Огрызков*

2-я Кубанская казачья дивизия – *генерал-лейтенант Николаев*

1-я бригада – *генерал-майор Никитин*

2-й Кавказский казачий полк – *войсковой старшина Кротов*

2-й Лабинский казачий полк – *полковник Миронов*

2-я бригада – *генерал-майор Хитрово*

2-й Кубанский казачий полк – *полковник Соловьев*

2-й Хоперский казачий полк – *полковник Ширай*

3-я Кубанская казачья дивизия – *генерал-майор Рафалович*

1-я бригада – *генерал-майор Золотарев*

Адагумско-Азовский казачий полк – *войсковой старшина Титус*

Екатеринославский казачий полк – *полковник Горбачев*

2-я бригада – *полковник Кравченко*

Ейский казачий полк – *полковник граф Адлерберг*

Ставропольский казачий полк – (?)

4-я Кубанская казачья дивизия

3-й Полтавский казачий полк – *полковник Поносеvный*

3-й Уманский казачий полк – *полковник Удовский*

3-й Хоперский казачий полк – *полковник Труфанов*

1-я Терская казачья дивизия – *генерал-майор Голощепов*

1-я бригада

2-й Кизляро-Гребенской казачий полк – *полковник Сехин*

2-й Сунженско-Владикавказский казачий полк – *полковник Тускаев*

2-я бригада – *полковник Самеров*

2-й Терско-Моздокский полк – *полковник Морозов*

2-й Волгский конный полк – *полковник (?)*

Оренбургская казачья дивизия – *генерал-майор Шишкин*

1-я бригада - *генерал-майор Хлебников*

9-й Оренбургский казачий полк – *полковник Пустоханов*

10-й Оренбургский казачий полк – *полковник Колесников*

2-я бригада – *полковник Бородин*

11-й Оренбургский казачий полк – *полковник Серов*

12-й Оренбургский казачий полк – *полковник Доможиров*

Уральская казачья дивизия – *генерал-лейтенант фон Кауфман-Туркестанский*

1-я бригада – *генерал-майор Акутин*

4-й Уральский казачий полк – *полковник Еремин*

5-й Уральский казачий полк – *полковник Акутин*

2-я бригада – *полковник Скворкин*

6-й Уральский казачий полк – *полковник Мизинов*

7-й Уральский казачий полк – *полковник Акутин*

Сибирская казачья дивизия – *генерал-лейтенант князь Мыщецкий*

1-я бригада – *полковник Белов*

4-й Сибирский казачий полк – *полковник Михайлов*
5-й Сибирский казачий полк – *полковник Грибановский*

2-я бригада – *генерал-майор Волжин*
7-й Сибирский казачий полк – *полковник Осипов*
8-й Сибирский казачий – *полковник Шмонин*

1-я Забайкальская казачья дивизия – *Св.Е.В. генерал-майор Орлов*

1-я бригада – *генерал-майор князь Кекуатов*
1-й Верхнеудинский казачий полк – *полковник Тонких*
1-й Читинский казачий полк (?)
1-й Аргунский казачий полк – *полковник Казачихин*
2-й Верхнеудинский казачий полк – *полковник Беляев*

Уссурийская конная дивизия – *генерал-майор Крымов*

1-я бригада – *полковник Железнов*
Приморский драгунский полк – *полковник Середин*
1-й Нерчинский полк (?)

2-я бригада – *флигель-адъютант полковник барон Врангель*
Уссурийский казачий полк – *полковник Губин*
1-й Амурский казачий полк – *полковник Сычев*

Уссурийский казачий дивизион – *войсковой старшина Ободовский*

Кавказская туземная конная дивизия – *генерал-лейтенант князь Багратион*

1-я бригада – *генерал-майор Кобиев*
Чеченский конный полк – *полковник Фазула-Мерза*
Кабардинский конный полк – *полковник Старосельский*

2-я бригада – *генерал-майор Дробезгин*
2-й Дагестанский конный полк – *полковник князь Амилохвари*
Черкесский конный полк – *полковник князь Чавчавадзе*

3-я бригада – *генерал-майор князь Гагарин*
Татарский конный полк – *полковник князь Бекович-Черкасский*
Ингушский конный полк – *полковник Мерчуле*

1-я Донская Казачья бригада

55-й Донской казачий полк – *полковник Дубенцов*

56-й Донской казачий полк – *полковник Савельев*

57-й Донской казачий полк – *полковник Никольский*

Сибирская кавалерийская бригада – *генерал-майор Левандовский*

1-й Сибирский казачий полк – *полковник (?)*

2-й Сибирский казачий полк – *полковник Борисевич*

2-я Забайкальская казачья бригада – *генерал-майор Назаров*

2-й Читинский казачий полк – *полковник Васильев*

2-й Нерчинский казачий полк – *полковник Концевич*

3-я Забайкальская казачья бригада – *полковник Семенов*

2-й Аргунский казачий полк – *войсковой старшина Бутаков*

3-й Верхнеудинский казачий полк – *полковник Оглоблин*

1-я Кубанская пластунская бригада – *генерал-майор Гулыга*

1-й Кубанский пластунский батальон – *войсковой старшина Рембалович*

2-й Кубанский пластунский батальон – *войсковой старшина Наумов*

3-й Кубанский пластунский батальон – *войсковой старшина Быч*

4-й Кубанский пластунский батальон – *полковник Яковлев*

5-й Кубанский пластунский батальон – *полковник Туношенский*

6-й Кубанский пластунский батальон – *полковник Хоткевич*

2-я Кубанская пластунская бригада – *генерал-майор Букретов*

7-й Кубанский пластунский батальон – *полковник (?)*

8-й Кубанский пластунский батальон – *войсковой старшина Келезнев*

9-й Кубанский пластунский батальон – *войсковой старшина Кадушкин*

10-й Кубанский пластунский батальон – *войсковой старшина Ткачев*

11-й Кубанский пластунский батальон – *полковник Опацкий*

12-й Кубанский пластунский батальон – *войсковой старшина Шошин*

3-я Кубанская пластунская бригада – *генерал-майор Комянский*

- 13-й Кубанский пластунский батальон – *полковник Марченко*
- 14-й Кубанский пластунский батальон – *войсковой старшина Селянин*
- 15-й Кубанский пластунский батальон – *войсковой старшина Фирсов*
- 16-й Кубанский пластунский батальон – *полковник Поволоцкий*
- 17-й Кубанский пластунский батальон – *полковник Сидоренко*
- 18-й Кубанский пластунский батальон – *войсковой старшина Скляр*

4-я Кубанская пластунская бригада – *генерал-майор Крутень*

- 19-й Кубанский пластунский батальон – *полковник Бурцев*
- 20-й Кубанский пластунский батальон – *войсковой старшина Булавинов*
- 21-й Кубанский пластунский батальон – *войсковой старшина Подгурский*
- 22-й Кубанский пластунский батальон – *полковник Блохин*
- 1-й Терский пеший батальон – *полковник Цулугиев*
- 2-й Терский пеший батальон – *войсковой старшина Вербицкий*

Части, не входящие в состав дивизий и бригад

Донские казачьи полки:

- 21-й Казачий полк – *полковник Чирков*
- 22-й Донской казачий полк – *полковник Ханженков*
- 23-й Донской казачий полк – *полковник (?)*
- 31-й Казачий полк – *полковник Раков*
- 34-й Донской казачий полк – *генерал-майор Галдин*
- 35-й Донской казачий полк – *полковник Дьяконов*
- 36-й Донской казачий полк – *полковник Кочетов*
- 37-й Донской казачий полк – *полковник Кундюков*
- 38-й Донской казачий полк – *полковник Якушев*
- 39-й Донской казачий полк – *полковник Донцов*
- 41-й Донской казачий полк – *полковник Толконников*
- 42-й Донской казачий полк – *полковник Бурьянов*
- 43-й Донской казачий полк – *полковник Нефедов*
- 44-й Донской казачий полк – *полковник Инютин*
- 45-й Донской казачий полк – *полковник Космачев*
- 46-й Донской казачий полк – *полковник Краснянский*
- 47-й Донской казачий полк – *полковник Базов*
- 48-й Донской казачий полк – *полковник Ефимов*
- 50-й Донской казачий полк – *полковник Герасимов*
- 51-й Донской казачий полк – *войсковой старшина Давыдов*
- 54-й Донской казачий полк – *войсковой старшина Ляборинский*

58-й Донской казачий полк – *полковник (?)*
1-й Отдельный казачий дивизион – *полковник Чумаков*

Полки Кубанского казачьего войска:

2-й Линейный казачий полк – *полковник (?)*
3-й Запорожский полк – *полковник Камянский*
2-й Черноморский казачий полк – *полковник Феськов*
3-й Черноморский казачий полк – *полковник Галушко*
2-й Екатеринодарский казачий полк – *полковник Логвинов*

Полки Терского казачьего войска:

3-й Волгский казачий полк – *полковник Вдовенко*
3-й Кизляро-Гребенский казачий полк – *полковник Аландер*
3-й Горско-Моздокский казачий полк – *войсковой старшина Лепилкин*

Полки Астраханского казачьего войска:

2-й Астраханский казачий полк – *полковник Сарычев*
3-й Астраханский казачий полк – *полковник Стрелков*

Полки Оренбургского казачьего войска:

7-й Оренбургский казачий полк – *полковник Доможиров*
13-й Оренбургский казачий полк – *полковник Милеев*
14-й Оренбургский казачий полк – *войсковой старшина Дашкин*
15-й Оренбургский казачий полк – *полковник Кисилев*
16-й Оренбургский казачий полк – *полковник Печенкин*
17-й Оренбургский казачий полк – *полковник Смолин*
18-й Оренбургский казачий полк – *полковник Рогожников*
Оренбургский казачий дивизион – *полковник Кишиченков*

Полки Уральского казачьего войска:

8-й Уральский казачий полк – *полковник Селезнев*
9-й Уральский казачий полк – *полковник Копняев*

Полки Сибирского казачьего войска:

3-й Сибирский казачий полк – *полковник Сергеев*

6-й Сибирский казачий полк – *полковник Мунгалов*
9-й Сибирский казачий полк – *полковник Первушин*

Полки Семиреченского казачьего войска:

2-й Семиреченский казачий полк – *полковник Куликов*
3-й Семиреченский казачий полк – *войсковой старшина Утренинов*

Полк Амурского казачьего войска:

2-й Амурский казачий полк – *полковник Вертопрахов*

Донская казачья пешая бригада – *полковник Полухин*

1-й Донской казачий пеший батальон – *войсковой старшина Краснов*
2-й Донской казачий пеший батальон – *полковник Фетисов*
3-й Донской казачий пеший батальон – *войсковой старшина Духопельников*
4-й Донской казачий пеший батальон – *войсковой старшина Попов*
5-й Донской казачий пеший батальон – *войсковой старшина Кутейников*
6-й Донской казачий пеший батальон – *войсковой старшина Смагин*

Осетинская пешая бригада – *генерал-майор Чиковани*

1-й Осетинский пеший батальон
2-й Осетинский пеший батальон
3-й Осетинский пеший батальон

Части пограничной стражи:

Заамурская конная дивизия – *генерал-лейтенант Розалион-Сошальский*

1-я бригада – *генерал-майор Кальмейер*
3-й Пограничный Заамурский конный полк – *полковник (?)*
4-й Пограничный Заамурский конный полк – *генерал-майор Черемисов*

2-я бригада – *генерал-майор Яковлев*
5-й Пограничный Заамурский конный полк – *полковник Фуллон*
6-й Пограничный Заамурский конный полк – *полковник Николаев*

Отдельные пограничные полки и дивизионы:

- Хотинский пограничный конный полк – *полковник барон фон дер Рекке*
5-й Горждинский пограничный конный полк – *полковник Минаков*
6-й Таурогенский пограничный конный полк – *полковник Лагофет*
8-й Граевский пограничный конный полк – *полковник барон Кене*
9-й Ломжинский пограничный конный полк – *полковник барон Фрейтаг-фон-Лоренговен*
10-й Рыпинский пограничный конный полк – *полковник Макеев*
12-й Калишский пограничный конный полк – *полковник Романович*
15-й Сандомирский пограничный конный полк – *полковник Отфиновский*
17-й Томашевский пограничный конный полк – *полковник Смирнов*
- 1-й Кавказский пограничный конный полк – *полковник Попов*
3-й Кавказский пограничный конный полк – *полковник Иванов*
4-й Кавказский пограничный конный полк – *подполковник Эртель*
Кавказский пограничный конный дивизион – *подполковник Шиман*
Грузинский конный пограничный полк – *полковник Чавчавадзе*
- 1-й Петроградский пограничный конный дивизион – *подполковник Катарский*
2-й Петроградский пограничный конный дивизион – *полковник Сысоев*
3-й Петроградский пограничный конный дивизион – *полковник Реслеин*
4-й Петроградский пограничный конный полк – *подполковник Заневский*
Ревельский пограничный конный дивизион – *подполковник Штаден*
Аренбургский пограничный конный дивизион – *полковник Яхимович*

Приложение IV

Возрождение кавалерийских полков Белой армии

Полки	Единица	Части и соединения, куда входили подразделения полка
<i>Гвардейские</i> Кавалергардский	дивизион	Сводно-гвардейский, Сводный полк гвардейской кирасирской дивизии, 1-й гвардейский сводно-кирасирский (2 кд*), Сводно-гвардейский кавалерийский, Гвардейский кавалерийский (1 кд)
Конный	дивизион	То же
Кирасирский Ея Величества	дивизион	То же
Кирасирский Его Величества	дивизион	То же
Уланский Ея Величества	эскадрон	Сводно-горская дивизия, Сводно-гвардейский кавалерийский, Гвардейский кавалерийский (1 кд)
Гусарский	эскадрон	То же
Драгунский	дивизион	Запасной кавалерийский полк, Драгунский дивизион, 2-й Гвардейский сводно-кавалерийский (2 кд), Сводно-гвардейский кавалерийский, Гвардейский кавалерийский (1 кд)
Конно-гренадерский	дивизион	Запасной кавалерийский полк,

* кд – кавалерийская дивизия.

		Сводный гвардейский дивизион, 2-й гвардейский сводно-кавалерийский (2 кд), Сводно-гвардейский кавалерийский, Гвардейский кавалерийский (1 кд)
Уланский Его Величества	дивизион	То же
Гродненский гусарский	дивизион	Сводно-гусарский (1-й кд), Сводно-гвардейский кавалерийский, Гвардейский кавалерийский (1 кд)
 <i>Драгунские</i>		
2-й Псковский	эскадрон	3-й кавалерийский (1 кд) Перекопский отряд, Сводно-драгунский (отдельной бригады и 2 кд), 3-й конный (2 кд), 7-й кавалерийский (2 кд и 1 окб**)
3-й Новороссийский	полк	
5-й Каргопольский	полк	В Сибирской армии как Казанский драгунский
8-й Астраханский	дивизион	Сводный полк 1-й бригады 8-й кавалерийской дивизии
9-й Казанский	полк	Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии (1 кд), свой (9 кд), 5-й кавалерийский (2-ой конной дивизии), 6-й кавалерийский (2 кд, потом 1 кд)
10-й Новгородский	дивизион	10-й гусарский Ингерманландский (1 кд), 1-й конный (1 кд)
11-й Рижский	эскадрон	Сводно-кавалерийский (Одесской бригады), 3-й конный (2 кд), 7-й кавалерийский (1 окб), 2-й кавалерийский (2 кд), стрелковый (2 кд)
12-й Стародубовский	дивизион	Сводный полк 12-й кавалерий-

* окб – отдельная кавалерийская бригада.

15-й Переяславский	дивизион	ской дивизии (1 кд), 2-й кавалерийский (2 кд), 3-й кавалерийский (1 кд) Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии (2 кд), Сводно-драгунский (2 кд)
16-й Тверской	дивизион	Сводный полк Кавказской кавалерийской дивизии (2 кд), Кавказский кавалерийский (2 кд)
17-й Нижегородский	дивизион	То же
18-й Северский	дивизион	То же
19-й Архангелогородский	эскадрон	Сводно-уланский (1 кд), 4-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд)
Приморский	полк	В Сибирской армии под своим наименованием
Крымский конный	полк	Сводно-драгунский (2 кд), свой, 2-й Туземный конный (3-я конная, 2 окб), 9-й кавалерийский (1 окб), 7-й кавалерийский (2 кд), стрелковый 2 кд
Уланские		
1-й Петроградский	полк	Сводно-драгунский (2 кд), свой, 7-й кавалерийский (2 кд)
2-й Курляндский	эскадрон	1 кд
3-й Смоленский	эскадрон	Сводно-кавалерийский (Одесской бригады), 3-й конный (2 кд), Сводно-уланский (1 кд), 2-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд), 7-й кавалерийский (2 кд)
4-й Харьковский	дивизион	Чеченская конная дивизия, 2-й Туземный конный (2 окб), 9-й кавалерийский (1 окб), 4-й кавалерийский (2 кд)
5-й Литовский	полк	В Сибирской армии как Симбирский уланский

6-й Волынский	эскадрон	1-й кавалерийский (1 кд)
7-й Ольвиопольский	эскадрон	3-й конный (2 кд)
8-й Вознесенский	дивизион	Сводный полк 1-й бригады 8-й кавалерийской дивизии
9-й Бугский	полк	Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии (1 кд), свой (9 кд), 5-й кавалерийский (2-я конная), 6-й кавалерийский (2 кд, потом 1 кд)
10-й Одесский	дивизион	10-й гусарский Ингерманландский (1 кд), 1-й конный (1 кд), 1-й кавалерийский (1 кд)
11-й Чугуевский	полк	Сводно-кавалерийский (Одесской бригады), 3-й конный (2 кд), свой (1-й сводной кд Донской армии), 2-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд)
12-й Белгородский	дивизион	Сводный полк 12-й кавалерийской дивизии (1 кд), 2-й конный, 3-й конный (2 кд), 3-й кавалерийский (1 кд)
13-й Владимирский	дивизион	Сводно-уланский (1 кд), 2-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд)
14-й Ямбургский	эскадрон	1 кд; в Сибирской армии как Ачинский конно-партизанский отряд
15-й Татарский	эскадрон	Сводно-уланский (1 кд), 2-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд)
16-й Новоархангельский	полк	Сводно-уланский (1 кд), свой, 2-й кавалерийский (1 кд), 3-й кавалерийский (1 кд)
17-й Новомиргородский	эскадрон	Сводно-уланский (1 кд), 2-й кавалерийский (1 кд), 3-й кавалерийский (1 кд)

Гусарские

1-й Сумский	дивизион	Сводно-кавалерийский (Одес-
-------------	----------	-----------------------------

		ской бригады), 3-й конный (2 кд), 7-й кавалерийский (2 кд), 3-й кавалерийский (1 кд), стрелковый (2 кд)
2-й Павлоградский	дивизион	3-й кавалерийский (1 кд), 2-й кавалерийский (2 кд), 4-й кавалерийский (2 кд)
3-й Елисаветградский	эскадрон	Сводно-кавалерийский (Одесской бригады), 3-й конный (2 кд), 7-й кавалерийский (1 окб и 2 кд)
4-й Мариупольский	полк	3-й конный (2 кд), свой (1-й сводной кд Донской армии), 4-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд)
5-й Александрийский	полк	Перекопский отряд, Запасный кавалерийский полк, свой, 1-й кавалерийский (1 кд); в Сибирской армии как Самарский полк
6-й Клястицкий	полк	Свой (1-й сводной кд Донской армии), 2-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд), стрелковый (2 кд)
7-й Белорусский	эскадрон	Сводно-кавалерийский (Одесской бригады), 3-й конный (2 кд), 3-й кавалерийский (1 кд)
8-й Лубенский	дивизион	Отдельная бригада, 7-й кавалерийский (2 кд и 1 окб)
9-й Киевский	полк	Сводный полк 9-й кавалерийской дивизии (1 кд), свой (9 кд), 5-й кавалерийский (2-я конная), 6-й кавалерийский (2 кд, потом 1 кд)

10-й Ингерманландский	полк	Свой (1 кд), 5-й кавалерийский (2-я конная), 1-й кавалерийский (1 кд)
11-й Изюмский	дивизион	Сводно-гусарский (1 кд), 1-й конный (1 кд), 3-й кавалерийский (1 кд)
12-й Ахтырский	дивизион	Сводный полк 12-й кавалерийской дивизии (1 кд), 2-й кавалерийский (1 кд), 3-й кавалерийский (1 кд)
13-й Нарвский	дивизион	Войска Северного Кавказа, 2-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд)
14-й Митавский	полк	2-й Чеченский, Сводно-гусарский (1 кд), 5-й гусарский Александрийский, свой, 2-й кавалерийский (2 кд)
15-й Украинский	эскадрон	2-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд); Русская Западная армия
16-й Иркутский	дивизион	13-й пехотный Белозерский, 3-й кавалерийский (1 кд), 4-й кавалерийский (1 кд, потом 2 кд), стрелковый (2 кд); в Сибирской армии под своим наименованием
17-й Черниговский	дивизион	Сводно-гусарский (1 кд), 1-й конный (1 кд), 3-й кавалерийский (1 кд)

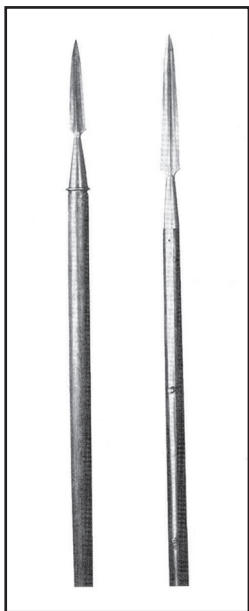

Приложение V

Холодное оружие, стоявшее на вооружении русских кавалерийских полков в XIX – начале XX веков

Пики

Пики первой трети XIX века как казачьи, так и кавалерийские, отличались большим разнообразием. Размеры боевого наконечника, длина и диаметр древка четко определены не были, поскольку до этого пика в основном являлась предметом вооружения иррегулярной казачьей конницы. Различия между кавалерийской и казачьей пиками этого периода заключались в том, что первая имела более длинный боевой наконечник с трубкой, длинные пожилыны и подток, а само древко было тоньше. Боевые наконечники обеих пик были четырехгранными. Длина всей пика составляла около 2800–2850 мм.

Отсутствие официально утвержденных образцов пик приводило к тому, что они были различными не только у отдельных кавалерийских частей, но и в одном полку.

Кавалерийские пики стали поступать на вооружение при создании нового вида легкой кавалерии – улан. В 1801 году кавалерийская пика с красным древком была дана на вооружение первой шеренги Татарско-Литовского и Польского конных полков. В 1806 году пики с черными древками заменили карабины у рядовых Уланского Цесаревича Константина Павловича полка. В 1831 году кавалерийские пики были даны в первые шеренги кирасирских полков, с 1833 они введены в 9-м и 10-м эскадронах всех драгунских полков, кроме Нижегородского. После утверждения в 1839 году чертежей казачьей пики и принятия в 1843 году на вооружение кавалерийской пики, ранее применявшиеся образцы, различавшиеся размерами и весом древка и наконечников, были постепенно заменены.

Образцы пик первой трети XIX века

Пика кавалерийская образца 1843 года

Боевой наконечник стальной четырехгранный, насажен на древко конической трубкой с двумя прожилками, имеющими отверстия для шурупов. Цвет древка по цвету мундирных воротников, кроме лейб-гвардии Конного полка, где оно было окрашено в синий цвет. В средней части древка, на уровне плеча, имелась скоба для крепления темляка.

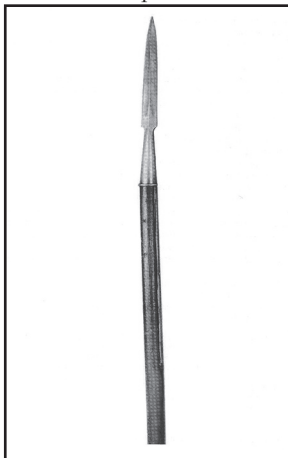
Общая длина легкокавалерийской пики – 2840 мм.

Общая длина кирасирской пики – 3200 мм.

Длина наконечника – 300 мм.

Диаметр древка – 40 мм.

Пика была принята на вооружение в двух вариантах, отличающихся друг от друга длиной и массой – для легкой и тяжелой кавалерии. В 1855–1856 годах эти пики были сняты с вооружения драгун и введены в первых шеренгах гусарских полков. Таким образом, до 1862 года пики образца 1843 года стояли на вооружении первых шеренг кирасирских, уланских и гусарских полков.

Пика кавалерийская образца 1862 года

Боевой наконечник стальной трехгранный, насажен на деревянное окрашенное древко конической трубкой. В средней части древка имелась ременная обмотка и петля длиной до 400 мм, выполняющая роль темляка.

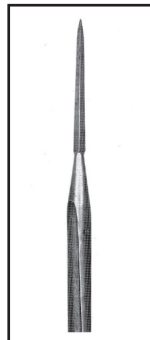
Общая длина – 2760 мм.

Длина наконечника – 210 мм.

Диаметр древка – 32 мм.

Легкокавалерийская пика отличалась от кирасирской только весом – в подток кирасирской пики заливался свинец, поэтому она была тяжелее.

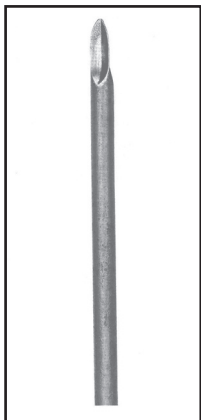
Заменяла пику образца 1843 года в первых шеренгах кирасирских, уланских и гусарских полков. В период реформы кавалерии, в 1882–1883 годах, когда уланские и

гусарские полки превратились в драгунские, пики были сняты с вооружения и оставлены только в первых шеренгах гвардейских кирасирских и уланских полков.

Пика кавалерийская образца 1910 года

Боевой наконечник стальной трехгранный, вставлен в стальную трубку, выполняющую роль древка, и скреплен с ней заклепками.

Древко представляло собой стальную полую трубку. На нижнем закругленном конце закреплен ножник. Для предохранения руки всадника при морозах от соприкосновения с металлом на пике в средней части надевался пеньковый рукав длиной 630 мм, закрепленный тремя медными кольцами. Пика окрашивалась в защитный цвет.

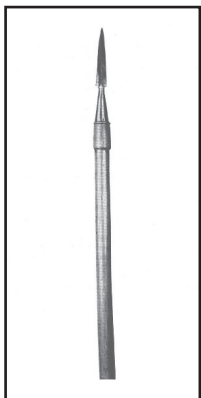
Общая длина – 3280 мм.

Длина наконечника – 135 мм.

Диаметр древка – 27 мм.

С 1913 года пика принята на вооружение первых шеренг всех кавалерийских частей, за исключением Кавказских войск.

Пика казачья образца 1839 года

Боевой наконечник стальной четырехгранный, переходит в коническую трубку, которой он насажен на древко.

Общая длина – 3400 мм.

Длина наконечника с трубкой – 250 мм.

Диаметр древка – 36 мм.

Пика была введена, главным образом, в гвардейских казачьих частях. В остальных частях различных казачьих войск продолжали оставаться и другие пики. Объяснялось это тем, что до 1893 года пики казаков не были предметом государственного снабжения, и каждый казак оснащал себя пикой за свой счет. После 1901 года данная пика была заменена казачьей пикой образца 1901 года. В Кавказских казачьих частях пики на вооружении не состояли.

Пика казачья образца 1901 года

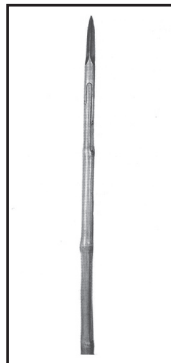
Боевой наконечник стальной трехгранный, насажен на древко трубкой с тремя пожилинами. Поверх пожилин передко надевалось специальное нагнетательное кольцо. Древко деревянное, окрашенное в цвет прикладного сукна в гвардейских частях, в остальных черного цвета.

Общая длина – 3100 мм.

Длина наконечника без пожилин – 230 мм.

Диаметр древка – 36 мм.

Пика заменила в первых шеренгах казачьих частей ранее состоявшие на вооружении казахи пики образца 1839 года. С 1913 года стала заменяться кавалерийской пикой образца 1910 года, но применялась и во время Первой Мировой войны.

Палаши

К началу XIX века на вооружении русской армии было несколько образцов палашей – кирасирских и драгунских. Отличие офицерского и солдатского палаша заключалось в украшениях и позолоте эфеса. Клинки с первого десятилетия XIX века только однолезвийные.

Палаш драгунский солдатский образца 1798 года

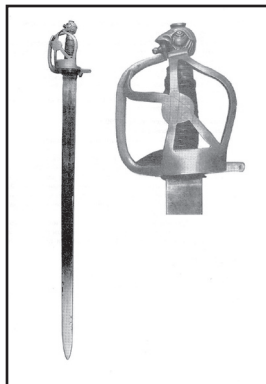
Клинок стальной двухлезвийный. Эфес состоял из рукояти с латунной головкой и латунной гарды. Деревянная рукоять покрыта кожей и обмотана по поперечным наклонным желобкам латунной проволокой. Головка рукояти в виде львиной головы.

Общая длина – 980 мм.

Длина клинка – 800 мм.

Ширина клинка – 34 мм.

Палаш состоял на вооружении нижних чинов всех драгунских полков, за исключением драгунских полков Кавказской инспекции: Владимирского, Нижегородского, Таганрогского (Белгородско-

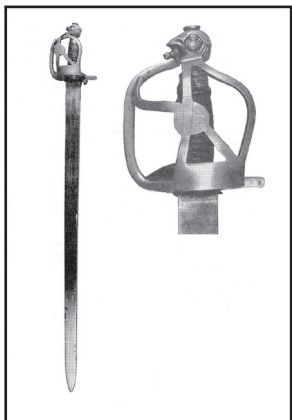

го) и Нарвского, в которых на вооружении состояла кавалерийская сабля. В 1806 году заменен новым драгунским палашом.

Офицерский палаш отличался от солдатского тем, что все металлические части эфеса и прибор ножен были вызолочены.

Палаш кирасирский армейский солдатский образца 1798 года

Клинок стальной прямой однолезвийный. Эфес состоял из рукоятки с латунной головкой и латунной гарды. Головка рукоятки в виде птичьей головы.

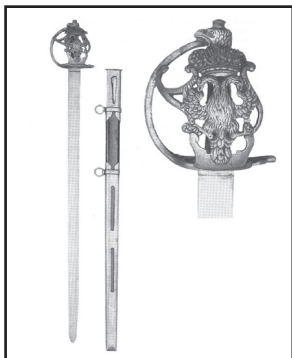
Общая длина драгунских – 1070 мм.

Длина клинка – 900 мм.

Ширина клинка – 40 мм.

Палаш состоял на вооружении нижних чинов армейских кирасирских полков до 1810 года, когда был заменен новым образцом. Офицерский палаш отличался от солдатского, как правило, головкой рукоятки и изображением двуглавого орла на внешней части гарды, а также позолотой всех металлических частей эфеса и прибора ножен.

Палаш кавалергардский образца 1799 года

Клинок стальной прямой двулезвийный, линзовидного сечения. Эфес состоял из рукоятки с латунной головкой в виде птичьей головы и латунной гарды, украшенной двуглавым орлом.

Общая длина – 930 мм.

Длина клинка – 790 мм.

Ширина клинка – 35 мм.

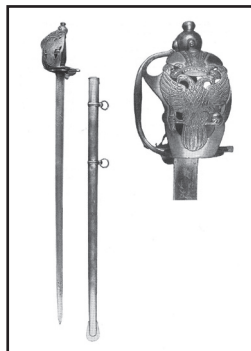
Палаш был заменен образцом 1802 года.

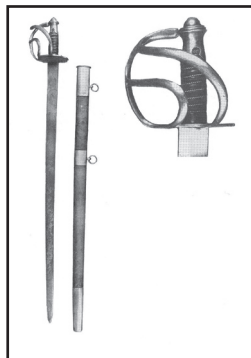
Палаш кавалергардский образца 1802 года

Клинок стальной прямой однолезвийный.
 Общая длина – 1010 мм.
 Длина клинка – 840 мм.
 Ширина клинка – 31 мм.
 Палаш состоял на вооружении в кавалергардском полку до 1810 года.

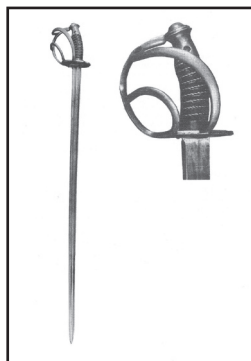
Палаш драгунский солдатский образца 1806 года

Клинок стальной прямой однолезвийный.
 Общая длина – 1020 мм.
 Длина клинка – 890 мм.
 Ширина клинка – 38 мм.
 Палаш состоял на вооружении нижних чинов драгунских полков в 1806–1817 годах, за исключением полков Кавказской инспекции. В 1817 году был заменен кавалерийской саблей. Офицерский палаш отличался позолотой металлических частей эфеса и прибора ножен.

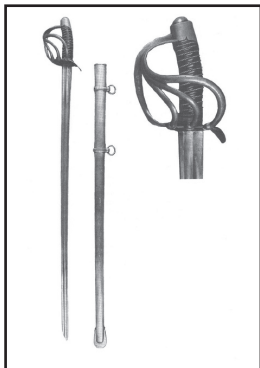
Палаш кирасирский солдатский образца 1810 года

Клинок стальной прямой однолезвийный. Эфес состоял из рукояти и латунной гарды. В верхней части рукоять плавно сужалась и затем резко расширялась, образуя головку. Рукоять делалась слегка загнутой к лезвию клинка для более удобного обхвата при нанесении рубящего удара.
 Общая длина – 1110 мм.
 Длина клинка – 960 мм.
 Ширина клинка – 37 мм.

В 1810 году этот палаш заменил армейские и гвардейские палашы старых образцов. Состоял на вооружении до 1826 года в армейских полках и до 1828 года в гвардейских кирасирских полках. В 1826 году был заменен кирасирским палашом образца 1826 года. Офицерское оружие отличалось позолотой металлических частей эфеса, а также различными украшениями клинка.

Палаш кирасирский солдатский образца 1826 года

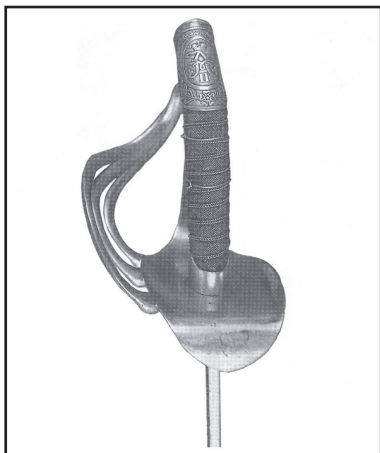
Общая длина – 1150 мм.

Длина клинка – 980 мм.

Ширина клинка – 35 мм.

В 1826 году заменил в армейских кирасирских полках образец 1810 года. В 1828 году то же произошло и в гвардейских полках. До 1917 года являлся принадлежностью парадной формы одежды.

Палаш кирасирский офицерский образца 1826 года и 1826–1909 годов

Отличался от солдатского палаша следующими деталями:

- все металлические части эфеса были вызолочены
- головка рукояти могла быть выпуклой или плоской овальной
- с 1909 года на фигурной латунной втулке, закрывавшей верхнюю часть рукояти, изображался вензель Императора, в царствование которого владелец оружия получил первый офицерский чин.

В 1826 году палаш образца 1826 года заменил в армейских кирасирских полках предыдущий образец 1810 года. Такая же замена была произведена и в гвардии, но чуть позднее, в 1828 году.

После реформирования армейских кирасирских полков в драгунские в 1860 году, палаш остался только в гвардии. В 1881 году с принятием на вооружение офицерской драгунской шашки, палаш стал принадлежностью парадной формы одежды.

С 1909 года его было разрешено носить вне строя и вне службы офицерам тех драгунских полков, которые были переименованы ранее из кирасирских.

Сабли

Сабля легкой кавалерии образца 1798 года

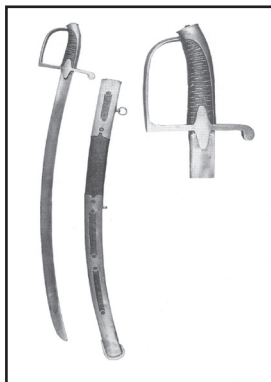
Клинок стальной однолезвийный с одним широким долом, или с одним широким и одним узким долами. Клинки офицерских сабель могли быть украшены. Эфес состоял из рукояти и стальной гарды, образованной крестовиной с перекрестием и передней дужкой. Рукоять покрывалась кожей и обматывалась латунной или серебряной (у офицеров) проволокой.

Общая длина – 1000 мм.

Длина клинка – 870 мм.

Ширина клинка – 41 мм.

Сабля состояла на вооружении гусар, лейб-казаков и драгун Кавказской инспекции до 1809 года, уланских полков – до 1812 года.

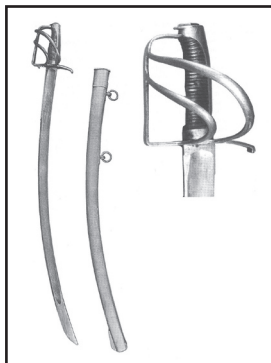
Сабля легкой кавалерии образца 1809 года

Клинок стальной искривленный однолезвийный с одним широким долом. Эфес состоял из рукояти и стальной гарды. Спинку рукояти покрывала стальная планка, переходящая в головку. Гарда образована крестовиной и тремя дужками.

Общая длина – 1030 мм.

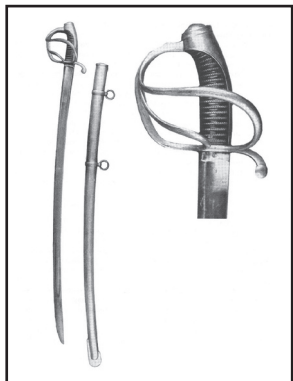
Длина клинка – 880 мм.

Ширина клинка – 36 мм.

В 1809 году эта сабля заменила образец 1798 года у гусар, лейб-казаков и драгун Кавказской инспекции, в 1812 году – у улан.

Сабля кавалерийская образца 1817 года.

Клинок стальной искривленный однолезвийный, с елманью. Обычно на правой стороне клинка имелся один широкий дол, переходящий в два узких, на левой – один широкий.

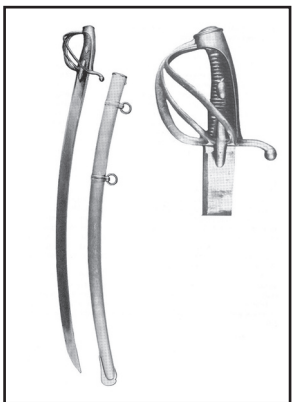
Общая длина – 1010 мм.

Длина клинка – 870 мм.

Ширина клинка – 28 мм.

Заменила сабли легкой кавалерии образца 1809 года и палаши у драгун.

Сабля кавалерийская образца 1827 года

Клинок стальной искривленный однолезвийный, с одним широким долом. Боевой конец двулезвийный.

Общая длина – 1020 мм.

Длина клинка – 880 мм.

Ширина клинка – 36 мм.

Заменила кавалерийскую саблю образца 1817 года у драгун (до 1841 года), гусар, улан, конно-егерей, конной артиллерии.

В 1881 году была заменена драгунской пашкой и оставлена лишь в двух гвардейских гусарских полках для ношения в мирное время при парадной форме. В 1896 году возвращена двум гвардейским уланским полкам также для ношения в мирное время при парадной форме.

Офицерская сабля отличалась орнаментом на клинке, а с 1909 года на верхней части латунной планки, покрывавшей спинку рукояти, изображался растительный орнамент и вензель Императора, в царствование которого владец сабли получил первый офицерский чин.

С 1909 года саблю образца 1827–1909 годов разрешалось носить вне службы и вне строя офицерам гвардейской конной и полевой артиллерии, армейских уланских, гусарских и драгунских (не переименованных из кирасирских) полков.

Общая длина – 990 мм.

Длина клинка – 860 мм.

Ширина клинка – 32 мм.

Сабля драгунская образца 1841 года

Клинок стальной искривленный однолезвийный, с одним широким долом. Боевой конец двулезвийный. Эфес состоял из рукояти и латунной гарды. Гарда образована передней дужкой, отходящей от верхней части рукояти и плавно переходящей в крестовину, конец которой слегка загнут вниз и закруглен.

Солдатская сабля имела размеры:

Общая длина – 1040 мм.

Длина клинка – 880 мм.

Ширина клинка – 35 мм.

Офицерская сабля:

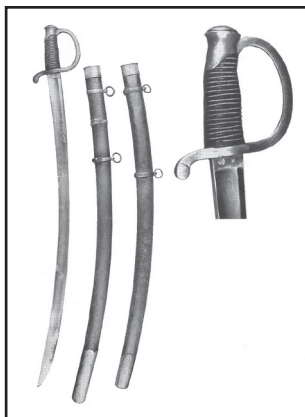
Общая длина – 940 мм.

Длина клинка – 810 мм.

Ширина клинка – 31 мм.

Офицерская сабля отличалась от солдат-

ской не только размерами, но могла иметь произвольный клинок и украшения. В 1841 году заменила в драгунских полках саблю образца 1827 года. В 1881 году заменена драгунской шашкой.

Шашки

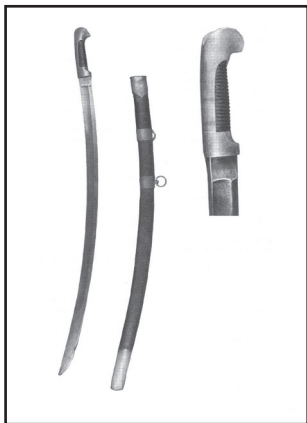
Первоначально на вооружении русской иррегулярной кавалерии состояла шашка кавказского типа, имевшая клинок небольшой кривизны с двулезвийным боевым концом и эфес, состоящий только из рукояти, без каких-либо защитных приспособлений. Это основное отличие шашки как вида холодного оружия. Кроме того, шашка носилась чаще на плечевой портупее и подвешивалась по-кавказски лезвием назад, а сабля носилась на поясной портупее.

Русские армейские образцы шашек отличались от шашки кавказского типа устройством эфеса и ножен. Клинки первых армейских шашек имели среднюю кривизну и по форме приближались к сабельным. Эфес вначале предполагался единого образца, с защитной передней дужкой, но затем было решено оставить для казачьих шашек традиционные эфесы, состоящие только из рукояти.

Шашка казачья образца 1838 года

Клинок стальной искривленный однолезвийный, с одним широким долом. Встречались также произвольные клинки.

Эфес состоял только из рукояти. Деревянная рукоять покрыта кожей, имела поперечные желобки. В офицерских шашках обматывалась витой серебряной проволокой. Головка рукояти раздвоенная. Внизу на расширенной части латунная втулка.

Шашка нижних чинов имела размеры:

Общая длина – 1030 мм.

Длина клинка – 875 мм.

Ширина клинка – 36 мм.

Офицерская шашка имела размеры:

Общая длина – 960 мм.

Длина клинка – 820 мм.

Ширина клинка – 35 мм.

В 1838 году шашка была присвоена всем казачьим частям, за исключением Кавказского и Сибирского казачьих войск. В 1881 году заменена казачьей шашкой образца 1881 года.

Шашка драгунская образца 1881 года

Клинок стальной, незначительной кривизны, однолезвийный, с одним широким долом. Боевой конец двулезвийный. Эфес состоял из рукояти с головкой и латунной гарды. Рукоять деревянная, с продольными наклонными желобками. Вверху на рукояти фигурная латунная втулка с овальной выпуклой головкой. Внизу на рукояти латунная втулка. Гарда образована передней дужкой, отходящей от верхней части рукояти и плавно переходящей в крестовину.

Конец крестовины имеет отверстие, слегка загнут вниз и закруглен.

Размеры:

Для солдатской шашки:

Общая длина – 1050 мм.

Длина клинка – 870 мм.

Ширина клинка – 33 мм.

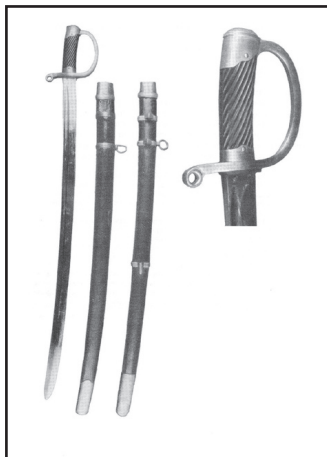
Для офицерской шашки:

Общая длина – 890 мм.

Длина клинка – 810 мм.

Ширина клинка – 23 мм.

Офицерская шашка отличалась травлением узора на клинке и позолотой эфеса, в образце 1881–1909 годов рукоять могла быть эбонитовой, верхняя втулка делалась фигурной и украшалась вензелем Императора.

Шашка казачья образца 1881 года

Клинок стальной, незначительной кривизны, однолезвийный с одним широким долом.

Эфес состоял только из рукояти. Рукоять деревянная, с продольными наклонными желобками. Голова рукояти латунная раздвоенная, с отверстием для темляка. Внизу на рукояти латунная втулка. Рукоять офицерской шашки отличалась головкой с двумя продольными ушками по бокам. В образце 1881–1910 годов рукоять могла быть эбонитовой, а головка украшалась орнаментом и вензелем Императора, в царствование которого был получен первый офицерский чин.

Размеры шашек

Для нижних чинов:

Общая длина клинка – 1020 мм.

Длина клинка – 870 мм.

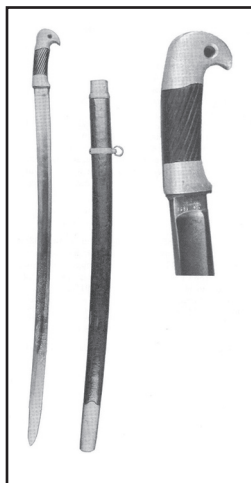
Ширина клинка – 33 мм.

Офицерские шашки:

Общая длина – 960 мм.

Длина клинка – 810 мм.

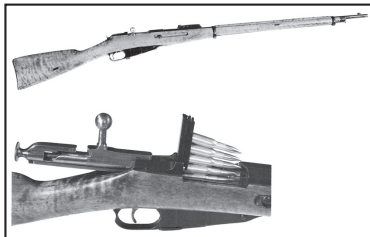
Ширина клинка – 33 мм.

Огнестрельное оружие, стоявшее на вооружении кавалерийских полков русской армии в конце XIX – начале XX веков

Карбин С.И. Мосина образца 1891–1910 годов

Штатный образец. Является модернизацией образца 1891 года, проведенной в связи с переходом на использование патрона с острой конической пулей. Изменения коснулись патронника и прицела: была изменена конфигурация пульного входа и увеличена прицельная дальность с 2700 до 3200 шагов. Начальная скорость пули возросла с 620 м/сек до 860 м/сек.

Калибр – 3 лин. (7,62 мм).

Длина без штыка – 1140 мм.

Вес без штыка – 3,5 кг.

Емкость магазина – 5 патронов.

Револьвер Смита и Вессона

Ударно-спусковой механизм двойного действия. Плавный спуск повышает точность стрельбы самовзводом. Гильзы извлекались при откидывании барабана вместе со стволом вниз (образец 1874) или при откидывании влево только барабана.

Калибр – 4,2 лин (10,66 мм)

Длина ствола – 166 мм.

Емкость барабана – 6 патронов.

Заменен на револьвер Наган образца 1895 года.

Револьвер Наган образца 1895 года

Калибр – 3 лин. (7,62 мм)

Прицельная дальность стрельбы до 100 м.

Емкость барабана – 7 патронов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

История русской армии и история Православия неразделимы	5
Воскресающая слава русских полков	6
Об авторе.....	8
Краткая биография Маннергейма	9
Пролог.....	10
ГЛАВА 1. Начало пути	19
ГЛАВА 2. Бессмертные гусары	51
ГЛАВА 3. Кавалергарды	74
ГЛАВА 4. На сопках Маньчжурии	159
ГЛАВА 5. В русской разведке	194
ГЛАВА 6. Уланы-владимирцы	241
ГЛАВА 7. Варшавские лейб-уланы	271
ГЛАВА 8. Варшавская гвардейская кавалерийская бригада	317
ГЛАВА 9. Великая война.....	343
ГЛАВА 10. «От такой дивизии не отказываются»	386
ГЛАВА 11. Двенадцатая дивизия в Великой войне.....	507
ГЛАВА 12. Русская трагедия	566
Эпилог	602
Библиография	608
Приложение 1	613
Приложение 2	620
Приложение 3	635
Приложение 4	652
Приложение 5	658

Алексей Геннадьевич Шкваров

Генерал-лейтенант Маннергейм.

Рожден для службы царской...

Летопись кавалерийских полков из послужного списка барона Маннергейма

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Оригинал-макет *Е. Г. Орловский*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел. / факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),

aletheia@peterstar.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Гилея», Тверской б-вар., д. 9. Тел. (495) 925-81-66

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин издательства «Совпадение».

Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 19.02.2011. Формат 60x88 1/6

Усл. печ. л. 42. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ №3684